

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Вятский государственный
гуманитарный университет»

**COLLISION COURSE:
THE POLICY OF THE USSR
AND THE USA IN THE BALKANS,
THE NEAR AND MIDDLE EAST
in 1939–1947**

Kirov

2014

**ВСТРЕЧНЫМИ КУРСАМИ:
ПОЛИТИКА СССР И США
НА БАЛКАНАХ, БЛИЖНЕМ
И СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ
в 1939–1947 гг.**

Киров

2014

УДК 94(470+73+5-011)"1939/1947"(047.31)

ББК 63.3(2+7Coe+5)622–6

В85

*Печатается по решению
редакционно-издательского совета
Вятского государственного гуманитарного университета*

Ответственный редактор – В. Т. Юнгблюд

Авторский коллектив: В. Т. Юнгблюд, Т. А. Воробьёва, А. В. Збоев, А. А. Калинин, А. А. Костин, И. В. Смольняк, А. В. Чучкалов

Рецензенты:

В. Н. Гарбузов, доктор исторических наук, профессор (Институт США и Канады РАН);

В. Л. Мальков, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник (Институт всеобщей истории РАН);

М. В. Новиков, доктор исторических наук, профессор (Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского)

В85 Встречными курсами: политика СССР и США на Балканах, Ближнем и Среднем Востоке в 1939–1947 гг. / отв. ред. В. Т. Юнгблюд. – Киров, 2014. – 510 с.

ISBN 978-5-498-00182-1

Монография является результатом сравнительного анализа политики Советского Союза и Соединённых Штатов в Болгарии, Югославии, Греции, Турции, Иране и странах Арабского Востока в годы Второй мировой войны и послевоенного урегулирования. В данном коллективном исследовании представлены региональные особенности трансформации советской и американской политики в 1939–1947 гг., выявлены факторы, повлиявшие на принятие и реализацию Москвой и Вашингтоном решений по проблемам Балкан, Ближнего и Среднего Востока; уточнены отдельные оценки внешнеполитической активности Москвы и Вашингтона на балканском, ближне- и средневосточном направлениях, сложившиеся в отечественной и англоязычной историографии.

Издание адресовано историкам, политологам, специалистам в области международных отношений и всем, кого интересует исторический опыт внешней политики России и США.

УДК 94(470+73+5-011)"1939/1947"(047.31)

ББК 63.3(2+7Coe+5)622–6

Монография подготовлена в рамках выполнения НИР по Государственному контракту № П656 от 10 августа 2009 г. Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг.

ISBN 978-5-498-00182-1

© Вятский государственный гуманитарный университет (ВятГГУ), 2014

© Юнгблюд В. Т., Воробьёва Т. А., Збоев А. В., Калинин А. А., Костин А. А., Смольняк И. В., Чучкалов А. В., 2014

О Г Л А В Л Е Н И Е

ВВЕДЕНИЕ	9
-----------------------	----------

ГЛАВА 1. ВОВЛЕЧЕНИЕ СССР И США В БАЛКАНСКИЕ, БЛИЖНЕ- И СРЕДНЕВОСТОЧНЫЕ ДЕЛА в 1939–1941 гг.	17
---	-----------

1.1. Расширение участия Москвы и Вашингтона в политических процессах на Балканах до нападения Германии на Советский Союз	18
1.1.1. Болгария во внешнеполитических расчетах СССР и США	19
1.1.2. Политика Советского Союза и Соединённых Штатов в отношении Югославии	27
1.1.3. Греция в дипломатии Москвы и Вашингтона	39
<i>Выводы по 1.1</i>	52

1.2. Страны Ближнего и Среднего Востока в политике СССР и США на начальном этапе Второй мировой войны	54
1.2.1. Политика Советского Союза и Соединённых Штатов в отношении Турции	55
1.2.2. Расширение американо-иранских контактов и укрепление советских позиций в Иране	73
1.2.3. Деятельность США и СССР в странах Арабского Востока	87
<i>Выводы по 1.2</i>	95
<i>Выводы по главе 1</i>	97

ГЛАВА 2. АКТИВИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ СССР И США НА БАЛКАНАХ, БЛИЖНЕМ И СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ в 1941–1944 гг.	120
---	------------

2.1. Балканский регион во внешнеполитических расчетах Москвы и Вашингтона	121
2.1.1. Проблемы выхода Болгарии из войны на стороне Германии	122
2.1.2. Военно-политические аспекты югославской политики Москвы и Вашингтона	138
2.1.3. Позиции Советского Союза и Соединённых Штатов по греческой проблеме	155
<i>Выводы по 2.1</i>	180

2.2. Эволюция политики СССР и США на Ближнем и Среднем Востоке в годы Великой Отечественной войны	182
2.2.1. Проблема вступления Турции в войну	183
2.2.2. Политико-экономические аспекты американо-советского взаимодействия в Иране	214
2.2.3. Политика Вашингтона и Москвы на Арабском Востоке. Палестинский вопрос	234
<i>Выводы по 2.2</i>	261
<i>Выводы по главе 2</i>	263
 ГЛАВА 3. СОПЕРНИЧЕСТВО СССР И США НА БАЛКАНАХ, БЛИЖНЕМ И СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ в 1944–1947 гг.	300
 3.1. Советская и американская политика на Балканах на завершающем этапе войны и в период мирного урегулирования	301
3.1.1. Послевоенное урегулирование в Болгарии	302
3.1.2. Советско-югославское сотрудничество и позиция американской дипломатии	320
3.1.3. Греческий вопрос в политике Москвы и Вашингтона	337
<i>Выводы по 3.1</i>	359
 3.2. Складывание конфронтационных отношений Советского Союза и Соединённых Штатов на Ближнем и Среднем Востоке	362
3.2.1. Позиции США и СССР в отношении Турции	362
3.2.2. Иранская политика Москвы и Вашингтона	383
3.2.3. Взаимоотношения США и СССР по поводу арабского региона в 1944–1947 гг.	399
<i>Выводы по 3.2</i>	419
<i>Выводы по главе 3</i>	421
 ЗАКЛЮЧЕНИЕ	453
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА	462
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	496
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	499

CONTENTS

FOREWORD	9
CHAPTER 1. ENGAGEMENT OF THE USSR AND THE USA IN THE BALKAN, THE NEAR AND MIDDLE EAST AFFAIRS IN 1939–1941	17
1.1. Increased participation of Moscow and Washington in the development of the situation in the Balkans before the German attack on the Soviet Union	18
1.1.1. Bulgaria in the foreign policy intentions of the USSR and the USA	19
1.1.2. The policy of the Soviet Union and the United States toward Yugoslavia	27
1.1.3. Greece in Moscow-Washington diplomatic relations	39
<i>Conclusions on 1.1</i>	52
1.2. The countries of the Near and Middle East in the policy of the USSR and the USA at the initial stage of World War II	54
1.2.1. The policy of the Soviet Union and the United States toward Turkey	55
1.2.2. Extension of US-Iranian contacts and strengthening of the Soviet positions in Iran	73
1.2.3. Activity of the USA and the USSR in the Arab East countries	87
<i>Conclusions on 1.2</i>	95
<i>Conclusions on Chapter 1</i>	97
CHAPTER 2. STIRRING UP IN THE POLICY OF THE USSR AND THE USA IN THE BALKANS, THE NEAR AND MIDDLE EAST IN 1941–1944	120
2.1. The Balkan region in the foreign policy intentions of Moscow and Washington	121
2.1.1. The issue of Bulgaria's disengagement in the war as Germany's ally	122
2.1.2. Military-political aspects of Moscow's and Washington's policy on Yugoslavia	138
2.1.3. The positions of the Soviet Union and the United States on Greek problem	155
<i>Conclusions on 2.1</i>	180

2.2. The evolution of the policy of the USSR and the USA in the Middle East	182
2.2.1. The problem of Turkey's entry into war.....	183
2.2.2. Politico-economic aspects of the Soviet-American interaction in Iran.....	214
2.2.3. The policy of Washington and Moscow in the Arab East. The Palestine issue	234
<i>Conclusions on 2.2</i>	261
<i>Conclusions on Chapter 2</i>	263
 CHAPTER 3. RIVALRY BETWEEN THE USSR AND THE USA IN THE BALKANS, THE NEAR AND MIDDLE EAST IN 1944–1947	 300
 3.1. Soviet and American policy in the Balkans at the final stage of the war and during peace settlement	 301
3.1.1. Post-war settlement in Bulgaria.....	302
3.1.2. Soviet-Yugoslav cooperation and the attitude of U.S. diplomacy.....	320
3.1.3. Greek issue in the policy of Moscow and Washington.....	337
<i>Conclusions on 3.1</i>	359
 3.2. Emergence of Soviet-American confrontation in the Near and Middle East	 362
3.2.1. Positions of the USA and the USSR towards Turkey.....	362
3.2.2. Moscow's and Washington's policy on Iran	383
3.2.3. Change of dynamics in the USA – the USSR relations in respect of the Arab region	399
<i>Conclusions on 3.2</i>	419
<i>Conclusions on Chapter 3</i>	421
 CONCLUSION	 453
BIBLIOGRAPHY	462
ACRONYMS AND ABBREVIATIONS	496
INDEX	499

ВВЕДЕНИЕ

Современный мир переживает сложный этап трансформации международной системы. Каким будет новый мировой порядок, покажет будущее. Однако уже сейчас очевидно, что при формировании принципов его организации важнейшим фактором будет исторический опыт государств и народов, в рамках которого утвердились их представления о справедливом и безопасном мироустройстве, выкристаллизовались модели взаимовосприятия, сложились критерии идентификации угроз и методы противодействия им. Вторая мировая война и первые годы после её завершения являются важнейшей частью этого опыта. Рассуждая о современных интерпретациях причин происхождения холодной войны, которые стали возможными из-за появившегося доступа к российским архивам, историк О. А. Вестаф отметил: «Хотя мифы о Красном Октябре, Великой Отечественной войне и героическом периоде строительства социализма имели разное значение для разных поколений советских граждан, эта мифология и сейчас производит образы и символы, которые раскрывают для понимания мир, в котором жили все три поколения советских людей»¹. Это утверждение может быть с равным успехом использовано для характеристики исторической памяти и россиян, и других народов. Имперская традиция Великобритании или утверждения об американской исключительности не менее мифологичны по своей сути и до настоящего времени являются благодатным строительным материалом для создания всевозможных внешнеполитических доктрин и международных программ, рас-

считанных не только на достижение вполне материальных целей, но и на создание благоприятного международного имиджа и массовую поддержку среди населения собственных стран. В этом следует видеть одну из причин непреходящей актуальности истории внешней политики СССР и США в переломные для всего мира годы. В нашем случае речь идет о параллельном, синхронном изучении их политических курсов в условиях войны и становления послевоенного мира в отношении государств Балканского полуострова, Ближнего и Среднего Востока.

Автор историко-политического трактата «Демократия в Америке» Алексис де Токвиль в 1835 г. написал поистине пророческие слова: «В настоящее время в мире существуют два великих народа, которые, несмотря на все свои различия, движутся, как представляется, к единой цели. Это русские и англо-американцы.

Оба этих народа появились на сцене неожиданно. Долгое время их никто не замечал, а затем они сразу вышли на первое место среди народов, и мир почти одновременно узнал и об их существовании, и об их силе». Отметив некоторые, наиболее принципиальные отличия Америки и России, Токвиль подвел итог: «У них разные истоки и разные пути, но очень возможно, что Провидение втайне уготовило каждой из них стать хозяйкой половины мира»². История XX в. подтвердила этот прогноз. Практически сразу же после завершения Второй мировой войны самыми влиятельными центрами мировой политики стали СССР и США.

До начала Второй мировой войны ни Советский Союз, ни Соединенные Штаты Америки не входили в число лидеров мировой политики. Советское государство было изгоем во враждебном ему капиталистическом мире. Американцы, следуя изоляционистской практике, избегали вовлечения в европейские проблемы. С 1939 по 1947 г. положение обоих государств изменилось коренным образом. Причины перемен заключались не только в победе антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне, но и в легитимации влияния двух держав в ходе послевоенного урегулирования, зафиксировавшем также переход Великобритании в разряд младшего партнера США.

В историографии Второй мировой войны и истории международных отношений середины – второй половины XX в. обычно 1941–1945 гг. отделяются от послевоенного времени. Дипломатия антигитлеровской коалиции, описанная в сотнях книг, предстает как относительно обо-

собленный этап мировой истории, освещённый бликами Великой Победы и отмеченный уникальными достижениями сотрудничества и взаимопонимания во имя общей Цели. Первые послевоенные годы, рассматриваемые как некий особый период в истории международных отношений, нередко при таком подходе наделяются безусловными негативными характеристиками, поскольку в них предлагается искать истоки холодной войны, с ними связывается разрушение наследия Великой Коалиции и упущенные шансы на создание неконфронтационного мироустройства. Однако многочисленные исследования, появившиеся по этой проблематике в последние десятилетия, говорят о том, что история не любит упрощенных выводов и однозначных оценок.

Антигитлеровская коалиция с момента её образования и вплоть до завершения войны не была монолитным союзом. Американский историк Джонатан Хэзлам резонно напоминает, что СССР вступил в войну только после нападения Германии 22 июня 1941 г., а Соединенные Штаты сделали это после японского налета на Пёрл-Харбор. Он же приводит слова из инструкции Сталина, адресованные новому руководителю советской разведки в Вашингтоне в декабре того же года: «Смотрите за тем, чтобы Черчилль и американцы не заключили сепаратный мир с Гитлером и чтобы они не объединились против Советского Союза»³. С большей или меньшей очевидностью недоверие и подозрительность присутствовали в отношениях союзников на протяжении всей войны. Они были органично вплетены в фактуру коалиционных планов, договоренностей и компромиссов и были такой же неотъемлемой частью Великого союза, как согласие, взаимное уважение, а порой и восхищение, в конечном итоге обеспечившие итоговый результат. Очевидно, эту реальность следует признать естественным состоянием союза. Наличие внутреннего конфликта в коалиции было одним из мироустроительных стимулов, который вел союзников не только по пути укрепления боевого содружества, но и в направлении создания условий для достижения своих послевоенных целей. И если в военном смысле их цели были общими и заключались в разгроме противников, то в отношении послевоенного мира области несовпадающих интересов изначально были исключительно обширными.

Указанное обстоятельство в полной мере проявилось во время конференций и переговоров, очертивших контуры решений главных политических проблем, лежавших на стыке интересов великих держав

на завершающей стадии войны и в первые годы после её окончания. Размышляя о характере ялтинской системы и природе холодной войны, российский историк М. Гефтер справедливо заметил: «Основополагающее значение имело то, что сторон было две». По сути дела, все главные решения и договоренности, которые достигались между ними, учитывали не только военные потенциалы и наличные ресурсы политического влияния, но и реальные интересы друг друга. Это происходило даже в тех случаях, когда конфликтность в их отношениях казалась чрезмерной: «СССР и США на самом деле не были только противостоящими, хотя именно так костюмировались»⁴.

Принято считать, что к моменту завершения войны и у руководства СССР и у американского правительства были свои программы послевоенного урегулирования. С точки зрения проработки самых общих принципов и приоритетных задач, от решения которых зависело международное будущее этих держав в ближайшие десятилетия, так оно и было. Но это не означает, что у каждой из сторон имелись готовые сценарии поведения в отдельных регионах, где им приходилось бороться за влияние. Разнообразие условий в различных точках соприкосновения их интересов было настолько существенным, что каждый раз им приходилось действовать «по ситуации», разрабатывая самостоятельные сценарии поведения применительно к каждой конкретной стране, принимая во внимание особые обстоятельства, интересы третьих держав, степень влияния местных элит и прочие факторы, как правило не учитывавшиеся при глобальном планировании. По этой причине эволюция политических курсов США и СССР в 1939–1947 гг. на Балканах, Ближнем и Среднем Востоке представляет особый интерес для исследования. Это пограничные регионы, связывающие Европу, Азию и, отчасти, Африку, непосредственно примыкающие к Черному и Средиземному морям, обладание которыми позволяет контролировать выходы к Индийскому океану, Каспийскому морю и Персидскому заливу. Это узел, в котором всегда переплетались интересы различных держав и соперничали разные геополитические силы. Контроль над ними и сейчас является исключительно важным. Новейшая история дает множество подтверждающих примеров. В этих регионах сталкивались интересы множества наций, начинались самые масштабные войны, столкновения западной и восточной цивилизаций, христианских и мусульманских народов, России, Великобритании, Франции, Османской империи и

Австро-Венгерской монархии, стран оси и антигитлеровской коалиции и, наконец, Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании.

Если Российская империя традиционно принимала участие в делах этих регионов, то советское руководство подобного опыта не имело. Для Соединенных Штатов проявление заинтересованности к развитию событий в Юго-Восточной Европе и Передней Азии, тем более идентификация расположенных здесь государств как «имеющих жизненно важное значение» для обеспечения безопасности США в послевоенном мире, вообще означало коренное изменение фундаментальных основ внешней политики. В годы войны обе державы уделяли огромное внимание развитию военных операций, политических процессов и выполнению логистических программ на этих территориях, а после наступления мира сделали все возможное для того, чтобы закрепить здесь свое влияние. Конфликт интересов в стане недавних союзников после завершения Второй мировой войны иллюстрирует известная «записка Н. В. Новикова» от 27 сентября 1946 г., направленная министру иностранных дел СССР В. М. Молотову. В меморандуме, подготовленном советским послом в США для советской делегации на Нью-Йоркской сессии Совета министров иностранных дел (СМИД), отмечается: «...уступки со стороны Англии Соединенным Штатам в Средиземноморском бассейне были бы чреваты серьезными последствиями для всего будущего Британской империи, для которой он имеет исключительное стратегическое и экономическое значение. ...Соединенные Штаты заинтересованы не в том, чтобы оказывать помощь и поддержку Британской империи в этом уязвимом для неё пункте, а в том, чтобы самим основательнее проникнуть в средиземноморский бассейн, привлекающий их своими природными ресурсами, в первую очередь нефтью. ...Укрепление позиций США на Ближнем Востоке и создание условий для базирования американского Военно-морского флота в одном или нескольких пунктах Средиземного моря (Триест, Палестина, Греция, Турция) будет означать поэтому возникновение новой угрозы для безопасности южных районов Советского Союза»⁵.

Оба главных конфликтных вектора в записке посла были названы абсолютно точно – утрата Великобританией роли лидирующей стороны в англосаксонском военном тандеме (британский историк Н. Фергюсон имел основания назвать этот союз «удушающим» для Великобритании,

заключенным в «минуту нужды»)⁶; а также приведение государственных интересов СССР и США (в том виде, какими их в тот момент осознавали руководители обеих сторон) в состояние непосредственного контакта. «Оголенность» конфликта предполагала приоритет двустороннего урегулирования над всеми прочими вариантами (как многосторонними, так и универсалистскими, через структуры ООН). Отсюда и возобладавшая в конечном итоге двухполюсная конструкция послевоенной международной системы. Однако та же самая оголенность конфликта интересов вела к тому, что в формировании противостояния систем в тот момент присутствовало также договорное, согласительное начало. Американский социолог И. Валлерстайн следующим образом раскрыл суть систематизации мира, состоявшейся в 40-х гг. прошлого века: «Когда мы обсуждаем отношения между Соединенными Штатами и Советским Союзом в послевоенный период, мы обычно используем два кодовых слова: Ялта и сдерживание. Их значение кажется достаточно разным. От Ялты пахнет циничной сделкой, если не «распродажей» со стороны Запада. Сдерживание же, напротив, символизирует решимость США остановить советскую экспансию. На самом же деле Ялта и сдерживание не были двумя отдельными друг от друга или тем более противоположными подходами. Это было одно и то же. Сделкой было именно сдерживание. Как большинство сделок, оно было предложено более сильным (США) более слабому (СССР) и принято обеими сторонами, так как служило их общим интересам»⁷. Согласно Валлерстайну, это был своего рода двусторонний договор о согласии на холодную войну, подкрепленный тремя «дополнительными протоколами»: о мировой экономике, об идеологическом контроле над левыми, «внесистемными» силами и о разделе влияния в «третьем мире».

И хотя такой подход без уточнений и конкретизаций может казаться слишком схематичным, логику развития истории тех лет он передает вполне адекватно. Между Ялтой и сдерживанием не было видимого барьера. Движение СССР и США к сверхдержавности в ходе победоносной войны с общими врагами развивалось по самостоятельным траекториям и было подчинено как достижению общих военных целей, так и претворению в жизнь национальных программ. Полем их взаимодействия был весь мир. Как отметил В. Л. Мальков, «сегодня уже нельзя изображать международную политику новейшего времени и как часть её отношения между Россией и США вне цивилизационного

контекста в масштабе всемирности с присущими ей переходами и поворотами, сменой поколений, их неоднозначного вклада в реальную «связанность или разъединенность» двух народов»⁸. Признание этого обстоятельства стало ключевым фактором при определении главной задачи настоящего исследования, которая заключается в параллельном изучении политики союзных держав – СССР и США – в отношении государств Балканского полуострова, Ближнего и Среднего Востока в 1939–1947 гг., развивавшейся на фоне становления стран этих регионов более активными субъектами международных отношений.

Авторы исходили из того, что для реконструирования процессов международной жизни, имевших место на исходе первой половины XX в., предпочтительно использовать синхронно-сопоставительный способ изучения внешнеполитических курсов СССР и США не только в рамках анализа собственно двусторонних отношений, но и для сравнения их действий в отношении других государств и регионов, с учетом «оглядки» лидеров обеих держав друг на друга, а также разнообразия национальных, природно-географических, религиозных, цивилизационных, экономических и прочих условий. Помимо углубления сугубо фактической стороны истории, исследовательский подход, основанный на регулярном изменении национально-государственных фокусировок, позволяет приблизиться к пониманию причин, из-за которых американо-советские компромиссы по поводу различных стран и регионов зачастую имели разную природу, случались в разное время, а сами процедуры урегулирования отношений между ними происходили с неодинаковой интенсивностью.

Десятки российских и зарубежных исследователей за последнюю четверть века внесли существенный вклад в выявление новых архивных источников, переосмысление устоявшихся историографических штампов и разработку новых методологических подходов. Одно лишь перечисление имен может занять не одну страницу. Труды отечественных историков Н. Е. Быстровой, Л. Я. Гибианского, Н. И. Егоровой, Э. А. Иваняна, Р. Ф. Иванова, М. Ю. Мягкова, В. Л. Малькова, М. М. Наринского, В. О. Печатнова, О. А. Ржешевского, Г. Н. Севостьянова, А. С. Стыкалина, А. И. Уткина, А. А. Фурсенко, А. М. Филитова, А. О. Чубарьяна занимают самое заметное место в этом ряду и наравне с работами зарубежных авторов О. А. Вэстада, Л. Гарднера, Дж. Л. Гэддиса, У. Кимболла, М. Леффлера, Г. Лундестада, В. Маст-

ны, У. Д. Мискамбла, А. Оффнера, Д. Рейнолдса, Дж. Хэзлама и ряда других определяют современный уровень знаний об интересующих нас проблемах. Авторы настоящего труда старались максимально учесть их достижения и, пополнив документальную базу собственными архивными находками, представить труд о политике Соединенных Штатов Америки и Советского Союза в отношении государств Балканского полуострова, Ближнего и Среднего Востока в 1939–1947 гг., когда, во многом благодаря объединению усилий этих держав, была одержана победа во Второй мировой войне, а затем их же стараниями была создана новая система международных отношений, состояние которой в течение четырех десятилетий определялось понятием «холодная война».

¹ Westad O. A. *Secrets of the Second World: The Russian Archives and the Reinterpretation of Cold War History* // *Diplomatic History*, Vol. 21, № 2 (Spring 1997). P. 265.

² Токвиль А. де. *Демократия в Америке*. М., 1992. С. 296.

³ Haslam J. *Russia's Cold War. From the October Revolution to the Fall of the Wall*. Yale Univ. Press. 2011. P. 9.

⁴ Павловский Г. О. 1993: элементы советского опыта. Разговоры с Михаилом Гефтером. М., 2014. С. 34.

⁵ Советско-американские отношения. 1945–1948 / под ред. Г. Н. Севостьянова. М., 2004. С. 316–317.

⁶ Фергюсон Н. *Империя. Чем современный мир обязан Британии*. М., 2013. С. 462.

⁷ Валлерстайн И. *Анализ мировых систем и ситуация в современном мире*. СПб., 2001. С. 272.

⁸ Мальков В. Л. *Россия и США в XX веке*. М., 2009. С. 9.

ГЛАВА 1. ВОВЛЕЧЕНИЕ СССР И США В БАЛКАНСКИЕ, БЛИЖНЕ- И СРЕДНЕВОСТОЧНЫЕ ДЕЛА в 1939–1941 гг.

Завершение Второй мировой войны ознаменовалось становлением нового мирового порядка, характеризовавшегося противостоянием двух сверхдержав. На момент начала войны ни СССР, ни США не являлись лидирующими участниками международной политики. Советский Союз находился во «враждебном капиталистическом окружении» и зачастую игнорировался клубом великих держав, как это было, например, при заключении Мюнхенского соглашения. Соединённые Штаты имели давние традиции изоляционизма и чаще всего предпочитали следовать курсом отстранённости от конфликтных ситуаций и равноудалённости от враждующих сторон, до последнего стремясь сохранить за собой право на «свободу рук» во внешней политике.

Продвижение СССР и США к статусу главных действующих лиц на мировой арене пришлось на сложные военные годы, что обуславливает важность изучения процесса определения обеими государствами своего места в послевоенном мире. Начало беспрецедентной активизации советской и американской внешней политики было положено Второй мировой войной. Оба государства стали участниками глобального кризиса, представлявшего собой сложное сплетение геостратегических, идеологических, финансово-экономических и других конфликтов и противоречий. В этот период и советская и, особенно, американская поли-

тика претерпели существенную эволюцию. В борьбе с нацистской Германией Советский Союз стал союзником своего давнего геополитического и идеологического соперника Великобритании, а Соединённые Штаты были вынуждены порвать с изоляционистскими традициями.

Нагнетание внешнеполитической активности Москвы и Вашингтона было отмечено ещё до их официального вступления во Вторую мировую войну и проявилось во многих регионах мира, в том числе и на Балканах, Ближнем и Среднем Востоке.

1.1. Расширение участия Москвы и Вашингтона в политических процессах на Балканах до нападения Германии на Советский Союз

После начала Второй мировой войны и оккупации Польши Гитлер активизировал балканский вектор своей внешней политики. Международное положение Балкан в предвоенный период было достаточно сложным в связи с углублявшимися противоречиями, отчасти вызванными неоднозначными итогами Первой мировой войны. Важным фактором в жизни народов Балканского полуострова было наличие неразрешённых территориальных, политических и национальных проблем. Ведущие мировые державы стремились принять деятельное участие в политических процессах на Балканах. Традиционно наиболее активная роль в этом регионе принадлежала Великобритании и Франции, однако после смены политического режима в 1933 г. Германия также заявила о намерении укрепить своё влияние в этом регионе.

К октябрю 1939 г. под властью нацистов оказались Австрия, Чехословакия и большая часть польского государства. Венгрия, Румыния, Болгария и отчасти Югославия были связаны с Германией рядом экономических соглашений. После подписания Тройственного пакта и присоединения к нему в ноябре 1940 г. Венгрии и Румынии, Гитлер не скрывал, что в его планы входит подчинить Болгарию, Югославию и Грецию. После этого вся Европа оказалась бы под властью Германии и дружественных ей стран.

Нацистские устремления в Румынии и Болгарии заставили СССР активизировать свою политику. Позиции Советской России на Балканах,

в отличие от Российской империи, были слабы. Лишь со второй половины 30-х гг. Кремль начал предпринимать шаги к восстановлению здесь своего влияния. Отношение США к региону в целом и отдельным странам варьировалось в зависимости от конкретной политической обстановки и наличия в тот или иной момент возможностей для реализации здесь своих экономических интересов. В силу географической удалённости Балканы не занимали какого-либо серьёзного места в американской внешней политике.

С началом нацистской агрессии против Польши и Москва, и Вашингтон оказались в ситуации, требовавшей противодействия экспансионистским устремлениям Берлина. Советский Союз нуждался в обеспечении безопасности своих южных – нефтеносных, индустриальных и продовольственных районов. Особую важность с точки зрения контроля за расстановкой сил в войне и соотношением военно-политических потенциалов приобрело сдерживание нацистской Германии на Балканах и недопущение её проникновения на Ближний и Средний Восток. Глава демократической администрации Соединённых Штатов президент Ф. Рузвельт понимал масштабы нацистской угрозы и необходимость поиска союзников для противодействия ей. Чтобы разрешить эту задачу, ему предстояло занять более активную позицию в ставшей фактом мировой войне.

1.1.1. Болгария во внешнеполитических расчетах СССР и США

Расположение Болгарии в центре Балканского полуострова на пересечении стратегических путей делало эту страну чрезвычайно важной для великих держав, издавна соперничавших за контроль над ней. Накануне Второй мировой войны геополитическая значимость балканских стран резко возросла, и, по выражению публициста А. Азарова, «маленькая Болгария, ещё недавно считавшаяся задворками Европы, всё более превращалась в средоточие сложных, противоречивых интересов»¹.

Для СССР Болгария, дипломатические отношения с которой были установлены в 1934 г., была потенциальным форпостом, закрепившись на котором он мог защищать свои интересы на Балканах. Для этого существовали позитивные предпосылки. Широкое распространение русофильских настроений среди болгар, память об историческом сотрудничестве «братских» славянских народов (прежде всего, об освобожде-

нии Болгарии из-под османского владычества в XIX в.) позволяли советским лидерам надеяться на упрочение своего влияния². Оживление деятельности западных держав на Балканах побуждало Москву усилить свою политику на болгарском направлении.

В 1930-е гг. получили определённое развитие торговые и культурные связи между Болгарией и «далёкими и беспристрастными» США³. Однако по степени интенсивности отношений с Болгарией и Москва, и Вашингтон значительно уступали Берлину⁴.

Внешняя политика Третьего Болгарского царства⁵ и царя Бориса III⁶ в обострившейся международной обстановке была крайне осторожной. Участие в Первой мировой войне дорого обошлось Болгарии, а её военные силы были невелики⁷. В секретной директиве премьера Г. Кыосеиванова⁸ от 19 апреля 1939 г., разосланной по всем болгарским дипломатическим представительствам за границей, говорилось, что Болгария будет придерживаться, пока это будет оставаться возможным, самостоятельной и выжидательной политики⁹.

После начала войны в Европе Болгария, как и многие другие страны, провозгласила полный нейтралитет (15 сентября 1939 г.), хотя такое заявление не могло гарантировать отстранения от событий. Три конкурировавшие между собой силы – СССР, т. н. «западные демократии» (Великобритания и Франция при поддержке США) и государства складывающегося фашистского блока (Германия и Италия) – соперничали за влияние в Болгарии, стремясь если не сделать из неё союзника, то хотя бы заручиться её неучастием во враждебных блоках.

В Лондоне и Вашингтоне видели возможность сохранения статус-кво на Балканах в создании «нейтрального» блока государств, к которому должна была примкнуть и Болгария¹⁰. Реализации этого плана, однако, препятствовало существование национально-территориальных разногласий между Болгарией и её соседями, в связи с чем фиксация существующей конфигурации границ была для неё невыгодной.

Президент США Рузвельт выражал обеспокоенность по поводу распространявшегося на всё новые территории конфликта, но не мог принимать более активного участия в его урегулировании¹¹. Деятельность американских дипломатов в Болгарии в 1939–1940 гг. ограничивалась в основном наблюдением за настроениями правящей верхушки. Американцы выражали надежду на то, что болгары не выберут в новом противостоянии «сторону ранних побед и конечного поражения», как

это было в Первой мировой войне, но отмечали для себя, что в правительственных заявлениях о нейтралитете звучало всё меньше уверенности¹². На вопрос посла Дж. Эрла¹³ о том, что сможет предпринять Болгария в чрезвычайной ситуации и пропустит ли она немецкие войска через свою территорию в сторону Турции, премьер Б. Филев¹⁴ сказал, что на эти вопросы он не смел ответить и самому себе¹⁵.

Советская дипломатия в Болгарии накануне и в начале Второй мировой войны действовала гораздо более решительно по сравнению с американской. Л. Я. Гибианский отмечает, что Балканы «оставались почти единственной сферой советской внешнеполитической активности в Европе, тогда как остальные либо были утрачены, либо закрыты, либо представлялись таковыми руководству СССР»¹⁶.

С начала 1939 г. советское руководство рассматривало варианты противодействия вовлечению Болгарии в орбиту западных держав. В конце апреля в Софию был направлен В. П. Потёмкин¹⁷, имея указание В. М. Молотова добиваться включения Болгарии в «общий фронт миролюбивых стран против германской агрессии» (в этом контексте не исключалось присоединение к Балканской Антанте)¹⁸. Премьер Г. Кыосеиванов заявил советскому дипломату, что он также обеспокоен растущим немецким влиянием, но считает маловероятным союз с Балканской Антантой в связи со спором по поводу принадлежности Южной Добруджи¹⁹.

Начавшаяся Вторая мировая война всколыхнула болгарское общество. 20 сентября болгарский посол в Москве Н. Антонов сообщил Молотову о том, что в Софии опасаются агрессии соседних стран, подстрекаемых Великобританией, которая стремится создать ещё один военный очаг и отвлечь германские войска на образовавшийся таким образом Балканский фронт. Советский нарком заверил, что Болгария в таком случае может рассчитывать на защиту СССР, если заключит с ним пакт о взаимопомощи²⁰. Однако в Софии это предложение энтузиазма не вызвало. Кыосеиванов отстаивал принципы строгого нейтралитета и решительно возражал против пакта, предлагая развивать сотрудничество с СССР в невоенных сферах и сперва заключить ряд договорённостей, которые бы создали предпосылки для оформления военно-политического акта²¹.

В конце 1939 – начале 1940 г. между двумя странами было заключено несколько соглашений, обеспечивавших благоприятные усло-

вия для развития торговли, транзита и сообщения, расширялось культурное сотрудничество²². Американцы отметили, что достигнутые в ходе переговоров соглашения стали выразительной демонстрацией дружественных намерений Кремля в отношении Софии²³. Но для Москвы этого было недостаточно, и по линии Коминтерна при помощи болгарских коммунистов была развёрнута гражданская кампания в пользу заключения союза с СССР²⁴. Болгарским правительством эта политическая акция воспринималась как доказательство широкого распространения просоветских симпатий в обществе и угрожающе сильного влияния Москвы и Коминтерна.

Во второй половине 1940 г. военно-политическая обстановка в Европе развивалась неблагоприятно как для Москвы, так и для Вашингтона. Вермахт успешно вёл боевые действия в Западной Европе, в июне 1940 г. капитулировала Франция, итальянская агрессия на Балканах перекинулась с Албании на Грецию; в сентябре между Германией, Италией и Японией был заключён Тройственный пакт, к которому вскоре примкнули ещё несколько стран²⁵. В этих условиях борьба за влияние в Болгарии вступала в новую фазу.

Софии представилась возможность воспользоваться сложившейся международной обстановкой и принять участие в перекройке европейских границ, а территориальные претензии она имела к каждому из своих соседей. Для великих держав участие в решении территориального вопроса было эффективным способом заручиться расположением болгарского правительства. Наиболее актуальным был спор с Румынией по поводу Южной Добруджи. Справедливость болгарских притязаний на эту территорию признавалась и США, и СССР, и Германией²⁶, но именно давление Берлина и Рима на румынское правительство сыграло решающую роль в их удовлетворении по Крайовскому соглашению в сентябре 1940 г.²⁷ Попытки СССР, Великобритании и США подчеркнуть своё участие в урегулировании спора и выразить позитивное отношение к его итогам не производили особого впечатления на Софию²⁸. Добруджанский вопрос имел определяющее значение при укреплении прогерманского курса Болгарии: получив из рук Гитлера столь ценный подарок, ей всё сложнее было придерживаться политики полного нейтралитета²⁹.

Москва и Вашингтон, так и не сумев ничего выдвинуть в противовес германо-болгарскому сближению, должны были активизировать свою балканскую политику и предпринять более решительные действия. В но-

ябре 1940 г. с целью включения Болгарии в свою сферу влияния Москва обратилась за поддержкой непосредственно к германскому руководству. Решению этой задачи придавалось первостепенное значение во время берлинских переговоров Молотова 12–14 ноября³⁰. Но Гитлер и Риббентроп упорно уходили от ответа, ссылаясь на необходимость выяснения позиции Италии по этому поводу, и взамен предлагали СССР согласовать свои намерения с Германией, Италией и Японией и договориться об «уважении сфер взаимных интересов» в рамках пакта четырёх держав³¹. Рассмотрев это предложение, 25 ноября советская сторона сформулировала условия присоединения к пакту, среди которых значилось заключение договора о взаимопомощи между СССР и Болгарией и размещение советских военных баз в зоне черноморских проливов, однако Берлин не ответил на эти предложения³².

Одновременно 25 ноября, в ходе миссии А. А. Соболева³³ Москва в очередной раз сделала предложение болгарскому правительству подписать договор о взаимной защите, предлагая поддержку в удовлетворении территориальных претензий Болгарии (в том числе на выход к Эгейскому морю – за счёт греческих и турецких земель)³⁴. Советские предложения вновь были отклонены, поскольку Борис III счёл их несовместимыми с курсом нейтралитета, а также полагал, что их осуществление создаст угрозу для суверенитета и государственного строя Болгарии (во многом распространению таких настроений способствовали немцы)³⁵. Болгарскими коммунистами по указанию Г. М. Димитрова, руководителя Заграничного бюро ЦК БРП, было организовано распространение листовок, сбор подписей в пользу пакта с СССР (в историографии эта кампания получила название «Соболевской акции»). Широкий размах и явный коммунистический характер акции дискредитировали советское руководство как организатора вмешательства во внутренние дела Болгарии. Сталин приказал немедленно свернуть кампанию, но она уже успела нанести большой урон советской дипломатии, что значительно осложнило её деятельность в последующие месяцы.

Политика западных демократий на Балканах также терпела поражения. Румыния стала сателлитом Германии, а проблема Южной Добруджи, бывшая камнем преткновения на пути создания балканского нейтрального блока, была решена благодаря вмешательству Берлина, что способствовало усилению немецкого влияния в Болгарии. Неуклонно росла доля итало-германского капитала в регионе. Впоследствии

заместитель государственного секретаря США С. Уэллес констатировал, что политика, направленная на снижение экономической зависимости балканских стран от Германии, не увенчалась успехом³⁶.

Единственной заметной акцией Вашингтона в отношении Болгарии в 1939–1941 гг. стал визит в Софию личного эмиссара президента Рузвельта – полковника У. Донована 20–22 января 1941 г. Его целью было изучение обстановки на Балканах и усиленное противодействие усилению позиций оси в этом регионе (в частности, предотвращение подписания Тройственного пакта Болгарией и превращения её в плацдарм для удара вермахта по Греции)³⁷. По оптимистичным оценкам посла Эрла, полковник прибыл в болгарскую столицу в самый ответственный момент, а его слова о неизбежной победе США и Великобритании над нацистами произвели «потрясающий эффект» на царя и министров. В то же время сам Донован по итогам переговоров с Борисом III и рядом болгарских министров пришёл к выводу, что болгарское правительство готово к немецкой оккупации и не будет ей сопротивляться³⁸. Действительно, к этому времени уже ничто не могло серьёзно помешать сближению Болгарии с Германией: 20 января Совет министров утвердил решение о присоединении к Тройственному пакту³⁹.

Итоги миссии Донована в Болгарию были ограниченными. В то же время полученный опыт побудил Вашингтон уделить внимание развитию разведывательных служб. В марте – июне 1941 г. в США были организованы Служба военных атташе и Комитет по координации информации, на который возлагались задачи сбора и анализа стратегически важной информации⁴⁰. Этим создавались предпосылки для развёртывания более активной деятельности американской разведки на Балканах, что впоследствии сыграло важную роль, когда война охватила весь регион.

Москва с недоверием следила за деятельностью западных дипломатов и рассматривала её как подстрекательскую и направленную против советских интересов⁴¹. В донесениях начальника ГРУ генерала Ф. И. Голикова утверждалось: «Как известно, американцы и англичане провоцируют столкновение на Балканах»⁴².

Правительству Филова всё сложнее было поддерживать видимость полного нейтралитета. Последним актом болгарского правительства в рамках этой политики стало подписание 17 февраля 1941 г. турецко-болгарской декларации о ненападении, а уже 1 марта Болгария

присоединилась к Тройственному пакту. Выступая с речью перед членами Народного собрания, Б. Филев заявил, что главной целью этого шага являлось поддержание мира на Балканах⁴³. В действительности болгарскому правительству удалось отвести войну только от территории собственной страны, предоставив её немцам в качестве коридора для продвижения в сторону Греции. В перспективе это сделало её соучастницей гитлеровской агрессии и стало первой точкой невозврата на пути к вступлению в мировую войну.

Болгарии удалось оговорить для себя специальные условия: она должна была пропустить немецкие войска через свою территорию, но сама болгарская армия могла не участвовать в военных действиях, а Германия и Италия брали на себя обязательство поддержать претензии Болгарии на получение выхода к Эгейскому морю⁴⁴.

2 марта части вермахта пересекли Дунай и вступили на болгарскую территорию для подготовки к новым военным операциям на Балканах. Лондон отреагировал на это разрывом дипломатических отношений, Москва выразила протест против действий Софии и Берлина, обвиняя их в расширении сферы войны⁴⁵.

В глазах американцев вовлечение в союзнические отношения с Третьим рейхом свидетельствовало о «преднамеренных уступках» правящей элиты Болгарии и низведении страны до положения сателлита⁴⁶. США трактовали такое развитие событий как проявление неспособности отстоять свободу в определении собственной внешней политики и слабость государства как такового: «Те, кто не хотел сопротивляться (Венгрия, Болгария, Румыния) стали сателлитами, которым было позволено сохранить свои правительства до тех пор, пока они сотрудничали с немцами в военном плане»⁴⁷.

Вступив на путь союзничества с Берлином, Болгария всё плотнее интегрировалась в блок агрессоров. Сразу же после германского вторжения в Грецию и Югославию болгарские войска и гражданские лица были привлечены к выполнению оккупационных функций на территории Восточной Македонии и Западной Фракии, участвовали в подавлении освободительного движения (наиболее известный пример – подавление греческого восстания в г. Драма 28–29 сентября 1941 г.). 25 ноября Болгария присоединилась к Антикоминтерновскому пакту, а 13 декабря объявила войну Великобритании и США. Несмотря на то, что позднее Болгария зарекомендовала себя как самый «своенравный»

союзник Третьего рейха, сам факт её участия в войне против созданных вскоре Объединённых Наций определял последующую политику стран антигитлеровской коалиции по отношению к ней.

Действия США и СССР в 1939–1941 гг. по предотвращению присоединения Болгарии к германскому блоку не увенчались успехом. Это было обусловлено несколькими причинами. Соединённые Штаты в силу своей географической отдалённости и слабой вовлечённости в восточноевропейские дела не могли оказать существенного влияния на ход событий на Балканах. Американская разведка в регионе значительно уступала британской, германской и советской, и в Вашингтоне зачастую испытывали острый дефицит информации о внутреннем положении в Болгарии. Не в последнюю очередь нерешительность попыток «уберечь» Софию от подчинения Берлину, предпринятых правительством Рузвельта, объясняется отсутствием прямых интересов США в Болгарии. В связи с этим некоторые американские авторы склонны считать, что предвоенная судьба государств Восточной Европы больше зависела от географической близости той или иной страны к России или Германии, чем от того, что мог сделать Запад⁴⁸. Законодательство о нейтралитете, действовавшее со второй половины 1930-х гг., ограничивало возможности Рузвельта влиять на курс как великих, так и малых держав. Президент неоднократно подчёркивал решимость «всесторонне помогать правительствам стран, защищающихся от нападения оси»⁴⁹, но он не имел действенных политико-дипломатических рычагов давления.

Если США казались болгарским политикам слишком далёкими, чтобы гарантировать безопасность их страны, то с СССР ситуация была обратной. Советский Союз был географически ближе к Болгарии, его присутствие было ощутимым, в том числе благодаря широкому распространению русофильских и просоветских настроений в народной среде. В то же время неопределённая и противоречивая политика Москвы (призывы к борьбе с фашизмом при одновременном сближении с Германией), её экспансионистский курс в отношении соседних стран (Румынии, Финляндии и прибалтийских государств) были отталкивающими факторами для её потенциальных партнёров. Как пишет Л. Ревякина, СССР на рубеже 1930-х – 40-х гг. не был привлекательным и желанным союзником⁵⁰. Немецкая дипломатия умело пользовалась просчётами своих соперников для их компрометации в глазах болгарского руководства и привлечения его на свою сторону.

Провал попыток Москвы и Вашингтона воспрепятствовать германо-болгарскому сближению был также обусловлен тем, что, имея общую цель, СССР и западные демократии, являвшиеся идеологическими противниками, по отношению друг к другу выступали в качестве конкурентов в борьбе за влияние, и это понижало их шансы на успех. Только нападение Германии на СССР и Японии на США сплотили державы, противостоявшие странам оси, в рамках единого блока.

Успех Берлина в Болгарии был обусловлен тем, что он мог обеспечить ей одновременно и военную помощь, и сохранение государственного строя, и решение территориальных вопросов. Доминирующее положение германского капитала в болгарской экономике также способствовало политическому сближению. Продолжение Софией политики нейтралитета к началу 1941 г. стало невозможным, она оказалась перед выбором: либо примкнуть к Германии, либо стать её очередной жертвой. Несоразмерные германскому давлению и запоздалые акции СССР и США (такие, как миссии Соболева и Донована) не могли предотвратить установление контроля Берлина над Болгарией, хотя способствовали оттягиванию этого шага.

1.1.2. Политика Советского Союза и Соединённых Штатов в отношении Югославии

С началом Второй мировой войны Югославия провозгласила нейтралитет и заняла выжидательную позицию. Белград, не обладавший военной силой, способной оградить страну от внешней агрессии, пытался проводить политику лавирования между странами оси и англо-французской коалицией, стремясь избежать опасности быть ввергнутым в ширившийся мировой пожар. В первые месяцы войны казалось, что такой курс югославского правительства поможет стране остаться вне конфликта.

В целом ситуация на Балканах в конце 1939 г. – первой половине 1940 г. была относительно спокойной. Во время военных кампаний против Польши, Норвегии и Франции Германия стремилась избегать любых политических осложнений в Юго-Восточной Европе. Париж и Лондон попытались в конце 1939 г. создать в регионе блок нейтральных государств, но этот план так и не был реализован.

Югославия занимала особое место в англо-французской политике на Балканах в этот период. В отличие от Бухареста и Афин, Белград не получил от Великобритании и Франции гарантий поддержки в случае нападения стран оси. Это объясняется тем, что в начальный период войны западные державы стремились оторвать Италию от Германии, используя столкновение их интересов на Балканах и предоставив Риму преимущество в Югославии. Другими словами, Югославия могла стать своего рода платой фашистской Италии за её отказ от союза с Берлином, поэтому Лондон и Париж не желали связывать себя какими-либо обязательствами с Белградом⁵¹. Германия вела тонкую игру, до определённого времени поддерживая иллюзорную претензию Рима на свободу рук в Югославии⁵².

Позиция, занятая Англией и Францией, не внушала доверия Белграду и обусловила рост прогерманских настроений в югославском правительстве. После убийства в 1934 г. короля Александра I Карагеоргиевича власть сосредоточилась в руках дяди малолетнего наследника Петра II – регента принца Павла⁵³. Несмотря на свои английские связи, принц-регент был приверженцем идей «управляемой демократии» и «сильного премьера», благосклонно воспринимая становление режима А. Гитлера. В 1935 г. Павел назначил премьер-министром германофила М. Стоядиновича, в результате чего югославский экспорт в Германию к 1938 г. достиг 41,6% от общего объёма. Наконец, в 1939 г. в новом правительстве Д. Цветковича пост министра иностранных дел занял А. Цинцар-Маркович, являвшийся до этого послом в Берлине⁵⁴, что свидетельствовало о приоритете германской линии в югославской политике. Неудивительно, что в 1939 г. Белград передал Германии нефтяную концессию, на которую претендовала компания «Стандарт Ойл», не обращая никакого внимания на протесты американского посольства⁵⁵.

Тем не менее аншлюс Австрии и расчленение Чехословакии вынуждали Белград, продолжая демонстрировать ориентацию на Берлин, начать поиск новых союзников. Ситуация стремительно менялась, причём не в пользу Югославии. 8 апреля 1939 г. последний российский посланник В. Н. Штрандтман⁵⁶ написал: «В 1927 году политико-географическое положение Югославии было много лучше нынешнего, не было «оси»; не было границ с Германией и была уверенность, что Франция не оставит без своей помощи союзную Югославию. А теперь? Налицо могучая

диктующая “ось”, охват ею Югославии с севера и с юга и опыты аншлюса, Судетов, всей Чехословакии, Мемеля, которым противопоставлялись дружественные обсуждения Лондоном и Парижем, вместе и в отдельности, “создавшегося” положения. Не подлежит сомнению, что... случившееся поставит Югославию в очень трудные условия»⁵⁷.

В таких условиях югославское правительство стало склоняться к нормализации отношений с СССР, рассчитывая расширить этим свои возможности для маневрирования на международной арене. К этому шагу Белград подталкивало и стремление довольно широких кругов югославской общественности (прежде всего сербов) к установлению связей с Советским Союзом и опоре на него в борьбе против возможной угрозы независимости страны со стороны фашистских держав⁵⁸.

Первым свидетельством изменения политики Югославии в отношении СССР стало обращение принца-регента Павла к Штрандтману с предложением «свернуть» свое «посольство» в Белграде. В результате в конце сентября 1939 г. с дверей бывшего российского посольства исчез герб с изображением двуглавого орла⁵⁹. Однако установление официальных отношений с СССР осенью 1939 г. так и не произошло из-за нападения СССР на Финляндию и опасений Белграда, что его контакты с Москвой вызовут негативную реакцию как стран оси, так и англо-французской коалиции.

Однако в феврале 1940 г. в Москву все-таки прибыл представитель министерства торговли и промышленности Югославии И. Горичар, официальной задачей которого являлось обсуждение возможностей налаживания советско-югославских торговых отношений. А затем в апреле 1940 г. по югославской инициативе была достигнута договоренность о приезде в СССР официальной югославской торговой делегации. В результате 11 мая был подписан договор о торговле и мореплавании между Советским Союзом и Югославией⁶⁰.

Помимо того, что предусматривавшееся договором расширение торговли с СССР было важно для Югославии с точки зрения перспективы сохранения свободы внешнеэкономического маневра, имевшей значение ввиду всё усиливавшегося германского экономического диктата, переговоры были значимы ещё и потому, что на них был поставлен вопрос о закупке в СССР военных материалов и боевой техники. Кроме того, югославы зондировали возможность получить советскую поддержку в случае нападения Италии и Германии⁶¹. Москва выразила

готовность обсудить эти вопросы, но после установления дипломатических отношений.

Позиция СССР окончательно склонила Белград к установлению дипломатических отношений, которое произошло 24 июня 1940 г. путем обмена соответствующими нотами между советским полпредом в Анкаре А. В. Терентьевым и югославским посланником И. Шуменковичем⁶². Советским полпредом в Югославии стал В. А. Плотников, а югославским посланником в Москве — М. Гаврилович. Югославское руководство, несмотря на установление официальных отношений с Москвой, как вспоминал впоследствии тогдашний премьер-министр Д. Цветкович, по-прежнему смотрело на Советский Союз как на коммунистический режим, враждебный по своему характеру, а искать сотрудничества с ним его заставляла быстро нараставшая германо-итальянская угроза. Югославские руководители надеялись, что нормализация отношений с СССР поможет Белграду ослабить давление со стороны Германии и Италии⁶³.

Установление дипломатических отношений между Советским Союзом и Королевством Югославия произошло всего через 2 дня после капитуляции Парижа. Разгромив Францию, Гитлер направил нацистскую экспансию в сторону Балкан, давление на Югославию со стороны Германии стало неуклонно возрастать. После присоединения к Тройственному пакту Венгрии и Румынии⁶⁴ Гитлер 29 ноября добился встречи с югославским министром иностранных дел Цинцар-Марковичем. На ней нацистский фюрер заявил, что наступил момент, когда Югославия должна покончить с неопределенностью и занять место рядом с Германией и Италией. При этом он не ставил прямо вопроса о присоединении Югославии к Тройственному пакту, а лишь упомянул возможность заключения ею с Германией и Италией пакта о ненападении. Кроме того, Гитлер утверждал, что от Белграда не будут требовать участия в войне⁶⁵. Однако уже 22 декабря в ответ на югославское предложение начать переговоры о заключении упомянутого в ходе этой встречи пакта о ненападении Берлин заявил, что такой договор не означал бы удовлетворения тех условий, которые необходимы для упрочения отношений Югославии с державами оси. В германском ответе подчеркивалось, что если ограничиться пактом о ненападении, то все равно остался бы открытым важный вопрос о вступлении Югославии в Тройственный пакт⁶⁶.

Югославское правительство стремилось найти поддержку Советского Союза. Ещё в сентябре 1940 г. военный атташе Югославии в СССР Попович провел несколько встреч с советскими руководителями (в частности, с главой правительства Молотовым), в ходе которых обсудил вопрос о возможности получения югославами вооружения из СССР. 25 октября Поповичу было сообщено, что высшая советская инстанция дала принципиальное согласие на продажу вооружения и других материалов. А рассмотрев полученный вслед за тем от Поповича перечень конкретных югославских пожеланий, советская сторона 21 ноября не только известила о том, что согласна начать поставки в соответствии с предъявленными ей списками, но даже выразила готовность осуществлять всестороннее военное снабжение Югославии⁶⁷. Этот шаг свидетельствовал о том, что СССР поддерживал нежелание югославы подчиняться фашистскому диктату. Однако на этом все и закончилось: военные поставки в Югославию так и не начались. По мнению Л. Я. Гибианского, это объясняется опасением советского руководства нанести ущерб отношениям СССР с Германией⁶⁸.

В это время британская дипломатия предпринимала попытки создать на Балканах антигерманский блок в составе Югославии, Греции и Турции. Возрастание важности позиции югославского государства с точки зрения возможностей наладить сопротивление фашистской экспансии на юге Европы подчеркнул английский премьер У. Черчилль: «При таких обстоятельствах решающее значение будут иметь действия Югославии. Никогда ещё ни одна страна не имела такого военного шанса. Если югославы нападут на итальянцев с тыла в Албании, трудно представить себе, что произойдёт за несколько недель. Ситуация может измениться в корне, и Турция может начать действовать в наших интересах»⁶⁹.

Американцы допускали возможность создания такого блока вплоть до германской агрессии на Балканах. В послании госсекретарю К. Хэллу 20 февраля 1941 г. президент Рузвельт отметил: «Сопротивление нацизму со стороны Югославии, автоматически влекущее за собой сопротивление Турции, несомненно, в интересах нашего государства, даже учитывая то, что пока Югославия и Турция плохо готовы к военным действиям»⁷⁰. Однако Белград, воздерживаясь от присоединения к Тройственному пакту, в духе политики лавирования отклонил и предложение англичан начать активную борьбу со странами оси, в

частности оказать военную помощь греческой армии, которая с конца октября 1940 г. вела бои против итальянских войск.

Надежды американского руководства на готовность Югославии сопротивляться нажиму Гитлера базировались на информации об антинацистских настроениях югославского населения. Все сообщения, которые посол в США К. Фотич получал из министерства в Белграде, свидетельствовали, что народ не примет никаких уступок Гитлеру, которые выйдут за рамки объявления нейтралитета⁷¹.

Однако официальная дипломатия отнюдь не рассматривалась Вашингтоном как единственно возможный вклад Соединённых Штатов в борьбу с Германией и Италией. К началу 1941 г. относится появление в этом регионе неофициального представителя американского президента полковника У. Донована. Ещё в июле 1940 г. Рузвельт поручил ему выполнить специальные дипломатические миссии на Балканах и Ближнем Востоке, целью которых являлись анализ ситуации в этих странах и содействие их развороту в сторону сопротивления нацистской угрозе. Президент проинструктировал своего эmissара сделать всё, чтобы убедить лидеров государств этого региона во всеобъемлющей американской помощи в случае, если они окажут сопротивление странам оси⁷².

С 23 по 25 января Доноvan находился в Югославии, где провёл серию встреч с принцем Павлом, премьером Цветковичем, министром иностранных дел Цинцар-Марковичем, а также с различными политическими и военными деятелями. В Белграде Доноvan заявил о поддержке Вашингтоном патриотических сил, которые отвергнут диктат Берлина, и подчеркнул уверенность президента в неизбежности поражения Гитлера, уверяя, что Соединённые Штаты сделают всё для уничтожения нацизма и сыграют активную роль в восстановлении мира⁷³.

Смысл предложенного Донованом принцу Павлу и его окружению был ясен: Югославия будет получать помощь от США, если выберет борьбу с Германией. При этом полковник ссыался на начавшееся в Конгрессе обсуждение билля о ленд-лизе⁷⁴. Ещё 10 января 1941 г. законопроект о ленд-лизе был представлен на суд законодателей, но официальный Белград прохладно отнёсся к предложениям и обещаниям американского эmissара. Поэтому Доноvan развернул деятельность иного плана. Он занялся установлением контактов с силами, оппозиционными действующим властям, побуждая их к выступлению против режима регентства с последующим изменением курса страны.

23 января Донован встретился с военными, которые, по сравнению с политическими лидерами, проявили большую решимость к сопротивлению. По мнению американского историка Э. Брауна, 24 января Донован обещал командующему военно-воздушными силами генералу Д. Симовичу военную помощь, если тот поднимет восстание против принца и вступит в союз с Британией. Браун не скрывает, что прямых доказательств, подтверждающих, что этот факт действительно имел место, нет: секретность переговоров и неофициальный статус Донована не позволили открыто зафиксировать его в официальных бумагах, но все остальные данные говорят об этом вполне очевидно⁷⁵.

В итоге миссия Донована демонстративно и даже провокационно обозначила масштабы заинтересованности США в нераспространении фашистского присутствия на Балканах. Отчётливо обозначив свои намерения поддержать антифашистски настроенную оппозицию в Белграде, Вашингтон, ничем не рискуя, попытался воспрепятствовать осуществлению германских планов. Нацистский вариант стабилизации Югославии Рузвельта не устраивал, и в Берлине это понимали очень хорошо. Истинные намерения США заключались, по-видимому, в том, чтобы, подтолкнув оппозицию в Югославии к активным действиям, спровоцировать Германию на прямую агрессию и погрузить её в трясину неизбежной партизанской войны на Балканах, тем самым ослабив фашистский рейх.

Стимулирование сопротивления югославов германскому нажиму продолжилось через Государственный департамент. После завершения визита Донована сохранение твёрдой уверенности Белграда в поддержке Соединёнными Штатами стран, борющихся с нацизмом, стало главной задачей американского посла в Югославии А. Блисс Лэйна. 24 января он предложил неофициально указать югославам, болгарам и туркам на желательность совместной оборонительной политики. Государственный секретарь ответил, что действовать следует крайне осторожно, но при этом надо использовать каждый шанс, чтобы «объединить Балканы против нацистского наступления»⁷⁶.

Но вскоре стало очевидно, что присоединение Болгарии к странам оси является лишь вопросом ближайшего будущего. К тому же усилился нажим Берлина на югославское правительство. Для подкрепления решимости регента к сопротивлению 22 февраля в Белград было отправлено послание президента. В нём выражалась жизненная

заинтересованность США в отказе Югославии выполнить требования Гитлера⁷⁷.

1 марта Болгария присоединилась к странам оси. Германские части немедленно оккупировали страну и сосредоточились на границе с Грецией и Югославией. Последняя почти со всех сторон оказалась окруженной участниками пакта.

Не видя дальнейших возможностей для лавирования, югославское руководство приняло решение уступить требованиям Берлина. В Белграде понимали, что Великобритания и США не смогут оказать немедленную и эффективную военную поддержку. На действенную помощь СССР также рассчитывать не приходилось. 25 марта 1941 г. премьер-министр Цветкович подписал протокол о присоединении Югославии к Тройственному пакту. Сообщение об этом вызвало волну массовых антиправительственных выступлений, прежде всего в сербской части страны. Движение было спонтанным, в основном левоориентированным и проявлялось в весьма активных формах⁷⁸. Вполне вероятно, связь антинемецких и антиправительственных выступлений с деятельностью Коммунистической партии Югославии, Коминтерна и советских спецслужб.

Так, ещё 15 марта 1941 г., явно не без согласования с Коминтерном, И. Броз Тито от имени ЦК КПЮ написал воззвание «Против капитуляции – за пакт о взаимопомощи с Советским Союзом», в котором содержались призывы к борьбе против «антинародного правительства и его предательской внешней политики», за немедленное заключение пакта о взаимопомощи между Югославией и СССР. Воззвание в форме листовки распространялось нелегально, но о нём знало советское полпредство в Белграде⁷⁹.

О попытках Москвы повлиять на ситуацию в Югославии через Коминтерн свидетельствует шифрованная радиограмма, отправленная из Москвы 22 марта 1941 г. по линии Коминтерна в адрес Тито с директивой «занять решительную позицию против капитуляции перед Германией. Поддерживать движение за всенародное сопротивление попытке военного вторжения. Требовать дружбу с Советским Союзом»⁸⁰.

В день присоединения Белграда к Тройственному пакту, 25 марта, Донован, в виде отчёта о своей миссии, выступил по общенациональному радио с речью, которая восхваляла мужество народов, сопротивляющихся агрессии, осуждала нацистов и нации, уступившие Гитлеру.

Выступление Донована было показано в кинохрониках в США, Англии и других странах и получило беспрецедентную известность, принимая во внимание скромный официальный статус Донована. Речь имела несомненный психологический эффект⁸¹.

27 марта в 2 часа утра оппозиция, возглавляемая командующим воздушными силами Югославии Д. Симовичем, осуществила государственный переворот. Регент был заменён законным наследником Петром, которому до официального вступления на трон (по достижении совершеннолетия) оставалось менее полугода⁸². В советской историографии утвердилось мнение, что переворот 27 марта 1941 г. был организован британскими спецслужбами. Как утверждает Л. Я. Гибианский, это подтверждается мемуарными свидетельствами англичан (например, тогдашнего министра экономической войны Х. Долтона) и документами, хранящимися в архиве Гуверовского института⁸³.

Какие-либо свидетельства о причастности СССР к перевороту до недавнего времени были неизвестны. Но в 1989 г. были опубликованы документы, которые дают основание полагать, что в Москве по меньшей мере знали о готовящемся перевороте. Основанием для такого предположения служит телеграмма в НКВД советского поверенного в делах Югославии В. З. Лебедева от 1 марта 1941 г., в которой говорилось, что «приехавший в Москву Симич имеет, по неофициальным сведениям, секретные полномочия для переговоров с Советским правительством»⁸⁴. Упомянутый в этой телеграмме Б. Симич, как указывает В. К. Волков, фигурирует в югославской историографии как один из участников переворота 27 марта, с которым был связан руководитель советской военной разведки на Балканах М. Голубич⁸⁵.

Кроме того, сведения о возможной причастности СССР к перевороту 27 марта содержатся в опубликованных в середине 1990-х гг. воспоминаниях П. А. Судоплатова, который в начале 1940-х гг. был заместителем начальника разведывательно-диверсионного управления НКВД-НКГБ. По его словам, в соответствии с решением Сталина и Молотова «в марте 1941 г. военная разведка и НКВД через свои резидентуры активно поддерживали заговор против прогерманского правительства в Белграде»⁸⁶. Но Судоплатов не упомянул о конкретной роли Москвы в организации переворота. Ввиду отсутствия каких-либо других источников, пока нет возможности проверить эти данные. Таким образом, вопрос о роли СССР в событиях 27 марта остается открытым.

В результате ликвидации режима регенства к власти пришло правительство Симовича, готовое сопротивляться немцам. Новая правительственная коалиция отказалась признать Тройственный пакт⁸⁷. Американские и английские периодические издания расценили белградский переворот как «плевок в лицо Гитлеру»⁸⁸. Смену власти в Белграде 27 марта 1941 г. приветствовали в Лондоне, Москве и Вашингтоне. В Берлине же переворот, по словам немецкого историка Д. Фогеля, был воспринят как «беспрецедентная наглость».

В тот же день, сразу после того, как информация о событиях в Белграде достигла Берлина, Гитлер принял решение напасть на Югославию без предъявления ультиматума или объявления войны, ликвидировать страну как «государственное образование» и в качестве акта мести разрушить Белград бомбардировками с воздуха⁸⁹. При этом он подчеркнул, что никакие заверения нового правительства в сохранении всех обязательств перед Берлином не будут приняты во внимание. Было решено «сделать все приготовления для того, чтобы уничтожить Югославию в военном отношении и как национальную единицу». 30 марта Гитлер утвердил «Директиву № 025», которая предписывала начать боевые действия 6 апреля 1941 г.⁹⁰

Уже 28 марта Рузвельт послал поздравления новому королю⁹¹, а Государственный департамент принял меры для распространения действия закона о ленд-лизе на Югославию⁹². Следует отметить, что правительство Симовича, отказавшись ратифицировать Тройственный пакт, открыто его не денонсировало. Оно признало все обязательства, заключённые предшествующими правительствами, но отдельного заявления по поводу своего отношения к пакту не сделало.

Берлин расценил действия Белграда как намеренное затягивание времени с целью укрепления своей боеспособности и поиска новых союзников. В Москве с 30 марта велись советско-югославские переговоры, увенчавшиеся заключением двустороннего договора⁹³. Для Гитлера было очевидно, что заставить новое югославское правительство подтвердить присоединение к Тройственному пакту на условиях соглашения 25 марта невозможно. На рассвете 6 апреля 1941 г. германские и итальянские войска атаковали Югославию. В ходе так называемой «апрельской войны», продолжавшейся одиннадцать дней, югославская армия была разгромлена. Югославия была расчленена на части и перестала существовать как самостоятельное государство⁹⁴.

Югославская кампания вермахта явилась составной частью широкомасштабной агрессии на Балканах. Нападению также подверглась соседняя Греция. 27 апреля немцы заняли Афины, а 1 мая Рузвельт поблагодарил Черчилля: «Вы проделали не только героическую, но и очень полезную работу в Греции, и территориальные потери более чем компенсируются огромной концентрацией немцев, результатом их огромных потерь в живой силе и технике»⁹⁵. Говоря об «огромной концентрации» немецких войск, президент имел в виду последствия балканской кампании для Берлина. Отчасти из-за операции против Югославии и Греции Гитлеру пришлось отложить начало войны с СССР на 6 недель, что в свою очередь способствовало провалу плана «Барбаросса».

Оценивая действия американской дипломатии, Кордэлл Хэлл считает, что они не только оттянули присоединение югославского правительства к странам оси, но также, несомненно, имели результатом утверждение в сознании некоторых политических и военных лидеров Югославии, таких, как Симович, неприятия Тройственного пакта⁹⁶.

Усилия Донована не сводились только к переговорам с политическими и военными лидерами во время миссии в Белград 23–25 января. Прямых доказательств тому нет, но вполне вероятно, что совместно с британскими спецслужбами в этом балканском государстве начали свою работу и американцы. Черчилль назвал подготовку белградского переворота Донованом и его английским коллегой Стифенсоном «самой выдающейся разведывательной операцией за всю историю войн» и благодарил Рузвельта «за великолепную работу, выполненную Донованом на Балканах»⁹⁷. Эти слова подтверждают, что американцы сыграли не последнюю роль в югославских событиях и, по крайней мере, плечом к плечу с англичанами противились вступлению Югославии в союз со странами оси⁹⁸.

Энтони Браун в своей работе об У. Доноване считает, что именно он в большей степени действиями, нежели словами, втянул Гитлера в борьбу с Югославией и, таким образом, изменил расписание нацистской кампании против России⁹⁹. С ним согласен и Уильям Стивенсон, автор книги о главе британской разведки Уильяме Стифенсоне. Стивенсон утверждает, что американский полковник не только инициировал и фактически подготовил переворот, но также позднее через посредников руководил Тито, готовя его к военным действиям¹⁰⁰.

По словам Стивенсона, истинные намерения совместных действий американской и английской разведок заключались не просто в том, чтобы убедить Югославию отказаться от сотрудничества с Германией. Привлекательнее была более далёкая цель – спровоцировать фюрера на войну, истощающую силы рейха. Рузвельт и Черчилль считали, что в горах югославские войска длительное время будут представлять для германской армии значительную проблему¹⁰¹. Инициировав белградский переворот, будущие союзники спровоцировали Гитлера на крайнюю жестокость, что в свою очередь определило высокую степень ненависти югославов к агрессорам и вызвало сильнейшее освободительное движение, заслуги которого некоторые авторы¹⁰² приравнивают к заслугам Второго фронта.

Не следует забывать о позиции советской дипломатии. Поздней ночью 5 апреля, всего за 4 часа до начала фашистской агрессии, в Москве был подписан «Договор о дружбе и ненападении» между СССР и Югославией¹⁰³. Секретные переговоры о заключении советско-югославского договора, который бы укрепил положение Белграда перед лицом германской опасности, начались 30 марта. Югославская делегация во главе с М. Гавриловичем предложила проект договора о военном союзе. Однако советское правительство выразило согласие заключить лишь договор о дружбе и нейтралитете¹⁰⁴. Такая позиция Москвы была предопределена стремлением сохранить зыбкое партнерство с Германией и избежать военного столкновения с ней.

В конце концов советско-югославские переговоры завершились подписанием около 3 часов утра 6 апреля 1941 г. «Договора о дружбе и ненападении». В соответствии с ним стороны брали на себя обязательства уважать независимость, суверенные права и территориальную целостность друг друга. Статья 2 договора предусматривала, что «в случае, если одна из Договаривающихся сторон подвергнется нападению со стороны третьего государства, другая Договаривающаяся сторона обязуется соблюдать политику дружественных отношений к ней»¹⁰⁵. Таким образом, договор с СССР обеспечивал только моральную поддержку Югославии, о военной помощи речь не шла.

По мнению Л. Я. Гибианского, заключая договор с югославами, Сталин стремился заставить Гитлера отказаться от немедленного нападения на эту страну. Логика советского руководства была вполне понятной: демонстрация решительной поддержки нового югославского

правительства могла приостановить почти рефлекторный порыв Гитлера наказать непокорный Белград. Выигранное таким образом время можно было использовать для укрепления боевой мощи югославской армии, которая в перспективе могла вкупе с греческими силами и при поддержке Англии создать антигитлеровский фронт на Балканах¹⁰⁶.

Если бы развитие событий пошло в этом направлении, то нападение Германии на СССР становилось бы вопросом неопределённого будущего и могло начаться при гораздо более благоприятных для Москвы условиях. История распорядилась иначе: балканский блицкриг Гитлера разрушил планы Сталина и Молотова, сделав невесомыми статьи договора. Решение о вторжении в Югославию было принято Гитлером гораздо раньше подписания договора, и запоздалые дипломатические усилия Москвы и Белграда уже ничего изменить не могли.

Договор не задержал нацистскую атаку, а, возможно, даже подстегнул агрессора. Но он сыграл свою историческую роль: проявилась общность интересов держав будущей Большой тройки.

И руководство СССР, и правительство США в отношениях с Югославией использовали официальные дипломатические каналы, а также возможности разведорганов. В конечном итоге задача перед всеми стояла одна – борьба с Гитлером, хотя рычаги воздействия на югославов у Запада и СССР были различными. Англия и США пытались влиять на политическую элиту Югославии непосредственно, Советский Союз – косвенно, с помощью общественного мнения, по каналам Коминтерна подогревая антигерманские настроения в стране.

1.1.3. Греция в дипломатии Москвы и Вашингтона

Другой страной юго-востока Европы, привлекавшей внимание Вашингтона и Москвы в начальный период Второй мировой войны, была Греция. Отношения этого государства с Советским Союзом в 1939–1941 гг. развивались непросто. К началу 1939 г. советско-греческие отношения пребывали в состоянии застоя. Причины этого заключались в различиях политического строя СССР и Греции, антикоммунистической направленности внутренней политики премьер-министра, а фактически – диктатора Греции И. Μεταξаса, репрессиях против греков в Советском Союзе, постоянных сменах руководства в советском полпредстве, а также затя-

нувшихся разногласиях по экономическим вопросам. Москва оценивала режим Метаксаса как «фашистский». С 1932 до 1941 г. сменилось 6 глав советской дипломатической миссии в Греции. Во второй половине 1930-х гг. были вызваны в Москву, арестованы и расстреляны два советских полпреда (Я. Х. Давтян (Давыдов) и М. В. Кобецкий). Временный поверенный А. Г. Бармин, опасаясь за свою судьбу, в 1937 г. попросил политического убежища во Франции и выступил с резкой критикой сталинского режима. С 1937 по 1941 г. советскую дипмиссию в Афинах возглавляли Н. И. Шаронов, А. И. Лазарев и М. Г. Сергеев (два последних – в ранге временного поверенного)¹⁰⁷.

Во второй половине 1930-х гг. наблюдалось некоторое охлаждение отношений между Грецией и СССР, ослабление экономического сотрудничества, а также усиление идеологических разногласий между двумя странами. Весьма негативным фактором, который сказывался на советско-греческих отношениях, были репрессии в СССР против советских греков. Греческое посольство в конце 1930-х – начале 1940-х гг. направляло в НКВД многочисленные запросы о судьбе репрессированных советских греков¹⁰⁸. Советский Союз также проводил политику высылки из страны греков, которые рассматривались как враждебные элементы (диверсанты, шпионы, спекулянты и др.), что вызывало серьезное недовольство греческого правительства¹⁰⁹.

В период диктатуры Метаксаса резко сократилось сотрудничество СССР и Греции в области науки, образования и культуры. Греческое правительство стремилось оградить население страны от любого информационного воздействия со стороны Москвы. В стране не издавались советские книги, не показывались советские фильмы, в 1939 г. была даже запрещена выставка детского рисунка и иллюстраций к детской книге в Афинах¹¹⁰.

Греция не входила в сферу интересов Советского Союза. Среди балканских стран Москва выделяла Болгарию и Югославию как государства, в которых СССР мог рассчитывать на усиление своего влияния. Предпринимались попытки активизировать и контакты с Грецией. Но в целом, как справедливо отмечает А. О. Чубарьян, к началу Второй мировой войны влияние СССР на Балканах «в реальности было не слишком велико. Кремль на этот счет имел скорее большие иллюзии и отголоски прежних представлений, нежели реальные достижения и возможности»¹¹¹.

Однако следует отметить, что между двумя странами имелись области совпадения интересов. СССР и Грецию объединяла общая заинтересованность в том, чтобы Балканы не стали зоной доминирования какой-либо из европейских держав; обе страны стремились к сохранению сложившихся после окончания Первой мировой войны границ на Балканском полуострове. К тому же у СССР и Греции не было общей границы, а значит, и территориальных споров.

Весной – летом 1939 г. на переговорах с Великобританией и Францией о совместной борьбе в случае агрессии со стороны держав оси СССР заявил о готовности предоставить немедленную помощь Польше, Румынии, Бельгии, Турции и Греции в случае нападения на них агрессора, но только при условии аналогичных обязательств западных держав в отношении стран Прибалтики и Финляндии.

16 апреля 1939 г. нарком иностранных дел М. М. Литвинов предложил британскому послу заключить тройственный пакт о взаимопомощи между Великобританией, Францией и Советским Союзом. 31 мая 1939 г. Молотов выступил на сессии Верховного Совета СССР с предложением о заключении тройственного пакта о взаимопомощи с гарантиями безопасности для стран Центральной и Восточной Европы¹¹². При условии заключения пакта СССР соглашался дать гарантии пяти странам, – Польше, Румынии, Бельгии, Греции и Турции, – оказать им военную помощь в случае нападения на них агрессора¹¹³. Однако переговоры Франции, Великобритании и Советского Союза по вопросу о пакте зашли в тупик.

В письме в народный комиссариат иностранных дел СССР от 6 июня 1939 г. временный поверенный в делах СССР в Греции М. Г. Сергеев охарактеризовал внешнюю политику Афин следующим образом: «Основной чертой внешней политики Греции является её мирный характер. Греция не имеет никаких территориальных притязаний ни к какому государству. Вопрос о территориях, которые она хотела бы получить (Додеканезские острова и Северный Эпир), не может быть ею поставлен (и Греция это сознает) ввиду неравенства соотношения сил Италии и Греции.

Греция неоднократно заявляла о своем решении отстаивать целостность своей территории и не уступать ни одной её части другим государствам. И поэтому основой своей внешней политики Греция считала Балканскую Антанту¹¹⁴. В ней она видела ту силу, которая могла бы

помешать изменению настоящих территориальных границ Балканских государств и в первую очередь помешать изменению своих границ»¹¹⁵.

Заведующий информационным отделом греческого МИДа В. Пападакис, считавшийся «оком Метаксаса», в беседе с Сергеевым отметил, что, несмотря на разницу политического строя, «у СССР и Греции нет никаких серьезных спорных вопросов, которые могли бы влиять на отношения между странами в плохую сторону»¹¹⁶.

В целом же общность стратегических интересов СССР и Греции сохранялась вплоть до подписания Советским Союзом пакта о ненападении с Германией и начала Второй мировой войны. После 1 сентября 1939 г. Афины были вынуждены искать поддержку в Лондоне и Париже. В то же время и после начала мировой войны ни СССР, ни Греция не стремились к обострению отношений. В сентябре 1939 г. Москва заверила Афины, что будет придерживаться в греческом вопросе политики нейтралитета¹¹⁷.

Греческое руководство после начала войны стало более высоко оценивать внешнеполитические возможности Советского Союза. В Афинах считали, что у Москвы есть ресурсы для усиления своего влияния на Балканском полуострове. Поэтому теперь греческая пресса, на позицию которой серьезное воздействие оказывало правительство, проявляла заметную сдержанность при комментировании внешнеполитического курса СССР, избегая явных антисоветских выпадов. Так, ввод советских войск в Польшу и советско-финская войны получили очень осторожные оценки¹¹⁸. Правительство Греции явно стремилось избежать ухудшения советско-греческих отношений.

По мнению М. Г. Сергеева, изменения внешней политики Греции после 1 сентября 1939 г. характеризовались четырьмя основными моментами: «1. Усилением английского влияния. 2. Сближением с Италией. 3. Боязнью усиления влияния СССР на Балканах. 4. Отдалением от Германии»¹¹⁹.

Советская сторона расценивала отказ Метаксаса обозначить позицию Греции в условиях начала Второй мировой войны как стремление сохранить свободу маневра. В письме Сергеева в НКВД СССР от 5 ноября 1939 г. говорилось: «До сего времени Греция не определила своего отношения к европейскому конфликту, не сделав никакого заявления о своей позиции»¹²⁰. По его мнению, «стремление обойти молчанием свое отношение к европейскому конфликту является попыткой

оставить себе свободными руки в случае, если Англия втянет Грецию в войну»¹²¹. 17 ноября 1939 г. в беседе с Сергеевым премьер Метаксас сказал, что «Греция не сделала и не могла сделать никакого заявления о своем нейтралитете, потому что она не знает, в каком положении может оказаться завтра»¹²².

В начале февраля 1940 г. в Белграде состоялась конференция стран Балканской Антанты с участием министров иностранных дел Греции, Румынии, Югославии и Турции. Заведующий информационным отделом МИД Греции Пападакис в беседе с Сергеевым подчеркнул стремление Греции сохранить мир и «поддерживать со всеми своими соседями самые лучшие отношения». «В Белграде все 4 государства, входящие в Балканскую Антанту, — сказал Пападакис, — пришли к заключению о необходимости сохранения мира в Юго-Восточной Европе»¹²³.

В мае 1940 г., после нападения Германии на Францию, международные позиции Греции резко ухудшились. Это подталкивало Афины к поиску путей улучшения советско-греческих отношений. 3 июня заместитель наркома иностранных дел СССР В. Г. Деканозов принял греческого посланника в Москве Маркети. Советский дипломат поинтересовался мнением посланника об общем положении в Средиземноморском регионе. Маркети ответил, что, согласно имеющейся у него информации, Греция придерживается нейтралитета и не собирается отказываться от этой позиции. У Греции нет оснований подозревать в чём-либо Италию, подчеркнул Маркети, но если Италия выступит против Греции, то греки обязаны защищать свой нейтралитет вместе со своими друзьями — турками. Последние, по мнению Маркети, выступают в двух случаях: во-первых, если Италия перенесёт войну в восточную часть Средиземного моря и, во-вторых, если Италия нападёт на Грецию, например займёт Корфу¹²⁴. В июне 1940 г. Афины заверили Москву, что Греция «желает поддерживать с СССР самые дружеские отношения» и видит в Советском Союзе страну, «заинтересованную в сохранении мира на Балканах, которая окажет Балканам в нужном случае серьезную поддержку». Метаксас подчеркнул, что различия политических режимов не должны мешать установлению дружественных отношений СССР и Греции¹²⁵.

Осенью 1940 г. греческое руководство продолжало свои попытки внести оживление в советско-греческие отношения, в том числе в экономической сфере. 21 сентября министерство иностранных дел вы-

разило готовность купить до конца года 100 тыс. тонн советского зерна¹²⁶. Однако СССР стремился не допустить ухудшения отношений со странами оси и держался в стороне от назревающего итало-греческого конфликта.

Осложнение отношений между СССР и Германией летом 1940 г. способствовало тому, что советское руководство стало последовательно проводить политику раздела Балкан на сферы влияния. Москва попыталась заключить новый германо-советский пакт, сутью которого стало бы оформление такого соглашения¹²⁷.

Удобным поводом для того, чтобы расширить рамки советско-германских территориально-политических договорённостей и распространить их на Балканы, явилось письмо И. фон Риббентропа И. В. Сталину от 17 октября, в котором Молотов приглашался в Берлин, чтобы обсудить отношение СССР к недавно образовавшемуся Тройственному пакту между Германией, Японией и Италией. Сталин ответил 21 октября согласием на проведение таких переговоров.

В директиве Сталина Молотову, датированной 9 ноября, были сформулированы задачи на переговорах с Германией. В частности, советскому наркому иностранных дел следовало выяснить, что ось намеревается предпринять в отношении Греции и Югославии¹²⁸. В центре советских интересов находились страны, примыкавшие к Черному морю.

Нападение Италии на Грецию ещё больше повысило заинтересованность Афин в сотрудничестве с Советским Союзом. 29 октября зам. наркома иностранных дел СССР А. Я. Вышинский принял греческого посланника С. Диамантопулоса. Посланник заявил, что греческая армия оказывает сопротивление итальянцам и имеет непоколебимое намерение отстаивать каждую пядь родной земли¹²⁹.

После нападения Италии греческая дипломатия, рискуя вызвать враждебную реакцию Германии в связи с резкой активизацией Греко-британского военного сотрудничества, предприняла попытку найти альтернативный источник поставок вооружений и с этой целью стала зондировать почву для заключения с Советским Союзом новых торговых соглашений. Греческий премьер в беседе с временным поверенным в делах СССР в Греции А. И. Лазаревым 7 ноября 1940 г. просил передать следующую просьбу советскому правительству:

«1) Продать Греции хлеб, рис и другие продукты питания, а также бензин и нефть;

2) продать металлы, необходимые для нужд военной промышленности, – железо, чугун, медь, никель, бронзу;

3) в связи с недостатком вооружения продать греческой армии самолеты и другое вооружение»¹³⁰.

СССР просьбу о продаже Греции оружия не удовлетворил. Москва понимала, что такая политика была бы расценена державами оси как «недружественный шаг», что привело бы к ухудшению отношений с Германией и Италией. Кроме того, определённые сложности вызывали вопросы оплаты, ведь Греция испытывала финансовые проблемы и в мирное время, а война с Италией ухудшила эту ситуацию.

18 декабря 1940 г. временный поверенный в делах СССР в Греции А. И. Лазарев принял военного министра Греции Н. Пападимоса. Генерал Пападимос обратился к советской стороне с очередной просьбой о помощи. Он просил продать значительное количество пушек и снарядов, а также организовать производство снарядов на советских заводах для артиллерии, принятой на вооружение в греческой армии. Если такого рода помощь Греции невозможна, Пападимос просил продать необходимое количество материалов, в частности стали, для производства пушек и снарядов. Также было высказано пожелание, чтобы СССР оказал техническую помощь греческим заводам, производящим вооружение¹³¹. Лазарев ответил, что правительство СССР придерживалось и придерживается политики нейтралитета в происходящей войне и помощь Греции вооружением и военными материалами означала бы нарушение этого нейтралитета. Вместе с тем «СССР находит возможным, продавать Греции продовольствие и некоторые другие товары»¹³².

Как отмечает исследователь советско-греческих отношений Ю. Д. Квашнин, после Дня «охи» (нападения Италии на Грецию 28 октября 1940 г.) официальные Афины стремились к более тесным контактам с Москвой, но эти попытки не дали желаемых результатов¹³³. В годовом политическом отчёте полпредства СССР в Греции за 1940 г. советские дипломаты вынуждены были констатировать, что «1940 год не дал ничего существенного во взаимоотношениях между Грецией и СССР в смысле улучшения этих отношений»¹³⁴.

Весьма показательна позиция СССР, занятая в связи с вторжением Германии и её союзников в Югославию и Грецию (операция «Марита»)¹³⁵. С одной стороны, ещё в январе 1941 г. СССР дал понять Германии, что считает Балканский полуостров сферой собственной

безопасности и поэтому выступает против развязывания войны в данном регионе. С другой стороны, Сталин не хотел портить отношений с Германией и поэтому, де-факто признав справедливый характер войны со стороны югославов и греков, никаких официальных заявлений об агрессии Германии против Греции и Югославии не сделал¹³⁶.

После оккупации Греции странами оси 3 июня 1941 г. миссии королевства Греция в СССР была направлена нота НКВД СССР, в которой говорилось о прекращении полномочий греческого посланника в СССР в связи с потерей Грецией суверенитета. Дипломатические отношения между государствами, таким образом, ненадолго были прерваны¹³⁷.

Следует отметить, что в 1939–1941 гг. Советский Союз не проводил в отношении Греции последовательной политики. До заключения пакта Молотова – Риббентропа Москва стремилась не допустить установления доминирования стран оси на Балканском полуострове с помощью системы коллективной безопасности. После заключения договоренности с Гитлером советская дипломатия была склонна руководствоваться логикой сфер влияний. Греция в сферу интересов Советского Союза не входила, однако возможное усиление позиций оси на Балканах не могло не вызывать беспокойства. Изменение ситуации в Европе в 1939–1940 гг. способствовало постепенному сближению интересов Москвы и Афин, которые становились все более озабоченными эскалацией военной экспансии держав оси. В целом и во второй половине 1940 г. Москва на Балканах действовала в рамках советско-германского сотрудничества. Берлин же к этому времени уже не стремился к достижению согласия со Сталиным.

После нападения Италии на Грецию в отношениях Москвы и Афин присутствовал определенный антигерманский и антиитальянский компонент. Афины прилагали усилия по активизации советско-греческих отношений, надеясь на поддержку Москвы. Однако идти на полномасштабное сотрудничество с Грецией против держав оси Советский Союз не собирался, официально придерживаясь нейтралитета в итало-греческом конфликте. Позиция СССР объяснялась нежеланием раздражать Германию, с которой Москва надеялась договориться о разделе Балканского полуострова на сферы влияния. Неготовность Сталина ставить под угрозу советско-германские отношения привела к тому, что Москва заняла очень сдержанную позицию и после начала операции «Марита», избегая открытого осуждения агрессора.

Иной была позиция США по греческому вопросу. Вашингтон намного меньше Москвы опасался испортить отношения с Берлином и видел в Лондоне потенциального союзника, а не идеологического противника. Хотя на начальном этапе подходы Кремля и Белого дома в понимании необходимости сохранения статус-кво на юге Балкан совпали. В письме американского посла в Афинах Л. Маквея президенту Рузвельту от 6 марта 1939 г. отмечалось, что «если в Европе вспыхнет война и Италия выступит на стороне Германии против Англии и Франции, то нейтралитет будет самой мудрой политикой для Греции». Маквей считал, что такой курс Афин мог быть приемлем для держав оси, однако он не мог удовлетворить Великобританию. Посол полагал, что Лондон предпочтет привлечь Грецию на свою сторону. В итоге Греция была отнесена к странам, сочувствующим демократии¹³⁸.

После начала Второй мировой войны Греция не выступила с официальным объявлением о собственном нейтралитете. 16 сентября Маквей в очередном письме президенту Рузвельту сообщил о своей недавней беседе с Метаксасом. Греческий диктатор сказал, что его страна не станет объявлять о нейтралитете, и это будет воспринято Турцией и Великобританией как свидетельство готовности Греции в случае необходимости выступить против Германии и Италии. Маквей имел сведения о том, что Греция и Турция координировали свои военные планы по обороне Салоник и Фракии¹³⁹. В сентябре 1939 г. посол Маквей от имени правительства США заявил греческому королю Георгиосу II, что Америка всегда была большим другом Греции и намерена и далее оставаться им¹⁴⁰.

В начале лета 1940 г. администрация Рузвельта начинает внимательно отслеживать ситуацию вокруг Греции. Реакция Белого дома на агрессию Италии против Греции определялась общей стратегией США на первом этапе мировой войны. 15 ноября Соединенные Штаты официально объявили о нейтралитете в итало-греческой войне¹⁴¹. В то же время послу Маквею было поручено сообщить греческому правительству, что США сочувствуют борьбе Греции с итальянской агрессией и по-прежнему испытывают к ней дружеские чувства¹⁴². Заместитель государственного секретаря С. Уэллес в беседе с полномочным представителем СССР в Соединенных Штатах К. Уманским 1 ноября, характеризуя позицию официального Вашингтона в итало-греческой войне, сказал: «Излишне говорить, что симпатии американского правительства целиком на сто-

роне Греции, обороне которой американское правительство стремится не мешать, а помогать»¹⁴³. Госдепартамент одобрил создание Ассоциации военной помощи Греции (The Greek War Relief Association), которой американцы пожертвовали за год более 5 млн долл.¹⁴⁴ В письме греческому королю от 5 декабря 1940 г. президент США выразил восхищение смелостью и стойкостью народа, храбро сражающегося с агрессором, и гарантировал, что помощь Америки будет распространена и на Грецию¹⁴⁵.

После нападения Италии греческое правительство обратилось к американцам с просьбой поставить 60 современных боевых самолетов¹⁴⁶. 20 ноября Вашингтон пообещал грекам поставить 30 современных истребителей Р-40. Однако выполнение обещания затягивалось, так как согласно американскому законодательству не было возможности оказывать финансовую помощь греческому правительству и, таким образом, военные поставки были возможны только при условии их полной оплаты греческой стороной¹⁴⁷.

Глава Управления по осуществлению Закона о ленд-лизе Э. Стеттиниус вспоминал, что при подготовке законодательства о ленд-лизе учитывалась и ситуация в Греции. Госсекретарь Хэлл указывал, что в конце концов Гитлер придет на помощь Муссолини и если это случится, «то неизвестно, кому и когда удастся его остановить»¹⁴⁸. Поэтому в администрации Рузвельта зрело убеждение, что оборона Греции важна, в конечном счете, для обеспечения безопасности США. В конечном итоге Вашингтон разрешил военные поставки и отгрузку лекарств в Грецию и объявил, что Греция имеет право на помощь по ленд-лизу¹⁴⁹.

Ухудшение ситуации вокруг Греции вызывало серьезную озабоченность в Соединенных Штатах. Хэлл отмечал в своих мемуарах, что с начала января 1941 г. к нему отовсюду приходила информация о намерениях Гитлера напасть на Грецию, чтобы помочь Муссолини¹⁵⁰. Белый дом в очень сложной международной обстановке стремился активней участвовать в делах Европы. В рамках данного курса в Юго-Восточную Европу и на Ближний Восток был направлен личный представитель президента полковник Уильям Донован, поездка которого продолжалась с 6 декабря 1940 г. по 18 марта 1941 г.¹⁵¹

В середине января Донован прибыл в Афины. Он находился в Греции с 15 по 17 января 1941 г., изучая ситуацию. В разговоре с Маквеем полковник сообщил о целях своего визита: выяснить степень

готовности страны оказывать сопротивление оси и определить, чем Америка сможет ей помочь. Он подчеркнул, что правительство США серьезно настроено проводить новый внешнеполитический курс¹⁵². Тот факт, что визит Донована совпал по времени с пребыванием в Афинах британской делегации, демонстрировал американскую поддержку британского курса в отношении Греции.

Полковник провел переговоры с греческим королем Георгиосом II, премьер-министром Метаксасом и главнокомандующим Папагосом. Метаксас высоко оценил поддержку Греции со стороны Соединенных Штатов и предположил, что оно оживит сопротивление Германии со стороны Югославии и Болгарии и даже, возможно, предотвратит немецкое нападение. Посланцу из Вашингтона вновь была высказана просьба о поставке обмундирования для греческой армии, вооружений и боеприпасов¹⁵³. Донован внушал руководителям Греции мысль о серьезности намерений Соединенных Штатов поддерживать демократические государства, которые сражаются с осью¹⁵⁴. Полковник посетил в британском посольстве одно из заседаний греко-британских переговоров, на котором обсуждался вопрос об оказании военной помощи Греции¹⁵⁵. Англичане просили полковника после посещения Греции отправиться в Болгарию и Югославию, чтобы повлиять на позицию их правительств. Маквей также поддерживал эту идею¹⁵⁶. Англичане стремились использовать поддержку американцев в деле создания Балканского фронта. Лондон надеялся, что американцы смогут помочь склонить Турцию и Югославию к сотрудничеству с Британией и Грецией против оси¹⁵⁷.

В разговоре с американским послом Донован отмечал, что война с Германией неизбежна и даже желательна. Втягивание Германии в борьбу на Ближнем Востоке, по мнению полковника, соответствовало британским интересам, ибо вынуждало немцев вести войну на два фронта. Грецию также следовало привлечь к реализации большой стратегии, рискуя её ближайшим будущим ради конечной цели¹⁵⁸. Таким образом, Донован поддержал английскую линию на оказание помощи грекам вне зависимости от угрозы создать повод для агрессии со стороны Германии.

19 января 1941 г. Маквей в своем очередном письме президенту писал, что Донован «выполнил великую работу»¹⁵⁹. Визит Донована привлек внимание германской разведки. Позиция греков по вопросу о британской помощи заметно изменилась после отъезда Донована в

Софию, и немецкие разведчики считали это следствием влияния американского эмиссара¹⁶⁰. Немцы полагали, что Донован убедил премьер-министра Метаксаса согласиться на британские планы защиты Греции¹⁶¹. Посетив Болгарию и Югославию, Донован вернулся в Грецию. 27 января он вновь встретился с греческими лидерами с целью обсуждения возможных американских поставок¹⁶². Полковник давал щедрые обещания американской помощи¹⁶³. Он считал, что Великобритания следует поддерживать для того, чтобы использовать её ресурсы в войне с осью с максимальной эффективностью. В целом можно заключить, что Донован действительно защищал британскую балканскую стратегию и стремился её осуществить¹⁶⁴. Он пытался использовать американское влияние, чтобы стимулировать формирование военно-политического блока Великобритании, Греции, Югославии, Турции и Болгарии против Германии.

Журнал «Тайм» 31 марта 1941 г. опубликовал статью «Война полковника Донована», посвященную его поездке на Балканы и Ближний Восток. В статье подчеркивался факт совпадения английских и американских интересов по вопросу сдерживания экспансии Германии¹⁶⁵. Хотя официально Вашингтон придерживался линии на сохранение нейтралитета балканских государств, фактически миссия Донована означала поддержку британских планов сколотить новый фронт против Италии и Германии. Не случайно англичане высоко оценили миссию Донована. Иден в беседе с Гопкинсом во время визита последнего в Лондон назвал её «чрезвычайно полезной»¹⁶⁶. Английский король Георг в послании президенту отметил, что переговоры Донована имели «превосходный эффект»¹⁶⁷.

Ещё в начале 1941 г. Соединенные Штаты начали военные поставки в Грецию. Процесс принятия решений по этому поводу, да и сама организация поставок продвигались трудно, порой болезненно. По словам Джеймса М. Бернса, Рузвельт в этот период был неспособен к активным действиям «из-за сопротивления Конгресса, неадекватного вооружения и собственных сомнений», но он тем не менее пытался что-то предпринимать: «Президент поочередно пользовался угрозами, взятками в виде поставок по ленд-лизу, моральным увещанием и дружескими советами»¹⁶⁸. К февралю Греция получила от США только 2000 снарядов для 57-миллиметровых орудий¹⁶⁹. Э. Стеттиниус писал в своих мемуарах: «Ко времени принятия закона о ленд-лизе у нас хватило времени только на то, чтобы быстро отправить грекам оказав-

шиеся под рукой оружие и боеприпасы. В первую очередь им были нужны самолеты-истребители и артиллерия, приспособленная для боев в горах. Отправка в Грецию 75-миллиметровых орудий и снарядов была лишь небольшим нашим вкладом в дело помощи этой стране»¹⁷⁰.

11 марта 1941 г., через три часа после подписания Закона о ленд-лизе, Рузвельт утвердил директиву № 2, которая объявляла жизненно важной для национальной обороны Соединенных Штатов защиту Греции и санкционировала передачу грекам вооружения и боеприпасов¹⁷¹. 17 марта король Георгиос II обратился к американскому президенту с выражением благодарности в связи с распространением на Грецию закона о ленд-лизе¹⁷².

В конце марта американцы составили план передачи Греции дополнительно некоторого количества тех военных самолетов и орудий, которые должны были быть произведены в ближайшее время. Часть истребителей, приготовленных для Англии, были доставлены на корабль, отплывший 1 апреля из Нью-Йорка в Средиземное море, остальные отправились по назначению через 4 дня¹⁷³.

Сразу после нападения Германии в начале апреля 1941 г. греческое правительство обратилось к американцам с просьбой в срочном порядке поставить боеприпасы и артиллерию¹⁷⁴. Подробный ответ на просьбу с обещаниями дальнейших военных поставок был подготовлен и передан греческой стороне 16 апреля, за 11 дней до занятия Афин немецкими войсками¹⁷⁵. Помощь Соединенных Штатов явно запоздала. 25 апреля Рузвельт выступил с заявлением: «Вне зависимости от временного результата текущей стадии войны в Греции, я полагаю, что греческий народ, в конечном счете, вновь победит и восстановит свою политическую независимость и территориальную целостность своей страны. В этой высокой цели греческий народ и его правительство могут рассчитывать на помощь и поддержку правительства и народа Соединенных Штатов»¹⁷⁶.

В 1939 г. Греция оказалась в фокусе внимания Соединенных Штатов, интерес которых был теперь не только экономическим. США выстраивали собственные отношения с Грецией в соответствии с общей стратегией поддержки государств, которые противостоят оси. Дипломатия США в это время стремилась, во-первых, не допустить сползания Афин на позиции стран оси и, во-вторых, избегать какого-либо, кроме морального, содействия грекам. В случае нападения Италии на Грецию

помощь должны были предоставлять англичане. Совпадение целей США и Великобритании (остановить агрессию стран оси) привело к тому, что Вашингтон в целом поддерживал британскую политику и не выражал неприятия каких-либо её аспектов. Осознавая, что возможности Великобритании крайне ограничены, греческие руководители активно искали поддержку других великих держав, в том числе, и даже в первую очередь, Соединенных Штатов.

В течение 1940–1941 гг. Вашингтон уделял все больше внимания событиям в Балкано-Средиземноморском регионе. Агрессия Италии против Греции способствовала росту внимания американской дипломатии к этой стране. Если в 1939 г. главной заботой американского посла в Афинах были экономические вопросы, в частности заключение торгового договора, то в 1940–1941 гг. фокус внимания переместился в политическую и военную сферы. Активность американского посольства в Афинах существенно возросла, оно постоянно отслеживало внутриполитическую ситуацию в стране, а после нападения Италии – ход боевых действий и развитие переговорного процесса по вопросу оказания англичанами помощи грекам. Вашингтон осудил действия Италии и оказывал сначала моральную, а затем и материальную помощь грекам. Греческий фактор сыграл заметную роль в процессе втягивания Соединенных Штатов в европейские дела.

Однако в этот период проявились и слабости американской политики. Наблюдалось явное запаздывание реакции на события в Европе. Греции, которая подверглась агрессии со стороны Италии, Рузвельт первоначально смог предложить только моральную и дипломатическую поддержку. И всё же влияние США в регионе постепенно возрастало. Между Вашингтоном и Афинами были установлены доверительные отношения. В то же время США в тот момент продолжали признавать Грецию сферой британских интересов.

Выводы по 1.1

1939–1941 гг. стали важным периодом в развитии балканской политики Советского Союза и Соединённых Штатов. Оба государства столкнулись с необходимостью противодействия нацистской агрессии, в том числе на Балканском полуострове. Данная цель не была достигнута.

Весь регион, включая Грецию, оказался под властью Берлина. Сфера германского контроля расширилась до Средиземного моря. Гитлер получил возможность продолжить наступление к нефтеносным районам Ближнего Востока, создать угрозу южным рубежам СССР и британскому влиянию в Индии. Тем не менее действия Москвы и Вашингтона на Балканах имели большое значение.

Несмотря на несовпадение интересов и существенные различия в ресурсах, направленных на их реализацию, цели балканской политики Советского Союза и Соединённых Штатов на данном этапе совпали.

Москва не просто была озабочена расширением германского влияния, но и стремилась принять участие в переделе контроля над близлежащими регионами. Это породило двойственность советской политики – обеспечение безопасности СССР сочеталось со стремлением Сталина распространить советское влияние на ряд соседних балканских стран и, по возможности, на весь регион. Отчасти это было следствием желания восстановить внешнеполитические традиции Российской империи. К концу 1940 г., когда обозначилась тактическая победа нацистской Германии и фашистской Италии, цели Москвы на Балканах всё больше совпадали с американскими.

Возможности США на Балканах были крайне ограничены, поэтому им приходилось использовать английские каналы влияния на ситуацию в регионе. В конечном итоге в первые месяцы 1941 г., вопреки идеологическому противостоянию, различиям в устройстве социально-экономических систем и политических режимов, а также геополитическому соперничеству, наметилась общность интересов и возникли предпосылки для будущего сотрудничества.

Не сумев предотвратить установление нацистского контроля над регионом, будущие союзники создали для Берлина ряд затруднений. Сдерживая болгар и югославов от присоединения к Тройственному пакту и вынуждая Белград и Афины воспротивиться нацистскому диктату, Москва и, через англичан, Вашингтон спровоцировали стремление Гитлера наказать непокорных. Жестокость нацистского вторжения в Югославию и Грецию породила не менее ожесточённое Сопротивление на Балканах.

Балканская политика и СССР и США в 1939–1941 гг. характеризовалась заметным возрастанием интенсивности контактов и разнообразием дипломатических и военно-политических действий. До Второй

мировой войны СССР не имел полноценных отношений с балканскими государствами и пытался влиять на дела этого региона, главным образом используя политические возможности и пропагандистские каналы Коминтерна. Начало войны побудило Москву ускорить процессы, имевшие цель восстановить на Балканах полноценное российское присутствие через нормализацию дипломатических отношений со странами полуострова и заключение с ними ряда экономических и военных соглашений. Для США этот период также характеризовался вовлечением в балканские дела, сопровождавшимся, наряду с декларациями о намерении защитить здесь «демократические ценности» от посягательств агрессоров, первыми актами военной помощи.

1.2. Страны Ближнего и Среднего Востока в политике СССР и США на начальном этапе Второй мировой войны

Ближний Восток всегда был важнейшим геополитическим регионом в мировой политике. В настоящее время в американском политическом лексиконе появилось понятие «Большой Ближний Восток», прежде использовались термины Ближний Восток (Near East) или Средний Восток (Middle East). В англоязычной литературе этими терминами обозначался единый обширный регион, куда входили Турция, Иран, Афганистан, арабские страны от Ирака до Леванта и Палестины и аравийские монархии. Само определение «Near East» в США было введено геополитиком А. Мэхэном¹⁷⁷. В 1937 г., осознавая важность региона, в Госдепартаменте был создан Ближневосточный отдел, который помимо названных стран отвечал за отношения с Грецией, Африкой, кроме ЮАР, Индией. В 1944 г. произошла реорганизация, в результате которой появилось Управление ближневосточных и африканских дел с тремя отделами: ближневосточным (арабские страны), средневосточным (Иран, Ирак, Турция, Афганистан, Индия) и африканским.

Накануне Второй мировой войны по уровню общественно-политического, экономического развития, месту и роли в политике великих держав страны Ближнего и Среднего Востока заметно отличались друг от друга. Наиболее влиятельным субъектом международных отношений

была Турция, на Арабском Востоке в роли региональных лидеров выступали Саудовская Аравия и Египет, Иран и Афганистан находились в традиционном поле англо-российско/советских противоречий.

На Ближнем Востоке преобладало политическое и экономическое влияние Великобритании, позиции Франции были слабее. Советская политика наиболее активно проявлялась в отношении Турции, Ирана и Афганистана. С арабскими странами не было дипломатических отношений. В 1930-е гг., после прихода нацистов к власти, активизировалась политика Германии, притом в рамках всего региона. Что касается США, то их вхождение в ближневосточную зону международных отношений, если не считать укрепление позиций нефтяных монополий в Саудовской Аравии накануне войны, связано с начавшейся в 1939 г. европейской войной.

1.2.1. Политика Советского Союза и Соединенных Штатов в отношении Турции

На Ближнем Востоке заметную внешнеполитическую активность накануне Второй мировой войны проявила Турция. Влиять на отношение этой страны к начавшейся войне пытались, по существу, все великие державы, в том числе СССР и США. Турецкое правительство вело сложную дипломатическую игру в Европе и Восточном Средиземноморье, в которую постепенно втягивались Соединённые Штаты Америки.

Внешняя политика Турции, после завершения работы Лозаннской конференции (июнь 1923 г.) и до подписания англо-франко-турецкого Договора о взаимной помощи 19 октября 1939 г., демонстрировала отход от позиции неприсоединения и всё возрастающее желание найти союзников среди европейских держав. В конце 1920-х – начале 30-х гг. в Анкаре полагали, что таким союзником мог бы стать СССР, так как в тот период турецко-советские отношения находились на достаточно высоком уровне. Однако возросшая угроза со стороны Италии поставила турецкое руководство перед необходимостью найти союзника, обладающего мощным военно-морским флотом, которого не было у СССР. Данное обстоятельство ставило перед Анкарой задачу восстановления дружеских отношений с Великобританией, не отказываясь при этом от сотрудничества с СССР. 17 июня 1934 г., во время беседы с послом

Великобритании Перси Лорейном, турецкий президент Кемаль Ататюрк намекнул на желательность установления более близких отношений с Великобританией. На реплику посла о том, что в настоящий момент самым близким другом Турции является СССР, Ататюрк с раздражением заметил, что одно не исключает другое¹⁷⁸. Эта беседа служит подтверждением того, что турецкое правительство намеревалось улучшить свои отношения с Великобританией, не прекращая сотрудничества с СССР. Необходимо отметить, что созванная по инициативе правительства Турции конференция в Монтрё (Швейцария, 22 июня – 21 июля 1936 г.) способствовала существенному укреплению позиций этой страны в регионе. Подписанная по итогам конференции новая Конвенция о проливах, предусматривала ликвидацию комиссии по управлению Проливами, учреждённую ещё Лозаннской Конвенцией, и возвращение её функций турецкому правительству. Таким образом, суверенитет Турции в этом стратегически важном районе был восстановлен. Конвенция в Монтрё допускала возможность демилитаризации Проливов, а также регламентировала порядок прохода через Проливы и Мраморное море торговых и военных кораблей причерноморских и нечерноморских государств в мирное и военное время. Принципиальными новациями Конвенции стали положения о том, что в случае участия Турции в войне, а также если правительство этой страны сочтёт, что существует реальная угроза вступления в войну, то ему предоставляется право разрешать или запрещать проход через Проливы любых военных судов; во время войны, в которой Турция участия не принимала, Проливы закрывались для прохода судов любой воюющей державы¹⁷⁹.

После смерти Ататюрка 10 ноября 1938 г. президентом страны был избран Исмет Инёню. Основной задачей его внешней политики было провозглашено удержание Турции вне разгорающейся войны.

Правительство Турции большое значение придавало обеспечению безопасности своей страны не только в Средиземном, но и в Чёрном море, что в свою очередь диктовало необходимость сохранения дружественных и партнёрских отношений с СССР. Турецкие лидеры отдавали себе отчёт в том, что в случае возможного военного конфликта с Италией или возникновения угрозы вторжения немецкой армии северные границы страны должны быть в безопасности. В Анкаре формировалось понимание того, что создание единого фронта против Германии и Италии без участия СССР со стратегической точки зрения не имеет

перспективы. Поэтому министру иностранных дел Турции Р. Арасу, находившемуся в апреле 1939 г. с визитом в Великобритании, были даны инструкции прозондировать, как правительство Н. Чемберлена отнесётся к созданию в Восточной Европе при содействии Великобритании антигерманского союза, участниками которого будут Турция, СССР, Польша и Румыния. Англичане отклонили этот план, посчитав его нереалистичным ввиду сложных отношений между СССР и его восточными соседями – Польшей и Румынией. Но сам факт такого предложения говорит о том, что накануне Второй мировой войны турецкие лидеры считали, что без участия СССР, Англии, Франции и Турции не удастся сдержать Германию. Министр иностранных дел Турции Ш. Сараджоглу, сменивший на этом посту Араса весной 1939 г., в беседе с послом США в Турции Дж. Макмюрреем заявил, что турецкое правительство хотело бы, чтобы в случае конфликта с Германией, СССР с его сильной армией воевал против немцев и итальянцев. Макмюррею показалось, что Сараджоглу, произнося эту фразу, имел в виду, что нельзя допустить, чтобы у СССР была возможность сохранять или даже преумножать свой военный потенциал, в то время как страны Европы будут истощать себя в войне против Германии и Италии, так как при таком повороте событий рано или поздно наступит момент, когда никто не сможет сдержать Москву от экспансии на Запад¹⁸⁰.

Очевидно, что создание союза между Турцией, Румынией и СССР при поддержке Великобритании было выгодно Турции и открывало ей возможность стать посредницей в советско-британских отношениях.

После нападения Италии на Албанию, в начале апреля 1939 г. англо-турецкий переговорный процесс вступил в заключительную фазу. Одновременно шла подготовка договора между Турцией и Францией о взаимопомощи в Средиземном море. Узнав об этом, руководство Германии предприняло попытку не допустить сближения Лондона и Парижа с Анкарой. 28 апреля 1939 г. Франц фон Папен, посол Германии в Турции, во время беседы с Сараджоглу заметил, что, пока Турция сохраняет дружеские отношения с Германией, ей не нужно опасаться Италии¹⁸¹. Но слова посла не достигли цели. Турецкое руководство по-прежнему рассматривало Италию как источник угрозы безопасности своей страны. В Анкаре полагали, что только Великобритания с её мощным флотом сможет стать надёжным союзником в Средиземноморье в случае нападения Италии.

Турки обладали хорошей исторической памятью. Дружественные отношения Османской империи с кайзеровской Германией не помешали Италии в 1911 г. напасть на Триполи. Большинство исследователей, занимающихся историей внешней политики Турции этого периода, считают вполне логичным тот факт, что руководство турецкой республики в своей внешней политике взяло курс на сближение с Великобританией, отказываясь от более тесного сотрудничества с СССР, объясняя это тем, что Москва не могла предоставить Анкаре гарантий безопасности ни в Средиземном, ни в Чёрном море в силу слабости своей армии и экономики¹⁸². Однако существует и другая точка зрения. Турецкий историк Кемаль Карпат считает ошибкой действия турецкого правительства, так как, по его мнению, в разгорающемся европейском конфликте Турции в первую очередь следовало позаботиться о том, чтобы иметь в своих союзниках СССР, и только после решения этой задачи надлежало устраивать свои отношения с Великобританией. Он также отмечает, что периоды подъёма национальной экономики и успехи Турции во внешней политике, как правило, совпадали с периодами тесного сотрудничества с СССР¹⁸³.

Тем не менее в результате начавшихся ещё 15 апреля 1939 г. переговоров между Турцией и Англией 12 мая 1939 г. была подписана англо-турецкая декларация, которая предполагала заключение договора о взаимопомощи. А благодаря решению проблемы Хатая (Александреттского санджака), стало возможным подписание 23 июня 1939 г. подобной декларации и с Францией¹⁸⁴.

Отношение советского руководства к англо-франко-турецким переговорам поначалу было благожелательным. Заместитель народного комиссара иностранных дел В. П. Потёмкин, посетивший в апреле того же года Анкару с целью обсуждения возможности подписания советско-турецкого договора о взаимопомощи¹⁸⁵, в беседе с президентом Турции Инёню заметил, что в Москве благожелательно относятся к заключению соглашения между Анкарой, Лондоном и Парижем, и выразил надежду, что подписание договора послужит укреплению дела мира, добавив, что в настоящее время в Москве ведутся англо-франко-советские переговоры о заключении аналогичного договора и что Москва готова заключить такой же договор с Анкарой¹⁸⁶.

Хотя турецкое руководство было довольно установившимся уровнем взаимоотношений с Великобританией¹⁸⁷, но в то же время в Анка-

ре понимали, что Лондон на этот шаг подтолкнули агрессивные действия Германии и Италии в Европе. В первую очередь договор был выгоден Лондону, так как в случае начала войны для Великобритании было очень важно иметь союзнические отношения с Турцией, которая благодаря своему географическому положению могла защитить ближневосточный фланг Британской империи. Кроме того, англичане опасались возможного сближения между СССР и Германией. Анкаре это было известно. Беседуя с Потёмкиным, Инёню обронил фразу о том, что Германия в скором времени может напасть на СССР, и, хотя в Лондоне надеются, что события примут именно такой оборот, британцы также понимают, что этого может и не произойти, и поэтому они пытаются найти себе союзников где угодно¹⁸⁸.

У турецкого руководства сложилось впечатление, что в Москве были недовольны тем, что турецкая сторона не должным образом информировала Кремль о ходе переговоров с англичанами¹⁸⁹. Сараджоглу говорил британскому послу в Турции Х. Нэтчбулл-Хьюджессену о претензиях руководства СССР, считавшего, что от него намеренно скрывают информацию о переговорах, тем самым возбуждая рост недоверия в отношениях между двумя государствами¹⁹⁰. Турецкий посол в СССР З. Апаидын 13 мая 1939 г. сообщал в Анкару, что НКВД почти никак не отреагировал на англо-турецкую декларацию и что только после того, как он напомнил об этом в НКВД, ТАСС опубликовал короткую заметку¹⁹¹.

Заключение 23 августа 1939 г. советско-германского пакта о ненападении застало турецкое руководство врасплох. На следующий день после его подписания Сараджоглу во время беседы с послом Макмюрреем, коснувшись этой темы, заявил, что в Анкаре удивлены и ошеломлены той скоростью, с которой он был подписан. По словам министра, этот шаг серьёзным образом мог отразиться на состоянии турецко-советских отношений, а также ставил крест на продолжении англо-советских переговоров о возможном союзе против Германии¹⁹². Другими словами, сбывались самые худшие опасения турецкой дипломатии – Великобритания и СССР оказались в разных лагерях, что в свою очередь сводило на нет стремление Анкары стать посредницей в отношениях между этими странами в случае их сближения.

1 сентября 1939 г. началась Вторая мировая война – Германия напала на Польшу, а 17 сентября СССР ввёл свои войска на территории западной Украины и Белоруссии. Военные действия распространи-

лись и на Средиземноморье. Включение восточных территорий Польши в состав СССР укрепило турецкое руководство в их подозрениях в том, что Москва во внешней политике возвращается к имперской политике царского правительства, направленной на расширение территории.

В такой обстановке турецкое руководство, стремясь получить гарантии территориальной целостности для своей страны, предприняло попытку подписания с СССР договора, сходного по содержанию с тем, который Турция намеревалась подписать с Великобританией и Францией¹⁹³. Для ведения переговоров Сараджоглу 24 сентября направился в СССР¹⁹⁴.

Несмотря на то, что Сараджоглу прибыл в Москву 26 сентября, Сталин и Молотов встретились с ним только 1 октября, уже после того, как 28 сентября был подписан советско-германский Договор о дружбе и границе. Это дало ещё один повод турецкой делегации убедиться в том, что внешнеполитические приоритеты Кремля изменились в пользу Германии и что теперь Москва окончательно откажется от диалога с Великобританией и Францией. Исходя из этих соображений, Сараджоглу принял решение уклоняться от любых предложений советских руководителей, которые противоречили бы духу англо-турецкой декларации.

Во время встречи с Сараджоглу Сталин и Молотов, которые были знакомы с проектом англо-франко-турецкого договора, выказали турецкому министру свою озабоченность по поводу его предстоящего подписания¹⁹⁵. Затем Сталин предъявил ряд требований, без выполнения которых, по его мнению, было невозможно заключение нового советско-турецкого договора. Во-первых, Турции предлагалось отказаться от оказания военной помощи Великобритании и Франции в случае их войны с Германией, а также от предоставления аналогичных гарантий Греции и Румынии. Во-вторых, в статью договора, освобождающую Турцию от обязательств перед Великобританией и Францией, если они нападут на СССР, требовалось внести изменения, обязывающие Турцию сохранять нейтралитет в течение всего конфликта. В-третьих, согласие СССР подписать договор с Турцией оговаривалось условием, согласно которому в результате возможного германо-турецкого конфликта СССР также оставался нейтральным. В-четвёртых, Анкаре было предложено согласиться на пропуск советских военных кораблей через Проливы не только в мирное, но и в военное время. После консультаций со своим правительством Сараджоглу ответил, что Анкара готова согласиться на первые два предложения Сталина¹⁹⁶.

По мнению турецких лидеров, внесение этих изменений не меняло сути англо-франко-турецкого договора. Лондон и Париж, проинформированные Анкарой о характере советских предложений, одобрили позицию Сараджоглу, занятую в отношении первых двух пунктов. Что касается четвёртого пункта, то турецкое правительство отказалось его принять, так как это привело бы к потере турецкого контроля над Проливами.

Возникают вопросы, могла ли Анкара на данном этапе подписать договор с Москвой на условиях Сталина и Молотова и остаться в стороне от разгоравшейся войны? Рассматривало ли турецкое руководство недавно заключенный англо-франко-турецкий договор только лишь как документ, обязывавший Великобританию и Францию защищать Турцию в случае нападения на неё Италии и Германии без взаимных гарантий с её стороны? Что касается советско-турецкого договора в том виде, который предлагал Сталин, то, вероятнее всего, Турция не пошла бы на его подписание, так как в этом случае ей пришлось бы согласиться на советское военное присутствие в зоне Проливов, что в конечном итоге могло привести к вовлечению страны в войну в том случае, если бы СССР и Германия выступили единым фронтом против Великобритании и Франции. В сентябре 1939 г. такое допущение невероятным не казалось. Турки, безусловно, были довольны тем обстоятельством, что в соответствии с достигнутыми договорённостями англичане и французы обещали оказывать им финансовую помощь. Но в вопросе о военно-политических гарантиях безопасности в случае нападения Италии и Германии они не имели иллюзий: трагический пример Польши, у которой существовал договор о взаимопомощи с Великобританией и Францией, показал турецким лидерам, что само по себе наличие договоров такого рода не означает, что реальная помощь действительно будет оказана. Придя к таким выводам, Инёню и Сараджоглу не прекращали контактов с правительствами Германии и Италии, стремясь тем самым обеспечить безопасность своей страны. В конце октября 1939 г. Х. Нэтчбулл-Хьюджессен сообщал в Лондон, что у него сложилось впечатление, что турки готовы подписать с Италией договор, аналогичный англо-турецкому, если получат заверения в том, что их интересы на Средиземном море и Балканах будут надёжно защищены¹⁹⁷.

Турецкие лидеры осознавали, что заключение договора с Великобританией и Францией влечёт за собой обострение отношений с СССР.

А подписание пакта Молотова – Риббентропа и последующего за ним Договора о дружбе и границе привело, по мнению турецкого руководства, к осложнению ситуации в Юго-Восточной Европе и на Балканах. По словам Макмюррея, главным источником тревоги турецкой элиты в то время был вопрос о том, будет ли СССР стремиться к расширению сферы своего влияния в рамках сотрудничества с Германией или же в Москве ограничатся экономическим сотрудничеством с нацистами¹⁹⁸.

Сараджоглу, например, полагал, что СССР продолжит сотрудничество с Турцией. Но большинство членов турецкого правительства, включая и Инёню, по словам Макмюррея, считало, что недавние действия Москвы таят в себе угрозу для независимости их страны. После длительных дискуссий было принято решение считать первостепенной задачей турецкой дипломатии на данном этапе дальнейшее укрепление союзных отношений с Великобританией и Францией. Полагая, что союзный договор с СССР сулит больше проблем, чем выгод, и, в то же время опасаясь остаться в изоляции, Анкара сделала свой выбор в пользу сотрудничества с западными державами. Таким образом, система параллельных пактов, которую Турция предлагала до этого, не сформировалась¹⁹⁹.

Исходя из этих соображений, в Анкаре было принято решение о скорейшем подписании договора с Лондоном и Парижем. К октябрю 1939 г. политические и военные детали англо-франко-турецкого договора были согласованы. При возникновении угрозы военного нападения Германии и Италии на Турцию, Англия и Франция обещали ей военную поддержку. Три государства приняли на себя обязательство оказывать поддержку друг другу в случае начала военных действий в Средиземноморье, кроме того, Турция гарантировала помощь своим союзникам в выполнении их гарантий Греции и Румынии. Если Великобритания и Франция вступят в войну, но военные действия не затронут Средиземноморье, Турции надлежало консультироваться с ними и сохранять благожелательный нейтралитет. И наконец, специальный протокол освобождал Турцию от любых действий в случае конфликта Англии и Франции с Советским Союзом.

Разногласия в области экономики задержали заключение договора. За разрыв отношений с Германией турки требовали ссуду в 15 миллионов фунтов стерлингов, масштабных военных поставок, а также предоставление рынков сбыта для турецких товаров в том случае, если

Турции придётся разорвать отношения с Германией. Анкара также настаивала на включении в договор пункта, который освобождал бы её от обязательств в отношении союзников до тех пор, пока её требования относительно военных поставок не будут полностью выполнены. Несмотря на то что условия были завышенными, Лондон согласился на них как на необходимую цену за турецкое сотрудничество. 19 октября 1939 г. Великобритания, Франция и Турция подписали договор о взаимопомощи²⁰⁰.

Наркомат иностранных дел СССР официально не демонстрировал негативного отношения к англо-франко-турецкому договору, но в статье, подготовленной Молотовым для публикации в «Известиях», были затронуты некоторые принципиальные моменты. Критика адресовалась Англии и Франции, а в отношении Турции чувствовалась лояльность и осторожность. Отмечалось, что «была сделана неудачная попытка при помощи параллельных пактов между СССР и Турцией, с одной стороны, и Англией, Францией и Турцией – с другой, вовлечь СССР в комбинацию, направленную главным образом против Германии и эвентуальных противников Англии и Франции в бассейне Средиземного моря»²⁰¹.

США играли незначительную роль в борьбе, которая развернулась в конце 1930-х гг. между европейскими державами за политическое влияние в Турции. Симпатии правительства США были на стороне Великобритании и Франции. Посол Макмюррей следующим образом охарактеризовал состояние американо-турецких отношений: «Я не думаю, что США имели какое-либо влияние на политику, проводимую Турцией накануне войны. Турки с подозрением смотрели на нацистскую Германию, и их симпатии были на стороне Великобритании. Британцы в свою очередь, опасаясь того, что Турция может выступить на стороне Германии и её союзников, как это уже было в 1914 г., всячески поддерживали позицию “дружественного нейтралитета”, которую занимала Турция. США не предпринимали никаких усилий, чтобы каким-либо образом влиять на турецкую позицию, хотя, конечно, не делая секрета, что их симпатии находятся на стороне Великобритании»²⁰².

К началу Второй мировой войны между внешней политикой Турции и США можно было найти определенное сходство. Их объединяло стремление остаться нейтральными в разгоравшемся конфликте. Поведение Турции резко контрастировало с её действиями в Первой мировой

войне, когда она сражалась на стороне блока Центральных держав. Несмотря на то, что, как и перед Первой мировой войной, позиции Германии в её экономике были значительными, на этот раз Анкара склонялась к тому, чтобы сохранить нейтралитет²⁰³.

К началу 1940 г. ситуация в Европе и на Балканах резко обострилась. Попытки мобилизовать балканские государства против германской или итальянской агрессии не увенчались успехом – одна часть балканских государств опасалась Германии, а другая – желала с ней сотрудничать, и поэтому попытки турецкого правительства самостоятельно, в рамках Балканской Антанты, создать систему защиты против Германии оказались тщетными. Вступление Италии в войну против Франции вывело на повестку дня проблему обязательств, взятых на себя Турцией по договору от 19 октября. В связи с тем, что военные действия распространились на Восточное Средиземноморье, послы Англии и Франции в Анкаре передали турецкому руководству требования своих правительств вступить в войну в соответствии с союзным договором. Но, пока шли переговоры, Франция капитулировала.

Проблема возможного вступления в войну стала предметом обстоятельного анализа в турецких политических кругах. Менеменджюглу (генеральный секретарь МИДа) и Сараджюглу, ведущие фигуры турецкой внешней политики, нашли аргументы, чтобы удержать страну от участия в боевых действиях. МИД заявил, что, во-первых, обещанные по договору с Великобританией и Францией вооружения и боеприпасы до сих пор не поступили, во-вторых, если Турция вступит в войну, то военные операции распространятся и на Средний Восток, и, в-третьих, вступление Турции в войну может спровоцировать Советский Союз на ответные меры. На основании этих аргументов правительство приняло решение о сохранении нейтралитета²⁰⁴.

В октябре 1940 г. Анкара предприняла еще одну попытку создания блока для противодействия Германии. 9 октября 1940 г. посол в США К. Эртэгон в беседе с заместителем государственного секретаря А. Бёрлом попросил правительство США помочь Турции в создании блока из четырёх государств – СССР, Греции, Турции и, возможно, Болгарии – для противодействия агрессии Германии и Италии на Балканском полуострове.

Турецкий посол заявил, что его страна всегда стремилась поддерживать дружеские отношения со всеми странами и, в особенности, с

Советской Россией, несмотря на возникающие время от времени разногласия. Однако в настоящий момент ситуация резко изменилась. Присутствие немецких вооружённых сил в Румынии создаёт угрозу для Турции. В сложившейся обстановке, заявил посол, необходимо создать блок из Балканских государств при участии СССР для предотвращения распространения боевых действий на Балканах. В деле создания подобного союза, продолжал он, Турция хотела бы рассчитывать на поддержку США. В этом случае можно было бы избежать неминуемой катастрофы²⁰⁵.

На вопрос Бёрла, является ли это предложение результатом выполнения инструкций, полученных послом из Анкары, он ответил отрицательно, заявив, что это его личная инициатива, но дал понять, что в случае предварительного согласия американской стороны его правительство обратится с официальным предложением.

Ближневосточный отдел Государственного департамента под руководством У. Мюррея внимательно следил за обстановкой на Ближнем и Среднем Востоке, а также за ситуацией в Европе. Диапазон сведений, собираемых ОБД по различным аспектам международных отношений, был довольно обширным. В этот период американских дипломатов интересовала, прежде всего, трансформация отношений Германии и Советского Союза и у них к тому времени сложилось собственное понимание проблемы.

Основываясь на информации, подготовленной Ближневосточным отделом, Бёрл изложил турецкому послу свое видение ситуации. Аналитики Госдепартамента полагают, заявил Бёрл, что, заключив договор о ненападении с СССР, Германия тем самым дала понять, что у неё нет стратегических интересов в Чёрном море. Однако недавнее подписание венгеро-румынского соглашения произошло при посредничестве Германии, которая выступила гарантом неприкосновенности румынских границ, а это на практике означает фактический выход немецких войск к Чёрному морю и включение Германией в сферу своего влияния территорий, которые СССР рассматривает как зону своих стратегических интересов.

В Госдепартаменте считали, что этот шаг мог быть сделан Берлином без консультаций с Советским правительством, что впоследствии негативным образом могло сказаться на состоянии германо-советских отношений²⁰⁶. Обстановка на Дальнем Востоке также складывалась не-

благоприятно для СССР. «Великая Азиатская сфера процветания», по мнению Японии, включала в себя территории, в настоящее время принадлежавшие Советскому Союзу. «Поэтому, оценивая текущее состояние дел в германо-советских отношениях, аналитики Госдепартамента считают, — заключил Бёрл, — что Советский Союз может пойти на сотрудничество с государствами, не подконтрольными Германии»²⁰⁷.

Эртэгюн согласился с точкой зрения Бёрла, добавив, что ситуация, сложившаяся в восточном Средиземноморье, очень серьёзная, поэтому он и выступил с предложением о союзе, даже несмотря на то, что, по его мнению, правительство Соединённых Штатов недостаточно уделяет внимания вопросам, связанным с Турцией²⁰⁸. Бёрл заверил турецкого посла, что Госдепартамент рассмотрит его предложение и даст ответ в скором времени, и добавил, что согласие Госдепартамента поддержать новый союз будет зависеть от того, какими будут отношения США и СССР в ближайшее время. «В настоящий момент, — сказал он, — эти отношения ограничиваются, главным образом, торговыми поставками и решением проблем американских граждан, оказавшихся на территории СССР в результате присоединения Прибалтийских стран.

Действительно прочными отношения между странами станут только после того, как СССР прекратит пропаганду коммунистических идей в США и откажется от политики насильственного захвата территорий, как это произошло в Прибалтике, и как он пытался сделать в отношении Финляндии. США всегда ратовали за независимость этих стран и находили для себя неприемлемым устанавливать действительно дружеские отношения со страной, которая в своей внешней политике исповедует принципы насилия»²⁰⁹. На этом беседа закончилась.

После беседы Бёрл пригласил к себе начальника Ближневосточного отдела Мюррея и попросил его дать оценку обстановки в регионе, а также поинтересовался его мнением о том, стоит ли Соединённым Штатам соглашаться на предложение турецкого посла. Мюррей заявил, что он находит это предложение интересным, но, по его мнению, перед тем как дать своё согласие, необходимо прояснить несколько вопросов, которые будут обязательно подняты в ходе возможных переговоров. Первое: если Германия или Болгария нападут на Турцию, будут ли турки сопротивляться? Второе: если Турция решит сражаться, окажет ли ей помощь Россия или нанесёт удар в спину через Армению или Иран? Третье: располагает ли Турция достаточным потенциалом, чтобы

стать лидером среди государств Ближнего и Среднего Востока, и не приведёт ли подобное лидерство к возрождению новой Османской империи? И наконец, главное, – какую позицию должны занять Соединённые Штаты в данной ситуации, а также какова будет степень их участия в возможном конфликте, следует ли оказывать Турции не только экономическую, но и военную поддержку?²¹⁰

Тщательно проанализировав ситуацию, аналитики Ближневосточного отдела пришли к заключению, что, если турецкая армия в случае нападения Германии окажет даже слабое сопротивление, она всё равно сможет долгое время сдерживать немецкие армии, используя гористую местность Тавра в качестве естественной преграды. Отмечалось, что при самом неблагоприятном исходе, если немцы выйдут к Суэцкому каналу и иранским нефтяным месторождениям, они всё равно не смогут воспользоваться нефтью для снабжения своих армий, так как в окрестностях Мосула находится только один небольшой нефтеперерабатывающий завод. Правда, в этом случае они получали возможность перекрыть линию снабжения нефтью британской армии, которое осуществлялось через нефтепровод Мосул-Хайфа²¹¹.

Также в Госдепартаменте полагали, что при подобном развитии событий Советский Союз всё-таки нападёт на Турцию. Это заключение основывалось на уверенности в том, что советские лидеры будут стараться установить контроль над Проливами в случае, если немецкое вторжение в Турцию будет иметь успех²¹².

Что же касается создания военного союза из арабских стран во главе с Турцией, то такой вариант представлялся маловероятным. В Госдепартаменте сомневались в возможности Турции стать лидером в арабском мире. Арабы традиционно относились с подозрением к претензиям турок на возвращение им территорий, ранее принадлежавших Османской империи. Это подтверждалось тем, что в конце июня 1940 г. министр иностранных дел Ирака Нури Саид посетил с официальным визитом Анкару и добился заверений, что Турция не будет посягать на территориальную целостность Сирии и Ирака.

По мнению сотрудников Ближневосточного отдела, позиции Великобритании в арабском мире были недостаточно сильны для того, чтобы подтолкнуть его лидеров к участию в боевых действиях против Германии и её союзников, даже несмотря на то, что Лондон контролировал ситуацию в Египте и Ираке и фактически управлял Палестиной.

Британцы в принципе могли оказать существенное давление на правительства арабских стран, но в этом случае им, скорее всего, пришлось бы столкнуться с встречными требованиями о предоставлении независимости, к чему Великобритания не была готова²¹³. По этой причине, считали эксперты по Ближнему Востоку, Соединённым Штатам не следовало активно вмешиваться в дела арабского мира и поддерживать Великобританию в данном регионе.

Рассматривались два возможных варианта развития внешнеполитического курса Турции. Первый учитывал, что Анкара обладала влиянием на государства Саадабадского пакта и, следовательно, могла побудить их выступить единым фронтом против германской угрозы. Второй вариант допускал, что турки смогут поддаться на уговоры Германии и заключить с ней договор, аналогичный тому, который был заключен с Англией и Францией в 1939 г.

В Госдепартаменте на основании этого анализа пришли к выводу, что США должны как можно дольше удерживать Турцию от союза с Германией и всеми доступными способами, кроме военных, содействовать сохранению ею статуса нейтральной страны. В скором времени Бёрл пригласил к себе турецкого посла и, основываясь на рекомендациях своих подчинённых, сообщил, что, обдумав предложение, которое было сделано 9 октября, правительство Соединённых Штатов отклоняет его, однако он готов обсудить вопросы, касающиеся заключения торгового соглашения между двумя странами²¹⁴.

Таким образом, Вашингтон дал понять Анкаре, что он не намерен играть активную роль в организации антинацистского блока на Балканах и предпочитает ограничиться развитием торговых отношений, пользуясь для этого преимуществами нейтралитета, которого придерживались в этот момент обе страны.

Оценивая ситуацию, сложившуюся на границах Турции к осени 1940 г., в Вашингтоне было принято решение, что на данном этапе следует сосредоточиться на оказании помощи Великобритании, предоставив ей свободу действий в выработке стратегических решений.

Для того, чтобы показать, что США полностью согласны с политикой Великобритании, государственный секретарь Хэлл попросил Макмюррея передать турецкому правительству, что в своём недавнем обращении к народу «президент Рузвельт сказал, что США безотлагательно примут меры для защиты страны от возможного нападения.

Поддержка Великобритании всеми возможными способами является краеугольным камнем национальной политики США»²¹⁵.

В первые месяцы 1941 г. возросшая угроза государствам Балканского полуострова и Ближнего Востока со стороны Германии привлекла внимание США к этому региону. С целью изучить обстановку на месте и воодушевить правительства государств, чьё положение было особенно критическим, президент Рузвельт направил туда полковника Донована, который 1 февраля 1941 г. прибыл в Турцию. Соединенные Штаты обещали в случае необходимости оказать помощь этой стране, лицом к лицу стоящей перед германской опасностью. Однако официальная Анкара, объявив о своей приверженности Англии и США, никаких конкретных обязательств на себя не взяла.

В свою очередь, англичане подозревали турок в том, что они симпатизируют Германии, своему союзнику в Первой мировой войне. Х. Нэтчбулл-Хьюджессен отмечал, что «ввод немецких войск в Болгарию был спокойно воспринят руководителями турецкого государства». Одновременно с вводом войск в Болгарию Гитлер, который пытался добиться присоединения Турции к Тройственному соглашению, 1 марта отправил Инёню личное послание, в котором кроме изъявления дружеских чувств к турецкому народу объяснил, что его действия не направлены против Турции, что войска нужны для борьбы с англичанами в Греции и что он лично отдал приказ командирам всех подразделений ни при каких обстоятельствах не приближаться к болгаро-турецкой границе²¹⁶.

В Турции очень внимательно следили за тем, какую позицию занимает Москва в связи с событиями на Балканском полуострове. В описываемый период, несмотря на серьёзное охлаждение в советско-германских отношениях, СССР всё ещё воспринимался как союзник Германии.

К началу лета 1941 г. позиции Германии на Балканском полуострове стали настолько прочными, что турецкие лидеры поняли, для того чтобы избежать немецкого вторжения, им требуется нечто большее, чем «моральная поддержка» Великобритании. Этим можно объяснить согласие турецкой стороны на предложение начать переговоры с Германией, которое было сделано фон Папеном в начале мая 1941 г. Теперь турки использовали против немцев ту же тактику, которую они многократно применяли на переговорах с англичанами. Риббентроп требовал согласия на транзит немецких войск и грузов через территорию Турции.

В качестве компенсации он предложил «исправить турецкую границу в районе Эдирне», а также пообещал передать Турции несколько островов в Эгейском море. Необходимо заметить, что, после того как англичане поняли, что греческая кампания проиграна, они также предложили Турции занять острова Хиос, Лесбос и Самос, прекрасно отдавая себе отчёт, что это вызовет негативную реакцию со стороны Германии и Италии. Сараджоглу отказался от этого щедрого предложения, прекрасно понимая, к каким последствиям оно может привести.

Посол Макмюррей, внимательно следивший за ходом переговорного процесса, сообщал в Госдепартамент о причинах, побудивших турецкое правительство сесть за стол переговоров с нацистами. По его мнению, недавние неудачи Великобритании в Греции и оккупация Югославии показали туркам, что в настоящий момент им приходится рассчитывать только на себя²¹⁷.

В свою очередь турецкие дипломаты держали в курсе событий англичан и американцев, пытаясь убедить Форин офис и Госдепартамент в том, что переговоры не направлены против Великобритании и США, объясняя свои действия тем, что у Турции в настоящий момент нет выбора, так как она находится в полной изоляции от своих союзников²¹⁸.

В это время в турецких газетах появился ряд статей, авторы которых оправдывали действия своего правительства. В этих условиях, говорилось в статьях, у турецкого руководства не было иного выхода, как сесть за стол переговоров с Германией²¹⁹.

Гитлер и Риббентроп были раздражены упорством турок в вопросе транзита. Риббентроп пытался запугать турецких дипломатов, говоря им, что Германия может уничтожить Турцию в течение нескольких недель²²⁰. Фон Папен считал действия своего руководства ошибочными, так как, по его убеждению, было не правильно предполагать, что немецкие обещания островов или предложения англичан уступить Турции часть территории Сирии могут повлиять на её правительство и заставить его членов поступиться своими принципами.

Германо-турецкий договор о дружбе и нейтралитете в конце концов был подписан за четыре дня до нападения Германии на СССР – 18 июня 1941 г.

Несмотря на все заверения турецкого правительства в том, что германо-турецкий договор никак не повлияет на отношение Турции к

Великобритании и США, английский посол в Вашингтоне лорд Галифакс по поручению своего правительства обратился к Хэллу с просьбой сделать заявление, в котором будет подчёркнуто, что подписание договора с немцами негативным образом будет воспринято американским общественным мнением и приведёт к ухудшению турецко-американских отношений и прекращению поставок вооружения²²¹.

В свою очередь, Макмюррей советовал Государственному департаменту не делать громких заявлений, так как, по его мнению, такие действия ещё больше обострили бы ситуацию и привели бы к дополнительным осложнениям²²². В итоге государственный секретарь согласился с мнением посла, но тем не менее посоветовал намекнуть турецкому премьер-министру, что Соединённые Штаты не довольны самим фактом сотрудничества Турции с нацистской Германией²²³.

В день подписания германо-турецкого договора Макмюррею удалось встретиться с министром иностранных дел Сараджоглу. Посол, следуя инструкциям, полученным из Вашингтона, заметил, что подписание договора с Германией может привести к некоторым осложнениям. Ввиду того, что его страна является союзником Великобритании и оказывает ей помощь в борьбе с нацизмом, многие общественные и политические деятели в США возмущены фактом подписания договора с Германией и оказывают давление на Госдепартамент и президента, требуя прекратить сотрудничество с Турцией. В ответ министр заверил посла, что, несмотря на подписание договора, Турция была и остаётся добрым другом США. Эта мера была вынужденной, и правительство предприняло её для того, чтобы избежать вторжения немецких войск на территорию своей страны. Правительство предпринимает все усилия для того, чтобы избавить свой народ от ужасов оккупации, и никогда его страна не пойдёт на военное сотрудничество с Германией. У Турции нет никакой возможности эффективно сопротивляться немецкой военной машине, так как обещанные ей поставки оружия из Великобритании и США осуществляются не в полном объёме и крайне нерегулярно.

В ответ посол заявил, что в настоящее время администрация президента подвергается критике в связи с тем, что, по мнению многих сенаторов и конгрессменов, вместо того чтобы сконцентрироваться на оказании помощи Великобритании, президент распыляет ресурсы, оказывая помощь странам, которые непосредственно не сражаются с нацистами. Министр должен понимать, каких усилий стоило президенту и

его команде добиться принятия закона о ленд-лизе в Конгрессе. Теперь же, после того как Турция подписала договор с Германией, будет очень трудно убедить американское общественное мнение, что Турция намерена оказывать сопротивление нацизму. Министр ответил, что страна, которая находится за много тысяч миль от войны, не может понять его страну, на пороге которой стоит вражеская армия²²⁴.

Нападение Германии на Советский Союз вызвало в Турции вздох облегчения. Х. Нэтчбулл-Хьюджесен 23 июня сообщал о том, что Сараджоглу радовался известию о начале войны как ребёнок²²⁵.

Заявления английского премьера и президента США о том, что Великобритания и Соединённые Штаты окажут всю возможную помощь СССР в его борьбе против Германии, не произвели впечатления на турецких официальных лиц, которые в частных беседах с английским послом говорили, что главной целью России в предыдущей войне был захват Проливов.

Может показаться, что США сыграли решающую роль в том, что в начале Второй мировой войны Турция осталась нейтральной. Однако это не так. Для турецких лидеров национальные интересы были главным определяющим элементом её внешней политики. В 1939 г. уроки Первой мировой войны, результатом которой стало унижение и расчленение на части Османской империи, не были забыты. Позиция Анкары в рассматриваемый период определялась, главным образом, политической ситуацией в Европе. Только с началом Второй мировой войны Турция стала занимать заметное место во внешней политике США.

В 1939–1941 гг. главная задача, которую решало правительство Турции, заключалась в том, чтобы определить своё отношение к начавшейся европейской войне. Политика параллельных пактов не увенчалась успехом, однако курс турецкого правительства на нейтралитет был принят будущими союзниками по антигитлеровской коалиции. Отличительной чертой этого этапа в развитии международных отношений было появление нового актора в районе Среднего Востока и Балканского региона – США. Однако активность США была ограничена, так как они ещё не участвовали в войне, и их политика в регионе в основном строилась на учёте интересов Великобритании и ожидании конфликта между Германией и Советским Союзом.

1.2.2. Расширение американо-иранских контактов и укрепление советских позиций в Иране

Накануне войны Иран, так же как и Турция, находился вне зоны непосредственных интересов США²²⁶. В связи с этим можно указать несколько причин отсутствия политического американо-иранского взаимодействия в этот период. Во-первых, традиционное пребывание Ирана в сфере влияния России (СССР) и Великобритании²²⁷. Во-вторых, отсутствие общих политических интересов, а также разные дипломатические «весовые категории» и статусы США и Ирана в международных отношениях. Не способствовали взаимодействию и различия в их позициях по отношению к Лиге Наций, в которую Иран вступил с момента её создания. В-третьих, преграда в виде концептуальных оснований внешней политики двух стран. В США длительное время преобладал изоляционизм, правовую базу которого с 1935 г. составляло законодательство о нейтралитете²²⁸. Иран же в своей политике стремился сбалансировать интересы СССР и Великобритании и опереться на «третью силу» – страну, которая послужила бы противовесом советскому и английскому влиянию и помогла бы Ирану получить независимость. И если США относили Иран к сфере влияния, прежде всего, Великобритании, то большая часть иранской администрации во главе с шахом в качестве противовеса и «третьей силы» рассматривала фашистскую Германию²²⁹. В-четвертых, авторитарный стиль правления Реза-шаха и его личные качества.

Об отсутствии у США интереса к Ирану и Среднему Востоку свидетельствуют фактическое отсутствие обсуждений проблематики этого региона в данный период на Капитолийском холме и организационная структура Госдепартамента. До начала 1942 г. в нём не было референта по Ирану. Штат Отдела ближневосточных дел (ОБД) состоял из 7 человек, которые занимались и Северной Африкой, и Индией, и Ближним и Средним Востоком²³⁰. В Иране находилось американское представительство в столице, со штатом, кроме временного поверенного в делах, а затем посланника, из 3 человек, и два консульства – в Тегеране (2 человека) и в Тебризе (1 человек)²³¹. Характерно в связи с этим едкое замечание М. Литла: «За исключением нескольких людей, вроде У. Мюррея, Госдепартамент едва ли мог найти хотя бы одного человека как в правительстве, так и вне его, который бы по

крайней мере знал, где находится Иран, уже не говоря о тех, кто мог бы помочь сформулировать разумную политику»²³².

Мюнхенское соглашение и рост агрессивности Германии и Италии послужили сигналом к сближению позиций двух стран. 14 апреля 1939 г., Рузвельт обратился с известным открытым посланием к Гитлеру от лица всех наций с требованием дать гарантии не нападать в течение 10 лет на «независимые нации». Среди 31 перечисленной страны был назван и Иран²³³. Текст обращения президента США через американские дипломатические представительства был передан различным правительствам, в том числе и в Тегеран. 24 апреля поверенный в делах США в Иране Энгерт сообщил об «очень благоприятном впечатлении», которое оно произвело на иранское руководство. Характерно, что на вопрос иранского министра иностранных дел, не означает ли это обращение отказ от традиционной политики США, Энгерт ответил отрицательно²³⁴.

Заключение советско-германского пакта в августе 1939 г. и начало Второй мировой войны оказали большое влияние на американо-иранские отношения. Два важных обстоятельства усилили тенденцию к их взаимному сближению. Первое из них заключалось в том, что с началом войны обе страны оказались в одной обойме нейтральных государств. США, став лидером этой группы, демонстративно заявляли о необходимости защиты независимости малых стран по всему миру и предотвращении втягивания их в войну. На все нейтральное сообщество были распространены принципы политики «добрососедства»²³⁵. Этим странам стала оказываться моральная, дипломатическая и экономическая поддержка. Проводилась работа по формированию соответствующего общественного мнения. Предпринимались попытки сблизить нейтральные страны²³⁶.

Резко возросло значение такой функции ОБД Госдепартамента, как сбор информации о политике великих держав на Среднем Востоке, в том числе и в отношении Ирана, её анализ и составление прогнозов. В этот период американских дипломатов интересовала трансформация отношений четверки стран – Германии, СССР, Великобритании и Турции – в связи с их политикой в Иране. Особое внимание уделялось перспективам войны Англии и Франции с СССР на черноморском и каспийском направлениях (Батуми и Баку), отслеживалась информация о региональной роли Ирана. В частности, Госдепартамент интересовал

ли возможности превращения Саадабадского пакта в оборонительный союз и другие вопросы²³⁷.

Второе обстоятельство, повлиявшее на отношения двух стран, относилось к внешней политике Ирана. Пакт о ненападении между Германией, на которую Иран делал ставку как на «третью силу», и СССР – страной, с которой у Ирана существовали давние геополитические противоречия, насторожил часть иранских политиков, которые боялись последующей советской экспансии в направлении Персидского залива. Поворот к Британии, от которой Иран находился в сильной зависимости, был в этих условиях маловероятен. В результате в Иране стало укрепляться влияние проамериканской партии, рассматривающей именно США в качестве «третьей силы». К такой позиции постепенно стало склоняться и шахское руководство²³⁸.

Этому способствовал и образ Соединенных Штатов – страны, ратующей за мир, сохраняющей нейтралитет, защищающей независимость малых народов²³⁹. Кроме того, одной из причин роста популярности США в Иране в начале войны являлось отсутствие у них до войны каких-либо политических интересов в этой стране и имперского прошлого²⁴⁰.

Таким образом, с началом войны у США и Ирана появились общие интересы. Стратегическая важность Среднего Востока, а также нейтральный статус Ирана повышали значимость этой страны для внешней политики США. Что касается военной стороны вопроса, то Иран и до войны и некоторое время после её начала был вне зоны внимания планировщиков из высших военных ведомств США. Это объяснялось тем, что начальники военных штабов в своих расчётах руководствовались доктриной Монро, которая определяла оборону западного полушария в качестве приоритетной цели²⁴¹. Наряду с этим в планах ABC-1 и Рейнбоу-5 предусматривалась военная помощь нейтральным государствам в борьбе со странами оси. Но, начиная с сентября 1939 г., Средний Восток де-факто рассматривался как зона военной ответственности Франции и Великобритании, а с июня 1940 – только Великобритании²⁴².

Наиболее серьезные изменения с началом Второй мировой войны произошли в американо-иранских экономических отношениях. Прекращение торговых поставок Германии и британское эмбарго на германские товары вызвали торговый дефицит и, как следствие, повышение экономического интереса Ирана к другим странам, в том числе и США²⁴³.

В конце сентября 1939 г. правительство Ирана обратилось к правительству США с просьбой о предоставлении ссуды, размер которой к марту 1940 г. был определён в 75 млн долл.²⁴⁴ К весне 1940 г. была определена и цель ссуды – закупка в США военных самолётов и строительство американской компанией авиазавода в Иране²⁴⁵. Но Законом от 2 марта 1940 г. Экспортно-импортному банку запрещалось предоставлять ссуды иностранным правительствам для покупки военной техники, оружия, амуниции или военного оборудования в соответствии с Законом о нейтралитете 1939 г.²⁴⁶ Частные банки в силу серьезных сомнений относительно перспектив развития политической ситуации в регионе, а также ввиду печального опыта с предыдущими ссудами в 1920-е гг. отказывали в кредите²⁴⁷.

В июле 1940 г. было названо общее количество запрашиваемых Ираном самолётов: 50 тяжелых бомбардировщиков и 30 истребителей. Для реализации этого проекта в США из Ирана прибыла специальная авиационная миссия во главе с майором Р. Чэлтчи²⁴⁸. Но и Чэлтчи и иранский посланник М. Шейестех сталкивались с серьезными трудностями. В США набирала темпы своя оборонная программа. В силу большой заинтересованности в исходе «битвы за Британию», приоритет имели английские заказы²⁴⁹. Наконец, 8 июля 1941 г. англичане потребовали, чтобы США отказались поставлять военные самолёты в Иран, поскольку они могли быть использованы против британских сил на Ближнем Востоке. Госдепартамент согласился с доводами английской стороны²⁵⁰.

Надо сказать, что с ноября 1940 г. иранцы закупали в США различные виды оружия. Но с его транспортировкой, как и с доставкой в Иран уже купленных самолётов, возникли сложности из-за противоречий с параграфом 2(а) Закона о государственном нейтралитете. Лишь 20 мая 1941 г., после того как министерство торговли США с одобрения министерства юстиции изменило навигацию и инструкции по растаможиванию, проблемы были ликвидированы²⁵¹.

Другим важным показателем повышения экономического интереса Ирана к США в начале войны является предложение о возобновлении предварительных консультаций по вопросу о заключении американо-иранского торгового соглашения²⁵². Иранская сторона заявила о намерении вновь перевести торговые отношения на компенсационное или бартерное основание. Новым было то, что сейчас сделки предлагалось заклю-

чать с частными американскими фирмами²⁵³. Обсуждались и конкретные вопросы экспорта в США иранской ковровой шерсти, организации торговли икрой и системы оплаты американских товаров.

Основными препятствиями на данном этапе переговоров, кроме старого неприятия американской стороной различных форм клиринга и компенсаций²⁵⁴, были несогласованность подходов и действий между отдельными бюрократическими ведомствами в Тегеране²⁵⁵, сохранение иранских государственных монополий и валютного контроля. В связи с началом войны Германии против Советского Союза летом 1941 г. консультации были прерваны.

Во многом иной характер носили отношения Ирана с Советским Союзом. Во второй половине 1930-х гг. в политике Ирана доминировали антисоветские тенденции. Они проявлялись не только в сближении с нацистской Германией, но и в аресте и даже физическом уничтожении сторонников развития советско-иранских отношений. Такая политика шахского правительства доходила порой до того, что запрещалась продажа русских книг, а лица, знавшие русский язык, считались подозрительными и опасными элементами и находились под надзором тайной полиции²⁵⁶. Свертывалась советско-иранская торговля, закрывались смешанные советско-иранские общества. Люди, которые обвинялись в связях с советскими организациями (такими как общество «Шарк», «Бюро Перс», «Персхлопок» и др.), рассматривались как русские агенты и подвергались суровым репрессиям.

Начало Второй мировой войны СССР и Иран встретили по-разному. 4 сентября 1939 г. иранское правительство заявило о своем нейтралитете и сообщило, что будет защищать его силой оружия²⁵⁷. Подписание Пакта Риббентропа – Молотова и фактическое предоставление Германией Советскому Союзу свободы рук на укрепление своих границ заставили Иран пересмотреть свои внешнеполитические подходы. Значение Германии, которая оказалась на грани союза с СССР – геополитическим противником Ирана и которая рассматривалась в качестве «третьей силы», несмотря на её постоянные заверения о том, что она не допустит советской агрессии в отношении Ирана, начинает постепенно снижаться в глазах иранского руководства. Влияние Москвы, наоборот, резко возросло. Практически весь начальный период войны до нападения Германии на Советский Союз среди иранского руководства царил страх перед советским вторжением. Отсюда стрем-

ление Тегерана тщательно избегать малейших провокаций. Здесь хорошо помнили о ст. VI договора 1921 г.²⁵⁸

Торговый оборот между СССР и Ираном продолжал сокращаться и достиг практически нулевой отметки. Возникли некоторые трудности и в германо-иранской торговле из-за блокады немецких товаров по всему миру со стороны Великобритании. И для того, чтобы сохранить германо-иранскую торговлю на довоенном уровне, у немцев был один выход: добиться согласия советского правительства на транзит товаров через территорию СССР. Во многом поэтому начавшаяся в сентябре 1939 г. война заставила Реза-шаха пересмотреть свое отношение к идее возобновления торгового договора с Советским Союзом. Советская же сторона, почувствовав слабость иранских позиций, не спешила заключать новый договор с Ираном на прежних условиях.

В результате длительных переговоров между СССР и Германией была достигнута договоренность о транзите иранских грузов. А в марте 1940 г. был заключен советско-иранский торговый договор сроком на 3 года. Он полностью сохранил условия договора 1935 г. в отношении статуса советского Торгового представительства, мореходства и рыболовства на Каспии, транзита, а также применения принципа наибольшего благоприятствования. Договор 1940 г. единогласным решением меджлиса был ратифицирован 5 апреля, а 7 апреля он был утвержден Президиумом Верховного Совета СССР²⁵⁹. Однако многие считали, что на заключение договора Иран пошел только ради транзита немецких товаров через территорию СССР²⁶⁰.

Кроме того, с начала Второй мировой войны иранские власти, пытаясь ослабить советское влияние на севере страны, начали выселять с побережья Каспийского моря, в особенности из провинции Гилян, всех, кто выехал из СССР в течение 10 предвоенных лет. Депортации подвергались представители всех национальностей²⁶¹.

Нападение Германии на Советский Союз в июне 1941 г. внесло очередные коррективы в советско-иранские отношения. В августе 1941 г. советские войска были введены на территорию северного Ирана. Тот факт, что СССР в трудный для него период выделил подразделения для осуществления этой военной операции, свидетельствовал о чрезвычайной важности акции.

Поводом и официальной причиной ввода войск было объявлено присутствие в Иране большого количества немецких шпионов, превра-

щение Ирана в «плацдарм» для нападения Германии на Советский Союз с юга. Данную точку зрения поддерживали большинство советских востоковедов. В течение 30 лет (с конца 1940-х до конца 1970-х гг.) советские иранисты толковали данную проблему преимущественно в таком ключе²⁶². Однако некоторые авторы не считают, что защита безопасности южных границ СССР была действительной причиной. Так, английский историк Л. Элвелл-Саттон пишет, что опасность для СССР со стороны немецких агентов в Иране была явно преувеличена и являлась лишь официальным прикрытием для военной акции²⁶³.

В 1980-е гг. появляются работы, в которых выделяются и другие возможные причины ввода советских войск. В качестве одной из них называется выгодное стратегическое положение Ирана, который мог оказаться единственным путем транспортировки военных грузов в СССР по ленд-лизу. В 1930-е гг. через всю страну с юго-запада на север была протянута Трансиранская железная дорога (ТИЖД)²⁶⁴. «Через Иран можно было организовать безопасный черный ход, через который могли поставляться в Россию жизненно важные грузы», – писал впоследствии пресс-атташе иранского посольства в Лондоне А. Хамзави²⁶⁵. По мнению Л. Элвелла-Саттона, «единственный путь западного снабжения России лежал через Иран»²⁶⁶.

Некоторые авторы, в частности З. А. Арабаджян, придерживаются мнения, что главной причиной военной операции 1941 г. стало желание Советского Союза (как, впрочем, и Великобритании) поставить под свой контроль столь важный геостратегический пункт, каким всегда был Иран, и не позволить блоку фашистских государств использовать выгоды положения этой страны в войне против союзников. Автор считает, что Иран в любом случае был бы вовлечен в конфликт, неизвестно только на чьей стороне. Об этом свидетельствовал опыт Первой мировой войны²⁶⁷. Часть исследователей склонны считать, что действия СССР в Иране были вызваны стремлением не допустить там распространения влияния англичан. Более того, появилась версия, что Сталин вынашивал планы отторжения от Ирана его северных провинций²⁶⁸. Но существование подобных замыслов тогда, в условиях 1941 г., маловероятно²⁶⁹.

Руководствуясь различными мотивами, Великобритания и СССР тем не менее договорились о единой политике в отношении Ирана²⁷⁰. 26 июня, 19 июля, 16 августа 1941 г. обе страны предъявляли иран-

скому правительству ноты, требующие немедленного выдворения германских граждан²⁷¹. Однако официальный Тегеран считал подобные требования нарушением норм международного права и своего «нейтралитета» и предлагал свой способ решения данной проблемы, который в свою очередь не принимали в Лондоне и в Москве.

Нельзя не отметить и тот факт, что правовая база ввода войск для СССР и Великобритании существенно различалась. Основанием для ввода советских войск стала статья VI Договора между РСФСР и Ираном (Персией) от 26 февраля 1921 г., на которую постоянно ссылалась Москва²⁷². В отличие от СССР, у Великобритании не было никакого договора или соглашения, оправдывающего ввод их войск на территорию страны.

25 августа 1941 г. советские и английские войска вступили в Иран: соединения Красной Армии – с территории Закавказья, англичане – из Ирака²⁷³. Советская сторона хорошо подготовилась к операции. С осени 1939 г. разведка скрупулезно собирала военные, политические, экономические сведения о территории Северного Ирана. В 1940 г. 5-е управление Красной Армии подготовило «Военно-географическую карту Иранского Азербайджана, при составлении которой было сделано все, чтобы не упустить ни одной детали. К примеру, была указана глубина рек через каждый километр. Накануне вторжения были собраны исчерпывающие сведения об иранской армии, в том числе и о её численности, командном составе, боеспособности, разведывательных возможностях²⁷⁴.

С конца июля на Закавказском фронте поддерживалось состояние повышенной боевой готовности. С 25 июля по 5 августа шли последние уточнения деталей наступательной операции. Был скорректирован план оккупации городов и населенных пунктов, захвата и уничтожения промышленных и военных объектов. Закавказскому фронту была поставлена задача: «С утра 25 августа 1941 г. войсками 47-й и 44-й армий перейти границу Ирана и к 27 августа 1941 г. подвижным частям занять районы Дильман, Тебриз и Ардебиль»²⁷⁵.

По решению Государственного Комитета Обороны и приказу Военного совета Закавказского фронта стоявшие у границ советские войска приступили к выполнению военной операции в 2 часа ночи 25 августа²⁷⁶. Наступлению советских армейских подразделений предшествовали действия пограничников. Утром 25 августа 1941 г. они стремительно атаковали североиранские заставы и нарушили связь вдоль границ²⁷⁷.

Одновременно в тыл противника были выброшены мелкие авиадесантные группы для захвата перевалов, узлов дорог, нарушения системы управления. Вслед за пограничниками устремились передовые отряды соединений Закавказского фронта. Советское наступление велось силами 44-й и 47-й армий этого фронта. Прикрывали советско-турецкую границу 46-я и 45-я армии²⁷⁸. Одновременно в южную часть Ирана вступили английские войска²⁷⁹.

Реза-шах ещё утром 25 августа, проинформированный премьер-министром о содержании нот СССР и Англии, созвал совещание руководителей армий и правительства и издал указ о приведении иранской армии в боевую готовность. Он создал ставку Верховного главнокомандующего и разослал телеграфные приказы воинским частям об оказании сопротивления войскам Англии и СССР. Тегеранский гарнизон занял позиции за пределами города. В столице началась мобилизация частного автотранспорта для переброски войск на обозначившиеся фронты²⁸⁰. Однако действия Реза-шаха в условиях вторжения союзных войск были явно непоследовательными и не всегда разумными. Такого поведения великих держав он явно не ожидал и отдавал войскам противоречивые и нередко исключаящие друг друга приказы, которые создавали неразбериху и путаницу в иранском генеральном штабе²⁸¹.

Несмотря на то, что наступление Красной Армии осуществлялось в тяжелых условиях горной местности, оно закончилось весьма успешно²⁸². Успех действий союзников во многом объяснялся не только четким выполнением первоначального плана, но и тем, что боеспособность иранских войск, несмотря на предпринятые властями меры, оказалась крайне низкой. Огромную роль сыграл фактор неожиданности²⁸³, а также установка, по-видимому поставленная Реза-шахом перед командованием, оказывать «пассивное сопротивление»²⁸⁴.

27 августа в Тегеране произошла смена кабинета²⁸⁵. К этому времени советские войска, наступавшие со стороны Кавказа и Средней Азии, не встретив особого противодействия, захватили северные провинции – Азербайджан, Гилян, Мазандеран, Хорасан. В свою очередь английские войска заняли юго-западные районы Ирана, где были расположены предприятия Англо-Иранской нефтяной компании²⁸⁶.

Капитуляция иранской армии происходила постепенно: с 29 августа сложили оружие войска, действовавшие против англичан, а те, что противостояли Красной Армии, сделали это лишь 30 августа и то после

демонстративной бомбардировки Тегерана, в ходе которой на иранскую столицу было сброшено несколько бомб²⁸⁷. После капитуляции иранцев вплоть до 3 сентября советские войска продолжили продвижение по территории Ирана. Ситуация оставалась напряженной и неопределенной. Реза-шах не скрывал намерения оборонять столицу в случае подхода к ней советских и английских войск. Сразу же после бомбардировки Тегерана иранское правительство ввело военное положение²⁸⁸. К столице была стянута вся авиация. На подступах заняли позиции наиболее боеспособные части иранской армии. Был укреплен шахский дворец. А в самой столице началась паника. Многие жители покинули столицу, укрываясь в соседних деревнях.

В такой атмосфере начались переговоры иранских властей с представителями СССР и Англии. 8 сентября 1941 г. было подписано соглашение, определившее районы дислокации советских и английских войск на занятых территориях. Отдельными пунктами предусматривались сроки выдворения из страны дипломатических миссий Германии, Италии и их сателлитов²⁸⁹.

Реза-шах 15 сентября сложил с себя полномочия главнокомандующего, а на следующий день отрекся от престола в пользу своего сына Мохаммеда Реза Пехлеви²⁹⁰. Дальнейшая судьба бывшего монарха была печальной. Вместе с младшим сыном он сначала бежал на юг Ирана, а затем в Индию. Однако британские власти отказались предоставить ему здесь убежище. Весной 1942 г., тяжелобольного, его переправили в Южную Африку, сначала на остров Маврикий, а затем в Йоханнесбург, где он и скончался 26 июля 1944 г. в возрасте 66 лет²⁹¹. В день отречения Реза-шаха от престола в Тегеран вошли английские и советские войска. Практически сразу же из Ирана были высланы дипломатические миссии и советники Германии, Италии, Румынии, Венгрии и Болгарии²⁹².

Операция по вводу иностранных войск вызвала широкий резонанс во всех слоях иранского общества. Реакция местных жителей на операцию союзников была неоднозначной. Общественность и пресса реагировали на происходящее болезненно и нервозно. Некоторые иранские общественные деятели и силы считали союзные войска агрессорами, а их ввод – повторным разделом страны (первый имел место в годы Первой мировой войны) между СССР и Англией, в результате которого она потеряла независимость²⁹³. Желая сгладить негативное впечатление от вторжения в чужую страну, союзники с первых же дней

начали мощную пропагандистскую кампанию. В частности, распространялись листовки, в которых разъяснялись цели операции. Впрочем, в некоторых городах красноармейцев встречали как освободителей. К примеру, в Тебризе советским войскам был оказан радушный прием²⁹⁴.

Ввод союзных войск на территорию Ирана и смена главы государства привнесли в общественно-политическую жизнь страны немало изменений. И руководству страны, и населению теперь предстояло считаться с присутствием больших контингентов иностранных войск. Вскоре после вступления частей советской и британской армий между правительствами СССР, Великобритании и Ирана начались переговоры о заключении союза. Этот договор должен был узаконить присутствие войск союзников на территории страны. Несмотря на противодействие некоторых общественных сил, считавших, что договор ущемит национальное достоинство иранцев, и пытавшихся сорвать его заключение, переговоры успешно завершились. Собственно, выбора заключать или не заключать договор у Тегерана не было. Присутствие в стране иностранных войск вынуждало его стать союзником поневоле.

Отдельной темой является реакция США на ввод советских и британских войск в Иран в августе 1941 г. Уже на этапе подготовки к вторжению шахское руководство обратилось за поддержкой к Соединенным Штатам. 11 августа 1941 г. впервые иранский посланник Шейестех в беседе с главой Отдела ближневосточных дел Госдепартамента Мюрреем выразил надежду на моральную поддержку и даже материальную помощь Ирану со стороны официального Вашингтона, однако ответа не получил²⁹⁵. Не последовало реакции и на меморандум исполняющего обязанности министра иностранных дел Ирана Дж. Америк, полученный Госдепартаментом 21 августа²⁹⁶.

Одновременно, несмотря на просьбу Э. Идена о поддержке, 16 августа американский посол в Англии Дж. Вайнант и посланник США в Иране Дрейфус получили инструкции Госдепартамента, запрещающие им связывать себя с нотами, которые направляли иранскому правительству их британские и советские коллеги²⁹⁷. В то же время глава Госдепартамента Хэлл просил американских дипломатов в Иране срочно собрать как можно более точную информацию относительно деятельности нацистов в этой стране²⁹⁸. Он указывал на «глобальную природу конфликта с осью» и выразил надежду, что Иран предпримет всевозможные шаги, чтобы избежать любых форм сближения со стра-

нами оси²⁹⁹. В результате американская дипломатия заняла выжидательную позицию. При этом интенсивные консультации дипломатов проходили на фоне слухов и фальсификаций³⁰⁰.

Поддержку потенциальной силовой акции искал и НКВД СССР, но посол США Штейнгардт, по словам В. Бережкова, «рекомендовал проявлять осторожность и терпение и не принимать решительных мер», уверяя, что с шахом можно договориться³⁰¹.

Такая политика американских дипломатов была легко объяснима. Несмотря на официальный нейтралитет США, Рузвельт уже четко определился со своей внешнеполитической стратегией, взяв курс на поддержку в войне Соединенного Королевства, а после 22 июня 1941 г. и Советского Союза. В то же время к тому моменту им уже были провозглашены «четыре свободы» и подписана Атлантическая хартия. Либеральный и антиимпериалистический дух этих программ был в значительной степени рассчитан на то, чтобы затронуть национальные и антиколониальные чувства азиатских народов, для которых такие понятия, как «суверенитет» и «самоопределение», имели совершенно однозначный смысл. Эти соображения и предопределили противоречивость иранской политики Вашингтона в августе 1941 г., да и в последующие месяцы тоже. Эта политика, с одной стороны, заключалась в нежелании открыто вмешиваться в назревающий конфликт и молчаливом одобрении своих будущих союзников, а с другой – характеризовалась стремлением заверить Тегеран в том, что именно Соединенные Штаты готовы стать главным гарантом сохранения его суверенитета и целостности³⁰².

Кульминацией взаимных американо-иранских консультаций был обмен телеграммами между шахом Реза Пехлеви и президентом Рузвельтом. 25 августа, в день вторжения, Реза-шах просил президента предпринять «эффективные и быстрые шаги, чтобы положить конец этим актам агрессии»³⁰³. 2 сентября в ответной телеграмме Рузвельт заверил шаха в том, что у британского и советского правительств нет планов, нарушающих независимость или территориальную целостность Ирана³⁰⁴.

В основу президентского ответа легло решение Госдепартамента по иранской проблеме, а именно компромисс позиций заместителя госсекретаря С. Уэллеса и главы Отдела ближневосточных дел Мюррея: в посредничестве не участвовать, но позаботиться о заключении англо-советско-иранского союза. Данное решение следовало из логики отношений между Вашингтоном, Лондоном и Москвой и озна-

чало, по сути, выражение моральной поддержки действиям Великобритании и СССР.

В результате американские дипломаты стали обвинять само иранское руководство в произошедшем. Суть обвинений сводилась к тому, что Тегеран не желал правильно оценить глобальные последствия происходящего в Европе и опасность политики Гитлера, который не остановится перед нейтралитетом «малых наций». Было понятно, что США отказывались от посредничества и помощи Ирану в деле вывода войск³⁰⁵.

Тем не менее, понимая, что моральный авторитет США в мире по причине молчаливого согласия на вторжение в Иран может действительно понизиться, Хэлл 27 августа во время беседы с советским послом в США К. А. Уманским и британским поверенным Р. Кэмпбеллом поднял вопрос о выступлении Москвы и Лондона со специальными заявлениями, обращенными ко всем мирным народам, которые сопротивлялись или сопротивляются агрессии, объясняя свои действия в Иране необходимостью остановить угрозу Гитлера на краю Европы и заверяя в отсутствии намерения нарушить суверенитет Ирана и временном характере пребывания их войск на иранской территории³⁰⁶. Эти декларации, по мнению Госдепартамента, должны были также успокоить мусульманский мир. 6 сентября, когда Штейнгардт встретился с Деканозовым, отвечающим за средневосточные дела в НКВД СССР, и передал просьбу относительно желательности публичного заявления, последний сослался на заключительный параграф ноты советского правительства от 25 августа и указал, что этот документ был опубликован и получил широкую известность. В нем советское правительство гарантировало территориальную целостность и национальную независимость Ирана, и поэтому, по его мнению, повторение позиции советского руководства вскоре после публикации ноты могло быть неправильно истолковано³⁰⁷. Ещё раньше о подобном подходе заявили англичане. Больше этот вопрос, не получивший решения в желаемом Белым домом ключе, не поднимался.

9 октября американский посланник Л. Дрейфус был на одной из первых аудиенций нового шаха Мохаммеда Резы, который выразил веру в победу союзников и заявил о поддержке демократии. Закончил беседу молодой шах теплыми словами в адрес Соединенных Штатов, которые, как он думал, будут играть важную роль в мире и выражением счастья быть союзником Америки³⁰⁸.

Важный вопрос, в решении которого принимали участие американские и советские дипломаты в Тегеране сразу же после описываемых событий, была судьба немцев и других подданных стран оси в Иране³⁰⁹. После консультаций с советской стороной 4 сентября 1941 г. вопрос об интернировании немцев принял, по мнению британского посланника, «более серьезный поворот». Союзники потребовали, чтобы были высланы все подданные стран оси. 13 сентября к Дрейфусу обратился министр иностранных дел Ирана А. Сохейли с просьбой назначить военного атташе или другое лицо из штата дипломатической миссии США, которое должно было сопровождать дипломатические миссии стран оси и их подданных к турецкой границе в случае согласия английских и советских представителей. Но советская сторона выступила против участия в этом деле американцев³¹⁰.

Американский взгляд на ввод англо-советских войск в Иран в августе 1941 г. основывался на реалистичном глобальном видении военно-политической расстановки сил, которое не всегда соответствовало риторике политического идеализма и формальному пониманию норм международного права, следуя которым невозможно было одержать победу над главным врагом. А он, в отличие от шахской администрации, у Рузвельта был чётко определен – Гитлер. Для Рузвельта и руководства внешнеполитического ведомства США ценность жизни свободной демократической цивилизации казалась выше ценности отдельного государственного суверенитета, временно попорченного. Именно поэтому они молчаливо согласились с вводом британских и советских войск³¹¹ в Иран, который был направлен не на захват иранской земли, а на установление контроля над выгодным геополитическим плацдармом. Тем не менее США обусловили своё согласие на ввод войск гарантиями Великобритании и СССР Ирану в сохранении его территориальной целостности и независимости и закреплении их в будущем англо-советско-иранском договоре.

Таким образом, во-первых, с началом Второй мировой войны отношения Ирана с США и СССР получили новый импульс, причём в обоих случаях наиболее активной и заинтересованной стороной стал Иран. Во-вторых, активизация отношений затронула как политическую, так и экономическую сферы. При этом американо-иранское политическое взаимодействие было связано с тем, что обе страны оказались в одной группе нейтральных государств. Это позволило части политической элиты

Ирана рассматривать США в качестве «третьей силы», потенциально пригодной для роли союзника на случай борьбы за свою независимость. В экономической сфере активизация была связана с изменением геополитической обстановки и войной между Германией и Англией. В-третьих, после нападения Германии на СССР Иран оказался важным геостратегическим плацдармом в оборонительных планах антигитлеровской коалиции и прежде всего Советского Союза и Великобритании. Это предрешило его судьбу: в августе 1941 г. советские и британские войска установили контроль над его территорией.

1.2.3. Деятельность США и СССР в странах Арабского Востока

Накануне Второй мировой войны США, по словам А. Кирка, были второстепенным игроком на арабской шахматной доске, их интересы «ограничивались образовательной сферой, миссионерской деятельностью, а приобретённые концессии в зоне Персидского залива были незначительными»³¹². С такой характеристикой не совсем согласен Б. Кунихолм: американские монополии полностью контролировали добычу нефти в Саудовской Аравии и Бахрейне, 50% – в Кувейте, 25% – в британской концессии «Ирак петролеум компани»; кроме того, они были представлены и в других арабских странах³¹³. Однако определённые успехи в нефтяном бизнесе в Саудовской Аравии, Бахрейне и Ираке не меняли общей картины. Косвенным тому подтверждением является публикация документов внешнеполитического ведомства США³¹⁴ за 1939–1941 гг., где материалы по Ближнему Востоку представлены лишь как дополнительная часть к основным документам. Однако понимание важности этого региона для будущей американской стратегии уже сформировалось. Об этом говорит и такой факт, как создание в Госдепартаменте отдела по Ближнему Востоку в 1937 г.

Анализ документов за 1939–1941 гг. позволяет определить круг вопросов, которые оказывались в центре внимания арабской политики Вашингтона: общая ситуация в зоне Персидского залива, в Восточном Средиземноморье и в Палестине, прогерманские настроения арабских националистов (в первую очередь в Ираке и Египте), планы и практические шаги Германии и Японии, направленные на расширение доступа к нефти в Саудовской Аравии.

Наибольший интерес к арабскому региону проявляло внешнеполитическое ведомство, особенно его Ближневосточный отдел и работающие в американских миссиях в Каире и Багдаде дипломаты.

В отличие от США, арабские государства, на первый взгляд, не интересовали Сталина, так как для него приоритетными в ближневосточной политике были сопредельные страны – Турция, Иран, Афганистан. Причина заключалась отчасти в слабых связях с регионом: в конце 1920-х гг. были установлены дипломатические отношения СССР с Саудовской Аравией и Йеменом, но к 1938 г. они почти полностью прекратились. Однако после капитуляции Франции летом 1940 г. Москва стала интересоваться развёртыванием событий в Восточном Средиземноморье, в частности намерениями Германии и Италии втянуть в войну Египет³¹⁵. Судя по донесениям советского полномочного представителя в Турции Терентьева, советское руководство было озабочено складывающейся ситуацией в отношении Сирии. С одной стороны, поступала информация о планах Великобритании создать арабскую федерацию в составе Сирии, Палестины, Трансиордании, возможно, Ирака и даже Саудовской Аравии³¹⁶. С другой – рассматривалась возможность оккупации Сирии Турцией и раздела Ирака между Турцией и Ираном³¹⁷.

Первого июля 1940 г. состоялась беседа Сталина с английским послом в Москве Р. С. Криппсом, в ходе которой англичанин затронул вопрос об агрессивных планах Германии и Италии на Ближнем Востоке. В ответ советский руководитель заметил, что такие «стремления не исключены, но здесь многое будет зависеть от позиции Турции. Какой прыжок и куда она сделает, очень трудно угадать»³¹⁸. В программе Сталина для переговоров Молотова в Берлине в ноябре 1940 г., в разделе, где речь шла об отношении к Британской империи, говорилось о возможности её сохранения (без мандатных территорий) при условии её отказа от вмешательства в дела Европы и немедленного ухода из Гибралтара и Египта³¹⁹. Англо-египетские отношения интересовали Москву³²⁰, ибо они были частью событий, которые развёртывались в важных для СССР районах Среднего Востока и на Балканах.

В 1939–1941 гг. центральными событиями в арабском мире были движение арабских националистов в Ираке и Палестинский кризис. Ирак, по словам составителей «Доклада Британской разведки о германском проникновении в Ирак», благодаря своей независимости, яв-

лялся уникальным центром «для собирания пан-арабских элементов и для почти неконтролируемого взаимодействия немцев с этими элементами»³²¹. В донесениях американского посла П. Кнабеншуэ из Багдада сообщалось, что большинство офицеров иракской армии настроены прогермански и антибритански, в стране находится иерусалимский муфтий и почти 400 его палестинских и сирийских сторонников³²². Кроме того, указывалось на уязвимость для германской авиации насосных станций и нефтепровода из Киркука в Хайфу и Триполи. Вместе с тем отмечалась возможность вторжения «русских с северо-востока»³²³. В беседе с министром иностранных дел Ирака Нури Саидом Кнабеншуэ посоветовал принять некоторые меры, в частности по борьбе с «пятой колонной», которая активно действовала в стране, разъяснить офицерскому корпусу, что «поражение Франции ещё не означает окончательного поражения» Британии³²⁴.

Весной 1940 г. к власти в Ираке пришло правительство Рашида Али аль-Гайлани, которое опиралось на поддержку группировки офицеров-пан-арабистов («золотой квартет»)³²⁵. В августе 1940 г. во время британско-иракских переговоров арабисты предъявили план, включавший отмену мандатов на Палестину, Сирию и Ливан, и обратились с просьбой о предоставлении военной помощи для переоснащения иракской армии³²⁶. В случае согласия Великобритании, иракское правительство брало на себя обязательство объявить войну странам оси и направить свои войска для участия в боевых действиях в Северной Африке. После того, как Лондон отверг требования панарабистов, 1 апреля 1941 г. «золотой квартет» совершил военный переворот. В отечественной литературе говорится о том, что новое иракское правительство объявило политику нейтралитета и соблюдения всех международных обязательств³²⁷. Американский автор П. Силе также отмечает, что у Гайлани, как и у других арабских националистов (например, Али Махира в Египте), не было профашистских настроений, но отказ Лондона пойти на уступки в палестинском вопросе стал причиной обращения к странам оси³²⁸. Однако информация, посылаемая в Вашингтон Кнабеншуэ, даёт несколько иную картину. Судя по донесениям, посол получал сведения от осведомителей и через британское посольство, согласно которым Гайлани на встрече с британским послом заявил, что его правительство выступает за развитие отношений с Германией и примет шаги по возобновлению отношений с Италией³²⁹. Американский

и британский послы в Ираке высказали предположение, что «переворот Гайлани был приурочен к нападению Германии на Югославию и Грецию»³³⁰.

Из интенсивной переписки между ведомствами в апреле – мае 1941 г. следует, что Госдепартамент не сразу занял определённую позицию по вопросу «признавать или нет» новое иракское правительство³³¹, хотя Лондон обратился к Вашингтону с просьбой не признавать правительство Гайлани³³². Госсекретарь Хэлл в письме главе миссии предложил собирать информацию о «подлинных намерениях Гайлани» и посоветовал вступить с ним в неофициальный контакт под предлогом «обеспокоенности перспективами американских интересов в Ираке»³³³. В свою очередь, иракские националисты решили обратиться за помощью к США. С американским послом в Багдаде встретился экс-премьер Сирии Джамиль Мардам в качестве представителя Гайлани. В беседе с ним Кнабеншуэ дал понять, что переговоры могут идти только «с конституционным правительством и в полном соответствии с интересами англичан», и добавил, что «американцы не питают симпатий к режиму, который установился в результате насильственного захвата власти»³³⁴. Одновременно посол сообщал госсекретарю, что «переговоры, инициированные Гайлани, – это отвлекающий манёвр, предпринятый, чтобы выиграть время для подготовки вторжения немцев»³³⁵. Одним из результатов этих событий стала нота Рузвельта иракскому правительству с требованием сохранить и развивать сотрудничество с Лондоном. С целью нажима на Багдад Вашингтон отказался предоставить правительству Гайлани долларовый кредит³³⁶.

Итак, в англо-иракском кризисе Соединённые Штаты поддержали Великобританию, за что последняя выразила благодарность Вашингтону³³⁷.

К событиям в Ираке оказался причастным и Советский Союз. В декабре 1940 г. к советскому правительству через своего посланника в Турции обратилось иракское правительство с предложением установить дипломатические отношения. Правда, при этом Багдад пожелал, чтобы Москва одновременно с установлением дипломатических отношений опубликовала декларацию о признании независимости арабских стран, помимо Ирака речь шла о Палестине и Сирии. Однако советское руководство предпочло воздержаться от такого заявления, и переговоры прекратились³³⁸. После переворота в апреле 1941 г. правительство Гайлани вновь обратилось к Советскому Союзу с предложением установить дипломати-

ческие отношения, на этот раз не выдвигая никаких условий. В результате 16 мая в Анкаре состоялся обмен нотами между послом СССР и посланником Ирака в Турции об установлении официальных дипломатических, консульских и торговых отношений³³⁹. Кроме того, по свидетельству Кирка, Гайлани одновременно передал советскому руководству просьбу о помощи³⁴⁰. По сообщениям советского посла в Лондоне И. Майского, реакция английского правительства на установление дипломатических отношений между СССР и Ираком была «неблагоприятной», так как Москва заключила соглашение «с Гайлани, которого британское правительство считало авантюристом и мятежником». Как заявил парламентский заместитель министра иностранных дел Р. Батлер, «момент для установления дипломатических отношений с Ираком был выбран советским правительством крайне неудачно», на что советский посол ему возразил: «Характер отношений, существующих в настоящее время между СССР и Англией, не таков, чтобы советское правительство в своих действиях считало необходимым учитывать возможные реакции в Лондоне»³⁴¹. В Вашингтоне этот шаг Москвы тоже расценили как «не только неуместный, но и не существенный для России, так как он не мог повлиять на её позиции в регионе»³⁴².

Таким образом, уже на этом этапе Вашингтон исходил из перспективы будущих союзнических отношений с Великобританией, в то время как в политике Москвы присутствовала чётко выраженная антибританская направленность, что, в частности, проявилось в отношении Москвы к майским событиям 1941 г. в Ираке. Несмотря на то что Советский Союз, в отличие от США, вообще не имел никаких позиций в арабском мире, всё же, по словам А. Громыко, он не мог быть «сторонним наблюдателем» в регионе, находящемся в непосредственной близости от его границ»³⁴³.

Другой важной политической проблемой в развитии международных процессов в регионе стал палестинский вопрос³⁴⁴. Между войнами американцы имели значительные экономические интересы в Палестине: 78% американских граждан, проживавших на Ближнем Востоке, приходилось на Палестину. В общем объёме инвестиций в 49 млн долл. доля американских евреев составляла 41 млн долл.³⁴⁵ Обстановка в Палестине резко обострилась после обнародования английским правительством в 1939 г. «Белой книги», смысл которой заключался в введении квоты на въезд евреев как раз в тот момент, когда в Германии

приступили к осуществлению нацистской программы «решения еврейского вопроса»³⁴⁶.

Официальной реакции Вашингтона на «Белую книгу» не последовало, однако исследователь Ричард Кёртис сообщает, что Рузвельт якобы высказал удивление по поводу этого шага Лондона³⁴⁷. Другой американский автор П. Гроуз приводит слова президента, сказанные им К. Хэллу ещё в 1938 г.: «Не секрет, что британцы обещали Палестину евреям. Почему они сейчас отказываются от своих обещаний?»³⁴⁸. Американская общественность, однако, отреагировала на появление «Белой книги» весьма активно. Так, часть конгрессменов выразили публичный протест, объявив защиту еврейских интересов в Палестине «моральным долгом Соединённых Штатов»³⁴⁹. Кроме того, с петицией к Хэллу, в которой «Белая книга» оценивалась как документ, вредящий американским интересам», обратилась большая группа еврейских лидеров³⁵⁰. Рузвельт оказался в сложном положении. С одной стороны, он испытывал давление со стороны американских сионистов и части просионистски настроенных конгрессменов, с другой – рекомендации Ближневосточного отдела по палестинскому вопросу призывали к осторожности. В поддержке сионистов также не было заинтересовано американское нефтяное лобби, опасавшееся возникновения дополнительных угроз своим интересам и негативной реакции арабов. Беспокойство было оправданным, ибо в это время Германия активно стремилась привлечь на свою сторону арабов, а муфтий Иерусалима Хадж Амин аль-Хусейни, личность харизматичная, непримиримый националист, обратился к американским арабам с призывом «не оказывать поддержки Рузвельту и не участвовать на его стороне в войне»³⁵¹.

Анализируя ситуацию в Палестине, Г. Мирриэм, помощник главы Ближневосточного отдела, в своей записке «Принципиальные факторы, касающиеся Палестины», подготовленной 25 ноября 1941 г., отмечал, что там обострился «конфликт между двумя сильными и растущими националистическими движениями: арабским и сионистским»; против «политического сионизма сильно возражают не только арабы Палестины, но и все арабские государства»; «арабы опасно увлечены мощью германского оружия, пребывают на грани достижения какого-либо соглашения с обеими воюющими сторонами». Автор меморандума привёл многочисленные аргументы в пользу того, что «позиция правительства Соединённых Штатов заключалась в воздержании от вмешательства в

палестинский вопрос»³⁵². Позже Рузвельт в письме госсекретарю Хэллу от 7 июля 1942 г. писал: «...В настоящее время мы не должны ничего говорить о Ближнем Востоке, или Палестине, или арабах. Если мы хлопнем какую-либо группу по спине, то автоматически вызовем неприятности в критический момент»³⁵³.

Предвоенный кризис в Палестине был вызван не только радикализацией сионистского движения, но и восстанием палестинских арабов в 1936–1939 гг. В ходе этого восстания выдвинулся муфтий Иерусалима Хадж Амин аль-Хусейни. Его прогерманские настроения были известны не только в Лондоне, но и в Вашингтоне. За передвижением Хусейни внимательно следили, особенно после поражения палестинского восстания, когда он оказался в эмиграции³⁵⁴. Одновременно с восстанием в Иерусалиме весной 1939 г. антианглийские выступления произошли в Мосуле. Они были организованы мусульманской молодёжной ассоциацией. Не случайно в одном из донесений главы американской резиденции в Багдаде сообщалось, что среди пронемецки настроенных жителей Ирака большинство составляла молодёжь, получившая образование в Германии³⁵⁵.

В ближневосточной политике Третьего рейха в 1930-е гг. произошёл отход от политики сотрудничества с Еврейским Агентством³⁵⁶ с последующей эволюцией в сторону курса на союз с арабскими националистами³⁵⁷. Начавшаяся война в Европе и успехи германской армии вызвали рост радикальных антианглийских настроений в арабской среде, которыми решили воспользоваться страны оси. 23 октября 1940 г. была опубликована совместная германо-итальянская декларация о поддержке арабского национально-освободительного движения, с призывом к арабам принять участие в ликвидации британского господства на Ближнем Востоке³⁵⁸. В это время тесные контакты с Берлином устанавливаются у муфтия Си, который в своё время активно содействовал приходу к власти Рашида аль-Гайлани в Ираке. Позднее, после поражения Гайлани, муфтий бежал в Тегеран, а затем, уже во время Второй мировой войны, в октябре 1941 г. прибыл в Италию, откуда Муссолини переправил его в Берлин, где он установил тесные связи с Адольфом Эйхманом³⁵⁹.

Понимая всю серьёзность ситуации, особенно степень взрывоопасности палестинской тематики, английское правительство стремилось до окончания войны «не предпринимать радикальных шагов по изменению

политической карты Ближнего Востока»³⁶⁰. Позиция У. Черчилля была вполне определённой: «Я остаюсь верным Декларации Бальфура, которая мною выполняется... Сейчас, однако, лучше заниматься ведением войны»³⁶¹. Одновременно Лондон начал разрабатывать программу создания арабской федерации, включающей и еврейскую автономию³⁶².

Что касается США, то, в отличие от Великобритании, в американском истеблишменте не было единого мнения в отношении решения палестинской проблемы. Накануне и в начальный период войны проявились расхождения в позициях Госдепартамента и администрации президента, нефтяного бизнеса и политиков (включая сенаторов, конгрессменов, губернаторов штатов, не говоря уже о различных лоббистских группах и религиозных общинах). Однако Рузвельт в принципе был согласен с британским премьером, предлагавшим отложить решение проблемы до лучших времён.

С началом европейской войны палестинские сионисты стали проявлять интерес к Советскому Союзу. Опубликованные недавно документы в основном из архивов министерств иностранных дел Израиля и России свидетельствуют, что в сионистском движении наличествовали симпатии к России. В октябре 1941 г. председатель исполнительного комитета (правления) Еврейского Агентства в Иерусалиме Д. Бен-Гурион в беседе с советским послом в Великобритании И. Майским говорил: «В конце войны Россия будет по крайней мере одной из трёх ведущих держав, определяющих судьбы нового мира»³⁶³.

Внимание всех противоборствующих держав в 1939–1941 гг. по разным мотивам было сфокусировано на ближневосточном регионе. Беспокойство Москвы и Лондона было понятно. Проникновение немецких войск создавало угрозу для британских владений на Арабском Востоке, а также для Советского Союза в Закавказье. Соединенные Штаты пока внимательно наблюдали за складывавшейся ситуацией, изучали арабских политиков, предпринимали шаги как по обеспечению безопасности своих граждан, так и по сохранению экономических позиций. Больше всего Вашингтон был взволнован известием о том, что Германия и Япония проявляют растущую заинтересованность по поводу аравийской нефти³⁶⁴.

Специфика американской и советской политики на Ближнем Востоке определялась тем, что эти державы накануне войны не имели здесь сильных позиций (в отличие от Великобритании, Франции и Германии).

США признавали ведущую роль Британской империи в этом регионе. Поэтому ярко выраженных разногласий между Лондоном и Вашингтоном в первые годы войны ещё не было. Признавая опасность для Запада германской экспансии в ближневосточном направлении, американские политики в 1939–1941 гг. не исключали возможность экспансии Советского Союза. Основания для таких предположений они находили во внезапном германо-советском сближении в 1939–1940 гг. Внешнеполитическая перспектива резко изменилась весной – летом 1941 г., что побудило американское руководство внести существенные коррективы в свой ближневосточный курс.

Выводы по 1.2

Ближний и Средний Восток в предвоенной политике США и СССР относились к периферийным зонам международных отношений. Однако на начальном этапе Второй мировой войны их военно-стратегическая роль значительно усилилась. Успехи Германии на Балканах поставили страны региона перед непосредственной опасностью втягивания в войну, что создавало угрозу позициям Великобритании (Суэцкий канал, арабская и иранская нефть, возможность немецкого прорыва в зону Персидского залива), а также Советского Союза (обеспечение безопасности южных границ). В связи с этим большую роль стали играть страны северного пояса – Турция, Иран, Афганистан.

Регион Ближнего и Среднего Востока, за исключением Турции, не входил в число активных субъектов предвоенной мировой политики. Иран, Афганистан были объектом традиционного соперничества между Великобританией и Россией/СССР. Зона Персидского залива находилась под военно-политическим контролем Великобритании, а район Восточного Средиземноморья – Великобритании и Франции. В 1930-е гг. появилась третья сила в лице Германии, в результате чего обострилась борьба вокруг стран северного пояса – Турции, Ирана и Афганистана между европейскими державами. Германофильские настроения политических элит стран Среднего Востока грозили превращением региона в один из плацдармов для нацистской экспансии в сторону Персидского залива, арабской нефти, а дальше открывалась дорога на Индию. Поэтому на политико-дипломатическом уровне шла борьба за сохранение

трёх названных стран в англо-французской орбите, с одной стороны, и Советского Союза – с другой, так как последнему важно было обезопасить свои южные границы. Неоднозначные отношения СССР с Англией и Францией, его сближение с нацистской Германией в 1939–1940 гг. привели к сложным дипломатическим играм, особенно с Турцией, в результате чего не удалось создать систему коллективной взаимопомощи (план параллельных пактов), предложенную Анкарой. После поражения Франции турецкое правительство, по существу, отказалось от своих обязательств по англо-франко-турецкому договору и объявило о своём нейтралитете, что устраивало всех.

Политика Советского Союза в обозначенное время была намного динамичнее американской, что объяснялось прежде всего тем, что в предвоенные годы Ближний Восток не входил в сферу национальных интересов Соединённых Штатов, если не считать успехи американских нефтяных компаний в Саудовской Аравии и Бахрейне. Сказывалось влияние на внешнюю политику США доктрины Монро и традиций изоляционизма, признание за Лондоном ведущей роли в регионе.

Начавшаяся европейская война, капитуляция Франции летом 1940 г. заставили ближневосточных политиков искать «третью силу», чтобы оградить себя от зависимости от политики Великобритании или Германии.

Для Турции и Ирана такой «силой» могли стать США. Что касается Арабского Востока, то там националисты попытались сделать ставку на Германию, причём существенную роль сыграла палестинская проблема, обострившаяся к началу войны вследствие не только политики Лондона, но и активности сионистов. В 1939–1941 гг. обозначалась тенденция ориентации арабских лидеров на США, однако Вашингтон на этом этапе не проявил заинтересованности в расширении здесь своего влияния и подтверждении имиджа «не империалистического государства».

На уровне военно-стратегическом позиции Лондона и Москвы совпали по Ирану (совместный ввод войск), по Турции (нейтралитет), однако в отношении Арабского Востока действия советского правительства не всегда соответствовали интересам Великобритании (иракские события 1941 г.).

США согласились на совместный ввод советских и английских войск в Иран, на английскую оккупацию Ирака после подавления движения Гайлани и англо-французскую Леванта. Трудности, возникшие для Великобритании в Северной Африке, угроза прорыва армий оси через

Египет или Сирию к персидской нефти, успешные операции германо-итальянских войск в Средиземноморье заставили Вашингтон расширить пространство действия закона о ленд-лизе. Эта позиция Вашингтона свидетельствовала о том, что к моменту вступления в войну США американское политическое руководство осознавало военно-стратегическую важность Ближнего Востока в борьбе против стран оси.

Выводы по главе 1

Накануне Второй мировой войны СССР и США не определились в своей политике в отношении надвигающегося конфликта. 1939–1940 гг. явились временем сложных дипломатических игр, в которых регион Балкан, Среднего и Ближнего Востока занимал не последнее место. Нацистскую карту в это время готовы были разыгрывать и западные политики, и Сталин. Советско-германское сближение в 1939–1940 гг. обострило отношения США с СССР, с одной стороны, а с другой – в конце 1940 г. возник «кризис взаимопонимания» в отношениях между Москвой и Берлином.

Вопреки позиции Рузвельта, американский политический истеблишмент не спешил расставаться с установками политики изоляционизма, стремясь избежать вовлечения в новый европейский конфликт, как это произошло в годы Первой мировой войны. Однако вскоре после заключения Тройственного пакта в сентябре 1940 г. в одном из октябрьских выступлений президент Рузвельт заявил о том, что «народ Соединённых Штатов... отвергает доктрину умиротворения». Американский посол в Москве Штейнгардт в беседах с работниками советского МИДа обратил внимание чиновников этого ведомства на поворот американской политики в «сторону реализма», что должно было способствовать улучшению советско-американских отношений. Но именно потому, что большую роль в международных отношениях обозначенного периода играл идеологический фактор, в условиях, когда реальным союзником СССР в 1940 г. могли быть США, Москва и Вашингтон не доверяли друг другу. Политику Великобритании советские лидеры воспринимали как традиционно враждебную России.

Оценивая позицию Рузвельта в эти годы, В. Юнгблюд писал, что он «не упускал события из-под контроля, но не вмешиваясь в них»³⁶⁵. После

начала войны главной задачей американского президента стало всемерное ограничение доступа агрессоров к сырьевым ресурсам и оказание помощи правительствам стран, защищающихся от нападения оси³⁶⁶.

После капитуляции Франции и заключения Тройственного пакта взоры Берлина были устремлены на Балканы, где сталкивались английские, германские и советские интересы. Балканы рассматривались как необходимая буферная зона, препятствующая расширению германской экспансии на Ближний и Средний Восток. В противном случае продвижение вермахта в Турцию, Иран и Афганистан создавало серьёзную угрозу не только южным и нефтеносным районам СССР, но и стратегическим позициям Великобритании на Арабском Востоке, а вслед за тем и интересам Соединённых Штатов.

Поэтому советская дипломатия стала предпринимать шаги к расширению контактов с балканскими странами, в первую очередь с Болгарией и Югославией, которые, как и Греция, были заинтересованы в советском оружии, но придерживались политики балансирования между соседними державами. Предпочитая новый компромисс с Гитлером конфликту с ним, Сталин вынужден был учитывать возможную реакцию Берлина. Избегая действий, способных подтолкнуть Германию к войне с СССР, Кремль пытался помешать включению балканских стран в орбиту фашистских государств. В итоге таких паллиативных мер Москва не сумела противостоять присоединению Болгарии к Тройственному пакту. Определённую роль сыграли опасения болгар перед угрозами, исходившими от коммунистической идеологии и сталинского режима.

Соединённые Штаты территориально были удалены от европейского конфликта. Тем не менее глава Белого дома трезво осознавал, что позиция невмешательства может иметь плачевные последствия. Оказание помощи странам, готовым сопротивляться нацистской экспансии, становилось насущной необходимостью. Вашингтон использовал на Балканах разнообразные меры политико-дипломатического и экономического убеждения и нажима. В результате ещё до вступления в войну СССР и США препятствовали расширению нацистского влияния в Европе, приняв участие в склонении Болгарии и особенно Югославии к отказу от присоединения к Тройственному пакту. В отличие от советской стороны американцы действовали совместно с англичанами, распространив действие закона о ленд-лизе одновременно на Великобританию и Грецию.

Возможности и условия для активных действий у советской и американской сторон различались, инструменты воздействия на балканские страны частично совпадали, частично расходились, но мотивы и цели политики в начале 1941 г. оказались общими.

Кульминационным моментом наметившегося единства целей политики СССР и США на Балканах стал Белградский переворот, произошедший в том числе в результате давления американской дипломатии, ряда шагов Коминтерна и усилий не только британских, но советских и американских спецслужб. На этой основе наметилось понимание общности интересов США и СССР, что объективно способствовало в дальнейшем созданию антигитлеровской коалиции.

Важную роль в регионе играла Турция, которую стремились включить в орбиту своей политики европейские страны через систему договоров о взаимопомощи. Наиболее успешно действовала Великобритания, дипломатические усилия которой по созданию блока в составе Греции, Югославии, Болгарии и Турции поддерживались Вашингтоном. Неудачными оказались попытки Советского Союза навязать Турции свою трактовку режима Проливов и советско-турецкого пакта о взаимопомощи. Однако в Лондоне и в Москве не учли, что в Анкаре был собственный подход к защите национальных интересов, в результате 18 июня 1941 г. был подписан турецко-германский пакт о «дружбе и ненападении». В итоге турецкое правительство избрало курс нейтралитета.

Поиск третьей силы в противовес СССР и Великобритании накануне европейской войны начался и в Иране. Здесь более определённо прослеживалась перспектива ориентации на США. База для развития американо-иранских отношений была создана в предвоенный период. Однако попытки иранцев купить в США оружие и самолёты и получить заём натолкнулись на ряд трудностей, связанных с существованием законодательства о нейтралитете. Вашингтон не стал препятствием для оккупации северных районов Ирана советскими войсками, а южных – английскими. Тем не менее происходило постепенное вовлечение американцев в средневосточные дела.

Что касается арабских стран, то в обозначенный период они были объектами острого соперничества Лондона и Берлина, а активность США и СССР здесь была незначительной. Американская политика не выходила за рамки поддержки британцев, за исключением палестинского вопроса. Советский Союз пытался использовать через Комин-

терн слабые коммунистические партии и группы, а также левые националистические силы, что в перспективе создавало условия для более энергичной и целенаправленной советской политики на Ближнем Востоке.

В конечном итоге активизация советской и американской политики на Балканах, Ближнем и Среднем Востоке отражала не только осознание военно-стратегической роли этих регионов, но также явилась проявлением стремлений и Москвы, и Вашингтона к укреплению своего положения на международной арене.

¹ Азаров А. На острие меча. М., 1975. С. 15–16. Население Болгарии в 1939 г. составляло около 6,7 млн чел. Для сравнения: численность населения Румынии на тот момент составляла 20 млн чел., Турции – 17,3 млн, Греции – 7,2 млн. Источник: Population Statistics: Historical Demography of All countries, Their Divisions and Towns. URL: <http://www.populstat.info/>

² Чубарьян А. О. Канун трагедии: Сталин и международный кризис: сентябрь 1939 – июнь 1941 года. М., 2008. С. 353.

³ Калинова Е. Победители и България (1939–1945). София, 2004. С. 41.

⁴ Показательна в этом плане структура внешней торговли Болгарии. В 1934–1939 гг. доля США составляла 2,3% в болгарском импорте (германская доля за 5 лет возросла с 40 до 65%, английская – упала с 6,4 до 2,8%), и 3,4% в экспорте. Валев Л. Б. Болгарский народ в борьбе против фашизма (накануне и в начальный период второй мировой войны). М., 1964. С. 49.

⁵ Политический строй Третьего Болгарского царства представлял собой конституционную монархию. Исполнительную власть с царём делил министр-председатель (премьер-министр), законодательную – однопалатное Народное собрание (НС). В 1934 г. действие Конституции было приостановлено, политические партии были запрещены, и на парламентских выборах 1938 г. кандидаты выступали с индивидуальными программами. При этом треть избранных представляли бывшие оппозиционные партии. Из оппозиции были исключены депутаты от БЗНС (Болгарского Народного земледельческого союза) и БРП (Болгарской рабочей партии). После выборов 1940 г. в НС осталось лишь несколько представителей оппозиции.

⁶ Борис III – представитель Саксен-Кобург-Готтской династии, правил в 1918–1943 гг.

⁷ По итогам Второй Балканской и Первой мировой войн Болгария лишилась территорий Южной Добруджи (в пользу Румынии), Вардарской Македонии (в пользу Югославии), Западной Фракии с выходом в Эгейское море (в пользу Греции). Нейский мирный договор 1919 г. устанавливал ограничение численности болгарской армии до 33 тыс. чел.

(оно было отменено только в 1938 г. по Салоникскому соглашению со странами Балканской Антанты; к 1 января 1939 г. болгарские войска возросли до 73 тыс. чел. См.: Страны Центральной и Юго-Восточной Европы во Второй мировой войне / под ред. М. И. Семиряги. М., 1972. С. 30).

⁸ Георги Кыосеиванов – министр-председатель и министр иностранных дел и исповеданий Болгарии с 1935 г. до 15 февраля 1940 г.

⁹ Валив Л. Б. Указ соч. М., 1964. С. 20–21.

¹⁰ Базой для такого блока могла бы стать Балканская Антанта – военно-политический союз Турции, Греции, Румынии и Югославии, созданный в 1934 г. для сохранения статус-кво на Балканах.

¹¹ 14 апреля 1939 г. президент Ф. Д. Рузвельт направил Гитлеру письмо с предложением своего посредничества в урегулировании европейских проблем и просьбой не нападать на 30 стран, список которых прилагался. Пафосное послание президента в рейхстаге было поднято на смех и, конечно, не могло побудить руководство Третьего рейха к изменению своих планов.

¹² Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers (далее – FRUS). 1939. Vol. I. Wash., 1956. P. 123, 154–155.

¹³ Джордж Говард Эрл – посол США в Софии (апрель 1940 – декабрь 1941 г.).

¹⁴ Богдан Филон – премьер-министр Болгарии с 16 февраля 1940 г. по 14 сентября 1943 г. Был известен как сторонник прогерманской ориентации.

¹⁵ FRUS. 1940. Vol. III. P. 554.

¹⁶ СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война, 1939–1941: дискуссии, комментарии, размышления / отв. ред. С. З. Случ. М., 2007. С. 398.

¹⁷ Владимир Петрович Потёмкин – заместитель Народного комиссара иностранных дел СССР в 1937–1940 гг.

¹⁸ Валива Е. Л. На перекрестке геополитических интересов великих держав, 1939–1941 // Болгария в XX веке. Очерки политической истории. М., 2003. С. 231.

¹⁹ Телеграмма заместителя народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потёмкина в НКВД СССР, из Софии. 26 апреля 1939. URL: <http://www.doc20vek.ru/node/381>.

²⁰ Советско-болгарские отношения и связи. Документы и материалы (далее – СБО) Т. 1. Ноябрь 1917 – сентябрь 1944. М., 1976. С. 464.

²¹ Беседа советского полпреда А. И. Лаврентьева с Г. Кыосеивановым состоялась 3 ноября 1939 г. Г. Кыосеиванов говорил о своих опасениях, что заключение договора может ускорить войну на Балканах и спровоцировать нападение со стороны Турции или Англии, и у него не было уверенности, что СССР действительно придёт на помощь. Премьер уверял, что Болгария готова помогать СССР и без всякого договора и так же рассчитывает на помощь СССР. СБО. Т. I. 1917–1944. С. 468–469.

²² 11 декабря 1939 г. было заключено Соглашение между СССР и Болгарией об установлении регулярного воздушного сообщения между

Москвой и Софией; 5 января 1940 г. – договор о торговле и мореплавании и Соглашение о товарообороте и платежах. СБО. Т. I. 1917–1944. С. 472–489.

²³ FRUS. 1940. Vol. I. P. 453. А. О. Чубарьян отмечает, что «сами по себе эти договоры не имели сколько-нибудь заметного значения, но для советских лидеров означали, что СССР продолжает укреплять отношения с Балканскими странами на двусторонней основе». Чубарьян А. О. Указ соч. С. 357.

²⁴ СБО. Т. I. 1917–1944. С. 463, 505, 508, 524–527.

²⁵ 20 ноября 1940 г. к Тройственному пакту примкнула Венгрия, 23 ноября – Румыния, 24 ноября – Словакия.

²⁶ В июне 1940 г. Дж. Эрл писал, что после передачи Бессарабии СССР тема территориальных претензий к Румынии осталась открытой, а болгарские претензии на Южную Добруджу были настолько обоснованными, что «даже суд дьявола не сможет отклонить их», а народ и армия были воодушевлены настолько, что готовы были начать военные действия ради них. FRUS. 1940. Vol. I. P. 482. Москва ещё с 1939 г. выражала поддержку болгарских территориальных претензий, бывших следствием «несправедливости Нейи», причём не только на Южную Добруджу, но ещё и на выход в Эгейское море. В Москве рассчитывали, что Болгария будет просить быть арбитром именно СССР. См.: Валева Е. Л. На перекрестке геополитических интересов великих держав, 1939–1941. С. 233; Сальков А. П. СССР и национально-территориальное переустройство в Юго-Восточной Европе (1938–1941 гг.) // Отечественная история. 2003. № 3. С. 79; FRUS. 1940. Vol. I. P. 506; Гитлер подчёркивал наличие общих интересов Германии и Болгарии, исторический опыт союзничества двух стран. FRUS. 1940. Vol. I. P. 496.

²⁷ По Крайовскому соглашению Румыния передавала в пользу Болгарии Южную Добруджу и проводился обмен национальными меньшинствами с приграничных территорий.

²⁸ Валева Е. Л. На перекрестке геополитических интересов великих держав, 1939–1941 С. 239; Сальков А. П. Урегулирование проблемы Южной Добруджи (1939–1947 годы) // Новая и новейшая история. 2005. № 5. С. 68.

²⁹ По выражению М. И. Мельтюхова, «поддавшись непреодолимому искушению, Борис нарушил нейтральный статус Болгарии и помог взять за горло и свою страну, и Румынию». Мельтюхов М. И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941. М., 2000. С. 82.

³⁰ Безыменский Л. А., Горлов С. А. Накануне (Переговоры В. М. Молотова в Берлине в ноябре 1940 г.) // Международная жизнь. 1991. № 8. С. 111.

³¹ Поездка В. М. Молотова в Берлин в ноябре 1940 г. Предисл. акад. Г. Н. Севостьянова // Новая и новейшая история. 1993. № 5. С. 94.

³² Речь идёт о четырёх требованиях: 1) вывод немецких войск из Финляндии, 2) заключение пакта СССР с Болгарией и размещение военно-морских баз в Проливах на основе долгосрочной аренды, 3) при-

знание центром тяжести советских аспираций района к югу от Батуми и Баку в общем направлении к Персидскому заливу, 4) отказ Японии от прав на концессии на уголь и нефть на Северном Сахалине. Сиполс В. Я. Ещё раз о дипломатической дуэли в Берлине в ноябре 1940 г. // Новая и новейшая история. 1996. № 3. С. 160–161.

³³ Аркадий Александрович Соболев – генеральный секретарь НКВД в 1939–1942 гг.

³⁴ Было оговорено, что СССР не только не будет возражать против присоединения Болгарии к Тройственному пакту, но, более того, сам к нему присоединится. Наринский М. М. Как это было // Другая война: 1939–1945 / под ред. Ю. Н. Афанасьева. М., 1996. С. 54.

³⁵ СБО. Т. I: 1917–1944. С. 468–469.

³⁶ Welles S. The Time for Decision. L., 1944. P. 253.

³⁷ Калинин А. А. Политика Великобритании и США в отношении Греции в 1939–1941 гг. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета (далее – Вестник ВятГУ). 2005. № 13. С. 53.

³⁸ FRUS. 1941. Vol. I. P. 282.

³⁹ Crampton R. J. Bulgaria. P. 255–256.

⁴⁰ Котев Н. Американското разузнаване в България (1939–1945 г.) // Известия на НЦВИ и Военноисторическото научно дружество. 1992. Т. 54. С. 86.

⁴¹ СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война, 1939–1941. С. 280–281. См. также: Котев Н., Вълков В. Неизвестен документ за Джордж Хауърд Ърл – пълномощен министър на САЩ в България през 1940–1941 година // Международни отношения. 1993. № 1. С. 109.

⁴² Такой вывод был сделан генералом как раз после пропажи у Донована портфеля с документами при довольно странных обстоятельствах. Сами американцы, однако, заявляли, что в этом портфеле не было ничего особенно важного. См.: СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война, 1939–1941. С. 280; Котев Н. Американското разузнаване в България. С. 85; Котев Н., Вълков В. Неизвестен документ за Джордж Хауърд Ърл. С. 109.

⁴³ FRUS. 1941. Vol. I. P. 294.

⁴⁴ Типпельскирх К. История Второй мировой войны. СПб.; М., 1999. С. 190, 194.

⁴⁵ СБО. Т. I. 1917–1944. С. 547.

⁴⁶ Kinsella W. Leadership in Isolation. FDR and the Origins of the Second World War. Cambridge; Boston, 1978. P. 156.

⁴⁷ Campbell J. American Policy toward Communist Eastern Europe: the Choices Ahead. Minneapolis, 1965. P. 7.

⁴⁸ Ibid. P. 6.

⁴⁹ Юнгблюд В. Т. Внешнеполитическая мысль США 1939–1945 годов. Киров, 1998. С. 14–15.

⁵⁰ Ревякина Л. България в съветската външна политика в началния период на Втората световна война // Русия и България – между «филството» и «фобството». Материали от научните конференции «Русия и Европа през XX век» и «Русия в Българската история». София, 2009. С. 267.

⁵¹ Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг. / отв. ред. В. К. Волков, Л. Я. Гибианский. М., 1999. С. 43.

⁵² Семиряга М. И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000. С. 332–333.

⁵³ War and Peace. Aims of the United Nations: September 1, 1939 – December 31, 1942. / Ed. by L. Holborn. Boston, 1943. P. 547. По завещанию короля Александра Карагеоргиевича при малолетнем Петре II были назначены три регента: двоюродный брат короля принц Павел Карагеоргиевич, министр просвещения и сенатор д-р Раденко Станкович и бан Савской бановины д-р Иван Перович. См.: Советско-югославские отношения. 1917–1941 гг.: документы и материалы. М., 1992. С. 363.

⁵⁴ Fotitch C. The War We Lost. Yugoslavia's Tragedy and the Failure of the West. N. Y., 1948. P. 12–18.

⁵⁵ De Santis H. The Diplomacy of Silence. The American Foreign Service, the Soviet Union and the Cold War, 1933–1947. Chicago, 1980. P. 67.

⁵⁶ Штрандтман, Василий Николаевич – в 1911–1915 гг. первый секретарь миссии в Белграде, российский дипломатический представитель при действующей сербской армии во время Первой мировой войны, в апреле 1919 г. Омским правительством Колчака назначен посланником в Королевстве сербов, хорватов и словенцев, до 1934 г. был уполномоченным Российского общества Красного Креста в Югославии и главноуполномоченным по устройству русских беженцев. Местные власти продолжали считать его послом несуществующего государства. С королём Александром I его связывала дружба ещё со времён совместной учёбы в Петербурге в Пажеском корпусе. Проживал в Белграде.

⁵⁷ Чему свидетели мы были... Переписка бывших царских дипломатов. 1934–1940. Кн. 2: 1938–1940. М., 1998. С. 236.

⁵⁸ Советско-югославские отношения. 1917–1941. С. 309, 310, 311.

⁵⁹ Волков В. К. Советско-югославские отношения в начальный период Второй мировой войны в контексте мировых событий (1939–1941 годы) // Советское славяноведение. 1990. № 6. С. 4.

⁶⁰ Советско-югославские отношения. 1917–1941. С. 317–320.

⁶¹ Гибианский Л. Я. Югославия перед лицом фашистской агрессии и Советский Союз // Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 408, 410–411.

⁶² Советско-югославские отношения. 1917–1941. С. 326–327.

⁶³ Гибианский Л. Я. Югославия перед лицом фашистской агрессии и Советский Союз. С. 411.

⁶⁴ Documents on American Foreign Relations (далее – DAFR). Vol. III. Boston, 1941. P. 324.

⁶⁵ Гибианский Л. Я. Югославия перед лицом фашистской агрессии и Советский Союз. С. 428.

⁶⁶ Там же. С. 432.

⁶⁷ Гибианский Л. Я. Югославский кризис начала 1941 года и Советский Союз // Война и политика. С. 208–209.

⁶⁸ Там же. С. 210.

- ⁶⁹ FRUS. 1941. Vol. II. P. 952.
- ⁷⁰ FDR: His Personal Letters, 1928–1945: In 2 vols. Vol. II: 1938–1945. N. Y., 1950. P. 1127.
- ⁷¹ Fotitch C. Op.cit. P. 39.
- ⁷² Brown A. The Last Hero: Wild Bill Donovan. N. Y., 1982. P. 156–157; Ford K. OSS and the Yugoslav Resistance, 1943–1945. College Station, 1992. P. 98; Churchill and Roosevelt. The Complete Correspondence / Ed. with a commen. by W. F. Kimball: In 3 vols. L., 1984. Vol. I. P. 134.
- ⁷³ Fotitch C. Op. cit. P. 41–43; Brown A. Op. cit. P. 156–157; FRUS. 1941. Vol. II. P. 938–939.
- ⁷⁴ DAFR. Vol. III. P. 26; FRUS. 1941. Vol. II. P. 937–938.
- ⁷⁵ Brown A. Op. cit. P. 156, 157.
- ⁷⁶ Hull C. The Memoirs of Cordell Hull: In 2 vols. N. Y., 1948. Vol. II. P. 928.
- ⁷⁷ Hull C. Op. cit. Vol. II. P. 931; FRUS. 1941. Vol. II. P. 947–948; Fotitch C. Op. cit. P. 49–50.
- ⁷⁸ Советско-югославские отношения. 1917–1941. С. 363. См. также: Косик В. И. Опыт истории страны, которой не было (Сербия в 1918–1941 гг.) // Славяноведение. 2002. № 5. С. 34; Гибианский Л. Я. Югославия перед лицом фашистской агрессии и Советский Союз. С. 461.
- ⁷⁹ Васильева Н. В., Гаврилов В. А. Балканский тупик?.. (Историческая судьба Югославии в XX веке). М., 2000. С. 144.
- ⁸⁰ Гибианский Л. Я. Югославия перед лицом фашистской агрессии и Советский Союз. С. 460; Гиренко Ю. С. Сталин – Тито. М., 1991. С. 84–86.
- ⁸¹ Stevenson W. A Man Called Intrepid: The Secret War. N. Y., 1976. P. 201; Яковлев Н. Н. ФДР – человек и политик // Яковлев Н. Н. Избранные произведения. М., 1988. С. 328.
- ⁸² Kinsella W. Op. cit. P. 179–180.
- ⁸³ Гибианский Л. Я. Югославский кризис начала 1941 года и Советский Союз. С. 215–216.
- ⁸⁴ Можно ли было предотвратить войну? (Новые документы о советско-югославском договоре о дружбе и ненападении 1941 года) // Вестник МИД СССР. 1989. № 15. С. 57.
- ⁸⁵ Волков В. К. Советско-югославские отношения в начальный период Второй мировой войны. С. 12.
- ⁸⁶ Судоплатов П. А. Разведка и Кремль: Записки невольного свидетеля. М., 1996. С. 136–137.
- ⁸⁷ War and Peace. Aims of the United Nations. P. 547.
- ⁸⁸ Задохин А. Г., Низовский А. Ю. Пороховой погреб Европы. М., 2000. С. 185.
- ⁸⁹ Фогель Д. Германия и Юго-Восточная Европа // Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. М., 1996. С. 422.
- ⁹⁰ История Второй мировой войны, 1939–1945: в 12 т. Т. 3: Начало войны. Подготовка агрессии против СССР. М., 1974. С. 259–260.
- ⁹¹ Sherwood R. Roosevelt and Hopkins. An Intimate History: In 2 vols. Vol. II. N. Y., 1950. P. 277–278.

- ⁹² FRUS. 1941. Vol. II. P. 969.
- ⁹³ Документы внешней политики СССР (далее – ДВП СССР). 1940 – 22 июня 1941. Т. XXIII: в 2 кн. Кн. 2. Ч. 2: 2 марта – 22 июня 1941 года. М., 1998. С. 522; Гибианский Л. Я. Югославия перед лицом фашистской агрессии и Советский Союз. С. 470.
- ⁹⁴ War and Peace. Aims of the United Nations. P. 547.
- ⁹⁵ Секретная переписка Рузвельта с Черчиллем в период войны. М., 1995. С. 164.
- ⁹⁶ Hull C. Op. cit. Vol. II. P. 932–933.
- ⁹⁷ Stevenson W. Op. cit. P. 201, 210.
- ⁹⁸ Burns J. M. Op. cit. P. 71, 74.
- ⁹⁹ Brown A. Op. cit. P. 155.
- ¹⁰⁰ Stevenson W. Op. cit. P. 210.
- ¹⁰¹ Ibid. P. 209.
- ¹⁰² Фалин В.М. Второй фронт. Антигитлеровская коалиция: конфликт интересов. М., 2000. С. 570–571.
- ¹⁰³ ДВП СССР. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 2. С. 522–523.
- ¹⁰⁴ Гибианский Л. Я. Югославский кризис начала 1941 года и Советский Союз. С. 219–221.
- ¹⁰⁵ Советско-югославские отношения. 1917–1941. С. 375.
- ¹⁰⁶ Гибианский Л. Я. Югославия перед лицом фашистской агрессии и Советский Союз. С. 495–497; Гибианский Л. Я. Югославский кризис начала 1941 года и Советский Союз. С. 207–225; Городецкий Г. Роковой самообман. Сталин и нападение Германии на Советский Союз. М., 1999. С. 180–183.
- ¹⁰⁷ См.: Квашнин Ю. Д. Греция в международных отношениях, 1936–1941. М., 2011.
- ¹⁰⁸ См., например: Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 84. Оп. 21. П. 16. Д. 1, 2, 2а, 4, 5, 6 и др.
- ¹⁰⁹ ДВП СССР. Т. XXII. Кн. 1. С. 436.
- ¹¹⁰ Там же. С. 437.
- ¹¹¹ Чубарьян А. О. Указ соч. С. 353.
- ¹¹² Системная история международных отношений: в 2 т. / под ред. А. Д. Богатурова. М., 2003. Т. 1. С. 299.
- ¹¹³ История внешней политики СССР. 1917–1980: в 2 т. / под ред. А. А. Громыко. М., 1980. Т. 1. С. 359.
- ¹¹⁴ Союз Греции, Румынии, Турции и Югославии, заключенный 9 февраля 1934 г. в Афинах.
- ¹¹⁵ ДВП СССР. Т. XXII. Кн. 1. С. 432.
- ¹¹⁶ Там же. С. 437.
- ¹¹⁷ АВП РФ. Ф. 84. Оп. 21. П. 16 Д. 4. Л. 92.
- ¹¹⁸ Квашнин Ю. Д. Советско-греческие отношения в 1936–1940 гг. по материалам советских дипломатических документов // Вестник Московского университета. Сер. 8, История. 2008. № 4. С. 13.
- ¹¹⁹ ДВП СССР. Т. XXII. Кн. 2. С. 259.
- ¹²⁰ Там же. С. 260.
- ¹²¹ Там же. С. 261.
- ¹²² Там же. С. 317.

- ¹²³ ДВП СССР. Т. XXIII. Кн. 1. С. 98–99.
- ¹²⁴ АВП РФ. Ф. 084. Оп. 20. П. 131. Д. 3. Л. 11.
- ¹²⁵ ДВП СССР. Т. XXIII. Кн. 1. С. 332.
- ¹²⁶ АВП РФ. Ф. 84. Оп. 22. П. 17. Д. 6. Л. 32.
- ¹²⁷ Робертс Дж. Сферы влияния и советская внешняя политика в 1939–1945 гг.: Идеология, расчет и импровизация // Новая и новейшая история. 2001. № 5. С. 80–81.
- ¹²⁸ 1941 год: сб. документов: в 2 кн. М., 1998. Кн. 1. С. 350.
- ¹²⁹ АВП РФ. Ф. 084. Оп. 20. П. 131. Д. 3. Л. 17.
- ¹³⁰ ДВП СССР. Т. XXIII. Кн. 2. С. 28.
- ¹³¹ Там же. С. 207.
- ¹³² Там же.
- ¹³³ Квашнин Ю. Д. Внешняя политика Греции 1936–1941 гг. С. 226.
- ¹³⁴ ДВП СССР. Т. XXIII. Кн. 2. С. 448.
- ¹³⁵ Осуществлена 6–30 апреля 1941 г. На стороне Германии в операции приняли участие Италия, Болгария, Венгрия и Румыния. Грекам помогали британские экспедиционные части. Завершилась установлением нацистского контроля над Балканским полуостровом.
- ¹³⁶ Квашнин Ю. Д. Внешняя политика Греции 1936–1941 гг. С. 175–176.
- ¹³⁷ АВП РФ. Ф. 84. Оп. 23. П. 18. Д. 1. Л. 25; ДВП. Т. XXIII. Кн. 2. С. 714.
- ¹³⁸ Ambassador MacVeagh Reports: Greece 1933–1947 / Ed. by J. O. Iatrides. Princeton, 1980. P. 155–157.
- ¹³⁹ Ibid. P. 166–167.
- ¹⁴⁰ Ibid. P. 169.
- ¹⁴¹ The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. Vol. 1940: War and Aid to Democracies. N. Y., 1941. P. 576; 141 Proclamation 2444 on the Neutrality of the United States in the War between Italy and Greece, November 15th, 1940. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/>
- ¹⁴² FRUS. 1940. Vol. III. P. 561–562; Ambassador MacVeagh Reports. P. 248. Маквей сообщил об этом лично Метаксасу 18 ноября: Ambassador MacVeagh Reports. P. 249–250.
- ¹⁴³ ДВП СССР. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 1. С. 9.
- ¹⁴⁴ Hull C. Op. cit. Vol. I. P. 886; Congressional Record. Vol. 86. Proceedings and Debates of the 76th Congress. Second Session. Wash., 1940. Pt. 18. P. 7005.
- ¹⁴⁵ Peace and War: United States Foreign Policy, 1931–1941. Wash., 1943. P. 594; DAFR. Vol. III. P. 315; The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. Vol. 1940. P. 598–599; FRUS. 1940. Vol. III. P. 569; 147 Reply to the King of Greece, December 5th, 1940. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/>
- ¹⁴⁶ Ambassador MacVeagh Reports. P. 244. Американо-греческий диалог по вопросу поставки военных самолетов исследован также в диссертации: Macris B. J. The Foreign Policy of the Metaxas Regime, 1936–1941: A Dissertation Submitted to the faculty of the Graduate school in partial fulfillment of the requirements for the degree Doctor of Philosophy in the Department of History. Bloomington, 1979. P. 331–335.

- ¹⁴⁷ Ambassador MacVeagh Reports. P. 264.
- ¹⁴⁸ Stettinius E. Lend-Lease. Weapon for Victory. N. Y., 1944. P. 63–64.
- ¹⁴⁹ Hull C. Op. cit. Vol. I. P. 886.
- ¹⁵⁰ Ibid. Vol. II. P. 928.
- ¹⁵¹ См.: Troy Th. Donovan and the CIA: A History of the Establishment of the Central Intelligence Agency. Frederick, 1996. P. 82–83.
- ¹⁵² Ambassador MacVeagh Reports. P. 283.
- ¹⁵³ FRUS. 1941. Vol. II. P. 637.
- ¹⁵⁴ Ibid. P. 638–639.
- ¹⁵⁵ Tasovac I. American Foreign Policy and Yugoslavia, 1939–1941. College Station, 1999. P. 81.
- ¹⁵⁶ Ambassador MacVeagh Reports. P. 285.
- ¹⁵⁷ Onslow S. Britain and the Belgrade Coup of 27 March 1941 Revisited // Electronic Journal of International History (2005), Institute of Historical Research, University of London. URL: <http://www.history.ac.uk/ejournal/Onslow.pdf>
- ¹⁵⁸ Ambassador MacVeagh Reports. P. 284.
- ¹⁵⁹ Ibid. P. 286–288.
- ¹⁶⁰ Лондон выразил готовность в короткий срок направить в Грецию небольшие экспедиционные силы, имеющие на вооружении танки, полевую и зенитную артиллерию, которые в силу своей малочисленности не смогли бы в случае нападения Германии сыграть сколько-нибудь существенную роль. Через несколько месяцев британцы были готовы направить в Грецию лишь 2–3 дивизии. Метаксас, подозревая англичан в стремлении вовлечь Грецию в войну против Германии, отказался принять британские войска до тех пор, пока их численность не будет увеличена в несколько раз.
- ¹⁶¹ Dunlop R. Donovan: America's Master Spy. Chicago, 1982. P. 260.
- ¹⁶² Ibidem.
- ¹⁶³ Tasovac I. Op. cit. P. 89.
- ¹⁶⁴ Ibid. P. 90.
- ¹⁶⁵ Colonel Donovan's War // Time. Monday, Mar. 31, 1941. URL: <http://www.time.com/time/magazine/article/0,9171,765347-1,00.html>
- ¹⁶⁶ The White House Papers of Harry L. Hopkins. L., 1948. Vol. 1. P. 258.
- ¹⁶⁷ Franklin D. Roosevelt Digital Archives. PSF. Box 34. King George-->FDR 2/14/1941. URL: <http://www.fdrlibrary.marist.edu/psf/box34/a315h01.html>
- ¹⁶⁸ Burns J. M. Op. cit. P. 64–65.
- ¹⁶⁹ FRUS. 1941. Vol. II. P. 690–691.
- ¹⁷⁰ Stettinius E. Op. cit. P. 90.
- ¹⁷¹ Ibidem; FRUS. 1941. Vol. II. P. 702–703.
- ¹⁷² DAFR. Vol. III. P. 316.
- ¹⁷³ Stettinius E. Op. cit. P. 91.
- ¹⁷⁴ FRUS. 1941. Vol. II. P. 712.
- ¹⁷⁵ Ibid. P. 713–714.
- ¹⁷⁶ Franklin D. Roosevelt: 1933–1945. 42 Statement Praising the Resistance of the Greek People, April 25th, 1941. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/>; FRUS. 1941. Vol. II. P. 725; DAFR. Vol. III. P. 323.

¹⁷⁷ Mahan A. The Persian Gulf and International Relations // National Review. London, September 1902. О разграничении понятия см.: Поздеева Л. В. Англо-американские отношения в годы второй мировой войны 1941–1945. М., 1969. С. 388; Ближний Восток в политике великих держав и арабо-израильский конфликт / под ред. О. А. Колобова: в 2 т. Т. 1: Закономерности и особенности. Н. Новгород, 2008. С. 28; Campbell J. Defense of the Middle East: Problems of American Policy. N. Y., 1958. P. X; Kirk G. The Middle East in the War. L., 1954. P. 5.

¹⁷⁸ Zhivkova L. Anglo-Turkish Relations, 1933–1939. L., 1976. P. 5.

¹⁷⁹ Мир между войнами. Избранные документы по истории международных отношений 1910–1940-х годов. М., 1997. С. 170–171.

¹⁸⁰ Athanassopoulou E. Turkey-Anglo-American Security Interests 1945–1952. The First Enlargement of NATO. L., 1999. P. 20.

¹⁸¹ Ibid. P. 21.

¹⁸² Alvarez D. Bureaucracy and Cold War Diplomacy: The United States and Turkey, 1943–1946. Thessaloniki, 1980; Deringil S. Turkish Foreign Policy during the Second World War: an “Active” Neutrality. N. Y., 1989; Tamkin N. Britain, Turkey and the Soviet Union, 1940–1945: Strategy, Diplomacy and Intelligence in the Eastern Mediterranean. N. Y., 2009.

¹⁸³ Karpal K. Turkey's Foreign Policy in Transition, 1950–1974. Leiden, 1975. P. 76.

¹⁸⁴ Александреттский санджак (Республика Хатай) был частью Османской империи, отторгнутый от неё после Первой мировой войны, и находился под управлением Франции до 1935 г. Около 40% населения этой территории считали себя турками. Турция отказывалась признавать эти территории частью Сирии и вынесла решение этого вопроса на Совет Лиги Наций. В результате переговоров была достигнута договорённость о возвращении Турции этих территорий. 29 июня 1939 г. Александреттский санджак был присоединён к Турции.

¹⁸⁵ Год кризиса. 1938–1939: документы и материалы: в 2 т. / сост. МИД СССР. Т. 1. М., 1990. С. 392.

¹⁸⁶ Deringil S. Op. cit. P. 74.

¹⁸⁷ Так, например, азербайджанский историк Дж. П. Гасанлы в своей монографии «СССР – Турция: от нейтралитета к холодной войне» приводит текст телеграммы советского полпреда А. Терентьева. Сообщая в Москву о реакции турецкого правительства на заключение договора с Великобританией, Терентьев ссылаясь на слова премьер-министра Турции Рафика Сайдама, который, выступая в парламенте по поводу заключения англо-турецкого договора, заявил, что с его подписанием шансы возникновения новой мировой войны серьёзно уменьшились. См.: Гасанлы Дж. П. СССР – Турция: от нейтралитета к холодной войне (1939–1953). М., 2008. С. 48.

¹⁸⁸ Zhivkova L. Op. cit. P. 98.

¹⁸⁹ Согласно ст. 2. Советско-турецкого договора 1925 г. «О дружбе и нейтралитете» «Каждая из сторон также обязывается воздерживаться от всякого нападения на другую сторону и не принимать участия ни в каком союзе, политическом соглашении или ином акте одной или нескольких третьих держав, направленном против другой стороны».

- ¹⁹⁰ Deringil S. Op. cit. P. 74.
- ¹⁹¹ Irving D. Breach of Security. L., 1968. P. 60.
- ¹⁹² Athanassopoulou E. Op. cit. P. 23.
- ¹⁹³ Данилов А. А., Пыжиков А. В. Рождение сверхдержавы: СССР в первые послевоенные годы. М., 2001. С. 12; Поцхверия Б. М. Советско-турецкие отношения и проблема Проливов накануне, в годы Второй мировой войны и послевоенные десятилетия // Россия и Черноморские проливы (XVIII–XX столетия). М., 1999. С. 444.
- ¹⁹⁴ Год кризиса. 1938–1939. Т. 2. С. 181–182.
- ¹⁹⁵ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 11. Д. 388. Л. 16–17.
- ¹⁹⁶ Athanassopoulou E. Op. cit. P. 25; Deringil S. Op. cit. P. 85–88; Ataov T. Turkish Foreign Policy, 1939–1945. Ankara, 1965. P. 48–60. См. также: Гасанлы Дж. П. СССР – Турция. С. 55–63.
- ¹⁹⁷ Athanassopoulou E. Op. cit. P. 25.
- ¹⁹⁸ Ibid.
- ¹⁹⁹ Alvarez D. Op. cit. P. 24; Deringil S. Op. cit. P. 79; Zhivkova L. Op. cit. P. 109; Tamkin N. Op. cit. P. 15.
- ²⁰⁰ Alvarez D. Op. cit. P. 24; Deringil S. Op. cit. P. 79; Zhivkova L. Op. cit. P. 109; Tamkin N. Op. cit. P. 15. С полным текстом договора можно ознакомиться: Millman B. The Ill-Made Alliance: Anglo-Turkish Relations, 1934–1940. L., 1998.
- ²⁰¹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1329. Л. 27.
- ²⁰² Trask R. The United States Response to Turkish Nationalism and Reform, 1914–1939. Minneapolis, 1971. P. 239.
- ²⁰³ Alvarez D. Op. cit. P. 23; Deringil S. Op. cit. P. 78.
- ²⁰⁴ Гасанлы Дж. П. СССР – Турция. С. 75.
- ²⁰⁵ FRUS. 1940. Vol. III. P. 957.
- ²⁰⁶ Ibid. P. 959.
- ²⁰⁷ Ibid.
- ²⁰⁸ Ibid. P. 960.
- ²⁰⁹ Ibid. P. 961.
- ²¹⁰ Ibid. P. 962.
- ²¹¹ Ibid.
- ²¹² Ibid. P. 963.
- ²¹³ Ibid.
- ²¹⁴ FRUS. 1940. Vol. III. P. 963.
- ²¹⁵ Ibid. P. 815. Полный текст речи президента Рузвельта «О военной угрозе США и помощи странам – жертвам агрессии», произнесенную им 29 декабря 1940 г., см: Франклин Делано Рузвельт. Беседы у камина. М., 2003. С. 205–216.
- ²¹⁶ Deringil S. Op. cit. P. 119.
- ²¹⁷ FRUS. 1941. Vol. III. P. 849–850.
- ²¹⁸ Ibid. P. 855–858.
- ²¹⁹ Ibid. P. 853.
- ²²⁰ Deringil S. Op. cit. P. 121.
- ²²¹ FRUS. 1941. Vol. III. P. 853.
- ²²² Ibid. P. 857.

²²³ Ibid. P. 858.

²²⁴ Ibid. P. 859–861.

²²⁵ Deringil S. Op. cit. P. 123.

²²⁶ Hull C. Op. cit. Vol. II. P. 1499; Kuniholm B. R. The Origins of the Cold War in the Near East: Great Power Conflict and Diplomacy in Iran, Turkey, and Greece. Princeton, 1980. P. 178; Lytle M. H. Iranian-American Alliance, 1941–1953. N. Y.; L., 1988. P. XIII, 58; Motter T. H. V. The Persian Corridor and Aid to Russia. Wash., 2000. P. 7; Rubin B. The Great Powers in the Middle East, 1941–1947: The Road to the Cold War. L., 1980. P. 18; Thomas L. V., Frye R. N. The United States and Turkey and Iran. Cambridge, 1962. P. 245; Wilber D. N. Contemporary Iran. N. Y., 1963. P. 108–109; Поздеева Л. В. Англо-американские отношения в годы второй мировой войны. С. 389; Попов М. В. Американский империализм в Иране в годы второй мировой войны. Американская финансовая миссия. М., 1956. С. 9; Franklin D. Roosevelt: «Remarks to the Personnel at Camp Amirabad, Teheran, Iran.» December 2, 1943. Online by Gerhard Peters and John T. Woolley, The American Presidency Project. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=16347>; Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца: в 2 т. М., 1958. Т. 2. С. 494; Hull C. Op. cit. Vol. II. P. 1501. Показателен факт: в январе 1940 г. в Иране находились 155 граждан США. Для сравнения: в Ираке – 582, а в Сирии – 1380 (DAFR. Vol. II. Boston, 1940. P. 828); Millsbaugh A. C. Americans in Persia. Wash., 1946. P. 7; Kirk G. Op. cit. P. 23.

²²⁷ DeNovo J. American Interests and Policies in the Middle East, 1900–1939. Minneapolis, 1963. P. 383–384, 392–393.

²²⁸ Sicker M. The Bear and the Lion. Soviet Imperialism and Iran. N. Y.; L., 1988. P. 51.

²²⁹ Lytle M. H. Op. cit. P. 7; Avery P. Modern Iran. L., 1965. P. 311; Kuniholm B. R. Op. cit. P. 136; Годс М. Реза. Иран в XX веке. Политическая история. М., 1994. С. 158, 182.

²³⁰ Lytle M. H. Op. cit. P. 10; Kuniholm B. R. Op. cit. P. 156. В сентябре 1939 г. Ближневосточный отдел (Near East Division) был переименован в ОБД (Division of Near Eastern Affairs). Rubin B. Op. cit. P. 8.

²³¹ Всего 18 человек, американцев и иранцев (Kuniholm B. R. Op. cit. P. 156; Lytle M. H. Op. cit. P. 10). Для сравнения: в Иране действовало 12 английских консульств в провинциальных городах. Кунихолм также приводит данные о том, что в год объём почты между Тегераном и Вашингтоном был небольшим – 214 телеграмм и депеш.

²³² Ibid. P. 10–11.

²³³ Подобное послание было передано и главе правительства Италии Бенито Муссолини. Оба диктатора пытались дискредитировать это обращение президента США в глазах мировой общественности. (Peace and War: United States Foreign Policy, 1931–1941... P. 454–457; FRUS. 1939. Vol. 1. P. 130–133; Dallek R. Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy, 1932–1945. N. Y., 1979. P. 185–186; История дипломатии: в 3 т. / под ред. В. П. Потёмкина. М., 1945. Т. 3. С. 664–667.)

²³⁴ FRUS. 1939. Vol. I. P. 153–154.

²³⁵ Pahlavi M. R. S. Mission for my Country. L., 1960. P. 67–68; Rubin B. Op. cit. P. 2.

²³⁶ Ibid. P. 131–133.

²³⁷ FRUS. 1939. Vol. II. P. 398–399; FRUS. 1940. Vol. II. P. 141; Vol. III. P. 706–708; ДВП СССР. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 2. М., 1998. С. 645–646; Lenczowski G. Russia and the West in Iran, 1918–1948. A Study in Big-Power Rivalry. Ithaca; N. Y., 1949. P. 161–162; Elwell-Sutton L. P. Modern Iran. P. 225–228. Саадабадский пакт – договор, подписанный Турцией, Ираком, Ираном и Афганистаном 8 июля 1937 г. в Саадабадском дворце под Тегераном сроком на 5 лет. Содержал обязательства сторон уважать неприкосновенность общих границ, не совершать актов агрессии и не вмешиваться во внутренние дела друг друга, не допускать на своей территории создания и деятельности вооруженных групп или организаций, преследующих враждебные по отношению к какой-либо из договаривающихся сторон цели; консультироваться друг с другом по международным вопросам, касающимся их общих интересов. Заключению данного договора содействовала Великобритания (Саадабадский пакт 1937 // БСЭ. URL: <http://slovari.yandex.ru/dict/bse/article/00067/84300.htm>).

²³⁸ Grayson B. L. United States – Iranian relations. Wash., 1981. P. 53–55; Pahlavi M. R. S. Op. cit. P. 68; Avery P. Op. cit. P. 336; Ramazani R. Iran's Foreign Policy, 1941–1973: A study of Foreign Policy in Modernizing Nations. Charlottesville, 1975. P. 53, 68, 70–71, 91; Арабаджян З. А. Иран: противостояние империям (1918–1941). М., 1996. С. 194; Кузнец Ю. Л. Тегеран-43. М., 2003. С. 20; Агаев С. Л. Иран: внешняя политика и проблемы независимости. 1925–1941 гг. М., 1971. С. 305, 314, 342. В пользу данного тезиса можно отметить и факт отставки шахом 29 июня 1940 г. правительства под руководством премьер-министра Матинэ Дафтари, который считался настроенным прогермански (ДВП СССР. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 1. С. 381–383; Ч. 2. С. 646).

²³⁹ Cottam R. W. Iran and the United States. A Cold War Case Study. Pittsburgh, 1988. P. 54; Grayson B. L. Op. cit. P. 53.

²⁴⁰ Millspaugh A. Op. cit. P. 7; Avery P. Op. cit. P. 320; Lytle M. H. Op. cit. P. 21.

²⁴¹ Matloff M., Snell E. M. Strategic Planning for Coalition Warfare, 1941–1942. 1953. Ch. I–III; URL: <http://www.answer.com/topic/united-states-color-coded-war-plans>; Butler J. R. M. Grand strategy. Vol. 2: Sept. 1939 – June 1941. L., 1957. Ch. XVIII.

²⁴² План «ABC-1» принят на англо-американском штабном совещании в начале 1941 г. В плане были сформулированы первоочередные задачи американо-английской стратегии, где нацистская Германия фигурировала как «враг № 1», а Япония – как «враг № 2». План «Рейнбоу-5» (последний, 5-й из «радужных» планов) был утвержден 2 июня 1941 г. военным и морским министрами и одобрен президентом Рузвельтом вместе с итоговым докладом Вашингтонской конференции американских и британских штабов. Его положения во многом повторяли решения штабной конференции и делали упор на «накопление сил, необходимых для наступления на Германию» и оборону Западного полушария. Вся

дальнейшая работа американских штабов велась на базе этого плана, с которым США и вступили в войну (Matloff M. Op. cit. Ch. I–III; URL: <http://www.answer.com/topic/united-states-color-coded-war-plans>; Butler J. R. M. Op. cit.; Шервуд Р. Указ соч. Т. 1. С. 453–454).

²⁴³ FRUS. 1939. Vol. IV. P. 538; Ibid. P. 541–542; Avery P. Op. cit. P. 334; Агаев С. Л. Иран: внешняя политика и проблемы независимости. 1925–1941 гг. С. 310.

²⁴⁴ FRUS. 1940. Vol. III. P. 638; Avery P. Op. cit. P. 336; Агаев С. Л. Иран: внешняя политика и проблемы независимости. 1925–1941 гг. С. 314–315, 319. Б. Л. Грейсон пишет о 100 млн долл. (Grayson B. L. Op. cit. P. 54).

²⁴⁵ FRUS. 1940. Vol. III. P. 642–643.

²⁴⁶ Ibid. P. 644.

²⁴⁷ FRUS. 1939. Vol. IV. P. 538, 541.

²⁴⁸ FRUS. 1940. Vol. III. P. 645; Grayson B. L. Op. cit. P. 54.

²⁴⁹ FRUS. 1940. Vol. III. P. 646–647, 651; Grayson B. L. Op. cit. P. 55.

²⁵⁰ FRUS. 1940. Vol. III. P. 656–657; FRUS. 1941. Vol. III. P. 360, 366;

Агаев С. Л. Иран: внешняя политика и проблемы независимости. 1925–1941 гг. С. 319–320; Grayson B. L. Op. cit. P. 55. Следует отметить, что Иран пробовал закупать самолёты и в СССР (АВП РФ. Ф. 6. Оп. 3. П. 14. Д. 175. Л. 28).

²⁵¹ Параграф 2(а) гласил: «Всякий раз, когда Президент будет издавать прокламацию, подпадающую под действие параграфа 1(а), она соответственно будет незаконной для любого американского судна, перевозящего любых пассажиров или любые предметы или материалы в государство, названное в такой прокламации». FRUS. 1941. Vol. III. P. 355–356, 359.

²⁵² См.: FRUS. 1940. Vol. III. P. 663–693; FRUS. 1941. Vol. III. P. 366–374; Avery P. Op. cit. P. 336; Агаев С. Л. Иран: внешняя политика и проблемы независимости. 1925–1941 гг. С. 315. См. подробнее материал по этой теме: Чучкалов А. В. Американская дипломатия и подготовка торгового соглашения между США и Ираном 1943 г. // Международные отношения в XX веке. Киров, 2007. С. 91–120.

²⁵³ FRUS. 1940. Vol. III. P. 665.

²⁵⁴ Avery P. Op. cit. P. 338.

²⁵⁵ О восстановлении торговых отношений между Германией и Ираном через Балканские страны и Турцию и территорию СССР см.: АВП РФ. Ф. 6. Оп. 3. П. 14. Д. 175. Л. 12–14; ДВП СССР. Т. XXIII. Кн. 1. С. 50, 130, 340–341, 370; Там же. Кн. 2. Ч. 1. С. 193, 385.

²⁵⁶ Парвизпур Б. Х. Советско-иранские отношения в годы второй мировой войны (1939–1945). Тбилиси, 1978. С. 8.

²⁵⁷ Оришев А. Б. Политика нацистской Германии в Иране. СПб., 2005. С. 73.

²⁵⁸ Ст. VI Договора между Российской Советской Федеративной Социалистической Республикой и Ираном (Персией), заключённого в Москве 26 февраля 1921 г., гласила: «Обе Высокие Договаривающиеся Стороны согласны в том, что в случае, если со стороны третьих стран будут иметь место попытки путем вооруженного вмешательства осуще-

ствлять на территории Персии захватную политику или превращать территорию Персии в базу для военных выступлений против России, если при этом будет угрожать опасность границам Российской Советской Федеративной Социалистической Республики или союзных ей держав и если Персидское Правительство после предупреждения со стороны Российского Советского Правительства само не окажется в силе отвести эту опасность, Российское Советское Правительство будет иметь право ввести свои войска на территорию Персии, чтобы, в интересах самообороны, принять необходимые военные меры. По устраниении данной опасности Российское Советское Правительство обязуется немедленно вывести свои войска из пределов Персии...» (ДВП СССР. Т. III. С. 536–544).

²⁵⁹ Палюкайтис И. И. Экономическое развитие Ирана. М., 1965. С. 218.

²⁶⁰ Avery P. Op. cit. P. 334.

²⁶¹ Оришев А. Б. Политика нацистской Германии в Иране. С. 88.

²⁶² Арабаджян З. А. Иран: противостояние империям. С. 177; Агаев С. Л. Германский империализм в Иране: Веймарская республика, Третий рейх. М., 1969. С. 74–75; Оришев А. Б. Политика нацистской Германии в Иране. С. 50–51; Иванов М. С. К истории ограбления Ирана Англо-Иранской нефтяной компанией // Вопросы истории. 1952. № 5. С. 337; Ибрагимбейли Х.-М. Крах «Эдельвейса» и Ближний Восток. М., 1977. С. 32; Агаев С. Л. Иран: внешняя политика и проблемы независимости. 1925–1941 гг. С. 324; Румянцев Ф. Я. Тайная война на Ближнем и Среднем Востоке. М., 1972. С. 80.

²⁶³ Элвелл-Саттон Л. Иранская нефть. К истории политики силы. М., 1956. С. 136–137.

²⁶⁴ Арабаджян З. А. Иран: противостояние империям. С. 189.

²⁶⁵ Hamzavi A. H. Persia and the Powers. An Account of Diplomatic Relations. 1941–1946. L., 1946. P. 15.

²⁶⁶ Элвелл-Саттон Л. Указ соч. С. 136–137.

²⁶⁷ Арабаджян З. А. Иран: Противостояние империям. С. 184.

²⁶⁸ Новая и новейшая история. 2001. № 6. С. 208–209.

²⁶⁹ Оришев А. Иран: Август 1941-го // Африка и Азия сегодня. 2005. № 7. С. 52.

²⁷⁰ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.: в 2 т. М., 1983. Т. 1. С. 50; Трухановский В. Г. Внешняя политика Англии в годы Второй мировой войны». М., 1965. С. 261; Оришев А. Иран: Август 1941-го. С. 52.

²⁷¹ См. ноту МИДА Ирана 21.08.1941 (АВП РФ. Ф. 94. Оп. 26. П. 68а. Д. 5. Л. 80–81); DAFFR. Vol. IV. P. 674–681; FRUS. Vol. III. P. 430; Bullard R. The Camels must go. An Autobiography. L., 1961. P. 226.

²⁷² Договор между РСФСР и Ираном (Персией) заключенный в Москве 26 февраля 1921 года // Системная история международных отношений: в 4 т. 1918–2000. М., 2000. Т. 2. Документы 1910–1940-х гг. С. 61.

²⁷³ Голуб Ю. Г. 1941: Иранский поход Красной Армии. Взгляд через годы // Отечественная история. 2004. № 3. Указ соч. С. 21.

- ²⁷⁴ Гасанлы Д. СССР – Иран: кризис и начало холодной войны. 1941–1946 гг. М., 2006. С. 16–17.
- ²⁷⁵ Там же. С. 18.
- ²⁷⁶ Там же. С. 19.
- ²⁷⁷ Голуб Ю. Г. Указ.соч. С. 21.
- ²⁷⁸ Там же. С. 22.
- ²⁷⁹ Ибрагимбейли Х.-М. Крах «Эдельвейса» и Ближний Восток. С. 34.
- ²⁸⁰ Попов М. В. Указ. соч. С. 34.
- ²⁸¹ Оришев А. Иран: Август 1941-го. С. 55.
- ²⁸² Казаков М. И. Над картой былых сражений. М., 1971. С. 71–72.
- ²⁸³ Там же. С. 19.
- ²⁸⁴ Оришев А. Б. Политика нацистской Германии в Иране. С. 142.
- ²⁸⁵ Иванов М. С. Указ. соч. С. 339–340.
- ²⁸⁶ Голуб Ю. Г. Указ. соч. С. 23.
- ²⁸⁷ Попов М. В. Указ. соч. С. 35.
- ²⁸⁸ Там же. С. 36.
- ²⁸⁹ Иванов М. С. Указ. соч. С. 339–340.
- ²⁹⁰ Оришев А. Иран: Август 1941-го. С. 57.
- ²⁹¹ Кузнец Ю. Тегеран-43. С. 71.
- ²⁹² Оришев А. Б. Политика нацистской Германии в Иране. С. 156.
- ²⁹³ Кузнец Ю. Тегеран-43. С. 75.
- ²⁹⁴ Там же.
- ²⁹⁵ Hull C. Op. cit. Vol. II. P. 1501; Grayson B. L. Op. cit. P. 56; Lytle M. H. Op. cit. P. 10; FRUS. 1941. Vol. III. P. 393–394.
- ²⁹⁶ FRUS. 1941. Vol. III. P. 406.
- ²⁹⁷ FRUS. 1941. Vol. III. P. 410; Hull C. Op. cit. P. 1501.
- ²⁹⁸ FRUS. 1941. Vol. III. P. 399.
- ²⁹⁹ Ibid. P. 1501.
- ³⁰⁰ См. статью «О распространении необоснованных слухов в отношении Ирана» в иранской газете «Журналь де Тегеран» 09.08.1941 (АВП РФ. Ф. 94. Оп. 26. П. 69. Д. 15. Л. 10–12). В этом же издании в обзоре политических событий за неделю (7–15 августа 1941 г.) также описывались слухи, касающиеся Ирана и пятой колонны в нём, переданных в сообщениях телеграфного агентства Свободная Франция в Лондоне. Иранское агентство «Парс» опровергало их. Здесь же сообщалось о выступлении Э. Идена 30.07.1941 и 06.08.1941 в палате общин по поводу ситуации в Иране и немецкого присутствия в этой стране. О слухах и выступлениях Идена говорилось и в иранской газете «Эттелаат» 01.08 и 09.08.1941 (АВП РФ. Ф. 94. Оп. 26. П. 69. Д. 15. Л. 28–31, 51–55; Володарский М. И. Буржуазная историография истории советско-иранских отношений // Народы Азии и Африки. 1969. № 2. С. 187).
- ³⁰¹ Бережков В. В то время в Иране // Азия и Африка сегодня. 1984. № 11. С. 16; Он же. Страницы дипломатической истории. М., 1984. С. 112–116.
- ³⁰² FRUS. 1941. Vol. III. P. 399.
- ³⁰³ Ibid. P. 419; Cottam R. W. Op. cit. P. 55–56, 62; Hull C. Op. cit. Vol. II. P. 1502.

³⁰⁴ FRUS. 1941. Vol. III. P. 446–447; Hull C. Op. cit. Vol. II. P. 1502; Оришев А. Б. Политика нацистской Германии в Иране. СПб., 2005. С. 143.

³⁰⁵ Ibid. P. 431–433; Grayson B. L. Op. cit. P. 58.

³⁰⁶ FRUS. 1941. Vol. III. P. 434–435.

³⁰⁷ Ibid. P. 434–435, 449–450; Hull C. Op. cit. Vol. II. P. 976, 1502; См. ноту В. М. Молотова иранскому послу М. Саеду 25.08.1941 и ответную ноту Саеда 26.08.1941 (АВП РФ. Ф. 6. Оп. 3. П. 16. Д. 201. Л. 1–8); DAFR. Vol. IV. P. 674–681.

³⁰⁸ Ibid. P. 470–471; Grayson B. L. Op. cit. P. 60.

³⁰⁹ Нота МИД Ирана 08.09.1941 (АВП РФ. Ф. 94. Оп. 26. П. 68а. Д. 5. Л. 91–94).

³¹⁰ Arfa H. Under Five Shahs. Edinburg, 1964. P. 304.

³¹¹ Следует отметить, что на правовую сторону этого конфликта историки мало обращали внимания. Английский посол в Иране в годы войны Р. Буллард, на наш взгляд, занимает несколько лукавую позицию, когда пишет о «невозможности дать окончательный ответ на вопрос, было ли вторжение в Персию законным» (Bullard R. The Camels must go. P. 228). Понятно, что со стороны Британии оно было незаконным. Черчилль в своих мемуарах, оправдываясь, отмечает, что «Англия и Россия боролись за свою жизнь», что «мы можем радоваться тому, что благодаря нашей победе была сохранена независимость Персии» и что «Inter arma silent leges» (Черчилль У. Вторая мировая война: в 3 кн. М., 1991. Т. 3. С. 249–251).

В то же время действия и Британии и СССР подпадают под определение агрессии в женевском протоколе Лиги Наций от 2 октября 1924 г. и в протоколах, подписанных СССР с Ираном и другими странами в июле 1933 г. на Лондонской экономической конференции (Женевские протоколы // Дипломатический словарь. URL: <http://www.cyclopedia.ru/120/198/2736999.html>; URL: <http://www.diph.isru/index.php?option=content&task=view&id=179#2>). Однако они не были оккупантами, поскольку территория государства считалась оккупированной, если фактическая власть на ней перешла в руки вражеской армии. В Иране, в общем и целом, этого не было, несмотря на многочисленные злоупотребления в британской и советской зонах. Вопросы, связанные с оккупацией, регулировались к тому времени IV Гаагской конвенцией 1907 г. Позднее иранское правительство, подписав 29 января 1942 г. союзный договор с Великобританией и СССР, согласилось с тем, что ввод войск этих стран в их страну не был оккупацией. Хотя в некоторых иранских СМИ они назывались оккупантами.

³¹² Kirk G. Op. cit. P. 23; Hathaway R. Ambiguous partnership. Britain and America, 1944–1947. N. Y., 1981. P. 48; Lenczowski G. The Middle East in World Affairs. Ithaca; N. Y., 1962. P. 531; Rubin B. Op. cit. P. 131.

³¹³ Kuniholm B. R. Op. cit. P. 180.

³¹⁴ FRUS. 1940. Vol. III; FRUS. 1941. Vol. III.

³¹⁵ ДВП СССР. Т. XXIII. Кн. 1. С. 357.

³¹⁶ Там же. С. 371.

³¹⁷ Там же. С. 421.

³¹⁸ Там же. С. 397.

- ³¹⁹ ДВП СССР. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 1. Док. 491. С. 32.
- ³²⁰ См. ДВП СССР. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 2. Док. 789, 809, 865.
- ³²¹ Доклад Британской разведки о германском проникновении в Ирак // Проблемы войны и мира в XX веке: Нижегородская серия документов по истории международных отношений. Н. Новгород, 1997. Т. 2. Док. 11. С. 36–47. Иракское досье широко представлено в американских документах. См. FRUS. 1940. Vol. III.
- ³²² FRUS. 1940. Vol. III. 704, 705.
- ³²³ Ibid. P. 703.
- ³²⁴ Ibid. P. 705.
- ³²⁵ Валиахметова Г. Н. Нефтяные аспекты войны в Ираке в 1941 г. // Восток. 2009. № 3; Климентов В. П. Переворот 1 апреля в Ираке и тридцатидневная война // Восток. 2001. № 3; Мирский Г. И. Ирак в смутное время. М., 1961; Федченко А. Ирак в борьбе за независимость (1917–1969). М., 1970; Кризис и война: международные отношения в центре и на периферии мировой системы в 30–40-х годах. М., 1998. Гл. 9; Амин С. Восстание арабов в XX веке / пер. с араб. М., 1964; Lenczowski G. The Middle East in World Affairs. P. 247 etc.
- ³²⁶ Kirk G. Op. cit. P. 77; Warner G. Iraq and Siria. 1941. L., 1974. P. 88, 94 etc.
- ³²⁷ Системная история международных отношений: в 4 т. М., 2000. Т. 1. События 1918–1945. С. 353.
- ³²⁸ Seale P. The Struggle for Syria. A Study of Post-War Arab Politics 1945–1958. L., 1987. P. 20.
- ³²⁹ FRUS. 1941. Vol. III. P. 495.
- ³³⁰ Ibid. P. 494.
- ³³¹ Ibid. P. 496.
- ³³² Ibid. P. 493.
- ³³³ Ibid. P. 497, 496, 492.
- ³³⁴ Ibid. P. 497.
- ³³⁵ Ibid. P. 498.
- ³³⁶ Мирский Г. И. Указ. соч. С. 152, 153.
- ³³⁷ FRUS. 1941. Vol. III. P. 500–501.
- ³³⁸ ДВП СССР. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 2. С. 670.
- ³³⁹ Сообщение было опубликовано в газете «Известия» от 18 мая 1941 г.
- ³⁴⁰ Kirk G. Op. cit. P. 77.
- ³⁴¹ ДВП СССР. Т. XXIII. Кн. 2. Ч. 2. С. 682, 695.
- ³⁴² FRUS. 1941. Vol. III. P. 508.
- ³⁴³ Громыко А. А. Памятное: в 2 кн. М., 1988. Кн. 2. С. 200.
- ³⁴⁴ Gardner L. C. Three Kings: the Rise of American Empire in the Middle East after World War II. N. Y., 2009. P. 18.
- ³⁴⁵ Cohen M. J. Truman and Israel. L. A., 1990. P. 94.
- ³⁴⁶ Основные направления политики нацистских властей в отношении еврейской общины в Германии // Проблемы войны и мира в XX веке. Т. 2. С. 191–229.
- ³⁴⁷ Curtiss R. H. Regarding Franklin Roosevelt's promises to the Arabs. A Changing Image: American Perceptions of the Arab-Israeli Dispute. Wash., 1986.

³⁴⁸ Grose P. The President versus the Diplomats // The End of the Palestine Mandat / Ed. by W. R. Louis and R. Stookey. Austine, 1986. P. 35.

³⁴⁹ Manuel F. E. The Realities of American-Palestine Relations. Wash., 1972. P. 307–308.

³⁵⁰ Колобов О. А. Соединённые Штаты Америки и проблема Палестины. Н. Новгород, 1993. С. 70. В 1938 г. в Эвиане была созвана конференция по делам беженцев-евреев из Германии. Как пишет Голда Меир, 32 государства не сочли возможным допустить большие партии еврейских беженцев. Для большинства из них единственной возможностью оставалась Палестина. См: Меир Г. Моя жизнь. Чимкент, 1997.

³⁵¹ Muftism and Nazism: World War II. Collaboration. Documents. URL: <http://www.eretzyisroel.org/~jkatz/nazis.html>.

³⁵² Колобов О. А., Корнилов А. А. Сергунин А. А. Документальная история арабо-израильского конфликта: хрестоматия. Н. Новгород, 1991. С. 50–51.

³⁵³ Проблемы войны и мира в XX веке. Т. 2. С. 173.

³⁵⁴ См. Дмитриев Е. Палестинская трагедия. М., 1986. С. 16.

³⁵⁵ FRUS. 1940. Vol. III. P. 704.

³⁵⁶ Еврейское Агентство было основано 11 августа 1929 г. на 16-м конгрессе сионистов. Согласно уставу Агентства создавалось три руководящих органа: совет, административный комитет и исполнительный комитет. Президентом Еврейского Агентства становился президент Всемирной сионистской организации (в 1929–1931 гг. и в 1935–1946 гг. – Х. Вейцман, в 1931–1935 гг. – Н. Соколов, в 1956–1968 гг. – Н. Гольдман). Практически Еврейское Агентство стало исполнительным органом Всемирной сионистской организации. В Иерусалиме находился один из двух исполнительных комитетов – правление Еврейского Агентства (в 1935–1948 гг. – председатель Д. Бен-Гурион), второй функционировал в Лондоне. Агентство служило официальным представителем евреев по отношению к британским властям Палестины. Оно также несло ответственность за внутренние дела еврейского населения. В настоящее время называется Еврейское агентство для Израиля (JAFI) (ивр. а-Сохнумт а-Йеудимт ле-Эрец-Исраэль) и является официальной организацией государства Израиль, которая занимается вопросами репатриации (алии) в Израиль. Подробнее см.: Звягельская И. Д. История Государства Израиль. М., 2012. С. 37–38; Еврейское агентство // Электронная еврейская энциклопедия. URL: <http://eleven.co.il/article/11523>; Еврейское агентство для Израиля (Сохнут). URL: <http://www.jafi.org/JewishAgency/Russian/Home>.

³⁵⁷ Помимо контактов иерусалимского муфтия с Берлином, гитлеровский режим поддерживал правительство Гайлани, принял решение о поставках оружия в Саудовскую Аравию. См. Проблемы войны и мира в XX веке. Т. 2. Ч. 2. «Процесс формирования политики нацистской Германии на Ближнем Востоке в 1930-е годы». О связях Ибн Сауда с Германией в этот период см.: Васильев А. М. Саудовская Аравия и Вторая мировая война // Азия и Африка сегодня. 2005. № 8.

³⁵⁸ Системная история международных отношений. М., 2000. Т. 1. События. 1918–1945. С. 352.

³⁵⁹ Этингер Я. Арабский мир и метастазы нацизма. URL: http://maof.rjews.net/index.php?option=com_content&task=view&id=10363&Itemid=1

³⁶⁰ Проблемы войны и мира в XX веке. Т. 2. С. 14.

³⁶¹ Там же.

³⁶² Там же. Док. 19, 20, 21 и др.

³⁶³ Советско-израильские отношения: сб. документов Т. 1. 1941–1953. М., 2000. Кн. 1. С. 24. О советской позиции см.: Пырлин Е. Д. 100 лет противоборства. Генезис, эволюция, современное состояние и перспективы решения палестинской проблемы. М., 2001; Костырченко Г. В. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. М., 2001; Медведев Ж. Сталин и еврейская проблема. Новый анализ. URL: http://scepsis.ru/library/id_1473.html.

³⁶⁴ Эти материалы можно найти в документах, опубликованных в: FRUS. 1940. Vol. III. С. 800–823; 824–831.

³⁶⁵ Юнгблюд В. Т. Внешнеполитическая мысль США 1939–1945 годов. С. 14.

³⁶⁶ Там же. С. 15.

ГЛАВА 2. АКТИВИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ СССР И США НА БАЛКАНАХ, БЛИЖНЕМ И СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ в 1941–1944 гг.

Действия СССР и США в балканском, ближне- и средневосточном регионах в 1941–1944 гг. показывают характерные сдвиги в советской и американской политике после вступления во Вторую мировую войну. Прежде всего они проявились в выдвижении планов послевоенного устройства, что сразу продемонстрировало разное понимание этой проблемы.

В Греции и Югославии в результате оккупации развернулось мощное и расколотое на два идеологически враждебных лагеря движение Сопротивления. Это поставило перед союзниками вопросы определения адресата своей помощи и выбора между политическими силами и органами власти, представлявшими различные направления югославского и греческого подполья. На болгарском направлении правительствам СССР и США пришлось решать иные задачи – скорейшего вывода этой страны из войны на стороне оси и определения благоприятных для себя условий перемирия.

В Турции, наоборот, оба союзника добивались оказания Анкарой военной помощи антигитлеровской коалиции, но, наткнувшись на неизменный турецкий нейтралитет, впоследствии были вынуждены скорректировать свою позицию. В Иране и странах Арабского Востока СССР и США стремились ограничить, а в конечном итоге и исключить нацист-

ское влияние. Именно там в годы войны впервые проявился нефтяной фактор. Особое место в политике держав заняла палестинская проблема. Кроме того, во всех странах Москве и Вашингтону при планировании и осуществлении своей политики приходилось учитывать позицию Великобритании.

Исследование становления интересов Москвы и Вашингтона и создания механизмов их реализации в балканских и ближневосточных странах важно и с точки зрения внутренней истории государств обоих регионов, так как позволяет глубже понять причины тех политических процессов, которые происходили в послевоенный период.

2.1. Балканский регион во внешнеполитических расчетах Москвы и Вашингтона

1941 г. стал важнейшим этапом в эскалации Второй мировой войны. В этом году нацистское влияние было распространено на Балканы; в войну вступили два главных актора – СССР и США. Определился состав держав, противостоящих оси. 1 января 1942 г. США, СССР, Великобритания и ещё 23 государства подписали в Вашингтоне Декларацию Объединённых Наций. Среди членов оформившейся антигитлеровской коалиции были оккупированные Югославия и Греция. Их противником являлась присоединившая к Тройственному пакту Болгария. Эти три страны объединял комплекс имевших большую историю территориальных разногласий.

В 1941 г. международная обстановка принципиально изменилась. Вопросы внешней политики теперь должны были решаться в тесной связи с соображениями военной целесообразности. Более того, стратегические моменты отныне не только определяли содержание большинства межгосударственных переговоров и дипломатических акций воюющих держав, но и, чаще всего, доминировали над политическими расчётами и идеологическими пристрастиями Советского Союза и Соединённых Штатов.

Война изменила политическую карту, что породило целый ряд сложных проблем в коалиционной дипломатии. Во-первых, проблему определения отношения к эмигрантским правительствам тех государств, кото-

рые были оккупированы Германией и Италией. Во-вторых, проблеме выхода из войны на стороне Германии её европейских сателлитов. В-третьих, проблему поддержки сил Сопротивления, развернувших борьбу на захваченных территориях и зачастую расколовшихся на два идеологически враждебных друг другу движения. Сложности социально-политического, идеологического, религиозного, этнического характера нередко вторгались в политические калькуляции, корректировали военные планы, заставляли руководителей СССР, США и Великобритании задаваться вопросом, на кого или на что следует делать ставку в войне. В силу целого ряда объективных и субъективных обстоятельств ответы, которые давали на эти вопросы в Москве и Вашингтоне, далеко не всегда совпадали.

2.1.1. Проблемы выхода Болгарии из войны на стороне Германии

К началу 1941 г. правительство Болгарии окончательно исчерпало возможности политики лавирования и оказалось перед выбором – вступить в союз с Германией или быть оккупированной её войсками¹. 1 марта 1941 г. в Вене премьер-министр Б. Филов подписал протокол о присоединении Болгарии к Тройственному пакту. Москва и Вашингтон потерпели поражение в дипломатической борьбе, не сумев предложить Болгарии достойной альтернативы сотрудничеству с Германией, и теперь должны были пересмотреть задачи и методы своей балканской политики. С оформлением германско-болгарского сотрудничества Москва потеряла последнюю возможность закрепиться на Балканах. Уверения Софии в неизменности дружественной политики в отношении СССР и в кратковременности пребывания немецких солдат в Болгарии были малоубедительны². Москва официально обвинила болгарское руководство в расширении сферы войны³.

Американцы для себя отметили, что советское правительство впервые открыто выразило своё резко негативное отношение к акциям Германии в Восточной Европе⁴. Для них же самих потеря Болгарии была не столь чувствительной и воспринималась как неизбежность⁵. По словам посла Дж. Эрла, немецкое господство для Болгарии было бы меньшим злом по сравнению с русским⁶. 4 марта Рузвельт подписал указ о блокировании болгарских авуаров в США, но дальше этой меры не пошёл⁷.

Наиболее жёсткой была реакция Великобритании, чьим интересам на Балканах особенно сильно угрожало расширение Тройственного пакта⁸.

6 апреля Германия начала агрессию в отношении Греции и Югославии, используя территорию Болгарии в качестве плацдарма. Болгарские войска не принимали прямого участия в боевых действиях, но по их завершении получили возможность оккупировать прилегающие территории Западной Фракии и Восточной Македонии под предлогом защиты местного болгароязычного населения⁹. Болгарами это было воспринято с восторгом как возвращение исконных земель и возрождение «Великой Болгарии» от моря до моря¹⁰. Суверенитет Софии над этими территориями был сильно ограничен, но само участие в их оккупации и подавлении освободительного движения закрепило за Болгарией статус агрессора, что впоследствии принесло ей гораздо больше сложностей, нежели выгоды¹¹.

Весной – в начале лета 1941 г. советская разведка регулярно доносила о сосредоточении германских вооружённых сил на Балканах, об их перемещениях через Болгарию и Румынию и вероятной подготовке нападения на СССР¹². Дальнейшие события показали, что эти опасения были небеспочвенными. 22 июня Германия напала на СССР, и в совместном походе с вермахтом приняли участие армии практически всех германских союзников в Европе, за исключением Болгарии, которая осталась единственной страной, которая не только не направила на Восточный фронт своих войск¹³, но и сохраняла дипломатические отношения с СССР до конца войны. Борис III опасался, что объявление войны России станет настолько непопулярной мерой, что сможет спровоцировать гражданскую войну¹⁴.

Сохранение советского посольства в Софии создавало благоприятные возможности для советской разведки¹⁵. Германское руководство поначалу вынуждено было мириться с поведением своего союзника, но настаивало на сокращении советско-болгарских связей. В Болгарии усилилась антисоветская пропаганда, ухудшились условия деятельности советского посольства, сотрудники которого стали чаще сталкиваться с провокациями¹⁶. Болгарское законодательство ужесточило ответственность за ведение антифашистской и антигосударственной пропаганды, выражение просоветских взглядов и т. д.¹⁷ В то же время и Москва со своей стороны поддерживала антиправительственную борьбу внутри самой Болгарии.

Нападение японской авиации на Пёрл-Харбор в декабре 1941 г. способствовало расширению масштабов Второй мировой войны. Болгарское руководство вновь, как и в июне, оказалось перед выбором курса в отношении очередного противника фашистского блока, и на этот раз ему нечего было противопоставить требованиям стран оси объявить Америке войну. Решение об этом было принято 13 декабря, в расчёте на то, что Болгарии не придётся участвовать в военных действиях при том, что она формально исполнит свой союзнический долг¹⁸. На первых порах война между двумя государствами действительно была лишь «символической». Рузвельт первоначально даже не счёл нужным отвечать на заявления правительств германских сателлитов, которые явно были сделаны ими не самостоятельно¹⁹. Лишь 6 июня 1942 г. Вашингтон официально объявил Болгарии войну, во многом – в угоду своим союзникам²⁰. Москва от подобного шага воздержалась²¹.

Положение СССР и США отчасти было схожим: обе державы в течение июня – декабря 1941 г. стали объектами нападения агрессивных держав и оказались в одной коалиции. Это способствовало «временному снижению идеологической конфликтности в советско-американских отношениях» и позитивным изменениям в восприятии друг друга²². В отношении Болгарии Москва и Вашингтон ставили перед собой единую цель – вывести её из войны на стороне оси. При этом особенность их отношений с этой страной определяли различные средства и методы достижения поставленной цели.

На начальном этапе войны ни СССР, ни США не могли оказывать эффективного воздействия на Болгарию, и их деятельность на этом направлении была ограниченной. В Соединённых Штатах шла работа с восточноевропейскими эмигрантами, перебравшимися за границу в довоенный период. Болгары принимали участие в деятельности Американского славянского конгресса. На его съезде 25–26 апреля 1942 г. в Детройте был принят «Манифест к американским славянам», в котором была выражена поддержка лозунга «совместной великой борьбы за свободу»²³. Сплочение эмигрантских организаций использовалось в пропагандистских целях и способствовало созданию резерва для вербовки агентов и специалистов для работы в Восточной Европе.

С началом Великой Отечественной войны активизировалась работа в эмигрантской среде и в СССР. Москва имела возможность апеллировать к идеям славянской кровной и культурно-исторической общности.

В октябре 1941 г. в Москве был создан Всеславянский комитет как культурный и информационно-пропагандистский центр славянского движения. Печатным органом комитета стал журнал «Славяне», где публиковались многочисленные статьи, декларации, обращения к народам Восточной Европы с пропагандой идеи укрепления славянской солидарности и совместной борьбы против фашизма²⁴.

После нападения Германии на СССР Москва активизировала поддержку антифашистского движения в странах, находившихся под немецким влиянием, в том числе и в Болгарии, с которой она продолжала поддерживать дипломатические отношения. Большую роль в этом играл глава Коминтерна и одновременно руководитель ЦК Заграничного бюро Болгарской рабочей партии Г. М. Димитров. 23 июля 1941 г. по его инициативе было организовано вещание радиостанции «Христо Ботев», ставшей рупором Москвы в Болгарии.

В 1941–1942 гг. с советской территории в Болгарию было переброшено несколько групп диверсантов из числа болгарских политэмигрантов²⁵. Е. Л. Валева на основе архивных материалов доказывает, что главной их задачей была не организация вооружённой борьбы, как традиционно считалось в историографии, а выполнение разведывательных функций²⁶. Более действенное участие в борьбе с царским режимом на данном этапе в силу сложившейся военно-стратегической обстановки в Европе было признано невозможным. В связи с этим решительно были отклонены предложения болгарских коммунистов об организации антиправительственного восстания²⁷.

Другое течение в болгарском Сопротивлении возглавлялось одной из фракций Болгарского земледельческого народного союза (БЗНС), лидером которого был д-р Г. М. Димитров (Гемето)²⁸, политик прозападной ориентации. Ещё в начале 1941 г. он готовил восстание с целью предотвращения германо-болгарского сближения, но, будучи разоблачённым, перебрался на Ближний Восток, где в сотрудничестве с английскими спецслужбами организовал Болгарский национальный комитет (БНК)²⁹.

Движение Сопротивления в Болгарии в 1941–1943 гг. находилось на этапе консолидации и накопления сил. Существовал ряд факторов, препятствовавших развёртыванию более активных действий: популярность царского режима, возросшая вследствие его внешне успешной политики; эффективность административного аппарата и полиции; фор-

мирование официальной пропагандой антипатриотического образа Сопротивления как «пятой колонны», связанной с заграницей и борющейся против собственного правительства и народа³⁰. Борьба коммунистов за сплочение антифашистских сил была длительной и поначалу малорезультативной. Лишь к середине 1942 г. была организована коалиция Отечественного Фронта (ОФ)³¹. В обнародованной 17 июля 1942 г. по радио «Христо Ботев» программе ОФ провозглашались задачи обеспечения национальной независимости, создания «подлинно национального правительства», полного разрыва с Германией, отзыва войск, направленных на подавление освободительной борьбы сербского народа³², искоренения всякого фашистского влияния и др. Пятый пункт программы призывал «обеспечить в соответствии с Атлантической хартией национальные интересы болгарского народа путём достижения договорённости с другими балканскими народами и установления тесной дружбы и сотрудничества с СССР, Англией, США и другими свободлюбивыми народами»³³.

Для США Болгария в течение первых месяцев войны не представляла особого интереса, балканский регион находился преимущественно в сфере внимания британского командования³⁴. Присутствие американских разведывательных служб в стране было незначительным, и в Вашингтоне были слабо информированы об обстановке в стране³⁵.

С начала 1943 г. актуальность болгарского вопроса в связи с изменением стратегической ситуации возросла. На встрече в Касабланке Рузвельт и Черчилль обратились к изучению перспектив наступления на средиземноморском театре военных действий³⁶. Особое внимание британского премьера привлекал Балканский полуостров – «мягкое подбрюшье» Европы. Удар союзников в этом направлении в обход Италии обещал не только нанести урон по позициям Германии, но и преградить путь Красной Армии, ограничив зону распространения советского влияния³⁷. Обсуждение стратегического положения Болгарии имело целью выявить возможность наступления союзников через её территорию как в сторону румынских нефтепромыслов, так и в сторону Адриатики, что позволило бы отрезать от Германии Грецию и Крит и поддержать местное Сопротивление³⁸. Однако реализация подобных планов была чрезвычайно затруднена и требовала учёта позиции Турции и СССР в случае развёртывания активных боевых действий на Балканах³⁹.

В ходе обсуждений союзники приняли решение продолжать наступление в Северной Африке, готовиться к вторжению на Сицилию и в Италию, после чего приступить к бомбардировкам стратегических объектов в Южной Европе; деятельность на Балканах на ближайшее время ограничивалась локальными военными операциями и поддержкой партизан (албанских, греческих, югославских)⁴⁰. Также в постановлениях конференции было зафиксировано намерение применять принцип безоговорочной капитуляции к Германии и её сателлитам⁴¹. Сталин был проинформирован о решениях союзников и выразил полное с ними согласие⁴².

В 1942–1943 гг. страны антигитлеровской коалиции добились крупных успехов, обеспечивших переход к ним стратегической инициативы⁴³. Осенью западным союзникам удалось вывести из войны Италию и обратить её силы против Германии. На очереди стояли балканские сателлиты, тем более что предпосылки для более активных действий в их отношении уже были созданы. Под влиянием меняющейся обстановки на фронтах внутреннее положение Болгарии становилось всё менее стабильным, всё активнее себя проявляло движение Сопротивления; политический кризис усугубился со смертью Бориса III, после чего власть в стране перешла к регентскому совету⁴⁴.

С осени 1943 г. болгарский вопрос активно обсуждался представителями союзных держав, и не только его военные аспекты, но уже и проблемы послевоенного урегулирования. С 19 по 30 октября в Москве проходила конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании. В рамках обсуждения вопроса о послевоенных границах и территориальной реорганизации европейских государств рассматривалась возможность создания в Восточной Европе федеративных объединений. Отношение великих держав к этим планам было различным и корректировалось в связи с политическими изменениями внутри государств, которым отводилось место потенциальных субъектов федераций.

Лондон рассматривал создание федерации на Балканах как инструмент упрочения собственных позиций в регионе и нейтрализации в Болгарии германского и советского влияния, урегулирования национально-территориальных проблем и др.⁴⁵ Свою заинтересованность в создании болгарско-югославской федерации выражали и США⁴⁶.

Позиция СССР была двойственной. С одной стороны, консолидация славянских и балканских народов отвечала интересам советской внешней политики в Восточной Европе и активно пропагандировалась Все-

славянским комитетом как средство «удовлетворения национальных интересов болгарского народа» и урегулирования существующих территориальных проблем⁴⁷. В образовании южнославянской федерации на основе включения Болгарии в состав Югославии был заинтересован также глава югославской компартии И. Броз Тито, претендовавший на главенствующую роль КПЮ в партизанском движении на Балканах⁴⁸. С другой стороны, ещё накануне войны с Германией, в 1940 г., советское руководство посчитало необходимым снять лозунг создания балканской федерации, исходя из того, что она могла стать препятствием на пути к союзу балканских народов с СССР (поскольку одни из них могли примкнуть к союзу раньше, другие – позже)⁴⁹. Кроме того, перспектива образования на советских границах блока государств под эгидой западных стран возрождала опасения Москвы столкнуться с новым «санитарным кордоном», о чём Молотов прямо заявил своим британским союзникам⁵⁰.

Выдвинутая англичанами на Московской конференции идея создания балканской федерации натолкнулась на решительные возражения советской стороны. Молотов назвал такие планы преждевременными и искусственными, настаивая на том, чтобы освобождённые народы Европы по прошествии определённого времени сами решали свою судьбу⁵¹. Эта позиция была полностью поддержана госсекретарём К. Хэллом, который был принципиальным противником политики сфер влияния, признаки которой он усматривал в намерениях англичан⁵². Британской стороне пришлось смириться с провалом инициативы⁵³. Тем самым советской дипломатии удалось в очередной раз предотвратить вмешательство Запада во внутренние дела Восточной Европы и обозначить свою заинтересованность в этом регионе.

На конференции также обсуждались предпринятые странами оси зондажи относительно возможности проведения сепаратных переговоров о перемирии с антигитлеровской коалицией⁵⁴. Союзники договорились немедленно информировать друг друга об известных им серьёзных попытках Германии и её сателлитов начать переговоры⁵⁵; было подтверждено намерение применить по отношению к ним принцип безоговорочной капитуляции⁵⁶. Для рассмотрения вопросов, связанных с окончанием военных действий и выработкой условий перемирия с вражескими государствами было постановлено создать Европейскую консультативную комиссию (ЕКК)⁵⁷.

Важное место на переговорах союзников занимали военные вопросы. Молотов отмечал, что в отношениях Болгарии с осью наметился кризис, правительство Божилова столкнулось с множеством проблем внутри страны, но по-прежнему сохраняло верность союзу с Берлином⁵⁸. Союзники подтвердили своё намерение продолжать давление на балканские страны путём поддержки движения Соппротивления и нанесения ударов по стратегическим объектам⁵⁹. По-прежнему желательным было вовлечение в войну Турции на стороне Объединённых Наций, и Сталин заявил о готовности поддержать её в случае войны с Болгарией и разорвать отношения с софийским «монархо-фашистским правительством»⁶⁰. Советский лидер также одобрил планы англичан по нанесению воздушных ударов по Болгарии с целью побудить её к выводу войск с оккупированных территорий и началу переговоров о мире⁶¹.

С октября 1943 г. развернулись регулярные массированные бомбардировки болгарских городов. Удары наносились преимущественно по стратегическим объектам и были сравнительно малокровными, но от того не менее чувствительными⁶². Части болгарской ПВО и истребительная авиация не могли на равных противостоять противнику. В результате нескольких налётов была нарушена инфраструктура, жизнь в Софии была практически парализована, люди стали массово покидать города. Помимо собственно экономического ущерба не менее важен был «политический эффект» бомбардировок. Народное доверие к правительству, не способному организовать эффективную оборону и оперативно справляться с последствиями бомбардировок, падало. Отсутствие помощи со стороны Германии сводило на нет союзнические настроения болгар. Одновременно таяли надежды на снисхождение западных держав, а их сторонники из числа болгарских политиков теряли прежнее влияние в обществе.

Для антигитлеровской коалиции бомбардировки были лишь прелюдией к более масштабным действиям. С начала 1943 г. болгарская разведка получала сведения о подготовке британцами десанта в Болгарию⁶³. Перспективы развёртывания крупной операции на Балканах встали на повестку дня Большой тройки на Тегеранской конференции, состоявшейся 28 ноября – 1 декабря. Каждая из сторон была заинтересована в сокращении сроков войны и скорейшем освобождении европейских стран от гитлеровского контроля, однако освобождение Европы приобретало выраженный политический контекст, закладывая основы после-

военной расстановки сил. Отсюда следовали колебания союзников по поводу выбора приоритетных направлений наступления. В Тегеране Черчилль выдвинул на рассмотрение идею расширенной операции на Балканах (уже обсуждавшуюся в начале 1943 г. в Касабланке). В пользу такого варианта говорила уязвимость балканского фланга оси, что открывало возможность сковать здесь несколько десятков вражеских дивизий и оказать поддержку Сопrotивлению⁶⁴. Понятно, что Сталина не устраивало перемещение вектора союзнического наступления с Западной Европы на Балканы, к которым уже подходили советские войска. Против этих планов выступила и американская делегация⁶⁵. Генерал Дж. Маршалл убеждал, что проведение дополнительной операции на Балканах накануне «Оверлорда» грозит рассеиванием сил и продлением сроков войны⁶⁶. Существовало множество причин, по которым идея «балканского варианта» Второго фронта в конечном итоге была заблокирована⁶⁷. Вследствие этого возникли условия для оформления советской сферы влияния в Восточной Европе и вовлечения в неё Болгарии.

В военных решениях Тегеранской конференции был закреплён выбор западноевропейского направления в качестве приоритетного для англо-американских войск, действия союзников на Балканах по-прежнему ограничивались поддержкой Сопrotивления, а Сталин подтвердил свою готовность разорвать отношения с Болгарией в случае вступления в войну Турции⁶⁸.

Вскоре после конференции Черчилль и Рузвельт провели переговоры с турецким руководством⁶⁹, пытаясь побудить его объявить войну Германии и её балканским союзникам и убедить в том, что для Турции это не будет иметь серьёзных последствий, зато подорвёт позиции оси на Балканах⁷⁰. Президент Турции Исмет Инёню высказал серьёзные опасения в том, что Турция может подвергнуться налётам болгарской авиации, а у немцев ещё достаточно сил, чтобы взять Стамбул⁷¹. В итоге стороны приняли компромиссное решение о том, что Анкара к 15 февраля 1944 г. должна отступить от политики нейтралитета (что ещё не предполагало её участия в активных боевых действиях), а США и Великобритания обещали оказать помощь в перевооружении турецкой армии⁷².

Успехи Красной Армии в 1943 г. и её продвижение на запад содействовали активизации движения Сопrotивления в Болгарии⁷³.

Англо-американские бомбардировки осложняли деятельность болгарской администрации и полиции и способствовали массовому бесконтрольному оттоку населения из городов в сельские районы, где были сильны позиции коммунистов⁷⁴.

Проблема движения Сопротивления в отношениях стран антигитлеровской коалиции всегда имела политический подтекст. Прокоммунистический характер движения определял различное отношение к нему в Москве и в Вашингтоне. До конца 1943 г. американское командование не располагало убедительными разведанными, которые подтверждали бы заслуги болгарского подполья и необходимость оказания ему поддержки⁷⁵. Американцам также был свойственен определённый скепсис в отношении местных коммунистов, и более предпочтительным союзником в Болгарии для них были «старые» политические партии⁷⁶.

Советская позиция была иной. Ещё летом 1942 г. журнал «Славяне» писал о «наличии сильной антифашистской организации» в Болгарии⁷⁷. Москва всячески подчёркивала заслуги болгарских коммунистов в борьбе против монархо-фашистского режима и немецкого засилья. Поддержка партизанского движения была неотъемлемой частью курса Кремля на усиление своего влияния и последующее формирование просоветского общественного мнения⁷⁸.

Растущее давление на болгарское правительство извне и изнутри побуждало его активнее идти на диалог с воюющими государствами. Эпизодические контакты болгарских дипломатов с американцами и англичанами с начала войны осуществлялись через посольства в нейтральных странах – Швейцарии, Португалии, Турции, однако препятствием для начала серьёзных переговоров была опасность разоблачения их германской разведкой, что могло иметь непредсказуемые последствия для Болгарии⁷⁹.

В декабре 1943 г. американские агенты А. Куюмжийский и К. Джедуин прибыли в Турцию для ведения переговоров с болгарским представителем Н Балабановым⁸⁰. Американцы добивались того, чтобы Болгария как можно скорее вывела войска с оккупированных территорий и разорвала отношения с Германией. Балабанов признавался, что многие в Софии уже осознали ошибочность и бесперспективность прогерманского курса, но его резкое изменение при существовавших условиях было невозможным⁸¹. В ответ на просьбы болгарской стороны Рузвельт (вопреки возражениям Черчилля) приказал приостановить бом-

бардировки на 40 дней в течение февраля и первой половины марта 1944 г.⁸² Однако болгары за это время так и не предприняли ожидавшихся от них действий.

11 февраля 1944 г. посол США в Москве А. Гарриман известил Молотова об американско-болгарских консультациях в Турции и отметил, что Госдепартамент ещё не выработал чёткой позиции в отношении Болгарии (причём, как оказалось, советский нарком был уже проинформирован о переговорах Куюмжийского, и даже лучше самого Гарримана)⁸³. 18 февраля при участии А. Я. Вышинского, А. Гарримана и К. Керра состоялось обсуждение болгарского вопроса в связи с начавшимися тайными переговорами о капитуляции. По словам американского посла, правительство США по-прежнему не знало, каким образом действовать в связи с поступившими от болгар предложениями, и придавало большое значение участию СССР в переговорном процессе⁸⁴. Несмотря на настойчивые приглашения, советская сторона от него дистанцировалась, указывая на то, что ввиду отсутствия состояния войны между СССР и Болгарией она не может выступать даже в роли посредника. По всей видимости, Сталин попросту не желал связывать себя предварительными договорённостями с союзниками, вынашивая собственные планы. Советские дипломаты тем временем обращались к болгарским политикам с предложениями посредничества, используя в качестве предлога англо-американские бомбардировки⁸⁵.

Сложности, связанные с ведением переговоров в наводнённой разведками всех стран Турции, побудили союзников сменить место дислокации, и 3 марта болгарам было передано, что для переговоров о капитуляции их будут ожидать в Каире⁸⁶. Однако болгарское правительство долгое время оттягивало отправку делегации как из-за опасений вызвать репрессивные меры со стороны немцев, так и вследствие расчёта на возможное смягчение условий капитуляции, используя для этого растущие разногласия между Москвой и западными союзниками⁸⁷.

Весной 1944 г. продолжилось обсуждение советскими, американскими и британскими дипломатами путей вывода Болгарии из войны. Целесообразность применения принципа безоговорочной капитуляции по отношению к германским сателлитам была подвергнута сомнению. К. Керр писал В. М. Молотову 19 марта, что излишняя жёсткость может вынудить противников сражаться до последнего⁸⁸. Молотов поддерживал идею более гибкой политики и допущения исключений в отно-

шении сателлитов. Рузвельт выступил против любого отступления от намеченной линии, но в конечном итоге всё же уступил, и было решено применять принцип безоговорочной капитуляции только против стран, развязавших войну, – Германии и Японии⁸⁹.

Для дополнительного воздействия на политику стран-сателлитов союзники договорились о совместном обращении к ним⁹⁰. На подготовку и согласование окончательного текста ушло больше месяца. 13 мая 1944 г. совместное заявление антигитлеровской коалиции, адресованное Болгарии, Венгрии, Румынии и Финляндии, было опубликовано, и в нём прозвучал призыв разорвать отношения с Германией и выступить против неё. Сообщалось, что такой шаг для них является единственным способом избежать катастрофических последствий⁹¹.

В то время как формально правительства СССР, США и Великобритании держали единый курс в отношении Болгарии, каждая из стран располагала специфическими возможностями взаимодействия с ней и вынашивала свои планы.

Для западных союзников отсутствие ясности в намерениях Кремля было источником глубокой тревоги, подпитывавшейся немногословностью Сталина и Молотова на этот счёт. Свои планы послевоенного устройства мира Москва не афишировала. В записке И. М. Майского от 10 января 1944 г.⁹² говорилось о желательности установления в Болгарии государственного строя на базе «принципов широкой демократии в духе идей народного фронта» и заключения с ней пакта⁹³. Решение территориальных вопросов на Балканах должно было по возможности осуществляться в пользу этой страны (в частности, предлагалось предоставление ей выхода к Эгейскому морю), что соответствовало и советским интересам⁹⁴. Данный документ подтверждает, что уже в начале 1944 г. в НКВД рассматривали Болгарию как потенциальный форпост СССР в Юго-Восточной Европе.

Претензии Москвы на создание сферы влияния в Восточной Европе в Вашингтоне оценивались как проявление естественной потребности Советского Союза в обеспечении национальной безопасности, и американцы предполагали, что Болгария и ряд других государств станут предметом исключительного интереса Кремля⁹⁵. Географическая близость к СССР, стабильность «пророссийских симпатий» в болгарском обществе были факторами, способствовавшими вовлечению Болгарии в советскую орбиту⁹⁶.

Перспектива превращения Восточной Европы в советскую сферу влияния двояко оценивалась американским истеблишментом. С одной стороны, интересы США в этом регионе были второстепенными по сравнению с Западной Европой, и ими можно было поступиться ради сохранения дружественных отношений с СССР⁹⁷. С другой стороны, политика сфер влияния противоречила принципам американской внешней политики. Президент Рузвельт и госсекретарь Хэлл были приверженцами идей либерализма и «открытых дверей» в мировой политике и экономике. Идеи раздела сфер влияния и баланса сил связывались в их мышлении с пережитками старой европейской системы безопасности, показавшей свою несостоятельность в деле предотвращения новых войн⁹⁸. На необходимость противодействия закреплению русских на Балканах указывали англичане, отмечая чрезвычайную важность этого района⁹⁹.

Исходя из учёта существовавших реалий и перспектив, в американском внешнеполитическом мышлении складывались две основные линии: официально провозглашаемое укрепление боевого сотрудничества с СССР и сохранение дружбы двух держав на послевоенный период, а также противодействие расширению советской сферы влияния и распространению коммунизма.

Политика СССР в отношении Болгарии с начала 1944 г. ужесточилась. Советское правительство всё решительнее протестовало против сотрудничества Софии с Берлином и выдвигало одно за другим всё более тяжёлые требования: о прекращении строительства судов для германского флота на болгарских верфях, о восстановлении закрытых ранее советских консульств и т. д.¹⁰⁰ Болгарское руководство вынуждено было лавировать между Москвой и Берлином, пытаясь не испортить окончательно отношения с обеими сторонами, и при этом осторожно искать пути скорейшего выхода из войны на приемлемых условиях.

Растущее давление со стороны антигитлеровской коалиции, разрушительные последствия бомбардировок, дезорганизация общественной жизни способствовали нарастанию кризиса в Болгарии. 19 мая 1944 г. кабинет Д. Божилова ушёл в отставку, и 1 июня правительство возглавил Иван Багрянов¹⁰¹. После вступления в должность новый премьер раскритиковал политику предыдущего кабинета и провозгласил свою внешнеполитическую программу, которая предполагала проведение независимого курса¹⁰². В подтверждение серьёзности своих намерений правительство Багрянова предприняло ряд мер, чтобы продемонстри-

ровать отход от прежнего прогерманского курса и заручиться лояльностью стран антигитлеровской коалиции¹⁰³. Госдепартаментом эти действия были отмечены, но в сложившейся обстановке считались недостаточными¹⁰⁴. 12 августа Москва потребовала от Софии разрыва отношений с Германией¹⁰⁵.

Стремительное развитие событий подталкивало болгарское правительство активизировать контакты с англо-американскими представителями в Турции, но сложные дипломатические перипетии только затягивали выход Болгарии из войны, тогда как существующая военная обстановка требовала решительных и срочных действий. В целях ускорения переговоров Москва и Вашингтон предлагали провести их на турецкой территории¹⁰⁶. Однако англичане настояли на Каире, по всей видимости рассчитывая на то, что переговоры на «своей территории» (где был расположен местный штаб УСО) будут для них более успешными. Процесс выработки перемирия с Болгарией в ЕКК осложняли претензии на участие в нём эмигрантских правительств Греции и Югославии, заинтересованных в ослаблении Болгарии как государства-агрессора и как своего исторического соперника¹⁰⁷; начало переговоров оттягивалось также вследствие выдвижения западными союзниками предварительного требования освободить из болгарского военного плена представителей Объединённых Наций (преимущественно сбитых лётчиков)¹⁰⁸. Итоговый проект перемирия был одобрен в ЕКК только 25 августа¹⁰⁹.

25–26 августа болгарское правительство приняло решение о разоружении немецких войск (отступавших из Румынии на запад через болгарскую территорию) и прекращении союзнических отношений с Германией, приступило к выводу оккупационных войск из Сербии и провозгласило «полный нейтралитет»¹¹⁰. Такое заявление не соответствовало действительности, поскольку процесс разрыва с Германией был только запущен, а оккупация соседних территорий продолжалась. Американцы оценивали действия кабинета Багрянова как вынужденную уступку при сохранении «очевидного прогерманского курса» и практически не прореагировали на них¹¹¹. Советская позиция была изложена в статье ТАСС от 30 августа с характерным названием «Ложные манёвры болгарского правительства»¹¹².

Документы свидетельствуют о том, что советскую сторону особенно беспокоило англо-американское требование о вводе своих оккупационных войск в Болгарию. Этим англичане рассчитывали выполнить обяза-

тельства в отношении Греции и Югославии и предотвратить использование Советским Союзом Болгарии «в качестве “доступного инструмента” в своей политике на Балканах»¹¹³. С конца августа Москва взяла курс на подготовку восстания в Болгарии и её оккупацию частями Красной Армии. 27 августа болгарские партизаны получили от Г. М. Димитрова директиву с указанием мобилизовать все силы для изгнания немцев, ликвидировать всякое сопротивление силам ОФ и советским войскам, а затем перейти на их сторону¹¹⁴.

Тем временем западные союзники по-прежнему оставались в неведении относительно дальнейших планов СССР, нарастали опасения, что русские ведут двойную игру¹¹⁵. Советские представители демонстративно дистанцировались от каирских переговоров¹¹⁶, а НКВД продолжал оказывать на Софию дипломатическое давление¹¹⁷. Красная Армия в это время уже подошла к болгарским границам. Е. Калинова отмечает, что американцы, предчувствуя неизбежность советской оккупации Болгарии, отказались от активного участия в каирских переговорах (в решающие дни посланник США был отозван из Каира «для консультаций»). Нежелание противодействовать советским планам было обусловлено стремлением, прежде всего, сохранить дружественные отношения с СССР¹¹⁸.

30 августа болгарская делегация в составе С. Мошанова и полковника Д. Желязкова¹¹⁹ получила в Анкаре от западных агентов предварительные условия перемирия и направилась в Каир для ведения переговоров¹²⁰. В тот же день Москва сделала очередное предупреждение Болгарии, обвинив её в «прямой помощи немцам в войне против Советского Союза»¹²¹. Учитывая, что в Кремле знали о подготовке переговоров, такой шаг мог быть сделан как для того, чтобы поторопить болгар с принятием всех условий, так и для того, чтобы дать понять западным союзникам, что СССР готов прибегнуть к самостоятельным действиям в отношении Болгарии.

Переговоры в Каире натолкнулись на многочисленные препятствия: болгарская делегация испытывала трудности со связью с Софией, из-за чрезвычайной спешки возникли проблемы с аккредитацией и полномочиями делегатов, имели место разногласия по процедуре переговоров. Ситуацию усугубил уход в отставку кабинета Багрянова 2 сентября¹²². Мошанов в связи с этим отказался принять условия перемирия от лица правительства, которым он не был уполномочен¹²³.

5 сентября Москва заявила, что не намерена больше мириться с тем, что болгарское правительство продолжает вести необъявленную войну против СССР, поддерживая немцев, и с этого момента также будет считать себя в состоянии войны с Болгарией¹²⁴. Данное решение имело и военное¹²⁵, и, в ещё большей степени, политическое значение¹²⁶.

Англичане и американцы были обескуражены тем, что этот шаг не был с ними согласован и сорвал все их планы. В ещё большем смятении оказалось болгарское правительство, от действий которого уже мало что зависело¹²⁷. Объявив войну, Москва фактически зарезервировала за собой ведущую роль в переговорах с Болгарией и могла не торопиться, пока болгары «варились в собственном соку»¹²⁸. 8 сентября части 3-го Украинского фронта вступили на болгарскую территорию, а в ночь с 8 на 9 сентября в Софии был осуществлён военный переворот, в ходе которого к власти пришло правительство Отечественного фронта¹²⁹.

Политика СССР и США в отношении Болгарии в 1941–1944 гг. претерпела заметную трансформацию. В начале Второй мировой войны Москва и Вашингтон конкурировали за влияние в Болгарии (хотя США в этой борьбе выступали не как самостоятельная сила, а скорее как партнёр Великобритании), вместе с тем их интересы сходились в намерении воспрепятствовать германо-болгарскому сближению. В конце 1941 г. СССР и США, будучи вовлечёнными в войну, объединились против Германии и её союзников. Обе державы стали добиваться выхода Болгарии из войны, используя для этого доступный им арсенал средств. Вашингтон оказывал давление на Софию посредством бомбардировок и тайных переговоров, Москва использовала дипломатические каналы и поддерживала движение Сопротивления, а в решающий момент применила военную силу. После вступления советских войск в Болгарию в советско-американских отношениях начался новый этап, для которого было характерно скрытое противостояние держав, остававшихся союзниками, но уже преследовавших разные цели в Восточной Европе.

Болгарский вопрос неоднократно поднимался на союзнических конференциях во время войны. В военном плане Болгария представляла интерес как наиболее слабое звено фашистской оси на Балканах, а в вопросах послевоенного урегулирования ей уделялось место в дискуссиях по поводу территориального переустройства Европы, установления послевоенного порядка, заключения мирных договоров со странами-са-

теллитами и др. Нередко позиции советского и американского руководства совпадали (благодаря чему были отклонены британские инициативы во время московской и тегеранской встреч о создании федераций в Восточной Европе и об открытии Второго фронта на Балканах), хотя они, как правило, руководствовались разными мотивами.

Начало освобождения европейских стран обусловило возникновение в отношениях стран антигитлеровской коалиции проблемы разграничения сфер влияния, которая, так или иначе, учитывалась во всех их важных решениях.

После вступления Красной Армии на территорию Болгарии Москва получила ключевые позиции в стране и фактически повела курс на её изоляцию от западного мира, используя для этого все имевшиеся у неё рычаги влияния. Союзники неодобрительно относились к восточноевропейской политике Кремля, но в военных условиях вынуждены были с ней мириться, оставляя разрешение назревших противоречий на послевоенный период.

2.1.2. Военно-политические аспекты югославской политики Москвы и Вашингтона

В отличие от Болгарии, вставшей весной 1941 г. на путь уступок Гитлеру, соседняя Югославия подверглась оккупации и расчленению. Ситуация в этой многонациональной балканской стране была крайне сложной. На четыре года драматичные и кровавые югославские события стали предметом всё возрастающего внимания руководителей внешней политики СССР и США. Именно в Югославии движение Соппротивления приобрело наиболее массовый, организованный и ожесточённый характер. Это обстоятельство не только приковывало внимание Кремля и Белого дома к событиям в этом регионе, но и ставило их перед проблемой определения отношения к югославскому Соппротивлению.

После оккупации Югославии на её территории развернулось движение Соппротивления, достигшее к началу 1942 г. заметных успехов в борьбе с фашистскими захватчиками. Это заставило Советский Союз и Соединённые Штаты, подталкивавших весной 1941 г. Югославию к отказу от соглашения с Гитлером и переходу к борьбе против него, вновь активизировать свою политику на Балканах. Теперь перед Моск-

вой и Вашингтоном встала новая задача – поддержать югославское Сопротивление, используя его для истощения сил германского рейха. Ситуация осложнялась тем, что в оккупированной несколькими фашистскими государствами, расчленённой и к тому же многонациональной Югославии образовалось два лагеря Сопротивления – четники Михайловича и партизаны Тито.

После оккупации Югославии оставшиеся на её территории части югославской королевской армии не смирились и продолжили сопротивление. Под антиоккупационными лозунгами зародилось четническое (от слова «чета», то есть «отряд») движение, во главе которого встал полковник королевской армии Югославии Драголюб Михайлович. Четники провозгласили себя патриотами и выдвинули лозунг восстановления независимости страны. Их группировки действовали в различных частях Сербии, а затем Боснии и Герцеговины, Черногории и некоторых других районах страны, населённых сербами. Следует отметить, что Михайловичу были подконтрольны далеко не все четнические формирования¹³⁰.

Одновременно в Югославии развернулась партизанская борьба, организованная Коммунистической партией под руководством Иосипа Броза, известного под псевдонимом Тито. Первоначально, по указаниям из Москвы, КПЮ выдвинула общенациональные цели освобождения, для чего стремилась к созданию широкого национально-освободительного фронта, объединяющего всех, кто желал бороться против оккупационного режима независимо от политических убеждений и взглядов на будущее развитие страны¹³¹.

Интернационализм партизанских отрядов натолкнулся на националистический (великосербский) характер четнического движения. Кроме того, монархические идеалы Михайловича не могли ужиться с коммунистическими воззрениями руководства партизан¹³². Перед державами антигитлеровской коалиции встала проблема выбора: поддерживать обе силы югославского Сопротивления, раздираемого политическими противоречиями, или только какую-либо одну из них. Первоначально Советский Союз и Соединённые Штаты в условиях недостатка информации не противопоставляли четников и партизан, признавая военные заслуги движения Сопротивления в Югославии в целом.

Тем не менее ни для кого не было секретом, что приоритеты и возможности влияния на Тито и Михайловича у обеих держав были

различными. Партизанский лидер являлся генеральным секретарём КПЮ, в 1935–1937 гг. учился в СССР¹³³, в самом начале Второй мировой войны вновь находился в Москве¹³⁴. Благодаря системе Коминтерна Сталин вполне мог контролировать и направлять деятельность партизан¹³⁵. Михайлович 7 декабря 1941 г. получил от короля Петра II, находящегося со своим правительством в эмиграции в Лондоне, звание бригадного генерала. 13 января 1942 г. глава четников был включён в состав нового югославского кабинета С. Йовановича в качестве военного министра. Четнические отряды стали называться королевской армией на родине, а реальные рычаги воздействия на силы, подконтрольные Михайловичу, получил Лондон¹³⁶.

Югославская эмиграция, не желавшая находиться под жёсткой опекой англичан, начала искать поддержку у Соединённых Штатов. В самом начале 1942 г. югославский посол в США К. Фотич связался с У. Донованом, координировавшим разведывательную деятельность и проведение специальных операций¹³⁷, по вопросу оказания Югославии американской помощи. Никакой неясности относительно того, кто будет получателем этой помощи, не было. В расчётах правительства США тогда фигурировал один Михайлович. Было достигнуто соглашение, предусматривавшее американскую материальную помощь, которую планировалось доставить на четырёх бомбардировщиках на Ближний Восток. Эти бомбардировщики должны были быть переданы фактически не существующим в тот период югославским ВВС. Стороны также договорились отправить в штаб Михайловича вместе с югославскими офицерами несколько американских наблюдателей¹³⁸. 18 мая 1942 г. было подписано соглашение об американской материальной поддержке югославской армии. Заместитель госсекретаря Уэллес выразил восхищение народа и правительства Соединённых Штатов борьбой югославов против врага, особенно приветствуя при этом достижения генерала Михайловича¹³⁹. 24 июля 1942 г. госсекретарь Хэлл и министр иностранных дел М. Нинчич подписали американо-югославское соглашение о взаимопомощи¹⁴⁰. Кроме того, была достигнута договорённость об обучении в США югославских лётчиков¹⁴¹.

Сближение американской администрации и югославского эмигрантского правительства совпало с началом крупных столкновений четников с партизанами¹⁴² и потребовало от Москвы шагов в защиту движения Тито. 6 июля 1942 г. вещавшее из СССР радио «Свободная Югославия»

в достаточно резких выражениях обвинило Михайловича в коллаборационизме. За день до окончания визита короля Петра в США¹⁴³, 28 июля, нью-йоркская газета «Дейли уокер» перепечатала заявление «Свободной Югославии», хотя десятью днями раньше это же ежедневное издание опубликовало фотографию генерала Михайловича, назвав его «великим лидером южнославянских сил Сопротивления против Гитлера»¹⁴⁴. Причиной подобного непостоянства газеты могло быть отсутствие у редакции достоверной информации о происходившем в Югославии либо изменение позиции Москвы, вызванное крупными столкновениями партизан с четниками. До этого Кремль не выступал против Михайловича, надеясь на вклад возглавляемого им движения в борьбу с врагом.

Действия советской стороны побудили Уэллеса встретиться 5 августа 1942 г. с Фотичем¹⁴⁵. В тот день нарком иностранных дел СССР Молотов передал послу Югославии меморандум, подтверждающий заявление «Свободной Югославии». 7 августа такую же памятную записку от советского правительства получил посол Англии¹⁴⁶. Глава Отдела Государственного департамента по делам Южной Европы К. Кэннон позволил себе по этому поводу раздражённое высказывание: «Нам достаточно одной войны, нам не надо второй – междоусобной войны в Сербии, где лидер – Михайлович»¹⁴⁷.

Недовольство Кэннона объяснимо. Оно было вызвано вовсе не тем, что Москва заявила всему миру о своей протекции Тито, резко выступив против поддерживаемого американским общественным мнением Михайловича. Глава южноевропейского отдела был раздосадован неожиданно свалившейся на него новой проблемой. Этой проблемой был Тито. Полной и достоверной информации об этом человеке и его партизанских формированиях в Государственном департаменте в конце лета 1942 г. не было. Факты, подтверждающие коллаборационизм Михайловича, за исключением обвинений в его адрес, предъявленных советской стороной, у Вашингтона также отсутствовали. На все запросы к югославскому эмигрантскому правительству Государственный департамент получал лишь свидетельства героической борьбы военного министра и его четников с оккупантами, в чём, судя по всему, в тот период сам король и его окружение не сомневались. Появление столь скандальных данных, да ещё и в официальном советском меморандуме, ставило размеренную, устоявшуюся в сознании чиновников Госдепартамента картину югославского Сопротивления с ног на голову.

Позиция советской стороны заставила Государственный департамент разобраться в сложившейся ситуации. Последовала просьба пояснить суть меморандума. 11 сентября посол Э. Биддл¹⁴⁸ получил неофициальный ответ советского посла при югославском эмигрантском правительстве в Лондоне А. Е. Богомолова, который гласил, что Михайлович не сумел консолидировать Сопротивление и что теперь надо дать возможность новым лидерам объединить все антифашистские силы в Югославии. В октябре правительство США получило специальный советский меморандум, в котором Михайлович обвинялся в коллаборационизме и действиях, направленных против народно-освободительного движения. В Вашингтоне это расценили как попытку Москвы захватить инициативу в югославских делах в свои руки, а кроме того, как уверенность Советов в способности Тито возглавить югославское Сопротивление¹⁴⁹.

27 ноября 1942 г. в Бихаче было созвано Антифашистское вече народного освобождения Югославии (АВНОЮ), ставшее органом представительной власти. АВНОЮ формировало в глазах мировой общественности вполне определённый образ силы (в виде созданной Народно-освободительной армии Югославии), способной противостоять оккупантам, а следовательно, вносящей реальный вклад в общее дело союзников по антигитлеровской коалиции¹⁵⁰.

В дополнение ко всему 23 января 1943 г. исполком АВНОЮ и Верховный штаб НОАЮ обратились к правительствам США, Великобритании и СССР с требованием порвать с Михайловичем и эмигрантским кабинетом, выступавшими на стороне союзников, но воевавшими на стороне оккупантов против партизан, сражающихся за дело союзников¹⁵¹. Тем самым преследовалась цель добиться признания НОАЮ единственной силой, дающей вооружённый отпор оккупационному режиму, а АВНОЮ – новым центром политической власти в стране.

Советская дипломатия поддержала это обращение, подчеркнув западным союзникам, что лишь НОАЮ борется с врагом. Ответа правительства Соединённых Штатов не последовало. В американских публикациях документов и исследованиях партизанское обращение вовсе не упоминается, равно как у отечественных авторов не говорится о реакции Вашингтона. США сохраняли официальные отношения с законным королём Петром и его кабинетом, власть партизанского лидера в условиях оккупации страны по определению не могла быть вполне легитим-

ной, т. е. признанной всем населением, поэтому Вашингтон не рассматривал НОАЮ иначе как составную часть югославского Сопротивления.

Соединённые Штаты отдавали себе отчёт в политических последствиях предлагаемого разрыва с Михайловичем и поддержке новой власти. 29 января 1943 г. У. Буллит, в то время специальный помощник морского министра США, предупредил Рузвельта о намерениях Сталина в Европе. Буллит подчеркнул, что «партизаны сейчас активно борются, их методы подобны советским, и это подготовит путь для установления в Югославии советского правительства»¹⁵².

Советская сторона попыталась воздействовать на американское общественное мнение. В феврале 1944 г. Американский славянский конгресс представил общественности брошюру, озаглавленную «Программа Тито». Она содержала следующие основные моменты:

1. Освобождение страны от оккупации.
2. Неприкосновенность частной собственности и полная свобода инициативы в экономической деятельности.
3. Никаких радикальных изменений в социальной сфере. Все важные вопросы в социальной жизни после войны должны решаться представителями народа, честно и свободно избранными.
4. Партизанскому движению, борющемуся за свободу народа, за социальные и демократические права, чужда любая форма насилия и беззакония¹⁵³.

Более сдержанный и умеренный документ трудно было представить. Если кто-нибудь в Соединённых Штатах в результате этой мастерски организованной кампании в поддержку партизан и приобрёл расположение к Тито, его симпатия не имела ничего общего с симпатией к коммунизму.

Брошюра Американского славянского конгресса отвечала установкам Москвы. По каналам Коминтерна Г. Димитров неоднократно призывал Тито избегать любых политических акций, не придавать освобождению страны характер революционной борьбы. 5 марта и затем 8 августа 1942 г. Кремль заявил партизанам о нецелесообразности называть формируемые ими бригады «пролетарскими» и советовал не выступать против эмигрантского правительства. В Югославию была послана рекомендация «не акцентировать коммунистический характер партизанского движения». Наконец, в послании 19 ноября 1943 г. относительно создания Национального комитета освобождения Югосла-

вии (НКОЮ) Коминтерн настойчиво призывал КПЮ: «Не рассматривайте этот орган как нечто вроде правительства, а как политический орган народно-освободительной борьбы. Не противопоставляйте его югославскому правительству в Лондоне. На данном этапе не поднимайте вопрос об упразднении монархии. Не выдвигайте лозунг о республике»¹⁵⁴.

В результате в 1943–1944 гг. пропартизанская пропаганда навязывала американской общественности образ Тито как действительного национального лидера, свято проводящего в жизнь основополагающие принципы демократии, завоёванные американской, французской и другими нациями в многовековой борьбе с монархической реакцией, интересы которой отражал Михайлович, вступивший в сговор с нацистами.

В итоге пропагандистских кампаний, осуществляемых с обеих сторон – подконтрольных Тито партизан и Москвы, с одной стороны, королевского эмигрантского правительства и националистически настроенного сербского лобби в США, с другой – сведения о ситуации в Югославии были крайне противоречивыми. Официальному Вашингтону необходимо было крайне осторожно подходить к выбору какой-либо позиции. К тому же Лондон в 1943 г. изменил свою политику.

К началу 1943 г. в британском Форин офисе, вероятно, стали понимать, что в Югославии, традиционно входившей в английскую сферу интересов, инициатива ускользает из рук Лондона. С одной стороны, всё активнее и весомее становилась позиция Москвы, с другой – Англия всё более отставала от Вашингтона в поставках оружия и продовольствия, понимая, что соревноваться с экономическими возможностями США было, по крайней мере, неразумно. Поэтому весной 1943 г. англичане вынуждены были поменять тактику, пытаясь сохранить своё влияние в Югославии, до этого осуществлявшееся через всё более дискредитирующего себя Михайловича, путём примирения последнего с Тито.

В своих попытках примирения партизан и четников английский МИД сослался на заинтересованность в этом Соединённых Штатов. В беседе с советским послом в Лондоне И. М. Майским в апреле 1943 г. министр иностранных дел Англии Э. Иден отметил желание президента Рузвельта «каким-либо образом прекратить борьбу между Михайловичем и партизанами»¹⁵⁵.

Конечно, для Рузвельта важно было остановить столкновения югославских военных групп друг с другом, так как их противостояние мешало главной цели – сопротивлению нацистской оккупации. Но вряд ли

президент в данном случае руководствовался стремлением поддержать политические задачи, преследуемые Лондоном. Возникла дилемма между национальными интересами США и союзным партнёрством. Поддержать Лондон либо Москву, заняв тем самым подчинённое положение в решении югославского вопроса, или открыто встать в оппозицию обоим союзникам. Оба варианта вряд ли могли рассматриваться Рузвельтом как вполне удовлетворительные. Выбрать наиболее выигрышную позицию и выразить её официально, не владея достаточной информацией о ситуации в Югославии и рычагами влияния на неё, было крайне сложно. Поэтому на данном этапе Государственный департамент вынужден был уступить ведущую роль разведывательному ведомству.

К сентябрю 1943 г. Управление стратегических служб и британское Управление по специальным операциям подготовили к высадке в Югославии совместные миссии: одна направлялась к четникам Михайловича, другая – в Верховный штаб НОАЮ. Перед обеими американскими группами, направленными к партизанам и к четникам, ставились эквивалентные задачи: наблюдение и сбор информации. Роль младшего партнёра американцы выбрали для себя сами, явно рассчитывая сперва присмотреться к происходящему¹⁵⁶. Американский член союзной миссии при партизанском штабе майор Линн Фэриш находился в Югославии до сентября 1944 г. Группа в составе капитана Уолтера Мэнсфилда, подполковника Альберта Зейца и лейтенанта Джорджа Масалина, посланная к Михайловичу, покинула четников в марте 1944 г.

Результатом наблюдений американского офицера при партизанском штабе стало появление 29 октября 1943 г. «Предварительного отчёта о посещении НОАЮ», более известного как «Рапорт Фэриша», который Рузвельт на Тегеранской конференции передал Сталину. Возможно, тем самым президент пытался вызвать расположение советского руководителя, ведь это была их первая встреча. Вдобавок этот жест должен был убедить подозрительного Сталина в независимости американской политики от английской.

Майор Фэриш сообщал, что приверженцы Тито «всегда воевали с немцами и воюют теперь», в то время как Михайлович перешёл к борьбе против сил Тито «вместе с немцами и итальянцами». Основная мысль документа сводилась к одному тезису – поддержать партизан. Этот вывод покоился на уверенности в том, что партизанские отряды «состоят не только из коммунистов», которые к тому же «не являются

догматиками»¹⁵⁷. Посол при греческом и югославском эмигрантских правительствах Л. Маквей после телефонного разговора с офицером УСС об американской миссии в штаб Тито записал в своём дневнике 11 декабря: «Фэриш очень впечатлён количеством партизан и их организацией»¹⁵⁸.

Вопрос о поддержке югославского Сопротивления стал темой для обсуждения на встрече лидеров держав антигитлеровской коалиции в Тегеране (28 ноября – 1 декабря 1943 г.). На рабочих заседаниях вопрос о четнической армии не поднимался. В «Военных решениях Тегеранской конференции» было зафиксировано, что партизанам в Югославии будет оказана поддержка «снабжение и снаряжением в возможно большем размере, а также операциями коммандос», при этом части королевской армии, возглавляемые Михайловичем, не упоминались¹⁵⁹.

Коммюнике конференции отразило официальное признание державами Большой тройки партизанских отрядов, руководимых НКОЮ, фактической союзной военной силой в Югославии. Тем не менее на продолжившейся после Тегеранской встречи американско-английской конференции в Каире в решениях по Балканам вместо югославских партизан фигурировали балканские патриоты. Об этом свидетельствует примечание, сопровождающее американскую публикацию материалов конференции. Оно гласит, что «настоящее приложение включает набросок указания, чтобы словосочетание “партизаны в Югославии” было заменено на “патриоты на Балканах”»¹⁶⁰.

Партизанские отряды под командованием Тито американцы и англичане называли термином “partisans”. Использование названия «патриоты» [“patriots”] вносило в содержание документа некоторую двусмысленность. Под ними могли пониматься все патриотические силы на Балканах, включая наравне с НОАЮ и четническую королевскую армию на родине, что облекало американскую позицию в более обтекаемую формулировку. Таким образом, через некоторое время, используя иную трактовку, можно было изменить смысл тегеранской договорённости, обеспечив себе тем самым свободу манёвра.

Между тем перед началом Тегеранской конференции американский посол в Москве А. Гарриман сказал первому заместителю наркома иностранных дел СССР А. Я. Вышинскому, что, по его мнению, для союзников настало время поставить главу четников перед выбором

между борьбой с врагом или коллаборационизмом. Гарриман отметил, что «на настоящий момент Михайлович не только не приносит пользы в ведении войны, но, скорее, наносит вред»¹⁶¹. На самой конференции во время первого заседания 28 ноября 1943 г. Рузвельт говорил о «возможности произвести десант в районе северной части Адриатического моря с тем, чтобы поддержать партизанские войска Тито»¹⁶². Высказывания Рузвельта и Гарримана были обусловлены желанием добиться доверительных отношений с русскими либо свидетельствовали о том, что симпатии президента и посла были всё-таки на стороне партизан. Однако речь шла только о признании боевых заслуг югославских партизан, что не означало отказа от военно-политического сотрудничества с королевским правительством. Судя по всему, американский президент высказывался за помощь Тито, пытаясь этим заменить проведение полномасштабных военных операций на Балканах, к которым стремился Черчилль. Сталин тем не менее посчитал, что союзники нарочно подняли тему югославского Сопротивления на Тегеранской конференции, чтобы отвлечь его внимание от идеи открытия Второго фронта на северо-западе Европы¹⁶³.

В самый разгар Тегеранской конференции, 29 ноября 1943 г., в городе Яйце началась II сессия АВНОЮ, на которой было принято решение об образовании Национального комитета освобождения Югославии в качестве временного правительства. В программной речи Тито, назначенный главнокомандующим НОАЮ с присвоением ему маршальского звания, представил АВНОЮ как центр народно-освободительного движения, а эмигрантский кабинет обвинил в поддержке «сотрудничающих с врагом предателей – четников»¹⁶⁴. Смысл этого выпада заключался только в одном – путём намеренно резких и быстрых действий свести к минимуму возможность манёвра для своих оппонентов и их посредников, а также представить себя как единственную военно-политическую силу в Югославии, способную оказать реальную помощь союзникам в общем деле борьбы с врагом.

Образование в Югославии новых органов власти, претендующих на политическое лидерство, не могло остаться не отмеченным в политике стран Большой тройки. К вопросам военного сотрудничества прибавились политические проблемы послевоенного будущего этого балканского государства. Главной задачей для союзников на тот момент становилось признание какой-либо политической силы, способной обеспе-

чить восстановление югославской государственности. Для СССР первоочередной задачей была поддержка новых органов власти: АВНОЮ и избранного им правительства — НКОЮ. Английский Форин офис большое значение придавал примирению короля с Тито, видя в этом последнюю возможность для сохранения своего влияния в Югославии.

В отечественных исследованиях 1950–1980-х гг. неоднократно затрагивались темы создания на завершающем этапе войны государственной власти в Югославии и отношения к политическим процессам в этой стране государств Большой тройки¹⁶⁵. Особое внимание уделялось дипломатическому соперничеству СССР и Великобритании. При этом Соединённым Штатам, как правило, отводилась роль стороннего наблюдателя, стоявшего за некоторыми исключениями на стороне Англии. В действительности США занимали, как правило, особую позицию, определявшуюся необходимостью скорейшей победы над врагом и создания условий для реализации своего финансово-экономического потенциала после войны.

Официальная реакция США на постановления АВНОЮ последовала 9 декабря 1943 г. Госсекретарь Хэлл заявил о намерении сотрудничать с силами югославского Сопротивления «в зависимости от их военной эффективности, не вдаваясь в рассуждения о существующих между ними политических различиях»¹⁶⁶. При этом факт создания в Югославии альтернативного правительства американцы обошли стороной и ни о каких преимуществах партизан в сравнении с четниками не упоминали¹⁶⁷.

То, что Тито и Михайлович были поставлены в заявлении Государственного департамента в равное положение, вовсе не свидетельствует о желании Вашингтона представить последнего более достойно, чем было на самом деле. Такая позиция Госдепартамента соответствовала многочисленным заявлениям руководителей страны о том, что Соединённые Штаты заинтересованы в любом посильном вкладе союзников в разгром Германии вне зависимости от их политической окраски. Кроме того, переход к демонстративной поддержке Тито внёс бы диссонанс во всю систему уже сложившихся двусторонних связей и заставил бы заняться корректировкой не только политической линии в отношении Югославии, но и широкого комплекса союзных договорённостей, достигнутых с большими трудностями за счёт весьма зыбких компромиссов.

Можно вполне определённо утверждать, что «Рапорт Фэриша», решения II сессии АВНОЮ и советская позиция были учтены американ-

ским президентом. В разговоре с Маквеем 3 декабря 1943 г. Рузвельт сказал, что «Михайлович действует в сговоре с немцами, а Тито – нет, поэтому мы будем поддерживать последнего». При этом президент отметил, что он «не уверен в точности своей информации, но это лучшая информация, которой мы владеем, поэтому следует исходить из неё. Мы сами не уничтожаем немцев и должны использовать любой инструмент для этого»¹⁶⁸.

Мнение Рузвельта было дополнено предупреждениями внешнеполитического ведомства. В закрытом документе Государственного департамента от 10 декабря было отмечено, что «отношения с партизанами должны сохранять чисто военную основу в соответствии с принципом поддержки всех сил Сопротивления в Югославии, активно борющихся с врагом. Не должно быть иных отношений с НКОЮ, кроме носящих отчётливо военный характер»¹⁶⁹. В подобном тоне были выдержаны и инструкции главе американской военной миссии в СССР генералу Дж. Дину в связи с прибытием в Москву миссии НКОЮ. 15 апреля 1944 г. госсекретарь Хэлл писал Гарриману, что «генерал Дин может иметь контакты с миссией НКОЮ для обмена военной информацией, но должен избегать отношений протокольного или официального характера, которые традиционно подразумевают политическое признание»¹⁷⁰. Хотя ещё осенью 1943 г. американцы признали военные заслуги движения Тито, они отказывались от политического признания партизан.

Советская политика в отношении югославского Сопротивления оставалась неизменной с лета 1942 г., когда Москва открыто выступила в поддержку партизанского движения Тито, обвинив четников в коллаборационизме. Позиция США, несмотря на тегеранские соглашения, оставалась выжидательной и непоследовательной. Она легко корректировалась в зависимости от содержания каждой новой порции информации. В силу несовпадения оценок различных сил югославского Сопротивления американская политика отличалась от действий советской дипломатии. Подобно тому, как югославское Сопротивление было расколото на два лагеря, разошлись и направления союзной помощи. СССР поддерживал народно-освободительное движение, возглавляемое коммунистами. Идеологические предпочтения, несомненно, являлись существенным фактором при формировании советского подхода к Югославии (как, впрочем, и британского, но уже с противоположным знаком). США руководствовались преимущественно соображениями целе-

сообразности, считая, что политические приоритеты на данном этапе не должны определять военную стратегию.

После Тегеранской конференции англичане отказались от поддержки четников и эмигрантского правительства, потерявших шансы на военное и политическое лидерство в стране. Возникшая диспропорция в отношении союзников к силам югославского Сопротивления неизбежно вела к монопольной власти Тито, что лишало США свободы манёвра и рычагов для обеспечения своих интересов. Но Соединённые Штаты не пошли по пути активной помощи королю Петру II и его военному министру, что могло бы стать противовесом английской и советской политике. Такой шаг мог серьёзно ослабить антигитлеровскую коалицию.

Ссылаясь на противоречивость имевшихся сведений и недостаток объективной информации, Соединённые Штаты взяли курс на поддержку военных контактов с обеими сторонами Сопротивления, полностью исключая политическую поддержку, что оставляло возможность манёвра и позволяло использовать в своих интересах разногласия между союзниками. Об этом свидетельствует не только несомненно более значительная материальная поддержка партизан, нежели четников, но и продолжение помощи последним, а также негативная реакция на любые действия своих союзников, ведущие к установлению власти Тито после войны.

До ноября 1944 г. Вашингтон при решении вопроса о том, кому оказывать военно-экономическую помощь, стоял перед выбором между Тито и Михайловичем. В самих Соединённых Штатах значительную активность проявляли сторонники обеих сил югославского Сопротивления. Для администрации важно было сохранить внутреннее единство, столь необходимое в условиях войны. Значение данного мотива возросло в свете развернувшейся кампании по выборам президента. Также всё более существенную роль начинали играть соображения послевоенного планирования, исходя из которых в Европе после разгрома нацизма предполагалось создать такое устройство, которое бы наиболее полно отвечало американским целям, а поддержка какого-нибудь одного военного лагеря в Югославии неизбежно вела к утверждению его политических позиций после войны. Рузвельт не был щедр на внимание к правительствам в изгнании, которые для него были равноценны «правительствам без страны». Не проявлял он особых симпатий и к лидерам повстанческих движений, претендующим на власть. Он

воспринимал их не иначе как «политических выскочек», пытающихся использовать свои военные заслуги, а вместе с ними и возможности для отвоевания себе позиций в политике. Поэтому президент и Госдепартамент были заинтересованы в объединении усилий четников и партизан, отодвигая их политические разногласия на задний план.

Тем не менее успехи советских войск и движения Тито в 1944 г. создавали условия для возможного послевоенного лидерства Москвы в европейских делах и вызвали сомнения в восстановлении английского влияния на юго-востоке Европы. Политическая победа югославских коммунистов была возможна только в случае решающего вклада партизан в освобождение территории страны, в первую очередь её столицы. Для этого у НОАЮ не хватало тяжёлой техники и вооружения, требовалась помощь советских войск. В письме Сталину 5 июля 1944 г. Тито писал: «Нам настоятельно необходимо значительно больше вооружения и продовольствия, чем нам до сих пор посылали союзники. Эти потребности увеличиваются с ростом нашей армии, а ещё больше потому, что тысячи новых добровольцев, особенно в Сербии, ждут, чтобы их вооружили». Глава НКОЮ продолжал: «Кроме того, уже существующие наши части располагают в основном легким вооружением, и это является основной слабостью нашей армии, так как мы не можем успешно вести фронтальные бои с противником, который имеет значительное превосходство в технике. Нам нужны и танки, и самолеты...»¹⁷¹

Близившееся освобождение Югославии выдвигало на первый план вопросы политического характера. Для выработки единой позиции становилась необходимой встреча лидера югославских партизан со Сталиным: «Есть много крупных вопросов, по которым я бы очень хотел лично побеседовать с Вами. Если Вы считаете это своевременным и необходимым, я готов прибыть в начале августа». Югославский маршал также выразил заинтересованность в наступлении советских войск: «По моему мнению, самая сильная поддержка во всех отношениях состояла бы в том, чтобы Красная Армия продвинулась через Карпаты и Румынию в направлении юга»¹⁷².

Сталин не мог тратить на Югославию значительные силы и время, отвлекаясь от задач непосредственного разгрома Германии и рискуя конфликтом с англичанами. Достаточно было оказать помощь партизанам в освобождении столицы, чтобы они значительно увеличили свой политический вес в стране. 26 сентября 1944 г. нарком иностранных

дел Молотов обратился к послам США и Великобритании в Москве с просьбой довести до сведения своих правительств следующее:

«Недавно советское командование обратилось к верховному командованию и Национальному комитету Югославии с просьбой разрешить некоторой части советских войск, в целях развития операций против немецко-венгерских войск в Венгрии, вступить временно на территорию Югославии, примыкающей к Венгрии, с тем чтобы по минувании надобности советские войска были уведены из Югославии.

Национальный комитет и верховное командование Югославии удовлетворили просьбу советского командования при условии, что в тылу советских войск на территории Югославии будет функционировать исключительно югославская гражданская администрация народно-освободительного движения.

Советское командование приняло это условие»¹⁷³.

Ещё 23 сентября политический советник А. Кирк передал госсекретарю сведения, поступившие от английского бригадного генерала Ф. Маклина, возвратившегося накануне от Михайловича. Британский генерал сообщил, что Тито уехал в Румынию на переговоры с советскими генералами и делал вывод, что «недавние события в Югославии утвердили полное доминирование Тито» и «Михайлович сошёл с исторической арены»¹⁷⁴.

28 сентября Красная Армия вместе с болгарской Народной армией перешла югославскую границу. На следующий день последовало официальное сообщение ТАСС по поводу заключения между советским правительством и НКОЮ соглашения о вступлении советских войск на территорию Югославии с целью оказания помощи НОАЮ в уничтожении противника в северо-восточной части страны.

Соглашение было заключено во время визита Тито в Москву 21–28 сентября 1944 г. В освобождении страны планировалось использовать силы III Украинского фронта, вышедшего на болгаро-югославскую границу, и Дунайской военной флотилии. Одновременно силы левого крыла II Украинского фронта должны были пересечь румыно-югославскую границу и развернуть наступление в Венгрию через северо-восточную часть Югославии¹⁷⁵. После завершения освобождения югославского государства советские войска должны были покинуть его территорию. В освобождаемых районах устанавливалась власть Национального комитета освобождения Югославии¹⁷⁶.

30 сентября 1944 г. американский посол в Москве сообщил, что накануне между советским командованием и НКОЮ было достигнуто соглашение, разрешающее проход советских частей через югославскую территорию для дальнейшего развития наступления против врага¹⁷⁷. Присутствие советских военных сил Государственный департамент оценил в январе 1945 г. как «важный фактор» при выработке югославской политики США. Об этом свидетельствует меморандум главы Южно-Европейского отдела К. Кэннона¹⁷⁸.

Соглашение между НКОЮ и советским правительством об участии союзных войск в освобождении югославской территории создало своего рода прецедент, после которого вступление в страну англо-американских войск без согласования с Тито встретило бы сопротивление Народной освободительной армии Югославии, фактически признанной державами антигитлеровской коалиции в качестве военного союзника на Тегеранской конференции. Это повлекло бы за собой обвинения Англии и Соединённых Штатов в пособничестве Гитлеру, столкновения между англо-американскими войсками и партизанами и, в конечном счёте, разрушение союзного единства.

Подчёркивая свободолюбивый характер югославского народа, Генри Киссинджер отметил: «Страна, неоднократно в одиночку воевавшая с Османской и Австрийской империями, яростно противостоявшая Гитлеру... не могла допустить, чтобы её территория стала открытой для движения иностранных войск»¹⁷⁹. Надеяться, что НКОЮ даст согласие на участие в освобождении Югославии сил западных союзников, было бессмысленно. Вашингтон это понимал и не поддержал планов высадки англо-американских войск в Югославию.

Гарриман неоднократно пытался убедить Рузвельта сыграть более активную роль в предотвращении установления советской сферы в Восточной Европе, считая это «принципиальным интересом Соединённых Штатов»¹⁸⁰. Ещё в телеграмме от 20 сентября он предположил, что Советский Союз намеревается взять Балканы под свой контроль. В послании государственному секретарю Хэллу посол призвал активно воспрепятствовать этому: «Можно долго доказывать, что американские интересы не касаются балканского региона. Это меня пугает. Когда государство под предлогом обеспечения собственной безопасности начинает устанавливать своё влияние силовыми, военными методами, сложно представить, как далеко могут быть растянуты его пределы»¹⁸¹.

Однако президент Рузвельт, его советник Гопкинс и госсекретарь Хэлл занимали иную позицию.

Хотя действия Советского Союза далеко не всегда отвечали принципам Атлантической хартии, сотрудники Госдепартамента, в частности из Отдела южноевропейской политики, были более обеспокоены английскими намерениями. Лондон стремился к восстановлению влияния ослабевшей Британской империи, что наталкивалось на советские интересы и приводило к возрождению извечной англо-русской борьбы на Балканах, особенно в Югославии, где и Сталин и Черчилль имели основания рассчитывать на расположение партизан.

Хуже всего, по мнению американских дипломатов, было то, что англичане могли внушить Москве ложное впечатление, что Вашингтон использует Лондон для установления американского влияния в регионе. Чтобы предотвратить появление подобных подозрений у советского руководства и уменьшить «риск падения национального престижа», Кэннон настаивал на сокращении помощи Югославии по ленд-лизу. Американский историк Х. Де Сантис, комментируя ранее не публиковавшийся меморандум главы Отдела юноевропейской политики, отправленный в Отдел помощи иностранным государствам 20 сентября, полагает, что рекомендации Кэннона и последовавшее после их появления снижение объема поставок военных грузов были следствием желания умиротворить русских¹⁸². Данный вывод представляется по меньшей мере сомнительным. Сами по себе американские поставки сражающимся югославам едва ли могли стать причиной советского недоверия. Скорее, на мнение представителей внешнеполитического ведомства США повлияло нежелание помогать партизанам Тито, которые в это время, освобождая территорию Югославии совместно с частями Красной Армии, стремительно увеличивали своё политическое влияние в стране. А поставки четникам, также быстро терявшим своё значение, были бессмысленны и действительно могли вызвать «недоверие» Москвы, считавшей это поддержкой коллаборационистов.

В случае с Югославией использование помощи в соответствии с Законом о ленд-лизе для усиления американского влияния было достаточно сложным делом. Налицо был риск получить обратный результат. К осени 1944 г. соотношение степени реальной власти в руках Петра II, эмигрантского кабинета, его бывшего военного министра Михайловича, с одной стороны, и партизан Тито – с другой, кардинально изменилось.

Падение авторитета югославского монарха и четников стало очевидным фактом. Заключить официальное соглашение с постоянно увеличивавшим свой политический вес партизанским лидером Вашингтон не мог. Это противоречило американской политике непризнания военно-политических сил, возникших в ходе нацистской оккупации и не получивших официального признания большинства населения.

20 октября 1944 г. НОАЮ совместно с частями Красной Армии освободила Белград. Советские войска предоставили артиллерию и бронетанковую поддержку, но основная масса пехоты, вступившей в столицу Югославии, состояла из партизанских частей¹⁸³. Взятие Белграда дало Тито необходимые козыри в борьбе за власть. Авторитет и возможности короля и эмигрантского правительства заметно снизились. Новые условия требовали перемещения югославской политики Советского Союза и Соединённых Штатов из военной в политическую плоскость. Начался новый период – определения послевоенного государственно-политического устройства страны.

Несмотря на совпадение военных интересов, обусловивших сотрудничество СССР и США в годы войны, их интересы и подходы к политическим процессам в Югославии, начавшимся в ходе освобождения страны, различались. Тем не менее и для Советского Союза, и для Соединённых Штатов период 1941–1944 гг. стал временем активизации их югославской политики.

2.1.3. Позиции Советского Союза и Соединённых Штатов по греческой проблеме

Соседняя с Югославией Греция была оккупирована Италией, Германией и Болгарией. Уже в 1941–1942 гг. в стране развернулось массовое движение Соппротивления. Оно зарождалось в городах, но достаточно быстро распространилось на горные районы, где в условиях нехватки современных дорог были практически идеальные условия для действий партизан.

Движение Соппротивления в Греции отличалось сильной фрагментированностью¹⁸⁴. Наиболее крупным объединением являлся Национально-освободительный фронт (ЭАМ), основанный 27 сентября 1941 г. ЭАМ включил в свой состав широкий спектр общественных сил левой

ориентации. В его руководстве заметно преобладали коммунисты. Членами ЭАМ являлись более 1,5 млн человек (включая не менее 50 тыс. вооруженных партизан), представлявших все слои греческого общества¹⁸⁵. Национально-освободительный фронт объявил об уважении прав собственности, надеясь объединить всех греков против оккупантов, и достиг в этом немалых успехов. Решением ЦК ЭАМ в декабре 1941 г. партизанские отряды были преобразованы в Народно-освободительную армию (ЭЛАС). В 1943 г. ЭЛАС насчитывала уже до 60 тыс. бойцов.

В начале октября 1941 г. была сформирована Национальная республиканская греческая лига (ЭДЭС)¹⁸⁶. Её номинальным лидером стал генерал Н. Пластирас, который продолжал проживать на не занятой немцами территории Франции. В уставе организации говорилось об установлении в Греции Народной социалистической республики. В отсутствие Пластираса движением руководил полковник Н. Зервас. По оценке британского агента в Свободной Греции майора Д. Уоллеса, летом 1943 г. численность партизан под командованием Зерваса составляла приблизительно 5 000 человек¹⁸⁷. Борьбу против оккупантов также вела Национальная социалистическая освободительная группа (ЭККА) под руководством полковника Д. Псарроса и некоторые другие небольшие организации.

После оккупации Греции внимание Вашингтона переключилось на иные, более важные и актуальные проблемы. Только в 1943 г. американцы начинают уделять внимание ситуации в этой стране.

К 1943 г. значимость партизанского движения в Греции признается и британскими, и американскими военными. На конференции в Касабланке (14–24 января 1943 г.) обсуждались военные планы союзников на 1943 г. В документе «Американо-британская стратегия в 1943 г.» предлагалось «оказать большую помощь повстанцам в Югославии и стимулировать саботаж в Греции»¹⁸⁸. Партизаны должны были нарушить коммуникации, соединяющие северные и южные области Греции. В справке от 14 июля 1943 г. для президента США Рузвельта по этому вопросу, подготовленной британскими разведывательными службами, отмечалось, что только с начала 1943 г. партизанское движение в Греции «начало вызывать действительно глубокую озабоченность оси»¹⁸⁹.

В США обладали крайне скудными сведениями о партизанском движении в Греции. Так, в меморандуме чиновника ближневосточного отдела Госдепартамента Фоя Колера от 24 марта 1943 г. для руково-

дителей отдела говорилось о Зервасе как о «главном партизанском лидере в оккупированной Греции»¹⁹⁰. В памятной записке, направленной Госдепартаментом Форин офису от 2 июля 1943 г., была четко охарактеризована политика Вашингтона: «Американское правительство постоянно убеждало все греческие фракции отложить их политические ссоры и объединиться для победы в войне и освобождения их оккупированной родины»¹⁹¹.

В меморандуме Объединённого комитета начальников штабов США от 1 ноября 1943 г. в разделе «Греция» говорилось: «Несмотря на истощение страны, здесь налицо значительная и увеличивающаяся подпольная и партизанская деятельность, хотя и в гораздо меньшем масштабе, чем в Югославии. Греческие партизанские силы разделены политически и борются друг с другом. Есть общая оппозиция реставрации короля Георгиоса II»¹⁹².

10 декабря в ближневосточном отделе Госдепартамента был подготовлен меморандум «Борьба между партизанскими группами в оккупированной Греции». Он содержал сведения, собранные и систематизированные подполковником Джеймсом Басбасом, военным атташе в Каире. Справедливо отмечалось, что движение ЭДЭС является хотя и антироялистским, но более консервативным, чем ЭЛАС, и англичане считают, что оно будет более послушным в королевском вопросе. В меморандуме говорилось, что военное столкновение между партизанами было ускорено сдачей итальянских войск в Греции. Басбас полагал, что согласие между ЭДЭС и ЭАМ невозможно, пока не будет сделано ясное заявление, что король не возвратится в Грецию до проведения плебисцита. Но даже в этом случае Басбас считал, что «только американский офицер или настоящая Союзническая миссия, состоящая из группы американцев... британских и греческих офицеров смогут добиться согласования»¹⁹³.

В 1943 г. отмечается заметный рост интереса американских спецслужб к ситуации в Греции. Управление стратегических служб (УСС) в Каире поддерживало контакты с некоторыми антикоролевски настроенными министрами эмигрантского правительства (например, С. Венизелосом)¹⁹⁴.

В сентябре несколько офицеров УСС во главе с капитаном У. Эрготтом прибыли в Грецию, чтобы установить связь с греческими партизанами. В результате этого британская военная миссия была преобра-

зована в Союзную военную миссию. Эрготт достиг штаба ЭЛАС. В декабре туда для исполнения обязанностей заместителя начальника прибыл майор Джеральд К. Уайнс («Джерри»)¹⁹⁵.

22 октября президент Рузвельт направил Черчиллю предложение назначить главу УСС Донована руководителем спецслужб союзников на Балканах. ФДР писал: «И в Югославии, и в Греции партизанские силы, кажется, заняты в значительной степени борьбой друг с другом, а не с немцами». Выход из этой ситуации президент видел только в присутствии «решительного и компетентного офицера» Донована¹⁹⁶. Следовательно, Рузвельт предлагал поставить всех агентов американской и британской разведок под контроль США. Черчилль же вовсе не собирался этого допускать. 23 октября он направил американскому президенту ответ, содержащий вежливый отказ¹⁹⁷.

Проведение спецопераций осложняла политическая поляризация движения Сопротивления в Греции. Американцы ставили перед собой задачу объединить партизан в борьбе с оккупантами. Прибывшие в Грецию офицеры УСС поспешили установить контакты с ЭЛАС как наиболее сильной партизанской армией. По указанию Донована была направлена специальная миссия в штаб ЭЛАС в греческих горах во главе с назначенным главой отдела специальных операций УСС в Каире подполковником П. Уэстом. Его задача состояла в том, чтобы сообщить руководству ЭАМ/ЭЛАС о планах УСС по ведению подрывной работы и получить гарантию, что они не будут действовать без распоряжений Союзнического высшего командования¹⁹⁸. В целом миссия Уэста оказалась вполне успешной. Он добился обещания от командующего ЭЛАС С. Сарафиса, что Народно-освободительная армия Греции обеспечит поддержку действий американцев против немцев. Партизаны ЭЛАС также признали полномочия высшего Союзного командования в Средиземноморье при условии, если оно будет поставлять им оружие¹⁹⁹.

Многие офицеры УСС, особенно американцы греческого происхождения, весьма критически относились к британской политике в отношении движения Сопротивления в Греции. ЭАМ пользовался значительной симпатией и уважением в УСС преимущественно на низовом уровне. Д. Стаффорд приводит слова одного из офицеров УСС в Каире, который говорил, что британцы «не интересовались греческим освобождением», а преследовали в Греции «голые имперские интересы»²⁰⁰. Но все же критика британской тактики не обязательно подразу-

мевала поддержку ЭАМ. В отчете УСС, датированном августом 1943 г., предлагалось отколоть коммунистов от их «многочисленных некоммунистических последователей» путем убеждения греков в том, «что Союзники гарантируют им право сформировать их собственное правительство после войны». На более высоких уровнях, в Каире и Вашингтоне, эта позиция была преобладающей. В октябре 1943 г. Донован сообщал президенту Рузвельту, что попытка «настаивать на возвращении короля до проведения выборов только вызовет инциденты и объединит оппозицию»²⁰¹. Донован считал, что, несмотря на имеющиеся политические противоречия, греческих партизан следует поддерживать исходя из «военной потребности»²⁰².

В отчете офицера Отдела исследований и анализа УСС в Каире Ч. Эдсона от 11 декабря 1943 г. отвергались крайние оценки ЭАМ: он не считал эту организацию только патриотической коалицией для борьбы с фашистами, но и не сводил его замыслы к намерению установить коммунистический режим в послевоенной Греции. Эдсон обращал внимание на стремление ЭАМ/ЭЛАС к гегемонии в партизанском движении Греции, нетерпимость его руководителей к недружественной критике. Всех своих противников Национально-освободительный фронт называл фашистами и предателями. Фактически, писал американский офицер, ЭАМ не одобряет свободу слова, движение находится под контролем Коммунистической партии, однако никаких свидетельств контакта ЭАМ и Москвы американская разведка не обнаружила. Эдсон считал, что США ни в коем случае не должны слепо следовать за британской политикой в Юго-Восточной Европе²⁰³.

Свидетельством стремления лидеров ЭЛАС к сотрудничеству с американцами стало переданное через майора Уайнса 11 декабря сообщение о готовности к миру с Зервасом. Этот жест можно расценить и как обращение к третьей стороне с просьбой выступить посредником между англичанами и ЭАМ/ЭЛАС²⁰⁴. Уайнс передал информацию англичанам.

Англичане надеялись включить в греческую регулярную армию не только отряды Зерваса, но также и подразделения ЭЛАС и таким образом подорвать лидерство в партизанском движении ЭАМ/ЭЛАС²⁰⁵. Греческое правительство в эмиграции должно было обратиться к Зервасу (ЭДЭС) и Сарафису (ЭЛАС) с предложением заключить перемирие и дислоцировать свои отряды только в точно определенных и

заранее согласованных областях. Помочь реализовать новый план должны были обращения британского, американского и советского правительств.

Вашингтон согласился выступить с соответствующим заявлением. 23 декабря премьер-министру эмигрантского правительства Э. Цудеросу было направлено послание, подписанное Хэллом, в котором говорилось, что «сообщения о братоубийственной борьбе в пределах Греции потрясли американское правительство и народ... Мы искренне надеемся, что греческие группы Соппротивления... быстро объединятся между собой и с нами в борьбе против общего врага»²⁰⁶. Подобные заявления были сделаны также Лондоном и Москвой.

Конференция по вопросу об урегулировании конфликта партизанских движений началась 15 февраля 1944 г. в деревне Мирофило и проходила с участием представителей ЭЛАС, ЭДЭС, ЭККА, а также руководителя британской военной миссии в Греции К. М. Вудхауза и Дж. Уайнса (который следовал американской политике невмешательства во внутренние дела Греции). Участвовали военачальники С. Сарафис, Н. Зервас и Д. Псаррос, а также их политические коллеги – П. Руссос и К. Деспотопулос (ЭАМ), К. Пиромаглоу (ЭДЭС) и Г. Карталис (ЭККА). КПГ не была представлена.

Соглашение было подписано в деревне Плака 28 февраля. Делегаты договаривались назначить «предварительную исполнительную комиссию» из представителей всех групп Соппротивления, чтобы обсудить с Цудеросом вопросы формирования греческого национального правительства. Была также признана потребность создания единого штаба партизанского движения. Имелся секретный пункт, который предусматривал участие партизанских групп в операции «Ноев ковчег»²⁰⁷. Зоны деятельности ЭЛАС и ЭДЭС были разграничены. ЭАМ не смог настоять на формировании правительства Национального единства на его собственных условиях²⁰⁸. В результате перемирия были временно возобновлены британские поставки ЭАМ/ЭЛАС.

Американский посол при греческом правительстве Маквей серьезно опасался, что ответственность за британские действия в Греции частично будет возложена и на американцев. В своем дневнике он привел оценку УСС греческой ситуации: «Стоит отметить, что и в Греции, и в Каире британцы создают впечатление, что Соединенные Штаты полностью согласны с их греческой политикой. В сложившейся обстановке Соединенные Штаты разделяют с Великобританией ответ-

ственность за огрехи союзников в решении греческой проблемы. Фактически Соединенные Штаты не имеют ресурсов, которые позволили бы им на равных управлять событиями. Союзническая политика в Греции – только британская политика, за которую Соединенные Штаты будут считаться ответственными».²⁰⁹

В письме Рузвельту от 17 февраля Маквей попытался убедить президента пересмотреть американскую политику в пользу более активного вмешательства в греческие дела. Посол отмечал, что, «в то время как наше УСС действует в полном соответствии с директивами военных и не зависит от Государственного департамента... британское Министерство иностранных дел напрямую руководит своими агентами и глубоко втянуло их в политические маневры. Это... делает наше правительство в глазах каждого грека и югослава ответственным за все британские интриги». Маквей подчеркивал, что послевоенный мир, который стремятся установить англичане, в корне отличается от американского. Британская политика направлена, «прежде всего, на сохранение связей Империи и морского маршрута в Индию...». Британия стремится сохранить свое преобладание и не допустить установления контроля над Юго-Восточной Европой со стороны любой другой державы. «Это очень далеко от политики, нацеленной на реконструкцию оккупированных стран как свободных и независимых государств», – писал американский посол²¹⁰.

С апреля по июль 1944 г. в Грецию прибыло 8 оперативных групп УСС по 20–30 человек в каждой²¹¹. Руководитель отдела специальных операций П. Уэст имел в распоряжении 15 офицеров, 159 военнослужащих, и приблизительно 160 агентов. Они смогли нанести немцам немалый ущерб. Подрывные действия начались в январе 1944 г., операция «Ноев ковчег» – в середине мая. В общей сложности УСС было организовано 76 диверсий, проведение которых завершилось в сентябре 1944 г.²¹²

С 17 по 21 мая в Ливане состоялась организованная эмигрантским правительством во главе с новым премьер-министром Георгиосом Пандреу и англичанами конференция греческих политических сил. В ней участвовали представители движения Сопротивления и многочисленных «старых» греческих политических партий. 8 мая Маквей получил от американских военных сведения, которые показывали, что, хотя британцы демонстративно поддерживали «единство» греков на конфе-

ренции в Ливане, они тайно продолжали усиливать Зерваса для его борьбы против ЭЛАС.

Ближневосточный отдел Госдепартамента проинструктировал Маквея посетить конференцию или послать своего представителя, что должно было продемонстрировать американскую поддержку конференции. Однако посол счел, что такое посещение нецелесообразно ввиду того, что этот факт «создал бы у греков ложное впечатление... что мы заодно с британцами в их попытках управлять греческими внутренними делами». Маквей с сожалением признавал, что во многих случаях США не могут четко отделить собственную позицию от британской и противодействовать попыткам англичан представить их политику как англо-американскую. Теперь же как раз и предоставлялась такая возможность²¹³. Маквей на конференции не появился. Таким образом, США давали понять, что они вовсе не поддерживают британскую линию в греческих делах.

После трех дней дебатов был принят документ, известный как «Ливанский протокол». Предусматривалась перестройка вооруженных сил внутри и вне Греции, а также отстранение армии от политической жизни, объединение всех партизанских отрядов под единым командованием. ЭАМ должна была получить только три-четыре места в правительстве национального единства²¹⁴. Итоги конференции означали серьезную победу Папандреу и его английских покровителей.

Официальный Вашингтон положительно оценил итоги Ливанской конференции, так как видел в них шаг к внутреннему примирению. В телеграмме Маквею от 26 мая Хэлл приветствовал достигнутое соглашение в Ливане. Госсекретарь выражал надежду, что оно «поможет ускорить освобождение и восстановление Греции»²¹⁵.

Возрастающая активность американцев в Греции вызывала все большую озабоченность Лондона. В июле 1944 г. Черчилль решил, что если греческие коммунисты не признают правительство Папандреу, то он эвакуирует весь персонал Союзной военной миссии. Англичане обратились к директору УСС генералу Доновану с просьбой удалить персонал УСС из Греции, чтобы показать коммунистам и русским, что западные державы действуют согласованно. Но, когда сведения о британском предложении достигли Каира, выяснилось, что против ухода из Греции возражают руководители диверсионных групп. Руководитель группы секретной разведки в Греции Стивен Пинроуз писал Доновану: «Мы

опасаемся, что такой шаг... подвергнет опасности успех наших МО, SI и SO миссий²¹⁶, погрузит организованное сопротивление нацистам в Греции в хаотическое состояние, отменит любые дополнительные проекты, взорвет план "Ноев ковчег" и т. д.».

Донован приказал главе подразделения УСС в Каире полковнику Дж. Толмину «оставить всё как есть». Он подчеркнул, что в Греции «мы будем тверды в защите нашего права продолжить разведывательную работу и посылать группы». Глава УСС также изложил Хэлли свои возражения по поводу британского вмешательства в дела Управления. Госсекретарь в ответе Доновану от 15 июля согласился, что «интересы ведения войны делают желательным, чтобы американский персонал остался в Греции» при условии, что он не будет вмешиваться во внутреннюю политику или фракционные споры²¹⁷.

Глава греческого стола Отдела исследований и анализа каирского отделения УСС Моисей Хадас в сентябре 1944 г. возвратился в Вашингтон и передал руководству отчет «Наблюдения относительно греческих дел в Каире». В нем говорилось: «Среди греков в Каире накопилось общее негодование относительно степени и, возможно даже больше, манеры британского вмешательства в греческие политические дела. Это чувство не ограничено либералами (для которых "негодование" является неадекватным термином), но разделяется консерваторами, которые также желают устойчивого режима и которые чувствуют, что британский образ действия влечет за собой невыносимое ограничение греческого суверенитета... Некоторые из газет предупредили, что немецкая оккупация не должна быть заменена на британскую»²¹⁸. Хадас писал об арестах по политическим мотивам, о формировании англичанами греческой армии сплошь из крайне реакционных элементов, а также о британской цензуре. В частности, не допускались намеки на вмешательство англичан в греческие дела. Также отмечалось их неоднозначное отношение к созданным фашистами «батальонам безопасности», ибо их борьба с коммунистами англичанам очень импонировала²¹⁹. Документ вызвал немалое удивление и беспокойство в Вашингтоне. Донован направил его президенту, госсекретарю и военным²²⁰.

Базовым принципом американской политики в отношении Греции оставалось невмешательство во внутренние дела. Эта политика вытекала из Атлантической хартии и признания приоритета военных сообщений во время мировой войны. Американские спецслужбы стара-

лись придерживаться нейтралитета и концентрироваться исключительно на борьбе против общего врага. Британская политика активного вмешательства во внутренние дела Греции вызывала опасения Вашингтона. Озабоченность американской стороны вызывали многочисленные британские интриги в Греции, направленные на усиление позиций правых сил, и стремление англичан внушить всем мысль, что их политика пользуется полной поддержкой США. Американцы также возражали против британской стратегии политизации военных поставок. Тлевший конфликт вырвался наружу летом 1944 г. Черчилль был очень недоволен деятельностью УСС в Греции. Однако его предложение об удалении персонала УСС из Греции было отклонено американцами. Более того, Donovan отдал распоряжение продолжать разведывательную деятельность в Греции и после ухода немцев. В то же время Рузвельт стремился сглаживать противоречия. Соединенные Штаты имели в Балкано-Средиземноморском регионе собственные интересы и вовсе не собирались допускать восстановления Лондоном своей сферы влияния.

Существенное место в греческой политике западных союзников занимал королевский вопрос. Оптимальным кандидатом на роль главы послевоенной Греции Лондон считал проанглийски настроенного короля Георгиоса II. Однако диктатура Метаксаса и спешное бегство короля из страны в апреле 1941 г. дискредитировали Георгиоса и саму идею монархии. Король и его последователи рассматривались как предатели большинством греков.

Ведущие политики в Греции подписали заявление от 31 марта 1942 г., в котором говорилось, что король должен дожидаться результата плебисцита перед возвращением²²¹. Англичане сочли нужным проинформировать американцев о своей позиции по королевскому вопросу. 24 мая в Вашингтон было направлено следующее послание британского МИДа: «Правительство Его Величества искренне полагает, что лучше всего интересам греческого народа отвечает возвращение короля, поскольку правительство полагает, что либеральная конституционная монархия, очевидно, является формой правления, наиболее подходящей для Греции...»²²²

Ещё летом 1941 г. посол Маквей направил в Госдепартамент записку «Политические изменения в Греции во время германского вторжения и их последствия». В ней он высказывал серьезные сомнения в том, что Георгиос когда-либо вновь сможет завоевать симпатии про-

стых греков. «Конституционный монарх, – писал дипломат, – пытался править первой демократией мира с помощью диктатора и увидел плоды этого: диктатор умер в великолепии славы, а он сам, возбудив к себе всеобщее отвращение, стал жить в ожидании возмездия»²²³.

После оккупации Греции отношения США с эмигрантским правительством и королем по-прежнему поддерживались. Послом при греческом эмигрантском правительстве 13 ноября 1941 г. был назначен Энтони Биддл, одновременно представлявший Соединенные Штаты и в других эмигрантских правительствах, которые находились в Лондоне (Польши, Югославии, Бельгии, Нидерландов, Норвегии)²²⁴.

В июне 1942 г. король Георгиос в сопровождении премьер-министра Цудероса по приглашению президента Рузвельта посетил Соединенные Штаты. План визита был обнародован Госдепартаментом в ноябре 1941 г., однако вскоре этот визит был отложен. В феврале 1942 г. греческий посол в США С. Диамантопулос вновь обратился к американской стороне с просьбой принять короля. 2 марта С. Уэллес сообщил о том, что официальный Вашингтон не имеет возражений против такого визита²²⁵.

11 апреля 1942 г. Рузвельт известил Уэллеса о своем согласии принять греческого короля. При этом президент хотел дать понять, что Георгиос приглашен в Соединенные Штаты не только как король, но и как главнокомандующий армии страны, которая находится в состоянии войны со странами оси. Поэтому, считал Рузвельт, во время визита король должен постоянно носить военную форму. «Другими словами, – писал американский президент, – будет намного лучше, если он придет как солдат, а не как монарх»²²⁶.

Король, в сопровождении Цудероса и маленькой делегации, прибыл в Вашингтон 10 июня. Он находился в США до 28 июня, посетил кроме Вашингтона Нью-Йорк и Филадельфию. 15 июня Георгиос II выступил в американском Конгрессе²²⁷. 26 июня Рузвельт принял его в Гайд-парке²²⁸. Король передал президенту просьбы о продовольственной и финансовой помощи Греции и его правительству, а также меморандум о послевоенных целях. 10 июля было подписано соглашение о ленд-лизе²²⁹.

Большое влияние на позицию Госдепартамента по королевскому вопросу оказывала газета «Нэшнл Геральд», которая ежедневно издавалась в Нью-Йорке на греческом языке. Её редактор и издатель Б. Влавianos был последовательным сторонником республики в Гре-

ции и критиком политики Великобритании. Властианос имел доступ к президенту Рузвельту и сотрудникам Госдепартамента и воспринимался ими как представитель греческой общины в США²³⁰.

В июне 1942 г. руководитель ближневосточного отдела Госдепартамента У. Мюррей подготовил записку, в которой говорилось о хронической непопулярности Георгиоса в Греции, о том, что король ассоциируется с диктатурой Метаксаса, о скепсисе греков по поводу возможности встать на демократический путь²³¹. По оценке Мюррея, девяносто пять процентов американских греков были настроены в пользу республики и подозревали, что после освобождения будет предпринята попытка вновь установить в Греции режим, подобный диктатуре Метаксаса²³². Позиция ближневосточного отдела постепенно эволюционировала в сторону категорического неприятия идеи навязывания грекам непопулярного короля. Во второй половине года здесь пришли к выводу о невозможности поддерживать англичан в вопросе восстановления Георгиоса на греческом троне. К декабрю 1942 г. отдел ближневосточных и африканских дел окончательно утвердился в своём отношении к королевскому вопросу, которое заключалось в неодобрении британских планов восстановления власти монарха. Эти планы оценивались как потенциально опасные, усиливающие политические разногласия среди греков²³³. В январе 1943 г. сотрудник ближневосточного отдела Фой Колер писал, что возвращение короля вызовет «внутренние беспорядки в этой стране»²³⁴.

Американская позиция была достаточно ясно представлена в документах Госдепартамента. В меморандуме Мюррея для госсекретаря Хэлла от 16 марта 1943 г. формулировалось отношение к королевскому вопросу: «Мы соглашаемся с британцами в признании греческого короля и правительства в эмиграции как законного правительства Греции в надежде, что все греки подчинят свое поведение непосредственной цели выиграть войну и освободить оккупированные страны». Американцы считали, что вопрос приемлемости короля Георгиоса II для греков – исключительно их внутреннее дело и должен решаться на плебисците после освобождения страны. Стремление навязать грекам правительство Цудероса провоцирует поляризацию политических сил по линии поддержки и отрицания монархии, отмечали в Вашингтоне. Возвращение короля и правительства Цудероса в Грецию под защитой союзников сразу после освобождения страны ограничило бы свободу выбора греков и противоречило 3-й статье Атлантической хартии. Ко-

ролю и его правительству следует воздержаться от возвращения в Грецию до проведения плебисцита о послевоенном политическом устройстве страны²³⁵.

Попыткой повысить авторитет короля стало подготовленное англичанами обращение Георгиоса по радио 4 июля. Греческое эмигрантское правительство и король объявили, что являются сторонниками конституционной монархии и дали обещание провести свободные выборы после освобождения Греции. Американская реакция на заявление короля, на что и надеялись англичане, была положительной. 5 июля Хэлл приветствовал декларацию как «новое подтверждение преданности греческого правительства идеалам демократии»²³⁶.

22 августа Рузвельт и Черчилль обсудили обращение короля и королевский вопрос в целом. Дискуссия состоялась в рамках первой Квебекской конференции (кодовое название «Квадрат»). В повестке дня значился вопрос «Политика в отношении Греции. Обращение короля к президенту и премьер-министру». В подготовленном британской делегацией меморандуме от 21 августа говорилось: «Если король теперь обязуется не возвращаться в Грецию после её освобождения, он фактически подпишет под сложением своих полномочий»²³⁷.

Англичане предложили ответить на обращение короля, поддержав его намерение возвратиться в Грецию как можно скорее и поставить вопрос о королевском доме Глюксбургов на плебисцит. Далее, как гласит отчет, «президент сказал, что правительство Соединенных Штатов не займет никакой другой позиции»²³⁸.

Фраза президента о том, что правительство США «не займет никакой другой позиции» была истолкована англичанами как согласие Америки на возвращение короля сразу после освобождения. Казалось бы, Лондон одержал дипломатическую победу и добился одобрения собственной политики американцами. Торжествовать, однако, было рано. Уже 30 августа Госдепартамент «подправил» своего президента. В меморандуме, подготовленном Мюрреем, говорилось: «Я спросил г. Атертона²³⁹... о решении, принятом британцами и королем Греции, по поводу целесообразности возвращения в Грецию одновременно с вторжением Союзных армий... Господин Атертон сказал, что фрагменты отчета... были неточно сформулированы... Президентское заявление... обозначило общность позиций британского правительства и Соединенных Штатов в части их отношения к созданным эмигрантским правитель-

ствам и не касалось вопроса о возвращении короля Георгиоса II в Грецию»²⁴⁰.

1 сентября Хэлл направил президенту проект ответа, который формально соответствовал решениям, принятым в Квебеке, но избегал одобрения позиции Лондона в королевском вопросе. «Британцы, – говорилось в документе, – сделали заверение относительно максимальной поддержки власти короля, вне зависимости от его решения – гарантия, которую, я полагаю, мы не должны давать»²⁴¹. Американскому послу при греческом эмигрантском правительстве следовало устно сообщить королю, что «президент затруднился что-либо советовать ему по поводу ответа на предложения, сделанные греческими эмиссарами в Каире»²⁴².

3 декабря Маквея принял Рузвельт. Президент изложил ему некоторые собственные соображения по поводу ситуации в Греции и её послевоенного будущего. Он считал, что королю следует разрешить возвратиться в страну вместе со своими войсками. Но при этом политическая роль монарха оценивалась им совершенно иначе, чем руководством Великобритании. Рузвельт считал, что послевоенная конституция должна лишить короля реальной власти, закрепив за ним только представительские функции. Таким образом, король будет «полностью вне политики». Также президент выдвинул идею «построения стены» вокруг Югославии и Греции. Греки после окончания войны должны были сами решить вопрос о власти без вмешательства извне²⁴³.

Англичане в условиях наметившегося кризиса в союзнических отношениях решили изменить тактику и пойти на некоторые уступки по королевскому вопросу. Черчилль и Иден в конце ноября – начале декабря 1943 г., находясь на Ближнем Востоке для участия в Каирской и Тегеранской конференциях, настоятельно советовали королю определенно заявить, что он не будет возвращаться, если не будет приглашен по итогам плебисцита. Король отказался от английского предложения²⁴⁴ и обратился к американцам с просьбой о поддержке. 6 декабря Рузвельт встретился с Георгиосом II²⁴⁵. Во время беседы президент сказал, что нет никакой необходимости делать какие-либо заявления, если сам король этого не желает²⁴⁶. Рузвельт не считал своевременным в условиях продолжающейся войны принимать решения, фактически предопределяющие послевоенную судьбу страны²⁴⁷. Опираясь на позицию США, Георгиос решительно отказался сделать заявление, на котором настаивали англичане.

В конце года американцы отвергли предложение англичан о создании совместного секретного комитета по Греции. Британский план предполагал, что решения будут доводиться до греков как «совет» двух великих держав²⁴⁸. 27 декабря Маквей сообщил британскому послу Р. Липеру об отказе правительства США обсуждать эту инициативу, сославшись на то, что политика Вашингтона в отношении Греции отличается от политики Лондона²⁴⁹.

В письме Маквею от 15 января 1944 г. президент изложил собственный взгляд на лучшую для Греции форму правления. Он считал, что эта страна должна стать конституционной монархией, но с определенными оговорками. Во-первых, король «не должен принимать абсолютно никакого участия в правительстве...». Во-вторых, Рузвельт считал целесообразным ограничить число политических партий в стране. В неких «предварительных выборах», по его мнению, могли участвовать пять или шесть партий. К всеобщим выборам он предлагал допустить только три главные партии, соответственно лишь они и могли стать парламентскими. И наконец, «премьер-министр избирался бы на определенный срок — два, три или четыре года, таким образом, обеспечивая непрерывность власти и приближение к республиканской форме правления»²⁵⁰.

Во время беседы с американским корреспондентом К. Сульцбергером 26 апреля Маквей жаловался на отсутствие четко определенной американской политики в Восточном Средиземноморье. Посол считал, что военную миссию союзников в Греции мог бы возглавить американский генерал, ибо американцы не испытывают ни опасений относительно Советской России, ни недоверия к англичанам. Маквей также поделился собственной идеей создания на Балканах системы буферных государств между СССР и Великобританией, двумя главными силами в Европе. Этим буферным государствам США, по его мнению, должны были активно помогать²⁵¹.

16 июня Маквей встретился с королем. Георгиос вновь уверял посла, что роялистские чувства в Греции сильны и могут стать ещё сильнее, если опасность левой диктатуры ЭАМ будет более очевидной грекам. Сам же Маквей понимал, что реальная ситуация совершенно иная и общественное мнение явно против раннего возвращения короля²⁵². Посол отметил в дневнике, что даже греческая роялистская газета «Фос» поддержала согласие короля не возвращаться перед плебисцитом²⁵³.

Американская политика в Греции в меморандуме, подготовленном в Госдепартаменте для внутреннего пользования и датированном 19 августа 1944 г., характеризовалась следующим образом: «Соединенные Штаты продолжали воздерживаться от вмешательства во внутреннюю греческую политику, но пытались:

- 1) вдохновить греков на объединение;
- 2) обеспечить грекам возможность свободно избирать форму правления, при которой они хотели бы жить;
- 3) сдерживать британскую тенденцию вершить греческие дела с позиции силы;
- 4) предотвратить раздел Балкан на британскую и русскую сферы влияния»²⁵⁴.

События осени 1944 г. (уход немецких войск, претензии ЭАМ/ЭЛАС на власть) убеждали Маквея в необходимости расширения американского участия. В сентябре посол выражал опасение, что из-за пассивности американской политики в Греции восторжествует анархия и к власти придут коммунисты²⁵⁵. 15 октября 1944 г. он писал Рузвельту, что, несмотря на географическую отдаленность от США, Греция и Югославия должны быть признаны важными государствами с точки зрения обеспечения послевоенных интересов США²⁵⁶.

Таким образом, уже во второй половине 1942 г. США впервые заняли отличную от Великобритании позицию по одной из ключевых греческих проблем. Госдепартамент пришел к выводу о нецелесообразности возвращения на греческий престол короля Георгиоса II без проведения плебисцита. Греция к 1943 г. уже относилась к регионам, в которых США хотели бы иметь гарантированные рычаги обеспечения собственных интересов. Американский исследователь Генри Райан справедливо отмечает, что к концу 1943 г. американские чиновники в Каире стали склоняться к необходимости более активного американского участия в греческих делах²⁵⁷. Преследуя в долгосрочной перспективе цель укрепления американского влияния в регионе, США в среднесрочной перспективе считали важнейшей задачей скорейшую победу над фашизмом и недопущение установления доминирования какой-либо иной державы, что определяло краткосрочные цели: объединение всех греческих антифашистских сил, недопущение гражданских конфликтов, демократизация страны, получение гарантий оформления в послевоенной Греции демократического режима, который не будет иметь однозначно пропри-

танской ориентации. В этом случае США получили бы прекрасные возможности «мирного проникновения» в Грецию. При этом вариант конституционной монархии как формы политического режима не исключался при условии положительного решения референдума.

В сложной обстановке президент Рузвельт, следуя тактике согласованных с союзниками действий, предпочитал не акцентировать внимание на разногласиях. Поэтому во время личной встречи с Черчиллем в августе 1943 г. американский президент занял по королевскому вопросу более мягкую позицию, нежели сотрудники Госдепартамента. Рузвельт считал несвоевременными длительные дискуссии о послевоенном политическом устройстве Греции в условиях продолжающейся мировой войны.

В то же время в американской политике по королевскому вопросу проявились и слабые стороны. Наблюдалась явная несогласованность позиций Госдепартамента и президента. Если дипломаты выступали против возвращения Георгиоса до плебисцита, то Рузвельт в декабре 1943 г. фактически поддержал короля.

К концу 1944 г. посол США в Греции пришёл к выводу о целесообразности участия Соединенных Штатов в делах этой страны. Правда, позиция Госдепартамента и президента пока оставалась прежней. Только к началу 1945 г. в Госдепартаменте сформировалось убеждение в необходимости пересмотра политики в пользу более масштабного участия во внутренних делах Греции.

В 1941–1944 гг., несмотря на удалённость Греции от СССР, несшего на себе основное бремя борьбы с нацистской Германией, происходило становление советской позиции по греческим проблемам. После оккупации Греции дипломатические отношения были ненадолго прерваны (нота НКВД от 3 июня 1941 г.), однако вскоре после нападения Германии на СССР, в сентябре 1941 г., отношения Москвы с королевским греческим правительством, которое в это время находилось в Лондоне, были восстановлены²⁵⁸.

8 декабря 1941 г. НКВД сообщил в греческую миссию, что советское правительство «с живейшим участием отнеслось к сообщению миссии о зверствах, чинимых оккупантами над населением греческих территорий». «Советское правительство, — говорилось в документе, — всецело разделяет чувства негодования, которое правительство Греции питает в отношении оккупантов и их соучастников»²⁵⁹.

Греческое правительство ещё в декабре 1941 г. сообщило советскому руководству о развитии в горных районах Греции движения Сопротивления, принявшего формы «активной партизанской войны»²⁶⁰.

Москва не имела отношения к движению Сопротивления в этой стране²⁶¹. В западной историографии закрепились точка зрения, согласно которой с 1941 г. никаких контактов между Советским Союзом и Центральным комитетом КПГ или ЭАМ/ЭЛАС в горах не было²⁶². Это подтверждают и рассекреченные в начале 90-х гг. данные отечественных архивов. Г. Сяндос в июне 1944 г. в телеграмме А. Дзимасу признавал, что КПГ и ЭАМ не имеют связи с СССР²⁶³. С марта 1944 г. до момента прибытия группы советских офицеров во главе с Г. Поповым в конце июля КПГ пыталась использовать в качестве канала связи с Советским Союзом маршала Иосипа Броза Тито в Югославии. Однако никаких ответных посланий из СССР они не получили²⁶⁴. Отдельные сведения поступали в Москву по линии внешней разведки ГУГБ НКГБ СССР, однако они не могли изменить общей картины²⁶⁵.

26 декабря 1943 г. глава Отдела международной информации ЦК ВКП(б) Г. Димитров направил Тито шифровку с просьбой сообщить данные о партизанском движении в Греции. Содержание запроса свидетельствовало, что Москва в это время не имела никакой информации о греческих партизанах²⁶⁶. В советскую столицу поступали лишь отрывочные сведения о партизанском движении в этой стране²⁶⁷. В первой половине 1944 г. в Москве также ещё очень мало знали о ситуации в Греции²⁶⁸.

При существенной активизации деятельности на Балканах Москва долго пренебрегала Грецией. Следует вспомнить склонность Сталина к построению кордонов безопасности по периметру советских границ. В этом плане Греция не представляла для СССР особого интереса. Советский лидер не хотел подвергать опасности союзнические отношения, от которых зависел успешный ход войны. Любые попытки установления связей с коммунистами могли только способствовать росту подозрений англичан относительно советских намерений. К тому же, по-видимому, в 1943 – начале 1944 г. Сталин действительно не имел достаточно надежной информации о реальной силе греческих коммунистов.

В 1943 г. руководство Советского Союза относило Грецию к британской сфере влияния²⁶⁹. Во внутренних советских материалах, которые готовились для советской делегации на Московской конференции

министров иностранных дел, подчеркивались британские интересы в Греции. Говорилось также, что советским интересам соответствует расширение влияния на славянские народы Балкан²⁷⁰.

Позиция советского руководства нашла свое отражение в записках, которые касались вопросов послевоенного урегулирования. В аналитических разработках заместителей наркома иностранных дел М. М. Литвинова и И. М. Майского констатировалось, что Греция находится за пределами геополитических интересов СССР в послевоенной Европе. В частности, в записке Майского по вопросам будущего мира и послевоенного устройства от 10 января 1944 г. отмечалось, что «СССР заинтересован в Греции гораздо меньше, чем в других балканских странах, а Англия, наоборот, в Греции чрезвычайно заинтересована»²⁷¹.

В конце декабря 1943 г. советский НКВД отказался выступить с призывом к греческим партизанам прекратить гражданскую войну. В качестве причины отказа было названо отсутствие информации относительно греческих внутренних дел²⁷². 30 декабря советской стороне был передан новый меморандум, в котором содержалась просьба главы Форин офиса Идена сделать такое заявление. В меморандуме особо подчеркивалось, что США уже выступили с обращением²⁷³. 3 января 1944 г. советское правительство откликнулось на просьбу Идена. Заместитель Народного комиссара иностранных дел А. Е. Корнейчук сообщил греческому послу А. Политису о поддержке Советским Союзом «создания объединенного фронта всех партизанских групп в Греции в целях усиления борьбы против немецких оккупантов»²⁷⁴.

18 января Иден в палате общин объявил, что призыв премьер-министра Цудероса ко всем греческим партизанам объединиться против врага одобрен британским, американским и советским правительствами. Это выступление главы английского внешнеполитического ведомства вызвало недовольство в Москве. В нем создавалась иллюзия полной поддержки Большой тройкой британской линии в отношении Греции. Резолюция Молотова на документе гласит: «Иден все же наврал, что мы одобрили заявление Цудероса. 23.1.44. В. Молотов»²⁷⁵.

Создание в Свободной Греции Политического комитета национального освобождения (ПЭЭА) в марте 1944 г. вызвало серьезную озабоченность в Кремле. Этот шаг мог усилить британские тревоги по поводу советского влияния в послевоенной Европе как раз накануне открытия Второго фронта. Советский лидер в этой ситуации счел нужным отреаги-

ровать и передать греческим коммунистам свое решительное неудовольствие. 25 марта он послал королю Георгиосу II поздравительную телеграмму в честь греческого Дня независимости. В тот же самый день из Москвы была отправлена телеграмма секретарю ЦК КПГ Сяндосу, в которой выражалось несогласие с действиями КПГ. ПЭЭА, сформированный только двумя неделями ранее, в советской телеграмме даже не был упомянут²⁷⁶. Следовательно, СССР не признавал ПЭЭА.

Однако в апреле 1944 г. советская политика в отношении Греции неожиданно изменилась. 4 апреля вспыхнуло восстание в 1-й греческой бригаде, расквартированной в местечке Эль-Амирия вблизи Александрии. Восставшие требовали отставки правительства Цудероса и включения представителей ЭАМ в новое правительство, основанное на республиканских принципах. Цудерос вынужден был покинуть пост премьера, но требования о включении представителей ЭАМ в состав эмигрантского правительства не были удовлетворены. Москва отказалась выступить с поддержкой британского курса на подавление выступления, а советская пресса начала открыто критиковать действия греческого эмигрантского правительства и Лондона. Посольство СССР в Каире воздерживалось от контактов с новым греческим кабинетом во главе с С. Венизелосом и с последующим кабинетом Г. Папандреу²⁷⁷.

Реакция Лондона последовала незамедлительно. 15 апреля А. Кадоган обратил внимание Черчилля на советскую пропаганду, которая резко критиковала греческое эмигрантское правительство, а следовательно, и англичан. Постоянный зам. главы Форин офиса писал премьер-министру: «В прошлом русские демонстрировали только ограниченный интерес к Греции, и я надеялся, что они по-прежнему будут позволять нам вести греческие дела так, как мы считаем целесообразным, но эти сообщения ТАСС показывают, что они теперь очевидно настроены вмешаться»²⁷⁸.

Британский премьер решил обратиться по этому вопросу к главе НКИДа. 16 апреля Черчилль направил Молотову послание. В нем содержалась просьба о прекращении пропаганды ТАСС, при этом упоминалась Румыния и давалось понять, что Лондон готов признать советские интересы там²⁷⁹. Таким образом, британский премьер предлагал Москве сделку: советское доминирование в Румынии обменивалось на британское в Греции. «Поскольку мы даем русским лидерство во всех румынских делах, – доверился Черчилль Липеру, – я должен надеять-

ся на благоприятный ответ»²⁸⁰. Как пишет историк Б. Кунихолм, «Черчилль признал слабую позицию Британской империи и в 1944 г. начал переговоры со Сталиным по Балканам, надеясь спасти британское положение в Восточном Средиземноморье»²⁸¹.

Уже в конце апреля произошла некоторая корректировка советской позиции. Маквей в телеграмме Хэллу от 1 мая отмечал изменение тональности советских радиопередач по Греции. В трансляции от 27 апреля, в частности, прозвучало одобрение британской политики поддержки короля Георгиоса в его устремлениях сформировать правительство национального единства²⁸².

В начале мая Лондон предпринял попытку перевести намеченный компромисс в плоскость конкретных договоренностей. Черчилль 4 мая дал указание Идену подготовить документ, затрагивающий «проблемы между нами и советским правительством, которые возникают в Италии, Румынии, Болгарии, Югославии и, прежде всего, в Греции»²⁸³. 5 мая в беседе с советским послом в Лондоне Ф. Т. Гусевым по румынскому и греческому вопросам Иден заявил, что британское правительство считает Румынию сферой действий СССР, а Грецию – сферой своих действий. Глава Форин офиса сказал, что два государства должны помочь друг другу в данном вопросе²⁸⁴.

В Архиве внешней политики РФ имеются материалы о переговорах Идена и Гусева 5 мая 1944 г. В подготовленном аппаратом НКВД СССР документе данная встреча описывается следующим образом: «5 мая с. г. Иден пригласил тов. Гусева к себе в Форин офис и заявил ему, что английское правительство считает, что советское правительство является ведущим в румынских делах и имеет согласие союзников вести переговоры с румынами и, таким образом, Румыния является советской сферой деятельности. В свою очередь британское правительство, заявил Иден, считает себя ведущим в греческих делах и считает Грецию своей сферой деятельности. Иден просил тов. Гусева о том, чтобы советское правительство сделало публичное заявление о поддержке дела объединения греков в борьбе против немцев под руководством греческого правительства во главе с Папандреу, сформированного на широкой базе из разных групп, которое смогло бы воздействовать на партизанские группы, руководимые коммунистами»²⁸⁵.

В ответ на британское предложение 18 мая Гусев в соответствии с инструкциями советского правительства сделал следующее устное за-

явление Идену: «В принципе советское правительство согласно с точкой зрения британского правительства насчет того, чтобы Греция была сферой деятельности Англии, а Румыния – сферой деятельности СССР и чтобы Англия и СССР помогали друг другу в этом деле»²⁸⁶. Однако, опасаясь негативной реакции Соединенных Штатов, Кремль запросил у англичан, известно ли им мнение Вашингтона по этому вопросу и нет ли у американцев каких-либо возражений²⁸⁷.

В августе советская сторона подтвердила, что рассматривает соглашение мая 1944 г. как действующее. 15 августа от имени заместителя главы НКВД А. Я. Вышинского британскому послу в Москве А. К. Керру был передан меморандум, в котором он ссылаясь на заявление Гусева от 18 мая как на официальную советскую позицию по греческим и румынским делам²⁸⁸.

В этой ситуации, получив американское одобрение соглашения по Греции и Румынии, советская сторона сделала шаги навстречу англичанам. Глава ПЭА А. Сволос вспоминал о том, что советский посол Новиков в начале июля передал греческим коммунистам инструкции войти в состав правительства Папандреу без каких-либо переговоров²⁸⁹. 26 июля 1944 г. на территорию оккупированной Греции прибыли восемь офицеров Главного разведывательного управления Наркомата обороны СССР во главе с подполковником Григорием Поповым²⁹⁰, которые появились в штабе ЭАМ/ЭЛАС, ещё два офицера были заброшены в район дислокации отрядов ЭЛАС в Македонии. Миссиям был оказан теплый прием²⁹¹.

В западной историографии было сформулировано немало разноречивых оценок миссии Попова²⁹². Как считают многие историки, Попов передал директиву Москвы согласиться со всеми условиями Ливанского соглашения²⁹³. Достоверно известно, что советские офицеры дали понять, что Советский Союз не собирается поставлять оружие ЭЛАС. Они обещали отправить список потребностей партизан в Москву, однако никакой помощи ЭЛАС в итоге не получила²⁹⁴.

Имеющиеся свидетельства и документы позволяют усомниться в том, что советская миссия передала грекам какие-либо прямые директивы. Члены миссии по политическим вопросам и вопросам помощи греческим партизанам высказывались очень уклончиво. Но в целом ЭАМ и КПГ было дано понять, что Советский Союз не одобряет их политику, не намерен вмешиваться в греческие дела и помогать ЭАМ/

ЭЛАС. По данным нескольких источников, ЭАМ было рекомендовано направить своих представителей в правительство национального единства, даже если премьер-министром останется Папандреу. Сделано это было, скорее всего, в форме неофициального совета²⁹⁵. Как выразился М. Макракис, «русские охладили революционный пыл КПГ». Это достигалось с предельной осторожностью, советская сторона избегала раскрывать карты и формулировать официальную политику²⁹⁶.

В считанные дни после прибытия советской миссии позиция ЭАМ/КПГ радикально изменилась. 4 августа греческие коммунисты телеграфировали Папандреу, что они готовы присоединиться к правительству национального единства при условии смены премьер-министра. Англичане же не собирались допускать отставки Папандреу. ЭАМ пошел на уступки и 17 августа отказался от требования устранить Папандреу, а также заявил о вхождении в правительство без всяких условий²⁹⁷.

22 сентября английский посол в Москве А. К. Керр посетил заместителя наркома иностранных дел Вышинского. Британский дипломат сообщил о решении Лондона послать в Грецию британские войска. Керр добавил, что «ещё в мае Иден сообщил Гусеву о принципиальном соглашении между Британским и Советским Правительствами о том, что румынскими делами будет заниматься Советское Правительство, а греческими – Британское Правительство»²⁹⁸. «Поскольку, – говорилось в документе, – Греция являлась и является сферой британских военных операций, Правительство Его Величества предполагает, что Советское Правительство не намеревается посылать войска в Грецию»²⁹⁹. Данные документы подтверждают, что англичане в сентябре считали соглашение действующим и не предполагали, что в ближайшее время его действие закончится. В памятной записке от 23 сентября 1944 г., переданной Вышинским Керру, говорилось, что «Советское Правительство помнит о том, что ещё в мае с. г. в переговорах между г-ном Иденом и Советским Послом Ф. Т. Гусевым было достигнуто принципиальное соглашение между Британским и Советским Правительствами, что Греция является сферой британских военных операций, а Румыния – сферой советских военных операций. Подтверждая это принципиальное соглашение, Советское Правительство заявляет, что оно не имеет возражений против посылки британских вооруженных сил в Грецию, и заявляет также о том, что Советское Правительство не имеет намерения посылать советские войска в Грецию»³⁰⁰. 23 сентября состоялась

встреча английского посла со Сталиным. На информацию посла о том, что «англичане намерены в ближайшее время высадиться в Греции», Сталин заметил, что «уже пора это сделать»³⁰¹.

Соглашение, заключенное в мае 1944 г., получило развитие во время визита Черчилля в Москву в октябре 1944 г. Первая беседа Сталина и Черчилля состоялась в Кремле 9 октября³⁰². Именно на ней, воспользовавшись временным отсутствием американского посла в СССР Гарримана, которого американский президент назначил «наблюдателем» на переговорах, Сталин и Черчилль заключили знаменитое «процентное соглашение».

Черчилль заявил по поводу Греции, что у «британского правительства имеется большая заинтересованность в этой стране. Британское правительство надеется, что Англии будет разрешено иметь решающее право голоса в греческих делах, такое же, как у Советского Союза в Румынии». Сталин ответил согласием с тем, что «Англия должна иметь право решающего голоса в Греции»³⁰³. Обсуждение вопроса по Греции и Румынии заняло совсем немного времени. Точнее, обсуждения не было: Черчилль изложил свои предложения, Сталин их принял. Причина этого проста – данный вопрос уже был ранее согласован сторонами. Торг начался по другим странам, в частности Москва стремилась улучшить свою позицию в Венгрии и Болгарии. Как мы видели, идея распространить договоренность не только на Грецию и Румынию, но и на другие страны, возникла в Лондоне ещё в мае 1944 г.

СССР во время декабрьского кризиса 1944 г. в Греции, когда решалось будущее страны, придерживался соглашения о сферах влияния. Сами англичане впоследствии признавали, что от Советского Союза они не слышали ни одного слова упрека³⁰⁴. В течение нескольких месяцев, вплоть до конца февраля 1945 г., советская пресса избегала критиковать британскую политику в Греции³⁰⁵. 8 декабря Г. Димитров направил высшему руководству СССР информацию из Софии, куда прибыл член Политбюро КПГ П. Руссос. Он просил о вмешательстве и помощи «моральной, оружием и продовольствием» левым силам Греции со стороны СССР, Болгарии и Югославии, а также согласия приехать в Советский Союз и лично проинформировать о ситуации в Греции. Резолюция Молотова была следующей: «т. Сталину. Думаю, что не надо давать ответа по этому вопросу. В. Молотов. 9.12.44 г.»³⁰⁶

Позиция Москвы была доведена до греческих коммунистов. Г. Димитров направил в Болгарию следующую шифрограмму: «Разъясните лично, осторожно и дружески Руссосу, что в нынешней обстановке греческие друзья не могут рассчитывать на активное вмешательство и помощь отсюда. Его приезд сюда также политически нецелесообразен... наша партия не должна ангажироваться непосредственно ничем в отношении развязанной внутренней борьбы в Греции. Будьте чрезвычайно осторожны»³⁰⁷.

Таким образом, уровень вовлеченности Советского Союза в греческие дела в 1941–1944 гг. оставался минимальным. Дипломатические контакты Москвы и греческого эмигрантского правительства носили во многом формальный характер. СССР не обозначал своей позиции по ключевым греческим проблемам, в частности королевскому вопросу. Но одновременно Москва не желала публично поддерживать британскую политику в Греции, сохраняя тем самым потенциал для усиления советских позиций в этой стране. Безусловно, определенную роль играла и недостаточная информированность советских руководителей относительно ситуации в Греции и влиянии Коммунистической партии в стране.

Интерес Москвы к Греции возобновляется в 1944 г., когда Красная Армия приблизилась к предвоенным границам Советского Союза. Кремль не собирался следовать в фарватере британской или американской политики и ориентировался на отстаивание собственных интересов в Юго-Восточной Европе. В апреле 1944 г. Сталин решил воспользоваться восстанием в греческих вооруженных силах, чтобы добиться признания Великобританией советского преобладания в Румынии. Эту цель преследовала развернутая в апреле пропагандистская кампания против британских действий по подавлению греческого мятежа в Египте. Советское руководство пошло на переговоры с Лондоном с целью раздела этого региона на сферы влияния. Греция не входила в советскую сферу интересов, и Москва была готова признать преобладание англичан в этой стране в обмен на соответствующие уступки в Румынии. Англичане же стремились не допустить выхода СССР в Восточное Средиземноморье через Грецию или Турцию. В заключенном 9 октября 1944 г. «процентном соглашении» СССР и Великобритании были намечены контуры геополитического компромисса, который мог стать одной из основ послевоенного европейского порядка.

Выводы по 2.1

В 1941–1944 гг. Балканы заняли важное место в политике Советского Союза и Соединённых Штатов. Ещё на начальном этапе Второй мировой войны Болгария, граничившая с Советским Союзом, являлась предметом соперничества между Москвой и Берлином. Впоследствии Кремль сохранил своё внимание к этому балканскому государству, добиваясь от Софии выхода из войны и подписания перемирия. Официального объявления войны между двумя государствами до сентября 1944 г. не было, поэтому вначале переговорный процесс с болгарскими осуществляли находившиеся в состоянии войны с ними Великобритания и США. Для последних, не имевших до войны особых интересов в Болгарии, формирование позиции по болгарской проблематике было делом новым и актуальным в свете масштабности послевоенных планов.

Изменения в болгарской политике обеих держав выразились в переходе от решения военных задач, в первую очередь вывода Софии из войны на стороне оси, к политическим делам. Через условия Соглашения о перемирии СССР добивался установления своего влияния в Болгарии. Дипломатия США также стремилась использовать перемирие для защиты своих послевоенных интересов в этой стране, рассматривая болгарскую ситуацию в формате общебалканских перспектив. В связи с Болгарией перед союзниками не возникало дилеммы, какой из фракций Сопротивления следует отдать предпочтение, так как в условиях отсутствия оккупации страны движения, конкурентного антифашистскому подполью, возглавляемому БРП(к), не было.

Трансформация военных вопросов в политические прослеживалась также в политике Москвы и Вашингтона на примере югославских и греческих событий 1941–1945 гг. В отличие от германского сателлита Болгарии эти страны были оккупированы. В результате оккупации в них развернулось мощное движение Сопротивления, расколотое на два идеологически враждебных лагеря. Правый подчинялся эмигрантскому правительству, левый ориентировался на Москву. Борьба сил Сопротивления с врагом сочеталась с гражданской войной. Югославские и греческие партизаны, руководимые коммунистами, создавали свои альтернативные органы и выдвигали претензии на политическую власть в стране.

Политика СССР определялась в первую очередь положением дел на советско-германском фронте и успехами партизанского движения в Греции и Югославии. В условиях стратегического отступления Красной Армии Москва поддерживала союзнические отношения с эмигрантскими правительствами и признавала движения любой политической ориентации, вносящие вклад в борьбу с врагом. Начало «коренного перелома» и результативные действия левых сил Сопротивления Кремль воспринял как сигнал для поддержки последних, выступая против эмигрантских кабинетов и их армий на родине. Образ действий советского руководства тем не менее определялся не узкой идеологической направленностью его международной политики, а прагматичными долгосрочными интересами, побуждавшими в греческом и югославском случаях вести себя по-разному. Например, в Греции, удалённой от Советского Союза и жизненно важной для средиземноморских коммуникаций Великобритании, Сталин не стал оказывать коммунистам открытую поддержку после заключения «процентного соглашения» с Черчиллем.

В Югославии и Греции (как и в Болгарии) у Соединённых Штатов не было до войны особых интересов. Первоначально югославская и греческая политика Вашингтона формировалась в русле английской политики. Не имея достоверной информации о реальном положении дел в регионе, американцам приходилось активизировать разведку, оказывать материально-техническую помощь тем организациям, партиям и движениям, которые боролись с врагом, и сохранять официальные отношения только с законными политическими силами, не беря на себя каких-либо политических обязательств. В результате курс Вашингтона эволюционировал от включения в решение балканских дел на правах младшего партнёра Англии к выработке независимой от англичан позиции. В 1944 г. всё более важное место в американских расчётах стал занимать фактор возможного расширения советского влияния после войны.

2.2. Эволюция политики СССР и США на Ближнем и Среднем Востоке в годы Великой Отечественной войны

В своём развитии политика США и СССР в обозначенный период прошла два этапа. На первом (1941–1943 гг.), после вступления США в войну, решалась задача, как не допустить победы стран оси в Восточном Средиземноморье и их прорыва к персидской нефти и к Индии. Американское правительство должно было определиться с конкретным планом ведения войны, разработка которого осложнялась тем, что среди союзников по антигитлеровской коалиции имели место разногласия: «периферийная» стратегия Черчилля сводилась к признанию «единственным важным театром военных действий Средний Восток»³⁰⁸, в то время как Советский Союз был заинтересован в развёртывании союзниками европейского театра военных действий. Соединённые Штаты стояли перед выбором, какому из направлений отдать предпочтение – европейскому или тихоокеанскому. Для американского президента, несомненно, главной задачей был разгром гитлеровской Германии. Рузвельт испытывал сильное давление со стороны британского премьера, подчёркивавшего важное геостратегическое значение Суэцкого канала и нефтяных промыслов Ближнего Востока. Принятие британской стратегии влекло бы за собой затягивание решения вопроса об открытии Второго фронта в Европе и, как следствие, осложнения во взаимоотношениях западных союзников с советским руководством. В связи с этим первоочередное значение для США приобрело решение таких задач, как сохранение нейтралитета Турции, обеспечение персидского коридора поставок СССР по ленд-лизу и установление контроля над Сирией и Ливаном.

Второй этап наступил после ликвидации угрозы завоевания Ближнего Востока со стороны стран оси в 1943 г., после чего регион был включён в сферу национальных интересов Соединённых Штатов. Основное внимание стало уделяться разработке глобальной послевоенной политики Вашингтона на Ближнем и Среднем Востоке. Общие цели американской политики декларировались в соответствии с принципами Атлантической хартии.

Одновременно более интенсивной становится советская политика не только по отношению к Турции и Ирану, но и на Арабском Востоке.

Именно в 1943–1944 гг. обозначились ключевые точки будущих разногласий между союзниками: советские территориальные претензии к Турции и итальянским колониям, проблема Проливов, соперничество в Иране, палестинский и нефтяной вопросы.

2.2.1. Проблема вступления Турции в войну

В 1941–1944 гг. союзническая дипломатия активизировала свои действия в ряде нейтральных стран, расположенных вблизи основных театров военных действий. Особое внимание уделялось Турции. Благодаря своему географическому положению эта страна не только контролировала Дарданеллы, но также служила естественными воротами на пути из Европы на Ближний Восток и далее в Южную Азию и Закавказье, а также обеспечивала подступы к зоне Суэцкого канала. Залежи стратегического сырья, особенно хрома, усиливали её значимость для союзников. Однако летом 1941 г. британские военные не считали целесообразным немедленное вступление Турции в войну, поскольку, ввиду крайнего напряжения всех сил и ресурсов, Великобритания в тот момент не смогла бы выполнить в отношении её свои обязательства³⁰⁹. Падение Греции и утверждение к концу июня 1941 г. контроля Германии и её союзников над Балканами на время заставило Лондон согласиться с желанием Анкары оставаться нейтральной.

При этом в полной мере осознавалась важность Турции как потенциального союзника в регионе. Для того, чтобы ресурсы этого государства могли быть задействованы в войне против Германии и Италии, требовалось решить две взаимосвязанные задачи: не допустить, чтобы здесь возобладали прогерманские настроения, в тот момент реально способствовавшие угрозе присоединения Анкары к оси; и создать необходимые условия для вовлечения этой страны в состав антигитлеровской коалиции с перспективой вступления в войну, если этого будет требовать стратегическая обстановка.

США проявляли незначительный интерес к этим событиям. В первые месяцы войны американская дипломатия сосредоточилась на помощи Великобритании. Ни Государственный департамент, ни президент не проявляли большого интереса к Восточному Средиземноморью. Рузвельт надеялся, что Турция будет сопротивляться давлению Германии,

и полагал, что её сотрудничество с врагом будет с негодованием воспринято американским общественным мнением³¹⁰. Чтобы морально поддержать Турцию, президент 3 декабря 1941 г. объявил, что защита этой страны жизненно важна для американской безопасности, и распространил на неё действие закона о ленд-лизе³¹¹.

Нападение Германии на Советский Союз привело к созданию альянса между СССР и Великобританией. 29 июня 1941 г. В. Молотов проинформировал специального представителя президента Рузвельта в Великобритании и СССР А. Гарримана о том, что получил через британского посла в Москве предложение английского правительства, которое считает, что турецкому правительству следует заявить о намерении разорвать экономические и дипломатические отношения с Германией. Принятие этого предложения было бы, по мнению английского правительства, первым шагом в направлении создания необходимых условий для вступления Турции в войну против Германии. При этом Молотов подчеркнул, что советская сторона ещё изучает это предложение. В свою очередь Гарриман отметил, что «американскому послу в Анкаре дано указание присоединиться к тому решению, которое будет принято английским и советским послами, и поддержать их обращение к турецкому правительству»³¹².

Существенным испытанием для турецкой дипломатии стали события 25 августа 1941 г. В этот день советские войска с севера, а британские с юга вошли на территорию Ирана. Москва, незадолго до ввода войск в Иран, 10 августа 1941 г. выступила с заявлением, в котором дала понять правительству Турции, что не имеет никаких притязаний на Проливы, уважает принципы территориальной неприкосновенности, понимает желание Турции не быть вовлеченной в войну, готова прийти ей на помощь, если она подвергнется нападению со стороны какой-либо европейской державы³¹³. Это заявление было направлено на нейтрализацию германской пропаганды. Для Советского Союза в это время также было важно, чтобы Турция продолжала придерживаться нейтралитета. В этом случае южный фланг советско-германского фронта был бы прикрыт от Германии. Вместе с тем предотвращалось продвижение войск вермахта на Средний Восток через Турцию.

В свою очередь Черчилль писал Рузвельту 1 сентября 1941 г. о том, что «ввод войск в Иран поднимет боевой дух турок и заставит их твёрдо стоять щитом на пути немецких войск в Сирию и Палестину».

Премьер-министр полагал, что ввод войск преследует две цели – оказать материальную поддержку СССР поставками военных грузов и укрепить моральный дух турок³¹⁴.

Для того чтобы успокоить турецкое руководство, правительство Великобритании обратилось к правительству США с просьбой довести до сведения Анкары, что США полностью поддерживают действия Великобритании и СССР в Иране. Однако Вашингтон без большого энтузиазма откликнулся на это предложение. Прежде чем выступить с заявлением о поддержке действий СССР и Великобритании, Хэлл добился от правительств этих стран гарантий территориальной целостности Ирана.

В силу особенностей расстановки сил внутри оформлявшейся антигитлеровской коалиции инициатива в вопросах большой стратегии относительно Восточного Средиземноморья принадлежала Лондону.

С первых дней 1942 г. британцы всё настойчивее требовали от Турции оказать военную поддержку. Италия была истощена, Германия столкнулась с ожесточенным сопротивлением Красной Армии, и военная активность еще одного крупного государства приобретала огромное значение. Турция могла бы укрепить фланг союзников против внезапной атаки, а также угрожать неожиданным ударом по силам стран оси вдоль турецко-болгарской границы. Близость турецких портов и аэродромов положительным образом сказалась бы на военных поставках и позволила бы авиации союзников активнее действовать в этом регионе.

В сложившейся ситуации турецкое правительство придерживалось строгого нейтралитета, заявив как Германии, так и её противникам, что такая политика отвечает национальным интересам. К началу 1942 г., когда инициатива на фронтах стала ускользать из рук Германии, отношение Турции к союзникам несколько смягчилась, но его сущность осталась прежней. Давая оценку внешней политике своей страны, турецкий журналист Ф. Р. Атай в газете «Улус» от 3 января 1942 г. писал: «Мы не можем сказать уверенно, что наш народ, который на протяжении многих столетий никогда не рассчитывал на то, что следующее поколение будет жить в мире, сможет благополучно пережить эту войну. Но таково наше желание. Нам не нужна чужая земля, и только силой оружия можно заставить нас воевать. Война превратила такие страны, как наша, в осаждённые крепости. Но мы не поступимся нашей честью, нашей свободой, не отдадим ни пяди нашей земли, нашего права на мирную жизнь»³¹⁵.

На англо-советских переговорах в Москве в середине декабря 1941 г. Сталин заявил министру иностранных дел Великобритании Идену, что за соблюдение нейтралитета Турцию надо вознаградить за счёт территорий, которые будут отторгнуты от Болгарии после победы. Идея Сталина премировать Турцию была рассчитана на то, что её услышат руководители этой страны, и вытекала из необходимости сделать её нейтралитет ещё более прочным³¹⁶. Иден отказался обсуждать эти вопросы, так как ему было хорошо известно о том, что ещё накануне его визита в Москву Рузвельт прислал Черчиллю послание, в котором просил британское правительство не принимать на себя никаких секретных обязательств о послевоенной реконструкции Европы без предварительной консультации с ним³¹⁷.

Визит Идена в Москву вызвал обеспокоенность в турецком правительстве. В Анкаре опасались, что Англия и СССР решают судьбу страны у них за спиной и что предложения Сталина повлекут за собой дополнительные требования Москвы, в том числе и связанные с Проливами. Чтобы успокоить турок, Иден 8 января 1942 г., выступая в Палате общин, заявил, «что и Англия и СССР рассматривают Турцию как дружественную страну, и что он рад сообщить турецкому правительству, что ни Советский Союз, ни Великобритания не нарушат территориальную целостность Турции».³¹⁸ С другой стороны, Молотов поручил послу СССР в Турции С. Виноградову встретиться с Сараджоглу и заверить турецкого премьера в том, что СССР намерен и впредь поддерживать с Турцией дружеские отношения³¹⁹.

Это заявление было с облегчением воспринято руководством Турции, но оно не принесло полного успокоения. Посол Германии в Турции Франц фон Папен в своих воспоминаниях писал о том, что желание Великобритании установить «новый порядок» в Европе с помощью Советского Союза, сильно беспокоило турецких официальных лиц, которые не хотели уничтожения Германией Британской империи, но им также не доставляло удовольствия наблюдать тесное сотрудничество Великобритании и Советского Союза³²⁰. По его мнению, в сложившейся ситуации для турок идеальной была бы такая политика, которая позволила бы им сохранить дружественные отношения как с Германией, так и с её противниками. И действительно, поиск решения этой проблемы стал стержнем внешней политики Анкары на протяжении всего 1942 г. Подтверждением этому может служить беседа министра иностранных

дел Турции Н. Менеменджиоглу с фон Папеном, во время которой министр сказал следующее: «Мы не хотели бы видеть победителями в этой войне ни Германию, ни Англию, потому что для нас очень важно существование стабильности в Центральной Европе»³²¹.

Демонстрация желания во что бы то ни стало избежать участия в войне была преобладающей тенденцией газетных публикаций в Турции в течение всего 1942 г. Трагическое положение Греции использовалось как наглядный пример того, что может сделать война. Журналист газеты «Джумхурийет» Юнус Нади, побывавший на Пелопоннесе, 10 января 1942 г. писал: «Мы являемся свидетелями трагедии Греции, которая произошла из-за того, что великие державы нашего мира сделали её местом, где они с помощью силы решают свои проблемы. Героически защищаясь против превосходящих сил противника, эта страна была захвачена из-за того, что ей не была в достаточном количестве оказана помощь»³²².

Этот пассаж, скорее всего, был рассчитан на то, что в Великобритании поймут, что помощь, которую она оказывала Греции, была явно недостаточной и что то же самое может случиться и с Турцией, если она вовремя не получит необходимой поддержки.

Возникает вопрос, почему именно в это время в турецкой прессе появилась статья, в которой в скрытой форме высказывалась просьба к Англии немедленно приступить к переброске в Турцию военных грузов? На наш взгляд, такое совпадение можно объяснить тем, что США и Великобритания уже осуществляли поставки вооружения и стратегических материалов в СССР, а наступление немецких войск на Восточном фронте в тот момент проходило не так быстро, как ожидалось, поэтому в Турции начали всерьёз опасаться возрастающей мощи Советского Союза.

Необходимо отметить, что турки всегда опасались своего северного соседа. Об их отношении к СССР не раз сообщалось в Госдепартамент через представителей в Анкаре, а также через агентов Управления стратегических служб США³²³. В информации американского посла Л. Штейнгардта для президента Рузвельта и Госдепартамента выделялись темы, которые, по его мнению, прежде всего волновали турецкое руководство. Так, во время беседы посла 11 марта 1942 г. с президентом Инёню последний выразил глубокую озабоченность тем, что если СССР победит или ослабит Германию, то это может привести к утверждению советско-

го доминирования на всей территории Европы и Среднего Востока. Посол отметил озабоченность президента тем, что Советский Союз может взять под свой контроль Дарданеллы. Инёню выразил сомнение в том, что США и Великобритания смогут противостоять СССР в случае разгрома Германии и упрекнул Вашингтон и Лондон в нежелании увеличить военные поставки. Он отметил, что, хотя Турция была верна своему союзу с Великобританией, за два года ей, вопреки обещаниям, было передано лишь небольшое количество оборудования, и выразил недовольство недостаточным объемом поставок по ленд-лизу³²⁴.

В завершение беседы президент отметил, что нейтральная Турция, союзная Великобритании, могла бы быть мощным барьером Объединённых Наций на Ближнем и Среднем Востоке, что принесло бы больше пользы, чем если бы она была воюющей стороной. Он добавил, что для сохранения статуса нейтральной страны надо иметь хорошо вооружённую армию, которая сможет отразить любое нападение, а её невозможно создать при нерегулярности поставок³²⁵.

Тот же Штейнгардт 24 апреля 1942 г. сообщал помощнику американского президента Гопкинсу: «Турки опасаются Германии и надеются на победу англо-американцев, но в то же время они не доверяют Советскому Союзу и выражают сомнение, что Великобритания и США смогут удержать Россию от захвата Проливов. Невозможно предсказать будущее, но я надеюсь, что и у турок, и у русских хватит благоразумия в дальнейшем не довести дело до конфликта»³²⁶.

Турецкое правительство неоднократно ставило в известность англичан, что оно ожидает нападения весной 1942 г. В Лондоне знали, что правительство Турции планирует и впредь сохранять нейтралитет, чтобы сберечь силы для отражения возможной советской или германской агрессии. Х. Нэтчбулл-Хьюджессен по этому поводу писал о том, что слухи о скором присоединении Анкары к странам оси, распускаемые немцами, не соответствуют действительности: «Нет никаких признаков изменения турецкой внешней политики, которая до настоящего времени была виртуозной, и в основе которой лежал англо-турецкий договор и пакт о ненападении с Германией; основная цель турецкой внешней политики – не дать втянуть себя в войну, при отсутствии непосредственной угрозы прямого нападения с той или иной стороны»³²⁷.

Что же касается позиции США по вопросу вступления Турции в войну, то военные советники Рузвельта были настроены скептически.

Для того, чтобы понять, какое место в стратегическом планировании Вашингтона занимала «турецкая проблема» в этот период, следует прежде всего представлять в целом американские планы по поводу ведения военной компании против Германии. Предложения по Второму фронту, разработанные начальником штаба армии США генералом Джорджем К. Маршаллом и его подчиненными в начале 1942 г., преследовали три главные цели: предотвратить опасное распыление союзных войск по всему миру путем концентрации их для проведения одной стратегически важной операции; предоставить Красной Армии, ведущей тяжелые оборонительные бои, немедленную помощь путем создания нового фронта, отвлекающего немецкие войска с Восточного фронта; действуя согласованно с Красной Армией, осуществляющей операций на востоке, уничтожить сухопутные силы Германии, навязав им войну на два фронта. Из этих трех задач вытекали три части американского плана.

«Болеро» – немедленная концентрация британских и американских войск в Англии для операции по форсированию Ла-Манша, предотвращающая распыление сил. «Следжхэммер» – план, рассчитанный на непредвиденные обстоятельства и предусматривавший ограниченную операцию, осуществляемую в 1942 г. теми силами, которые имеются в этот момент, в случае, если Россия окажется на грани поражения, т. е. операцию, направленную на отвлечение немецких войск с Восточного фронта и создание плацдарма для действий в 1943 г. «Раундап» – план массированного наступления силами 48 дивизий весной 1943 г. Он являлся бы главной операцией, вынуждающей Германию вести обреченную на поражение войну на два фронта³²⁸. Как видно из этих планов, ни о каком участии Турции в войне на стороне союзников не было и речи.

Поэтому, несмотря на призывы Черчилля, считавшего, что американцы должны поддержать англичан в их намерениях оказать давление на турок и заставить их вступить в войну,³²⁹ начальники штабов армии США, полагая, что западноевропейский театр военных действий будет иметь решающее значение, выступали против любых второстепенных действий, которые отвлекали бы внимание от вторжения в Европу и которые к тому же требовали значительных ресурсов, прежде всего, в виде живой силы и вооружения.

В июне 1942 г. генерал Маршалл предупреждал Рузвельта о недопустимости переброски сил на Средний Восток. Военный министр Ген-

ри Стимсон также подтвердил рискованность такой операции. Напоминая, что крайне неудачная Британская кампания в Дарданеллах во время Первой мировой войны была результатом необдуманного планирования, он утверждал, что энтузиазм Черчилля по поводу Балкан будет повторением той же истории. Стимсон также подозревал, что интерес Великобритании к Восточному Средиземноморью разоблачает политику долгосрочных британских имперских интересов на Ближнем Востоке и в Азии³³⁰. По-видимому, Рузвельт в таких второстепенных, на его взгляд, вопросах большой стратегии, каким в то время для него был вопрос об участии Турции в войне, полагался на мнение своих советников. Поэтому он ограничился только предложением Черчиллю, чтобы английский военный кабинет и Объединённый кабинет начальников штабов армии США при планировании десантных операций в Италии рассмотрели вопрос о возможном участии турецких войск в наступлении на южный фланг германских армий на Балканском полуострове и в Греции³³¹.

В конце 1942 — начале 1943 гг. произошли два события, которые дали понять, что Германии не победить в войне: разгром войск Роммеля в Северной Африке и окружение армии Паулюса под Сталинградом. Давление Великобритании на Турцию возросло³³². В середине ноября 1942 г. в письме Рузвельту Черчилль изложил свои планы. По мнению английского премьера, Турцию следовало принудить объявить войну Германии не позднее мая 1943 г., так как теперь более чем когда-либо, от неё могли зависеть сроки окончания войны³³³.

В то же время Черчилль в беседе с послом Вайнантом, генералом У. Смитом и министром иностранных дел Иденом заявил, что он возвращается к идее вовлечения Турции в войну, и хотел бы, чтобы Гопкинс, генерал Маршалл и адмирал Э. Кинг, прибыли в Лондон для дальнейшего обсуждения планов³³⁴. 24 ноября Черчилль с согласия Рузвельта направил главе Советского правительства послание, в котором просил одобрить следующую программу действий в отношении Турции: присоединить США к англо-советской гарантии территориальной целостности и статуса Турции; продолжить сооружение аэродромов и расширить поставки танков, противотанковых и зенитных орудий, в том числе по ленд-лизу из США; направить в Турцию крупную англо-американскую военную миссию³³⁵. В ответном послании Сталин в общей форме выразил согласие с предложениями Черчилля, но недвусмысленно

190

ленно возразил против подмены открытия Второго фронта в 1943 г. действиями в Восточном Средиземноморье и Турции³³⁶.

31 декабря 1942 г. военный кабинет Великобритании одобрил документ под названием «Американо-британская стратегия в 1943 г.» и направил его в Вашингтон как основу для дискуссии на предстоявшей встрече Рузвельта и Черчилля в Касабланке³³⁷.

Следует отметить, что вопрос о вступлении Турции в войну накануне встречи в Касабланке по-прежнему не являлся приоритетным как для Рузвельта, так и для его советников, так как они отдавали себе отчёт в том, что дальнейшее развитие операций союзников в Северной Африке делает невозможной высадку войск во Франции в 1943 г.³³⁸ В качестве доказательства этого вывода может служить беседа президента с его генералами 7 января 1943 г. Среди тем, которые обсуждались на этом совещании, наибольшее внимание было уделено вопросам, касающимся дальнейших действий союзников в Северной Африке, планированию десантных операций в Сицилии, Сардинии, и на Тихом океане. Зашел разговор и о возможном вступлении Турции в войну. Генерал Маршалл заметил, что начальники штабов армии США полагают, что союзникам в первую очередь следует сосредоточить свои усилия по подготовке высадки войск во Франции и что любые активные действия в восточном Средиземноморье будут служить препятствием для выполнения этой задачи. Вступление Турции в войну в настоящий момент потребует от союзников большого количества десантных судов для переброски войск, которых в настоящее время у англо-американцев нет. По словам Рузвельта, в Госдепартаменте также считали, что в тот момент добиваться от Турции вступления в войну не имело смысла, по крайней мере, до тех пор, пока США не соберут достаточно сил к востоку от турецкой границы, чтобы усилить Турцию на случай ее вступления в войну³³⁹. Важно отметить, что союзные войска предполагалось сосредоточить вблизи восточных границ Турции; для этой цели вполне могли быть использованы американские части в зоне Персидского залива, тогда как дислоцирование войск США поблизости от западных границ Турции было практически невозможно. Таким образом, в январе 1943 г. у руководства США приоритетными задачами являлись наращивание сил для высадки во Франции, планирование наступательных операций на Тихом океане и увеличение помощи СССР. Вступление же Турции в войну могло отсрочить начало вторжения, а

также привести к срыву графика поставок в СССР. Кроме того, явное нежелание Анкары принимать участие в боевых действиях способствовало стабилизации военной обстановки, делало её более предсказуемой. Исходя из этого, Государственный департамент, президент Рузвельт и Комитет начальников штабов армии США полагали, что вопрос о вступлении Турции в войну следует отложить на неопределённый срок³⁴⁰. Рузвельт вообще был склонен отдать инициативу в этом вопросе в руки англичан³⁴¹.

У Черчилля имелся свой план. Он считал, что для успешной высадки союзных войск в Северной Франции необходимо, чтобы США продолжили посылать в Англию оружие и оборудование для превращения Британских островов в крепость. Но залогом успеха, по его мнению, была организация военной кампании союзников в Средиземноморье, предназначенной для того, чтобы вывести из войны Италию, после чего войскам союзников был бы открыт путь в сердце Германии. Для выполнения этой задачи необходимо было создать условия для вступления Турции в войну, так как это обеспечило бы свободу маневров в Средиземноморье и повысило бы надёжность правого фланга армий союзников. Черчилль настолько был увлечён этой идеей, что специально проинструктировал членов делегации в частных беседах всячески подталкивать американских коллег в пользу принятия этого решения, делая это аккуратно, чтобы не раздражать их³⁴².

Во время конференции, которая проходила в Касабланке с 14 по 24 января 1943 г., на совещаниях английских и американских генералов возникли разногласия по вопросу о сроках вступления Турции в войну. Во время заседания Объединённого комитета начальников штабов (ОКНШ) 14 января генерал Маршалл заявил, что настал благоприятный момент для нанесения мощных ударов по Германии и Японии. Однако начальник Имперского генерального штаба генерал А. Брук возразил, что наряду с планированием высадки войск союзников во Франции и действий на Тихом океане, нельзя забывать и об операциях в Средиземном море. По мнению Брука, успех действий союзников в этом регионе во многом будет зависеть от того, вступит Турция в войну или нет. «В настоящий момент, – сказал генерал, – турецкое правительство заняло выжидательную позицию, и задача союзников состоит в том, чтобы подтолкнуть их в правильном направлении. А для этого необходимо оказать Турции помощь оружием, чтобы турки могли

на равных сражаться с немцами»³⁴³. Тогда Маршалл вновь повторил, что, по мнению американской стороны, основной задачей союзников является разработка военных операций на Тихом океане и высадка во Франции. Что же касается операций в Восточном Средиземноморье и вступления Турции в войну, то это могло потребовать привлечения дополнительных сил и средств в регион, которых у союзников не было³⁴⁴. Тем самым Маршалл недвусмысленно дал понять, что американская делегация не намерена обсуждать второстепенные вопросы. На следующий день, во время совещания Рузвельта с военными советниками, Маршалл доложил президенту о намерении англичан заставить Турцию вступить в войну, на что Рузвельт заметил, что этот вопрос должен решаться дипломатическими средствами. Кроме того, для принятия решения о том, следует ли США поддержать Великобританию, ему необходимо точно знать, какого рода помощь, по мнению англичан, союзники смогут предложить для того, чтобы Турция объявила войну Германии. Президент особо подчеркнул, что не хотел бы давать обещания, которые он потом не сможет выполнить³⁴⁵. Очевидно, президент по-прежнему собирался игнорировать желание англичан добиться вступления Турции в войну. Поэтому во время очередного заседания Объединённого комитета начальников штабов, которое проходило при участии первых лиц, ответом на настойчивые предложения Черчилля и Брука разместить на территории Турции несколько эскадрилий бомбардировщиков для нанесения ударов по нефтяным промыслам Румынии было красноречивое молчание Рузвельта и Эйзенхауэра³⁴⁶.

Но, поскольку Черчилль продолжал настаивать на вовлечении Турции в войну, Рузвельт и его советники были вынуждены сформулировать окончательную точку зрения по этому вопросу. На очередном совещании с Объединённым комитетом начальников штабов он вновь повторил, что «турецкий вопрос» должен быть решен дипломатическими средствами. Президент поинтересовался у генералов, возможен ли такой вариант развития событий, при котором Турция, оставаясь нейтральной страной, разрешит транзит через свою территорию грузов, предназначенных для СССР?³⁴⁷ По мнению британского адмирала Сомервилла, такой вариант был возможен³⁴⁸. По итогам этого совещания Объединённый комитет начальников штабов армии США окончательно доработал свою позицию. Документ, представленный Объединённым комитетом («Основная концепция стратегии на 1943 год») для обсужде-

ния с английскими коллегами, предполагал сохранение Турцией нейтралитета и её поддержку поставками оборудования и вооружений в масштабах, достаточных для сохранения независимости и территориальной целостности. Американские генералы полагали, что в настоящее время Анкаре следует сохранить нейтральный статус до тех пор, пока с помощью поставок союзников турецкая армия не усилится настолько, что сможет обеспечить безопасность собственной страны, что в свою очередь сделает возможным использование турецкой территории для нужд союзников. В случае выполнения этого условия американские военные не возражали против размещения на Черноморском побережье Турции бомбардировочной авиации для поддержки Красной Армии и нанесения ударов по коммуникациям немцев на Балканах. Американские генералы выступали против любых других военных операций с участием Турции, включая и активную роль турецкой армии на Балканах³⁴⁹. Таким образом, американцы ясно давали понять, что они считают нецелесообразным вступление Турции в войну и что они рассматривают её как периферию по отношению к основным театрам военных действий и в связи с этим не собираются поддерживать англичан в их просьбе³⁵⁰.

В разработанной английскими военными «Концепции американо-британских действий в 1943 году», напротив, утверждалось, что сил союзников, переброшенных в Средиземноморский регион в течение 1943 г., будет вполне достаточно. Главная цель на этот год заключалась в том, чтобы побудить турецких лидеров принять решение о вступлении в войну. Главным фактором, который должен был обеспечить достижение этой цели, по мнению англичан, был страх, что страна окажется в невыгодном положении по сравнению с СССР. Эту боязнь следовало использовать, чтобы убедить Анкару присоединиться к союзникам. На худой конец, по мысли английских генералов, можно было надавить на Турцию, пригрозив поддержать требование СССР о неограниченном использовании Проливов³⁵¹.

В результате стороны в своём итоговом документе согласились на компромисс, постановив, что «основная задача на 1943 г. будет заключаться в создании ситуации, которая позволит со временем привлечь Турцию на сторону союзников»³⁵².

Любопытно, что после этого Черчилль, исходя из собственного понимания стратегии, стал прогнозировать политику Турции в случае её присоединения к антигитлеровской коалиции. Анкара, по его мне-

нию, могла бы объявить о вступлении в войну, открыв Проливы для караванов союзников с грузами для СССР, и тогда советские руководители смогли бы убедиться в её дружественном настрое.

После переговоров в Касабланке англичане стали заявлять о своём привилегированном положении в Турции, утверждая, что по результатам переговоров между президентом и премьер-министром английской стороне был дан «карт-бланш» в проведении политики в этой стране от имени англо-американцев.

Американцы резко возражали против подобной интерпретации, утверждая, что англичанам всего лишь было предоставлено право самостоятельного принятия решений по вопросам, связанным с поставками оборудования и вооружения для Турции³⁵³. Изучение этого спорного вопроса представляется весьма важным для понимания того, какую роль отводили себе и своим союзникам американцы на Ближнем и Среднем Востоке.

Ещё 18 января в Касабланке на совещании Рузвельта и Черчилля с Объединённым комитетом начальников штабов британский премьер предложил предоставить англичанам право вести все дела с Турцией в военное время от имени союзников, «поскольку большинство войск, которые могут быть выделены ей в помощь, будут английскими», и добавил, «что в таком распределении ответственности не будет ничего необычного, поскольку точно так же США в настоящее время играют ведущую роль в китайских делах»³⁵⁴. При обсуждении этого вопроса Рузвельт в принципе не возражал против того, чтобы позволить Великобритании «разыграть турецкую карту».

Британские претензии на главенство в Турции основывались на единственном обмене мнениями между Рузвельтом и Черчиллем. Черчилль тогда говорил о военном положении, в особенности подчёркивая, что большинство войск, направленных на поддержку Турции, будут британскими. Ответ Рузвельта также был сформулирован, исходя из военных соображений. С другой стороны, Черчилль проводил аналогию с Китаем, где существовала договорённость о том, что США совмещали как политическое, так и военное руководство операциями, проводимыми союзниками.

Для прояснения этого спорного вопроса государственный секретарь Хэлл направил для консультаций руководителя ближневосточного отдела Мюррея к начальнику штаба президента адмиралу У. Леги. Мюррей

попросил ознакомить его с записью беседы между президентом и премьер-министром в Касабланке. В документе, предоставленном адмиралом, фиксировалось согласие партнеров на то, что «Турция расположена в сфере британской ответственности и все дела, связанные с ней, должны проходить через Великобританию таким же образом, как все дела, связанные с Китаем, осуществляются через США»³⁵⁵.

Но тут же говорилось, что определение объема и подготовка заявок на военное снаряжение для Турции должны находиться «под общим контролем Объединенного комитета начальников штабов» и что все эти заявки будут представляться в оба комитета по распределению поставок – в Лондон и Вашингтон³⁵⁶.

Для уточнения возникших разногласий Мюррей встретился с заместителем помощника министра иностранных дел Великобритании У. Стэнгом, в ходе беседы с которым он заявил, что Турцию следует рассматривать как страну, входящую в сферу британской военной ответственности, однако это не означает, что американское правительство признаёт какие-либо исключительные экономические и политические права Великобритании. Решение, по которому доставка грузов для Турции осуществляется через Великобританию, касается только поставок по ленд-лизу³⁵⁷. Во время последующего обмена мнениями между дипломатами английская сторона согласилась с американской точкой зрения и, таким образом, Лондону пришлось ограничить свои права только военной сферой. В результате американцам удалось не допустить полного контроля англичан над реализацией союзной политики в отношении Турции.

Тем не менее английский премьер решил довести до конца свою давнюю мечту – заставить Турцию вступить в войну. По мысли Черчилля, залогом успеха планов союзников в Средиземноморье являлось неременное участие в боевых действиях турецкой армии. Ещё накануне встречи в Касабланке Черчилль писал Сталину, что сообщил Рузвельту «некоторые предварительные соображения относительно Турции» и обнаружил, что президент «пришёл к почти аналогичным выводам»³⁵⁸. По мнению английского премьера, союзникам предстояло «сделать новое энергичное усилие, чтобы заставить Турцию вступить весной в войну» на стороне антигитлеровской коалиции³⁵⁹. Однако остальные члены британского Военного кабинета скептически относились к этой идее. Иден напомнил Черчиллю, что «опыт общения с турками в

1941 г. показал, что турецкие лидеры с лёгкостью раздают обещания и с такой же лёгкостью забывают о них»³⁶⁰. Министр советовал премьеру не начинать переговоры, которые с большой долей вероятности закончатся провалом. Однако Черчилль был неумолим.

Следует иметь в виду, что Турция в 1942–1943 гг. находилась перед лицом деликатных и тонких военных и политических проблем. В Анкаре с подозрением относились к планам союзников в отношении Турции, кроме того, там опасались намерений СССР относительно Дарданелл и Балкан. Турки не хотели предпринимать никаких действий, которые поставили бы под угрозу их контроль над Проливами, и не желали попасть в сферу военного и политического влияния СССР, если он выйдет победителем из войны. Внутренние политические соображения также оказывали воздействие на турецкую дипломатию. В стране существовало «пантюкистское»³⁶¹ движение, которое выступало за объединение под эгидой Турции всех тюркских народов и пропагандировало расистские и фашистские взгляды. Германия поддерживала эту организацию, в рядах которой были студенты, интеллектуалы, армейские офицеры и даже кое-кто из правительства³⁶².

Экономическая ситуация в стране также вызывала тревогу турецкого правительства. В течение 1930-х гг. на долю Германии приходилось пятьдесят процентов турецкого экспорта, а экономика Турции находилась в большой зависимости от поставок немецких машин и оборудования. Сотрудничество между двумя странами продолжалось и в годы войны. В соответствии с договорами, заключёнными в октябре 1941 г. и апреле 1943 г., Германия получала от Турции стратегически важное сырьё – хром и сурьму – в обмен на товары промышленного производства. Без гарантий поставок от союзников Турция не решалась разорвать отношения с Германией³⁶³.

Однако главным фактором турецкой нерешительности являлась слабая военная подготовка армии. Турция не имела необходимых средств для ведения боевых действий. Армия испытывала недостаток в современном вооружении, а системы противовоздушной обороны не было вовсе; военно-воздушные силы государств оси с лёгкостью могли превратить турецкие города в руины. Поэтому Анкара опасалась предпринимать действия, которые могли быть расценены Германией как враждебные³⁶⁴.

Уже после войны президент Инёню говорил, что он согласился на встречу с Черчиллем для того, чтобы решить две основные задачи:

предупредить премьера о послевоенных намерениях русских и добиться от англичан увеличения поставок оружия и других военных материалов³⁶⁵. Несмотря на то что Инёню по-прежнему опасался, что Германия нападёт на Турцию, его больше беспокоила угроза советского вторжения, в связи с чем его волновал вопрос – что по этому поводу думает английский премьер³⁶⁶. Точно такие же настроения были и у других членов турецкой делегации. Министр иностранных дел Сараджоглу, вспоминая о своих переговорах с Молотовым в 1939 г., намеревался употребить всё своё красноречие для того, чтобы убедить Черчилля в реальности угрозы для Турции со стороны СССР. Перед отъездом на конференцию Сараджоглу дал интервью турецким газетам. На вопрос, понимает ли Черчилль, что Россия после войны будет действовать как империалистическая держава и что в таком случае делать Турции? – министр ответил, что Турции следует быть очень осторожной. На вопрос, можно ли с уверенностью говорить о том, что победа союзников гарантирует Турции независимость и территориальную целостность, Сараджоглу сказал, что для этого нужно нечто большее, чем создание международной организации по безопасности. Если Германия будет уничтожена, то вся Европа будет полна славян и коммунистов, заявил турецкий министр иностранных дел³⁶⁷. Один из чиновников турецкого МИДа в беседе с фон Папеном, выразился ещё более откровенно: «Когда-нибудь США и Великобритания еще будут благодарить Германию за то, что она пожертвовала своей молодежью для защиты Европы от большевистской угрозы»³⁶⁸. На наш взгляд, подобные настроения, имевшие место у турецких руководителей, легко объяснимы. Во-первых, из опыта общения турецких дипломатов с английскими коллегами во время войны у турок сложилось впечатление, что на Лондон оказывает давление Москва. Они полагали, что англичан подталкивают русские, которые хотят, чтобы Турция вступила в войну неподготовленной. В результате измотанная в боях с немцами турецкая армия не сможет оказать сопротивление Красной Армии, когда Сталин решит включить Турцию в советскую сферу влияния. Во-вторых, трагическая судьба Польши в 1939 г. служила турецким лидерам наглядным примером того, как могут поступить с их страной крупные державы, договорившись у них за спиной. Они опасались, что Великобритания согласится на включение Турции в советскую сферу влияния после войны, в качестве компенсации за потери, понесённые СССР в войне против Германии.

В Вашингтоне, хотя и предоставили Великобритании право играть ведущую роль в организации этой встречи, не хотели оставаться в стороне. Президент Рузвельт направил главе Турецкой республики послание, в котором убеждал его встретиться с Черчиллем. В ответном письме, датированном 26 января 1943 г., Инёню выразил удовлетворение тем, что Рузвельт поддерживает идею проведения такой встречи³⁶⁹. Вполне возможно, что послание американского президента стало наиболее весомым аргументом, склонившим Инёню пойти на переговоры³⁷⁰. Хэлл в своих мемуарах пишет о том, что он получил от Штейнгардта записку, в которой тот утверждал, что на Инёню произвело сильное впечатление личное письмо Рузвельта и он решил последовать совету президента и встретиться с Черчиллем³⁷¹.

Премьер-министр Великобритании прибыл в Адану 30 января 1943 г. Как точно подмечено Кунихолмом: «Черчилль, возможно опираясь на свой опыт в проведении Галлиполийской кампании в Первую мировую, считал себя экспертом в турецкой политике и думал, что хорошо разбирается в психологии турок, и собирался использовать свои знания во время встречи с Инёню»³⁷². Выслушав опасения Инёню и Сараджоглу, что англичане собираются оставить Турцию один на один с СССР, он поспешил заверить своих собеседников в обратном. «Я виделся с Молотовым и Сталиным и вынес впечатление, что оба они хотят мирных и дружественных отношений с Соединённым Королевством и Соединёнными Штатами. Будет создана международная организация для обеспечения мира и безопасности», – сказал Черчилль. «Если бы Россия без всякой причины напала бы на Турцию, то вся международная организация выступила бы в защиту Турции. Я не буду другом России, если она станет подражать Германии. Если она поступит таким образом, то мы должны будем организовать самое тесное объединение против неё, и я не поколеблюсь заявить об этом Сталину»³⁷³. Черчилль подчеркнул, что на этих переговорах он выступает как представитель Большой тройки, что его встреча с президентом Турции поддержана Рузвельтом и Сталиным. Победа русских под Сталинградом является поворотным пунктом в борьбе против Германии. В конце своей речи он сказал: «Я знаю, что Сталин, как и я, хочет видеть Турцию хорошо вооружённой и готовой в любой момент защитить себя от любого агрессора»³⁷⁴. Но подобные слова не смогли избавить турок от подозрений в отношении СССР.

Черчилль прибыл в Адану с твёрдым намерением заставить Турцию вступить в войну. Он говорил, что, несмотря на успехи союзников, ситуация может сложиться таким образом, что Германия этим летом всё-таки нападёт на Турцию, чтобы получить доступ к богатым нефтью и другими полезными ископаемыми регионам Ближнего Востока. Для Турции наступил благоприятный момент, чтобы вступить в войну и ускорить разгром нацизма. По словам Черчилля, он прекрасно знал, что Турции необходимо для того, чтобы решиться на этот шаг, – танки и современное оружие, а также инструкторы, которые могли бы научить пользоваться им: «Меня особенно беспокоит, то, что плохо вооружённая турецкая армия не в состоянии вести боевые действия, так как она не располагает современным вооружением, без которого невозможно достичь победы на поле боя». «Мы, британцы, были в таком же положении в начале войны, но нам помогли американцы. Они научили нас, как пользоваться современным оружием. Сейчас мы можем сделать то же самое для Турции. В частности, мы могли бы помочь Турции оборудовать военные аэродромы на её территории. Как только их строительство закончится, Великобритания готова разместить на них по меньшей мере 21 эскадрилью»³⁷⁵.

Турецкие лидеры отнеслись к этому предложению скептически. В то время большинство построек в Стамбуле были деревянными, и турки не хотели повторения судьбы Белграда, который был фактически стёрт с лица земли в результате немецких бомбардировок. Германия всё ещё была способна оккупировать зону Проливов и тем самым нарушить коммуникации союзников в Эгейском море. Единственное угольное месторождение в Турции, в районе Зонгулдака, находилось на побережье Чёрного моря недалеко от болгарской границы и, таким образом, могло быть легко разрушено немецкой авиацией, которая базировалась на болгарских аэродромах³⁷⁶. Кроме того, все крупные фабрики и заводы также располагались вблизи побережья. Поэтому турецкие лидеры настаивали на том, что главным условием вступления в войну является создание боеспособной армии, а для этого необходимы поставки современного вооружения.

Первый раунд переговоров закончился неудачно для английского премьера. Ему не удалось добиться от турок предварительного согласия на вступление в войну. На следующий день он составил список с предложениями, которые, как он надеялся, будут приемлемыми для

200

турецких лидеров. Речь идет о так называемых «Утренних размышлениях»³⁷⁷. Предложения заключались в следующем:

1. Великобритания никогда не потребует от Турции ничего, что будет противоречить её интересам, и не будет настаивать на вступлении Турции в войну, если это будет угрожать ей уничтожением.

2. Потребность Германии в нефти, а также её стремление распространить влияние на Ближний Восток могут побудить её напасть на Турцию. Следовательно, необходимо увеличить поставки современного вооружения в Турцию, чтобы турецкая армия смогла оказать достойный отпор в случае немецкого нападения.

3. Даже если Германия не нападёт на Турцию, в её (т. е. Турции) интересах будет осуществить вторжение на Балканы с целью предотвращения анархии. Под анархией понималось следующее: а) уход немецких войск с полуострова спровоцирует Болгарию на враждебные действия против Турции; б) возможность возникновения румыно-венгерского конфликта из-за Трансильвании; в) чрезмерное усиление греческих и югославских партизан, подконтрольных коммунистическим партиям. Вследствие этого Турции следует рассмотреть возможность своего участия в войне.

4. Турция может поступить так же, как в начале войны поступили США, т. е. отказаться от принципа «строгого нейтралитета». В частности, она могла бы разрешить использование её аэродромов для налетов авиации союзников на нефтяные промыслы Плоешти в Румынии, бомбардировок Крита и Додеканезских островов. В таком случае Германия и Болгария ничего не смогли бы сделать, ограничившись лишь формальным протестом.

5. После войны СССР откажется от каких-либо территориальных приобретений, кроме тех, которые были сделаны до 22 июня 1941 г. Если Турция вступит в войну против Германии, она получит всю возможную помощь со стороны союзников, а кроме того, ей будет гарантирована территориальная целостность и независимость. Великобритания уже сейчас готова дать такие гарантии. Подобные гарантии, вероятно, предоставит и СССР. Что же касается США, то, по словам премьера, «Вашингтон будет рад присоединиться к такому соглашению».

6. Для Турции очень важно быть в числе стран-победительниц, так как союзники заинтересованы в ней и после победы над Германией.

7. После окончания войны США станут самым мощным государством в мире и будут стремиться к созданию международной организации, которая избавит их от необходимости вмешиваться в европейские конфликты. Эта организация будет гарантом мира и добрососедства³⁷⁸.

Черчилль отправил копию «Утренних размышлений» Рузвельту сопроводив их следующим комментарием: «Я считаю, что мой визит в Турцию имел определённый успех. Встреча проходила в атмосфере доверия и дружелюбия. Инёню благожелательно отреагировал на мои предложения. Я дал ему понять, что настаиваю не на немедленном вступлении Турции в войну, а только тогда, когда она к этому будет готова. Президент Инёню просил меня передать вам, господин президент, свои самые наилучшие пожелания. Должен вам заметить, что турки всегда с большим вниманием прислушиваются к тому, что вы говорите»³⁷⁹. Однако Рузвельт никак не отреагировал на послание Черчилля, что свидетельствует о том, что президент по-прежнему считал, что основные задачи союзников заключаются в подготовке к высадке войск во Франции и оказании помощи СССР. Из дальнейшей переписки между президентом и премьер-министром видно, что Рузвельта в то время волновали именно эти вопросы³⁸⁰.

В Адане не было представителей США, но Рузвельт получал информацию о переговорах через своего посла в Анкаре. 3 февраля 1943 г. Штейнгардт направил президенту и госсекретарю подробный отчёт о своей встрече с турецким премьер-министром, во время которой Сараджоглу поделился с ним впечатлениями.

Сараджоглу сообщил, что и англичане и турки с предельной откровенностью обсуждали все важные вопросы и что у них не было разногласий. Он был рад, что Черчилль не пытался получить от турецкого правительства гарантий вступления в войну, а лишь ограничился замечанием, что может возникнуть ситуация, «когда турки, вытаскивая один кирпич из стены, разрушат всю стену»³⁸¹. У премьер-министра возникло впечатление, что Черчилль многое говорил под влиянием взглядов Рузвельта. Черчилль не скупился на похвалы в адрес США, подчёркивая, что Британия своим теперешним положением обязана им.

Штейнгардт полагал, что Сараджоглу был искренним, когда говорил, что он удовлетворён итогами конференции. По мнению посла, турецкое правительство было уверено, что союзники выиграют войну и что их победа в интересах Турции, что защиту от возможной советской агрес-

сии Турция может получить со стороны США и Великобритании и что эта защита, как и столь желаемое влияние в балканских делах, могут быть обеспечены только в случае поддержки стран-победительниц. В заключение посол сообщил, что, по его мнению, турецкое правительство в нужный момент будет готово содействовать победе союзников и либо разрешит использование своих аэродромов, либо вступит в войну³⁸².

Менеменджиоглу вспоминал, как Черчилль представил ему свой проект, но генеральный секретарь турецкого МИДа прервал его и сказал, что строительство английской военно-воздушной базы в зоне Проливов грубо нарушает Конвенцию Монтрё. Черчилль был недоволен тем, что его прервали, и заявил, что туркам не хватает политического чутья и дальновидности. Менеменджиоглу заметил на это, что он никогда не согласится на нарушение Конвенции³⁸³. Сохранение Конвенции Монтрё являлось краеугольным камнем внешней политики турецкого руководства, поэтому любые попытки её изменения однозначно трактовались как вмешательство во внутренние дела. По мнению турок, те усилия, которые были затрачены на подписание этого соглашения в 1936 г., стоили того, чтобы отказаться от «щедрого» предложения Черчилля.

Второго февраля Черчилль телеграфировал Сталину: «У меня нет никаких сомнений в том, что турки вскоре присоединятся к нам». Английский премьер тут же оговорился, что во время встречи не было подписано никаких соглашений, обязывающих Турцию вступить в войну. Но в то же время он выражал уверенность, что Турция примет участие в боевых действиях против Германии к концу 1943 г., полагая, что для начала она откажется от строгого нейтралитета подобно тому, как это сделали США до их вступления в войну. Черчилль надеялся, что турки разрешат союзникам пользоваться аэродромами для размещения на них бомбардировочной авиации³⁸⁴. По мнению премьера, сам факт переговоров вовлекает турок более открыто, чем раньше, в антигитлеровскую коалицию³⁸⁵. Из текста телеграммы видно, что турецкому президенту всё-таки удалось передать свои опасения относительно предполагаемых действий СССР. Черчилль писал Сталину, что турецкие лидеры озабочены тем положением, в котором они окажутся после войны, ввиду большой силы Советского Союза. Ссылаясь на личный опыт, он постарался убедить президента Инёню в том, что СССР никогда не нарушал ни обязательств, ни договоров, и намекнул туркам, что в сложившейся

ситуации самое надежное для них — это быть среди стран, которые сражаются против Гитлера. Турки, по словам Черчилля, были бы рады любому дружественному жесту со стороны СССР. Это могло бы развеять их опасения относительно намерений СССР³⁸⁶. Из ответного послания Сталина от 6 февраля видно, что в Москве не разделяли энтузиазма британского премьера. Сталин скептически отнёсся к предположению, что турки с радостью откликнутся на какие-либо дружеские жесты со стороны СССР. Советский лидер напомнил, что с момента начала войны советской стороной был сделан ряд заявлений, о чём, разумеется, известно в Лондоне. Турки, по словам Сталина, никак не реагировали на эти шаги, по-видимому опасаясь разгневать немцев³⁸⁷.

Коснувшись положения, в котором оказалась Анкара, Сталин отметил, что оно остаётся довольно щекотливым. С одной стороны, Турция связана с СССР договором о дружбе и нейтралитете и с Великобританией — договором о взаимопомощи, с другой стороны, она связана договором с Германией. Как совместить выполнение обязательств перед этими тремя государствами, не известно. В заключение Сталин добавил, что если турки хотят сделать отношения с СССР более дружественными, то пусть они прямо об этом скажут. СССР в этом случае готов пойти навстречу³⁸⁸.

Тон, в котором был составлен текст ответной телеграммы, не оставляет места для сомнения в том, что Сталин весьма скептически отнёсся к выводу британского премьер-министра о готовности турок внести свой вклад в победу над Германией. Черчилль же, напротив, оценивал переговоры в Адане как весьма успешные, так как ему удалось добиться от турок обещания предоставить свои аэродромы для авиации союзников, полагая, что, после того как это произойдет, у Турции не будет другого выхода, кроме как объявить войну Германии. На наш взгляд, Сталин более точно оценил ситуацию. Он понял, что турки не торопятся расстаться с нейтральным статусом. И действительно, в одном из своих послевоенных интервью президент Инёню говорил о том, что турецкая делегация покидала Адану в приподнятом настроении. Им удалось уклониться от принятия на себя как политических, так и военных обязательств в отношениях с союзниками, получив при этом обещание Черчилля об увеличении объема поставок оружия³⁸⁹.

Внутри турецкого правительства не было единства. При обсуждении вопроса о целесообразности вступления в войну правительство раско-

лолась на три фракции. Премьер-министр Сараджоглу и начальник генерального штаба Февзи Чакмак полагали, что СССР, а не Германия является главным противником, высказывались за соблюдение нейтралитета, сохранив тем самым свои вооружённые силы для сдерживания СССР в будущем. Более того, они даже были склонны поддержать Германию в войне против СССР. Президент Инёню принадлежал к другой политической группе, которая придерживалась той точки зрения, что честь и национальные интересы Турции диктуют ей пойти на сотрудничество с Англией. Эта группа призвала выполнять обязательства в соответствии с англо-франко-турецким договором 1939 г. Члены третьей фракции в правительстве под руководством министра иностранных дел Менеменджиоглу исходили из того, что для защиты своих послевоенных интересов следует сотрудничать с союзниками, но делать это надо крайне осторожно и лишь для того, чтобы заслужить их расположение. В итоге возобладала именно эта точка зрения. В концентрированном виде она выглядела следующим образом: следует согласиться на вступление в войну, но при этом обусловить своё согласие выдвижением таких требований, чтобы сроки объявления войны оставались неопределёнными как можно дольше³⁹⁰.

Анкара потребовала от союзников 500 танков, 7000 грузовиков, 2000 тягачей, 2000 орудий и зенитных пушек, 300 самолётов. Этот список вновь подтвердил подозрения американских военных планировщиков, что такое сотрудничество принесёт больше расходов, чем выгод. Представители США в союзном координационном комитете в Анкаре без особого энтузиазма наблюдали, как англичане направляли в Турцию оружие, предоставляемое им в рамках соглашения о ленд-лизе. Осознавая, что большая часть турецких запросов может быть выполнена только Соединёнными Штатами, Военный департамент советовал не торопиться с поставками. Военное руководство также рекомендовало развивать с Турцией дружеские отношения, но удерживать её от вступления в войну, потому что это могло привести к переносу сроков высадки союзников во Францию³⁹¹.

В Лондоне надеялись, что независимо от вступления в войну и во всяком случае до её окончания турецкие правящие круги будут следовать за Англией в вопросах восточно-средиземноморской и балканской политики. Там рассчитывали добиться этого поставками оружия и использованием политико-дипломатических средств³⁹².

Конференция в Адане не оправдала ожиданий Черчилля. Единственным положительным результатом можно считать соглашение, достигнутое между военными двух стран о создании в Анкаре объединённой англо-турецкой военной комиссии для улучшения снабжения турецкой армии. Инёню заявил о своей поддержке союзников, но уклонился от прямого ответа на вопрос о сроках вступления в войну, пообещав рассмотреть его и принять решение после получения военной помощи. Кроме того, не удалось снять негативный фон с советско-турецких отношений. 23 августа 1943 г. Сараджоглу, давая интервью американскому журналисту А. Гюнтеру в присутствии посла Штейнгардта, заявил, что «Турция надеется на создание мирной, устойчивой Европы после войны, и она присоединяется к американской политике с тем, чтобы достигнуть этой цели. Турция, по словам министра, в настоящее время не намерена менять своего статуса нейтральной державы». Однако Сараджоглу дал понять, что его правительство не считает себя строго нейтральным по отношению к Лондону и Вашингтону и использует термин «нейтралитет», чтобы избежать возможных осложнений (явный намёк на отношения Анкары с Москвой) с другими державами в будущем³⁹³.

Штейнгардт писал Гопкинсу в августе 1943 г.: «Турки, кажется, воспринимают как нечто само собой разумеющееся, что Соединённые Штаты и Великобритания защитят их от советских требований относительно Болгарии или Проливов, и считают, что они уже внесли свой вклад в общее дело, удерживая Германию от проникновения на Средний Восток, и что их действия так же ценны для нас, как если бы они вступили в войну»³⁹⁴. Турки, писал Штейнгардт, возмущены давлением, оказываемым на них англичанами. Соединённые Штаты должны взять на себя роль посредника между Турцией и Великобританией.

Рузвельт и его советники предпочли предоставить Черчиллю ведущую роль в организации конференции, ограничившись лишь наблюдением за её ходом и фактически без комментариев приняли её решения. Президент по-прежнему был уверен в том, что главная цель союзников заключается в скорейшем разгроме Германии именно на европейском театре военных действий, тогда как решения, достигнутые в Адане, никоим образом не влияли на ситуацию в Европе. Кроме того, постоянные намеки турецких политиков на то, что у СССР имеются агрессивные планы в отношении Турции, могли раздражать президента, который был уверен в том, что без поддержки Москвы союзникам не

удастся победить в войне. Приняв к сведению сообщения Штейнгардта о том, что Черчиллю не удалось добиться от Инёню никаких конкретных обязательств, хотя его симпатии находятся на стороне союзников, Рузвельт решил, что США следует и далее поддерживать в турецких лидерах уверенность в том, что сохранение нейтрального статуса принесёт больше выгод союзникам, чем вступление Турции в войну. Поэтому Рузвельт ограничился лишь небольшим посланием в адрес Инёню, в котором выразил уверенность в том, что тот полностью удовлетворён достигнутыми решениями³⁹⁵.

В ходе различных совещаний западных союзников летом и осенью 1943 г. в Квебеке (17–25 августа) и Вашингтоне (1–12 сентября) британская сторона убеждала своих американских партнёров начать широкие военные действия в восточном бассейне Средиземного моря, чтобы побудить Турцию вступить в войну и реализовать балканский вариант стратегии. Однако американское руководство весьма сдержанно отнеслось к турецко-балканским проектам. Руководство США, которое в начале августа 1943 г. склонялось к отправке на Средиземноморский театр дополнительно семи американских дивизий вместо семи союзных, перебрасываемых на Британские острова, после 1 ноября 1943 г. отказалось сделать это, так как, по словам Маршалла, «дополнительные дивизии должны составить экспедиционные силы, которые англичане могли использовать на Балканах». В беседе со своими стратегами Рузвельт дал понять, что не намерен содействовать планам укрепления британского господства в этом районе³⁹⁶. В заключительном документе Квебекской конференции возобладала американская точка зрения относительно действий в Восточном Средиземноморье. Там говорилось, что еще не пришло время для вступления Турции в войну и что союзники должны поставлять ей оружие и снаряжение³⁹⁷. Включенная в доклад Объединенного комитета начальников штабов оговорка о возможности сокращать или увеличивать поставки туркам в зависимости от потребностей на других театрах, а также «в той мере, в какой турецкие власти могут освоить оружие», позволяла Вашингтону использовать этот важный рычаг для ограничения британского влияния³⁹⁸.

В начале ноября 1943 г. в Каире состоялась встреча Идена с Менеменджюглу. Инёню проинструктировал своего министра не уступать британскому давлению и не брать на себя никаких конкретных обязательств. Переговоры начались 3 ноября 1943 г. и продолжались

три дня. Иден поднял вопрос о немедленном предоставлении Турцией аэродромов для авиации союзников. Но Менеменджюглу остался глух к этим просьбам. Он напомнил своему английскому коллеге, что по-прежнему не ясно, как поведёт себя Советский Союз после войны, и что вопрос о военных базах нельзя рассматривать отдельно от вопроса об объявлении войны. Перед тем как предпринять решительные действия, заявил он, его правительство желает получить твёрдые гарантии от США и Великобритании в том, что они не допустят включения Турции в сферу советского влияния³⁹⁹. Неуступчивость турецкой стороны может быть объяснена тем, что еще до начала переговоров в Каире, 26 октября, Рузвельт направил Инёню многозначительное послание, где намекал на то, что Вашингтон, в сущности, одобряет позицию отказа Анкары от реального участия в вооруженной борьбе на стороне союзников. Здесь же Рузвельт дал понять, что надеется на скорую встречу с президентом Турции⁴⁰⁰.

Эта поддержка из-за океана сыграла немалую роль в том, что Анкара дала фактически отрицательный ответ на предложения Идена в Каире.

В конце ноября 1943 г. на конференции в Тегеране Черчилль вновь вернулся к вопросу о вступлении Турции в войну. Обстановка на советско-германском фронте к этому времени кардинально изменилась. К зиме 1943–1944 гг. советские войска наступали на всех направлениях, поэтому не было острой необходимости в турецкой военной помощи. Сталин заявил Черчиллю, что турки, вероятно, так никогда и не вступят в войну и даже если это и произойдёт, то развёртывание нового фронта на Балканах только вызовет задержку высадки союзных войск во Франции. Рузвельт, упомянув о незначительности военных поставок Турции, поддержал Сталина. В итоге все же было решено еще раз предложить Анкаре вступить в войну до конца 1943 г.⁴⁰¹ Черчилль и Рузвельт отправили Инёню приглашения на встречу на высшем уровне в Каире. В своём ответном письме Инёню заявил, что он не намерен просто выслушивать готовые решения союзников, касающиеся Турции, и хотел бы участвовать на переговорах как равный среди равных. Действуя от имени президента, госсекретарь Хэлл заверил Инёню, что Каирская конференция будет проходить в духе свободного обмена мнениями между равными участниками⁴⁰².

Вторая Каирская конференция начала свою работу 4 декабря 1943 г. Во время заседаний с турецким президентом западные лидеры предло-

жили ему объявить о вступлении в войну не позднее февраля 1944 г. Инёню сообщил о согласии выполнить это пожелание, но только при условии, если армия будет полностью укомплектована современным вооружением. Турецкий лидер к этому времени уже понял, что американцы лишь формально поддерживают англичан, а по существу, они не заинтересованы в появлении турецкого фронта. Характерно, что во всех трёх беседах с Инёню Рузвельт ни разу не прибег к энергичному нажиму. Напротив, когда уговоры Черчилля стали слишком настойчивыми, американский президент поспешил заверить, что никто не будет угрожать Турции, даже если она не выполнит своих обещаний⁴⁰³.

В результате переговоров Инёню всё же согласился на предоставление союзникам аэродромов на территории своей страны с 15 февраля 1944 г. Этот шаг считался равнозначным объявлению войны. Союзники брали на себя обязательства продолжать поставки военных грузов. Также Инёню согласился принять английских военных специалистов, которые бы занялись обустройством турецких аэродромов.

Сразу же после возвращения на родину Инёню выступил на заседании кабинета министров с отчётом о поездке в Каир, на котором ознакомил министров с принятыми на конференции решениями. Он попросил начальника генерального штаба маршала Чакмака дать оценку готовности турецкой армии к ведению боевых действий. Из доклада следовало, что армия не готова. Инёню, поблагодарив маршала, заметил, что он полностью разделяет его точку зрения⁴⁰⁴. Итогом заседания кабинета министров стал официальный ответ турецкого правительства правительствам Великобритании и США от 12 декабря 1943 г., в котором Турция отказалась вступить в войну до 15 февраля 1944 г. Турки настаивали на увеличении объёмов военных поставок и выработке совместного с союзниками плана действий на Балканском полуострове.

Турецкое правительство, понимая, в каком щекотливом положении оно оказалось, вместе с заявлением от 12 декабря выдвинуло ряд условий, при выполнении которых оно было готово объявить войну. Список включал 126 истребителей «Спитфайр», 500 танков «Шерман» и около 70 тыс. тонн бензина. Х. Нэтчбулл-Хьюджессен писал о том, что он был поражён масштабами этих требований. Менеменджюглу, из рук которого британский посол получил перечень турецких пожеланий, в ответ заявил, что его правительство знает о том, что союзники хотят оставить Турцию один на один с СССР и не будут вмешиваться, когда

Красная Армия будет угрожать Турции. Его правительство не может безучастно наблюдать за тем, как союзники предают Турцию⁴⁰⁵.

Реакция из Лондона последовала незамедлительно. Форин офис настаивал на том, что следует заставить турок выполнять свои обязательства; что правительство Менеменджиоглу должно уйти в отставку как пронемецкое. Черчилль 13 декабря инструктировал Х. Нэтчбулл-Хьюджессена сильнее давить на турок. Посол должен был довести до сведения турецкого правительства, что, если предстоящие англо-турецкие военные переговоры провалятся, Великобритания не окажет Турции никакой помощи в случае советских территориальных или каких-либо иных требований. Турки должны понимать, Дарданеллы в эпоху развития стратегической авиации теряют своё значение⁴⁰⁶. Одновременно с этим английский посол в Вашингтоне обратился к Хэллу с просьбой рекомендовать Штейнгардту поддержать Х. Нэтчбулл-Хьюджессена в Анкаре⁴⁰⁷. Хэлл обратился к Рузвельту за инструкциями. Рузвельт рекомендовал госсекретарю дать понять турецкому правительству, что США намерены действовать в Турции самостоятельно, без посредничества Великобритании. В то же время Хэлл поручил Штейнгардту напомнить турецким официальным лицам, что эта война ведется союзниками ради всех наций. В интересах самой Турции внести вклад в общую победу над врагом⁴⁰⁸.

К разочарованию Анкары, где рассчитывали получить поддержку со стороны Вашингтона, этого не произошло. По словам Штейнгардта, впечатление, возникшее у турок, будто американцы занимают особую позицию по вопросу вступления Турции в войну, возникло у них из-за того, что во время всех конференций и переговоров турки практически всегда общались преимущественно с англичанами⁴⁰⁹. Штейнгардт писал Хэллу, что после его беседы с Менеменджиоглу у турок не должно остаться иллюзий относительно «особых» американо-турецких отношений⁴¹⁰. Позицию Вашингтона можно объяснить тем, что в тот момент американцы всё еще продолжали рассматривать Турцию как периферийную область своих политических интересов. Кроме того, упорное нежелание турок вступать в войну увеличивало раздражение и у американских официальных лиц. Министерство обороны всегда подозревало турок в приспособленчестве и предписало своему военному атташе в Анкаре поддержать твёрдую позицию англичан. Кроме того, Управление внешнеэкономических связей и Совет по военной экономике советовали администрации «не заниматься чепухой». Эти агентства обра-

щали внимание на непрекращавшиеся турецкие поставки Германии стратегических материалов и с большим недовольством соглашались на оказание экономической помощи «сомнительному союзнику». К ужесточению позиции склонялся даже обычно осторожный Государственный департамент, чьи специалисты из Управления ближневосточных и африканских дел внесли предложение об оплате Турцией уже поставленных ей материалов. Изменения в англо-американской политике были отнесены на совесть турецкой стороны⁴¹¹.

Дипломатическое «замораживание отношений», прекращение поставок и улучшение с каждым днем в пользу союзников положения дел на фронтах оказали сильное давление на Анкару. К тому же союзники извлекли выгоду из важной константы турецкой политики – чувства страха перед СССР. Турция традиционно рассчитывала на помощь Великобритании в сдерживании русских притязаний, но новая англо-американская позиция угрожала оставить её в изоляции именно в тот момент, когда Красная Армия вступила на территорию Восточной Европы⁴¹².

Отдавая себе отчёт в важности дружественных отношений с Западом, Анкара была вынуждена отреагировать на требования Лондона и Вашингтона. Весной и летом 1944 г. турки серией инициатив подали сигналы союзникам об изменении их позиции. Первыми в жертву были принесены торговые отношения с Германией и её союзниками. Англия и США постоянно требовали прекращения поставок Германии стратегически важных материалов, и в особенности – хрома⁴¹³. Только в течение 1943 г. Турция поставила в Германию 46 783 тыс. т хромовой руды, 17 942 тыс. т масличных семян, 17 597 тыс. т рыбы, 10 247 т хлопка, 9 508 тыс. т чугуна и 7 384 тыс. т меди. Ужесточив курс в отношении Турции и прекратив оказывать ей помощь, Лондон и Вашингтон стремились положить конец этой торговле. В итоге Турция в апреле 1944 г. остановила поставки хромовой руды в Германию и резко снизила торгово-экономические контакты с её союзниками⁴¹⁴.

Изменения в политике также были ознаменованы отставкой министра иностранных дел Менеменджюглу. Фигура министра отождествлялась с политикой строгого нейтралитета, и, кроме того, англичане считали, что он настроен прогермански. Непосредственной причиной его отставки стал инцидент с проходом через Проливы в Черное море немецких военно-вспомогательных судов в январе, феврале и мае 1944 г. Конвенция Монтрё в военное время ограничивала проход воен-

ных кораблей через Дарданеллы, разрешая проход только мирным торговым судам всех наций, до тех пор пока Турция остаётся нейтральной. Анкара сделала вид, что эти суда были коммерческими, но Великобритания выступила с протестом, заявив, что это были военно-вспомогательные суда с вооружением на борту, которые решали в Эгейском море боевые задачи. После осмотра немецкого теплохода «Кассель»⁴¹⁵ было выяснено, что он обшит листовой бронёй, а в его трюмах были обнаружены автоматические пушки и глубинные бомбы. Анкара выразила Берлину официальный протест и закрыла Проливы для прохода любых германских судов. Для того, чтобы успокоить англичан, президент Инёню отправил министра иностранных дел в отставку.

Реакция союзников на эти уступки была предсказуемой – они ужесточили требования. В июне 1944 г. США и Великобритания вновь предложили Турции разорвать дипломатические отношения с Германией⁴¹⁶. Лондон полагал, что, несмотря на то что война подходила к концу, действие подобного рода принесёт психологическую выгоду союзникам и не потребует от Турции дополнительных обязательств. Вашингтон присоединился к требованиям Лондона. В результате давления, оказанного союзниками, 2 августа 1944 г. Анкара разорвала отношения с Германией.

Москва тоже не оставила инцидент с немецкими судами без внимания. 17 июня 1944 г. посол СССР в Турции С. Виноградов вручил временно исполняющему обязанности министра иностранных дел (после отстранения Менеменджюглу) премьер-министру Сараджоглу памятную записку, в которой говорилось об обеспокоенности советского правительства фактами прохода немецких вспомогательных кораблей через Черноморские проливы⁴¹⁷.

Однако, в отличие от позиции западных союзников, реакция Кремля имела иную направленность. В 1941–1943 гг. Москва опасалась, что Турция пропустит немецкие войска через свою территорию для удара по СССР, поэтому Сталин и Молотов поддерживали Черчилля в его стремлении заставить Турцию объявить войну Германии. В 1944 г. позиция советского руководства изменилась кардинальным образом. К тому времени обстановка на советско-германском фронте складывалась в пользу СССР, и в Кремле перестали опасаться за южный фланг Красной армии, считая, что теперь участие Турции в войне на стороне антигитлеровской коалиции уже не выгодно. Советское командование

приступило к подготовке военных операций на территории Болгарии и Югославии. Вступление туда турецкой армии при поддержке западных союзников нарушало планы Сталина по созданию вдоль советских границ пояса дружественных государств.

Более того, с осени 1944 г. главным вектором советской политики в отношении Турции стала ревизия Конвенции Монтрё, что также требовало создания враждебного образа Турции, нарушившей режим Проплинов пропуском немецких военно-вспомогательных судов. После прекращения официальных дипломатических контактов Турции и Германии советская сторона по-прежнему продолжала обвинять турок в прогерманских настроениях. В течение сентября 1944 г. Молотов неоднократно обращал внимание турецкого посла Х. Байдура на недопустимость «антисоветских» публикаций в турецкой прессе⁴¹⁸. Поэтому памятная записка, врученная Виноградовым Сараджоглу 17 июня 1944 г., была на деле не столько нотой протеста, сколько декларацией того, что Конвенция Монтрё не может обеспечить безопасность в черноморском бассейне и что турецкие действия противоречат интересам союзников.

После создания антигитлеровской коалиции, в условиях сложной обстановки на советско-германском фронте державы Большой тройки в той или иной степени были заинтересованы во вступлении Турции в войну против Германии. Из-за напряжённых отношений Москвы и Анкары в предвоенный период первенство в переговорном процессе с турками принадлежало западным союзникам. Американская дипломатия, предоставив инициативу в турецком вопросе своему английскому союзнику, в то же время стремилась не допустить полного контроля Великобритании над всеми его аспектами, включая экономические, политические и военно-стратегические компоненты. Несмотря на тесное сотрудничество с англичанами, американцы в своей турецкой политике занимали самостоятельную позицию, отчасти в ряде случаев совпадавшую с советским курсом. Это проявилось в отказе США от поддержки балканской стратегии Лондона, предусматривавшей помимо операций в Греции и Югославии наступление на турецко-болгарской границе. И Вашингтон, и Москва считали, что Второй фронт необходимо открыть на западе Европы.

Отношение СССР и США к турецкому вопросу стало меняться после ряда важных побед Красной Армии в ходе «коренного перелома». На Тегеранской конференции Сталин фактически заявил об отсут-

ствии необходимости вступления Турции в войну. Во многом это было обусловлено позицией самих турок. Опасаясь послевоенного усиления влияния Советского Союза на Ближнем и Среднем Востоке, Анкара всеми силами стремилась заручиться поддержкой Вашингтона и Лондона против возможных притязаний на Проливы со стороны СССР. Добиваясь военной и материальной помощи, турецкая сторона при этом не желала брать на себя военные обязательства в борьбе с Германией. Вступление Турции в войну было неразрывно связано с высадкой войск западных союзников на Балканах, что требовало отвлечения значительных сил от готовившегося наступления на северо-западе Франции. США, дорожившие военным сотрудничеством с СССР и заинтересованные в его участии в войне против Японии, не желали служить политическим интересам англичан и содействовать утверждению британского влияния. В итоге Вашингтон проявил достаточное понимание позиции Анкары, чтобы воспрепятствовать попыткам Черчилля добиться от турок хотя бы формального объявления войны гитлеровской Германии в начале 1944 г. Однако временная совместимость американской и советской позиций была не полной и политические установки обеих держав имели различную мотивацию. Американо-турецкое сотрудничество в конце войны начиная с середины 1944 г. стало постепенно наполняться антисоветским содержанием.

2.2.2. Политико-экономические аспекты американо-советского взаимодействия в Иране

Другой страной, привлекавшей в годы войны пристальное внимание советской и американской дипломатии, стал Иран. Военные события 1941 г. привели к тому, что страны Ближнего и Среднего Востока оказались в «прифронтовой» зоне и вошли в орбиту военного планирования Генштаба вермахта на ближайший период⁴¹⁹. Впоследствии определяющее влияние на безопасность этого региона стали оказывать события на южном фланге советско-германского фронта, в северо-восточной Африке и восточной Азии. Таким образом, война привела к тому, что средневосточные страны оказались в одном из эпицентров международных отношений⁴²⁰. В этих условиях и СССР, и США резко активизировали иранское направление внешней политики.

После нападения Германии на Советский Союз важность Ирана в глазах советского руководства значительно повысилась, что было обусловлено необходимостью обеспечения безопасности южных рубежей, закавказских нефтяных месторождений, а также возможностью организации одного из маршрутов получения материальной помощи через Персидский пролив от своих союзников – Соединенных Штатов и Великобритании⁴²¹.

Исходя из этих соображений Ставка Верховного Главнокомандования СССР в конце августа 1941 г. под предлогом готовящегося прогерманского переворота в Иране и на основании VI пункта советско-иранского договора от 1921 г. ввела в эту страну одновременно с англичанами свои войска⁴²². И позднее, вплоть до поражения немцев под Сталинградом и краха кавказской операции вермахта «Эдельвейс» в 1943 г., Ставка держала на Кавказе и в Иране значительную группировку войск⁴²³.

Введя войска, СССР и Великобритания подписали с Ираном 29 января 1942 г. союзный договор. Союзники «обязались уважать территориальную целостность, суверенитет и политическую независимость Ирана» (ст. 1), «защищать Иран... против всякой агрессии со стороны Германии или любой другой державы» (ст. 3.1)⁴²⁴. Данный договор и три приложения к нему были действительны до момента вывода союзных войск. Таким образом, Иран получил гарантии независимости и превратился в союзника СССР.

Однако у советского правительства с этого времени стали формироваться свои стратегические задачи в отношении этой страны. Главными из них были: 1) обеспечение бесперебойной транспортировки через «персидский коридор» грузов по ленд-лизу; 2) превращение северного Ирана в сферу своего влияния; 3) как следствие 2-й задачи, получение выхода к незамерзающим портам Персидского залива, североиранской нефти и других военно-стратегических и экономических выгод.

Эти задачи потребовали трансформации организационной структуры иранского направления внешней политики Москвы. В 1943 г. Политбюро ЦК ВКБ(б) утвердило реорганизацию отдела Среднего Востока НКВД. Из него был выделен Ближневосточный отдел. В составе отдела Среднего Востока остались Иран и Афганистан. Возглавил этот отдел И. В. Садчиков, будущий посол в Иране в 1946–1953 гг. Такое деление сохранялось до мая 1948 г.⁴²⁵ Чрезвычайными и полномочными послами в Иране в

эти годы были А. А. Смирнов (1941–1943 гг.), К. А. Михайлов (сентябрь 1943 – май 1944 г.) и М. А. Максимов (1944–1945 гг.).

Сталинское руководство в этот период интересовалось Ираном только в контексте решения конкретных проблем: от организации «персидского коридора» снабжения своей страны ленд-лизом и вывода в Иран «лишних» поляков в виде польской армии В. Андерса до использования территории Ирана в качестве транзитного маршрута ленд-лизовских грузов в Китай и получения нефтяных концессий в северном Иране. Переписка И. В. Сталина, В. М. Молотова, М. И. Калинина и других ответственных лиц с руководством Ирана в основном сводилась к обмену дежурными поздравлениями и приветствиями по поводу подписания трехстороннего союзного договора, дня рождения шаха, годовщин Октябрьской социалистической революции, побед Красной Армии на советско-германском фронте и др.⁴²⁶

Сам Сталин, как известно, будучи руководителем советского государства, крайне редко покидал страну. Впервые это произошло в конце 1943 г., и государством, которое он посетил, был как раз Иран. На Тегеранской конференции, которая и была целью визита, он попытался «заигрывать» с молодым шахом. 1 декабря Сталин в сопровождении Молотова посетил Мохаммеда Реза Пехлеви. На встрече речь шла о возможности предоставления Ирану экономической и военной помощи. Шах поблагодарил за сделанные ему предложения, но отказался, понимая, какая плата ждет его за этот дар. В тот же день 1 декабря 1943 г. Сталин принял в советском посольстве в Тегеране премьер-министра А. Сохейли и министра иностранных дел М. Саеда, с которыми Молотов встречался накануне. Несмотря на то что в ходе встреч не удалось подписать никакого соглашения, деятельность советской делегации была оценена по достоинству иранской прессой⁴²⁷.

Тема Ирана и портов Персидского залива постоянно находилась в фокусе внимания сталинского руководства и в рамках обсуждения перспектив изменения послевоенных границ и сфер влияния. В январе 1942 г. решением Политбюро ЦК ВКП(б) была создана «Комиссия по послевоенным проектам государственного устройства стран Европы, Азии и других частей мира» во главе с Молотовым. Предложения по Ближнему и Среднему Востоку готовила группа, в которую входили В. Г. Деканозов и Я. З. Суриц. К Тегеранской конференции они были готовы. В январе 1944 г. заместитель наркома иностранных дел И. М. Май-

ский представил Молотову записку «О желательных основах будущего мира». В ней, в частности, предусматривалось получение СССР гарантий «свободного и удобного» использования транзитных путей к Персидскому заливу. В отношении Ирана также предлагалось усилить советское проникновение при помощи «целого ряда экономических, культурных и политических мероприятий», создания больниц и школ, центров по изучению русского языка, оказания помощи в организации иранских вооруженных сил⁴²⁸.

Во внешней политике США тема Ирана заняла самостоятельное место с середины 1941 г. В ней сразу возникли два направления, которые были взаимосвязаны. Первое из них было связано с решением проблемы снабжения СССР по ленд-лизу через «персидский коридор». Второе – с вытекающей из Атлантической хартии установкой на сохранение независимости и территориальной целостности Ирана, актуализированной в связи с вводом британских и советских войск и разделом страны между ними на зоны контроля. Все остальные вопросы военно-политического и экономического взаимодействия двух стран в 1941–1944 гг. были меньшего масштаба, и большинство из них находилось в зависимости от вышеназванных двух. При этом второе направление стало главным после коренного перелома в войне и Тегеранской конференции.

Американские дипломаты сыграли большую роль в инициировании и поддержке англо-советско-иранского союзного договора. Они выполнили львиную долю работы при подготовке Декларации по Ирану, подписанной 1 декабря 1943 г. во время Тегеранской конференции⁴²⁹. В ней правительства США, СССР и Соединённого Королевства признавали «помощь, которую Иран оказал в деле ведения войны против общего врага, в особенности облегчая транспортировку грузов из-за границы в Советский Союз» и обещали продолжать оказывать ему экономическую помощь. Вновь подчёркивалось желание «сохранить полную независимость, суверенитет и территориальную неприкосновенность Ирана».

Президент Рузвельт также считал необходимым откликнуться на все важные события в Иране и трижды за это время обменивался с шахом телеграммами, которые были проникнуты духом дружбы и сотрудничества⁴³⁰. Единственная непосредственная встреча Рузвельта с шахом произошла, так же как и у Сталина, во время Тегеранской конференции, только на день раньше – 30 ноября 1943 г.⁴³¹

Два момента характерны для воззрений ФДР в этот период – понимание стратегической значимости этого региона для союзников, а следовательно, и для государственных интересов США, а также желание поддержать независимость и единство этой страны в послевоенном мире. Ему пришлось по душе идея, которая стала высказываться отдельными американскими политиками, об использовании Ирана в качестве экспериментальной площадки послевоенного взаимодействия, на которой война свела три великие державы и на которой можно апробировать жизнеспособность Атлантической хартии. Именно её принципов президент придерживался в отношении Ирана с 1941 г. до самой своей кончины⁴³².

Новые задачи потребовали трансформации организационных структур, обеспечивавших иранскую политику США. Отдел ближневосточных дел (ОБД) Госдепартамента⁴³³ в августе 1941 г. пополнился восьмым человеком, который стал отвечать за координацию американской политики в отношении Ирана. Этим специалистом был Дж. Д. Джернеган⁴³⁴. Рост значимости страны проявился и в том, что в конце 1943 г. было принято решение о повышении статуса⁴³⁵ дипломатического представительства в Иране до посольства⁴³⁶. К концу войны посол США в Иране руководил штатом в 96 человек. Объем телеграмм за год вырос до 1963.⁴³⁷ В январе 1944 г. в связи с общей реорганизацией Госдепартамента ОБД был преобразован в Управление ближневосточных и африканских дел (УБАД)⁴³⁸, в котором наряду с Отделом ближневосточных дел (ОБД) и Отделом африканских дел⁴³⁹ создавался Отдел средневосточных дел (ОСД). В ведении ОСД находились Иран, Афганистан, Индия, Цейлон и Бирма⁴⁴⁰. Директором УБАД 15 января 1944 г. был назначен У. Мюррей, его заместителем – П. Г. Эллинг, главой ОСД – Джордж В. Аллен⁴⁴¹.

Дж. Джернеган своим меморандумом от 23 января 1943 г., который назывался «Американская политика в Иране», положил начало теоретической работе по осмыслению места Ирана во внешней политике США⁴⁴². Его появление было вызвано желанием направить иранскую политику, которая раньше в основном представляла собой реакцию на действия Великобритании, СССР и самого Ирана, на реализацию интересов Вашингтона⁴⁴³. Резюме меморандума сводилось к тому, что соперничество между Великобританией и СССР в прошлом и настоящем, а также очевидная слабость правительства шаха и беспорядок в стране

могли на стадии послевоенного урегулирования привести к преобладанию эгоистических интересов этих держав над принципами Атлантической хартии. Лучший способ избежать этого заключался в укреплении иранского суверенитета. Единственное государство, которое могло оказать в этом деле эффективную помощь в тех условиях, были Соединенные Штаты. Если раньше американские ответы на все призывы о помощи обуславливались заинтересованностью в военной победе, то сейчас настало время подумать о послевоенной судьбе Ирана. Кроме того, Джернеган считал, что Иран мог стать уникальным местом испытания идей Атлантической хартии и честных намерений Объединённых Наций, их способности решать возникшие проблемы в отношениях как между великими державами, так и с малыми нациями⁴⁴⁴.

Данный документ вскоре получил официальное одобрение и поддержку руководства Госдепартамента⁴⁴⁵. Посланник Л. Дрейфус полностью соглашался с его выводами о необходимости усиления Ирана. Источники затруднений на пути достижения данной цели, по его мнению, можно было разделить на 4 группы: 1) «Советы», 2) сами иранцы, 3) британцы и 4) сами американцы⁴⁴⁶. Своё видение перспектив американской политики сложилось и у главного американского экономического советника в Иране – А. Мильспо. Он предлагал правительству США принять 20-летнюю программу помощи, выступал за сотрудничество при её реализации с союзниками и предлагал дополнительные политические меры по демократизации Ирана⁴⁴⁷.

Идеи, высказанные Джернеганом, постепенно развивались. Так, в документе «Американская политика в Иране», который был составлен для президента к Квебекской конференции, наряду с уже известными положениями появился новый мотив: «В наших интересах, чтобы никакая великая держава не утвердилась в Персидском заливе в непосредственной близости от американских нефтяных разработок в Саудовской Аравии»⁴⁴⁸. Отношение советского правительства к Ирану в документе характеризовалось как «неопределённое», но высказывалось предположение, что на Москву можно «оказать значительное влияние, если будет необходимо». При этом подчёркивалось, что признание «законных британских и советских экономических интересов» должно стать основным принципом американской политики в этой стране⁴⁴⁹.

Но не все были согласны с этими идеями. Глава Команды обслуживания Персидского залива армии США (ПГСК) генерал Д. Коннолли

сомневался относительно существования американских интересов в Иране. Единственный значимый интерес в этой части мира, на который он указывал, заключался в американских нефтяных концессиях на о. Бахрейн⁴⁵⁰. Личный представитель президента генерал П. Хёрли ещё в мае 1943 г., после поездки в СССР, в своём докладе президенту указывал на необходимость принятия Ираном американского образца самоуправления и свободного предпринимательства. Главным средством поддержки, по его мнению, должна была стать консультативная помощь. Он также отмечал, что у этой политики были три главных врага: «монополии, агрессия и империализм». Их главными проводниками были Великобритания и Советская Россия, которые могли сопротивляться распространению демократии, реализации идей Атлантической хартии и «Четырёх Свобод». Хёрли подчёркивал неэффективность деятельности Госдепартамента по претворению политики Рузвельта в Иране⁴⁵¹.

К 1944 г. усилились расхождения в понимании иранской политики Рузвельтом и некоторыми высокопоставленными сотрудниками внешнеполитического ведомства. Госдепартамент всё больше склонялся к прагматическому утверждению американских интересов в Персидском заливе, вопреки мнению президента. И только со смертью ФДР это противоречие было снято. Следует отметить смещение внимания руководителей органов исполнительной власти США на финансово-экономический блок проблем. Активизировались и депутаты Конгресса. Так, в 1944 г. на Капитолийском холме обсуждались вопросы, связанные с нефтью Персидского залива.

В июле 1944 г. новый заместитель госсекретаря Э. Стеттиниус заявил, что Госдепартамент выступает за «более активную и позитивную роль в иранских делах, чем... в предвоенный период». В качестве обоснований указывались «защита и поддержка национальных интересов», которые включали более масштабное участие в иранской торговле, разработку природных ресурсов Ирана, использование его территории для создания баз гражданской авиации и в целях контроля за арабскими нефтяными месторождениями⁴⁵². Таким образом, американские национальные интересы начали всё активнее заявляться Госдепартаментом в качестве мотивов иранской политики, несмотря на президентскую риторику о её «бескорыстности»⁴⁵³.

Для рассмотрения реализации американской политики необходимо вернуться к событиям конца 1941 г. В процессе подготовки союзного

220

договора с Ираном в конце декабря 1941 г. – начале января 1942 г. к Дрейфусу неоднократно обращались премьер-министр А. Форуги и министр иностранных дел Сохейли с предложением о присоединении к нему Соединённых Штатов⁴⁵⁴. Они считали, что участие Вашингтона в обсуждаемой сложной системе взаимных союзнических обязательств и поддержка им гарантий независимости и целостности Ирана окажет дисциплинирующее влияние на советскую сторону и увеличит ценность договора. Однако в США не поддержали эту идею⁴⁵⁵. В то же время в Госдепартаменте высказали заинтересованность в послевоенных переговорах относительно иностранной собственности в Иране, которые предусматривались IV статьей проекта договора, ограничивавшей состав участников Великобританией, СССР и Ираном. Эти переговоры могли касаться вопросов ленд-лиза и долгосрочных экономических интересов США. В нотах от 22 февраля 1942 г. Великобритании, от 6 марта СССР и от 16 марта Ирана содержались обещания не решать данные вопросы без американского участия⁴⁵⁶.

В начале 1942 г. английские дипломаты инициировали вопрос о присутствии японской дипломатической миссии в Иране. Английский посланник Буллард предлагал американцам, также вступившим после Пёрл-Харбора в войну с Японией, объединить усилия в этом вопросе. Однако СССР сохранял с Токио дипломатические отношения, и данное обстоятельство нельзя было полностью игнорировать. В этих условиях американские дипломаты, поддерживаемые англичанами, всё же начали мягкий шантаж иранского правительства, обещая в обмен на депортацию японской дипмиссии, реализовать закон о распространении ленд-лиза на Иран, который Рузвельт подписал 10 марта 1942 г. Давление британцев и американцев принесло свои плоды, и 23 апреля 1942 г. утром весь её состав оставил Тегеран и направился к советской границе⁴⁵⁷.

С вводом советских войск на север Ирана американские дипломаты начали много внимания уделять положению в северной советской зоне контроля. Дрейфус подтверждал сообщения об открытом поощрении «русскими» участия армян и других народностей в сепаратистских движениях и считал необходимым просить свое руководство убедить советских представителей прекратить вмешиваться в политическую жизнь этой «несчастной страны» и сотрудничать, или по крайней мере не мешать восстановлению нормальной внутренней связи и торговли⁴⁵⁸. 11 октября 1941 г. посол США в СССР Л. Штейнгардт сообщил замнаркому НКВД

А. Я. Вышинскому об обеспокоенности правительства США, вызванной действиями советских военных на севере Ирана. Как и следовало ожидать, советская сторона отказывалась признавать подобные обвинения, называя их слухами, распространяемыми немцами. Штейнгардт тем не менее подчеркнул, что любая демонстрация советских симпатий к армянскому сепаратистскому движению в Иране будет враждебно встречена Турцией. Вышинский выразил понимание в этом вопросе⁴⁵⁹.

6 мая 1942 г. Хэлл направил письмо новому послу в СССР адмиралу У. Стэндли с просьбой обсудить отношение советского правительства к беспорядкам в северном Курдистане. В Госдепартаменте считали, что пропаганда стран оси успешно пользовалась в своих интересах сведениями о восстании курдов, заявляя о том, что они поощрялись русскими и были частью плана аннексии той части Ирана, которая была занята советскими войсками. С точки зрения американских дипломатов, эта пропаганда могла иметь отрицательные последствия для позиций Объединённых Наций в этой жизненно важной области⁴⁶⁰. Курдское восстание было потенциально опасным также и потому, что создавало трудности с обслуживанием линии поставок американского ленд-лиза в СССР через Иран⁴⁶¹. При этом Стэндли запрещалось говорить о том, что вмешательство США требовал Иран, а представителям Ирана – о решении вмешаться⁴⁶². На встрече с Молотовым 29 мая 1942 г. в Белом доме Рузвельт сослался на волнения среди курдов в западном Иране и выразил надежду, что «доверительное сотрудничество, существующее между советскими и иранскими властями, будет продолжено»⁴⁶³.

К концу мая обстановка стабилизировалась, а к осени 1942 г. советско-иранские отношения нормализовались. СССР запросил даже у иранского правительства армейскую бригаду для замены своего контингента на севере Ирана, в связи с частичной передислокацией советских войск на Кавказ, вызванной обострением военной обстановки на юге СССР⁴⁶⁴.

Новое осложнение уже непосредственно американско-советских отношений в Иране произошло в марте – апреле 1943 г., когда представитель НКВД СССР вручил сотруднику посольства США в СССР ноту, в которой говорилось об «антисоветской деятельности американских представителей в северном Иране»⁴⁶⁵. Речь шла о критике хозяйственной деятельности советских властей в иранском Азербайджане, кото-

рая прозвучала в разговоре американского консула в Тебризе Б. Кунихолма с американским советником Р. Вивианом, представляющим иранское правительство в Азербайджане, и генерал-губернатором Азербайджана Х. Магадамом 12 февраля 1943 г.⁴⁶⁶

Советские обвинения американской стороной не были признаны, однако Кунихолм был заменён Р. Фордом, бывшим консулом в Буэнос-Айресе. 31 марта 1943 г. Хэлл рекомендовал Дрейфусу встретиться с советским послом и изложить цели американской политики в Иране на основе меморандума Джернегана.

В течение всего периода нахождения советских и британских войск на иранской земле продолжалась постоянная работа контрразведки, направленная на выявление лиц, связанных со странами оси. Дважды, в августе 1942 г. и в августе 1943 г., конфликт по этому поводу англичан с иранскими властями достигал особой остроты и превращался в политический кризис. Но всякий раз советский посол Смирнов поддерживал в этом вопросе британцев⁴⁶⁷.

Важной темой в дипломатическом диалоге союзников в 1942 г. было вовлечение Ирана в войну на стороне антигитлеровской коалиции. Для решения этой задачи Белым домом использовались различные пути и средства. Рузвельт, по праву считавшийся виртуозом личной дипломатии, использовал довольно нестандартный метод, включив Иран в программу международного вояжа лидера Республиканской партии У. Уилки, который, как тогда считали, был одним из вероятных кандидатов в президенты на очередных выборах. Миссия Уилки (с 26 августа по 14 октября 1942 г. — «32 000-километровый зигзаг» с посещением Ближнего и Среднего Востока, СССР, Индии, Китая)⁴⁶⁸ должна была свидетельствовать об отсутствии межпартийных разногласий в США по поводу военных целей. Для убедительности администрация позаботилась о том, чтобы именитого республиканца воспринимали как доверенное лицо самого главы Белого дома. Главная идея, которая была доведена до сведения иранского руководства президентским посланцем, заключалась в том, что не только США, но и все главные члены коалиции желают видеть Иран воюющим против Германии⁴⁶⁹. Поскольку дальнейший маршрут Уилки пролегал через Куйбышев и Москву, то его призывы вполне могли восприниматься как согласованное желание союзников и стимулировали желание иранского руководства присоединиться к Объединенным Нациям. Этот акт полуофици-

альной дипломатии был далеко не единственной, но одной из наиболее эффективных попыток оказать нажим на руководство Ирана. В дальнейшем Соединенные Штаты инициировали проведение консультаций с Великобританией, СССР и Китаем по этому вопросу. В итоге, почти через год, 9 сентября 1943 г., шах подписал фирман об объявлении войны Германии. Окончательное присоединение к Объединенным Нациям было оформлено обменом нот между иранским посланником и госсекретарем США 10 сентября. Тексты нот были опубликованы 11 сентября 1943 г.⁴⁷⁰

Одной из острых проблем в отношениях между союзниками с первых месяцев после нападения Германии на Советский Союз стал вопрос о судьбе польских интернированных военнослужащих и граждан, находившихся с 1939 г. на территории СССР. В решении этой проблемы приняли участие и американцы⁴⁷¹. К весне 1942 г. правительство СССР дало согласие эвакуировать поляков в Иран.

Инициатива вывода польской армии Вл. Андерса в Иран не принадлежала одной стороне⁴⁷². Это решение было коллективным, возникшим в процессе противоречивых англо-польско-советских дискуссий осенью – зимой 1941–1942 гг. Соединенные Штаты изначально четко артикулировали советскому руководству свою позицию по данной проблеме, решение которой, по их мнению, должно было соответствовать общим интересам⁴⁷³.

Эвакуация поляков проходила в два этапа: в марте – апреле и августе 1942 г. К середине марта 1942 г. главнокомандующий польскими войсками на территории СССР генерал-лейтенант Андерс был извещен о дефиците военных пайков в советских вооруженных силах. В связи с этим Сталин разрешил вывести польские войска, которые в противном случае могли остаться без продовольствия. Тогда же Иран, вопреки его желаниям, был определен в качестве страны эвакуации. Андерс просил секретаря посольства США в Москве Л. Томпсона оказать содействие в получении помощи в Иране Американского Красного Креста (АКК). В телеграмме от 3 апреля 1942 г. глава польского эмиграционного правительства генерал В. Сикорский благодарил президента США за сочувственное понимание проблем Польши и за поддержку идеи эвакуировать части польской армии из СССР в Иран⁴⁷⁴.

Важное место в иранской политике США занимал вопрос об отношениях Рузвельта к предоставлению СССР выхода к Персидскому за-

ливу. Известно, что ФДР отрицательно относился к решению в ходе войны вопросов, связанных с границами, предпочитая придерживаться принципов, изложенных в Атлантической хартии, к которой присоединился и Советский Союз. Альтернативой советским требованиям аннексии, с точки зрения президента, могла стать опека – международное управление и контроль над стратегически важными районами и пунктами по всему миру. Важной составляющей этого плана было предложение организации свободных портов. По мнению Рузвельта, необходимо было учредить целую сеть свободных портов, что ликвидировало бы географическую изоляцию СССР без аннексии промежуточных территорий. На южном направлении президент полагал возможным установить международную опеку над ТИЖД и создать свободный порт в Персидском заливе⁴⁷⁵.

Об этом Рузвельт разговаривал с Черчиллем и Сталиным на Тегеранской конференции. Сталин прокомментировал это предложение как «интересную идею и не возражал». Однако в Госдепартаменте эту инициативу не поддержали. Там считали, что, хотя международная опека над ТИЖД и одним свободным портом гарантировала СССР выход в Персидский залив, помогала Ирану развивать транзитную торговлю и способствовала укреплению британо-советско-американского сотрудничества, маловероятным было согласие Ирана, СССР и Великобритании на это предложение. Высказывались опасения, что советская сторона вряд ли заинтересуется этим проектом из-за того, что он предусматривал иностранный контроль в северном Иране⁴⁷⁶. Следует отметить, что прогноз американских дипломатов был довольно точен.

Использование территории Ирана для поставок в СССР стало предметом обсуждения в 1940 – первой половине 1941 гг. После ввода союзнических войск львиная доля автодорог и большая часть ТИЖД оказались в зоне контроля Британии, которая должна была организовать их обслуживание и модернизацию. С начала сентября 1941 г. эта тема заняла особое место в переписке Черчилля со Сталиным и Рузвельтом. Данный вопрос затрагивался и на конференции в Москве в конце сентября 1941 г. Но ещё раньше 13 сентября 1941 г. появилась директива президента Рузвельта Военному министерству, санкционирующая планы помощи США Великобритании на Среднем Востоке⁴⁷⁷.

Деятельность американцев в «персидском коридоре» делилась на два периода. Первый продолжался один год, с сентября 1941 г. по

сентябрь 1942 г. В это время Военное министерство США послало свою миссию в Ирак и Иран, а также создало специальный иранский инженерный район. В сентябре 1942 г., через год после средневосточной директивы президента, Объединённый комитет начальников штабов своим решением о передаче США прямой ответственности за продвижение и увеличение поставок через персидский коридор в СССР положил начало второму периоду американской деятельности в Иране, который официально продолжался до 1 июля 1945 г.⁴⁷⁸

Цель американцев в Иране с сентября 1942 г. оставалась прежней – помощь англичанам в снабжении СССР, но главные задачи были изменены. С этого времени скорость поставок и состояние транспортных средств стали главными американскими заботами в «персидском коридоре». Это в основном было связано с ростом плановых поставок в СССР по 2-му (Вашингтонскому) протоколу, приостановкой с июля 1942 г. функционирования северного, арктического пути снабжения СССР через Архангельск и переориентацией движения грузов на другие маршруты. По приказу Рузвельта в Службе снабжения армии США (СОС) Военного министерства был разработан план по обслуживанию иранских коммуникаций вооружёнными силами США, который после одобрения его планировщиками из ОКНШ 22 сентября 1942 г. был передан в военное ведомство для исполнения⁴⁷⁹.

Военное министерство США 14 сентября 1942 г. назначило бригадного генерала Д. Коннолли из штаба ВВС США в штаб СОС командующим обновлённой ПГСК в «персидском коридоре». 11–12 декабря 1942 г. в Хорремшехре выгрузился первый эшелон с 5000 военнослужащими США. Отправка войск была запланирована пятью партиями с октября 1942 г. по март 1943 г. К середине 1943 г. численность ПГСК приблизилась к максимальной – почти 30 тыс. офицеров и рядовых, которая сохранялась до начала 1944 г. С 1 апреля 1943 г. англичане начали передавать американцам обслуживание транспортных коммуникаций в своей зоне контроля⁴⁸⁰.

Советские власти с конца 1941 г. для приемки и транспортировки грузов также начали формировать в Иране специальную организационную структуру. Эта операция получила кодовое название «Особое задание». Главными звеньями в ней были «Ирансовтранс» и Советское транспортное управление (СТУ). В ноябре 1943 г. «Ирансовтранс» (глава – Л. И. Зорин) был подчинен Наркомвнешторгу СССР. К этому

времени его штат насчитывал 1500 человек, из которых 775 были советскими гражданами, командированными в Иран. Его организационная структура включала 23 отдела, 9 контор, специальный отдел «Техноэкспорт», службу дорожного контроля. Кроме того, на территории Ирана было 11 агентств. Снабжение Красной Армии горюче-смазочными материалами было возложено на «Ирансовнефть». Организацией перевозок железнодорожным и автомобильным транспортом в северной зоне Ирана занималось СТУ (начальник генерал-майор И. В. Каргин), которое подчинялось Управлению тыла РККА. Оно имело право реконструкции северных участков ТИЖД и шоссе. Для перегона самолетов были сформированы 6-й и 71-й перегоночно-истребительные авиационные полки. Курировал все поставки через Иран нарком внешней торговли, член ГКО А. И. Микоян. Следует отметить, что у советских руководителей в Иране сложились хорошие отношения с главой ПГСК генерал-майором Коннолли и его офицерами, которые были награждены в 1944 г. советскими боевыми наградами⁴⁸¹.

Появление хотя и служебного, но крупного контингента войск США на территории Ирана заострило вопрос о его правовом статусе. Правительство Ирана, выразив 6 декабря 1942 г. согласие на ввод американских войск, считало необходимым в соответствии с Трёхсторонним договором о союзе заручиться согласием Великобритании и СССР. 7 декабря своё официальное согласие Ирану подтвердили англичане. Советская сторона долгое время отказывалась сделать то же самое, ссылаясь на тот факт, что союзники с ней не согласовывали планы. И только 27 июля 1943 г. правительство СССР наконец согласилось на присутствие войск США при условии, что американо-иранское соглашение по этому вопросу не будет противоречить Трёхстороннему договору о союзе от 29 января 1942 г.⁴⁸²

Параллельно с получением согласия советской стороны на ввод американских войск решалась и другая проблема – заключение соглашения с иранским правительством, регулирующего их присутствие. Но она в течение войны так и не была решена, и пребывание американских войск в Иране так и не было подкреплено официальным соглашением сторон⁴⁸³.

Серьёзной проблемой, с которой столкнулись союзники после ввода своих соединений в Иран, был рост правонарушений со стороны военнотружеников. Анализируя эту проблему, следует учитывать субъек-

тивность многих оценок как самих американских и советских дипломатов, так и многих иранцев и советских историков, которые называли образцовой дисциплину советских солдат. Однако, как свидетельствуют документы, поведение последних было также безупречным. Точной же уголовной статистики по Ирану в годы войны нет, и поэтому трудно делать выводы по поводу того, чьи войска могли претендовать на более безупречную репутацию⁴⁸⁴.

«Персидский коридор» планировалось использовать для доставки грузов не только в СССР, но и в Китай. Такие проекты обсуждались союзниками после того, как бирманская дорога, по которой осуществлялось снабжение войск Чан Кайши, в феврале – марте 1942 г. была захвачена японцами. С инициативой организации маршрута Индия – Иран – СССР – Китай выступила китайская сторона, начав переговоры по этому вопросу с Москвой и Лондоном⁴⁸⁵. Этот путь Китаю казался более перспективным потому, что остальным угрожали либо японцы, либо немцы, а Иран был занят дружественными англо-советскими войсками.

Главным условием для организации этого пути было согласие СССР. Советская сторона сразу же взяла курс на затягивание переговоров, поскольку опасалась спровоцировать Японию на ответные действия. Это нежелание советское руководство сохранило до конца, что и привело к краху проекта⁴⁸⁶.

Краеугольным камнем политики США была программа консультативной помощи. Она была частью планов Госдепартамента по усилению Ирана. Всего в годы войны из США было отправлено 5 основных миссий и несколько отдельных советников (всего около 100 чел.), большинство из которых представляли два основных направления – финансово-экономическое и военно-полицейское. Ирану, который руководствовался концепцией «третьей силы», американские советники нужны были как политический буфер, смягчающий влияние, прежде всего, СССР и Британии. На них также возлагались определенные надежды в деле создания дополнительных каналов экономической помощи. Тем не менее неприязненное отношение со стороны части иранской элиты к советникам из США снижало эффективность их деятельности. Отрицательно сказывалась и ведомственная несогласованность в правительстве США, прежде всего между Госдепартаментом и Военным министерством. Ряд объективных и субъективных факторов привел к неудаче финансовой миссии А. Мильспо⁴⁸⁷, хотя в целом программа кон-

сультативной помощи оказала положительный эффект на экономическую и военную сферы Ирана в годы войны и способствовала укреплению позиций США в этой стране⁴⁸⁸.

Помимо решения политических проблем Соединённые Штаты и Советский Союз были вынуждены устанавливать с Ираном и экономические связи. Продовольственный и валютный дефицит, рост инфляции в эти годы стали наиболее значимыми явлениями в иранской экономике. Было понятно, что борьба с ними без участия союзников была невозможна.

2 мая 1942 г. было объявлено о распространении положений закона о ленд-лизе одновременно и на Иран и на Ирак, на чём настаивали англичане⁴⁸⁹. Это было как нельзя кстати, поскольку кризисные явления в его экономике, обострившиеся после ввода англо-советских войск, к весне 1942 г. не только не были купированы, но и получили дальнейшее развитие. Одной из важнейших проблем, с которой столкнулся Иран после ввода союзнических войск, был продовольственный дефицит, который отчасти объяснялся понятными инфляционными ожиданиями, связанными с вводом больших контингентов войск Великобритании и СССР. Иранцы возлагали вину на союзников, ссылаясь на закупки ими продовольствия, особенно в иранском Азербайджане – одной из самых хлеботородных областей страны, подконтрольной СССР. Союзники обвиняли местных землевладельцев, придерживающих хлеб⁴⁹⁰.

Иранское правительство закупало зерно в СССР, США и Канаде и просило союзников до конца июля 1942 г. предоставить 60 тыс. т пшеницы, а также импортировать до нового урожая 1943 г. 100 тыс. т⁴⁹¹.

Говоря об экономическом кризисе в Иране, нельзя не отметить недостатки в иранской системе снабжения, тесно связанной со всей системой снабжения Среднего Востока. К этому времени у союзников не было единого агентства, которое бы занималось этим вопросом. Несмотря на тот факт, что Ближний и Средний Восток были сферами стратегической ответственности Великобритании, военно-экономическая поддержка Соединёнными Штатами своего союзника, а также отдельных государств этого региона с каждым месяцем возрастала. В связи с этим американцы предложили модернизировать систему снабжения, предлагая создать трёхзвенную логистическую вертикаль: страна Ближнего или Среднего Востока – Средневосточный центр снабжения (СВЦС; руководство в Каире) – Лондон и Вашингтон, а

также ввести в состав СВЦС представителей Соединенных Штатов, что и было реализовано⁴⁹².

После сбора урожая 1942 г., несмотря на то что он был хорошим, ситуация с хлебом продолжала оставаться напряжённой. Иранская сторона ссылалась на невозможность сбора и вывоза с территории хлеборобного севера страны около 350 тыс. т зерна «из-за противодействия Советов» и предлагала закрепить американские и английские обязательства по вопросам продовольственного снабжения Ирана в специальном соглашении, которое было подписано 4 декабря 1942 г. Но, несмотря на данную договорённость, запущенность положения дел с продовольствием привела к новому обострению внутривнутриполитической ситуации. 8 декабря в Тегеране прошли демонстрации, участники которых скандировали: «Вы можете убить нас, но нам нужен хлеб!»⁴⁹³ Эти события можно рассматривать как пик продовольственного кризиса. В апреле 1943 г. стало известно, что советские власти собирались отправить в Тегеран 25 тыс. т зерна. Американский и британский посланники в Иране считали, что эта мера имела пропагандистский характер и была направлена на то, чтобы повлиять на выборы в меджлис. К тому же американцы задавались закономерным вопросом: откуда у СССР зерно, если ему оно также поставлялось союзниками⁴⁹⁴.

Осенью 1941 г. были возобновлены американо-иранские переговоры о торговле. Начался четвертый и заключительный раунд, который завершился подписанием соглашения 8 апреля 1943 г. в Вашингтоне⁴⁹⁵.

В 1943 г. американские советники подвергали серьезной критике советскую экономическую политику в Иране. Дело в том, что 9 января 1943 г. иранское правительство подписало контракт с советскими властями о передаче им в эксплуатацию консервного завода в Шаки, 80% продукции которого должно было отправляться в СССР. Под давлением советской стороны Иран 23 января 1943 г. подписал соглашение о производстве на военных заводах, расположенных около Тегерана, оружия и боеприпасов. Кроме того, СССР был самым большим должником за авто- и железнодорожное обслуживание своих ленд-лизированных перевозок на севере Ирана. Советское правительство требовало, чтобы иранские власти предоставляли эти услуги бесплатно, чтобы они финансировали заводы, производящие боеприпасы, консервы, обувь и медь, а также выдавали большой ежемесячный заем (83 млн риалов). 18 марта 1943 г. СССР подписал с Ираном финансовое соглашение.

4 ноября 1943 г. было подписано новое соглашение, по которому Иран был обязан продать СССР 36000 т риса в половину его стоимости, а СССР Ирану – промышленные товары (хлопковую ткань, газетную бумагу, стеклянные изделия и др.) на 115 млн риалов, причём хлопковую ткань, которая составляла $\frac{3}{4}$ всех товаров, дороже на 50%, чем Иран закупал в Индии. Также шли переговоры по советско-иранскому железнодорожному соглашению⁴⁹⁶.

После Тегеранской конференции экономическая помощь стала ведущим императивом американской политики в отношении Ирана. Это требовало сотрудничества с Лондоном и Москвой, но в отличие от англичан советское руководство не шло навстречу Вашингтону. 14 февраля 1944 г. сотрудником ОСД Госдепартамента Г. Минором был подготовлен документ «Советская эксплуатация Ирана», в котором были обобщены данные о финансовых, военных, торгово-экономических соглашениях СССР с Ираном и советских долгах ему. Растущую тревогу по поводу экономической эксплуатации Ирана в советской зоне вопреки Атлантической хартии, Тегеранской декларации и советским обязательствам американские представители выражали и на американско-английских переговорах в апреле 1944 г. в Лондоне⁴⁹⁷.

Одним из первых серьёзных испытаний для сотрудничества Большой тройки оказался так называемый нефтяной кризис осени 1944 г. Интерес к иранской нефти у Великобритании и СССР был традиционен. В последний период войны в свете стратегического планирования он только усилился. Американское правительство, в силу небывалого роста потребности в нефтепродуктах за годы войны, также активизировало деятельность по поиску и пополнению нефтяных запасов. К 1943 г. стало ясно, что центр мировых нефтяных резервов переместился из западного полушария на Средний Восток, в бассейн Персидского залива⁴⁹⁸.

С февраля 1943 г. представители американской Стандарт Вакуум Ойл Компани стали добиваться предоставления ей нефтяной концессии в иранском Белуджистане и других районах Ирана. В марте 1944 г. к нефтяным концессиям проявила интерес другая американская нефтяная компания – Синклер Ойл Компани. Новое правительство Саеда выразило готовность поддержать американские компании. На Тегеранской конференции Сталин предлагал обсудить вопрос о средневосточной нефти, но не получил поддержки. Однако в то же время начались англо-американские переговоры, которые завершились 8 августа 1944 г. подписани-

ем нефтяного соглашения. В нем утверждался принцип равенства в отношении доступа к нефти и получения концессионных прав. Американцы предполагали сохранить гегемонию Англо-иранской нефтяной компании, но новые месторождения должны были получить США⁴⁹⁹.

После подписания англо-американского нефтяного соглашения Л. П. Берия направил Сталину и Молотову доклад по нефти и политике Англии и США. В нем отмечалось наличие англо-американской конкуренции за нефтяные месторождения, а также их согласие действовать совместно в «отношении любой третьей страны». Берия предлагал «энергично взяться за переговоры с Ираном на предмет получения концессии в Северном Иране»⁵⁰⁰. В сентябре 1944 г. в Тегеран прибыла делегация СССР под руководством заместителя руководителя НКВД С. Кавтарадзе с целью получения нефтяной концессии. Он встречался с премьер-министром и шахом, предложив подписать концессионный договор. При этом советская делегация предлагала некоммерческое, межправительственное соглашение⁵⁰¹.

Американцы внимательно следили за деятельностью миссии Кавтарадзе. Руководство Ирана было настроено против заключения отдельного соглашения по нефти с СССР, и 8 октября 1944 г. на закрытой сессии меджлиса Саед заявил о решении отложить все концессионные переговоры по нефти на послевоенное время⁵⁰². Реакция советской стороны была стремительной и жёсткой: премьер-министр Саед был обвинён во враждебности к Советскому Союзу и профашистской позиции⁵⁰³.

2 декабря 1944 г. меджлис принял инициированный депутатом М. Мосаддыком закон, запрещающий членам правительства вести переговоры о нефтяных концессиях. Москва считала, что эта акция, инспирированная англичанами, была направлена в основном против США и СССР, и предложила Вашингтону объединиться в ответных шагах, но не получила поддержки. Одним из последствий нефтяного кризиса стало сближение позиций США и Великобритании, а также усиление их настороженности в отношениях с Советским Союзом⁵⁰⁴.

Политика СССР и США в отношении Ирана в 1941–1944 гг. претерпевала существенную эволюцию. В ней достаточно отчетливо выделяются два периода, разграниченных «коренным переломом» во Второй мировой войне. Вначале, с осени 1941 г., главные задачи Москвы и Вашингтона совпадали и заключались в обеспечении бесперебойных

поставок грузов ленд-лиза по «персидскому коридору». В их успешности были заинтересованы обе стороны. Это не означало, что на данном этапе у сторон не было специфических задач⁵⁰⁵. После «коренного перелома» и Тегеранской конференции в иранской политике обоих государств усиливаются различия, отражающие их интересы в регионе в свете послевоенных планов мироустройства. Анализ этих различий показывает, что они несли в себе конфликтный характер.

Сравнивая политику США и СССР в Иране в 1941–1944 гг., необходимо обратить внимание на следующие особенности. В отличие от СССР Соединенные Штаты, находящиеся в другом полушарии, до войны не имели здесь военно-политических интересов. Но нападение Германии на СССР и Японии на Пёрл-Харбор изменило ситуацию коренным образом. Необходимость помощи Великобритании на Среднем востоке, в том числе в деле организации поставок в СССР через Иран, привела к резкому вовлечению США в иранские дела. Это в свою очередь потребовало рефлексии по поводу определения роли Ирана во внешней политике Вашингтона и его места и значения в послевоенных планах. Таким образом, политика США по сравнению с советской проделала в рассматриваемый период революционные трансформации.

Отличие было и в том, что советская политика в Иране на всех организационных уровнях была единой и четко базировалась на сталинских установках. Американская политика формировалась в процессе преодоления противоречий, возникавших между различными ведомствами и государственными деятелями. Общие положения и принципы, утверждаемые во внешней политике президентом Рузвельтом, не всегда поддерживали высокопоставленные чиновники в Госдепартаменте и дипломаты, взгляды которых в свою очередь не всегда находили понимание в армии, на флоте и в Пентагоне, а также у конгрессменов. Эти расхождения в иранской политике двух великих держав были следствием фундаментальных различий в их идеологиях, политических режимах и внешнеполитических стратегиях.

2.2.3. Политика Вашингтона и Москвы на Арабском Востоке. Палестинский вопрос

Арабские страны значительно повысили свой статус в иерархии внешнеполитических задач Вашингтона и Москвы после вступления в войну США и нападения Германии на СССР. В 1941–1943 гг. Арабский Восток оказался в центре политики как стран антигитлеровской коалиции, так и оси. Правда, причины их повышенного внимания к региону были различными. Как отмечает М. Френкель, «для стран “оси” Ближний Восток был естественной преградой между Германией и Италией, с одной стороны, и Японией – с другой»⁵⁰⁶. Кроме того, овладение этой территорией для Берлина открывало путь к Британской Индии и персидской нефти. Что касается Великобритании, то в перечне имперских приоритетов контроль над ближневосточным регионом в 1941–1943 гг. занимал второе по значимости место после защиты самих Британских островов. Сохранение здесь своих позиций обеспечивало стратегические преимущества Лондона, так как препятствовало объединению его противников⁵⁰⁷. Интересы Соединённых Штатов были связаны с созданием бесперебойно работающего канала, по которому вооружение в соответствии с Протоколами о ленд-лизе поступало в СССР⁵⁰⁸. Суэц и Басра стали главными опорными пунктами системы военных коммуникаций англичан и американцев в этом регионе. Основной поток американских поставок шёл через Басру, потеря которой вынудила бы США направлять караваны только северным маршрутом, что создало бы дополнительные трудности для Советского Союза в войне.

С определением места Ближнего Востока и Северной Африки в стратегии союзников СССР связано решение вопроса об открытии Второго фронта в Европе. По версии Дж. Кеннана, «Рузвельт стремился к созданию Второго фронта в Европе, чтобы умиротворить Сталина и отсрочить урегулирование территориальных проблем до мирной конференции»⁵⁰⁹. К такому же выводу пришёл и другой американский автор, Р. Пууэски, который в книге «Холодная война. США и Советский Союз 1917–1991» пишет: «Рузвельт считал, что обязательство открыть Второй фронт в 1942 г. является единственным средством обеспечить непрерывное участие Советского Союза в войне и избежать территориальных уступок, которых требовал Сталин»⁵¹⁰. Однако позиция британского премьера была иной. В августе 1942 г. в беседе со Сталиным

Черчилль заметил, что «Второй фронт в Европе – это не единственный Второй фронт»⁵¹¹.

Как заметил Дж. Кирк, «британцы не понимали, что главной целью немцев была Россия, поэтому основное внимание они направили на Ближний Восток»⁵¹². Согласно воспоминаниям английского премьера, Рузвельт первоначально «выразил опасения относительно разумности... попыток оборонять Египет и Средний Восток»⁵¹³. В то же время президент предвидел глобальные последствия для Запада в случае победы стран оси в регионе: потеря Египта и Суэцкого канала, мосульских нефтепромыслов, доступа к нефти Персидского залива⁵¹⁴. Во имя спасения Ближнего Востока Черчилль в 1942 г. убедил Рузвельта согласиться со своей стратегией, в результате чего решение вопроса об открытии Второго фронта в Европе было перенесено на 1943 г.⁵¹⁵ Дж. Кеннан, ретроспективно оценивая это решение, пришёл к заключению, что в начале войны союзникам пришлось заплатить «за свою собственную военную слабость»⁵¹⁶.

В Москве осознавали, какие угрозы таила в себе ближневосточная ситуация. Поэтому в июле 1942 г., когда Рузвельт после поражения англичан под Тобруком обратился к Сталину с просьбой направить на египетский фронт бомбардировщики, находившиеся в Ираке для отправки в СССР, советский руководитель не возражал⁵¹⁷.

В глобальной стратегии всех действующих сторон было заложено стремление обеспечить собственные интересы, для одних это означало сохранить контроль над арабской нефтью, для других – получить к ней доступ. В годы войны, пишет А. М. Васильев, стала меняться роль нефти в мире: «Из преимущественно коммерческого товара она превратилась в стратегический товар высшего приоритета»⁵¹⁸. Ему вторит американский исследователь Б. Рубин: «Нефть становится важной частью государственной политики»⁵¹⁹. О влиянии нефтяного фактора на американскую политику говорил и государственный секретарь Хэлл⁵²⁰. Более широко значение Ближнего Востока оценил Э. Спейсер, руководитель регионального отделения УСС: «После войны для держав будет иметь значение не какой-то отдельный фактор, а геополитическое положение территории»⁵²¹.

Слабость американской политики на Ближнем Востоке к моменту вступления США в войну, по утверждению Р. Хазэвзя, во многом объяснялась тем, что здесь «США не обладали никакими военными и

политическими ресурсами»⁵²². Как отметил Дж. Ленцовски, «отношение к Ближнему Востоку у США определялось признанием этого региона сферой британских интересов»⁵²³. Даже определённые успехи в нефтяном бизнесе Саудовской Аравии, Ирака и Бахрейна не меняли этого отношения. В сфере торговли с арабскими странами американские позиции также выглядели довольно скромно. Среди наиболее заметных показателей можно отметить удельный вес продукции США в импорте Палестины (13,3%) и Ирака (9,1%) и американский сегмент иракского экспорта (15%)⁵²⁴. В то же время, как указывает Дж. Кэмпбелл, «президент имел очень живой интерес к арабскому миру»⁵²⁵, включая такие непростые проблемы, как палестинская и прогерманские настроения в арабской среде.

Американский посол в Каире А. Кирк считал, что «большинство арабов настроено лояльно по отношению к союзникам, они просто не спешат принимать участие в военных действиях». Сложные отношения между арабами и англичанами посол объяснял «недооценкой Черчиллем националистического фактора». С ним в целом солидаризуется Спейсер, отмечавший, что «Вашингтон и Лондон преувеличивали прогерманские настроения в арабском мире» и не обращали внимания на то, что в большинстве своём арабы были «разумно нейтральны»⁵²⁶.

В июле 1942 г. определились общие цели американской политики на Ближнем Востоке, которая предполагала распространение принципов Атлантической хартии на арабский регион, поддержку стремления арабов к независимости, отказ от односторонних привилегий⁵²⁷. Эта хартия, по существу, провозглашала равный для всех стран доступ к источникам сырья, что вызвало недовольство Черчилля, который «заявил, что её принципы не будут распространяться на империю»⁵²⁸.

В связи с возможными «серьёзными и значительными последствиями в случае потери Ближнего Востока» в Вашингтоне предусматривали «всесторонние военно-политические и экономические усилия для удержания этой жизненно важной области». Подчёркивалось, что США занимают «уникальное положение, имеют престиж и влияние в арабской среде благодаря своей прошлой гуманитарной политике». В качестве первоочередных шагов Госдепартамент считал необходимым опубликование декларации правительства Соединённых Штатов о целях американской политики на Ближнем Востоке и направление дипломатических агентов в Сирию и Ливан. Объединённый комитет начальников штабов

предложил учредить американскую миссию, «частично военную, частично экономическую» по характеру. В числе её задач определялись анализ экономической ситуации, широкая политическая пропаганда, развитие связей с местными СМИ и влиятельными политиками. Управление военной информации особо подчёркивало, что добрую волю США надо довести до сведения правительств и народов Египта, Ливана, Сирии, Палестины, Трансиордании, Саудовской Аравии и Ирака с целью получить их активную поддержку в борьбе Объединённых Наций за победу над врагом. Признавая необходимость «тесного сотрудничества» в регионе с англичанами и французами, Государственный департамент считал, что создаваемая миссия должна быть самостоятельной и подчиняться лишь американскому командующему⁵²⁹.

Летом 1942 г. было увеличено американское военное присутствие в регионе и проведена административная реорганизация – в Египет была направлена 9-я американская военно-воздушная армия, а также создано единое военное командование США на Ближнем Востоке. Две американские военные миссии – в Северной Африке (Каир) и в Персидском коридоре (Багдад) – были объединены в Американские вооружённые силы на Среднем Востоке (USAFIME) во главе с генералом Р. Максвеллом, штаб-квартира которого была расположена в Каире. Таким образом, в зоне ответственности USAFIME оказался весь ближневосточный регион от Египта до Ирана⁵³⁰.

Египет был важным звеном в системе морских и воздушных коммуникаций союзников. В 1941 г. американо-египетские отношения, главным образом, определялись торгово-экономическими интересами, о чём свидетельствовала дипломатическая переписка между американским послом в Египте и советником государственного секретаря по международным экономическим вопросам Г. Фейсом, в частности по вопросам согласования нового американо-египетского торгового договора (особенно по длинноволокнистому хлопку), определения ассортимента товаров, как соответствовавших британским военным потребностям в рамках ленд-лиза, так и непосредственно с ними не связанным⁵³¹, а также правового обеспечения американских граждан. Фейс исходил из того, что «всё, сделанное сейчас, позволит в будущем открыть для американской торговли рынок Египта»⁵³². Вашингтон пытался обеспечить свои экономические интересы на Арабском Востоке через традиционную политику «открытых дверей» и, как считал А. Кирк,

для этих целей следовало воспользоваться системой ленд-лиза⁵³³. Посол, обосновывая необходимость распространения закона о ленд-лизе на Египет, указал, что эта мера не только стабилизирует обстановку в стране в условиях войны, но и «позволит в будущем приобрести обширные рынки для американских товаров как на всём Ближнем Востоке, так и в районе Средиземноморья»⁵³⁴.

Но свобода американцев, особенно на египетском рынке, ограничивалась «своеволием британцев», включивших арабские страны на весь период войны в стерлинговую зону⁵³⁵. Египет, например, под давлением Великобритании вынужден был отказаться от экономически выгодных отношений с СССР⁵³⁶. Из-за британского контроля американцы также не могли вступать в непосредственные деловые отношения с египтянами. Хотя часть чиновников Госдепартамента, в том числе заместитель государственного секретаря С. Уэллес, полагала, что американцы должны действовать в рамках английских правил⁵³⁷, во взглядах на принципы формирования политики США в этом регионе единодушия не было. У. Мюррей, имевший неоспоримый авторитет эксперта по ближневосточным проблемам, был «рьяным сторонником равных экономических возможностей для американского бизнеса»⁵³⁸ и имел немало последователей.

Право Египта на помощь в рамках ленд-лиза было признано Рузвельтом в декабре 1941 г., однако процесс окончательного оформления договора затянулся вплоть до 1943 г., так как Госдепартамент считал его несовершеннолетним, к тому же политическая ситуация в этой стране этому не способствовала⁵³⁹. Египет не объявил войну державам оси, и его армия не входила в состав сил союзников. Зимой 1942 г. в стране сложилась критическая обстановка. Король Фарук вынужден был по требованию англичан сместить с поста начальника генштаба Азиза аль Масри, который пользовался огромным авторитетом среди молодых офицеров, настроенных прогермански. В связях с немцами многие офицеры видели шанс на освобождение Египта от британских войск⁵⁴⁰, да и сам король питал надежды на успехи стран оси.

В начале февраля 1942 г. антибританские настроения египтян и прогерманские симпатии короля и части офицеров стали настолько открытыми, что английское правительство 4 февраля предъявило Фаруку ультиматум с требованием отставки членов кабинета, удаления из дворца нежелательных элементов и назначения на пост премьер-министра М. Наххаса, лидера партии Вафд⁵⁴¹. В случае отказа принять эти

условия английский посол в Каире угрожал довести дело до отречения короля от престола⁵⁴².

Как пишет П. Хан, «после получения британского ультиматума король попросил американского посла А. Кирка подтвердить принцип египетского самоуправления», но посол отказался это сделать⁵⁴³. Однако переписка Кирка с Уэллесом позволяет внести в эту интерпретацию событий некоторые коррективы. Кирк действительно убеждал короля согласиться с требованиями англичан, заметив, что Соединённые Штаты не могут вмешиваться во внутренние дела страны. Посол настаивал на том, что в условиях войны следует добиваться прежде всего объединения сил в борьбе против стран оси, а остальные задачи можно будет решить после победы в войне⁵⁴⁴. По этому поводу в Государственном департаменте состоялась дискуссия, выявившая наличие существенных разногласий. Уэллес одобрил позицию посла, но глава ближневосточного отдела Госдепартамента Мюррей считал, что надо было вмешаться в англо-египетский конфликт и открыто заявить англичанам «о нежелательности смещения Фарука», поскольку при таком развитии событий «он станет в глазах египетского народа жертвой, что приведёт не только к обострению обстановки, но и усилит немецкую пропаганду». Мюррей утверждал: «Англия, кажется, не понимает, что это наносит удар по их престижу на Востоке», и английский посол в этой сложной обстановке проявил «бестактность» по отношению к королевскому двору⁵⁴⁵. Возражения Уэллеса выглядели не менее убедительно: «Может быть, посол и показал полное отсутствие такта в египетской ситуации, но мы не должны об этом прямо говорить. Египет входит в сферу британских интересов, и британское правительство, вполне естественно, будет возмущаться таким заявлением с нашей стороны»⁵⁴⁶. Контраргументы главы ближневосточного отдела сводились к тому, что его предложения означают «не вмешательство, а выражение надежды, что будут найдены средства для стабилизации обстановки в Египте... Принимая во внимание важность Ближнего Востока как театра боевых операций и канала военных поставок, в связи с которыми правительство предпринимает значительные усилия», Соединённые Штаты впредь не должны занимать пассивную позицию⁵⁴⁷. Военный атташе в Каире полковник Б. Феллерс предлагал вообще не вмешиваться в англо-египетские трения, чтобы «не ставить под угрозу хорошее отношение египтян к США»⁵⁴⁸.

По словам египетского автора А. Хамруша, в период кризиса короля «утешал» сотрудник УСС, его неофициальный советник Кермит Рузвельт. Кермит Рузвельт, внук экс-президента Теодора Рузвельта, был важной фигурой в ближневосточной политике США, выступал за развитие американско-египетских отношений параллельно с отношениями с Саудовской Аравией⁵⁴⁹. У него установились доверительные отношения с египетским монархом, которому он внушал, что «Египет уже сейчас должен присматриваться к США как к новому партнёру»⁵⁵⁰.

В то же время в американской прессе критически оценивали политику молодого египетского короля, называя его «предателем», «глупым», «безрассудным», что, естественно, оскорбляло египтян. Как пишет П. Хан, «их протест привлёк внимание президента, заместитель госсекретаря С. Уэллес принёс публичные и частные извинения, но они лишь частично смягчили негативный имидж американцев в среде египетских чиновников»⁵⁵¹. В итоге американское руководство сочло нецелесообразным оспаривать методы британской политики в условиях, когда существовала реальная угроза германского захвата Египта⁵⁵². Учитывалось, что Египет в 1942 г. был ключевым звеном в защите Ближнего Востока от стран оси благодаря своим морским и воздушным коммуникациям.

Государственный секретарь К. Хэлл рекомендовал американскому послу в Каире собирать «любую информацию, касающуюся Египта и Судана, британских и итальянских вооружённых сил, ситуации в Восточном Средиземноморье и Красном море»⁵⁵³.

Появление американских военнослужащих на территории Египта и Ирака потребовало решения вопроса об их правовом статусе. Согласно дипломатической переписке, Вашингтон был склонен к использованию юрисдикции американских военных властей в отношении как военнослужащих, так и гражданских лиц. Однако египетские власти решили из их компетенции изъять дела, касающиеся гражданских лиц. Кирк советовал действовать осторожно, чтобы не вызвать недовольства египетского правительства⁵⁵⁴, учитывая, что, в отличие от Великобритании, у США не было никаких привилегий в этой стране. Вашингтон не возражал против «джентльменского соглашения», в рамках которого Каир соглашался с военной американской юрисдикцией, но сохранял своё право в отношении разбирательства дел гражданских лиц⁵⁵⁵. В Ираке, наоборот, власти предоставили американцам те же привилегии и иммунитет, которые имели британцы⁵⁵⁶.

Важнейшей стратегической задачей для США являлась организация снабжения Советского Союза по южному потоку, в то же время предусматривался ленд-лиз и для арабских стран⁵⁵⁷. В сферу действия этой программы включены были Египет, Ирак и Саудовская Аравия. С увеличением военных поставок возникла потребность в строительстве или оборудовании имеющихся аэродромов, железных дорог и портов на Красном море, создании производственных мощностей для обслуживания американской техники, обеспечении продовольствием военного и технического персонала. В результате в годы войны на Арабском Востоке стали появляться различные промышленные объекты, в отношении некоторых, по мере исчезновения непосредственной угрозы со стороны стран оси, возникал вопрос о послевоенных титульных правах. Так, в Египте развернулась дискуссия между американцами, англичанами и египтянами вокруг военной авиабазы и гражданского аэродрома близ Каира и трубопровода Каир – Суэц⁵⁵⁸.

Британские власти, используя свои приоритетные права в этой стране, не хотели допускать американцев к строительству военного аэродрома и реконструкции гражданского, хотя египтяне не возражали против участия американской стороны. В Вашингтоне полагали, что США, как и Великобритания, имеют право на определённое число баз на Ближнем Востоке, в том числе и в Египте. Помимо этого американское правительство поставило вопрос о своих послевоенных авиационных правах, об использовании коммерческими воздушными судами аэропортов и баз, которые были построены или оборудованы американцами⁵⁵⁹.

Предметом разногласий также стал вопрос о нефтяном трубопроводе, решение о проводке которого было принято Каирским нефтяным комитетом в интересах «Шелл компании оф Египт», монополиста на нефтяном рынке Египта. Трубы для этого важного стратегического объекта поставлялись по программе ленд-лиза британской армии, дислоцированной в Ливии. Госдепартамент и Управление по осуществлению закона о ленд-лизе были обеспокоены тем, что произошёл «неоправданный реэкспорт» и использование ленд-лизовских материалов в коммерческих целях. Египетское правительство, в свою очередь, потребовало урегулирования вопросов о послевоенной собственности нефтепровода, считая, что он должен принадлежать Египту, и компенсации за железные дороги, разрушенные в годы войны. Началась переписка Госдепартамента с Лондоном и Каиром, в ходе которой амери-

канской стороной был предложен следующий вариант решения вопроса: послевоенное право собственности делилось между США и Англией пропорционально внесённому вкладу. Египетское правительство получало право использования действующей трассы в обмен на приемлемую арендную плату, которая состояла из согласованной минимальной базовой суммы, а также, возможно, из доли от доходов, полученных от работы трассы. Для определения тарифов и объёма прокачки нефти создавалась Совместная комиссия из представителей трёх сторон⁵⁶⁰. Трубопровод открывался для транспортировки нефтепродуктов для всех компаний на общих основаниях. Лондон в ответ на американский вариант выступил за дальнейшее обсуждение проблемы в целом.

США приняли участие в решении продовольственного вопроса в арабских странах и создали своё представительство в Средневосточном центре снабжения (СВЦС), расположенном в Каире⁵⁶¹. Снабжение шло как по каналам ленд-лиза, так и по коммерческим. Понимая, что продовольственные поставки не решат проблемы, была развёрнута деятельность по налаживанию местного сельскохозяйственного производства. В Египте, например, сокращались посевы хлопка за счёт увеличения посевов пшеницы, риса, кукурузы.

Вопрос о поставках арабам решался непросто. Возражения Конгресса против распространения закона о ленд-лизе на арабские страны сводились к следующим доводам: это недемократические режимы, к тому же не участвующие в военных действиях против стран оси, в них сильны прогерманские настроения. Но ленд-лиз открывал для Соединённых Штатов широкие возможности не только для экономического проникновения, но и для усиления политического влияния на Арабский Восток⁵⁶².

Экономические методы сыграли важную роль в американской ближневосточной политике: они способствовали, с одной стороны, росту популярности США в арабском мире, с другой – проникновению американского капитала на его рынки⁵⁶³, что в свою очередь стимулировало активизацию американского участия в решении проблем региона. Распространение программы ленд-лиза на невоюющие арабские страны обусловило необходимость контроля Вашингтона за эффективностью доставки, распределения и использования американских товаров. В течение 1942 г. американская сторона инициировала и осуществила модернизацию всей логистической вертикали Среднего Востока, центральным звеном которой был Средневосточный центр снабжения, конт-

ролировавшийся англичанами. В результате этой реформы последним пришлось разделить административную ответственность в СВЦС и его структурных подразделениях в отдельных ближневосточных странах с американцами. Используя механизм ленд-лиза, Вашингтон получал возможность на равных правах с Англией контролировать материальные ресурсы арабских государств, включая транспорт и продовольствие⁵⁶⁴. К концу 1943 г. поставки США арабам по ленд-лизу оценивались в 1,5 млрд долл.⁵⁶⁵

Большая часть американской помощи поступала в регион не напрямую, а через руки британцев, и в Госдепартаменте стали раздаваться голоса в пользу прямых поставок и активного участия в контроле за снабжением Ближнего Востока своими товарами. Но и арабские власти (Саудовской Аравии, Ирака, Египта) были заинтересованы в непосредственных связях с Вашингтоном, о чём свидетельствует дипломатическая переписка за 1943 г.⁵⁶⁶ Вначале американцы, чтобы не обострять отношений с Лондоном, пытались действовать через СВЦС, давая понять, что они в нем участвуют на равных с англичанами. В отношении Саудовской Аравии позиция Вашингтона в этом вопросе была более принципиальной. Хэлл предложил назначить руководителем союзной экономической миссии в королевстве представителя США, на что последовало «сердитое возражение» британского министра иностранных дел Идена⁵⁶⁷.

В свою очередь Эр-Рияд проявил настойчивость в желании предъявлять свои запросы напрямую американцам⁵⁶⁸. В результате Саудовская Аравия получила право подавать заявки непосредственно американскому посланнику в Джидде. Госдепартамент, признавая ближневосточный регион зоной британской военной ответственности, в то же время исходил из того, что доминирующие позиции в экономике Саудовского королевства должны принадлежать США, а британская активность здесь оценивалась как «потенциально вредная»⁵⁶⁹. В соответствии с таким подходом предпринимались меры помощи Саудовской Аравии, направленные на развитие её экономики и стабилизацию финансовой системы. Во время посещения Фейсалом (сын Ибн Сауда) Вашингтона в 1943 г. было достигнуто соглашение, в соответствии с которым 5 167 000 унций серебра казначейства Соединенных Штатов отдавалось в рамках «возвратного ленд-лиза» на условиях «возвращения серебряной унции за унцию в течение пяти лет после окончания войны». Этого количество серебра было достаточно для чеканки 15 000 000 ри-

алов, необходимых для удовлетворения потребностей Саудовской Аравии в валюте до конца года⁵⁷⁰. Из предоставленных серебряных слитков в Филадельфии чеканилась саудовская серебряная монета риал⁵⁷¹. Позже было создано денежно-кредитное агентство, которое стало основой Центрального банка королевства.

Интерес к Саудовской Аравии был не случайным. После поражения стран оси в Северной Африке и снятия угрозы Суэцу и Басре как важнейшим пунктам обеспечения южного потока поставок в Советский Союз ближневосточный регион стал рассматриваться как пространство для укрепления послевоенных геополитических позиций США. С 1943 г. важнейшей задачей американского глобального планирования стал контроль над мировым нефтяным рынком, основное место в котором должен был занять ближневосточный регион и, в частности, Саудовская Аравия. Кроме того, уже тогда в Вашингтоне оценили коммуникационную роль Ближнего Востока как безупречной в стратегическом отношении территории для размещения военно-воздушных и морских баз.

Главную роль в том, что именно Саудовская Аравия стала приоритетным арабским государством в политике администрации Рузвельта, сыграл, прежде всего, нефтяной фактор. «Нефть была важнейшим стимулом для активизации ближневосточной политики США», – пишет Р. Хаззэвэй⁵⁷². По мере возрастания успехов в борьбе со странами оси нефтяная проблема стала приобретать стратегический характер. При госсекретаре был создан Комитет по международной нефтяной политике. «Нефтяные монополии и Государственный департамент координировали свои усилия для обеспечения в будущем главной роли США на Ближнем Востоке», – пишет Л. Шелдон⁵⁷³. С этой оценкой согласен Дж. Гуревич: «Американские нефтяные компании и Госдепартамент начали беспокоиться по поводу будущих нефтяных позиций»⁵⁷⁴. В марте 1943 г. председатель Комитета по международной нефтяной политике сообщил, что уже в ближайшие годы потребности в нефти для обеспечения жизненно важных интересов страны превысят внутреннее производство⁵⁷⁵.

Координатором нефтяной политики стал министр внутренних дел Г. Икес. Для стимуляции со стороны государства капиталовложений в нефтяную отрасль и приобретения концессий была создана «Петролеум резерв Корпорэйшн», деятельность которой свидетельствовала о тесной связи правительства с нефтяными компаниями в военные годы, но активное вторжение правительства в частный бизнес одновременно

вызвало и недовольство⁵⁷⁶. Первым шагом на пути укрепления нефтяных позиций США была инициатива нефтяных магнатов оказать финансовую помощь Саудовской Аравии, правительство которой испытывало большие затруднения. Эта тема нашла достаточное отражение в исторической литературе⁵⁷⁷. Отметим, что Рузвельт не сразу согласился на предоставление ссуды, хотя она обеспечивалась саудовской нефтью. Как пишет Ленцовски, у президента не было для этого достаточной законодательной базы⁵⁷⁸.

В конечном итоге король Абд аль Азиз ибн Сауд помощь всё же получил, но «окольными путями», через «американскую помощь Великобритании в рамках закона о ленд-лизе»⁵⁷⁹. Такой вариант не всех устраивал в Вашингтоне, так как благодаря финансовой помощи, предоставляемой королю за счёт США, позиции Лондона в королевстве могли усилиться. Американские нефтяные компании забили тревогу и начали ходатайствовать об оказании Саудовской Аравии прямой помощи. Хэлл рекомендовал Рузвельту активизировать политику по отношению к этой стране, обосновав это предложение наличием в ней крупных запасов нефти, «подозрительной активностью англичан» и заинтересованностью военного ведомства в создании аэродромов⁵⁸⁰. В начале 1943 г. Хэлл разъяснил Стеттиниусу, возглавлявшему тогда Управление по осуществлению закона о ленд-лизе, почему следовало пересмотреть существовавшую практику взаимоотношений с этой страной. В приведённом им обосновании фигурировал довольно длинный перечень причин, являвшихся, по мнению госсекретаря, достаточно убедительными: «Правительство Саудовской Аравии является единственной крупной политической единицей на Ближнем Востоке, на которую не распространился закон о ленд-лизе»; страна выполняет важную коммуникационную функцию; «правительство Саудовской Аравии весьма сочувственно к делу Объединённых Наций»; «военные заинтересованы в получении права летать над некоторыми необитаемыми зонами Саудовской Аравии»; «затруднительно будет получить дополнительные привилегии от правительства Саудовской Аравии, если мы не готовы дать определённую прямую помощь этой стране»⁵⁸¹. Стеттиниус согласился с доводами госсекретаря и вскоре сообщил, что направил письмо президенту, в котором право королевства на получение помощи по ленд-лизу аргументировал тем, что «оборона Саудовской Аравии имеет важное значение для обороны Соединённых Штатов»⁵⁸². 18 февраля 1943 г. Руз-

вельт признал этот аргумент весомым обоснованием для включения Саудовской Аравии в зону действия закона о ленд-лизе⁵⁸³. Таким образом, условия для окончательного решения вопроса о саудовской нефти фактически были подготовлены.

В решении нефтяных вопросов начиная с 1943 г. США сталкивались с проблемами, которые создавали не только англичане, но и арабы, как было в случае с пересмотром соглашения между иракским правительством и американской «Ниа Ист Дивелопмент Корпорэйшн», имевшей долю в «Басра Петролеум Компани», дочерней «Ирак Петролеум Компани» (ИПК). Иракские власти под предлогом того, что американская компания не выполнила ряд концессионных обязательств в отношении развития района Басры, потребовали выплатить земельную ренту (за 1942 и 1943 гг.), чтобы сохранить концессию. Это нарушало соглашение от 1928 г., по которому все компании, входившие в ИПК, имели равные права⁵⁸⁴. В феврале 1943 г. госсекретарь направил письмо иракскому правительству, требуя разъяснения причин, по которым именно в отношении американской компании были изменены условия концессии. В Вашингтоне подозревали, что к этому имеет отношение «Англо-иранская нефтяная компания»⁵⁸⁵. Перед Каирской конференцией Госдепартамент подготовил материал для президента по вопросу о нефтяных концессиях на Ближнем Востоке, в котором актуализировалась позиция США в контексте установления связи между «Англо-иранской нефтяной компанией» и ИПК⁵⁸⁶. Цель записки заключалась в том, чтобы подготовить президента к обсуждению этой проблемы на конференции.

Доступ к ближневосточной нефти в планах Госдепартамента стал обеспечиваться в русле решения задачи «защиты важных интересов США за рубежом», в связи с чем возникла проблема урегулирования отношений с Великобританией. В ноте английскому послу Галифаксу Хэлл указал на «актуальность и важность этого вопроса», на необходимость немедленно приступить к переговорам⁵⁸⁷. Как пишут Джойс и Габриэл Колко, «Вашингтон стал давить на Англию, чтобы пересмотреть соглашение 1928 г. о разделе нефти»⁵⁸⁸. Переписка велась не только между внешнеполитическими ведомствами, но и между Рузвельтом и Черчиллем. На встрече с английским послом Галифаксом президент озвучил американский план: «Персидская нефть ваша, Ирак и Кувейт подлежат разделу. Что касается Саудовской Аравии – это наше»⁵⁸⁹. Американский президент заверил английского премьера, что

США не претендуют на английские нефтяные позиции в Ираке и Иране, однако «никакая великая держава не должна создавать угрозу американскому нефтяному бизнесу в Саудовской Аравии»⁵⁹⁰. В ответ Черчилль заявил, что и Великобритания «не пытается посягать на американские интересы и собственность в Саудовской Аравии»⁵⁹¹, однако посетовал на то, что имеются большие расхождения в позициях Белого дома и кабинета министров. В начале марта 1944 г. стороны наконец договорились о переговорах в Вашингтоне, которые затем были продолжены в Лондоне, куда отправился Стеттиниус. Но в этот момент Москва поставила вопрос о необходимости участия в переговорах и других заинтересованных сторон⁵⁹². По данному поводу Гарриману поручалось сообщить советскому руководству, что переговоры касаются только интересов США и Англии и «никакие решения, затрагивающие интересы других стран, не будут приниматься без консультации с ними»⁵⁹³, и проинформировать Вашингтон о реакции Москвы. Одновременно госсекретарь направил письмо американским дипломатам в странах Ближнего Востока, перед которыми ставилась задача объяснить арабским руководителям, что от американо-английского нефтяного соглашения выгоду получают и страны, обладающие этим ресурсом⁵⁹⁴.

Подписанное в Лондоне в 1944 г. соглашение, признававшее право на «ничем не ограниченный доступ» к источникам нефти во всех районах земного шара, свободное изыскание и развитие нефтяных ресурсов и т. д. увеличивало американскую долю в нефтяном бизнесе на Ближнем Востоке до 42% вместо 13% накануне войны⁵⁹⁵. Однако независимые американские нефтяные компании увидели в соглашении нарушение американского принципа свободной торговли, и оно не было ратифицировано Сенатом. Оценивая договорённость и те препятствия, которые возникали на её пути, Хазэвэй заметил: «Пока Соединённые Штаты и Великобритания конкурировали друг с другом, этим могли воспользоваться русские»⁵⁹⁶, которые, действительно, так и сделали. Советское руководство стало претендовать на бывшую царскую концессию в Северном Иране, от которой большевики отказались в 1921 г. В связи с этим любопытную версию выдвинул в своей работе Дж. Кирк⁵⁹⁷. Он полагал, что у США появился предлог для пересмотра нефтяных концессий в Иране, что могло ударить по позициям Великобритании, но при условии, если Сталин пойдёт на сотрудничество в этом вопросе с Вашингтоном, но тот стал действовать самостоятельно. В свою очередь

Б. Кунихолм высказал предположение, что «соглашение 1944 г. по нефти, скорее всего, было вызвано подозрительным отношением к политике СССР на Ближнем Востоке», и в основании этих подозрений лежала традиционная царская политика, продолжением которой на Западе считали советскую⁵⁹⁸. Однако попытки Москвы претендовать на северо-иранскую нефть были сорваны иранским правительством при поддержке США⁵⁹⁹.

Вытеснение англичан с нефтяного пространства аравийского королевства позволило Вашингтону укрепить свои военно-политические позиции. Летом 1943 г. в Джидде открылось американское посольство, во главе которого оказался У. Эдди, опытный разведчик, хорошо знавший арабский мир⁶⁰⁰; в ноябре с визитом в Вашингтон прибыли два сына Ибн Сауда; в этом же году Ибн Сауд и президент Рузвельт обменялись личными посланиями⁶⁰¹.

Вашингтон, понимая роль Ближнего Востока в системе мировых коммуникаций, проявил большой интерес к военно-воздушным базам и строительству аэродромов. Но так как британцы запрещали на своём пространстве создавать иностранные базы, американцы могли рассчитывать только на Саудовскую Аравию. Переговоры о строительстве военно-воздушной базы в Дахране завершились осенью 1945 г., что объяснялось принципиальными установками Ибн Сауда не допустить «иностранной оккупации» и сдавать базы в аренду не более чем на 5 лет. Кроме того, королевское правительство хотело получить от Вашингтона гарантии послевоенной американской помощи и долгосрочного экономического сотрудничества⁶⁰². В строительстве нефтепровода Дахран – Сайда, о котором в 1944 г. начались переговоры, была заинтересована американская компания «Таплайн». В Эр-Рияд прибыли американские военные советники для обучения саудовской армии. Оживлённая переписка по вопросу открытия консульства в Дахране шла весной 1943 г., причём планировалось включить в сферу его ответственности и Бахрейн. Однако возникли разногласия как с англичанами, так и с королём, который опасался создания прецедента для третьих стран, например Ирака⁶⁰³.

К 1945 г. наибольший прогресс в политике Вашингтона на арабском направлении просматривался в американо-саудовских отношениях. Американской дипломатии удалось также существенно укрепить свои позиции в Египте. Госдепартамент признал эту страну, как «лучшего

американского клиента среди стран Ближнего Востока», о чём свидетельствовало увеличение экспорта за годы войны в долларовом объёме в 10 раз и сделал вывод, что «можно ожидать в будущем, что Египет будет прилагать усилия для улучшения отношений с Америкой». Выступая в июне 1944 г. в Политическом комитете Госдепартамента, директор экономических операций на Ближнем Востоке Дж. Лэндис отметил, что «Египет – наиболее экономически развитое государство на Ближнем Востоке»⁶⁰⁴. В связи с этим встал вопрос о повышении статуса дипломатической миссии в Каире. В апреле – мае 1944 г. этот вопрос обсуждался во время посещения Лондона Мюрреем. В беседе с Иденом он упомянул об «аномальном положении», когда США, по существу, не имеют полноправных посольств в Египте и Ираке и представлены лишь посланниками⁶⁰⁵. При обсуждении камнем преткновения стал вопрос о повышении статуса американского дипломатического представителя с уровня посланника до ранга посла и признании за ним тех же прав и полномочий, что и у посла Великобритании, против чего возразил Лондон на том основании, что «британские представители, в соответствии с договорами с Ираком и Египтом, имеют преимущественное положение по сравнению с другими иностранными дипломатическими представителями в этих странах». Чтобы не обострять отношений, американская сторона согласилась пока ничего не менять, но при этом заявила, что «оставляет за собой полную свободу действий по этому вопросу»⁶⁰⁶.

В орбиту американских интересов также был включён Ирак, особенно благодаря его нефтяным богатствам. Американские нефтяные компании контролировали 27,75% в нефтяном холдинге «Ирак петролеум компании». В 1942 г. американо-иракские отношения сводились в основном к урегулированию вопросов поставок по ленд-лизу, создания авиабазы в Басре и таможенных тарифов на ввозимые материалы.

Вашингтон добивался от иракских властей освобождения от уплаты таможенных и других пошлин на ввозимые в Ирак грузы для американской военной миссии, а также на транзитные грузы. США претендовали на освобождение от налогообложения наравне с англичанами. В частности, американская сторона отказывалась удовлетворить требование иракских таможенных органов оплатить наличными пошлину на ввозимое компанией «Пан Америкэн» оборудование для реконструкции аэропорта в Басре. Государственный департамент заявил, что «Пан Амери-

кэн» функционирует в Ираке в статусе официального агентства правительства Соединенных Штатов, на основании чего компания должна быть освобождена от уплаты пошлины⁶⁰⁷. Частные проблемы касались выплаты компенсаций за грабежи американских фирм и граждан в Багдаде во время событий 1941 г. Британские подданные их получили, в то время как в отношении американских решение вопроса откладывалось вплоть до 1944 г. Вашингтон это рассматривал как проявление дискриминации американцев. Только в 1944 г., когда позиция американского правительства смягчилась, было достигнуто компромиссное решение⁶⁰⁸. В марте 1944 г. посланник в Багдаде Гендерсон дал детальный анализ системы британского присутствия в Ираке, отметив, что Великобритания «использует колониальные методы управления, полностью контролирует страну, не допуская ни одну державу», и оценив условия для развития американской экономической и коммерческой деятельности как «неблагоприятные»⁶⁰⁹. Дж. Кеннан, посетив Багдад летом 1944 г., скептически отнёсся к идее усиления в Ираке позиций США, считая, что «это повлечёт за собой ответственность, которую американцы навряд ли пожелают нести»⁶¹⁰. Однако иракские политики выступали за развитие отношений с США. В ноябре 1944 г. министр иностранных дел А. Умари передал Гендерсону меморандум с предложением «установить более тесные отношения»⁶¹¹.

В конечном итоге Вашингтону не удалось в годы войны так же прочно утвердиться в Египте и Ираке, как в Саудовской Аравии. В это время политические позиции Британии в этих государствах были достаточно сильны, особенно в Ираке, где правила Хашимитская династия, давний союзник Великобритании в арабском мире. К тому же условия военного времени обязывали США считаться с ближневосточной системой, созданной англичанами после Первой мировой войны.

Провозглашаемые Вашингтоном принципы Атлантической хартии способствовали распространению американского влияния на арабов в ущерб позициям Великобритании и Франции⁶¹². Этот процесс можно проследить на примере завоевания независимости народами Сирии и Ливана в 1944 г. В годы войны эти страны заняли особое место в политике союзников, так как после поражения Франции они, как мандатные территории, могли оказаться в руках стран оси. Поэтому, когда в 1942 г. Форин офис признал независимость Сирии и Ливана, Госдепартамент колебался, так как ещё поддерживал отношения с прави-

тельством Виши. Движение народов Леванта за независимость встретило положительную реакцию администрации Рузвельта, которая выступила против попыток Ш. де Голля сохранить «особое положение» Франции в этих странах и после войны⁶¹³. В результате комитет «Свободной Франции» вынужден был признать независимость Сирии и Ливана де факто с 1 января 1944 г. Со словами признательности за поддержку их движения президенты Сирии и Ливана обратились с посланиями к Рузвельту, Сталину и королю Георгу⁶¹⁴. Независимость этих стран вскоре была признана США и СССР. Однако установление дипломатических отношений Сирии и Ливана с СССР вызвало в Госдепартаменте некоторое беспокойство, так как там понимали, что появился новый фактор в окончательном решении левантийского вопроса. Недаром было отмечено, что советские дипломаты органично могли войти в арабскую среду, так как первый посол в Сирии Д. Солод был арабистом, а в Ливане А. Султанов – арабоязычным мусульманином⁶¹⁵. В Вашингтоне учитывали и такой момент, как возможность обращения за помощью к СССР одной из политических группировок в условиях политической нестабильности в этих странах.

Если обратиться к оценкам политики США по поводу Сирии и Ливана в эти годы, то можно сослаться на замечание представителя либерально-критического направления в американской историографии Л. Гарднера, который считает, что это «было своеобразное понимание независимости, которое сопровождалось сотрудничеством с американскими предпринимателями и военными советниками»⁶¹⁶. Такая же оценка присутствовала и в работах советских учёных: «Ликвидация военной и политической власти французского империализма в этих странах создавала благоприятные условия для экспансии американских монополий»⁶¹⁷. Ливан и Сирия включались в орбиту американской политики не только потому, что Вашингтон был заинтересован в ликвидации французского мандата. Через территории Леванта проходила транспортировка нефти американскими компаниями из Саудовской Аравии и Ирака. Не случайно признание Соединёнными Штатами в 1944 г. независимости Ливана произошло как раз в период переговоров с Эр-Риядом о строительстве нефтепровода Рас-Танура – Сайда (ливанский город)⁶¹⁸.

Важнейшим вопросом во взаимоотношениях США с арабами была многоплановая палестинская проблема, поэтому её следует рассматривать в контексте арабской позиции и отношения к ней президента

Рузвельта. Для получения информации о настроениях в арабском обществе, а также для выяснения условий в Египте и других странах с точки зрения их соответствия национальным американским интересам, в годы войны неоднократно направлялись специальные миссии – бригадного генерала П. Хёрли (спецпредставителя Рузвельта), подполковника Г. Хоскинса, здесь побывали также начальник УСС У. Донован, А. Гарриман и ряд других высокопоставленных политиков и квалифицированных экспертов⁶¹⁹. Хёрли и Хоскинс не были штатными дипломатами и анализировали ситуацию на Ближнем Востоке, основываясь на личных наблюдениях и впечатлениях, не будучи скованными какими-либо ведомственными предубеждениями.

Цели таких поездок были разнообразными, но центральное место занимало ознакомление со взглядами на еврейский вопрос арабских руководителей. В течение трёх с половиной месяцев зимы 1942–1943 г. Хоскинс находился в странах Ближнего Востока и Северной Африки. В аналитической записке Рузвельту он сделал следующие выводы: существует опасность вооружённого конфликта в Палестине, что может вызвать антисемитские выступления в Ираке и Сирии; сирийцы сомневаются в искренности американцев, что они действительно сторонники их независимости; среди арабов бытует мнение, что США, а не Великобритания настаивают на создании в Палестине еврейского государства. Сложность еврейской проблемы, по мнению Хоскинса, состояла, во-первых, в поддержке Западом преследуемых в Европе евреев, во-вторых, в спорности самого вопроса о создании в Палестине еврейского государства. Хоскинс считал, что надо попытаться переубедить американское общественное мнение, находящееся под влиянием сионистской прессы: «Нужно дать понять американскому народу, что еврейское государство в Палестине может быть навязано арабам только военной силой»⁶²⁰. С этой целью он предложил организовать визит в США группы арабских политиков, а также обнародовать от имени союзников совместное заявление о том, что решение вопроса откладывается до окончания войны и будет приниматься только после всесторонней консультации с арабами и евреями⁶²¹. Позже предпринятая Хоскинсом попытка организовать встречу Ибн Сауда с Х. Вейцманом не удалась ввиду отказа короля⁶²².

Вслед за Хоскинсом Палестину посетил личный посланник президента Рузвельта генерал Хёрли⁶²³. Он так же, как и Хоскинс, отметил

враждебность арабов к еврейской иммиграции и созданию государства. Сионисты в разговорах с ним утверждали, что США несут ответственность за судьбу еврейского государства, генерал, в свою очередь, обвинил их в «некорректности», ибо считал, что «нет очевидных доказательств, что американское правительство или американский народ поддерживали создание еврейского государства в Палестине»⁶²⁴. На встречах с арабскими лидерами Хёрли подчёркивал отличие американской политики от «европейского империализма» и от позиции СССР. В беседе с Ибн Саудом генерал сказал, что лично он против создания еврейского государства, но американское правительство должно учитывать интересы американских евреев⁶²⁵. Ему понравилась идея образования Арабской федерации, в составе которой проживающие в Палестине евреи получают автономию. В отличие от Хоскинса Хёрли предложил подготовить совместное американско-английское решение, которое чётко определило бы позицию – создавать или нет еврейское государство. К заявлению Хёрли неодобрительно отнеслись американские и палестинские сионисты, причём «проарабскую позицию генерала они объяснили его личными интересами в нефтяном бизнесе». Однако Р. Бьюхайт считает, что меркантильные интересы спецпредставителя – субъективный фактор. Объективно же речь шла о принятии фундаментального решения о создании национального еврейского государства на Ближнем Востоке, которое имело многочисленных противников из-за возможных нежелательных последствий для определённой части американской бизнес-элиты⁶²⁶.

Рекомендации Хоскинса и сведения о приезде в Вашингтон сыновей Ибн Сауда просочились в прессу, после чего поднялась организованная американскими сионистами кампания. Как пишет Гарднер, Рузвельт был рассержен: «Мне меньше всего симпатичны те евреи, которые выступают против моей встречи с сыновьями короля, как и арабы с антисемитскими предубеждениями»⁶²⁷. В апреле 1943 г. король Саудовской Аравии обратился с письмом к американскому президенту, в котором высказался против еврейской иммиграции и создания государства⁶²⁸, а также изложил своё видение решения проблемы: «Палестина слишком мала, чтобы брать на себя это бремя.... Почему бы каждой из Объединённых Наций не принять у себя пропорциональное число беженцев»⁶²⁹. В двух ответных посланиях, направленных в мае и июне 1943 г. в Эр-Рияд, Рузвельт обещал, что «никакое решение об измене-

нии положения Палестины не может быть достигнуто без полноценной консультации с арабами»⁶³⁰. Подобные заверения стали лейтмотивом всех официальных высказываний как президента, так и представителей Госдепартамента. Однако переписка двух глав государств носила всё же полуофициальный характер, и потому в Госдепартаменте решили воплотить в жизнь предложение Хоскинса о совместном заявлении великих держав по Палестине. В ходе переписки между Лондоном и Вашингтоном в июне – июле 1943 г. были согласованы детали и формулировки меморандума, содержащего главную формулу «непредопределения» – никаких решений без согласия всех заинтересованных сторон⁶³¹. По этому поводу готовилось совместное заявление, но произошла утечка информации, американские сионисты подняли шумиху, и в этих условиях по рекомендации госсекретаря и военного министра от публикации отказались⁶³². 15 октября 1943 г. появился меморандум помощника начальника Ближневосточного отдела Г. Мирриэма, в котором предполагалось сохранение британского мандата, снятие ограничений на еврейскую иммиграцию «в такой степени, которая соответствует экономической способности страны принять её при условии, что в любое время число евреев не должно превышать число мусульман», создание международного органа по осуществлению контроля над ситуацией в Палестине, состоящего из 6 представителей христианских государств, двух – арабских, и одного – от евреев⁶³³.

Американская политическая элита, по существу, раскололась на два лагеря: Госдепартамент, военное ведомство, нефтяной бизнес предлагали считаться с интересами арабов, не ссориться с ними. В Конгрессе, в обеих партиях были сторонники безусловного решения вопроса в пользу сионистов.

Наступление 1944 г. ознаменовалось новым витком напряжённости вокруг палестинской проблемы. Это было обусловлено приближающимися выборами в Конгресс⁶³⁴. 27 января в Палате представителей в первом чтении были выдвинуты две идентичные по содержанию резолюции по Палестине. Автором первой был демократ Д. Райт, другую предложил республиканец Р. Комптон⁶³⁵. 1 февраля аналогичную по содержанию резолюцию выдвинули в Сенате республиканец Р. Тафт и демократ Р. Вагнер. Во всех названных резолюциях от имени Соединённых Штатов содержалось обещание способствовать «открытию дверей Палестины... для свободного въезда евреев в эту страну и для

колонизации». Целью данного шага провозглашалось «воссоздание Палестины как свободного и демократического еврейского содружества»⁶³⁶.

Военный министр Стимсон в письме на имя председателя сенатского Комитета по внешней политике указал на «глубокую озабоченность военного ведомства. Я считаю, что принятие этой резолюции в настоящее время или в ходе каких-либо будущих слушаний по этому вопросу может иметь опасные последствия в областях, где у нас есть много жизненно важных военных интересов»⁶³⁷. Глава ближневосточного отдела Госдепартамента Мюррей направил аналитическую записку президенту с перечислением возможных негативных последствий данной резолюции: вспышка вооружённых столкновений между арабами и евреями в Палестине и других арабских странах; срыв важных переговоров с Ибн Саудом о контракте на строительство военно-воздушной базы Дахран и нефтепровода. Интерес представляет третий пункт в этом списке – появление резолюции «стимулировало бы другие группы интересов оказывать давление с целью внесения подобных резолюций, касающихся противоречивых территориальных вопросов, имеющих отношение к таким районам, как Польша и Италия»⁶³⁸. Госдепартамент в целом неодобрительно отнесся к тому, что обе партии поддерживали лозунг сионистов, и предупредил, что это вызовет негативную реакцию Ибн Сауда. «Король является, прежде всего, мусульманином, – говорилось в записке Госдепартамента. – и во вторую очередь – арабом... Он считает себя главой мусульманского мира и защитником мусульманских прав. Отсюда его оппозиция сионизму»⁶³⁹. По этому поводу Майкл Коэн пишет: «С точки зрения Госдепартамента национальные интересы трактовались как обеспечение выгодных условий для американской экономической деятельности за рубежом... С этих позиций поддержка арабов была предпочтительнее»⁶⁴⁰. Но при этом Рузвельт стремился к решению палестинской проблемы, максимально приемлемому для евреев. 10 ноября на встрече с заместителем Хэлла Э. Стеттиниусом президент, коснувшись палестинской тематики, заметил: «Палестина должна быть за евреями, а арабов там быть не должно... Это должна быть исключительно еврейская территория»⁶⁴¹. В личном письме члену Сената от Демократической партии Вагнеру от 3 декабря Рузвельт заметил: «Единственное, чего желаю я, так это избежать резни или такой ситуации, которая не может быть решена переговорами»⁶⁴².

Стеттиниусу пришлось мобилизовать все свои дипломатические и ораторские таланты, чтобы убедить сенаторов отложить рассмотрение резолюции в верхней палате на неопределенный срок. Таким образом, в 1944 г. Госдепартаменту и Белому дому удалось переиграть в закулисной борьбе сионистское лобби и отстоять позицию официального нейтралитета в споре евреев и арабов.

Реакция арабского мира последовала незамедлительно. В феврале 1944 г. были направлены протестные ноты из Багдада и Дамаска, в которых выражались надежды, что Рузвельт выполнит своё обещание отложить решение палестинской проблемы до конца войны⁶⁴³. В телеграмме сирийского правительства от 23 февраля говорилось о том, что у арабов исчезает вера в международное правосудие и принципы Атлантической хартии. Позиция арабских государств формулировалась предельно категорично: «Помощь евреям за счёт арабов не может быть оправдана», и далее: «...И хотя сирийское правительство никогда не примирится с расселением евреев в Палестине, но настоящее время самое неподходящее, чтобы поднимать этот вопрос»⁶⁴⁴. Американскому президенту направили похожие послания короли Трансиордании и Йемена⁶⁴⁵. 27 октября 1944 г. стало известно, что Арабская экономическая палата отказалась принять миссию У. Кальберстона, прибывшую в Палестину⁶⁴⁶. Ситуацию усложнила публикация агентством Рейтер заявления раввина Стефана Уайза, сообщавшая, что Рузвельт якобы «уполномочил их сообщить, что американское правительство никогда не соглашалось с «Белой книгой» и президент рад, что двери Палестины открыты для еврейских беженцев»⁶⁴⁷. Госдепартамент рекомендовал послам в арабских столицах разъяснять, что резолюция не отражает позицию американского правительства, а представляет мнение законодательной власти, что трудно было понять арабским политикам, не знакомым с принципом разделения властей. Чтобы минимизировать негативную реакцию арабов на резолюцию Сената, от имени Рузвельта были направлены письма в американские посольства, в которых предлагалось довести до сведения арабских властей, что позиция президента не изменилась⁶⁴⁸.

В ответ на планы сионистов превратить Палестину в еврейское государство арабы выдвинули альтернативную идею создания Арабской федерации. Инициаторами выступили правители Ирака и Трансиордании, которые предлагали объединить Палестину, Трансиорданию, Си-

256

рию и Ливан с предоставлением прав автономии еврейской общине, но при условии запрета иммиграции⁶⁴⁹. Великобритания была готова поддержать любой проект объединения арабских государств, пытаясь привлечь симпатии арабов на свою сторону⁶⁵⁰. Однако Лондон столкнулся с противодействием этому проекту со стороны Саудовской Аравии, Египта, Сирии и Ливана. Во многом это объяснялось существованием напряжённых отношений между Хашимитской династией, представители которой правили в Ираке и Трансиордании, и Саудовской Аравией. Что касается Сирии и Ливана, то они выступали за республиканскую форму правления, а Египет сам стремился играть главную роль. В результате при активном участии Каира и Эр-Рияда в 1944 г. была созвана конференция семи арабских государств в Александрии, положившая начало Лиге арабских государств (ЛАГ)⁶⁵¹.

Вашингтон официально не декларировал свою политику в отношении Арабской федерации, хотя его позиция особенно интересовала Ибн Сауда. В Эр-Рияде считали, что планы создания Арабской федерации были направлены против королевства. В беседе с принцем Фейсалом в ноябре 1943 г. помощник госсекретаря А. Бёрл сказал, что «Соединённые Штаты не заинтересованы ни в каких династических союзах против Саудовской Аравии» и что «политика США противоречит созданию блока против любой страны Ближнего Востока»⁶⁵². Стеттиниус в обращении к Рузвельту рекомендовал определиться с отношением к Арабской федерации, которая поддерживается Великобританией, и напомнил, что американское правительство должно учитывать мнение Ибн Сауда⁶⁵³.

В конечном итоге планы создания федерации под эгидой Хашимитской династии провалились. Американское правительство, которое незадолго до этого объявило, что оно поддерживает «движение за арабское единство, организованное в соответствии с принципами Атлантической хартии», приветствовало возникновение ЛАГ⁶⁵⁴.

К моменту вступления СССР во Вторую мировую войну его позиции в Палестине были крайне слабы. Тем не менее информация о палестинском вопросе регулярно попадала в НКВД через Лондон, Вашингтон и Анкару. Советский посол в Лондоне Майский в течение 1941–1943 гг. несколько раз встречался с президентом Всемирной сионистской организации Вейцманом. Высокопоставленные представители Еврейского агентства для Палестины регулярно посещали совет-

ские посольства в Вашингтоне и Анкаре⁶⁵⁵. Основным вопросом этих встреч была проблема иммиграции евреев в Палестину. Советские дипломаты (М. Литвинов, С. Михайлов, И. Майский) реагировали очень сдержанно, не принимая никаких конкретных обязательств, и в лучшем случае обещали «передать, кому следует» пожелания визитёров⁶⁵⁶. Их реакция на сионистские предложения была вполне закономерна. Во-первых, они не могли не понимать, что въезд «бесхозных» евреев в Палестину будет без восторга встречен британцами и портить по такому поводу отношения с Лондоном в планы Москвы явно не входило. Во-вторых, в условиях войны репатриация в Палестину была весьма затруднительна с технической точки зрения и могла потребовать большого количества ресурсов.

В мае 1943 г. консульский отдел НКВД СССР выступил с предложением об открытии в Палестине советского консульства, однако данная инициатива не получила развития в полной мере. Британский Форин офис разрешил визит советского консульского работника, но не согласился на создание постоянного консульства, обусловив это учреждением постоянных консульств в ряде крупных городов СССР⁶⁵⁷.

В Москве предпочитали всерьёз не затрагивать проблему арабо-еврейских отношений и поддержки одной из сторон в Палестине. В конце ноября 1944 г. заведующий Ближневосточным отделом НКВД И. Самыловский и посланник в Египте А. Щиборова в письме заместителю наркома Деканозову предлагали придерживаться политики нейтралитета в отношении арабов и евреев в Палестине. Дипломаты предлагали не осуждать и не поддерживать стремления арабов Палестины к национальной независимости, не делать «никаких высказываний о нашей поддержке идеи создания еврейского государства»⁶⁵⁸.

Между тем в администрации Рузвельта учитывали и возможное вмешательство Москвы в эту конфликтную ситуацию. В 1944 г. Мюррей, обращаясь к госсекретарю, обратил внимание на позицию советского руководства по палестинскому вопросу. По его мнению, «как только Советское правительство публично заявит, что выступает против сионистских устремлений в Палестине, так британские и, особенно, наши позиции в арабском мире покачнутся, и мы окажемся, в конечном итоге, в проигрыше, если мы не покажем на деле, а не только на словах, что мы ценим важность наших отношений с арабским миром»⁶⁵⁹. Информация о том, что советское руководство якобы выступает против созда-

ния еврейского государства в Палестине, поступила от американского посла в СССР Гарримана⁶⁶⁰. Сам посол так прокомментировал позицию Москвы: «Цели, как представляется, понятны, они заключаются в создании атмосферы дружбы к Советскому Союзу в арабском мире, разрушении существующих подозрений и враждебности по отношению к советской коммунистической доктрине, а также в желании получить поддержку арабского мира в дальнейшем в зависимости от конкретных задач советского руководства, которые будут появляться»⁶⁶¹. Рубин в своей книге также заметил, что «антисионистская позиция Сталина могла усилить влияние Москвы в арабском мире»⁶⁶².

Однако опубликованные архивные документы о контактах советских представителей за рубежом, в том числе посла в Лондоне Майского с сионистами опровергают эти размышления американских дипломатов. Сталин уже тогда затеял своеобразную игру с сионистскими лидерами, давая им понять, что Советскому Союзу небезразлична судьба евреев⁶⁶³.

Таким образом, к моменту окончания Второй мировой войны в палестинский конфликт вовлечены были и США, и Советский Союз. Однако однозначного подхода не было выработано ни в Вашингтоне, ни в Москве. Если на позицию Сталина, скорее, влияли геополитические расчёты, то администрация Рузвельта должна была считаться с различными интересами политических и бизнес-групп американского общества.

Интересы Советского Союза на Арабском Востоке во время войны продвигались с трудом⁶⁶⁴. Тем не менее прогресс был очевиден и проявился прежде всего в том, что начался процесс становления дипломатических отношений. В 1942–1944 гг. были открыты дипломатические миссии в Багдаде, Каире, Дамаске и Бейруте⁶⁶⁵. Устанавливались контакты с профсоюзными лидерами, создавались общества советско-арабской дружбы, распространялась советская пресса⁶⁶⁶. Спейсер советскую политику в этот период определяет как «политическую агрессию»⁶⁶⁷. Оказывалась поддержка коммунистам Ирака, Сирии, которые в годы войны получили возможность работать легально⁶⁶⁸.

Содержательную характеристику методов советской дипломатии в арабском мире дал Стеттиниус в своей записке президенту: «Интересно отметить, что Советский Союз, как представляется, может использовать близкое родство различных народов в Советском Союзе с наро-

дами Ближнего и Среднего Востока, чтобы обеспечить удобные каналы связи. Епархиям Антиохии, Александрии, Иерусалима в последнее время было предложено принять участие в предстоящих выборах нового русского Патриарха»⁶⁶⁹. В то же время американо-советские отношения в арабском мире в некоторых ключевых событиях совпадали – в поддержке полной независимости Леванта, в оценке политики Лондона в Египте и Ираке⁶⁷⁰.

Политика США в арабском регионе в 1941–1944 гг. не была отмечена конкретными и яркими событиями. Ещё в большей степени эта оценка относится к Советскому Союзу. Конечно, данное обстоятельство объяснялось их относительно слабыми экономическими и политическими позициями (по сравнению с позициями европейских стран) в этом регионе в предвоенные годы. В то же время достаточно разветвлённая предвоенная гуманитарная деятельность США создавала привлекательный американский имидж, которого не было у СССР.

Как военно-политический союзник Великобритании, Соединённые Штаты должны были считаться с правилами, установленными британцами за время длительного господства в арабском мире. Однако это не означало, что Вашингтон не выстраивал свою самостоятельную линию в практически новом для него регионе. По мере осознания в США геополитической и стратегической роли Арабского Востока обострялись англо-американские противоречия. В то же время американская политика носила двойственный характер: с одной стороны, Великобритания выступала как главный экономический и политический конкурент, с другой – Вашингтон не мог исключать возможность советской экспансии, что неизбежно приводило к стратегическому партнёрству с Лондоном. Таким образом, главный итог состоял в том, что арабское пространство было обозначено как «жизненно важное для обеспечения американской безопасности», причём в качестве потенциального противника уже рассматривался Советский Союз. Не случайно из списка основных задач – нефть, создание военных баз с целью контроля над воздушными коммуникациями, палестинская проблема – в качестве приоритетных в эти годы были избраны две первые. Это проявилось, пишут Дж. и Г. Колко, «не только в требовании новых нефтяных концессий, но и в действиях, направленных на прекращение интервенционистского процесса, который угрожал американским инвестициям»⁶⁷¹.

По поводу арабских стран в рассматриваемый период не возникало напряжённой ситуации в советско-американских отношениях, подобной той, что имела место в Восточной Европе. На международных конференциях арабская тематика присутствовала (нефть, Суэцкий канал, положение в Египте, Палестина), но она обсуждалась в кулуарах. По ряду позиций интересы США и СССР даже совпадали (Сирия, Ливан), в отличие от взаимоотношений по поводу Ирана и Турции. Тем не менее в Вашингтоне видели в России будущего противника, однако пока не могли определить, какую послевоенную стратегию в регионе будет исповедовать Москва.

В целом американская политика в годы войны была более динамичной, чем советская, ибо последняя была направлена преимущественно на сопредельные с арабскими страны Ближнего Востока, такие как Турция и Иран. Именно в контексте отношений с этими странами выстраивалась советская политика на Ближнем Востоке. Тем не менее в условиях планирования послевоенного мира СССР сделал первые шаги, чтобы обозначить свои интересы и в арабском регионе.

Выводы по 2.2

В 1941–1944 гг. основной тенденцией в политике США и СССР был переход от установок на обеспечение контроля над регионом в военно-стратегических целях, суть которых заключалась в том, чтобы не допустить страны оси к Персидскому заливу и советскому Кавказу, в осознании геополитической и стратегической роли Ближнего и Среднего Востока в послевоенном мире. Общность военных устремлений способствовала устойчивости союзнических отношений. Однако признание руководством США в 1942 г. приоритетной роли Ближнего Востока и североафриканского театра военных действий, затянувшее решение вопроса об открытии Второго фронта, внесло первые осложнения в эти отношения и стало причиной недоверия Сталина к союзникам. Но в 1941–1943 гг. СССР и США, равно как и Великобритания, были едины в понимании главных целей союзной политики в регионе. Имевшиеся различия в подходах относились главным образом к второстепенным вопросам и нюансам отдельных решений, не оказывавших определяющего влияния на большую стратегию.

После ликвидации угрозы завоевания Ближнего и Среднего Востока странами оси (1943 г.) регион был включён в сферу национальных интересов Соединённых Штатов. Как пишет Л. Гарднер, «Вторая мировая война предоставила Соединённым Штатам через систему ленд-лиза стартовую площадку для реконструкции остатков европейских империй в американском духе»⁶⁷². Вашингтон поставил вопрос об отмене различных привилегий, заявил о политике открытых дверей, предпринял ряд мер для усиления экономических позиций американского капитала. В глобальной стратегии США обозначилось стремление получить контроль над арабской нефтью. Именно в этот период нефть из коммерческого товара начинает превращаться в важнейший стратегический ресурс. Результатом этого процесса стало возникновение первого серьёзного конфликта между союзниками по вопросу раздела арабского и иранского нефтяного пространства в 1944 г.

Военные действия 1941–1944 гг. показали роль Ближнего Востока в системе мировых коммуникаций, что предопределило решение о создании американских военных баз на этой территории после окончания Второй мировой войны.

Отличительной чертой политики США явилось стремление заложить основу для обеспечения собственных интересов не только в арабском мире, но и в Иране и Турции. Это неизбежно приводило к возникновению англо-американских и американо-советских разногласий. Однако в рассматриваемый период противоречия Вашингтона и Лондона были более заметны. По ряду вопросов позиции США и СССР совпадали, хотя мотивация различалась. В частности, руководство обоих государств не было заинтересовано во вступлении Турции в войну в 1944 г., не поддерживало «балканскую операцию» Черчилля. Если Вашингтон исходил из того, что вступление Турции в войну будет сопровождаться масштабной союзнической поддержкой, включая боевые подразделения и технику, уже подготовленные к высадке в Нормандии, то Сталин, скорее всего, не был заинтересован в возможном успехе турок в войне против Болгарии, так как это ограничило бы продвижение Красной Армии на Балканы и сделало бы менее прогнозируемым советское влияние в регионе после его освобождения. Кроме того, могли возникнуть трудности и в постановке вопроса о пересмотре режима Проливов.

Наиболее сложным вопросом в арабском мире был палестинский. С одной стороны, он влиял на американо-английские отношения, с дру-

гой – был предметом разногласий между Госдепартаментом и Конгрессом. Колебания в администрации президента не позволили США выработать последовательную позицию. Рузвельт исходил, прежде всего, из желания обеспечить интересы США в нефтяной сфере и привлечь на американскую сторону арабских политиков. Хотя в ряде случаев он неофициально проявлял восприимчивость к сионистским программам, в своих официальных заявлениях и практических действиях он твёрдо выдерживал позицию сохранения на время войны стабильности в регионе и откладывания решения по Палестине на послевоенный период. В итоге сформировались две основные доминанты в стратегии США на Арабском Востоке – нефть и, как следствие, Саудовская Аравия в качестве главного союзника.

Если по поводу Арабского Востока между Соединёнными Штатами и Советским Союзом в данный период не просматривались причины для послевоенного конфликта, то трансформация политики двух держав в Иране и Турции вела к складыванию совершенно иной ситуации. Повышенный интерес советского руководства к этим странам, которые виделись Вашингтону в качестве барьера на подступах к арабской нефти, привел к тому, что СССР стал восприниматься в США как будущий стратегический соперник, что впоследствии обусловило конфронтационный характер их отношений.

Выводы по главе 2

Более столетия Балканы, Ближний и Средний Восток были ареной столкновения интересов Великобритании, России/СССР и Германии. США, не считая нефтяной сферы, занимали периферийное положение. Ситуация изменилась после нападения гитлеровской Германии на Советский Союз, что привело к созданию антигитлеровской коалиции. Союзные отношения в условиях войны отодвинули на второй план традиционные англо-российские противоречия, что проявилось в выработке совместной позиции по Ирану, Турции, поддержке движения Сопrotивления на Балканах на начальном этапе войны.

Для внешней политики США Балканы, Ближний и Средний Восток были новыми регионами. Ещё до вступления в войну Соединённые Штаты создали основу для тесного военного сотрудничества с Велико-

британией. Участие в делах двух регионов началось с поддержки союзников через систему ленд-лиза. Американцы не долго довольствовались положением младшего партнёра. Система ленд-лиза создала благоприятные условия для экономического проникновения в ближневосточные государства и позволила наметить перспективу закрепления лидирующих американских позиций в послевоенном восстановлении балканских стран.

В 1941–1943 гг. политика Москвы и Вашингтона зависела от военной обстановки на советско-германском и тихоокеанском театрах военных действий. В 1944 г., когда будущая победа антигитлеровской коалиции стала очевидной, СССР и США актуализировали проблемы обеспечения своих послевоенных позиций в балканском и ближневосточном регионах.

Вторжение американцев в традиционную сферу британского влияния неизбежно вело к формированию противоречий между Вашингтоном и Лондоном. Первые разногласия возникли по вопросам определения роли балканского региона в военной стратегии. США не поддерживали английских планов открытия Второго фронта в Греции и Югославии, в отличие от 1942 г., когда согласились с Черчиллем и признали приоритетную роль северо-африканского театра военных действий. Позиция США по Балканам в 1943 г. отвечала интересам СССР, так как препятствовала Лондону восстановить там своё влияние. Соединённые Штаты и Советский Союз включили в сферу своей политики Грецию. Наибольшую активность проявила Москва, которая в ходе переговоров в апреле – октябре 1944 г. разменяла «греческую карту», добившись от Великобритании признания советских интересов в Румынии.

Успехи в войне с нацистской Германией в 1943–1944 гг. позволили Москве активизироваться на Балканах и в Иране, где, в первом случае, была оказана поддержка левоориентированным силам Сопротивления во главе с коммунистами, а во втором – национально-демократическому движению иранских азербайджанцев и курдов.

В 1944 г. СССР скорректировал свою балканскую политику. Красная Армия вступила на Балканы. В этих условиях Москва отказалась от попыток добиться выхода Болгарии из войны на стороне Германии и оказала открытую политическую поддержку югославским партизанам. Участие советских войск в освобождении полуострова позволило Советскому Союзу диктовать западным союзникам свои условия переми-

рия с Болгарией и лишило Лондон возможности начать военную операцию в Югославии. Чтобы исключить препятствия распространению своего влияния, Кремль внёс поправки в политику на Среднем Востоке, в первую очередь в отношении Турции. Москва отказалась от идеи вовлечения Анкары в войну, что могло бы создать сложности для пересмотра режима Черноморских проливов и советского продвижения в балканском регионе.

Одним из новых факторов влияния на политику держав антигитлеровской коалиции стала борьба за контроль над нефтяными ресурсами. Стремление занять ключевые позиции на рынке углеводородов стало важнейшим компонентом стратегии держав и во многом определило взаимоотношения между союзниками. В 1944 г. впервые обозначился конфликт между США и Великобританией, с одной стороны, и СССР – с другой, по поводу иранской нефти. Не случайно в послевоенный период нефтяной фактор сыграл важную роль в нарастании конфликтной ситуации на Ближнем и Среднем Востоке.

В 1944 г. США начинают направлять свою политику в русло создания условий для противодействия послевоенным притязаниям СССР в Турции и Иране. Советское правительство, со своей стороны, предпринимало вполне ожидаемые в данной ситуации контрмеры и постепенно нагнетало политическое давление на Анкару и Тегеран. Борьба за влияние в этих странах, изначально проявившаяся в качестве тенденции, постепенно приобретала принципиальный и необратимый характер. От её результатов начинало зависеть общее соотношение интересов и влияние великих держав не только в Турции и Иране, но и в прилегающих государствах.

Процесс формирования основ послевоенной политики Советского Союза и Соединённых Штатов в 1941–1944 гг. у каждой из этих держав имел свои особенности. Однако в обоих случаях общая динамика выражалась в переходе от стремления проводить единую политику в рамках военного сотрудничества к осознанию собственных интересов безопасности после окончания войны.

¹ На правительственном совещании в Варне 20 января 1941 г. военный министр Т. Даскалов заявил: «Будет лучше пропустить их [немцев] как друзей, чем как врагов». Crampton R. J. Bulgaria. N. Y., 2007. P. 256.

² СБО. Т. I. 1917–1944. С. 545–546; Аблова Р. Т. Сотрудничество советского и болгарского народов в борьбе против фашизма (1941–1945 гг.). М., 1973. С. 49.

³ СБО. Т. I. 1917–1944. С. 547. Вдобавок к официальным заявлениям советского правительства 6 марта была опубликована декларация Болгарской рабочей партии (БРП), а 8 марта – специальное заявление Секретариата ИК КИ с осуждением «фатального шага» болгарского правительства. В то же время В. П. Смирнов отметил, что заявления Секретариата ИККИ не были публичными. Смирнов В. П. Вторая мировая война и Коминтерн. 1939–1941 гг. (по архивным документам) // Новая и новейшая история. 1996. № 3. С. 30.

⁴ FRUS. 1941. Vol. I. P. 313.

⁵ Джордж Говард Эрл III (посол США в Болгарии в 1940–1941 гг.) по этому поводу сказал своему английскому коллеге Дж. Ренделу, что ещё неизвестно, «каково было бы положение Англии, если бы место Ла-Манша занимала река Дунай и если бы население Англии, подобно населению Болгарии, не превышало 6 млн человек». Валев Л. Б. Указ соч. С. 187.

⁶ Там же. С. 272–273; FRUS. 1941. Vol. I. P. 295.

⁷ Валева Е. Л. На перекрестке геополитических интересов великих держав, 1939–1941. С. 272.

⁸ 5 марта 1941 г. Великобритания разорвала отношения с Болгарией, а 6 и 15 апреля британская авиация провела бомбардировки Софии в ответ на участие болгарских войск в оккупации соседних территорий. См.: Величкова Л. Дейността на българската изстребителна авиация при отбраната на София. URL: http://clubbspisarevski.org/r_publications.php?id=5; Фуллер Дж. Ф. Вторая мировая война 1939–1945 гг. Стратегический и тактический обзор. М., 1956. С. 144.

⁹ FRUS. 1941. Vol. I. P. 307.

¹⁰ Площадь Болгарии по сравнению с границами 1919 г. увеличилась на 49%, численность населения – на 34,8%. Через оккупированную Западную Фракию она получила выход к Эгейскому морю. Краткая история Болгарии / отв. ред. Г. Г. Литаврин. М., 1987. С. 394.

¹¹ Территории югославской Вардарской Македонии и греческой Западной Фракии передавались Болгарии лишь на правах временной администрации. 24 апреля болгарским министром иностранных дел И. Поповым и германским послом К. Клодиусом было подписано соглашение, по которому Германия получала право на разработку природных ресурсов на этих территориях и концессии. См.: Кръстева М. Морето в международните отношения и външната политика на България 1944–1949 г. Варна, 2005. С. 19; Краткая история Болгарии. С. 394.

¹² 1941 год: в 2 кн. М., 1998. Кн. 1. С. 769; Кн. 2. С. 121.

¹³ Опасения немцев вызывали сильные русофильские настроения болгар и опасность «большевистско-славянского братания» на фронте. 266

См.: Кульков Е. Н. Кризис союза агрессоров. URL: http://oknatass.ru/common/upload/files/Krizis_soyuza_agressorov.pdf. С. 6; Манштейн Э. Утерянные победы. М., 1999. С. 217; Гудериан Г. Воспоминания солдата. Смоленск, 1999. С. 502.

¹⁴ Котев Н., Котева А. Из переписката на германските разузнавателни служби действащи в България в периода 1941–1944 г. // ГУА. Известия на държавните архиви. Т. 87. София, 2004. С. 111.

¹⁵ С советской разведкой сотрудничали представители болгарского генералитета (А. Пеев, В. Заимов и др.), болгарский посол в Москве И. Стаменов и другие видные военные и дипломатические деятели. АВП РФ. Ф. 74. Оп. 26. П. 15. Д. 1. Л. 8; Судоплатов П. А. Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год. М., 2001. С. 22; Валева Е. Л. Движение Сопротивления в Болгарии: национальная специфика // Славянский мир в эпоху войн и конфликтов XX века. М., 2011. С. 375.

¹⁶ 5 сентября 1942 г. было закрыто советское консульство в Варне, 15 сентября на него был организован налёт при попустительстве полиции. В результате были изъяты материалы консульства, которые были впоследствии использованы при организации антисоветской выставки в октябре. См.: Новиков Н. В. Воспоминания дипломата: (Записки о 1938–1947 годах). М., 1989. С. 111; България – своенравният съюзник на Третия райх: сборник документи / съст. В. Тошкова и др. София, 1992. С. 21.

¹⁷ Милкова Ф. Чрезвычайное законодательство в Болгарии в 1924–1944 гг. // Советское славяноведение. 1971. № 5. С. 28.

¹⁸ Калинова Е. Указ соч. С. 46.

¹⁹ Признавалось, что объявление Соединёнными Штатами войны Болгарии не принесёт им большой пользы, но ударит по внутренней оппозиции в самой Болгарии. Калинова Е. Указ соч. С. 47; FRUS. 1942. Vol. II. P. 833.

²⁰ Е. Калинова отмечает, что примирительный тон США по отношению к Венгрии и Румынии, воевавшим на Восточном фронте, был неприемлем для СССР. Американцы вынуждены были объявить войну германским сателлитам, в том числе Болгарии, хотя она фактически не воевала против антигитлеровской коалиции, вследствие чего «политика США к Болгарии растворилась в общем отношении к германским союзникам». Калинова Е. Указ соч. С. 48.

²¹ 17 декабря 1941 г. в беседе с А. Я. Вышинским греческий посол П. Пипинелис убеждал, что Греция «как никогда дорожит вниманием СССР» и что его правительство «было бы счастливо, если бы правительство СССР заняло твёрдую позицию в отношении Болгарии», подразумевая под этим либо разрыв дипломатических отношений, либо объявление войны. Вышинский ответил, что не имеет инструкций на этот счёт, но, по его личному мнению, СССР не будет обострять отношения с болгарями. ДВП СССР. Т. XXIV. 1941–1942. С. 515.

²² Юнгблуд В. Т. «Образы российской империи» и внешнеполитическое планирование в США в 1944–1945 гг. // США. Канада: экономика, политика, культура. 1998. № 6. С. 67.

²³ Первый антифашистский славянский митинг в США состоялся в июле 1941 г. в Питтсбурге (штат Мичиган) и положил начало формиро-

ванию Американского славянского конгресса. Кикешев Н. И. Славяне против фашизма. М., 2005. С. 74; Съезд американских славян («Манифест съезда американских славян», «Манифест съезда к американским славянам») // Славяне. 1942. № 1 (июнь). С. 55–57.

²⁴ Кикешев Н. И. Указ соч. С. 15–24; Обращение второго Всеславянского митинга в Москве 4–5 апреля 1942 г. // Славяне. Ежемесячный журнал Всеславянского комитета. 1942. № 1 (июнь). С. 9; Благоева С. Болгарский народ в борьбе против гитлеризма // Славяне. 1942. № 4 (сентябрь). С. 6; Обращение третьего Всеславянского митинга к угнетённым народам Европы // Славяне. 1943. № 5 (май). С. 4–6.

²⁵ Страны Центральной и Юго-Восточной Европы во второй мировой войне. С. 47.

²⁶ Валева Е. Л. Движение Сопротивления в Болгарии. С. 376.

²⁷ Фирсов Ф. И. Секреты Коммунистического Интернационала: шифропереписка. М., 2011. С. 394.

²⁸ Георги Михов Димитров (прозвище «Гемето» – по инициалам) – руководитель фракции БЗНС «Александр Стамболийский» («Пладне»).

²⁹ БНК как заграничный центр БЗНС был создан в 1941 в Иерусалиме, затем переместился в Каир, где фактически был под управлением регионального штаба УСС. Вёл пропагандистскую деятельность через радио «Свободная и независимая Болгария» и др., распространял листовки. БНК прекратил деятельность в сентябре 1944 г. с возвращением Димитрова (Гемето) на родину, позже, в 1948 г., возобновил свою деятельность в США в качестве антикоммунистической организации. См.: Валева Е. Л. Движение Сопротивления в Болгарии. С. 373.

³⁰ Там же. С. 370–371.

³¹ В состав ОФ вошли БРП, левое крыло БЗНС «Пладне», политическая группа «Звено», левые социал-демократы (БРСДП) и т. н. «независимые» (беспартийные).

³² Примечательно, что не было упоминания о греках и македонцах.

³³ СБО. Т. I. 1917–1944. С. 576–577.

³⁴ Corson W. R. The Armies of Ignorance: The Rise of the American Intelligence Empire. N. Y., 1977. P. 191–192.

³⁵ Маккензи У. Секретная история УСО: Управление специальных операций в 1940–1945 гг. М., 2004. С. 593.

³⁶ Конференция в Касабланке (Марокко) проходила 14–23 января 1943 г. при участии Черчилля, Рузвельта и представителей Объединённого комитета начальников штабов.

³⁷ Рузвельт Э. Его глазами. М., 1947. С. 105.

³⁸ FRUS. The Conferences at Washington, 1941–1942, and Casablanca, 1943. P. 770.

³⁹ Ibid. P. 765, 769.

⁴⁰ Ibid. P. 751.

⁴¹ Военный советник президента адмирал Уильям Леги отмечал в мемуарах, что выдвижение Рузвельтом принципа безоговорочной капитуляции было неожиданным и с военной точки зрения было чревато созданием трудностей, поскольку создавало впечатление, что США намерены уничтожить противника. Leahy W. I Was There. The Personal Story of the

Chief of Staff to Presidents Roosevelt and Truman Based on His Notes and Diaries Made at the Time by Fleet Admiral WDL. L., 1950. P. 145.

⁴² Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: в 2 т. М., 1958. Т. 2. Переписка с Ф. Рузвельтом и Г. Трумэном (август 1941 г. – декабрь 1945 г.). С. 50–52.

⁴³ В июле 1943 г. западные союзники начали высадку на Сицилии, после чего стали продвигаться далее в глубь Италии. 29 сентября 1943 г. П. Бадольо подписал условия капитуляции перед западными державами, а 13 октября Италия вступила в войну на стороне Объединённых Наций. Советские войска во второй половине 1943 г. успешно продвигались, и 26 марта 1944 г. части 2-го Украинского фронта под командованием маршала И. С. Конева вышли на границу с Румынией.

⁴⁴ Борис III умер 28 августа 1943 г. Царский престол формально унаследовал его малолетний сын Симеон II (1937 г. р.), однако реальная власть перешла в руки регентского совета в составе бывшего премьера Б. Филова, князя Кирилла Преславского (дяди Симеона) и военного министра Н. Михова. Правительство, по-прежнему остававшееся прогерманским по характеру, возглавил министр финансов Д. Божилов.

⁴⁵ Англичане видели в объединении Болгарии с Югославией и Грецией возможность «растворить» болгарскую тягу к России, а также заложить основу для огромной федерации от Балтики до Крита, которая бы стала барьером, отделяющим Россию от Западной Европы. В начале 1942 г. замминистра иностранных дел Великобритании Орм Сарджент рассматривал балканскую федерацию как единственный инструмент предотвращения укрепления советского влияния на Балканах. Livanios D. The Macedonian Question: Britain and the Southern Balkans 1939–1949. N. Y., 2008. P. 102, 107–108.

⁴⁶ Сальков А. П. Территориальная проблема в болгаро-югославских отношениях. 1919–1949 гг. // Вопросы истории. 2008. № 5. С. 52.

⁴⁷ Благоева С. Болгарский народ в борьбе против гитлеризма // Славяне. 1942. № 4 (сентябрь). С. 7; К болгарскому народу! Обращение Всеславянского комитета // Славяне. 1944. № 2 (февраль). С. 8.

⁴⁸ Гибианский Л. Я. Проблемы международно-политического структурирования Восточной Европы в период формирования советского блока в 1940-е гг. // Холодная война: новые подходы, новые документы. М., 1995. С. 100.

⁴⁹ Фирсов Ф. И. Секреты Коммунистического Интернационала. С. 317.

⁵⁰ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: в 6 т. М., 1984. Т. I. Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 окт. 1943 г.). С. 180.

⁵¹ Там же. С. 179.

⁵² Кордел Хэлл – госсекретарь США в 1933–1944 гг. Возглавлял американскую делегацию на Московском совещании министров иностранных дел.

⁵³ Московская конференция. С. 180; Livanios D. Op. cit. P. 112.

⁵⁴ Было отмечено, что «пробные шары» ко времени проведения конференции уже запускали Германия, Италия, Венгрия, Румыния и Финляндия, но Болгария не была названа. Московская конференция. С. 277.

⁵⁵ Там же. С. 294.

⁵⁶ Исраэлян В. Л. Дипломатия в годы войны. М., 1985. С. 210.

⁵⁷ В задачи ЕКК входили выработка условий капитуляции вражеских государств и обеспечение их исполнения. Комиссия работала в Лондоне, и в её состав вошли британский заместитель министра иностранных дел У. Стрэнг, посол США в Великобритании Дж. Уайнант и советский посол Ф. Т. Гусев. Московская конференция. С. 322–323.

⁵⁸ Там же. С. 301–303.

⁵⁹ Там же. С. 98.

⁶⁰ Там же. С. 123.

⁶¹ Калинова Е. Указ. соч. С. 25–26; Котев Н. Някои неизяснени моменти около англо-американската бомбардировъчна офанзива срещу България (1943–1944 г.) // Известия на ИВИ-ГЩ и Военноисторическото научно дружество. 1989. Т. 48. С. 76.

⁶² Н. Котев отметил, что бомбардировка 300-тысячной плотнозаселённой Софии сотней самолётов оказалась намного эффективнее, чем бомбардировка Берлина тысячей самолётов. Kotev N. The Allied bombing of Bulgaria during World War II // ACTA. International Congress for the 50 years from the 1940–1941 eposée and the battle of the Crete, Greece, 1991. P. 148. Всего налёты англо-американской авиации в течение войны привели к гибели около 2200 болгарских граждан, разрушению 12 000 строений и в общей сложности нанесли материальный ущерб на 2,8 млрд лева.

⁶³ Котев Н. Шифровании информации на Българските военни аташета в годините на втората световна война // ГУА. Известия на държавните архиви. 2007. Т. 93. С. 183.

⁶⁴ Советский Союз на международных конференциях... Т. II. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (28 ноября – 1 декабря 1943 г.). С. 126.

⁶⁵ Тегеранская конференция. С. 127, 129. Рузвельт первоначально допускал наступление западных союзников на юго-востоке Европы, но под влиянием начальника Генерального штаба Дж. Маршалла при поддержке Г. Стимсона и Г. Гопкинса изменил свою позицию. См.: Костин А. А. Отношение США к возможности союзной высадки на Балканах (1943 г.) // Вестник ВятГГУ. 2004. № 10. С. 12.

⁶⁶ Исраэлян В. Л. Указ. соч. С. 219. Известны замечания по этому поводу сотрудника американского военно-исторического управления М. Мэтлофа о том, что если бы союзники развернули военные действия на Балканах, то русские могли бы дойти до Ла-Манша и овладеть стратегической промышленностью Рура. См.: Котев Н. Англо-американските стратегически концепции в годините на Втората световна война и мястото на «Балканския вариант» // Известия на ИВИ-ГЩ и Военноисторическото научно дружество. 2002. Т. 67. С. 70.

⁶⁷ Среди причин отказа США от идеи «балканского варианта» называют: преобладание выгод для Британии над собственно американски-

ми интересами; нежелание ухудшать отношения с СССР во время войны и в будущем; необходимость гарантированного успеха операции «Оверлорд», опасность рассредоточения сил; опасность спровоцировать геноцид и прочие неприятности в проблемном и многонациональном регионе; расчёт на экономическое проникновение США в всех регионах мира после окончания войны. См.: Лебедев Н. И. «Балканский вариант» англо-американской стратегии в период второй мировой войны // Новая и новейшая история. 1959. № 5. С. 56–57; Костин А. А. Освобождение Югославии и позиция американской дипломатии (1944 г.) // Вестник ВятГГУ. 2003. № 9. С. 45–46; Исраэлян В. Л. Указ. соч. С. 219.

⁶⁸ Тегеранская конференция. С. 173; FRUS. The Conferences at Cairo and Tehran, 1943. P. 545, 652.

⁶⁹ На Второй Каирской конференции 4–6 декабря 1943 г. Турцию представляли президент И. Инёню и министр иностранных дел Н. Мемменджюглу.

⁷⁰ FRUS. The Conferences at Cairo and Tehran, 1943. P. 752.

⁷¹ Ibid. P. 742.

⁷² Ibid. P. 746.

⁷³ Выделяют 3 этапа в развитии болгарского Сопротивления. Первый этап, до февраля 1943 г., был временем накопления сил. С февраля 1943 г. по май 1944 г. длился второй этап, бывший временем развёртывания массового партизанского движения и его структурной реорганизации. В марте – апреле была проведена реорганизация боевых сил ОФ, партизанские и боевые группы были объединены в Народно-освободительную повстанческую армию (НОПА). 10 августа 1943 г. сформировано ядро политического центра – Национальный комитет ОФ (НК ОФ). На третьем этапе, с мая по август 1944 г., партизанская армия перешла в наступление, организовывались массовые стачки, демонстрации. Силы Сопротивления в Болгарии к лету 1944 г. составляли около 18 тыс. партизан и 200 тыс. ятков – добровольных помощников. См.: Семиряга М. И. Советские люди в европейском сопротивлении. М., 1970. С. 136–137; Клоков В. Борьба народов славянских стран против фашистских поработителей (1939–1945 гг.) М., 1961. С. 315; Валева Е. Л. Движение Сопротивления в Болгарии. С. 381–382.

⁷⁴ България – своенравният съюзник на Третия райх. С. 199, 207.

⁷⁵ Маккензи У. Указ. соч. С. 594–595.

⁷⁶ Сотрудники УСС в докладах о внутреннем положении в Болгарии отмечали, что большинство населения было «коммунистами», хотя это понятие было скорее условным: настоящие коммунисты составляли лишь незначительную часть, многие позиционировали себя как коммунистов лишь на основе русофильских симпатий или антифашистских настроений. България – своенравният съюзник на Третия райх. С. 192.

⁷⁷ Лазарев К. Усиление антигитлеровской борьбы в Болгарии // Славяне. 1942. № 7 (июль). С. 49.

⁷⁸ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1130. Л. 11; СБО. Т. II. Сентябрь 1944 – декабрь 1958. М., 1981. С. 35–36; Марьина В. В. 1944–1945 годы: ждали ли русских в Восточной Европе? // Славяноведение. 1999. № 1. С. 71.

⁷⁹ В Швейцарии в ходе контактов болгарского посла Г. Кыосеиванова с агентами УСС (в т. ч. А. Даллесом) разрабатывались планы выхода Болгарии из войны и её оккупации англо-американскими войсками. Однако переговоры сильно осложняло наблюдение со стороны германской и советской разведок. См.: Тошев Л. Тайните контакти между България и САЩ през 1943 г. URL: <http://www.mediapool.bg/тайните-контакти-между-българия-и-сащ-през-1943-г-news192765.html>

⁸⁰ Никола Балабанов – болгарский посол в Турции. Корнилиус Джедуин – военно-морской атташе США в Софии. Ангел Куюмджийский – эмигрант болгарского происхождения, банкир, агент УСС. Имел широкие связи в верхах болгарского общества. Л. Безыменский характеризует его как корыстолюбивого дельца и авантюриста, с которым «ни один болгарин не станет связываться». См.: Безыменский Л. Третий фронт. Секретная дипломатия Второй мировой войны. М., 2003. С. 291.

⁸¹ FRUS. 1944. Vol. III. P. 307.

⁸² FRUS. 1944. Vol. III. P. 300; Котев Н. Някои неизяснени моменти около англо-американската бомбардировъчна офанзива срещу България (1943–1944 г.). С. 96, 100–101.

⁸³ Советско-американские отношения, 1939–1945 / под общ. ред. А. Н. Яковлева. М., 2004. С. 452–453.

⁸⁴ Гарриман отмечал, что «СССР гораздо ближе к Болгарии, знает её», в отличие от англичан и американцев, и для них советы советского правительства были бы чрезвычайно полезны. Присутствие советского представителя на переговорах также содействовало бы их ускорению. Советско-американские отношения, 1939–1945. С. 459.

⁸⁵ Котев Н. Някои неизяснени моменти около англо-американската бомбардировъчна офанзива срещу България (1943–1944 г.). С. 97–98.

⁸⁶ Британцы предпочитали вести переговоры в Каире, на «своей территории», где располагался штаб УСО и можно было нейтрализовать преимущество американцев в переговорах. Котев Н. Някои неизяснени моменти около англо-американската бомбардировъчна офанзива срещу България (1943–1944 г.). С. 99; FRUS. 1944. Vol. III. P. 303, 306; Donovan W. J. Memorandum for the President, 23 March 1944. URL: <http://docs.fdrlibrary.marist.edu/PSF/BOX4/A54J06.TXT>.

⁸⁷ Директор Американского колледжа в Софии Ф. Блэк 28 октября 1943 г. передавал сведения, полученные им от своего информатора, что в Софии понимают, что Болгария может стать союзником России в любой момент, «когда сама пожелает» (но до того момента, когда СССР одержит полную победу и будет диктовать условия). См.: България – своенравният съюзник на Третия райх. С. 166.

⁸⁸ FRUS. 1944. Vol. I. P. 587.

⁸⁹ Ibid. P. 588–589, 592, 595.

⁹⁰ Западные агенты неоднократно указывали на то, что болгары находятся в неведении относительно послевоенных планов противника, чем пользовалась правительственная пропаганда, запугивавшая население слухами о готовящейся оккупации и расчленении Болгарии. 28 марта Хэлл писал Уайнанту о полезности совместного обращения союзников

к Болгарии, Венгрии и Румынии с требованием выйти из войны и выступить против Германии. FRUS. 1944. Vol. I. P. 585–586.

⁹¹ СБО. Т. I. 1917–1944. С. 592–593.

⁹² Документ «О желательных основах будущего мира» был разработан И. М. Майским как руководителем Комиссии НКВД СССР по возмещению ущерба, нанесенного Советскому Союзу гитлеровской Германией и ее союзниками. Мнение советского руководства по поводу данной записки не известно, но многие выраженные в ней идеи были присущи советской политике. Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 гг.: документы: в 2 т. / отв. ред. Т. В. Волокитина. М., 1999. Т. 1: 1944–1948. С. 23–48; См. также: Гибианский Л. Я. Исследования политики СССР в Восточной Европе в конце Второй мировой войны и в первые послевоенные годы // Вопросы истории. 2004. № 6. С. 151.

⁹³ Советский фактор в Восточной Европе. Т. 1. С. 31, 36.

⁹⁴ Там же. С. 31.

⁹⁵ Тошкова В. Советские геостратегические замыслы на Балканах в 40-е гг. XX в. (по материалам Национального архива США) // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX в. СПб., 2002. С. 308, 310; Сальков А. П. Территориальная проблема в болгаро-югославских отношениях. 1919–1949 гг. С. 52.

⁹⁶ Тошкова В. СССР в проекте на САЩ за следвоенного устройство на Източна Европа (1941–1947) // България и Русия през XX век. Българо-руски научни дискусии. София, 2000. С. 333.

⁹⁷ В политических кругах США также были сторонники разделения Европы на две сферы интересов – западную и советскую (военный министр Г. Стимсон, министр торговли Г. Уоллес, дипломат Дж. Кеннан). Публицист У. Липпман писал, что государства к востоку от Германии тяготели к России и американцам следовало смириться с их переходом под советским контроль. Шлезингер-мл. А. М. Циклы американской истории. М., 1992. С. 248; Юнгблуд В. Т. Внешнеполитическая мысль США 1939–1945 годов. С. 138–139.

⁹⁸ Юнгблуд В. Т. Эра Рузвельта: дипломаты и дипломатия. СПб., 1996. С. 44.

⁹⁹ В меморандуме О. Сарджента (апрель 1944 г.) отмечалась особая важность Юго-Восточной Европы, где пересекались пути на Ближний Восток, Средиземноморье, к Красному морю и где неоднократно в истории зарождались истоки крупных конфликтов между великими державами. Оттого необходимо было предотвратить закрепление русских на Балканах и обезопасить жизненно важные интересы Запада. См.: FRUS. 1944. Vol. I. P. 596–599.

¹⁰⁰ СБО. Т. I. 1917–1944. С. 591–592, 595–597; FRUS. 1944. Vol. III. P. 323; АВР РФ. Ф. 074. Оп. 26. П. 15. Д. 2. Л. 3. Как пишет Е. Калинова, Москва использовала по отношению к Болгарии принцип кнута и пряника, параллельно с выдвиганием претензий предлагая своё посредничество для выхода из войны на более благоприятных условиях. См.: Калинова Е. Указ соч. С. 102.

¹⁰¹ Состав нового правительства был более демократическим, но сторонники прогерманской ориентации всё ещё занимали в нём

видные должности (министра внутренних дел и министра иностранных дел).

¹⁰² FRUS. 1944. Vol. III. P. 335.

¹⁰³ Болгарским правительством летом 1944 г. был сокращён транзит немецких поездов через Болгарию; выдвинуто требование к немецкому руководству об отводе немецких военных судов от болгарского побережья; на рассмотрение были поставлены вопросы о выводе оккупационных войск из Сербии, об амнистии политических преступников, о смягчении положения евреев. Был издан указ генерала Д. Айрянова (возглавлявшего ПВО) о прекращении обстрела самолётов, пролетавших над Болгарией в сторону Румынии. 29 июля Багрянов заявил о дружественных намерениях Болгарии по отношению к СССР и готовности устранить все проблемы, связанные с отклонением от политики нейтралитета, была заявлена готовность постепенно восстановить советские консульства в болгарских городах, начиная с Варны. FRUS. 1944. Vol. III. P. 348–349; България – своенравният съюзник на Третия райх. С. 276; СБО. Т. I. 1917–1944. С. 597.

¹⁰⁴ FRUS. 1944. Vol. III. P. 353.

¹⁰⁵ СБО. Т. I. 1917–1944. С. 599.

¹⁰⁶ FRUS. 1944. Vol. III. P. 362, 365, 375.

¹⁰⁷ Ibid. P. 387–388, 390, 392.

¹⁰⁸ Речь шла о 319 военнопленных. FRUS. 1944. Vol. III. P. 362; Котев Н. Неизвестни документи за англо-американските бомбардировки над България през 1944 г. и за създадения военнопленнически лагер в гр. Шумен // Архивен преглед. София, 2008. Кн. 1–2. С. 144; Георгиев Н. Мисията на Стойчо Мошанов през август 1944, опит за нов прочит // Международна политика. 2005. Кн. 3. С. 101.

¹⁰⁹ FRUS. 1944. Vol. IV. P. 201–202. Проект содержал 13 требований, включая прекращение военных действий Болгарии против Объединённых Наций, разрыв всех отношений между Болгарией и Германией, вывод болгарских войск из оккупированных земель, их разоружение и демобилизация, освобождение военнопленных и политзаключённых, преследование военных преступников, возмещение собственности Объединённых Наций и т. д. Верховное Союзное командование оставляло за собой право свободно перемещать свои силы по территории по Болгарии, если того потребует военная обстановка либо если Болгария нарушит одно из условий перемирия.

¹¹⁰ Котев Н., Николов Р., Петров Л. България и българската армия през Втората световна война – хроника на събитията // Военен журнал. 1995. Кн. 1. С. 93. Р. Крэмpton ставит на первое место среди факторов, побудивших болгарское правительство провозгласить нейтралитет, объявление Турцией разрыва с Германией и возникновение возможности начала Анкарой военных действий на Балканах. Crampton R. J. Bulgaria. P. 278–279.

¹¹¹ Системная история международных отношений. М., 2007. Т. 1. События 1918–1945 годов. С. 395.

¹¹² СБО. Т. I. 1917–1944. С. 600–601.

¹¹³ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сб. документов. М., 2007. Т. 5. Кн. 2. Границы СССР восстановлены. 1 июля – 31 декабря 1944 года. С. 205–206.

¹¹⁴ СБО. Т. I. 1917–1944. С. 599–600.

¹¹⁵ FRUS. 1944. Vol. III. P. 381; Калинова Е. Указ соч. С. 104.

¹¹⁶ FRUS. 1944. Vol. III. P. 383. 28 августа СССР заявил о прекращении своей деятельности в ЕКК и демонстративно отозвал своего посланника Н. Новикова из Каира.

¹¹⁷ Интересна реакция британских политиков в этой ситуации: К. Керр 4 сентября писал Молотову, что позиция советского правительства значительно помогала британцам в переговорах с болгарской миссией по поводу перемирия, лишая болгар надежды на возможность прикрыться политикой нейтралитета. Георгиев Н. Указ соч. С. 110.

¹¹⁸ Калинова Е. Указ соч. С. 64–67.

¹¹⁹ С. Мошанов – известный болгарский политический деятель, председатель Народного собрания в 1938–1939 гг., был близок к легальной оппозиции правительству, но выступал против Отечественного фронта; Д. Желязков – болгарский военный атташе в Турции.

¹²⁰ FRUS. 1944. Vol. IV. P. 201–202.

¹²¹ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 26. П. 15. Д. 2. Л. 14.

¹²² На смену прежнему пришло правительство К. Муравиева. К участию в его составе приглашались и представители Отечественного фронта, однако те отказались, поскольку уже полным ходом шла подготовка к свержению нового правительства и установлению власти ОФ.

¹²³ Л. Тошев утверждает, что политические манёвры Мошанова в Каире нужно оценивать как национальное предательство, повлекшее за собой советскую оккупацию и приход к власти коммунистов. См.: Тошев Л. Признанието на Стойчо Мошанов. URL: <http://www.mediapool.bg/priznaniето-na-stойчо-мошанов-news191411.html>

¹²⁴ СБО. Т. I. 1917–1944. С. 603.

¹²⁵ Вступление советских войск в Болгарию было направлено на ликвидацию угрозы тылового нападения немецких частей с болгарской территории. Saiu L. The Great Powers and Rumania, 1944–1946. A Study of the Early Cold War Era. N. Y., 1992. P. 25; Livanios D. Op. cit. P. 117.

¹²⁶ Л. Я. Гибианский отмечает, что советские претензии к правительству Муравиева были искусственными: новое правительство было сформировано на нефашистской и антигерманской основе, уже порвало отношения с Германией, предпринимало усилия для вывода немецких войск. Отсюда следовало, что объявление войны было неоправданным и преследовало цель торпедировать намечавшееся подписание соглашения о перемирии с западными союзниками. См.: Гибианский Л. Я. Введение // У истоков «социалистического содружества»: СССР и восточноевропейские страны в 1944–1949 гг. / отв. ред. Л. Я. Гибианский. М., 1995. С. 6–7; Валева Е. Л. Болгария в годы Второй мировой войны // Болгария в XX веке. Очерки политической истории. М., 2003. С. 293; Волков В. К. У истоков концепции «социалистического лагеря» // У истоков «социалистического содружества»... С. 18–19.

¹²⁷ На экстренном правительственном совещании 6 сентября принято решение просить у СССР перемирия, также было решено окончательно разорвать союз с Германией и объявить ей войну, но это лишь

привело к тому, что Болгария оказалась в состоянии войны с обеими воюющими коалициями.

¹²⁸ FRUS. 1944. Vol. III. P. 403. Советская авиация тем временем переправляла на болгарскую территорию военные поставки для поддержки партизан. Калинова Е. Указ соч. С. 105.

¹²⁹ В состав первого кабинета ОФ, возглавляемого К. Георгиевым (представитель «Звена»), вошли 16 министров: 4 от БРП(к), 4 от БЗНС, 4 от «Звена», 2 от БРСДП, 2 беспартийных. Коммунисты возглавили МВД, министерства юстиции и здравоохранения и получили один пост министра без портфеля. См.: Волокитина Т. В. Болгария на этапе народной демократии (1944–1948) // Болгария в XX в.: Очерки политической истории / отв. ред. Е. Л. Валева. М., 2003. С. 309.

¹³⁰ Тимофеев А. Ю. Четники. Королевская армия. М., 2012.

¹³¹ См.: Коминтерн и Вторая мировая война: сб. документов. М., 1997. Ч. 2: После 22 июня 1941 г. С. 106. (Док. № 9. Директива Г. Димитрова Вальтеру [Тито] о задачах КПЮ в войне. 30 июня 1941 г.)

¹³² Гибианский Л. Я. Советский Союз и новая Югославия. 1941–1947. М., 1987. С. 24–27; Гиренко Ю. С. Указ соч. С. 107–113; Tomasevich J. War and Revolution in Yugoslavia, 1941–1945. Vol. I: The Chetniks. Stanford, 1975. P. 145–155; Auty Ph. Tito: A Biography. N. Y., 1970. P. 191–196; Stafford D. Churchill and the Secret Service. L., 1997. P. 319–320.

¹³³ Бондарев Н. В. Загадка Тито. Московские годы Иосипа Броза (1935–1937 гг.). М., 2012.

¹³⁴ Матонин Е. В. Иосип Броз Тито. М., 2012 // URL: http://www.e-reading-lib.com/chapter.php/1017591/14/Matonin_-_Iosip_Broz_Tito.html.

¹³⁵ Коминтерн и Вторая мировая война. Ч. 2. С. 182–183, 201–202, 205–206, 214–215, 221–222, 248, 267–268, 328–329, 341–342, 407–408; Auty Ph. Op. cit. P. 77–162; Гиренко Ю. С. Указ соч. С. 91–105; Макдермотт К., Агню Дж. Коминтерн. История международного коммунизма от Ленина до Сталина. М., 2000. С. 188–189; Полегаев Г. Югославы и Коминтерн // Архивы раскрывают тайны... М., 1991. С. 349–363; Семиряга М. И. Тайны сталинской дипломатии. 1939–1941. М., 1992. С. 41.

¹³⁶ Tomasevich J. Op. cit. Vol. I. P. 144–145; Roberts W. Tito, Mihailovic and the Allies. 1941–1945. New Brunswick, 1973. P. 53.

¹³⁷ 13 июня 1942 г. Донован был назначен директором Управления стратегических служб.

¹³⁸ Fotitch C. Op. cit. P. 166.

¹³⁹ Howard H. Foreign Policy in the Second World War (1939–1946) // Yugoslavia / Ed. by Robert J. Kerner. Berkeley; L. A., 1949. P. 344.

¹⁴⁰ War and Peace. Aims of the United Nations. P. 556.

¹⁴¹ Fotitch C. Op. cit. P. 175–177; Roberts W. Op. cit. P. 61.

¹⁴² Tomasevich J. Op. cit. Vol. I. P. 215.

¹⁴³ Визит Петра II в США состоялся 22–29 июня 1942 г. Главной целью югославской стороны было получение помощи в рамках Закона о ленд-лизе. 25 июня король выступил в Сенате и Палате представителей, рассказав конгрессменам о героической борьбе югославского народа, нуждающегося в американской поддержке.

¹⁴⁴ FRUS. 1942. Vol. III. P. 806.

- ¹⁴⁵ Ibid. P. 806–807.
- ¹⁴⁶ Roberts W. Op. cit. P. 62–63.
- ¹⁴⁷ Jukic I. The Fall of Yugoslavia. N. Y., 1974. P. 133; De Santis H. In Search of Yugoslavia: Anglo-American Policy and Policy-Making, 1943–1945 // Journal of Contemporary History. Vol. 16. № 3 (July 1981). P. 544; De Santis H. The Diplomacy of Silence. P. 98.
- ¹⁴⁸ В 1941–1943 гг. Биддл являлся послом США в эмигрантских правительствах Польши, Чехословакии, Бельгии, Нидерландов, Люксембурга, Норвегии, Югославии и Греции, находившихся в Лондоне.
- ¹⁴⁹ FRUS. 1942. Vol. III. P. 814–815, 821–823.
- ¹⁵⁰ Auty Ph. Op. cit. P. 208–209.
- ¹⁵¹ Гибианский Л. Я. Советский Союз и новая Югославия. 1941–1947. С. 56.
- ¹⁵² For the President. Personal and Secret. Correspondence Between Franklin D. Roosevelt and William C. Bullitt. Boston, 1972. P. 581.
- ¹⁵³ Adamic L. Dinner at the White House. N. Y., 1946. P. 405–423.
- ¹⁵⁴ Коминтерн и Вторая мировая война. Ч. 2. С. 214, 248, 267–268.
- ¹⁵⁵ Советско-английские отношения... 1941–1945 гг. Т. I. С. 370.
- ¹⁵⁶ Smith R. OSS. The Secret History of the America's First Central Intelligence Agency. Berkeley, 1972. P. 134, 140; Maclean F. Eastern Approaches. L., 1951. P. 228–229, 234, 237, 253, 327, 329–330; Stafford D. Britain and European resistance, 1940–1945: A Survey of the Special Operations Executive, with Documents. Toronto; Buffalo, 1980. P. 327–328.
- ¹⁵⁷ FRUS. 1943. The Conferences at Cairo and Tehran. P. 606–615; Harriman W. A., Abel E. Special Envoy to Churchill and Stalin, 1941–1946. N. Y., 1975. P. 260; Ford K. Op. cit. P. 34.
- ¹⁵⁸ Ambassador MacVeagh Reports. P. 405.
- ¹⁵⁹ FRUS. 1943. The Conferences at Cairo and Tehran. P. 652; Теранская конференция. С. 155.
- ¹⁶⁰ FRUS. 1943. The Conferences at Cairo and Tehran. P. 795.
- ¹⁶¹ Harriman W. A., Abel E. Op. cit. P. 259–260.
- ¹⁶² FRUS. 1943. The Conferences at Cairo and Tehran. P. 493, 503; Теранская конференция. С. 88; Burns J. Op. cit. P. 408.
- ¹⁶³ FRUS. 1943. The Conferences at Cairo and Tehran. P. 574.
- ¹⁶⁴ Auty Ph. Op. cit. P. 229–231.
- ¹⁶⁵ Фельдман Д. Из истории Международного признания НКОЮ // Вопросы истории. 1955. № 12. С. 96–101; Земсков И. О так называемом «разделе» Югославии на «сферы влияния» // Международная жизнь. 1958. № 8. С. 72–83; История Югославии / под ред. Л. Б. Валева и др. Т. II. М., 1963; Славин Г. М. Освободительная война в Югославии. (1941–1945 гг.). М., 1965; Гибианский Л. Я., Зеленин В. В. СССР и борьба югославских трудящихся за народную республику (1941–1945 гг.) // Советское славяноведение. 1970. № 6. С. 7–26; Гибианский Л. Я. Борьба за утверждение и международное признание новой Югославии в период освобождения страны от фашистской оккупации (осень 1944 – весна 1945 гг.) // Etudes balkaniques. 1972. № 2. С. 26–44; Романов В. Е. Советский Союз и новая Югославия. Сентябрь 1944 – май 1945 гг. // СССР и страны Европы. Внешнеполитические проблемы /

под ред. В. Я. Сиполса. М., 1982. С. 113–138; Зеленин В. В., Романов В. Е. Действия СССР на международной арене в поддержку югославского народно-освободительного движения // Советское славяноведение. 1983. № 4. С. 28–42; Гиренко Ю. С. Указ. соч.; и др.

¹⁶⁶ FRUS. 1943. Vol. II. P. 1038–1039.

¹⁶⁷ Roberts W. Op. cit. P. 176.

¹⁶⁸ Ambassador MacVeagh Reports. P. 397.

¹⁶⁹ FRUS. 1944. Vol. IV. P. 1358.

¹⁷⁰ Ibid. P. 1358–1359.

¹⁷¹ Документы интернациональной солидарности // Вопросы истории КПСС. 1984. № 9. Док. 10. С. 15–16.

¹⁷² Там же. С. 16.

¹⁷³ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: документы и материалы: в 2 т. М., 1984. Т. II. С. 218; Советско-английские отношения... 1941–1945. Т. II. С. 179.

¹⁷⁴ FRUS. 1944. Vol. IV. P. 1411.

¹⁷⁵ Гибианский Л. Я. Советский Союз и новая Югославия. 1941–1947. С. 111–112.

¹⁷⁶ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: документы и материалы: в 3 т. М., 1946. Т. II: 1 января – 31 декабря 1944 г. С. 236; Tomasevich J. Op. cit. Vol. I. P. 417–424.

¹⁷⁷ FRUS. 1944. Vol. IV. P. 1410.

¹⁷⁸ FRUS. 1945. Vol. V. P. 1192. Меморандум посвящён анализу развития военной и политической ситуации в Югославии и влиянию на неё Советского Союза и Великобритании.

¹⁷⁹ Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? М., 2002. С. 294–295.

¹⁸⁰ Messer R. L. The and of an Alliance: James F. Byrnes, Roosevelt, Truman, and the Origins of the Cold War. Chapell Hill, 1980. P. 75.

¹⁸¹ FRUS. 1944. Vol. IV. P. 933; The Diaries of Edward R. Stettinius, Jr., 1943–1946 / By T. M. Campbell, G. C. Herring. N. Y., 1975. P. 153.

¹⁸² De Santis H. The Diplomacy of Silence. P. 125.

¹⁸³ Ford K. Op. cit. P. 158, 227.

¹⁸⁴ Подробно об организациях, которые вели борьбу с оккупантами, см.: Woodhouse C. M. Apple of Discord. A Survey of Recent Greek Politics in their International Settings. L., 1948. P. 55–93.

¹⁸⁵ Shrader Ch. The Withered Vine: Logistics and the Communist Insurgency in Greece, 1945–1949. Westport, 1999. P. 23.

¹⁸⁶ Называется и другая дата – 9 сентября (Shrader S. Op. cit. P. 12; Woodhouse C. M. Early British Contacts with the Greek Resistance in 1942 // Balkan Studies. Vol. 12. 1971. No. 2. Thessaloniki, 1971. P. 356).

¹⁸⁷ Greece 1940–1949: Occupation, Resistance, Civil War. A Documentary History / Ed. and translated and with an Introduction by R. Clogg. Basingstoke, 2002. P. 120.

¹⁸⁸ FRUS. The Conferences at Washington, 1941–1942, and Casablanca, 1943. P. 749.

¹⁸⁹ Franklin D. Roosevelt Digital Archives. PSF. Box 37. Recent activities and present strengths (July 1943) of opposing forces in Yugoslavia, Albania

and Greece 7/14/43. URL: <http://www.fdrlibrary.marist.edu/psf/box37/a334o01.html>

¹⁹⁰ FRUS. 1943. Vol. IV. P. 130.

¹⁹¹ Ibid. P. 133.

¹⁹² FRUS. The Conferences at Cairo and Tehran, 1943. P. 225.

¹⁹³ FRUS. 1943. Vol. IV. P. 156–157.

¹⁹⁴ Woodhouse C. M. Apple of Discord. P. 154–155.

¹⁹⁵ Iatrides J. O. Revolt in Athens: the Greek Communist “Second Round” 1944–1945. Princeton, 1972. P. 29.

¹⁹⁶ Churchill and Roosevelt. The Complete Correspondence. Vol. II. P. 549; см. также: Barker E. British Policy in South-East Europe in the Second World War. N. Y., 1976. P. 118–119.

¹⁹⁷ Churchill and Roosevelt. The Complete Correspondence. Vol. II. P. 554.

¹⁹⁸ Brown A. Op. cit. P. 427.

¹⁹⁹ Ibid. P. 429–430.

²⁰⁰ Stafford D. Britain and European resistance, 1940–1945. P. 274.

²⁰¹ Wittner L. S. American Intervention in Greece, 1943–1949. N. Y., 1982. P. 16.

²⁰² Brown A. Op. cit. P. 426–427.

²⁰³ Greece 1940–1949: Occupation, Resistance, Civil War. P. 164–165.

²⁰⁴ Woodhouse C. M. The Struggle for Greece, 1941–1949. L., 1976. P. 65.

²⁰⁵ Papastratis P. British Policy towards Greece during the Second World War. Cambridge, 1984. P. 160.

²⁰⁶ Ibid. P. 164.

²⁰⁷ Woodhouse C. M. The Struggle for Greece. P. 65–66; Papastratis, P. Op. cit. P. 158–160. Текст соглашения: Woodhouse C. M. Apple of Discord. P. 303–304; Iatrides J. O. Revolt in Athens. P. 291–293. «Ноев ковчег», третья и последняя крупная операция по изгнанию немцев из Греции, была частью союзнических планов по введению Берлина в заблуждение с целью отвлечения его внимания от готовящейся высадки союзных войск в Нормандии в июне и на юге Франции в августе 1944 г.

²⁰⁸ Papastratis P. Op. cit. P. 160.

²⁰⁹ Ambassador MacVeagh Reports. P. 514.

²¹⁰ Ibid. P. 454.

²¹¹ Hymoff E. The OSS in World War II. N. Y., 1972. P. 261; Office of Strategic Services Operational Groups. URL: <http://www.ossog.org/greek.html>

²¹² Brown A. Op. cit. P. 431.

²¹³ Ambassador MacVeagh Reports. P. 514–515.

²¹⁴ Documents on International Affairs, 1939–1946. Vol. 2. L.; Oxford, 1954. P. 348–349.

²¹⁵ FRUS. 1944. Vol. V. P. 112.

²¹⁶ Группа SI [Secret Intelligence] – секретная разведка; SO [Special Operations] – группа специальных операций; MO [Morale Operations] – группа психологических операций.

- ²¹⁷ Brown A. Op. cit. P. 601.
- ²¹⁸ Ibid. P. 605.
- ²¹⁹ Ibid. P. 606–609.
- ²²⁰ Ibid. P. 609.
- ²²¹ Woodhouse C. M. The Struggle for Greece. P. 21–22; Iatrides J. O. Revolt in Athens. P. 32–33.
- ²²² Цит. по: Маккензи У. Указ. соч. С. 198.
- ²²³ Цит. по: Смирнова Н. Д. Политика США в Греции (1943–1945) // Новая и новейшая история. 1984. № 1. С. 50.
- ²²⁴ С просьбой назначить американского дипломатического представителя при греческом правительстве в эмиграции греческий посол в США С. Диамантопулос обратился к С. Уэллсу 10 октября: FRUS. 1941. Vol. II. P. 751–752.
- ²²⁵ Ibid. P. 797.
- ²²⁶ FDR: His Personal Letters, 1928–1945. Vol. II: P. 1308.
- ²²⁷ King George II of Greece Addresses the U.S. Congress (June 15, 1942). URL: <http://www.ibiblio.org/pha/policy/1942/420615a.html>; http://www.jewishvirtuallibrary.org/jsource/ww2/george_congress.html.
- ²²⁸ Сроки визита: Visits to the U.S. by Foreign Heads of State and Government. 1940–1944. URL: <http://www.state.gov/r/pa/ho/34911.htm>; посещение Гайд-Парка: President Franklin D. Roosevelt's Visits to Hyde Park during His Presidency. URL: <http://www.fdrlibrary.marist.edu/preroohp.html>.
- ²²⁹ FRUS. 1942. Vol. II. P. 797–798; DAFR. Vol. V. P. 216; Voices of History. 1942–1943. Speeches and Papers of Roosevelt, Churchill, Stalin, Chiang, Hitler and other Leaders / Ed. by Franklin Watts. N. Y., 1943. P. 389.
- ²³⁰ Karalekas A. Britain, the U.S., and Greece, 1942–1945. N. Y.; L., 1988. P. 90.
- ²³¹ Wittner L. S. Op. cit. P. 13.
- ²³² Papastratis P. Op. cit. P. 101.
- ²³³ Karalekas A. Op. cit. P. 88.
- ²³⁴ Wittner L. S. Op. cit. P. 13.
- ²³⁵ FRUS. 1943. Vol. IV. P. 126–127.
- ²³⁶ Ibid. P. 135–136.
- ²³⁷ FRUS. Conferences at Washington and Quebec, 1943. P. 1044–1045.
- ²³⁸ FRUS. 1943. Vol. IV. P. 147–148; FRUS. Conferences at Washington and Quebec, 1943. P. 930–934; Hull C. Op. cit. Vol. II. P. 1240.
- ²³⁹ Рэй Атертон – посол США в Канаде (с 3 августа 1943 г. до 30 августа 1948 г.), который присутствовал во время обсуждения вопроса президентом и премьер-министром в Квебеке 22 августа 1943 г.
- ²⁴⁰ FRUS. Conferences at Washington and Quebec, 1943. P. 933.
- ²⁴¹ FRUS. 1943. Vol. IV. P. 150.
- ²⁴² Ibid. P. 151.
- ²⁴³ Ambassador MacVeagh Reports. P. 395–398.
- ²⁴⁴ FRUS. The Conferences at Cairo and Tehran, 1943. P. 844; Eden A. The Memoirs of Anthony Eden, Earl of Avon. Vol. 2. The Reckoning. Boston, 1965. P. 430.
- ²⁴⁵ FRUS. The Conferences at Cairo and Tehran, 1943. P. 740.

- ²⁴⁶ Ibid. P. 844; Karalekas A. Op. cit. P. 56, 96.
- ²⁴⁷ См.: Frazier R. Anglo-American Relations with Greece. The Coming of the Cold War, 1942–1947. N. Y., 1991. P. 40.
- ²⁴⁸ Ambassador MacVeagh Reports. P. 416.
- ²⁴⁹ Ibid. P. 418.
- ²⁵⁰ Ibid. P. 444–445.
- ²⁵¹ Sulzberger C. L. A Long Row of Candles. Memoirs and Diaries. 1934–1954. L., 1969. P. 236.
- ²⁵² FRUS. 1944. Vol. V. P. 123–124.
- ²⁵³ Ambassador MacVeagh Reports. P. 544.
- ²⁵⁴ Меморандум «Политика Соединенных Штатов в отношении Греции (1933–1944)» от 19 августа 1944 г. Опубликован в статье: Смирнова Н. Д. Политика США в Греции (к истории появления одного документа Госдепартамента) // Из истории Европы в новое и новейшее время. К 100-летию со дня рождения академика И. М. Майского / отв. ред. А. М. Самсонов. М., 1984. С. 242.
- ²⁵⁵ Ambassador MacVeagh Reports. P. 602–603.
- ²⁵⁶ Ibid. P. 627.
- ²⁵⁷ Ryan H. B. The Vision of Anglo-America: The US–UK Alliance and the Emerging Cold War, 1943–1946. Cambridge, 1987. P. 132.
- ²⁵⁸ АВП РФ. Ф. 0204. Оп. 1. П. 1. Д. 2. Л. 188.
- ²⁵⁹ АВП РФ. Ф. 84. Оп. 23. П. 18. Д. 1. Л. 27.
- ²⁶⁰ Там же. Д. 2. Л. 90.
- ²⁶¹ Woodhouse C. M. The Struggle for Greece. P. 23.
- ²⁶² Ibid. P. 45; Stavakis P. J. Moscow and Greek Communism, 1944–1949. Ithaca; L., 1989. P. 11; Nadeau R. Stalin, Churchill and Roosevelt Divide Europe. N. Y., 1990. P. 94.
- ²⁶³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 894. Л. 351.
- ²⁶⁴ В фондах Российского государственного архива социально-политической истории имеется ряд телеграмм, направленных в это время на имя Тито за подписью ПЭЭА, ЦК КПГ и ЭЛАС и лично Г. Сяндоса (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 894. Л. 340–350).
- ²⁶⁵ Советской разведкой агентурным путем был получен текст телеграммы главы греческого правительства в эмиграции Э. Цудероса П. Канелопулосу от 4 марта 1943 г., а также раскрыто содержание бесед британского посла Р. Липера с Г. Папандреу накануне Ливанской конференции 1944 г., во время которых обсуждались планы оказания давления на ЭАМ/ЭЛАС. См.: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 177. Л. 2–3.
- ²⁶⁶ Димитров Г. Дневник, март 1933 – февруари 1949: Избрано. София, 2003. С. 197–198.
- ²⁶⁷ Некоторые из них хранятся в секретариате главы Коминтерна Г. Димитрова: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 173а. Л. 2–8, 86; Д. 176. Л. 1–17, 19–22; и др.
- ²⁶⁸ Это подтверждает, например, хранящийся в фондах РГАСПИ «Обзор состояния коммунистического движения на 1 мая 1944 г.» // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 1. Л. 10–11. О партизанском движении в Греции в СССР знали главным образом из газет. См.: «Справка о Греции. Общие данные о партизанском движении в Греции». Судя по

визе Г. Димитрова от 22 апреля 1944 г., документ составлен в апреле 1944 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 760. Л. 149–156).

²⁶⁹ Робертс Дж. Указ соч. С. 91.

²⁷⁰ Roberts G. Beware Greek Gifts: The Churchill-Stalin «Percentages» agreement of October 1944. URL: <http://www.historia.ru/2003/01/roberts.htm>, свободный.

²⁷¹ Советский фактор в Восточной Европе. Т. 1: 1944–1948. С. 31.

²⁷² АВП РФ Ф. 084. Оп. 27. П. 136. Д. 9. Л. 3.

²⁷³ Там же. Л. 3–4; FRUS. 1943. Vol. IV. P. 164–165; текст послания Э. Идена премьер-министру Греции Э. Цудеросу: АВП РФ Ф. 084. Оп. 27. П. 136. Д. 9. Л. 5.

²⁷⁴ АВП РФ Ф. 084. Оп. 27. П. 136. Д. 1. Л. 1; Ф. 069. Оп. 28. П. 88. Д. 27. Л. 1.

²⁷⁵ АВП РФ Ф. 069. Оп. 28. П. 88. Д. 27. Л. 2–3.

²⁷⁶ Stavrakis P. J. Op. cit. P. 17.

²⁷⁷ Новиков Н. В. Указ соч. С. 207.

²⁷⁸ Barker E. Greece in the Framework of Anglo-Soviet Relations, 1941–1947. P. 21.

²⁷⁹ Советско-английские отношения... 1941–1945. Т. 2. С. 75–77.

²⁸⁰ Alexander G. M. Prelude to the Truman Doctrine: British Policy in Greece 1944–1947. Oxford, 1982. P. 17.

²⁸¹ Kuniholm B. Op. cit. P. 73.

²⁸² FRUS. 1944. Vol. V. P. 105.

²⁸³ Churchill W. The Second World War. Vol. VI. Triumph and Tragedy. Boston, 1985. P. 63; Wittner L. Op. cit. P. 6; Charmley J. Churchill: the End of the Glory: A Political Biography. L., 1993. P. 566–567; Siracusa J. M. The Night Stalin and Churchill Divided Europe: The View from Washington // The Review of Politics. Vol. 43. № 3. (Jul., 1981). P. 387.

²⁸⁴ FRUS. 1944. Vol. V. P. 128; Eden A. Op. cit. Vol. 2. P. 459; Harriman A., Abel, E. Op. cit. P. 329; Kuniholm B. Op. cit. P. 101; Wittner L. Op. cit. P. 6; Фейс Г. Черчилль. Рузвельт. Сталин. Война, которую они вели, и мир, которого они добились. М., 2003. С. 305; Barker E. Greece in the Framework of Anglo-Soviet Relations. P. 24; Mastny V. Russia's Road to the Cold War: Diplomacy, Warfare, and the Politics of Communism, 1941–1945. N. Y., 1979. P. 196; Herz M. F. Beginnings of the Cold War. Bloomington; L., 1966. P. 117; Siracusa J. M. Op. cit. P. 388.

²⁸⁵ АВП РФ Ф. 069. Оп. 28. П. 88. Д. 27. Л. 29.

²⁸⁶ Цит. по архиву: АВП РФ Ф. 069. Оп. 28. П. 88. Д. 27. Л. 29. См. также: Соколов В. В. Посол СССР Ф. Т. Гусев в Лондоне в 1943–1946 годах // Новая и новейшая история. 2005. № 4. С. 118.

²⁸⁷ АВП РФ Ф. 069. Оп. 28. П. 88. Д. 27. Л. 29–30; FRUS. 1944. Vol. V. P. 128; Harriman A., Abel E. Op. cit. P. 329; Фейс Г. Указ соч. С. 305; Barker E. Greece in the Framework of Anglo-Soviet Relations. P. 24; Churchill W. Op. cit. Vol. 6. P. 64.

²⁸⁸ АВП РФ Ф. 069. Оп. 28. П. 88. Д. 27. Л. 40.

²⁸⁹ Stavrakis P. J. Op. cit. P. 28; Gerolymatos A. Red Acropolis, Black Terror. The Greek Civil War and the Origins of the Soviet-American Rivalry, 1943–1949. N. Y., 2004. P. 121.

²⁹⁰ См.: РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1188. Л. 104.

²⁹¹ Macrakis M. S. Russian Mission on the Mountains of Greece, Summer 1944 (A View from the Ranks) // Journal of Contemporary History. Vol. 23. № 3 (Jul., 1988). P. 391.

²⁹² Mastny V. Op. cit. P. 205; Kuniholm B. Op. cit. P. 104; Gerolymatos A. Op. cit. P. 122–125; и т. д.

²⁹³ Shrader Ch. Op. cit. P. 29–30; Woodhouse C. M. The Struggle for Greece. P. 92. При этом дискутируется вопрос, была ли данная директива дана полковнику до прибытия в Грецию, либо это решение было принято на основании полученных Поповым данных: Gerolymatos A. Op. cit. P. 125.

²⁹⁴ Sarafis S. ELAS: Greek Resistance Army. L., 1951. P. 224–225.

²⁹⁵ Macrakis M. S. Op. cit. P. 397–398.

²⁹⁶ Ibid. P. 399.

²⁹⁷ Leeper R. When Greek Meets Greek. L., 1950. P. 62–63; см. также: Kolko G. The Politics of War: The World and United States Foreign Policy, 1943–1945. N. Y., 1968. P. 181.

²⁹⁸ АВП РФ Ф. 084. Оп. 27. П. 136. Д. 1. Л. 32; АВП РФ Ф. 069. Оп. 28. П. 88. Д. 27. Л. 50.

²⁹⁹ АВП РФ Ф. 084. Оп. 27. П. 136. Д. 1. Л. 33; АВП РФ Ф. 069. Оп. 28. П. 88. Д. 27. Л. 52.

³⁰⁰ АВП РФ Ф. 069. Оп. 28. П. 88. Д. 27. Л. 57; см. также: Barker E. Greece in the Framework of Anglo-Soviet Relations. P. 27; Resis A. The Churchill-Stalin Secret «Percentages» Agreement on the Balkans, Moscow, October 1944 // The American Historical Review. 1978. Vol. 83. № 2. P. 380–381.

³⁰¹ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: документы и материалы: в 2 т. М., 1984. Т. 2. С. 209; см. также: Woodward L. British Foreign Policy in the Second World War: In 5 vols. L., 1970–1976. Vol. 3. P. 410.

³⁰² The Foreign Office and the Kremlin: British Documents on Anglo-Soviet Relations, 1941–1945 / Ed. with an Introduction by G. Ross. Cambridge etc., 1984. P. 175–179.

³⁰³ Foreign Office and the Kremlin. P. 175–176; Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии: документы, комментарии, 1941–1945. М., 2004. С. 420. Впервые о соглашении стало известно из мемуаров У. Черчилля (Churchill W. Op. cit. Vol. 6. P. 198). Процесс заключения «процентного соглашения» описан во множестве исследований: De Santis H. The Diplomacy of Silence. P. 124–125; Kuniholm B. Op. cit. P. 109–110; Wittner L. Op. cit. P. 6–7; Barker E. Greece in the Framework of Anglo-Soviet Relations. P. 27–28; Bennett E. FDR and the Search for Victory: American-Soviet Relations, 1939–1945. Wilmington, 1990. P. 135–136; Rostow W. W. The United States in the World Arena. An Essay in Recent History. N. Y., 1969. P. 101–102; Baylis J. The Diplomacy of Pragmatism: Britain and the Formation of NATO, 1942–1949. Kent, 1993. P. 33; Herz M. F. Op. cit. P. 124–125; Resis A. Op. cit. P. 368–369; Siracusa J. M. Op. cit. P. 400–401; и т. д.

³⁰⁴ Macmillan H. The Blast of War. 1939–1945. L., 1967. P. 604; Ismay H. L. I. The Memoirs of General the Lord Ismay. L., 1960. P. 369;

см. также: Alexander G. M. Op. cit. P. 93; Xydis S. G. Greece and the Yalta Declaration // American Slavic and East European Review. 1961. Vol. 20. №. 1. P. 6–7.

³⁰⁵ Foster A. J. The Politicians, Public Opinion and the Press: The Storm over British Military Intervention in Greece in December 1944 // Journal of Contemporary History. 1984. Vol. 19. №. 3. P. 478.

³⁰⁶ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1187. Л. 19; см. также: Димитров Г. Указ. соч. С. 231.

³⁰⁷ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1188. Л. 107. Краткое изложение содержания шифрограммы имеется в дневнике Г. Димитрова (запись от 9 декабря 1944 г.): Димитров Г. Указ. соч. С. 231.

³⁰⁸ См. Черчилль У. Указ. соч. Кн. 2. С. 193; Поздеева Л. В. Англо-американские отношения в годы второй мировой войны. С. 395.

³⁰⁹ Alvarez D. Op. cit. P. 24.

³¹⁰ Ibidem.

³¹¹ Kuniholm B. R. Op. cit. P. 28; Thomas L. V., Frye R. N. Op. cit. P. 142.

³¹² РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1329. Л. 31.

³¹³ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 9. П. 69. Д. 1071. Л. 29.

³¹⁴ Churchill and Roosevelt. The Complete Correspondence. Vol. I. P. 235–236; Loewenheim F. L., Langley H. D. Roosevelt and Churchill. The Secret Wartime Correspondence. P. 155–156.

³¹⁵ Цит. по: Deringil S. Op. cit. P. 133.

³¹⁶ ДВП СССР. Т. XXV: в 2 кн. Кн. 1: Январь – июнь 1942. С. 60.

³¹⁷ Ржешевский О. А. Указ. соч. С. 38–41; См. также: Churchill and Roosevelt. The Complete Correspondence. Vol. I. P. 251–252.

³¹⁸ Howard H. Turkey, the Straits and U. S. Policy. Baltimore, 1974. P. 165.

³¹⁹ ДВП СССР. 1942. Т. XXV. Кн. 1. С. 88.

³²⁰ Papen F. von. Memoirs. L., 1952. P. 488.

³²¹ Deringil S. Op. cit. P. 134.

³²² Цит. по: Deringil S. Op. cit. P. 134.

³²³ Rubin B. Op. cit. P. 112; См. также: Deringil S. Op. cit. P. 134.

³²⁴ FRUS. 1942. Vol. IV. P. 683–685.

³²⁵ Ibidem.

³²⁶ Ibid. 694. См. также: Knatchbull-Hugessen H. Diplomat in Peace and War. L., 1949. P. 177–179.

³²⁷ Цит. по: Deringil S. Op. cit. P. 135.

³²⁸ Matloff M., Snell E. M. Op. cit. P. 174–197.

³²⁹ Churchill and Roosevelt. The Complete Correspondence. Vol. I. P. 254–255; 319.

³³⁰ Alvarez D. Op. cit. P. 25; см. также: McNeill W. H. America, Britain, and Russia, Their Cooperation and Conflict. N. Y., 1970. P. 272;

³³¹ Churchill and Roosevelt. The Complete Correspondence. Vol. I. P. 668–669.

³³² Kuniholm B. R. Op. cit. P. 30.

³³³ Churchill and Roosevelt. The Complete Correspondence. Vol. II. P. 13–14. См. также: Штолер М. Второй фронт в стратегии и диплома-

тии союзников: август 1942 – октябрь 1943 г. // Новая и новейшая история. 1988. № 5. С. 65.

³³⁴ Howard H. Turkey, the Straits and U. S. Policy. P. 170.

³³⁵ Переписка Председателя Совета Министров СССР... М., 1957. Т. 1. С. 76–77.

³³⁶ Там же. С. 78–79.

³³⁷ Kuniholm B. R. Op. cit. P. 30.

³³⁸ Dallek R. Op. cit. P. 367. См. также: Kimball W. F. Forged in war: Roosevelt, Churchill, and the Second World War. N. Y., 1997. P. 186; Штолер М. Указ соч. С. 66; Бернс Дж. М. Франклин Рузвельт. Человек и политик. М., 2004. С. 326.

³³⁹ FRUS. The Conferences at Washington, 1941–1942, and Casablanca, 1943. P. 511. См. также: Dallek R. Op. cit. P. 370.

³⁴⁰ Rubin B. Op. cit. P. 115.

³⁴¹ FRUS. The Conferences at Washington, 1941–1942, and Casablanca, 1943. P. 511.

³⁴² Murphy R. Diplomat Among Warriors. N. Y., 1965. P. 191.

³⁴³ FRUS. The Conferences at Washington, 1941–1942, and Casablanca, 1943. P. 540.

³⁴⁴ Ibid. P. 540–547.

³⁴⁵ Ibid. P. 560.

³⁴⁶ Ibid. P. 577.

³⁴⁷ Ibid. P. 598.

³⁴⁸ Ibid.

³⁴⁹ Rubin B. Op. cit. P. 114.

³⁵⁰ Beitzell R. The Uneasy Alliance. America, Britain, and Russia, 1941–1943. N. Y., 1972. P. 77–80.

³⁵¹ Rubin B. Op. cit. P. 114.

³⁵² FRUS. The Conferences at Washington, 1941–1942, and Casablanca, 1943. P. 658; см. также: Rubin B. Op. cit. P. 115; Beitzell R. Op. cit. P. 85–88.

³⁵³ Подробнее см.: FRUS. 1943. Vol. IV. P. 1064–1065.

³⁵⁴ FRUS. The Conferences at Washington, 1941–1942, and Casablanca, 1943. P. 634.

³⁵⁵ Ibid. P. 1069–1070.

³⁵⁶ Ibid.

³⁵⁷ FRUS. 1943. Vol. IV. P. 1064.

³⁵⁸ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 2. Т. 4. С. 608.

³⁵⁹ Там же.

³⁶⁰ Eden A. Op. cit. P. 421.

³⁶¹ Пантюркизм (синоним пантуранизм) – культурное и политическое течение, распространенное в государствах, населенных тюркскими народами, в основе которой лежат идеи о необходимости их политической консолидации на основе этнической, культурной и языковой общности. Сформировалось во второй половине XIX в.

³⁶² 25 июля 1941 г. германский посол в Турции Франц фон Папен обращал внимание МИД, что с немецкими военными успехами в войне против СССР автоматически возрастает и пантуранистское движение.

Каждый тюрк, по мнению посла, имеет ясное племенное и расовое самосознание, и все его пожелания в этих сферах связаны не с Англией, а с Германией. В январе 1942 г. министр иностранных дел Германии И. фон Риббентроп проинструктировал своих подчиненных о необходимости в дальнейшем активно поддерживать пантюранистское движение. Подробнее см.: Гилязов И. А. Легион «Идель-Урал». М., 2009.

³⁶³ Alvarez D. Op. cit. P. 26.

³⁶⁴ Ibidem; См. также: Hurewitz J. C. Middle East Dilemmas. The Background of the United States Policy. N. Y., 1953. P. 190–191.

³⁶⁵ Weisband E. Turkish Foreign Policy, 1943–45: Small State Diplomacy and Great Power Politics. Princeton University Press, 1973. P. 133.

³⁶⁶ Ibid. P. 134.

³⁶⁷ Ibid.

³⁶⁸ Ibid.

³⁶⁹ FRUS. 1943. Vol. IV. P. 1058.

³⁷⁰ Metin T. The Warrior Diplomats. Guardians of the National Security and Modernization of Turkey. Salt Lake city, 1976. P. 207.

³⁷¹ Hull C. Op. cit. Vol. II. N. Y., 1948. P. 1365.

³⁷² Kuniholm B. R. Op. cit. P. 30.

³⁷³ Черчилль У. Указ. соч. Кн. 1. Т. 2. С. 611–612.

³⁷⁴ Weisband E. Op. cit. P. 135.

³⁷⁵ Ibid.

³⁷⁶ Knatchbull-Hugessen H. Op. cit. P. 182–192.

³⁷⁷ Так назвал их Черчилль. Копия этих «размышлений» была отправлена в Анкару – послу США в Турции Л. Штейнгардту и президенту Рузвельту. См.: Churchill and Roosevelt. The Complete Correspondence. Vol. II. P. 129–133.

³⁷⁸ FRUS. 1943. Vol. IV. P. 1060–1065. См. также: Churchill and Roosevelt. The Complete Correspondence. Vol. II. P. 129–133.

³⁷⁹ Ibid. Op. cit. P. 127.

³⁸⁰ Более подробно см.: Ibid.

³⁸¹ FRUS. 1943. Vol. IV. P. 1063.

³⁸² Ibid. P. 1064.

³⁸³ Deringil S. Op. cit. P. 136.

³⁸⁴ Переписка председателя Совета министров СССР... Т. 1. С. 88.

³⁸⁵ Там же. С. 89.

³⁸⁶ Там же.

³⁸⁷ Там же. С. 91.

³⁸⁸ Там же.

³⁸⁹ Weisband E. Op. cit. P. 140.

³⁹⁰ Alvarez D. Op. cit. P. 26.

³⁹¹ Ibid. P. 28.

³⁹² Чевтаев А. Г. Позиция США и Англии в отношении Турции (ноябрь 1942 г. – декабрь 1943 г.) // Американский ежегодник. 1978. М., 1978. С. 84.

³⁹³ АВП РФ. Ф. 56. Оп. 7. П. 26. Д. 4. Л. 52.

³⁹⁴ Rubin B. Op. cit. P. 116.

- ³⁹⁵ FRUS. 1943. Vol. IV. P. 1064.
³⁹⁶ FRUS. Conferences at Washington and Quebec, 1943. P. 498–499.
³⁹⁷ Ibid. P. 1131.
³⁹⁸ Чевтаев А. Г. Указ соч. С. 85.
³⁹⁹ Metin T. Op. cit. P. 210.
⁴⁰⁰ FRUS. Conferences at Cairo and Tehran, 1943. P. 43.
⁴⁰¹ Op. cit. P. 663.
⁴⁰² Hull C. Op. cit. Vol. II. P. 1365. См. также: Knatchbull-Hugessen H. Op. cit. P. 197; Metin T. Op. cit. P. 211.
⁴⁰³ FRUS. The Conferences at Cairo and Tehran, 1943. P. 694.
⁴⁰⁴ Deringil S. Op. cit. P. 164.
⁴⁰⁵ См. также: Knatchbull-Hugessen H. Op. cit. P. 195–196; Kuniholm B. Op. cit. P. 36–37.
⁴⁰⁶ Цит. по: Deringil S. Op. cit. P. 165.
⁴⁰⁷ Ibid. P. 814; Hull C. Op. cit. Vol. II. P. 1370.
⁴⁰⁸ FRUS. 1944. Vol. V. P. 814.
⁴⁰⁹ FRUS. 1944. Vol. V. P. 815–816.
⁴¹⁰ Ibid.
⁴¹¹ Alvarez D. Op. cit. P. 29.
⁴¹² Weisband E. Op. cit. P. 230.
⁴¹³ Kuniholm B. Op. cit. P. 52.
⁴¹⁴ Weisband E. Op. cit. P. 257.
⁴¹⁵ Deringil S. Op. cit. P. 171.
⁴¹⁶ Weisband E. Op. cit. P. 268–273.
⁴¹⁷ Поцхверия Б. М. Указ соч. С. 464.
⁴¹⁸ Гасанлы Дж. Указ соч. С. 151.
⁴¹⁹ Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных войск 1939–1942 гг.: в 2 т. М., 1969. Т. 2. С. 29, 193, 307; Ибрагимбейли Х. М. Указ соч. С. 30, 72; Мировые войны XX века. Кн. 4. М., 2006. С. 137–138; Ben-Horin E. The Middle East Crossroads of History. N. Y., 1943. P. 160–164; Elwell-Sutton L. P. Modern Iran. L., 1942. P. 174–175; Harrison G. A. Cross-Channel Attack. United States Army in World War II. Wash., 1951. P. 17; Little E. Iranian-American Alliance, 1941–1953. N. Y.; L., 1988. P. 21; Motter T. H. V. Op. cit. P. 31.
⁴²⁰ АВП РФ. Ф. 6. Оп. 3. П. 14. Д. 175. Л. 40.
⁴²¹ Черчилль У. Указ соч. Т. 3. С. 254–255; Батлер Дж., Гуайер Д. Большая стратегия. Июнь 1941 – август 1942. М., 1967. С. 144–146, 149, 151.
⁴²² Bullard R. The Camels must go. An Autobiography. L., 1961. P. 224–226; Haas W. S. Iran. N. Y., 1946. P. 224; Pahlavi M. R. S. Op. cit. P. 69–70; Wilber D. N. Contemporary Iran. P. 80; Wilber D. N. Iran: Past and Present. N. J., 1955. P. 102–103; Lytle M. H. Op. cit. P. 9–11; Stewart R. A. Sunrise at Abadan: The British and Soviet Invasion of Iran, 1941. N. Y., 1988; Алиев С. М. История Ирана. XX век. М., 2004. С. 200–201; Годс М. Указ соч. С. 156–161; Зорин Л. И. Особое задание. М., 1987. С. 42–44; Оришев А. Б. Политика нацистской Германии в Иране. СПб., 2005. С. 111–167; Любин Д. М. Ввод Красной Армии в Иран

летом – осенью 1941 года: причины, осуществление, последствия: дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2005.

⁴²³ Батлер Дж., Гуайер Д. Указ соч. С. 146; Бережков В. В то время в Иране. С. 14; Ибрагимбейли Х. М. Указ соч. С. 36; Кириленко Г. В. Нефть во второй мировой войне // Военно-исторический журнал. 1987. № 12. С. 32–40.

⁴²⁴ АВП РФ. Ф. 69. Оп. 26. П. 107. Д. 10. Л. 1–5; Внешняя политика Советского Союза... 1941–1944 гг. Т. 1. С. 217–221; Haas W. S. Op. cit. P. 252–256.

⁴²⁵ Егорова Н. И. Формирование концепции национальных интересов США на Ближнем и Среднем Востоке, 1944–1946 // США и внешний мир: материалы IV науч. конф. Ассоциации изучения США. М., 1997. С. 32.

⁴²⁶ Внешняя политика Советского Союза... 1941–1944 гг. Т. 1. С. 223, 311, 339, 422, 427, 472–473, 475, 479, 505, 516, 523–524.

⁴²⁷ Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991. С. 73; Кузнец Ю. Тегеран-43. С. 203, 236; Кузнец Ю. Длинный прыжок в никуда. Как был сорван заговор против Большой тройки в Тегеране. М., 1996. С. 203–204; Арабаджян З. А. Давление США на СССР и достижение договоренностей о выводе советских войск // Иран: ислам и власть. М., 2002. С. 210–211; Бережков В. В то время в Иране. С. 14.

⁴²⁸ См. записку «О желательных основах будущего мира» И. М. Майского Молотову. (Данилов А. А., Пыжиков А. В. Указ соч. С. 15–16.)

⁴²⁹ FRUS. 1943. The Conferences at Cairo and Tehran, 1943. P. 619, 623–625, 648–649, 838, 840–843, 885–886; FRUS. 1944. Vol. V. P. 309; Congressional Record. Vol. 89. Proceedings and Debates of the 78th Congress: First session. Wash., 1943. P. 2833, 2845–2846; Times. 1943. December, 7. Декларацию см.: FRUS. 1943. Vol. IV. P. 413–414; Известия. 1943. 7 дек.

⁴³⁰ Rubin B. Op. cit. P. 75, 77.

⁴³¹ FRUS. 1943. The Conferences at Cairo and Tehran, 1943. P. 468–469, 564, 806; Ibid. 1944. Vol. V. P. 338, 348–351; Pahlavi M. R. S. Op. cit. P. 80; Рузвельт Э. Указ соч. С. 192.

⁴³² FRUS. 1944. Vol. V. P. 1–2; Rubin B. Op. cit. P. 3; Hull C. Op. cit. Vol. 2. N. Y., 1948. P. 1507; Lohbeck D. Patric J. Hurly. Chicago, 1956. P. 225–226; Roosevelt and Churchill: Their Wartime Correspondence. N. Y., 1975. P. 499–501.

⁴³³ В марте 1942 г. ОБД Госдепартамента возглавил П. Эллинг. У. Мюррей стал советником по политическим отношениям.

⁴³⁴ Kuniholm B. R. Op. cit. P. 156–157.

⁴³⁵ Л. Дрейфус был посланником США в Иране до 12 декабря 1943 г. Л. Б. Моррис был назначен первым послом в Иран 21 марта 1944 г., хотя вручение верительных грамот произошло, по одним данным, 21 августа 1944 г. (URL: http://www.state.gov/www/about_state/history/chief.html), по другим – 7 сентября 1944 г. (FRUS. 1944. Vol. V. P. 324).

⁴³⁶ FRUS. 1944. Vol. V. P. 303–306; Department of State Bulletin. 1944. February 12. P. 181.

⁴³⁷ Kuniholm B. R. Op. cit. P. 156–157.

⁴³⁸ DAFR. Vol. VI. P. 78; Rubin B. Op. cit. P. 3.

- ⁴³⁹ URL: <http://www.ibiblio.org/hyperwar/ATO/USGM/index.html>.
- ⁴⁴⁰ Ibid.; Kuniholm B. R. Op. cit. P. 231–244;
- ⁴⁴¹ FRUS. 1944. Vol. V. P. 309.
- ⁴⁴² FRUS. 1943. Vol. IV. P. 330–336; Grayson B. L. Op. cit. P. 68–69; Cottam R. W. Op. cit. P. 65; Kuniholm B. R. Op. cit. P. 157–158; Бережков В. В то время в Иране. С. 13.
- ⁴⁴³ Kuniholm B. R. Op. cit. P. 157.
- ⁴⁴⁴ FRUS. 1943. Vol. IV. P. 331, 334.
- ⁴⁴⁵ Ibid. P. 342–343; Kuniholm B. R. Op. cit. P. 158; Lytle M. H. Op. cit. P. 22.
- ⁴⁴⁶ FRUS. 1943. Vol. IV. P. 355–357; Kuniholm B. R. Op. cit. P. 158.
- ⁴⁴⁷ FRUS. 1943. The Conferences at Cairo and Tehran, 1943. P. 629–630. См. письмо Мильспо Гопкинсу от 11 января 1944 г. (Mottet T. H. V. Op. cit. P. 445).
- ⁴⁴⁸ FRUS. 1943. Vol. IV. P. 378; Ibid. 1945. Vol. VIII. P. 547–548; Hull C. Op. cit. Vol. II. P. 1503–1504; Kuniholm B. R. Op. cit. P. 159–160.
- ⁴⁴⁹ FRUS. 1943. Vol. IV. P. 379; Hull C. Op. cit. Vol. II. P. 1504.
- ⁴⁵⁰ FRUS. 1943. Vol. IV. P. 386–388.
- ⁴⁵¹ FRUS. 1942. Vol. III. P. 659, 682; FRUS. 1943. Vol. IV. P. 363–370, 420–422; FRUS. 1945. Vol. VIII. P. 547–548; Buhite R. Patrick J. Hurley and American Foreign Policy. Ithaca, 1973. P. 107–109; Grayson B. L. Op. cit. P. 73–74; Kuniholm B. R. Op. cit. P. 149–150, 165; Lohbeck D. Op. cit. P. 187–188
- ⁴⁵² FRUS. 1944. Vol. V. P. 343–344. Kuniholm B. R. Op. cit. P. 177.
- ⁴⁵³ Ibidem.
- ⁴⁵⁴ FRUS. 1941. Vol. III. P. 476–477; FRUS. 1942. Vol. IV. P. 263–265; Hull C. Op. cit. Vol. II. P. 1502.
- ⁴⁵⁵ Grayson B. L. Op. cit. P. 62.
- ⁴⁵⁶ FRUS. 1942. Vol. IV. P. 267–268, 271–272; Советско-американские отношения. 1939–1945. С. 198–199, 202–203.
- ⁴⁵⁷ АВП РФ. Ф. 94. Оп. 27. П. 70. Д. 15. Л. 32, 68; FRUS. 1942. Vol. IV. P. 325, 327–328, 332–333, 335; Hamzavi A. H. Op. cit. P. 14; Kirk G. Op. cit. P. 156.
- ⁴⁵⁸ FRUS. 1941. Vol. III. P. 463–464; АВП РФ. Ф. 69. Оп. 27а. П. 84. Д. 14. Л. 12–25; Ф. 94. Оп. 27. П. 69а. Д. 1. Л. 14–16, 18–20, 43; Д. 2. Л. 20, 40–41, 54–55, 77, 81, 88, 98, 100; Оп. 10. П. 69а. Д. 4; Оп. 26. П. 68а. Д. 5.
- ⁴⁵⁹ FRUS. 1941. Vol. III. P. 471–472; Grayson B. L. Op. cit. P. 60, 79.
- ⁴⁶⁰ АВП РФ. Ф. 94. Оп. 27. П. 70. Д. 15. Л. 4, 80.
- ⁴⁶¹ АВП РФ. Ф. 94. Оп. 27. П. 70. Д. 15. Л. 81, 87–91, 93–94, 96, 119–120; FRUS. 1942. Vol. IV. P. 321; Grayson B. L. Op. cit. P. 79.
- ⁴⁶² FRUS. 1942. Vol. IV. P. 322.
- ⁴⁶³ FRUS. 1942. Vol. III. P. 566–568; Kuniholm B. R. Op. cit. P. 144–145; Шервуд Р. Указ соч. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца: в 2 т. М., 1958. Т. 2. С. 172.
- ⁴⁶⁴ FRUS. 1942. Vol. IV. P. 323–324.
- ⁴⁶⁵ АВП РФ. Ф. 94. Оп. 27. П. 70. Д. 6, 14; Лазарев М. С. Курдистан и курдский вопрос (1923–1945). М., 2005; Жигалина О. И. Национальное движение курдов в Иране (1918–1947). М., 1988.

⁴⁶⁶ АВП РФ. Ф. 94. Оп. 27. П. 70. Д. 6. Л. 310; FRUS. 1943. Vol. IV. P. 351–353, 355, 361; Советско-американские отношения. 1939–1945. С. 238–240.

⁴⁶⁷ FRUS. 1942. Vol. IV. P. 336–338.

⁴⁶⁸ Gardner L. C. The Atlantic Charter: Idea and Reality, 1942–1945 // The Atlantic Charter / Ed. by D. Brinkley and D. R. Facey-Crowther. N. Y., 1994. P. 62; Kuniholm B. R. Op. cit. P. 150.

⁴⁶⁹ АВП РФ. Ф. 69. Оп. 27а. П. 84. Д. 14. Л. 29–30, 37–39; Hull C. Op. cit. Vol. II. P. 1253.

⁴⁷⁰ Department of State Bulletin. 1943. September 11. P. 166–167; Times. 1943. September, 13; Hamzavi A. H. Persia and the Power. An Account of Diplomatic Relations, 1941–1946. L.; N. Y., 1946. P. 14; Pahlavi M. R. S. Op. cit. P. 76.

⁴⁷¹ Hamzavi A. H. Op. cit. P. 20; Sayre J. Persian Gulf Command. Some Marvels on the Road to Kazvin. N. Y., 1945. P. 22–23; Чучкалов А. В. США и проблема эвакуации поляков из СССР в Иран в 1942 г. // Международные отношения в XX веке: сборник научных статей. Вып. 2. Киров, 2009.

⁴⁷² Парсаданова В. С. Советско-польские отношения в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945. М., 1982; Она же. Армия Андерса на территории СССР (1941–1942) // Новая и новейшая история. 1988. № 5; Прибылов В. И. Почему ушла армия Андерса // Военно-исторический журнал. 1990. № 3. URL: http://katynbooks.narod.ru/vizh/1990-03_01.html.

⁴⁷³ Цит. по: Советско-американские отношения. 1939–1945. С. 172–173. См. также: FRUS. 1941. Vol. I. P. 258, 260–261, 265; Русский архив: Великая Отечественная. СССР и Польша. Т. 14 (3–1). С. 17.

⁴⁷⁴ FRUS. 1942. Vol. III. P. 119–120, 123, 133–136, 184–185, 191–192; FRUS. 1943. Vol. III. P. 650–651; АВП РФ. Ф. 94. Оп. 27. П. 69а. Д. 2. Л. 19; Там же. П. 70. Д. 15. Л. 18, 23, 33, 150; Русский архив... С. 19; Новиков Н. В. Указ соч. С. 114–115.

⁴⁷⁵ Roosevelt E. As He saw It. N. Y., 1946. P. 35; Мальков В. Л. Россия и США в XX веке: очерки истории межгосударственных отношений и дипломатии в социокультурном контексте. М., 2009. С. 311–312; Ристе О. Советские порты в северной Норвегии? URL: <http://www.historia.ru/2002/06/riste.htm>.

⁴⁷⁶ FRUS. 1944. Vol. V. P. 483, 485–486; FRUS. 1945. Vol. VIII. P. 524–525. FRUS. Conferences at Malta and Yalta, 1945. P. 343–345; Daniels J. White House Witness, 1942–1945. N. Y., 1975. P. 221; Kuniholm B. R. Op. cit. P. 166–167, 187–188, 202.

⁴⁷⁷ FRUS. 1941. Vol. I. P. 686–688, 774–775, 802, 804–805, 811–812; Советско-американские отношения... 1941–1945. Т. 1. С. 48, 82; Шервуд Р. Указ соч. С. 528, 542–543; Motter T. H. V. Op. cit. P. 16; Leighton R. M. Global Logistics and Strategy 1940–1943 (US Army in World War II. The War Department). Wash., D. C., 1955. P. 109–111; Зорин Л. И. Особое задание. М., 1987. С. 34.

⁴⁷⁸ Biennial Report of the Chief of Staff of the US Army July 1, 1941 to July 30, 1943 to the Secretary of War. P. 26; Motter T. H. V. Op. cit. P. 28.

⁴⁷⁹ FRUS. 1943. Vol. III. P. 737; Kirk G. Op. cit. P. 150; Matloff M. Op. cit. P. 388–389; Motter T. H. V. Op. cit. P. 23, 192; Советско-американские отношения... 1941–1945. С. 121–126; Орлов А. С. Внешняя политика Ирана после второй мировой войны. М., 1975. С. 186; Петров П. С. Фактическая сторона помощи по ленд-лизу // Военно-исторический журнал. 1990. № 6. С. 34–39.

⁴⁸⁰ Sayre J. Op. cit. P. 6–7, 89–90; Зорин Л. И. Особое задание // Вопросы истории. 1983. № 3. С. 85.

⁴⁸¹ Зорин Л. И. Особое задание. М., 1987. С. 75–76, 101, 121.

⁴⁸² АВП РФ. Ф. 69. Оп. 27а. П. 84. Д. 14. Л. 31, 32; АВП РФ. Ф. 69. Оп. 26. П. 107. Д. 10. Л. 23; Советско-американские отношения. 1939–1945. С. 329–330; FRUS. 1942. Vol. IV. P. 315; FRUS. 1943. Vol. IV. P. 437–438, 441–442, 451–452, 467–468.

⁴⁸³ Motter T. H. V. Op. cit. P. 446.

⁴⁸⁴ FRUS. 1943. Vol. IV. P. 487–495, 497–499, 508–510; Motter T. H. V. Op. cit. P. 117–118. О правонарушениях советских солдат см. АВП РФ. Ф. 94. Оп. 27. П. 69а. Д. 2. Л. 34; Оп. 10. П. 69а. Д. 4 и др.

⁴⁸⁵ Шервуд Р. Указ соч. Т. 2. С. 108–109; Русско-китайские отношения в XX веке. Т. IV: Советско-китайские отношения. 1937–1945 гг. Кн. 1: 1937–1944 гг. М., 2000. С. 690–692.

⁴⁸⁶ Русско-китайские отношения в XX веке. Т. IV. С. 591, 598–599, 784, 804–805, 807, 809, 819–821.

⁴⁸⁷ Юнгблюд В. Т., Чучкалов А. В. Политика США в Иране в годы Второй мировой войны. Киров, 2011. Гл. 5.

⁴⁸⁸ АВП РФ. Ф. 94. Оп. 27. П. 70. Д. 14. Л. 15–26, 170, 195, 202, 205, 209–210, 221; FRUS. 1942. Vol. IV. P. 262–263; Cottam R. W. Op. cit. P. 62; Hull C. Op. cit. Vol. II. P. 1503; Kolko G. The Politics of War. P. 299; Millsprague A. Op. cit. P. 45; Motter V. P. Op. cit. P. 474; Rubin B. Op. cit. P. 84; Sachard H. M. Europe leaves the Middle East, 1936–1954. N. Y., 1972. P. 351; Попов М. В. Указ соч. С. 75. Милов П. Иран во время и после второй мировой войны. М., 1949. С. 11; Саркисов Е. Англо-американские противоречия в Иране и их обострение после второй мировой войны // Известия Академии наук Армянской ССР. Общественные науки. 1952. № 1. С. 25.

⁴⁸⁹ АВП РФ. Ф. 94. Оп. 27. П. 70. Д. 15. Л. 45, 88–89, 125, 177–178; DAFR. Vol. V. Boston, 1944. P. 216; FRUS. 1942. Vol. IV. P. 133, 289, 292–295; FRUS. 1943. Vol. IV. P. 600; Grayson B. L. Op. cit. P. 64; Hull C. Op. cit. Vol. II. P. 1503; Kuniholm B. R. Op. cit. P. 145; Motter T. H. V. Op. cit. P. 156–157.

⁴⁹⁰ АВП РФ. Ф. 69. Оп. 27а. П. 84. Д. 14. Л. 12–25; Ф. 94. Оп. 27. П. 69а. Д. 1. Л. 14–16, 18–20, 43; Д. 2. Л. 20, 40–41, 54–55, 77, 81, 88, 98, 100; Оп. 10. П. 69а. Д. 4; Оп. 26. П. 68а. Д. 5; АВП РФ. Ф. 94. Оп. 27. П. 70. Д. 15. Л. 25–26, 28; АВП РФ. Ф. 94. Оп. 27. П. 70. Д. 15. Л. 163, 218; Woodward L. Op. cit. P. 413; Kirk G. Op. cit. P. 152–153; Elwell-Sutton L. P. Modern Iran. L., 1942. P. 86; Wilber D. N. Iran: Past and Present. N. J., 1955. P. 105.

⁴⁹¹ АВП РФ. Ф. 94. Оп. 27. П. 70. Д. 15. Л. 4, 28; FRUS. 1942. Vol. IV. P. 121–122.

⁴⁹² FRUS. 1942. Vol. IV. P. 6–10, 17, 124–125; FRUS. 1945. Vol. VIII. P. 553; Motter T. H. V. Op. cit. P. 449–451; The United States at War. Development and Administration of the War Program by the Federal Government. Historical Reports on War Administration Bureau of the Budget. № 1. Ch. 13. P. 426–427. URL: <http://www.ibiblio.org/hyperwar/ATO/Admin/WarProgram/WarProgram-13.html>; Kirk G. Op. cit. P. 174–178; Поздеева Л. В. Англо-американские отношения в годы второй мировой войны. С. 414.

⁴⁹³ АВП РФ. Ф. 94. Оп. 27. П. 70. Д. 14. Л. 10–14, 242; АВП РФ. Ф. 69. Оп. 27а. П. 84. Д. 14. Л. 12–25; АВП РФ. Ф. 69. Оп. 26. П. 107. Д. 10. Л. 19–21; FRUS. 1942. Vol. IV. P. 156–161, 165–166, 173–174, 182–183, 199–210, 219; Grayson B. L. Op. cit. P. 65; Pahlavi M. R. S. Op. cit. P. 76, 79; Kirk G. Op. cit. P. 155; Motter T. H. V. Op. cit. P. 452.

⁴⁹⁴ Lenczowski G. Russia and the West in Iran, 1918–1948. A Study in Big-Power Rivalry. Ithaca; N. Y., 1949. P. 196.

⁴⁹⁵ Executive Agreement Series 410. Department of State Publication 2189. Washington, 1944; DAFR. Vol. V. P. 633; FRUS. 1942. Vol. IV. P. 288; FRUS. 1943. Vol. IV. P. 600; FRUS. 1945. Vol. VIII. P. 547–548; Grayson B. L. Op. cit. P. 63–64, 74; Haas W. S. Op. cit. P. 250; Агаев С. Л. Иран: внешняя политика и проблемы независимости. 1925–1941 гг. С. 343. См.: Чучкалов А. В. Американская дипломатия и подготовка торгового соглашения между США и Ираном 1943 г.

⁴⁹⁶ FRUS. 1943. Vol. IV. P. 578–579, 631–635; FRUS. 1944. Vol. V. P. 311–316; Motter T. H. V. Op. cit. P. 453.

⁴⁹⁷ FRUS. 1944. Vol. V. P. 311–316, 323–324, 326–328, 334–337; Grayson B. L. Op. cit. P. 80–81; Kuniholm B. R. Op. cit. P. 176.

⁴⁹⁸ Lytle M. H. Op. cit. P. 63–68, 71. Hull C. Op. cit. Vol. II. P. 1508). По этому вопросу см. также: Elwell-Sutton L. P. Modern Iran; Ickes H. Fighter Oil. N. Y., 1943. P. 9; Longrigg S. Oil in the Middle East. L., 1961; Miller A. Search for Security: Saudi Arabian Oil and American Foreign Policy, 1939–1949. Chapel Hill, 1980. P. 8–31; Shwadran B. The Middle East, Oil and the Great Powers. N. Y., 1955. P. 301–332; Stoff M. Oil, War and American Security. N. H., 1980. P. 73.

⁴⁹⁹ FRUS. 1943. Vol. IV. P. 625–628; FRUS. 1944. Vol. V. P. 391–392, 446–448; Hull C. Op. cit. Vol. II. P. 1508–1509; Shwadran B. Op. cit. P. 63; Иванов М. С. К истории ограбления Ирана Англо-Иранской нефтяной компанией. С. 113; Поздеева Л. В. Англо-американские отношения на Ближнем и Среднем Востоке во время второй мировой войны // Новая и новейшая история. 1968. № 1 (январь – февраль). С. 106; Попов М. В. Указ. соч. С. 90–91. Kuniholm B. R. Op. cit. P. 193; Lytle M. H. Op. cit. P. 70–71, 83; Buhite R. Op. cit. P. 130–132; Stoff M. Op. cit. P. 28–32, 64–70; Blair J. Op. cit. P. 84–85.

⁵⁰⁰ Lytle M. H. Op. cit. P. 86; Fatemi N. Oil Diplomacy: Powder Keg in Iran. N. Y., 1954. P. 231; Вигандт Н. А. Политика Великобритании, СССР и США в Иране в 1942–1946 гг. // Великобритания и США в XIX–XX веках: политика, дипломатия, историография: межвуз. сб. науч. ст. / под ред. Д. В. Лихарева. Уссурийск, 1997. С. 150; Егорова Н. И. «Иранский кризис» 1945–1946 гг. по рассекреченным архивным документам // Новая и новейшая история. 1994. № 3 (май – июнь). С. 27–28.

⁵⁰¹ New York Times. 1944. October, 23; New York Times. 1944. October, 30; Труд. 1944. 22 окт.; Elwell-Sutton L. P. Modern Iran. P. 108; Hull C. Op. cit. Vol. II. P. 1509; Kirk G. Op. cit. P. 28, 475–478; Millsbaugh A. Op. cit. P. 178; Гасанлы Дж. П. СССР – Иран: Азербайджанский кризис и начало холодной войны (1941–1946 гг.). М., 2006. С. 70–71; Вигандт Н. А. Указ соч. С. 150; Попов М. В. Указ соч. С. 91–92.

⁵⁰² Правда. 1944. 16 окт.; Elwell-Sutton L. P. Modern Iran. P. 108; Hull C. Op. cit. Vol. II. P. 1509; Kuniholm B. R. Op. cit. P. 195; Бережков В. В то время в Иране. С. 14; Вигандт Н. А. Указ соч. С. 150.

⁵⁰³ FRUS. 1944. Vol. V. P. 455; Hamzavi A. H. Op. cit. P. 27, 29–30; Hull C. Op. cit. Vol. II. P. 1510.

⁵⁰⁴ FRUS. 1944. Vol. V. P. 355, 477–484; Elwell-Sutton L. P. Political Parties in Iran // The Middle East Journal. 1949. № 3 (January). P. 55; Grayson B. L. Op. cit. P. 82; Kuniholm B. R. Op. cit. P. 201; Woodward L. Op. cit. Vol. IV. P. 456–458; Zabih S. The Communist Movement in Iran. Berkley, 1966. P. 78.

⁵⁰⁵ Гасанлы Дж. П. СССР – Иран: Азербайджанский кризис и начало холодной войны (1941–1946 гг.). М., 2006. С. 34–37.

⁵⁰⁶ Френкель М. Ю. Африка и Ближний Восток в стратегии Германии в 1940–1942 гг. // Восток. 1995. № 1. С. 148.

⁵⁰⁷ Там же. С. 148; Черчилль У. Указ соч. Кн. 2. С. 193; Поздеева Л. В. Англо-американские отношения в годы второй мировой войны. С. 395.

⁵⁰⁸ Kirk G. P. 23–24; Френкель М. Ю. Африка и Ближний Восток в стратегии Германии в 1940–1942 гг. С. 148, 155.

⁵⁰⁹ Kennan G. Russia and the West under Lenin and Stalin. Boston; Toronto, 1960. P. 358.

⁵¹⁰ Powaski R. E. The Cold War. The United States and the Soviet Union 1917–1991. N. Y., 1998. P. 51. URL: lj.rossia.org/users/svonz/94463.html.

⁵¹¹ Ржешевский О. А. Указ соч. С. 352.

⁵¹² Kirk G. Op. cit. P. 7, 8.

⁵¹³ Черчилль У. Указ соч. Кн. 2. С. 191.

⁵¹⁴ Шервуд Р. Указ соч. С. 232–236; Френкель М. Ю. Второй фронт в Европе или Африке? С. 112.

⁵¹⁵ Подробно о стратегии США и участии американцев в операциях на северо-африканском театре военных действий см.: Батлер Д., Гуайер Д. Указ соч.; История второй мировой войны. М., 1975. Т. 4. С. 277; Т. 5. С. 365–379; Френкель М. Ю. Африка и Ближний Восток в стратегии Германии в 1940–1942 гг. // Восток 1995. № 1; Он же. Второй фронт в Европе или в Африке? (Неизвестные страницы истории) // Восток. 1995. № 3.

⁵¹⁶ Kennan G. Russia and the West under Lenin and Stalin. P. 358.

⁵¹⁷ “My Dear Mr. Stalin”. The Complete Correspondence of Franklin D. Roosevelt and Joseph V. Stalin / Ed. with comment. by S. Butler. N. H.; L., 2005. P. 75, 76.

⁵¹⁸ Васильев А. М. История Саудовской Аравии (1745 г. – конец XX в.). М., 1999. С. 371–374.

⁵¹⁹ Rubin B. Op. cit. P. 10.

⁵²⁰ Hull C. Op. cit. Vol. II. P. 1511.

⁵²¹ Speiser E. A. US and the Near East. N. Y., 1947. P. 165, 166.
О геополитической значимости региона см.: Ближний Восток в политике великих держав и арабо-израильский конфликт; Поздеева Л. В. Англо-американские отношения в годы второй мировой войны 1941–1945. Гл. 5.

⁵²² Hathaway R. Op. cit. P. 48.

⁵²³ Lenczowski G. The Middle East in World Affairs. P. 531.

⁵²⁴ Политика США на арабском Востоке / отв. ред. Б. Г. Гафуров. М., 1961. С. 11.

⁵²⁵ Campbell J. C. Defense of the Middle East. P. 31.

⁵²⁶ Speiser E. A. Op. cit. P. 175.

⁵²⁷ FRUS. 1942. Vol. IV. P. 26–30.

⁵²⁸ Hathaway R. Op. cit. P. 135.

⁵²⁹ FRUS. 1942. Vol. IV. P. 26–29. Активизация ближневосточной политики Вашингтона вызвала недовольство англичан, в первую очередь, из-за требований соблюдения в арабских странах принципов Атлантической хартии и учреждения там независимых американских военных и экономических миссий. Ibid. P. 30–33.

⁵³⁰ Newell C. R. Egypt – Libya, the U.S. Army Campaigns of World War II. URL: <http://www.ibiblio.org/hyperwar/USA/USA-C-Egypt/index.html>.

⁵³¹ FRUS. 1941. Vol. III. P. 299–316.

⁵³² Ibid. P. 304.

⁵³³ См.: Lenczowski G. The Middle East in World Affairs; Bryson Th. American Diplomatic Relations with the Middle East 1784–1975. N. Y., 1977; Speiser E. A. Op. cit.; Hurewitz J. C. Middle East dilemmas.; FRUS: 1941. Vol. III. P. 304, 305.

⁵³⁴ FRUS. 1941. Vol. III. P. 314, 301; FRUS. 1942. Vol. IV. P. 76–78; Hahn P. L. The United State, Great Britain and Egypt, 1945–1956: Strategy and Diplomacy in the Early Cold War. Chapel Hill, 1991. P. 16. США установили высокие пошлины на ввоз египетского хлопка, марганца, в то время как Египет не предпринял аналогичных мер. См.: Оганесян Н. Образование независимой Сирийской республики (1939–1946). М., 1968. С. 108.

⁵³⁵ Несмотря на это, по данным Л. Гарднера, объем американо-египетской торговли за годы войны увеличился в 8 раз. См.: Gardner L. C. Three Kings. P. 19.

⁵³⁶ Rubin B. Op. cit. P. 134.

⁵³⁷ Bryson Th. Op. cit. P. 129–130; Smith G. American Diplomacy during the Second World War 1941–1945. N. Y., 1966. P. 102, 105.

⁵³⁸ Hahn P. L. Op. cit. P. 14, 15.

⁵³⁹ Ibid. P. 18. Окончательно согласованное соглашение было подписано в апреле 1945 г., но, пока египетский парламент решал вопрос о его ратификации, президент Трумэн 21 августа 1945 г. принял указ о прекращении действия программы помощи.

⁵⁴⁰ Хамруш А. Революция 23 июля 1952 г. в Египте. М., 1984. С. 66–67.

⁵⁴¹ Мустафа Наххас-паша – видный деятель национально-освободительного движения Египта, бесценно возглавлял ведущую политическую партию Вафд с 1927 г. вплоть до её роспуска в 1953 г. Партия отражала интересы, прежде всего, египетской национальной буржуа-

зии, однако в своей деятельности испытывала влияние либеральной интеллигенции, выступала за конституционную форму правления.

⁵⁴² Об этих событиях см.: Хамруш А. Указ. соч. С. 69–71.

⁵⁴³ Hahn P. L. Op. cit. P. 16.

⁵⁴⁴ FRUS. 1942. Vol. IV. P. 67.

⁵⁴⁵ FRUS. 1942. Vol. IV. P. 68–69, 70; Rubin B. Op. cit. P. 134.

⁵⁴⁶ Ibid. P. 70.

⁵⁴⁷ FRUS. 1942. Vol. IV. P. 71.

⁵⁴⁸ Rubin B. Op. cit. P. 134.

⁵⁴⁹ Хамруш А. Указ. соч. С. 147.

⁵⁵⁰ Holland M. F. America and Egypt: from Roosevelt to Eisenhower. N. Y., 1996. URL: <http://www.questia.com/library/3557064/america-and-egypt-from-roosevelt-to-eisenhower>.

⁵⁵¹ Hahn P. L. Op. cit. P. 18; FRUS. 1941. Vol. III. P. 317.

⁵⁵² Поздеева Л. В. Англо-американские отношения в годы второй мировой войны. С. 401; История второй мировой войны 1939–1945: в 12 т. М., 1975. Т. 4. С. 471.

⁵⁵³ FRUS. 1940. Vol. III. P. 475.

⁵⁵⁴ FRUS. 1942. Vol. IV. P. 93–94.

⁵⁵⁵ Ibid. P. 88–94.

⁵⁵⁶ FRUS. 1943. Vol. IV. P. 636–642.

⁵⁵⁷ FRUS. 1943. Vol. IV; Kirk G. Op. cit. P. 23; Lenczowski G. The Middle East in World Affairs. P. 248.

⁵⁵⁸ Подробно См.: FRUS. 1944. Vol. V. P. 56–71.

⁵⁵⁹ Ibid. P. 61, 62.

⁵⁶⁰ Ibid. P. 66–67.

⁵⁶¹ FRUS. 1942. Vol. IV. P. 77.

⁵⁶² Gardner L. C. Three Kings. P. 17; Lenczowski G. The Middle East in World Affairs. P. 532.

⁵⁶³ Gardner L. C. Three Kings. P. 29.

⁵⁶⁴ Луцкий В. Б. Новейшая история стран зарубежного Востока. Т. 3. М., 1957. С. 204–205; Гордонов Л. Ш. Египет. М., 1953. С. 107–108; Политика США на Арабском Востоке. С. 12–13.

⁵⁶⁵ Щевелев С. С. США и проблема Палестины во время Второй мировой войны. URL: http://community.livejournal.com/our_israel_ru/592769.html.

⁵⁶⁶ FRUS. 1943. Vol. IV.

⁵⁶⁷ Sachard H. M. Op. cit. P. 392.

⁵⁶⁸ FRUS. 1943. Vol. IV. P. 843 etc.

⁵⁶⁹ Sachard H. M. Op. cit. P. 392–393.

⁵⁷⁰ Ibid. P. 847–849.

⁵⁷¹ Lippman Th. «Inside The Mirage». US-Saudi Relations – SAIS Panel On November 7, 2003, the «Understanding the Middle East Club». URL: <http://www.saudi-us-relations.org/newsletter/saudi-relations-interest-12-16.html>.

⁵⁷² Hathaway R. Op. cit. P. 48.

⁵⁷³ Sheldon L. R. U. S. Conduct in the Middle East Since World War II and the Folly of Intervention. P. 131, 135. URL: http://www.cato.org/pub_display.php?pub_id=1019&full=1.

- ⁵⁷⁴ Hurewitz J. C. Middle East dilemmas. P. 127.
- ⁵⁷⁵ Cohen M. J. Op. cit. P. 93.
- ⁵⁷⁶ Ергин Д. Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. URL: <http://ek-lit.narod.ru/oil020.htm>; Суржик Дм. Борьба за саудовскую нефть (с момента открытия до 1945 года). URL: <http://www.it2b.ru/it2b2.view11.page7.html>. Так провалилась попытка правительства приобрести в собственность «Петролеум резерв Корпорэйшн» акции АРАМКО в Саудовской Аравии.
- ⁵⁷⁷ Васильев А. М. История Саудовской Аравии. С. 371–373; Lenczowski G. The Middle East in World Affairs. P. 441 etc.; Speiser E. A. Op. cit. P. 116 etc.
- ⁵⁷⁸ Lenczowski G. The Middle East in World Affairs. P. 441.
- ⁵⁷⁹ Kuniholm B. R. Op. cit. P. 179–181; Rubin B. Op. cit. P. 10.
- ⁵⁸⁰ FRUS. 1943. Vol. IV. P. 830.
- ⁵⁸¹ Ibid. P. 854.
- ⁵⁸² Ibid. P. 856; См. Gardner L. C. Three Kings. P. 26.
- ⁵⁸³ Ibid. P. 859.
- ⁵⁸⁴ Ibid. P. 645–655.
- ⁵⁸⁵ Ibid. P. 645–647.
- ⁵⁸⁶ FRUS. 1943. The Conferences at Cairo and Tehran, 1943. P. 155, 162.
- ⁵⁸⁷ FRUS. 1943. Vol. IV. P. 947. Проблема англо-американских противоречий на Ближнем Востоке в годы войны исследована в работах как отечественных авторов, так и американских. См.: Корнилов А. А. Англо-американские противоречия на Ближнем Востоке в годы второй мировой войны (по материалам британских архивных документов) // Актуальные проблемы американистики: сб. ст. Н. Новгород, 1996; Поздеева Л. В. Англо-американские отношения в годы Второй мировой войны; Hathaway R. Op. cit.; Anderson T. H. The United States, Great Britain, and the Cold War 1944–1947. Columbia; London, 1981; Smith G. Op. cit.; Bryson Th. Op. cit.
- ⁵⁸⁸ Kolko J., Kolko G. The Limits of Power: The World and the United States Foreign Policy. 1945–1954. N. Y., 1972. P. 70.
- ⁵⁸⁹ Gardner L. C. Three Kings. P. 26–27.
- ⁵⁹⁰ Kuniholm B. R. Op. cit. P. 184, 185. По данным Рубина и Кирка к 1944 г. британцы утратили свои нефтяные позиции в Саудовской Аравии, в руках американских нефтяных компаний оказалась добыча нефти в Бахрейне, а в Ираке на долю американцев уже приходилось 50% от британской: Rubin B. Op. cit. P. 12; Kirk G. Op. cit. P. 250, 368.
- ⁵⁹¹ FRUS. 1944. Vol. V. P. 102, 103; Kuniholm B. R. Op. cit. P. 184.
- ⁵⁹² FRUS. 1944. Vol. V. P. 106.
- ⁵⁹³ Ibid. P. 107.
- ⁵⁹⁴ Ibid. P. 110.
- ⁵⁹⁵ FRUS. 1944. Vol. III. P. 94–127; Cohen M. J. Op. cit. P. 93; Fawcett L. International relations of the Middle East. N. Y., 2005. P. 46; Kirk G. Op. cit. P. 25; Юнгблюд В. Т., Чучкалов А. В. Указ соч. С. 254–257. В сентябре 1945 г. было подписано новое соглашение, которое так же, как и первое, не было ратифицировано Сенатом.
- ⁵⁹⁶ Hathaway R. Op. cit. P. 217.

- ⁵⁹⁷ Kirk G. Op. cit. P. 28.
- ⁵⁹⁸ Kuniholm B. R Op. cit. P. 188.
- ⁵⁹⁹ Об этом См.: Shwadhan B. The Middle East, Oil and the Great Powers. N. Y., 1955. P. 66–69, 444; FRUS. 1944. Vol. V. P. 455.
- ⁶⁰⁰ См.: A Guide to the United States of Recognition, Diplomatic and Consular Relations, by Country since 1776: Saudi Arabia. URL: <http://history.state.gov/countries/saudi-arabia>. В 1984 г. американское посольство из Джидды было переведено в Эр-Рияд.
- ⁶⁰¹ FRUS. 1943. Vol. IV. P. 785, 790.
- ⁶⁰² Сооружение было закончено в 1946 г. Американцы получали базу в аренду на срок до 5 лет, после этого она возвращалась Саудовской Аравии со всеми воздвигнутыми сооружениями. Дахран превратился в крупнейшую американскую военно-воздушную базу на Ближнем и Среднем Востоке и сыграл свою роль в период холодной войны. Юридические «права» американцев были оформлены рядом соглашений (1946, 1949 и 1951 гг.). Сейчас это центр национальной нефтяной компании «Саудовская АРАМКО». См. Gardner L. C. Three Kings. P. 31–33; Lenczowski G. The Middle East in World Affairs. P. 442.
- ⁶⁰³ FRUS. 1943. Vol. IV. P. 833–836.
- ⁶⁰⁴ Rubin B. Op. cit. P. 136.
- ⁶⁰⁵ FRUS. 1944. Vol. V. P. 3–4.
- ⁶⁰⁶ Ibidem.
- ⁶⁰⁷ FRUS. 1942. Vol. IV. P. 347–354.
- ⁶⁰⁸ FRUS. 1944. Vol. V. P. 500–501.
- ⁶⁰⁹ Rubin B. Op. cit. P. 137.
- ⁶¹⁰ Kennan G. Memoirs 1925–1950. Boston, 1967. P. 184–185.
- ⁶¹¹ Rubin B. Op. cit. P. 137–138.
- ⁶¹² FRUS. 1943. Vol. IV. P. 1046, 1051, 1052, 1055; Kirk G. Op. cit. P. 24.
- ⁶¹³ Rubin B. P. Op. cit. P. 144.
- ⁶¹⁴ FRUS. 1944. Vol. V. P. 788–789.
- ⁶¹⁵ FRUS. 1944. Vol. V. P. 799.
- ⁶¹⁶ Gardner L. C. Three Kings. P. 16.
- ⁶¹⁷ Очерки по истории арабских стран: сб. ст. / под ред. Б. В. Луцкого. М., 1959. С. 203.
- ⁶¹⁸ По истории борьбы Сирии за независимость См.: Пир-Будагова Э. П. Сирия в борьбе за упрочение национальной независимости (1945–1946 гг.). М., 1978; Оганесян Н. О. Указ соч.
- ⁶¹⁹ Buhite R. Op. cit. P. 109; FRUS. 1943. Vol. IV. P. 782–785.
- ⁶²⁰ Ibidem.
- ⁶²¹ Ibid. P. 785.
- ⁶²² Kirk G. Op. cit. P. 314.
- ⁶²³ Поездка П. Хёрли подробно описана и проанализирована в монографии Р. Бьюхайта. См. Buhite R. Op. cit.
- ⁶²⁴ Ibid. P. 111.
- ⁶²⁵ Ibid. P. 113.
- ⁶²⁶ Ibid. P. 112–113, 116.
- ⁶²⁷ Gardner L. C. Three Kings. P. 22.
- ⁶²⁸ FRUS. 1943. Vol. IV. P. 775.

⁶²⁹ Ibid. P.785.

⁶³⁰ Ibid. P. 787, 790.

⁶³¹ Ibid. P. 791, 797–798.

⁶³² FRUS. 1945.Vol. VIII. P. 599.

⁶³³ FRUS. 1943. Vol. IV. P. 817–819.

⁶³⁴ Отдельные политики и ведущие политические партии искали финансовой и политической поддержки избирателей еврейского происхождения.

⁶³⁵ Congressional Record. Vol. 90. Proceedings and Debates of the 78th Congress. Second Session. Wash., 1944. P. 856.

⁶³⁶ Ibidem; Hurewitz J. C. Middle East dilemmas. P. 130, 131; Меморандум о резолюции Корпесса см. FRUS. 1944. Vol. V. P. 642–643.

⁶³⁷ FRUS. 1944. Vol. V. P. 563.

⁶³⁸ Проблемы войны и мира в XX веке. Т. 2. С. 188–189; Cohen M. J. Op. cit. P. 48–49; Hull C. Op. cit. Vol. II. N. Y., 1948. P. 1536.

⁶³⁹ Gardner L. C. Three Kings. P. 22.

⁶⁴⁰ Cohen M. J. Op. cit. P. 88. О противоречиях между Госдепартаментом и Конгрессом См.: Bryson P. Op. cit.; Rubin B. Op. cit.

⁶⁴¹ The Diaries of Edward R. Stettinius, Jr., 1943–1946. P. 170.

⁶⁴² FDR. His Personal Letters. Vol. II. P. 1559.

⁶⁴³ Hurewitz J. C. Middle East dilemmas. P. 131.

⁶⁴⁴ FRUS. 1944. Vol. V. P. 570.

⁶⁴⁵ См. Arab Statement to the President Roosevelt // FRUS. 1944. Vol. V. P. 582–583, а также 578–579, 621, 638–640.

⁶⁴⁶ Специальная экономическая миссия под руководством У. Кальберстона в ранге посла была направлена на Ближний Восток для изучения возможностей развития экономических и торговых отношений США с некоторыми государствами Ближнего Востока и Северной Африки. Ibid. P. 621.

⁶⁴⁷ Ibid. P. 588; Kirk G. Op. cit. P. 316. «Белая книга» была опубликована 17 мая 1939 г. В ней указывалось, что целью правительства Великобритании является основание в течение десяти лет независимого палестинского государства. Ограничивался въезд евреев в течение ближайших пяти лет, количество иммигрантов-евреев не должно было превышать 75 000 человек, а в последующие годы вводился запрет на еврейскую иммиграцию.

⁶⁴⁸ Cohen M. J. Op. cit. P. 48.

⁶⁴⁹ Существовала два варианта объединения – план короля Транс-Иордании «Великая Сирия» и премьер-министра Ирака Нури Саида «Благодатный полумесяц». См. Зыбина А. Г. Планы создания «Великой Сирии» и «Благодатного полумесяца» в годы второй мировой войны // Арабские страны. История: сб. ст. / ред. кол.: Е. А. Лебедев и др. М., 1963.

⁶⁵⁰ Зыбина А. Г. Указ. соч. С. 122–123.

⁶⁵¹ Alexandria Protocol / The Middle East 1916–2001: A Documentary Record The Middle East 1916–2001: A Documentary Record. URL: http://avalon.law.yale.edu/subject_menus/mideast.asp.

⁶⁵² FRUS. 1943. Vol. IV. P. 846–847.

⁶⁵³ Ibid. P. 853.

- ⁶⁵⁴ FRUS. 1945. Vol. VIII. P. 28–29.
- ⁶⁵⁵ Jewish Agency International (JAFI) – Еврейское агентство было основано 11 августа 1929 г. Официальная организация, представлявшая интересы евреев в Палестине и занимавшаяся вопросами иммиграции.
- ⁶⁵⁶ Советско-израильские отношения... С. 68–72.
- ⁶⁵⁷ АВП РФ. Ф. 0118. Оп. 6. П. 3. Д. 1. Л. 4.
- ⁶⁵⁸ АВП РФ. Ф. 0118. Оп. 7. П. 4. Д. 5. Л. 26–28.
- ⁶⁵⁹ FRUS. 1944. Vol. V. P. 641.
- ⁶⁶⁰ Ibid. P. 647–648.
- ⁶⁶¹ Ibid. P. 646, 647.
- ⁶⁶² Rubin B. P. Op. cit. P. 139.
- ⁶⁶³ Советско-израильские отношения... С. 70–72, 85–89.
- ⁶⁶⁴ Bullard R. The Middle East. Political and Economic survey. N. Y., 1958. P. 23–24.
- ⁶⁶⁵ Новиков Н. В. Указ. соч. Ч. 2. На Ближнем Востоке.
- ⁶⁶⁶ Lenczowski G. The Middle East in World Affairs. P. 524–525, 526.
- ⁶⁶⁷ Speiser E. A. Op. cit. P. 185.
- ⁶⁶⁸ Fawcett L. Op. cit. P. 47; Rubin B. Op. cit. P. 153.
- ⁶⁶⁹ FRUS. 1944. Vol. V. P. 647–648.
- ⁶⁷⁰ Rubin B. Op. cit. P. 153.
- ⁶⁷¹ Kolko J., Kolko G. Op. cit. P. 70.
- ⁶⁷² Gardner L. C. Three Kings. P. 17.

ГЛАВА 3. СОПЕРНИЧЕСТВО СССР И США НА БАЛКАНАХ, БЛИЖНЕМ И СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ в 1944–1947 гг.

В 1944 г. Вторая мировая война вступила в завершающую стадию. Советские войска закончили освобождение территории СССР и продолжили борьбу с Германией в Восточной и Юго-Восточной Европе. Англо-американские союзники открыли Второй фронт на севере Франции, наступая на нацистский рейх с запада.

Освобождение Европы от нацизма поставило на повестку дня вопросы мирного урегулирования и послевоенного восстановления европейских государств. Отныне в политике держав Большой тройки помимо военной стратегии важное место заняла проблема обеспечения своих интересов в послевоенном мире. Различия в формах политических режимов, моделях социально-экономических систем, геополитическом положении, принципах и традициях внешней политики, её целях и задачах обусловили неизбежные разногласия между членами антигитлеровской коалиции после победы над общим врагом.

1944–1947 гг. стали важным этапом в эволюции внешнеполитических стратегий СССР и США, ставших лидерами мировой политики. Военная мощь Советского Союза, особенно его сухопутной армии, была неоспорима. В ходе разгрома нацистского рейха Красная Армия вступила в Румынию, Польшу, Болгарию, Югославию, Венгрию, Чехословакию, Австрию и Германию. Благодаря присутствию

300

своих войск Москва получила возможность контролировать страны Восточной Европы.

США обладали безусловным финансово-экономическим превосходством, что позволяло им претендовать на решающую роль в восстановлении послевоенной Европы. На пути их амбициозных международных проектов, основанных на интернационализации комфортных для американского внешнеполитического сознания либеральных ценностей и очевидном финансово-экономическом превосходстве, возникло несколько препятствий. Главным из них стала внешнеполитическая программа Советского Союза, фундаментальные принципы и цели которой оказались несовместимыми с политикой США. В результате наметившиеся в 1943–1944 гг. контуры предпосылок для будущих разногласий стали приобретать чёткость по всему периметру соприкосновения американских и советских интересов.

3.1. Советская и американская политика на Балканах на завершающем этапе войны и в период мирного урегулирования

Изменения в политике СССР и США, произошедшие в связи с окончанием войны и началом мирного урегулирования, были следствием постепенного сокращения заинтересованности обеих держав в сотрудничестве, сложившемся в годы войны, и увеличения конфликтности в их отношениях, вызванной накоплением противоречий по вопросам послевоенного устройства мира. Вашингтон пытался ликвидировать торговые и иные барьеры во взаимоотношениях государств и получить свободный доступ к мировым сырьевым ресурсам, что позволяло Соединённым Штатам как лидирующей в мире экономической системе стать глобальной сверхдержавой. Это стремление наталкивалось на усилия Советского Союза по обеспечению безопасности своих рубежей путём утверждения в соседних странах дружественных Кремлю режимов.

В первую очередь это касалось государств Восточной и Юго-Восточной Европы. Именно западные границы СССР, а ранее России, подвергались наиболее разрушительным вторжениям. Сейчас, когда Красная Армия завершала войну разгромом врага и его изгнанием из Восточной Европы, возможности Москвы влиять на развитие полити-

ческих процессов в освобождённых государствах были весьма значительными. Особенно остро интересы Москвы и Вашингтона сталкивались на Балканах, расположенных на подступах СССР к средиземноморским коммуникациям Запада с основными нефтеносными районами Ближнего и Среднего Востока.

Развитие международной ситуации в балканском регионе в 1944–1947 гг. было тесно связано с трансформацией политики Москвы и Вашингтона, развивавшейся на фоне расширения сферы советского влияния и формирования американской стратегии сдерживания. Ко времени подписания мирного договора Болгария уже находилась под полным контролем СССР. Болгарские коммунисты в своей политике безоговорочно ориентировались на Кремль. В Югославии утвердился режим маршала Тито, но политика Белграда, далеко не всегда согласованная с Москвой, вызывала недовольство Сталина и затрудняла укрепление советских позиций на Балканах. В Греции шла гражданская война. Позиции греческих коммунистов были сильны, но в 1947 г. американцы начали оказывать беспрецедентную помощь Афинам, определив исход гражданского противостояния в этой стране.

3.1.1. Послевоенное урегулирование в Болгарии

В результате вступления частей Красной Армии в сентябре 1944 г. на территорию Болгарии она была выведена из войны на стороне стран оси. На новом этапе перед антигитлеровской коалицией стояла задача подписания с болгарским правительством перемирия, затем мирного договора, а также решение других вопросов послевоенного урегулирования.

Отношения СССР и США с Болгарией в годы войны строились по-разному, и каждая из держав имела своё видение послевоенного урегулирования в этой стране. Для Вашингтона Болгария была государством, которое в обеих мировых войнах занимало место во враждебном лагере и от действий которого страдали интересы как самих Соединённых Штатов, так и их союзников. Отсюда вытекала необходимость принудить Болгарию к возмещению нанесённого ущерба и обеспечить безопасность соседних с ней государств. Ответной реакции американцев требовали начавшаяся при поддержке Кремля монополи-

зация власти болгарскими коммунистами и создание новыми властями препятствий для деятельности западных дипломатов. По мере утверждения советского доминирования в Восточной Европе возможности Вашингтона в отстаивании своих позиций в Болгарии становились всё более ограниченными, несмотря на то что США и Великобритания имели основания для участия в послевоенном урегулировании в этой стране и все важные решения Москва должна была согласовывать с ними. Американские дипломаты в СКК¹ ревностно отстаивали интересы Запада и проявляли инициативу, даже когда их действия расходились с позицией Госдепартамента. В частности, это проявлялось в защите ими деятелей болгарской оппозиции (прежде всего, представлявших такие партии, как БЗНС и БРСДП²).

Для СССР Болгария была чрезвычайно важной страной, и Москва ещё с конца 1930-х гг. предпринимала попытки вовлечь её в свою сферу влияния, чтобы получить стратегический плацдарм в центре Балкан рядом с черноморскими проливами. В сентябре 1944 г. советские войска вступили на болгарскую территорию³. Помимо военного присутствия укреплению советского влияния в Болгарии способствовали такие факторы, как председательство советского главнокомандования в СКК и активная роль коммунистов⁴. СССР проявил готовность оказывать послевоенной Болгарии экономическую, военную⁵ и политическую поддержку, постепенно заполняя нишу, которую в своё время занимала Германия. На укрепление сотрудничества с СССР также работали широко распространённые в болгарском обществе славянофильские симпатии⁶ и лояльность Болгарской православной церкви⁷.

Первой проблемой, вставшей перед США, СССР и Великобританией в отношении побеждённой Болгарии, стала разработка нового проекта перемирия, его подписание и реализация.

Проект перемирия, предложенный советскими представителями, в целом сохранял основные положения англо-американского⁸, но содержал ряд принципиальных дополнений. Основные споры возникли по поводу 18-й статьи, предполагавшей установление советского доминирования в Союзной контрольной комиссии (СКК) на весь период до подписания мирного договора⁹. По мнению западных союзников, после завершения боевых действий в Европе их полномочия внутри СКК следовало расширить. Неуступчивость сторон так и не позволила прийти к компромиссу по этому вопросу.

Советские дипломаты отстаивали интересы нового болгарского правительства Отечественного Фронта (ОФ) в спорах об экономических статьях перемирия, касавшихся репараций в пользу Греции и Югославии и восстановления собственности Объединённых Наций. Гарриман пришёл к выводу об отсутствии фактических уступок со стороны Москвы и рекомендовал своему правительству придерживаться более жёсткого курса по репарационным и компенсационным выплатам Болгарии, даже в случае угрозы срыва переговоров¹⁰.

Потерпев неудачу в попытках добиться от СССР уступок в процессе подготовки договора о перемирии, англичане попытались использовать альтернативные варианты сохранения влияния на Балканах. Следствием этого стремления стало заключение в ходе советско-британских переговоров в Москве 9–11 октября 1944 г. так называемого «процентного соглашения», по которому Болгария попадала в сферу преимущественного влияния СССР¹¹. Рузвельт негативно воспринял переговоры союзников за своей спиной и столь очевидный возврат к политике сфер влияния, не соответствовавшей американским установкам, но вынужден был смириться с заключённой сделкой как с состоявшимся фактом¹². «Процентное соглашение» в очередной раз продемонстрировало различия интересов стран антигитлеровской коалиции и то, что на завершающем этапе войны отдельные её участники всё больше усилий направляли на закрепление собственного влияния.

Затягивание переговоров о перемирии приводило западных союзников в отчаяние. Гарриман и американский посол в Великобритании Дж. Уайнант писали в Вашингтон, что Москва имеет на руках все козыри, чтобы диктовать союзникам выгодные ей условия перемирия и что, в конечном счёте, им придётся уступить¹³.

26 октября начались переговоры между представителями антигитлеровской коалиции и Болгарии, завершившиеся 28 октября подписанием перемирия¹⁴. По нему Советскому главнокомандованию предоставлялись исключительные полномочия: оно получало председательство в СКК¹⁵ (на период до окончания военных действий против Германии; о периоде до подписания мира ничего не говорилось) и контролировало СМИ¹⁶ в Болгарии, распоряжалось германскими трофеями, принимало участие в решении ряда других вопросов. Полномочия британских и американских представителей в СКК не были чётко очерчены¹⁷. Было отмечено обязательство болгарского правительства возместить Объединённым Нациям ущерб от войны. В целом договор о перемирии

довольно слабо отражал интересы иностранных государств (за исключением СССР) и обязательства Софии перед ними¹⁸.

Главенство в начавшей свою деятельность СКК давало Москве возможность на время переходного периода контролировать внешнюю политику Софии и вмешиваться во внутривнутриполитические процессы. Участие американских и британских представителей в Комиссии было номинальным, важные решения зачастую принимались советским руководством без консультации с ними, а иногда даже без их оповещения¹⁹.

Подписание перемирия завершило первый этап урегулирования по Болгарии, и теперь перед СССР, США и Великобританией встала задача выполнения всех условий перемирия и подготовки мирного договора.

В отношениях между СССР и США по болгарскому вопросу всё явственнее проявлялись тенденции, противоречившие духу союзнической солидарности. Буквально с первых дней американцы столкнулись с попытками СССР оградить Болгарию от западного влияния, максимально ограничить присутствие англо-американских представителей. Постановлениями СКК свободное передвижение по территории страны, въезд и выезд из неё для болгарских и иностранных граждан вне зависимости от дипломатического и другого «специального статуса» были ограничены²⁰. Попытки американских дипломатов в Софии и Москве отменить или смягчить установленные запреты оказались безуспешными²¹.

С осени 1944 г. всё более значительное внимание союзников привлекали внутренние процессы в Болгарии. Развитие общественно-политической жизни с момента прихода к власти правительства Отечественного Фронта характеризовалось усиливающимся коммунистическим влиянием²². Противостояние двух ведущих партий, БЗНС и БРП(к), расходившихся в вопросах внутренней и внешней политики, приобретало международную значимость.

Официально Москва провозглашала невмешательство во внутренние дела Болгарии²³, однако негласная поддержка ею болгарских коммунистов была важным фактором на пути к монополизации ими власти в стране. Представители СССР в СКК занимали отстранённую позицию, когда за помощью обращалась оппозиция, но вмешивались в политические споры, когда это могло поддержать БРП(к). Таким образом, СКК стал инструментом советской политики, использовавшимся для направления внутривнутриполитических процессов в Болгарии в нужном русле и ограждения страны от вмешательства извне.

К концу 1944 г. положение в Болгарии оценивалось американцами как крайне тревожное. М. Барнс отмечал признаки установления коммунистического диктата и усиление напряжённости в обществе²⁴. В этой сложной обстановке Москве и Вашингтону предстояло заняться дальнейшим изучением и урегулированием болгарского вопроса.

Ко времени проведения Ялтинской конференции (4–11 февраля 1945 г.) союзники накопили солидный багаж взаимных претензий и предложений по Болгарии. Встреча Большой тройки давала шанс обсудить некоторые проблемы, но намерения сторон были противоположными. Для американцев и англичан важно было ограничить влияние СССР в Болгарии. Советская делегация отстаивала интересы правительства Отечественного Фронта. В связи с этим большинство инициатив по Болгарии было просто отклонено. Западным союзникам не удалось добиться изменений в процедуре деятельности СКК²⁵. США и Великобритания, в свою очередь, отклонили предложение СССР о предоставлении болгарской армии статуса «совоюющей»²⁶, выступили против создания болгаро-югославской федерации²⁷.

В ходе конференции участниками была принята Декларация об освобождённой Европе, вверявшая правительствам трёх великих держав обеспечение и поддержку демократического развития европейских народов²⁸. Для контроля за реализацией положений этой программы американцы предлагали создать особый механизм, но Сталин предложил ограничиться совместными консультациями союзников. Рузвельт согласился сделать такую уступку, вопреки достигнутому перед началом конференции соглашению с англичанами²⁹.

Не прояснённые и не конкретизированные формулировки Декларации впоследствии позволяли и советским, и американским представителям трактовать ялтинские соглашения в выгодном для себя ключе и апеллировать к ним для обоснования своей политики³⁰. Отстаивая собственное понимание принципов Ялты, американцы выступали против наметившегося отторжения Болгарии от «свободного мира» и установления вокруг неё своеобразной «информационной блокады»³¹. Тем временем военные действия продолжались, и Рузвельт был заинтересован в сохранении союзнических отношений с СССР. Западным политикам приходилось на официальном уровне избегать обсуждения неудобных для Москвы вопросов, и они откладывались, постепенно формируя содержательную базу для последующих советско-американских разногласий³².

Особенно острой темой в отношениях Москвы и Вашингтона в рамках болгарского вопроса была борьба между коммунистами и их оппонентами из БЗНС и БРСДП, отстаивавшими принципы многопартийности, плюрализма и сотрудничества с Западом³³. М. Барнс обращал внимание своего правительства на необходимость поддержки оппозиционных лидеров, но Госдепартамент был более сдержан в этом вопросе ввиду отсутствия действенных рычагов давления на болгарских коммунистов³⁴.

Не без участия советской военной администрации в январе 1945 г. Г. М. Димитров (Гемето) был обвинён в заговоре против правительства Отечественного Фронта и снят с поста руководителя БЗНС³⁵. Но и после этого его партия оставалась влиятельной (по оптимистичной оценке Барнса, данной им в марте, БЗНС мог набрать до 60% на свободных парламентских выборах³⁶), а её новый лидер Н. Петков так и не стал лояльной режиму фигурой. Американцы сомневались, что выборы в болгарский парламент будут свободными, и предлагали создать независимый от СКК комитет для контроля за подготовкой и проведением выборов, против чего выступило советское руководство³⁷. Глава американского состава СКК генерал-майор Д. Крэйн тщетно призывал Госдепартамент применить жёсткие меры, чтобы склонить СССР к уступкам (в т. ч. пригрозить отказом от предоставления ему экономической помощи)³⁸. Уклончивая позиция Госдепартамента вынуждала американских дипломатов в Болгарии брать инициативу в свои руки. В мае сотрудники миссии США предоставили политическое убежище помещённому под домашний арест Гемето и после переговоров с советскими представителями в СКК добились разрешения на его выезд из страны³⁹.

Завершение военных действий в Европе позволило союзникам активнее заняться проблемами освобождённых стран. Москву интересовал вопрос о дипломатическом признании новых правительств бывших германских сателлитов, и он был поднят в переписке между Сталиным и Трумэном в конце мая – начале июня 1945 г. Американская сторона не была намерена восстанавливать отношения с Болгарией, поскольку не видела в происходящих в ней политических процессах признаков демократического развития⁴⁰. Госдепартамент рассчитывал на уступки со стороны коммунистов и считал преждевременное признание правительства Отечественного Фронта нежелательным для западной обще-

ственности и опасным для болгарской оппозиции. Американцы, кроме того, продолжали поднимать вопрос об изменении рабочих процедур СКК. Генерал Крэйн сообщал, что ограничения, введённые советской администрацией, сделали положение западных дипломатов в Болгарии просто унижительным, а их деятельность неэффективной⁴¹. Но Москва не намеревалась что-либо менять и отклоняла поступавшие от американских дипломатов проекты⁴².

Большинство разногласий, связанных с Болгарией, оставались неурегулированными и вошли в повестку дня очередной союзнической конференции, открывшейся 17 июля в Потсдаме. Американская делегация во главе с Трумэном и новым госсекретарём Дж. Бирнсом выразила протест против нарушений советской стороной ялтинских договорённостей и не согласованной с Западом политики и заявила, что не считает существующий болгарский режим легитимным⁴³. Американцы предлагали расширить свободу передвижения и сбора информации для иностранных граждан в Болгарии и провести совместные консультации при участии членов СКК, правительства ОФ и «всех демократических групп» для рассмотрения условий свободных выборов⁴⁴. Сталин не отрицал наличия проблем в Болгарии, но указывал, что они были свойственны многим странам, в т. ч. Греции и Италии, находившимся под контролем западных союзников⁴⁵. Под этим предлогом советская делегация старалась не акцентировать внимание на внутренних проблемах европейских государств и предлагала приступить к обсуждению вопросов о признании их правительств и восстановлении с ними дипломатических отношений⁴⁶. По итогам дискуссий в протоколе конференции было зафиксировано намерение правительств США, СССР и Великобритании «рассмотреть вопрос» об установлении дипломатических отношений с Болгарией, Румынией, Венгрией и Финляндией⁴⁷. Также было согласовано намерение о возможно более скором прекращении «аномального положения» всех бывших стран – сателлитов оси путём заключения мирных договоров с ними и последующего их принятия в ООН⁴⁸.

Советская делегация пошла навстречу предложениям западных партнёров, предлагавших изменить процедуры работы болгарской СКК и сделать регулярными совещания и предварительные совместные обсуждения исходящих от Комиссии директив⁴⁹. Компромиссно был решён вопрос о судьбе германских зарубежных вкладов, трофеев и репараций: Сталин отказался от германских активов за пределами советской зоны

оккупации в пользу западных союзников, а те отказывались от претензий на германские активы в Болгарии, Венгрии, Румынии, Финляндии, Восточной Австрии и восточной зоне оккупации Германии⁵⁰. Такой раздел был неравноценным, но, с другой стороны, он позволил советской делегации добиться перевеса в свою пользу в дискуссиях по иным вопросам, а также ограничил возможности Запада использовать вопрос о репарациях для давления на правительства стран Восточной Европы⁵¹.

Итоги Потсдамской конференции по Болгарии оценивались советской стороной положительно. Молотов заявил в разговоре с Димитровым, что советская сфера влияния в этой стране была признана⁵². Однако главные дискуссии по болгарскому вопросу были ещё впереди. Лидеры трёх держав договорились создать Совет министров иностранных дел (СМИД), который должен был подготовить проекты мирных договоров с побеждёнными государствами для их последующего обсуждения на мирной конференции⁵³.

Решения Потсдамской конференции не содержали никаких предположений к изменению внутриполитического положения Болгарии. Вместе с тем громко заявленное Западом обещание поддержать болгарскую оппозицию накануне приближающихся выборов провоцировало обострение межпартийной борьбы за власть. Видя, что ситуация развивается в сторону укрепления коммунистической монополии, лидер БЗНС Н. Петков потребовал от правительства переноса сроков выборов и обеспечения независимого наблюдения⁵⁴. Встретив отказ, он со своими однопартийцами вышел из состава правительства Отечественного Фронта. Его поддержали социал-демократ Г. Чешмеджиев и «звенарь» П. Стоянов⁵⁵. Во время августовского политического кризиса, в результате которого оформилась так называемая «легальная оппозиция», в борьбу партий за власть вмешались американские дипломаты. 13 августа Барнс, а затем 18 августа и госсекретарь Бирнс выразили болгарскому правительству свою обеспокоенность по поводу кризисного положения в стране⁵⁶. 22 августа генералы Д. Крэйн и У. Оксли потребовали пересмотреть избирательный закон и созвать совещание СКК для обсуждения вопроса о выборах (по словам Барнса, в случае отсутствия ответа американцы готовы были в сентябре покинуть Софию и заморозить процесс подготовки мирного договора)⁵⁷.

В ответ на происходящие события советское правительство 14 августа объявило о восстановлении отношений с Болгарией, после чего

страны обменялись дипломатами⁵⁸. Этот шаг открывал новые возможности для развития советско-болгарских отношений. В то же время требования западных дипломатов нельзя было оставлять без внимания, особенно после того, как болгарский министр иностранных дел П. Стайнов 22 августа заявил иностранным корреспондентам о готовности отсрочить выборы, если будет принято соответствующее постановление СКК⁵⁹.

В ходе дискуссий в контрольной комиссии западным дипломатам удалось добиться от советских представителей согласия на перенос сроков парламентских выборов и проведение правительством Отечественного Фронта политических преобразований. Осенью 1945 г. были предприняты меры по легализации оппозиции, расширению политических свобод, изменению избирательного законодательства и т. д.⁶⁰ Новая дата выборов была назначена на 18 ноября 1945 г. Не удовлетворившись этим, лидеры оппозиции потребовали реорганизации кабинета министров, но, получив отказ, заявили о бойкоте выборов. На этот раз надежды на очередное вмешательство Запада, которое, как отмечает Т. В. Волокитина, было чётко «дозированным»⁶¹, не оправдались, и самоустранение оппозиции из предвыборной гонки сыграло на руку коммунистам⁶².

11 сентября в Лондоне начала работу первая сессия СМВД⁶³. Делегаты США и Великобритании отметили ухудшение политической обстановки в Болгарии и выдвинули требование реорганизации болгарского правительства с включением в его состав представителей «демократического большинства»⁶⁴. Молотов настаивал на том, что союзники не должны вмешиваться во внутривнутриполитические процессы⁶⁵. Принципиальные разногласия по этому вопросу препятствовали дипломатическому признанию Болгарии западными державами и принятию её в ООН⁶⁶. Предварительное обсуждение территориальной проблемы выявило единодушие Москвы и Вашингтона в намерении лишить Болгарию оккупированных ею во время войны территорий, но сохранить в её составе Южную Добруджу. Помимо этого американцы допускали пересмотр болгарско-югославской границы (с тем, чтобы сохранить в составе Болгарии Царибродскую область), а СССР рассчитывал на предоставление Софии выхода к Эгейскому морю через греческую территорию⁶⁷.

Среди скромных успехов делегации СССР на лондонской встрече было принятие советского проекта мирного договора с Болгарией за основу дальнейших обсуждений⁶⁸.

Осенью 1945 г. напряжённость в отношениях между Соединёнными Штатами и Советским Союзом приобретала всё более угрожающий характер. В документе, разработанном американским военно-морским командованием в сентябре 1945 г., отмечалось, что любой военный конфликт может вылиться в третью мировую войну и что поддержание мира будет зависеть от сотрудничества держав-победительниц⁶⁹.

Затягивание переговорного процесса в СМИД демонстрировало неэффективность бескомпромиссного курса, взятого советской и западной дипломатиями. Отсутствие очевидного прогресса в решении восточноевропейских проблем беспокоило американского посла в Москве. Накануне сессии СМИД Гарриман провёл беседу с заместителем наркома иностранных дел А. Я. Вышинским и сказал, что попросит Бирнса впредь быть более тактичным и гибким, и дал понять, что и от советской стороны руководство США ожидает более доверительного отношения к западным коллегам, тем более, что Вашингтон признаёт особые интересы СССР в Восточной Европе и хочет лишь, чтобы они были оформлены приемлемо для западной общественности⁷⁰.

Развитие политических процессов в Болгарии в конце 1945 г. не способствовало снижению напряжённости в отношениях между США и СССР, между БРП и оппозицией. Американские эмиссары⁷¹ отмечали отсутствие изменений в пользу оппозиции и продолжающуюся монополизацию власти коммунистами (особенно после возвращения из Москвы их лидера Г. М. Димитрова)⁷². Прошедшие 18 ноября выборы в Народное собрание принесли полную победу коммунистам (88%), но Вашингтон отказался признавать их результаты и продолжил настаивать на реорганизации правительства⁷³.

16 декабря министры иностранных дел трёх держав собрались в Москве, чтобы продолжить переговоры по проблемам послевоенного устройства⁷⁴. Бирнс уверял советских коллег в своих добрых чувствах и настрое на плодотворную совместную работу⁷⁵, но, как только стороны приступили к обсуждению болгарского вопроса, он заявил о том, что США не могут признать прошедшие выборы в Народное собрание демократичными⁷⁶. Американская делегация потребовала организовать новые выборы, предварительно выведя на время министерства внутренних дел и юстиции из-под контроля коммунистов⁷⁷. Сталин и Молотов выступили против и отметили, что болгарская оппозиция сама отказалась от участия в выборах, что было с её стороны злоупотреб-

лением своими политическими правами и проявлением нелояльности существующему режиму, причём во многом это было обусловлено подстрекательством со стороны американских и английских дипломатов⁷⁸. Советская делегация отвергла предложение о полной реорганизации болгарского правительства, но соглашалась на его частичное реформирование. В конечном итоге была достигнута договорённость о том, что Москва даст болгарскому правительству «дружеский совет» о включении 1–2 представителей от оппозиции, которые а) будут представлять партии, не вошедшие в состав правительства, и б) будут действительно лояльными и готовыми к сотрудничеству, после чего реорганизованное правительство признают США и Великобритания⁷⁹.

Незначительная советская уступка не могла существенно изменить расстановку политических сил в Болгарии⁸⁰. Оговорённые условия не содержали жёстких предписаний для Москвы и оставляли ей возможность лавирования.

Лидеры западных держав не были полностью удовлетворены итогами московского совещания, считая, что можно было добиться большего. Трумэн был разочарован действиями госсекретаря, «превысившего свои полномочия» и не сумевшего в полной мере отстоять американские интересы⁸¹. В то же время и Сталин раскритиковал болгарских коммунистов, отметив их излишнюю обходительность в отношениях с оппозицией, и рекомендовал впредь проявлять большую твёрдость⁸².

С начала 1946 г. внимание великих держав было сосредоточено на реализации в Болгарии московских договорённостей. 6–9 января сначала глава правительства Отечественного Фронта К. Георгиев, а затем специально прибывший из СССР А. Я. Вышинский провели переговоры с Н. Петковым и К. Лулчевым⁸³. Прийти к согласию сторонам так и не удалось: не желая идти на поводу у коммунистов, оппозиционеры выдвинули в качестве встречных условий для сотрудничества в рамках правительства Отечественного Фронта требования передачи контроля над Министерством внутренних дел от коммунистов другой партии или нейтральному лицу, роспуска Народного собрания и проведения новых выборов⁸⁴. Москва посчитала свою часть обязательств перед западными союзниками выполненной и ожидала от них взаимности⁸⁵. Ответственность за срыв переговоров была возложена на самих оппозиционеров, а также сотрудников иностранных миссий (в частности, М. Барнса)⁸⁶.

В Госдепартаменте логику советской стороны понимали, как и тот факт, что реорганизация болгарского правительства, сформированного по итогам выборов, может быть осуществлена только на добровольной основе⁸⁷. Но и признавать правительство в существовавшем составе Вашингтон не был намерен, поскольку это способствовало бы укреплению нового софийского режима и означало бы отход американцев от собственных принципов⁸⁸.

22 февраля Госдепартамент направил в адрес болгарского правительства ноту с требованием пригласить оппозицию к участию в руководстве страной на взаимоприемлемых условиях. Но советская сторона решительно возразила против этой ноты, указав на то, что в московском соглашении не было речи о каких-либо дополнительных требованиях к болгарскому правительству⁸⁹.

Советское руководство продемонстрировало своё нежелание следовать достигнутым договорённостям, а болгарские коммунисты под его эгидой планомерно укрепляли свои позиции. В марте 1946 г. в Болгарии был сформирован новый кабинет министров, в котором БРП впервые получила больше мест, чем другие партии⁹⁰. Продолжались преследования сторонников Гемето, Петкова и лидера социал-демократов К. Пастухова⁹¹. Одновременно с санкции Кремля была развёрнута пропагандистская кампания против М. Барнса как «виновника провала решений московского совещания по Болгарии»⁹². Сам дипломат продолжал убеждать Госдепартамент в необходимости обуздания коммунистов, чьи действия ставили под угрозу пребывание в Болгарии американских дипломатов⁹³.

Тем временем продолжалась подготовка мирного договора с Болгарией. В ходе парижской сессии СМВД⁹⁴ был согласован ряд пунктов, в том числе о сроках вывода оккупационных войск (90 дней после подписания мирного договора⁹⁵) и об установлении в Болгарии режима наибольшего благоприятствования в торговле с Объединёнными Нациями (на 1,5 года)⁹⁶. Предварительный проект, согласованный министрами иностранных дел, был передан на изучение и обсуждение более широкому составу участников в рамках мирной конференции, открывшейся в Париже 29 июля 1946 г.⁹⁷

Обсуждение мирного договора с Болгарией проходило в трёх комиссиях: 1) комиссии по политическим и территориальным вопросам, 2) экономической комиссии для балканских стран и Финляндии, 3) в военной комиссии.

Особенно трудной была проблема пограничного урегулирования из-за многочисленных взаимных территориальных претензий балканских государств⁹⁸. Греческая делегация помимо возвращения своих северных земель настаивала на отторжении от Болгарии обширных территорий в районе Родопских гор. Чрезмерные притязания Греции не поддерживали даже западные союзники, видевшие в предлагаемом проекте потенциальную опасность новых столкновений на Балканах⁹⁹. Тем более они не собирались удовлетворять претензии поверженной Болгарии на выход к Эгейскому морю, в отличие от советской делегации (и поддерживавших её делегатов от УССР, БССР, Чехословакии и Югославии), считавшей их справедливыми и исторически обоснованными¹⁰⁰. Итогом напряжённой работы комиссии по территориальным вопросам стало решение о восстановлении греко-болгарской границы в довоенном виде. Аналогичное решение было принято по границе с Югославией. Болгарии было позволено удержать в своём составе Южную Добруджу¹⁰¹, и, таким образом, она оказалась единственным государством из числа сторонников оси, которое не понесло существенных территориальных потерь по итогам Второй мировой войны.

Непростым было обсуждение вопроса о размерах репараций Болгарии в пользу стран, пострадавших от её оккупации. Греция выдвинула претензии на взыскание с неё колоссальной суммы в 985 млн долл. Советская делегация назвала эту цифру завышенной и, указывая на тяжёлое экономическое положение Болгарии, предложила ограничиться 25 млн долл. В итоге участники переговоров остановились на предложенной англичанами сумме в 125 млн долл.¹⁰² Кроме того, было принято решение о ликвидации прав Болгарии на её имущество за границей и заморозке болгарских зарубежных вкладов¹⁰³.

Актуальной была проблема статуса болгарской армии, принявшей участие в боях против Германии и Венгрии на завершающем этапе войны. Против Германии Болгария выставила больше войск и понесла большие потери, чем в предшествовавшие годы в войне против антигитлеровской коалиции¹⁰⁴. Признание болгарской армии «совоющей» с Объединёнными Нациями имело бы большое моральное значение и могло повлиять на смягчение условий мирного договора, но против этого выступали Великобритания, США, и особенно – Греция. В итоге Болгария так и осталась практически «непризнанным противником Третьего рейха», а её боевой вклад был зафиксирован разве что в преамбуле мирного договора¹⁰⁵.

Характер политического устройства новой Болгарии и отсутствие изменений, которых западные союзники добивались с момента подписания перемирия с ней, обусловили позицию США и Великобритании на Парижской конференции. «Виновность» Болгарии в глазах Запада определял не только факт участия в войне на стороне оси, но и превращение её в советского сателлита после войны. В то же время нужно отдать должное западным делегатам в связи с тем, что они не поддержали радикальных требований Греции по территориальному и репарационному вопросу, и это позволило приблизиться к компромиссу с советской стороной. Несмотря на то, что советские дипломаты не смогли решить на конференции все поставленные задачи, им удалось добиться максимума из возможного. Условия Парижской конференции 1946 г. оказались более умеренными и щадящими, чем условия Парижской конференции 1919 г., поставившие Болгарию в крайне невыгодное положение и во многом предопределившие её вступление во Вторую мировую войну на стороне оси¹⁰⁶.

Достигнутые в Париже договорённости были уточнены и доработаны на Нью-Йоркской сессии СМВД (4 ноября – 12 декабря 1946 г.). Были несколько облегчены финансовые положения мирного договора с Болгарией, окончательно согласованного к 11 декабря.

Пока великие державы вели переговоры о послевоенном устройстве, болгарские коммунисты предпринимали активные действия, чтобы до подписания мирного договора успеть создать в Болгарии наиболее выгодную для себя политическую обстановку.

8 сентября прошёл референдум по форме правления. Большинство болгарских граждан высказались за республику, и это стало основанием для окончательной передачи власти регентского совета Народному собранию и провозглашения Народной Республики Болгария (НРБ). 27 октября прошли выборы в Великое народное собрание¹⁰⁷, принёсшие победу партиям Отечественного Фронта и, в частности, БРП(к)¹⁰⁸. Коммунисты получили возможность формировать новый кабинет министров, а его главой стал Г. М. Димитров¹⁰⁹. Усиливавшееся давление правительства на оппозицию тесно переплеталось с антиамериканской кампанией в СМИ и «разоблачениями» иностранных агентов¹¹⁰.

10 февраля 1947 г. состоялось подписание мирного договора с Болгарией представителями двенадцати «Союзных и Соединённых держав»¹¹¹. Договор состоял из 38 статей, касавшихся политических, эконо-

мических и военных условий. Ряд статей был направлен на обеспечение демократического порядка в Болгарии, защиту прав человека. Граница восстанавливалась по состоянию на 1 января 1941 г. Размер репараций был определён в 70 млн долл. (45 млн в пользу Греции, 25 – Югославии) с восьмилетним сроком выплаты. Болгария обязалась выплатить компенсацию за имущество Объединённых Наций в размере 2/3 от его стоимости. Признавалось право СССР на все германские активы в Болгарии. Ограничивались численность болгарских войск, производство и приобретение отдельных видов вооружения, запрещалось строительство долговременных оборонительных сооружений на границе с Грецией¹¹².

Подписание Болгарией мирного договора способствовало закреплению её границ и сохранению установившегося государственного строя, что укрепляло позиции как болгарских коммунистов внутри страны, так и Кремля на Балканах.

Мирный договор был ратифицирован подписавшими его странами¹¹³ и 15 сентября 1947 г. вступил в силу. В Болгарии прекращала работу СКК, выводились оккупационные войска. Оптимистично настроенные западные политики рассчитывали, что это положит конец многим трениям между великими державами и заставит СССР предоставить болгарам большую политическую самостоятельность. С другой стороны, в Сенате высказывались опасения, что политические процессы в Болгарии уже приобрели необратимый характер, а Кремль ещё найдёт возможности использовать мирный договор как инструмент укрепления коммунистического режима¹¹⁴. Кроме того, Москва и София довольно скоро продемонстрировали пренебрежение его статьями, что создавало новые конфликтные ситуации.

С середины 1947 г. болгарское правительство сосредоточило усилия на подавлении оппозиции. Ещё в начале мая были закрыты 2 крупнейших оппозиционных газеты, принадлежавшие БЗНС и БРСДП. Обращения западных дипломатов к советскому руководству СКК по поводу очевидного нарушения свободы слова и печати, как и прежде, были им отвергнуты¹¹⁵.

В июне против Н. Петкова были выдвинуты обвинения в заговоре, после чего он вместе с 23 депутатами был исключён из состава Великого народного собрания. 26 августа 1947 г. ВНС выработало постановление о запрете и роспуске возглавлявшейся Петковым фрак-

ции БЗНС. Дж. Хорнер, замещавший Барнса во время его отъезда из Софии, указывал на то, что последние события были звеньями одной цепи и были частично вызваны нерешительностью американского руководства, проявленной в предшествующие месяцы¹¹⁶.

Усилившиеся протесты США против преследования оппозиции и их заступничество за Петкова, который был приговорён к тюремному заключению, возымели обратный эффект. В обострившейся ситуации коммунисты не желали проявлять слабость и идти на уступки, в итоге Петкову был вынесен смертный приговор, приведённый в исполнение 23 сентября¹¹⁷.

Возможности Запада влиять на курс болгарского правительства сокращались. Вместе с тем на повестке дня по-прежнему стоял вопрос о восстановлении дипломатических отношений между США и Болгарией. М. Барнс неоднократно предупреждал, что этот шаг не принесёт существенной пользы американцам, зато коммунисты воспользуются им для укрепления своих позиций. По мнению дипломата, следовало оставить болгар «вариться в собственном соку» и ждать, пока их непопулярное правительство, чья власть держится почти исключительно на терроре, столкнётся с внутренним кризисом¹¹⁸. В то же время затягивание процесса препятствовало развитию болгарско-американских отношений, тогда как связи Болгарии с СССР активно укреплялись. Попытка использовать вопрос о признании болгарского правительства в качестве предмета политического торга с Москвой и Софией оказалась неудачной. В ходе дискуссий в Госдепартаменте было решено, что Соединённым Штатам следует придерживаться плана о признании правительства Димитрова после ратификации мирного договора. Было также отмечено, что Барнсу, временно покинувшему Софию, пока не следует возвращаться¹¹⁹.

1 октября Вашингтон официально признал болгарское правительство (англичане сделали это ещё в феврале) и восстановил с ним дипломатические отношения, как было отмечено в прессе, не из уважения к нему, а исходя из практического интереса иметь в стране свой наблюдательный пост¹²⁰.

В должности полномочного представителя США в Болгарии Трумэном был утверждён Дональд Хит¹²¹. Прибыв на место назначения, он застал крайне неблагоприятную картину: милицией была организована постоянная слежка за иностранцами, болгарские граждане, сотрудни-

чавшие или даже просто контактировавшие с ними, подвергались преследованиям, высшее руководство страны публично выступало с антиамериканскими заявлениями¹²². Налицо были признаки установления над Болгарией советского контроля, и это определяло специфику её отношений со странами Запада в период, когда мир вступал в эпоху холодной войны.

Подписание Болгарией мирного договора снимало с неё ряд ограничений и позволяло активизировать внешнюю политику. В то же время её дипломатическая активность фактически направлялась Москвой, заинтересованной в укреплении единства стран «народной демократии». При её содействии в 1947–1948 гг. были заключены союзные договоры с Албанией, Югославией и Румынией. Создание в сентябре 1947 г. Коминформа укрепило партийные связи между ВКП(б) и БРП(к).

Закрепление Болгарии в советском блоке сопровождалось всё большей изоляцией её от западного мира. Отношения Софии с Вашингтоном были номинальными и сопровождались постоянными конфликтами – американская сторона обвиняла болгарское правительство в нарушении прав человека и статей мирного договора. Кроме того, болгарский вопрос поднимался в ООН в связи с событиями в Греции, которые стали основанием для выдвижения Трумэнской доктрины сдерживания коммунизма¹²³. В декабре 1946 г. специальная комиссия ООН выявила причастность Болгарии, Албании и Югославии к предоставлению помощи греческим партизанам¹²⁴. Генеральная Ассамблея ООН приняла несколько резолюций, в которых рекомендовалось перечисленным странам прекратить поддержку и предпринять действия для налаживания отношений с Грецией. Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН № 109 от 21 октября 1947 г. создавалась Специальная комиссия ООН по Балканам (со штабом в Фессалониках) для наблюдения за выполнением этих рекомендаций¹²⁵. Советское руководство в этом конфликте встало на сторону Болгарии и полностью отвергло предъявленные обвинения¹²⁶. Право вето, имевшееся у Советского Союза как постоянного члена Совета Безопасности, было эффективным сдерживающим фактором, не позволявшим Западу прибегать к жёстким санкциям в отношении Болгарии. Но в то же время это подогревало взаимное раздражение СССР и США, препятствуя нормализации отношений между ними.

США и Великобритания в ответ на усиление коммунистического влияния увеличивали своё военное присутствие на юго-востоке Евро-

пы, предпринимали меры для укрепления безопасности своих союзников – Греции и Турции. Всё это способствовало росту напряжённости в регионе. «Война нервов» грозила в любой момент перерасти в настоящую войну¹²⁷. Отношения между СССР и США с каждым месяцем обострялись, и это вновь превращало Балканский полуостров в очаг возможного вооружённого столкновения и заставляло соседние страны смотреть друг на друга как на потенциальных противников. Дж. Кеннан констатировал к концу 1947 г. многократное возрастание опасности возникновения войны, хотя советское правительство не хотело и не ожидало её в обозримом будущем¹²⁸.

Таким образом, к 1947 г. при поддержке СССР коммунистическое руководство Болгарии достигло определённых успехов в упрочении своего международного положения и укреплении власти внутри страны. Правительства США и Великобритании негативно оценивали происходящие в Болгарии процессы, но, не имея эффективных рычагов влияния, не могли изменить их течение в нужном для себя направлении.

Разногласия между СССР и США по болгарскому вопросу внесли вклад в генезис холодной войны. Присутствие советских войск и твёрдое намерение Москвы последовательно отстаивать свои интересы значительно урезали американские возможности влиять на внутривнутриполитические процессы в Болгарии и её внешнеполитическую ориентацию.

В 1945–1946 гг. одним из важнейших вопросов болгарской проблематики в политике СССР и США было заключение мирного договора. Этот вопрос включал репарационные, территориальные, политические и другие аспекты. В процессе подготовки договора Советский Союз выступал в качестве защитника интересов Болгарии, добиваясь приемлемых для неё условий – уменьшения репараций и поддержки её территориальных претензий. Западные державы стремились сдержать болгарские и советские устремления и достигли в этом определённых успехов.

Основные разногласия между Советским Союзом и Соединёнными Штатами возникли по проблеме политического развития Болгарии. США выступали за её движение по пути либеральной демократии и рыночной экономики. СССР способствовал приходу к власти «дружественного правительства» Отечественного Фронта и укреплению позиций Коммунистической партии, что создавало основу для расширения советского влияния. В конечном итоге западным державам не удалось добиться изменения состава болгарского правительства, страна шла по пути

интегрирования в формирующийся советский блок. Болгария стала южным форпостом «народной демократии», а после советско-югославского раскола на Софию была возложена роль главного союзника Кремля на Балканах.

3.1.2. Советско-югославское сотрудничество и позиция американской дипломатии

Важное место в эволюции политики СССР и США на Балканах занимала Югославия. В ходе освобождения Югославии от оккупантов и вооружённых столкновений партизан и четников фактическая власть оказалась в руках коммунистических лидеров партизанского движения во главе с Тито. Связь югославской компартии с Советским Союзом была очевидна – в активной фазе разгрома войск нацистской Германии, их союзников и коллаборационистов осенью 1944 г. Народно-освободительная армия Югославии действовала совместно с частями Красной Армии. НКОЮ получил поддержку Москвы на международной арене, а НОАЮ – значительное количество советского вооружения, необходимого не только для победы над врагом, но и для окончательного утверждения власти югославских коммунистов в стране.

Освобождение Белграда партизанами вынудило югославскую эмиграцию под нажимом англичан пойти на контакты с коммунистическим лидером. 1 ноября 1944 г. премьер-министр королевского правительства И. Шубашич и глава НКОЮ И. Броз Тито заключили соглашение о создании единого коалиционного правительства. 7 декабря 1944 г. были подписаны два дополнения. Первое устанавливало порядок выборов в Учредительную Ассамблею. До её созыва законодательная власть передавалась Антифашистскому вече народного освобождения Югославии. Второе дополнение касалось регентского совета¹²⁹.

7 марта 1945 г. было сформировано единое югославское правительство из представителей НКОЮ и эмигрантского кабинета. В его состав вошли 28 человек. Новое правительство состояло из шести министров прежнего правительства Шубашича, двадцати представителей Национального комитета и двух новых членов, которые были сторонниками Тито. В правительстве оказались 9 коммунистов, в том числе 4 члена политбюро ЦК КПЮ. Кроме того, 5 министров – В. Зе-

чевич, И. Смодлака, В. Рибникар, Я. Проданович и Ф. Флор – по своим политическим убеждениям были близки к компартии. Тито занял пост премьер-министра.

Из шести членов предыдущего правительства два были назначены уже после переговоров Шубашича и Тито на о. Вис летом 1944 г., а третий, С. Косанович, будучи сотрудником югославского информационного центра в Нью-Йорке, являлся главным пропагандистом Тито в Соединённых Штатах. В народно-освободительном движении не участвовали и были сторонниками прозападной ориентации только четыре министра (И. Шубашич, М. Грол, Ю. Шутей и В. Чубрилович). Последний, Васо Чубрилович, являлся членом Союза земледельцев и до выборов в Учредительную скупщину занимал выжидательную позицию, а затем поддержал новую власть.

Таким образом, только Шубашича, Грола и Шутея можно расценивать как представителей групп, не связанных с партизанами. Их влияние в новом правительстве было фактически нулевым. Шубашич получил пост министра иностранных дел, Шутей и Грол не получили никаких портфелей, хотя последний стал вице-премьером¹³⁰.

Соглашение с эмигрантским правительством стало способом легитимации власти югославских коммунистов. Международному признанию правительства новой – Демократической Федеративной Югославии, а заодно и утверждению доминирующей роли Кремля в её развитии способствовало заключение 11 апреля 1945 г. советско-югославского Договора о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве. 1 мая в отчёте директору УСС Уильяму Доновану его помощник Эдвард Бакстон констатировал, что «Югославия в руках русских и будет делать так, как последние ей скажут»¹³¹.

Начался сложный этап борьбы за Югославию. Москва способствовала конституционному закреплению новой власти в стране и становлению в ней советской социально-экономической и политической системы. Здесь важно отметить, что в отличие от новых просоветских правительств в соседних балканских и других восточноевропейских странах, освобождённых от нацизма Красной Армией, правительство Тито пришло к власти во многом самостоятельно. Можно говорить только о поддержке со стороны Советского Союза. В течение 1941 – первой половины 1944 г. югославские коммунисты самостоятельно боролись за освобождение своей страны и не являлись простыми ставленниками Кремля. Впоследствии

это обстоятельство определило особый характер отношений между Тито и Сталиным, но на раннем этапе строительства новой Югославии возникавшие разногласия находились на втором плане. Москва оказывала Белграду международную поддержку, предоставляла немалую материально-техническую помощь, направляла в Югославию большое количество необходимых специалистов. Содержание советско-югославского взаимодействия в 1944–1947 гг. было подробно раскрыто отечественными авторами ещё в советский период¹³².

Американцы, в свою очередь, не могли допустить установления монопольной власти коммунистов в Югославии. Во-первых, проводимые КПЮ радикальные преобразования во всех сферах югославского государства и общества противоречили принципам западного либерализма и ущемляли экономические интересы США. Во-вторых, в отношениях Вашингтона с режимом И. Броза Тито главенствующую роль играл советский фактор. Коммунистическая Югославия становилась форпостом влияния Кремля на Балканах, что представляло угрозу средиземноморским коммуникациям и создавало опасность советского проникновения на Ближний Восток и в Индийский океан.

Вашингтон противодействовал этим тенденциям, сочетая в своей югославской политике различные методы. Добиваясь выполнения «соглашения Тито – Шубашича», Соединённые Штаты затягивали признание ФНРЮ. Стремясь получить подтверждение всех обязательств и соглашений прежних правительств королевской Югославии, американцы отказывали Белграду в предоставлении займов. При урегулировании югославско-итальянского территориального спора по поводу принадлежности Триеста США использовали демонстрацию военной мощи. В отношении нового югославского режима применялся широкий арсенал средств информационно-пропагандистского давления, велась разведывательная деятельность. Наконец, американцы препятствовали возвращению в Югославию захваченных немцами судов на Дунае.

После создания коалиционного югославского правительства, объединившего представителей НКОЮ и членов прежнего эмигрантского кабинета, в течение второй половины 1945 г. Соединённые Штаты добивались выполнения «соглашения Тито – Шубашича» с целью проведения в Югославии, в их понимании, законных и демократических выборов в Учредительную скупщину. Вашингтон требовал от правительства Тито соблюдения личных, политических и гражданских прав и свобод: прекра-

щения действия цензуры, наделения всех граждан за исключением кол-
лаборационистов избирательными правами независимо от их классовой
принадлежности, роспуска тайной полиции ОЗНА и т. д.

Свои требования США доводили до сведения югославских комму-
нистов по дипломатическим каналам напрямую и опосредованно, пыта-
ясь воздействовать на Кремль. Но всегда сталкивались с отклонением
любых обвинений в невыполнении «соглашения Тито – Шубашича» и
нарушении гражданских прав и свобод. Вашингтон также пытался дове-
сти свою позицию до мирового общественного мнения, стремясь через
СМИ повлиять не только на западную общественность, но и «достучать-
ся» до населения Югославии.

В ответ от Демократической Федеративной Югославии и Советско-
го Союза на Соединённые Штаты сыпались обвинения во вмешатель-
стве в дела суверенного государства. Взаимные упреки вылились в
острое пропагандистское противоборство. 18 августа 1945 г. М. Грол,
занимавший пост вице-премьера, вышел из состава правительства Тито.
11 октября 1945 г. подали в отставку Шубашич и Шутей¹³³. Этот де-
марш, вне всякого сомнения, был направлен на подрыв авторитета
правительства партизанского маршала. Отставка трёх министров-оппо-
зиционеров не только была «хлопком дверью» в знак несогласия с
действиями новой власти. Она должна была создать основу для новых
обвинений в невыполнении соглашений, достигнутых в ноябре 1944 г.
19 октября и 7 ноября 1945 г. американское посольство в Москве
направило в НКВД СССР меморандумы за подписью посла А. Гарри-
мана. Американцы предлагали Кремлю вместе с англичанами потребо-
вать от маршала Тито отложить назначенные на 11 ноября 1945 г.
выборы в Учредительную скупщину, пока последний не начнёт перего-
воры с Шубашичем ради восстановления их сотрудничества в едином
правительстве. Оба меморандума были отвергнуты советской стороной
21 октября и 18 ноября соответственно¹³⁴.

В беседе с советником посольства СССР в ФНРЮ Н. А. Кожевни-
ковым Милован Джилас констатировал, что англо-американцы вели
игру в Югославии против Советского Союза. Грол и другие югослав-
ские реакционеры были максимально использованы ими в этой игре,
но тем не менее они потерпели полное дипломатическое поражение¹³⁵.

Выборы в Учредительную скупщину и народный референдум по
вопросу о судьбе монархии состоялись, как и было намечено, 11 нояб-

ря 1945 г. 6,5 млн человек проголосовали за отмену монархии, 700 тыс. – против. В выборах участвовали свыше 88% избирателей, 90% голосов получил Народный фронт Югославии, занявший все места в Скупщине, почти 4/5 её депутатов были членами Коммунистической партии Югославии¹³⁶.

После проведения выборов советского посла в Белграде И. В. Садчиков посетил министр земледелия В. Чубрилович. Он заявил, что «до самых последних дней на территории Югославии скрещивались линии внешней политики Советского Союза и западных союзников. Это столкновение сильно чувствовалось в стране. Но теперь можно сказать, что это столкновение закончилось победой Советского Союза и Югославии...»¹³⁷.

29 ноября 1945 г. новая югославская власть окончательно утвердила себя – собрание Учредительной скупщины «в соответствии со свободно выраженной волей народа» упразднило монархию и провозгласило создание Федеративной Народной Республики Югославия. 10 декабря 1945 г. новое югославское правительство официально информировало Соединенные Штаты о своей структуре, составе, властных полномочиях и первых правовых актах. 19 декабря ФНРЮ была признана Советским Союзом. Монополия маршала Тито на власть была подтверждена¹³⁸.

22 декабря исполняющий обязанности госсекретаря Дин Ачесон от лица американского правительства заявил, что Соединённые Штаты не считают выборы свободными и представительными и что факт установления дипломатических отношений не означает одобрения политики Белграда: «В условиях, сложившихся в Югославии, говорить, что гарантии свободы были соблюдены, что выборы, состоявшиеся 11 ноября, обеспечили полную возможность для свободного волеизъявления народных представителей, нельзя.

При таких обстоятельствах правительство Соединённых Штатов желает, чтобы установление дипломатических отношений с существующим в Югославии режимом не было интерпретировано как одобрение его политики, используемых методов контроля за населением и невыполнения гарантий личной свободы, обещанной югославским гражданам. Вы должны разъяснить властям и населению Югославии, что мы испытываем только самые дружественные чувства к народам страны и что именно ожидаемое нами развитие событий сделает возможными

политические и экономические отношения между народами Югославии и Соединенных Штатов, которые мы с нашей стороны желаем достичь как можно скорее»¹³⁹.

Таким образом, установление полноценных дипломатических отношений ставилось Вашингтоном в зависимость от выполнения югославской стороной условий «соглашения Тито – Шубашича»¹⁴⁰. Для «разъяснения» заявления Ачесона был задействован бывший югославский посол в США Константин Фотич. Он прокомментировал, что американское признание режима Тито на этой стадии было только де-факто и не станет де-юре до тех пор, пока новое югославское правительство не примет на себя международные обязательства предыдущих правительств. 9 января 1946 г. в интервью газете «Нью-Йорк Таймс» президент Трумэн указал, что признание ФНРЮ было обусловлено принятием ею всех международных обязательств¹⁴¹.

2 апреля 1946 г. югославское правительство приняло американские условия признания ФНРЮ де-юре в следующей формулировке: «Правительство Федеративной Народной Республики Югославия, изучив все вопросы признания международных обязательств Югославии, в соответствии с решениями второй сессии Антифашистского веча национального освобождения в г. Яйце в ноябре 1943 г. даёт утвердительный ответ на заявление Госдепартамента от 22 декабря 1945 г. относительно международных обязательств всех прежних югославских правительств»¹⁴².

13 апреля вице-президент Эдвард Кардель подтвердил, что новое югославское правительство будет соблюдать все соглашения, заключённые предыдущим режимом. 16 апреля 1946 г. Соединенные Штаты окончательно признали ФНРЮ де-юре¹⁴³. На следующий день госсекретарь Бирнс отправил поверенному в делах США в ФНРЮ Гарольду Шанцу пояснения к американской ноте о признании нового югославского режима, которые следовало довести до сведения последнего 18 апреля.

Вашингтон обращал внимание Белграда на ряд моментов, мешавших нормальному развитию отношений между двумя странами. Наиболее важными были три. Во-первых, американская сторона по-прежнему обвиняла югославов в невыполнении Ялтинских решений о гарантиях гражданских свобод и выразила надежду, что правительство Тито всё-таки примет меры, чтобы дать югославским народам подлинную демократию. Во-вторых, американцы требовали серьёзного рассмотрения воп-

роса о судьбе американской собственности в Югославии. И в-третьих, Соединённые Штаты опровергли как безосновательные утверждения Белграда о продвижении в союзническую зону оккупации в Венеции-Джулии грузовиков, нагруженных «фашистскими бандитами»¹⁴⁴.

Таким образом, несмотря на юридическое признание власти Тито и установление с ФНРЮ полноценных дипломатических отношений, прежние разногласия так и не были урегулированы. Камнем преткновения остались несоответствие югославского режима американскому пониманию Декларации об освобождённой Европе¹⁴⁵, невыполнение Белградом условий «соглашения Тито – Шубашича», а также американские экономические интересы в Югославии и борьба за спорную с Италией территорию Истрийского полуострова.

Стремясь ограничить советское проникновение в Средиземноморье, американцы не могли допустить передачи Триеста Югославии. Помимо сопротивления устремлениям Белграда дипломатическим путём Вашингтон в целях оказания давления на югославов использовал демонстрацию своей военной мощи.

Во время первого триестского кризиса в мае 1945 г. англо-американским союзникам удалось предотвратить оккупацию Триеста югославскими войсками благодаря «угрозе силой»: «Объединенный результат американско-английских заявлений и силовой тон союзной позиции в Венеции-Джулии в конечном итоге заставили Тито в конце месяца вывести войска из спорной зоны»¹⁴⁶. Маргарет Трумэн, дочь президента, свидетельствует об использовании американцами «жёсткой тактики», называя демонстрацию военной мощи «проверкой силы воли»: «В целом это выглядело так, как если бы полномасштабная война была неизбежна. Воздушные соединения были приведены в боевую готовность, пять бронетанковых дивизий приготoвились пройти через ущелье Бринне, средиземноморский флот был сосредоточен в северной части Адриатики. После этого маршал Тито пересмотрел своё мнение»¹⁴⁷.

Пограничное урегулирование между Италией и Югославией стало одной из тем заседаний Совета министров иностранных дел, занимавшегося выработкой мирных договоров с бывшими союзниками нацистской Германии. В 1946 г. новый образ СССР, созданный У. Черчиллем в Фултоне, санкционировал возможность применения либо демонстрации силы для борьбы с претензиями Белграда, получившего поддержку Кремля, на Триест. 20 мая боевой корабль «Фарго», самая крупная

единица военно-морского флота США в Средиземном море, пришвартовался в гавани этого порта на севере Адриатики. Помимо «Фарго» в водах Верхней Адриатики находились ещё 10 боевых кораблей союзников¹⁴⁸. Еженедельник «Ньюсуик» заключил, что «батарея шестидюймовых корабельных орудий молчаливо подчеркнула твёрдое намерение государственного секретаря Джеймса Бирнса и министра иностранных дел Эрнста Бевина защитить подавляющее итальянское большинство населения от друга России маршала Тито»¹⁴⁹.

Кроме того, в первой половине 1946 г. в Средиземном море курсировал линкор «Миссури» в сопровождении 6 эсминцев и лёгких крейсеров Тихоокеанского флота. Официальным предлогом перебазирования «Миссури» и кораблей сопровождения из Тихого океана в Средиземное море послужила доставка в Стамбул тела покойного турецкого посла в США. Действительной целью этой акции была демонстрация Москве американской решимости исключить пересмотр режима Черноморских проливов. Маршрут дальнейшего продвижения линкора из Босфора в США лежал через Средиземное море¹⁵⁰, как раз в разгар уличных столкновений в Триесте и концентрации войск на разграничительной линии между англо-американскими и югославскими оккупационными частями.

В конце лета 1946 г. помимо продолжавшихся столкновений на спорной территории Истрии – Триеста произошёл новый вооружённый конфликт, на этот раз в небе над Югославией. 9 и 19 августа 1946 г. югославские истребители атаковали два военно-транспортных самолета США, оказавшихся в воздушном пространстве Югославии. В результате один из них разбился, другой был поврежден¹⁵¹.

Тито заявил, что за последний месяц воздушное пространство Югославии было нарушено американскими самолётами больше сотни раз. Инцидент, который в мемуарах Бирнса называется «нападением», стоил жизни пяти американским лётчикам и офицеру турецкой армии, который был пассажиром. Остальные пассажиры и члены экипажа были арестованы и поселены под охраной в белградской гостинице¹⁵².

Данный инцидент, по мнению государственного секретаря, продемонстрировал отношение югославского лидера к Соединённым Штатам¹⁵³. Вашингтон не считал произошедшее нарушением воздушного пространства ФНРЮ. Американские транспортные самолеты, курсировавшие между Австрией и городом Удине в северной Италии нередко пересекали северо-западную часть Истрийского полуострова, террито-

риальная принадлежность которого в тот момент ещё не была юридически определена и обсуждалась на заседаниях СМИД в ходе подготовки мирного договора с Италией.

Тем не менее к августу 1946 г. уже была достигнута договорённость о том, что большая часть полуострова отойдёт Югославии. Спорным оставался вопрос о принадлежности города Триеста и окружающей его области, находящихся на западе Истрии. Но атакованные югославскими ВВС американские самолёты, отклонившись от курса, вошли в югославскую зону оккупации полуострова.

По утверждению югославской стороны, авиация Соединённых Штатов систематически нарушала государственный суверенитет Югославии, вторгаясь в её воздушное пространство. Вскрывая причины этих акций, маршал Тито заявил: «Эти перелёты через нашу территорию союзных военных самолётов... имеют целью в первую очередь демонстрацию военной мощи, запугивание нашего свободолюбивого населения и подбадривание антинародных элементов в самой Югославии»¹⁵⁴.

По данным А. В. Потехина, с февраля по август 1946 г. самолёты США, совершая полеты между военными базами в Италии и Австрии, 1070 раз нарушали воздушное пространство Югославии¹⁵⁵. Инцидент стал закономерным результатом ухудшения отношений между Вашингтоном и Белградом. Американский поверенный в делах в ФНРЮ Гарольд Шанц ещё в конце мая 1946 г. оценил югославский курс США не иначе как «жёсткая дипломатия»¹⁵⁶.

На фоне напряжённой обстановки в Триесте и его окрестностях, пограничных столкновений, концентрации войск и присутствия мощной группировки военно-морских сил западных союзников в Адриатике полёты американской авиации над югославской территорией были фактором сильного психологического давления на Белград. После утверждения в стране власти коммуниста Тито «игра мускулами» в отношении ФНРЮ стала неотъемлемой частью политики США. В 1946–1947 гг. Югославия воспринималась Соединёнными Штатами как государство, находящееся во власти режима, подконтрольного Кремлю. В доминировании силового фактора в югославской политике коренилось стремление Вашингтона сдерживать распространение советского влияния на подступах к средиземноморским коммуникациям.

Однако картина не была столь однозначной. На поверхности находилось тесное сотрудничество Москвы и Белграда и острые америка-

но-югославские противоречия. Но ни советская, ни американская политика в отношении Югославии не были статичными. В 1944–1947 гг. югославские коммунисты окончательно утвердили свою власть и из военно-политической силы, выступавшей в процессе освобождения страны от оккупантов за радикальные социально-экономические преобразования, трансформировались в окрепший политический режим, стремящийся к проведению активной самостоятельной политики на Балканах. Вдобавок к этому менялась международная обстановка: советско-американское сотрудничество военного времени постепенно уступало место глобальному соперничеству двух держав.

По мере укрепления позиций КПЮ в стране Тито всё чаще предпринимал действия, расходившиеся с интересами и позицией Москвы. Утверждение власти нового режима сопровождалось предъявлением территориальных требований практически всем соседним странам. Национально-территориальный вопрос был одним из главных в «пороховом погребе Европы» со времён получения балканскими государствами независимости от Османской империи и после распада Австро-Венгерской монархии. Он стал причиной Балканских войн и поводом к началу Первой мировой. В годы Второй мировой войны Югославия была оккупирована и расчленена нацистской Германией и её союзниками, что после победы антигитлеровской коалиции давало Белграду право предъявить территориальные требования Италии и Австрии. Нерешённым оставался македонский вопрос, касавшийся Болгарии и Греции. Уверенности КПЮ добавлял пример Москвы, сумевшей в ходе событий 1939–1940 гг. и в процессе Ялтинско-Потсдамского урегулирования расширить территорию СССР.

Но планы югославского лидера не всегда устраивали Сталина, не желавшего ставить на одну ступень с собой коминтерновского выдвиженца Тито. Триестский вопрос грозил Москве очередным столкновением с союзниками, что во время обсуждения польского и других вопросов было лишним для Советского Союза. Сдержанная позиция Кремля во время майского кризиса 1945 г. вокруг Триеста была первым признаком того, что Сталин не будет безоговорочно поддерживать любые внешнеполитические устремления югославских коммунистов. Дальнейшее развитие триестской проблемы стало тому подтверждением.

В обстановке гражданской войны в соседней Греции Югославия стремилась укрепить свои военно-политические и экономические отно-

шения с Болгарией и Албанией. 9 июня 1946 г. ФНРЮ подписала с Народной Республикой Албания Договор о дружбе и взаимопомощи. 7 августа 1947 г. был опубликован официальный протокол об итогах югославо-болгарских переговоров, результатом которых явилось уточнение Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между двумя странами. К удивлению Белграда и Софии, Москва неодобрительно отнеслась к их действиям. Причину этого нельзя искать только в столкновении амбиций советского и югославского лидеров. Обнародование Договора вызвало однозначно негативную реакцию Вашингтона – он рассматривал эти договорённости как угрозу миру на Балканах и западным позициям в Греции. Американские обозреватели предполагали, что на переговорах обсуждались вопросы создания автономного македонского государства, что влекло за собой отторжение ряда греческих территорий¹⁵⁷.

На ход гражданской войны в Греции не могло не воздействовать усиление югославского влияния в соседней Албании. Белград добивался корреляции албанского плана экономического развития с югославским, направлял в Албанию своих советников и специалистов, стремился исключить прямые контакты Тираны с Москвой. Наконец, Тито принял опасное с точки зрения Москвы решение об отправке в Албанию югославской дивизии для защиты её от возможного вторжения греческих «монархофашистов», что могло спровоцировать ответные действия правительственных войск Греции, получавших помощь от Соединённых Штатов.

Стремление Тито утвердить своё лидерство на Балканах путём осуществления «покровительства» над Тираной и включения Болгарии в югославскую федерацию в качестве седьмой республики вызывало недовольство Сталина. Предпосылки советско-югославского конфликта изучены в современной отечественной историографии, в первую очередь А. С. Аникеевым и Л. Я. Гибианским¹⁵⁸. Не исключая личностного фактора назревавшего конфликта, следует подчеркнуть вполне объективные причины негодования Кремля. Доктрина Трумэна демонстрировала готовность Вашингтона защищать западные интересы на подступах к Восточному Средиземноморью и Ближнему Востоку. Излишняя – для Советского Союза – активность югославов могла повлечь за собой столкновение СССР и США. Достижение выгодного Москве исхода гражданской войны в Греции требовало согласованных действий греческих, ал-

банских, югославских, болгарских и советских коммунистов при руководящей роли одного центра, коим, по мысли Сталина, мог быть исключительно Кремль. Самостоятельность Белграда не только ставила под сомнение успех «греческой кампании» и лишней раз провоцировала вооружённое столкновение на Балканах, но и создавала опасность американского противодействия советским интересам в других регионах.

Поэтому югославская политика СССР не была неизменна на протяжении 1944–1947 гг. Она эволюционировала от поддержки партизанского движения Тито и затем тесного сотрудничества с ФНРЮ к более сдержанному отношению к новому югославскому режиму. Правда, апогей этой трансформации пришёлся уже на последующий период 1948–1949 гг., когда замечания и рекомендации Москвы в адрес Белграда вылились в острую критику КПЮ в Коминформе и прекращение действия Договора о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве¹⁵⁹.

Изменения в американской политике в отношении ФНРЮ произошли уже после появления резолюции Коминформа «О положении в Коммунистической партии Югославии»¹⁶⁰. На протяжении 1944–1947 гг. Соединённые Штаты относились к югославским коммунистам с осторожностью, обвиняли режим Тито в нарушении гражданских прав и свобод и требовали компенсации за национализацию американской собственности. ФНРЮ рассматривалась в качестве форпоста политики Кремля на Балканах. Отношения Вашингтона и Белграда носили напряжённый характер. Югославское направление политики США формировалось в рамках отношения к СССР и было тесно связано с греческой проблемой. Однако уже в этот период были заложены предпосылки для последовавшей после советско-югославского конфликта активизации отношений между США и ФНРЮ. Речь идёт об американской помощи, необходимой для восстановления разрушенной в годы войны Югославии – помощи, размеры которой показывали Белграду силу и возможности Соединённых Штатов.

Финансово-экономическую составляющую политики СССР и США в отношении ФНРЮ позволяют проследить аналитические справки, объединённые в папку «Внешняя торговля и экономические связи Югославии», которые были подготовлены в период октября – декабря 1948 г. вторым секретарём Отдела балканских стран МИД СССР А. Голиченковым¹⁶¹. Появление 64-страничной «записки Голиченкова» было обусловлено углублявшимся расколом между ВКП(б) и КПЮ, что не могло не сказаться

на отношении автора к Югославии. Между тем эти материалы не предназначались для широкой общественности, поэтому они не содержали фактов и выводов, негативно характеризующих лидера югославских коммунистов. Папка не содержит пропагандистских клише, порождённых принятой годом позже второй резолюцией Коминформа, уже само название которой – «Югославская компартия во власти убийц и шпионов»¹⁶² – говорило о многом. Можно с уверенностью полагать, что «записка Голиченкова» содержит близкие к действительности статистические данные, не искажённые из-за продолжавшегося ухудшения советско-югославских отношений.

Характеризуя американско-югославские торговые связи, Голиченков констатировал, что «до последнего времени между Югославией и США не было соглашений ни о торговом, ни об экономическом сотрудничестве. Американцы проводили враждебную политику по отношению к Югославии и оказывали на неё всяческое давление»¹⁶³. Второй секретарь Отдела балканских стран был прав. Причина существовавшей напряжённости заключалась в неприятии Соединёнными Штатами режима И. Броза Тито. В сообщении от 25 января 1946 г. американское посольство в Белграде рекомендовало Государственному департаменту «при экономическом или финансовом планировании рассматривать Югославию в тех же категориях, что и Россию»¹⁶⁴.

Результатом был крайне незначительный удельный вес США во внешнеторговых связях Югославии в 1946–1947 гг. Американские показатели были мизерными и значительно уступали доле СССР во внешней торговле ФНРЮ. Так, если югославский экспорт в СССР в 1946 г. составлял 23 882 тыс. долл. (31,41% от всего югославского экспорта), а в 1947 г. – 28 796 тыс. долл. (16,58%), то размеры экспорта ФНРЮ в Соединённые Штаты в эти годы достигли всего 1292 тыс. долл. (1,70%) и 3 502 тыс. долл. (2,02%) соответственно. Импорт из СССР в Югославию составлял 17 145 тыс. долл. (34,98%) в 1946 г. и 112 229 тыс. долл. (45,79%) в 1947 г. Югославский импорт из США не превышал 719 тыс. долл. (1,47%) в 1946 г. и 6 842 тыс. долл. (2,79%) в следующем году¹⁶⁵. Безоговорочно главным внешнеторговым партнёром Белграда была Москва.

Голиченков, не имевший в отличие от своих американских коллег возможности рекомендовать что-либо своему руководству, по результатам сопоставления статистических сведений «заметил», что если экспорт Югославии в СССР в 1947 г. увеличился по сравнению с 1946 г. на 21%, а в страны народной демократии на 186,7%, то во все остальные

(т. е. капиталистические) страны за этот период он возрос более чем в 6 раз¹⁶⁶. Второй секретарь Отдела балканских стран искусственно драматизировал ситуацию, так как объёмы торговли Югославии с СССР и странами народной демократии в любом случае намного превышали объёмы американско-югославского торгового оборота. При этом Голиченков упустил другой, не менее значимый фактор. Наличие внешнеторговых связей было необходимо новому югославскому режиму, но ещё более необходимой была финансовая помощь. Для подъёма разрушенной войной экономики, строительства предприятий и укрепления страны официально Белграду требовались значительные средства, а советская модель была основана на перекачке ресурсов из сельского хозяйства в промышленность и «беспрецедентном энтузиазме строителей коммунизма». СССР в тот момент сам нуждался в финансовой помощи.

8 июня 1946 г. было подписано соглашение о предоставлении Югославии советского товарного кредита в размере 9 млн долл. сроком на 6 лет. 25 июля 1947 г. Советский Союз обязался в 1948–1953 гг. поставить ФНРЮ в кредит промышленное оборудование и оказать ей техническую помощь при строительстве предприятий в размере 135 млн долл. сроком на 7 лет¹⁶⁷. Отсутствие у СССР свободных финансовых средств для оказания необходимой Югославии помощи компенсировалось предоставлением югославской армии вооружения и имущества на сумму 746,2 млн рублей по внутренним ценам СССР 1945 г. без учёта износа и амортизации. После разрыва отношений, учитывая факт совместных боевых действий, взаимопомощь и уже уплаченные суммы, а также амортизацию, так как некоторое переданное югославам вооружение уже было в эксплуатации и имело износ, сумма требований Советского Союза к Югославии составила 276,2 млн рублей в пересчёте на согласованные цены¹⁶⁸.

Однако после войны югославы в первую очередь нуждались не в вооружении и не только в промышленном оборудовании. Первую строку потребностей составляли продовольствие и предметы первой необходимости. Для многих в Югославии главным вопросом в 1945–1947 гг. был вопрос выживания. Несмотря на незначительный объём торговых связей и напряжённый характер политических отношений, именно Вашингтон оказал ФНРЮ необходимую помощь. Американские поставки в Югославию осуществляла Администрация помощи и восстановления Объединённых Наций (ЮНРПА).

Эта организация была учреждена по инициативе США 44 государствами-членами ООН 9 ноября 1943 г. для восстановления освобожденных районов. Более половины всех средств этой организации поступило от США, три её генеральных директора были американцами. Подобно ленд-лизу, институт Администрации помощи и восстановления позволял Вашингтону сочетать либеральные принципы Атлантической хартии и продвижение интересов американского бизнеса. Кроме того, механизм ЮНРПА давал американцам возможность вести разведывательную и подрывную деятельность в Югославии. Использование американской разведкой аппарата этой организации было настолько широким, что в 1946 г. югославские власти были вынуждены арестовать 10 работников ЮНРПА за разведывательно-подрывную работу в стране¹⁶⁹. 30 июня 1947 г. Администрация помощи и восстановления прекратила свою деятельность в Европе, уступив место новому инструменту реализации американских интересов – Европейской программе восстановления, известной как план Маршалла.

Помощь со стороны США, осуществлявшаяся по каналам ЮНРПА, была жизненно необходима народам Югославии, перенёвшим разрушения военного времени, когда было уничтожено около 40 процентов довоенного производственного потенциала и инфраструктуры страны¹⁷⁰. Препятствуя расширению югославской торговли с Соединёнными Штатами, но не имея возможности самостоятельно оказать ФНРЮ необходимую помощь, Москва считала возможным через подструктуру ООН использовать американский экономический потенциал для поддержания нового югославского режима.

Советский руководитель миссии ЮНРПА в Югославии Михаил Сергейчик в заявлении, сделанном в Белграде 22 июля 1945 г., поддержал югославскую просьбу увеличить продовольственные поставки, адресованную Объединенному управлению распределения помощи в Вашингтоне: «Если бы члены Объединенного управления распределения помощи провели день в Югославии, они расширили бы поставки, которые в настоящее время находятся на неадекватно низком уровне. Они поняли бы, что сокращение цифр в Вашингтоне означает увеличение показателя смертности в Европе. Многие беженцы, которые умерли и похоронены на обочинах дорог в Югославии, стали жертвами не столько войны, сколько невыполненного обещания, сделанного Югославии. Народ Югославии живёт на одном хлебе и траве, и, если помощь не прибудет до снега, умрут тысячи»¹⁷¹.

Призыв расширить помощь югославскому народу был услышан в Вашингтоне. Ещё со времени освобождения Югославии Соединённые Штаты стремились к расширению экономических связей с этой страной. 6 апреля 1945 г. в Москве состоялась беседа И. Шубашича, тогда занимавшего пост министра иностранных дел в коалиционном правительстве Тито, с советским наркомом В. М. Молотовым. Бывший глава эмигрантского королевского правительства сообщил, что вскоре в США выедут югославские экономисты, которые будут обсуждать размеры американских поставок в Югославию по ленд-лизу и в рамках деятельности ЮНРПА. Шубашич заявил, что «американцы имеют очень большие аппетиты по отношению к Югославии». Молотов в ответ ограничился краткой репликой: «Неограниченные»¹⁷².

Соединённые Штаты обладали огромными финансовыми возможностями и не упускали случая воспользоваться ими для реализации своих интересов. В июльском номере журнала «Форин Аффэрз» за 1947 г. Джордж Ф. Кеннан под псевдонимом «Х» опубликовал статью «Истоки советского поведения». В ней подчёркивалась необходимость демонстрации всему миру американской мощи¹⁷³. Ещё 20 июня 1947 г. правительству Греции для борьбы с повстанцами-коммунистами Вашингтон в рамках реализации доктрины Трумэна выделил 300 млн долл. Выделение значительных сумм Греции и Турции имело целью не только оказание помощи правительствам этих стран для борьбы с «коммунистической угрозой», но и показывало другим государствам, среди которых была и соседняя Югославия, готовность Америки противостоять коммунизму, используя при этом всю её мощь, в том числе и экономическую.

В финансово-экономическом отношении силы двух конкурентов в борьбе за мировое лидерство были не равны. Размеры советской помощи Белграду уступали объёмам американских поставок. Во время выступления на съезде Антифашистского фронта женщин (АФЖ)¹⁷⁴ в Загребе 29 октября 1950 г., уже после конфликта со Сталиным, Тито с благодарностью говорил о помощи, оказываемой в то время американским правительством: «Следует сказать, что мы от него и раньше получали помощь. Кто фактически больше всего помогал Югославии после войны? Мы получили от ЮНРПА продовольствия, машин и др. на сумму 430 млн долл., но в этой помощи главную роль играла Америка»¹⁷⁵.

На деле за период действия программы помощи Югославии с апреля 1945 г. до июня 1947 г. общая сумма, выделенная ЮНРПА, достигла

415,6 млн долл., что составило 1/5 всего бюджета этой организации, формировавшегося в основном за счёт американских вложений. ФНРЮ получила самую большую долю по сравнению с другими европейскими странами¹⁷⁶. Американские поставки составляли 72% общего количества средств, выделенных ЮНППА, или 298,1 млн долл.¹⁷⁷

Все эти данные показывают, что американцы оказывали поддержку послевоенной Югославии задолго до конфликта в Коминформе и в размерах, превышающих помощь со стороны Советского Союза, – как минимум 298,1 млн долл. против 144 млн. После окончания войны СССР, завоевавший авторитет в странах Восточной Европы благодаря победе над фашизмом, столкнулся с необходимостью сохранения своего имиджа могущественного и великодушного покровителя в деле возрождения восточноевропейских государств, разрушенных войной. Но Советский Союз сам нуждался в такой помощи, поэтому ему было крайне не просто выиграть в конкурентной борьбе с финансовой мощью и экономическим потенциалом Соединённых Штатов. В результате в 1945–1947 гг., когда шло активное советско-югославское сотрудничество, а отношения ФНРЮ и США носили крайне напряжённый характер, американцам удавалось довольно активно использовать своё финансовое превосходство, оказывая на Югославию экономическое давление. С одной стороны, в 1945 – первой половине 1946 г. оказание полномасштабной финансово-экономической помощи Вашингтон обуславливал выполнением «соглашения Тито – Шубашича», безрезультатно пытаясь добиться либерализации политического режима в Югославии. С другой стороны, даже когда утверждение коммунистов у власти и просоветская ориентация режима Тито перестали вызывать сомнения, американцы во второй половине 1946 – 1947 гг. продолжили финансово-экономические вливания в восстановление разрушенной страны, демонстрируя Белграду возможности Америки. Оказанная в соответствии с доктриной Трумэна финансовая и материальная поддержка соседней Греции показывала Белграду не только опасность и, возможно, безрезультатность вмешательства соседних коммунистических стран в греческую гражданскую войну, но и заставляла размышлять о том, какую помощь в условиях складывающегося противостояния СССР и США может получить от Соединённых Штатов страна, отказавшаяся подчиняться диктату Кремля. Если в 1945 г. расчёт югославских коммунистов на финансовые и материально-технические выгоды от сотруд-

ничества с такой капиталистической державой, как Соединённые Штаты, вряд ли мог иметь место, то к концу 1947 г., по мере накопления противоречий между Белградом и Москвой, в существовании подобных надежд сомневаться уже не приходилось.

Таким образом, политика СССР и США в отношении Югославии в 1944–1947 гг., несмотря на кажущуюся очевидность ожидаемых от Москвы и Вашингтона подходов, не была однозначной. На поверхности лежали поддержка югославских коммунистов со стороны Кремля и неприятие их режима американцами. На деле в советско-югославских отношениях постепенно начиналось охлаждение, всё чаще возникали трения и недопонимание. Коммунист Тито, пришедший к власти в ходе длительной и тяжёлой борьбы с оккупантами, считал возможным проведение политики, отличающейся от линии Москвы. Сталин не мог допустить подобной «инициативности», особенно в регионе, где пролегалла линия размежевания между двумя формировавшимися блоками. По мере увеличения «неуправляемости» Белграда тон Кремля становился всё жёстче. Политика США в Югославии, после прихода коммунистов к власти в этой стране, соответствовала генеральному курсу отношения к СССР. Её трансформация выразилась в генезисе «политики сдерживания», одной из составляющих которой была, по совету Дж. Кеннана, демонстрация мощи и возможностей Соединённых Штатов. В случае с Югославией это выразилось в оказании значительной помощи в восстановлении страны и в принятии доктрины Трумэна, оказавшей ключевое воздействие на развитие ситуации в соседней Греции.

3.1.3. Греческий вопрос в политике Москвы и Вашингтона

Эволюция политики Советского Союза и Соединённых Штатов на Балканах в 1944–1947 гг. проявилась и в их отношениях с Грецией.

В октябре 1944 г. Германия начала эвакуацию своих войск из Греции, одновременно в страну вступили британские войска во главе с генерал-лейтенантом Р. Скоби. Последний немецкий солдат оставил территорию страны 10 ноября 1944 г. Проводником британских интересов в Греции должно было стать правительство национального единства во главе с Г. Папандреу, которое 18 октября возвратилось из эмиграции. Власть этого правительства распространялась, по сути, лишь

на столичный район Афины – порт Пирей, остальные территории страны контролировали ЭАМ и ЭЛАС¹⁷⁸.

Соперничество между ЭАМ и Папандреу закончилось кровью. Демонстрация на площади Конституции 3 декабря 1944 г. была расстреляна полицией¹⁷⁹. Афинская трагедия вызвала взрыв возмущения в рядах левых сил¹⁸⁰. Уже в конце дня войска ЭЛАС появились в предместье Афин. ЭАМ объявил правительство Папандреу незаконным¹⁸¹. В конфликт вмешались английские войска.

Соединённые Штаты в этой ситуации продолжали придерживаться политики невовлечения. 4 декабря левая греческая пресса напечатала сообщение, в котором говорилось, что американский посол Маквей выступил против британского вмешательства в греческие дела. На следующий день Маквей официально опроверг этот факт. В телеграмме госсекретарю он отмечал, что делает все возможное, чтобы избежать прямого участия в политических процессах в Греции, а также не смущать англичан, учитывая чрезвычайную деликатность обстоятельств¹⁸².

Наиболее удачная характеристика официальной позиции, занятой Вашингтоном во время декабрьского кризиса 1944 г., принадлежит, по-видимому, английскому политическому советнику верховного союзного главнокомандующего в Средиземноморье Г. Макмиллану – «недружественный нейтралитет»¹⁸³. 5 декабря США подвергли критике британскую интервенцию в Греции. Заявление Э. Стеттиниуса, нового госсекретаря, которое формально относилось к ситуации в Италии, интерпретировалось в прессе, а в дальнейшем и в историографии как скрытая критика британской политики в Греции¹⁸⁴. В заявлении говорилось, что итальянцы должны решить проблему их правительства самостоятельно на демократической основе «без влияния извне»¹⁸⁵.

Американские средства массовой информации развернули кампанию критики действий англичан. Нарастание осуждения англичан в прессе побудило Стеттиниуса сделать 7 декабря новое заявление, в котором он высказался в поддержку той части речи Черчилля в Палате общин от 5 декабря, где тот говорил о праве греков самостоятельно выбрать форму правления. Однако глава Госдепартамента не комментировал остальную часть выступления премьер-министра, где шла речь, в частности, о необходимости поддерживать порядок в Греции, в том числе и силой оружия¹⁸⁶. Вопреки намерениям дипломатов, агентство «Ассошиэтед Пресс» интерпретировало это заявление как новый вы-

пад в сторону британской политики, и напряжение в англо-американских отношениях увеличилось, а не уменьшилось¹⁸⁷. В тот же день сенатор от штата Алабама Л. Хилл выступил на заседании верхней палаты Конгресса с поддержкой заявления Стеттиниуса. Подчёркивалось, что греческий народ имеет право самостоятельно определить форму правительства без всякого иностранного вмешательства. Любая такая попытка являлась бы грубым нарушением одного из фундаментальных прав греков¹⁸⁸. Личное отношение президента Рузвельта к британским действиям в Греции также было негативным¹⁸⁹.

12 декабря в радиопередаче «Голоса Америки» было передано заявление Госдепартамента: «“Голос Америки” уполномочен ещё раз подтвердить, что политика Соединённых Штатов неизменно основывается на невмешательстве во внутренние дела других наций... Если военная безопасность союзнических армий не находится под угрозой, Соединённые Штаты не сделают никакой попытки повлиять на состав любого правительства в любой дружественной стране. Американцы, естественно, смотрят с симпатией на стремления движений Сопротивления и антифашистских элементов в освобождённых странах»¹⁹⁰.

13 декабря Стеттиниус направил Рузвельту меморандум с анализом ситуации в Греции. В качестве причин «вооружённого столкновения» в Афинах были названы недоверие ЭАМ к правительству Папандреу, а также желание его лидеров получить свою долю власти. Роль детонатора сыграл расстрел греческими полицейскими демонстрации, отмечал Стеттиниус. Он также подчёркивал, что «серьёзный поворот дела последовал из-за произвольного вето Черчилля на отставку Папандреу, которое сделало невозможными дальнейшие политические переговоры». Отмечалась и крайне негативная реакция общественного мнения на действия англичан. Госдепартамент пришёл к выводу, что кризис может быть значительно ослаблен, если Георгиос согласится на учреждение регентства и сделает заявление о том, что не возвратится в страну без предварительного положительного решения плебисцита¹⁹¹.

В послании Рузвельта Черчиллю от 13 декабря была изложена американская программа урегулирования ситуации в Греции. Президент писал, что не имеет возможности игнорировать общественные настроения и поэтому не вправе поддерживать британскую политику. На правах «лояльного друга и союзника» президент предлагал, чтобы король одобрил учреждение регентства в Греции и сделал публичное

заявление о намерении не возвращаться до тех пор, пока не будет положительного результата всенародного плебисцита по его вопросу. Этот шаг будет особенно эффективным, считал глава американской администрации, если он будет приурочен к некой точной дате. Также предлагалось заключить соглашение о разоружении и роспуске всех вооружённых групп. Имелось в виду, что общественный порядок будут обеспечивать британские войска, «пока греческие национальные силы не будут воссозданы на беспартийной основе и соответствующим образом снабжены»¹⁹².

В меморандуме, подготовленном в ближневосточном отделе Госдепартамента 19 декабря, об американской позиции говорилось: «Правительство США даёт ясно понять, что оно не солидаризируется с британской политикой вмешательства во внутренние дела Греции и с попытками сформировать и поддержать ориентированное на Великобританию греческое правительство, что было, в частности, отражено в заявлении госсекретаря от 5 и 7 декабря в отношении освобождённых стран... Те немногие американские офицеры, которые находятся в Греции, уполномочены заниматься исключительно вопросами оказания помощи по линии ЮНРРА»¹⁹³.

28 декабря американский президент направил послание королю Георгиосу с одобрением идеи регентства и предложением приурочить выборы «к конкретной дате»¹⁹⁴. Регентом по предложению Лондона стал архиепископ Афин Дамаскинос. 31 декабря, на краткой церемонии, посещённой американским послом Маквеем, Дамаскинос принял присягу в качестве регента¹⁹⁵. В ночь с 4 на 5 января 1945 г. ЭЛАС вынужден был начать отвод войск из области Афины – порт Пирей.

События декабря 1944 – января 1945 гг. западные авторы именуют «вторым раундом» гражданской войны. По мнению американского историка Р. Фрейзера, декабрь 1944 г. стал самой низкой точкой в англо-американских отношениях относительно Греции¹⁹⁶, когда явно проявилось возрастание роли Вашингтона на Балканах. Лондон уже допускал возможность участия США в греческих делах. Правда, сами американцы ещё не были готовы к масштабному вовлечению.

Внутриполитическая и экономическая ситуация в Греции в начале 1945 г. оставалась очень напряжённой. Попыткой урегулирования конфликта стало заключение Варкизского соглашения 12 февраля 1945 г. В соответствии с ним отряды Национальной народно-освободительной

армии (ЭЛАС), которую контролировали греческие коммунисты, обязывались разоружиться и самораспуститься. Греческое правительство обещало амнистировать политических заключённых, очистить полицию и армию от лиц, которые сотрудничали с оккупантами, провести плебисцит и выборы¹⁹⁷. Фактически же правительства Н. Пластираса и П. Вулгариса не выполняли достигнутое соглашение и, главное, не смогли воспрепятствовать наводнению государственного аппарата крайне правыми элементами.

Соединённые Штаты в начале 1945 г. ещё придерживались политики невмешательства. Последовательным приверженцем этого курса был президент Рузвельт. Однако после прихода к власти Г. Трумэна США все больше втягивались и во внутригреческие процессы. Госдепартамент 20 августа официально объявил, что Соединённые Штаты направят комиссию для наблюдения за греческими выборами¹⁹⁸. Это решение можно расценивать как один из явных симптомов формирования новой американской политики.

В меморандуме «Греция» от 29 июня, который был подготовлен для американской делегации, направлявшейся для участия в Потсдамской конференции, перечислялись основные интересы США в этой стране – главным образом в экономической и гуманитарной областях. В документе прямо говорилось, что традиционная американская политика должна быть пересмотрена. Греции как малой нации следует гарантировать право выбора формы государственного правления мирным и демократичным путём. Отмечалось, что решение этой задачи требует экономической стабильности и американцы не должны уклоняться от помощи в деле возрождения экономического здоровья Греции.

Формулировались основные направления американской политики. Во-первых, участие в контроле демократических выборов в Учредительное собрание и плебисцита по вопросу о форме правления. По этому поводу выражалось убеждение, что «республиканская форма правления предлагает больше возможностей для мирного будущего, чем реставрация монархии».

Во-вторых, помощь в экономической реконструкции и развитии страны и её ресурсов, включая торговый флот, в возрождении внешней торговли. Помощь по линии ЮНРРА уже признавалась недостаточной и говорилось о необходимости сделать доступными для Греции кредиты, в том числе через Экспортно-импортный банк.

В-третьих, говорилось о необходимости поощрять Грецию к возможно быстрому восстановлению и развитию хороших отношений с её соседями, «поддерживая уменьшение или уничтожение коммерческих, финансовых, социальных и культурных барьеров». Подчёркивалось, что «ситуация, при которой страны британского доминирования Греция и Турция (и, возможно, Албания) окажутся изолированными в экономическом и политическом отношении от группы славянских соседей на севере, где возобладают русские, станет реальной угрозой миру во всем мире»¹⁹⁹.

Летом 1945 г. между США и Великобританией ещё сохранялись разногласия по греческому вопросу. Так, Вашингтон выступил против проведения плебисцита раньше выборов. Черчилль категорически возражал против такой последовательности. Только поражение консерваторов на выборах в июле 1945 г. и приход к власти лейбористского правительства К. Эттли позволили Лондону и Вашингтону найти взаимопонимание. Англичане пошли на уступки американцам и согласились на проведение выборов раньше плебисцита²⁰⁰.

Осенью американский посол в Греции по просьбе англичан был проинструктирован провести переговоры с греческими политиками с целью побудить их к сотрудничеству во время выборов²⁰¹. «Убеждали» всех, кроме коммунистов и их союзников²⁰².

20 октября Трумэн назначил Генри Грейди, с 1939 по 1941 г. занимавшего пост помощника госсекретаря, руководителем специальной миссии по наблюдению за греческими выборами в ранге посла²⁰³. Грейди 27 ноября прибыл в Афины. Участие в миссии высокопоставленных американских чиновников свидетельствует о том, что в Вашингтоне придавали ей важное значение. 14 января 1946 г. Госдепартамент выпустил пресс-релиз о миссии и её составе. Гражданский штат делегации американских наблюдателей состоял примерно из 80 человек, военный — из 500 человек²⁰⁴.

Таким образом, в 1945 г. Соединённые Штаты переходят к масштабному участию в греческих делах, постепенно начиная теснить англичан. Г. Райан обоснованно указывает, что именно тогда правительство Соединённых Штатов «перестало быть преимущественно заинтересованным зрителем и превратилось в главного участника»²⁰⁵.

Внутриполитическая ситуация в Греции в преддверии выборов оставалась крайне напряжённой. Как отмечает Л. Уиттнер, Ф. Софулис,

которому было уже 83 года, не мог эффективно управлять страной в условиях резкой политической поляризации. Его правительство оказалось неспособно обуздать правых. Левые и большая часть центристов требовали отложить выборы. Это требование было поддержано Софулисом, который отмечал, что «психологическое давление и насилие» со стороны правых делает невозможным «настоящее выражение желания народа»²⁰⁶. Однако Лондон высказался против переноса даты выборов²⁰⁷. 19 марта госсекретарь Дж. Бирнс также выступил в прессе с заявлением о желательности соблюдения ранее установленного срока – 31 марта. Любая задержка, по его мнению, негативно влияла бы на состояние греческой экономики²⁰⁸. Позиция Лондона и Вашингтона, безусловно, была учтена при решении греческого премьер-министра не переносить день всенародного голосования.

Выборы состоялись 31 марта и закончились победой правых сил. Левые выборы бойкотировали. Наибольшее количество голосов собрала правая роялистская Народная партия, которая получила 206 мест в парламенте из 354. Либеральная партия потерпела поражение. 11 апреля было обнародовано заявление Союзнической миссии по наблюдению за выборами, в котором признавалась их законность²⁰⁹.

Формирование крайне правого правительства во главе с лидером Народной партии К. Цалдарисом ещё более обострило противостояние левых и правых, столкновения которых все чаще стали приобретать характер вооруженной борьбы. Фактически с лета 1946 г. в стране возобновляется гражданская война.

Позиция официального Вашингтона после выборов была сформулирована в телеграмме госсекретаря Бирнса на имя временного поверенного в делах США в Греции К. Рэнкина от 5 апреля. В ней говорилось о необходимости создания широкого коалиционного правительства и сохранения за архиепископом Дамаскиносом полномочий регента, а также недопустимости раннего проведения плебисцита по вопросу о возвращении короля. Бирнс подчеркнул, что Госдепартамент считает нежелательными широкие общественные дебаты по этому поводу ранее весны 1947 г.²¹⁰ США советовали греческому правительству отложить решение конституционной проблемы и сосредоточиться на экономических вопросах²¹¹.

Вопреки позиции англичан и американцев Цалдарис выступил за проведение плебисцита не позднее сентября 1946 г. Уже в апреле

Лондон дал понять американцам о своей готовности согласиться с главой греческого правительства. В Париже, где проходила вторая сессия Совета министров иностранных дел, глава Форин офиса Э. Бевин во время беседы с политическим советником делегации США в СМВД Ф. Мэттьюсом 27 апреля отметил, что по погодным условиям плебисцит может быть проведён либо в сентябре 1946 г., либо только в марте 1947 г. В связи с намеченным на осень выводом британских войск из Греции он склоняется к мысли о предпочтительности сентября. Бевин высказал опасения, что результаты голосования, организованного после вывода британских войск, могут быть сфальсифицированы, а в случае победы монархистов левые начнут гражданскую войну²¹². Он также отметил, что организации общенационального опроса должно предшествовать выполнение греческим правительством двух условий: проверки имеющихся избирательных списков и выполнения Афинами финансового и экономического соглашения, заключённого в Лондоне в январе 1946 г.²¹³ 29 апреля 1946 г. король Георгиос II сообщил госсекретарю о своём желании максимально ускорить организацию процесса всенародного волеизъявления²¹⁴.

6 мая Бирнс высказался за участие американских наблюдателей в контроле за пересмотром избирательных списков. Через несколько дней Трумэн одобрил эту инициативу. США также официально уведомили англичан, что они рассматривают осень 1946 г. как удовлетворительное время для проведения плебисцита²¹⁵. Подобные уступки со стороны американцев, которые незадолго до этого высказывались за решение королевского вопроса не ранее 1948 г., были во многом связаны с нарастающими противоречиями Востока и Запада²¹⁶. Поверенный в делах США в Греции Рэнкин предрекал лёгкую победу монарха, отмечая, что большинство избирателей воспринимают данное мероприятие в контексте дихотомии «национализм против коммунизма». Правые усердно доказывали грекам, что установление республиканского строя станет первым шагом к коммунистической диктатуре²¹⁷.

В августе США дали согласие принять участие в организации контроля за соблюдением законности при проведении голосования. С этой целью в Греции должны были работать 50 британских и 50 американских наблюдателей²¹⁸.

Плебисцит по королевскому вопросу состоялся 1 сентября 1946 г. 68% участвовавших в нем проголосовали за сохранение монархии.

Голосование проходило в условиях де-факто начавшейся гражданской войны. Американская миссия в своём докладе признала наличие значительных нарушений, однако при этом указывалось, что они не повлияли на результаты выборов²¹⁹. Д. Ачесон считал, что роялисты действительно выиграли, однако процент голосов за короля был преувеличен благодаря фальсификациям в его пользу²²⁰. 27 сентября 1946 г. король Георгиос II прибыл в Грецию.

Осенью США попытались оказать давление на греческое руководство с целью формирования правительства на широкой коалиционной основе. 11 октября состоялась встреча посла Маквея и короля Георгиоса. Американский дипломат настаивал на формировании правоцентристского кабинета, в который вошли бы все политические силы, кроме левых. Однако эта и другие попытки американцев не имели успеха²²¹.

Нарастание гражданского противостояния в Греции вызывало глубокую озабоченность в Вашингтоне. В октябре в недрах Госдепартамента был подготовлен меморандум, в котором говорилось о необходимости выработки новой американской политики. В документе, датированном 21 октября, перечислялись многочисленные факты, которые свидетельствовали о возрастании давления со стороны СССР: неоднократная постановка греческого вопроса в Совете безопасности ООН, многочисленные инциденты на границе Греции с Болгарией, Югославией и Албанией, нападки на правительство Греции в советской прессе, поддержка коммунистов внутри страны Советским Союзом и его сателлитами и т. д. В условиях внутренней нестабильности и экономической слабости создавалась угроза перехода Греции под контроль СССР, что, по мнению авторов меморандума, было крайне нежелательно, поскольку она оставалась единственной балканской страной, которая ещё не находилась в советской сфере влияния и наряду с Турцией создавала «препятствие установлению советского доминирования в Восточном Средиземноморье», которое считалось «областью огромной важности в экономическом и стратегическом плане». В Вашингтоне предполагали, что контроль над Грецией является лишь промежуточной целью Москвы, так как Советы после её захвата будут стремиться к дальнейшему расширению сферы своего влияния. Документ был одобрен госсекретарём²²². Наряду с подобными ему меморандумами, которые готовились американскими дипломатами и военными, он стал предтечей доктрины Трумэна марта 1947 г.

В 1945 г. возросло участие США в разрешении экономических проблем. Ещё в ноябре 1944 г. правительство Греции обратилось к США с просьбой о выделении кредита в 25 млн долл. для стабилизации национальной валюты (драхмы). Госдепартамент ответил отказом. По состоянию на март 1945 г. американская помощь составила 53 млн долл. в основном в виде товаров, поставленных в рамках ленд-лиза²²³.

С 1 апреля 1945 г. функции предоставления помощи грекам были переданы от британской миссии ЮНРРА. Сумма поставок ЮНРРА с 1 апреля 1945 по май 1947 гг. составила 416 252 800 долл., в том числе: затраты на закупку продовольствия – 186 344 800 долл., одежды – 40 250 000 долл., вложения в греческое сельское хозяйство – 58 374 000 долл., в индустриальное развитие – 53 935 000 долл. Доля США составила 312 млн долл. от общей помощи ЮНРРА Греции, в то время как другие члены ООН внесли 104 млн долл.²²⁴ Соединённые Штаты желали использовать помощь как инструмент содействия своим будущим интересам в экономической и политической сферах.

В начале 1945 г. англичане предложили создать объединённую англо-американскую экономическую и финансовую миссию в Греции²²⁵. Против предложения англичан выступил Маквей²²⁶. 20 марта временно исполняющий обязанности госсекретаря Дж. Грю официально отверг английское предложение. Госдепартамент согласился только на поддержание неофициального контакта с англичанами и греческим правительством по экономическим и финансовым проблемам²²⁷.

4 мая помощник госсекретаря У. Клейтон заверил греческого посла в США, что Вашингтон готов сотрудничать по экономическим вопросам. Правительство Соединённых Штатов, говорилось в письме, поощряет посещение американскими бизнесменами Греции. Клейтон не исключал и предоставления ей кредитов²²⁸.

Постоянно получая сообщения из посольства в Афинах о том, что работа ЮНРРА не оказывает существенного воздействия на вывод страны из экономического кризиса, Вашингтон приступил к подготовке сценариев более активного участия в решении экономических проблем. 2 июня 1945 г. Дж. Грю телеграфировал Маквею, что Госдепартамент «глубоко озабочен» ситуацией в Греции и готов помочь²²⁹. 22 сентября Д. Ачесон сообщил о готовности Экспортно-импортного банка удовлетворить просьбу греков о срочном выделении кредита в 25 млн долл. при условии предоставления конкретной программы расходов²³⁰.

Осенью экономическая ситуация продолжала ухудшаться. К 6 октября забастовки стали массовыми, предприятия останавливались. В Соединённых Штатах заинтересованно наблюдали за процессами, потрясавшими греческую экономику. 2 ноября госсекретарь телеграфировал Маквею, что предоставление кредитов должно осуществляться при условии наличия устойчивого экономического базиса. Вероятность же предоставления кредитов стране, где нет никакой финансовой и экономической стабильности, невелика²³¹.

Экономические трудности Греции были одним из факторов, влиявших на изменение политики США в отношении этой страны. В меморандуме директора Управления ближневосточных и африканских дел Госдепартамента Л. Гендерсона от 10 ноября говорилось о необходимости предпринять определённые шаги для улучшения обстановки. Слабая Греция, считал дипломат, будет постоянно находиться под угрозой агрессии со стороны её недружелюбных северных соседей. Гендерсон обращал внимание на невозможность посредством программы ЮНРПА вывести эту страну на путь устойчивого экономического роста. Кредиты, по его мнению, «имели бы только временный смягчающий эффект». В связи с этим предлагалось обратиться к греческому правительству с рекомендацией реализовать комплекс финансовых и экономических мер, которые должны были вывести экономику из глубокого кризиса. Среди них – меры по преодолению инфляции (установление твёрдых цен, контроль заработной платы, «реалистичная переоценка драхмы»), фискальные меры по увеличению наполняемости бюджета и ревизия расходов с целью экономии средств. Гендерсон отвергал необходимость ввода в Грецию американских воинских подразделений²³².

Госдепартамент направил предложения по Греции президенту. В них предлагалось независимо от Великобритании заявить о необходимости «строгой программы внутренней экономической стабилизации». Кредиты должны были предоставляться только в зависимости от успехов в восстановлении экономики. Отмечалось, что США должны предоставить технических экспертов для консультирования греческого правительства по финансовым и экономическим проблемам. Предложения были в целом одобрены Трумэном²³³.

Трумэн в мемуарах отмечает, что в 1945 г. он не поддерживал идею оказания существенной финансовой помощи Греции, надеясь, что

рекомендованная американцами программа стабилизации будет способствовать улучшению положения дел в стране²³⁴.

В декабре 1945 г. финансовая ситуация в Греции стала критической. 10 января 1946 г. США одобрили идею создания валютного комитета в составе греческого министра финансов, управляющего Банка Греции, а также американского и британского представителей с целью стабилизации курса драхмы и согласились участвовать в данном комитете. В документе говорилось о согласии на выделение Экспортно-импортным банком кредита в 25 млн долл.²³⁵ 15 января министру координации Э. Цудеросу был направлен меморандум с изложением позиции Вашингтона. В нем отмечалось, что решение о выделении 25 млн долл. демонстрирует серьезность намерений США помочь Греции в восстановлении экономики. При этом американское правительство признавало, что без стабилизации драхмы никакая программа экономического восстановления не может быть осуществлена. Дополнительная эмиссия драхмы допускалась только при условии единодушного одобрения членами комитета по контролю за денежным обращением. Правительство Соединённых Штатов было готово направить в Афины по просьбе правительства Греции опытных советников. Дальнейшая финансовая помощь зависела от эффективности политики по оздоровлению экономики страны²³⁶.

В июле 1946 г. премьер-министр Цалдарис, находясь в Париже на Сессии министров иностранных дел, провёл переговоры с американскими дипломатами и сообщил им пожелания греческого правительства по поводу финансовой помощи. Общая сумма запросов превысила 6 млрд долл.²³⁷ Во время беседы с госсекретарём Бирнсом Цалдарис просил и дальше оказывать помощь через Экспортно-импортный банк, а также принять в Вашингтоне греческую миссию для обсуждения экономических вопросов²³⁸.

1 августа греческая миссия прибыла в США. Просьбы Афин воспринимались в Вашингтоне очень осторожно. Американские специалисты неоднократно обращали внимание на нежелание греческого правительства принимать эффективные меры для борьбы с финансовыми проблемами. По их мнению, Афинам необходимо было срочно провести экономические, финансовые и налоговые реформы. Даже предоставленный в январе кредит в 25 млн долл. использовался греческим правительством крайне медленно и неэффективно²³⁹. В меморандуме

на имя президента Трумэна от 7 августа 1946 г. исполняющий обязанности госсекретаря Ачесон подчеркнул, что не следует выделять новых кредитов до тех пор, пока правительство Греции не примет адекватные меры для борьбы с кризисом²⁴⁰. В тот же день американский президент принял греческую экономическую миссию. Трумэн отметил, что любая помощь со стороны США может быть эффективной только в том случае, если будут приняты необходимые меры для стабилизации экономики²⁴¹. Пока же Греции предоставлялись только кредиты для покупки избыточной собственности США за границей²⁴². К ноябрю общая сумма американских кредитов достигла 60 млн долл.²⁴³

Американскими специалистами были подготовлены рекомендации для греческого правительства, которые включали стимулирование экспорта, сокращение правительственных расходов, разработку программы реконструкции и т. д.²⁴⁴

В октябре Вашингтон сообщил о решении направить в Грецию американскую экономическую миссию. В ноябре главой миссии был назначен Пол Портер. В связи с очень сложной обстановкой специалисты, вошедшие в эту группу, должны были постараться закончить работу уже к концу апреля 1947 г.²⁴⁵ В январе 1947 г. команда Портера прибыла в страну и приступила к работе.

Таким образом, с конца 1944 до начала 1947 г. американская политика претерпела радикальные перемены. От политики невмешательства Соединённые Штаты перешли к масштабной помощи и широкому участию во внутривнутриполитических и экономических делах Греции. Историк М. Амен выделил пять стадий политики администрации Трумэна между 1945–1949 гг. Первую из них – с апреля по ноябрь 1945 г. – он охарактеризовал как период, когда создавалась база для независимого американского присутствия за счёт расширения экономической помощи и консультирования греческого правительства. Вторая стадия (с ноября 1945 по июль 1946 г.), по мнению Амена, характеризовалась нарастанием неоимпериалистических тенденций в американской политике. Вашингтон все более активно оказывал неформальное влияние на греческое правительство. США постепенно отодвигали на задний план международные механизмы (например, ЮНРРА) и стремились дистанцироваться от англичан, проводя независимую политику. На третьей стадии (август 1946 – октябрь 1947 гг.) США вынуждены были отбросить неоимпериалистические методы и открыто принять на себя ответственность за ситуацию в

Греции. В октябре 1947 – конце 1949 г., на четвертой и пятой стадиях, США использовали колониальные методы с целью достижения военной победы над коммунистическими повстанцами²⁴⁶.

После октября 1944 г. США постепенно пришли к выводу о целесообразности вовлечения в политические процессы Греции с целью воздействия на её развитие в приемлемом для себя направлении. Важным элементом американского курса до середины 1945 г. было дистанцирование от политики Лондона. Соединённые Штаты, не заявляя открыто об имеющихся разногласиях, ясно давали понять, что не согласны с восстановлением прежних позиций Великобритании в Балкано-Средиземноморском регионе.

Однако во второй половине 1945 – начале 1947 г. ситуация изменилась. Недостаточно продуманная советская политика, которая в Вашингтоне и Лондоне воспринималась как экспансионистская, привела к сглаживанию основных англо-американских противоречий. Теперь в международных отношениях ключевым стало противостояние по линии Запад – Восток. У США появлялось все больше опасений по поводу заражения Греции «вирусом» коммунизма. В связи с этим американцы начали действовать уже вместе с англичанами, независимо, а затем и вопреки желаниям Москвы. Слабость Лондона и нараставшая, по оценкам американских аналитиков, угроза со стороны СССР и его сателлитов толкали к наращиванию масштабов помощи. Вашингтон достаточно быстро вынужден был перейти от неофициальных советов греческому правительству к полномасштабной поддержке. На Балканском полуострове в 1946 – начале 1947 г. все более очевидными становились симптомы зарождавшейся холодной войны. Именно ситуация в Греции подтолкнула в 1947 г. американскую администрацию к провозглашению доктрины Трумэна, которая стала одной из основ американской политики в годы холодной войны.

Как уже ранее говорилось, Москва в целом признавала Грецию сферой интересов Великобритании, что и было зафиксировано в «процентном соглашении» Черчилля и Сталина от 9 октября 1944 г.

Во время «второго раунда» гражданской войны (декабрь 1944 – январь 1945 гг.) советская пресса всячески избегала критики действий англичан. «Правда» информировала советских читателей о ситуации в Греции, опираясь на сообщения лондонского радио, агентств «Рейтер» и «Ассошиэйтед Пресс»²⁴⁷.

Однако Москва, не допуская прежних выпадов против политики Лондона, не собиралась её одобрять ни в какой форме. В декабре 1944 г. поверенный в делах Великобритании в Москве Дж. Бальфур регулярно информировал советскую сторону о ситуации в Греции, интерпретируя её с точки зрения англичан. В НКВД возник вопрос, стоит ли отвечать на письма Бальфура. Первоначально был подготовлен формальный текст, подтверждающий получение информации. Однако заведующий отделом НКВД К. В. Новиков выступил против даже такого ответа, полагая, что любой нейтральный жест Лондон может истолковать как косвенное одобрение занятой им позиции в период греческого кризиса²⁴⁸.

Советский Союз был готов и дальше признавать Грецию сферой влияния западных держав, однако стремился извлечь из этого признания максимальные дивиденды. На Ялтинской конференции Сталин дал понять Великобритании и США, что не собирается вмешиваться в греческие дела и критиковать британские действия в этой стране. Взамен он ожидал от западных союзников гарантии «свободы рук» для Москвы в Болгарии, Румынии и Польше²⁴⁹. Однако ни Лондон, ни Вашингтон явно не были готовы к подобной сделке. Не случайно вскоре позиция СССР стала претерпевать изменения. Со второй половины февраля 1945 г. на страницах советских газет вновь начинает появляться критика действий пробританского правительства в Греции²⁵⁰. Оценки советских СМИ уже в марте 1945 г. во многом совпадали с оценками КПГ. В апреле «Правда» обличала «террор фашистских банд», а с лета 1945 г. ситуация в Греции стала постоянным сюжетом международных разделов большинства газет. 20 июня «Правда» поместила заметку «Монархический террор в Греции», 30 июня сообщала о пытках в греческих тюрьмах. В июле и августе обличительные материалы появлялись почти в каждом номере «Правды»²⁵¹.

Нарастающая критика британской политики в советской прессе вызывала все большую озабоченность в Лондоне. 6 июня посол А. К. Керр обратил внимание Молотова на то, что регент и премьер-министр Греции не получили ответов на свои телеграммы по случаю капитуляции Германии, зато ответ Сталина, опубликованный в советской печати, был направлен лидеру ЭАМ М. Парцалидису. Керр писал, что такая акция может создать впечатление разлада между советским и британским правительствами²⁵². Через месяц, 6 июля, в новом письме Моло-

тову Керр вновь настаивал на том, чтобы «необоснованная и предумышленная критика политики правительства и действий британских войск в этой стране... была прекращена»²⁵³. Москва отвергла британские претензии²⁵⁴.

СССР также не собирался направлять наблюдателей на выборы. В послании от 4 мая советский лидер сообщил англичанам об отказе участвовать в комиссии по наблюдению за греческими выборами²⁵⁵. В сообщении ТАСС от 24 августа говорилось, что практика контроля национальных выборов «нарушает принципы демократизма и ущемляет суверенитет той страны, где хотят применить названный контроль»²⁵⁶.

Начиная с лета 1945 г. критика британской политики и негативные комментарии внутривнутриполитической ситуации в Греции становятся постоянными компонентами внешнеполитического курса Москвы. 20 июля советская делегация на Потсдамской конференции в резкой форме предложила «рекомендовать греческому регенту немедленно принять меры к образованию демократического правительства в духе соглашения, заключённого в Варкизе 12 февраля 1945 г.»²⁵⁷

В сентябре Советское правительство потребовало вынести греческий вопрос на рассмотрение Совета министров иностранных дел. В меморандуме «Ситуация в Греции», представленном во второй день заседаний СМВД в Лондоне (11 сентября – 2 октября 1945 г.), отмечалось, что «при теперешнем положении в Греции наблюдатели не смогут обеспечить свободное волеизъявление греческого народа на выборах», они «послужат лишь прикрытием того ненормального положения, которое создано нынешним греческим Правительством, нарушившим Варкизское соглашение от 12 февраля 1945 года...»²⁵⁸. Советская сторона активно использовала события в Греции в качестве контраргументов, когда западные страны подвергали критике её политику в странах Восточной Европы, особенно в Румынии и Болгарии²⁵⁹.

На конференции СМВД советская дипломатия также попыталась связать вопрос о передаче Додеканезских островов Греции с судьбой итальянских колоний. Во время беседы в советском посольстве 1 октября Бирнс задал вопрос Молотову о советской позиции по Додеканезам. Глава НКВД стал говорить о желательности передачи Триполитании и Киренаики Советскому Союзу, связывая данный шаг с торговыми интересами Москвы в Средиземноморье. Молотов предлагал передать эти области СССР в опеку на 10 лет²⁶⁰. Как пишет в своих мемуарах

Ш. де Голль, «при этих словах у Бевина и Бирнса перехватило дыхание... и итальянский вопрос окончательно зашёл в тупик»²⁶¹.

Формирование в Греции правительства Ф. Софулиса в Москве в целом было воспринято позитивно. 28 ноября было объявлено о решении направить нового посла в Афины. Им стал контр-адмирал К. К. Родионов²⁶². До этого СССР больше года не имел своего посла при греческом правительстве.

Греческий вопрос затрагивался на Московском совещании министров иностранных дел в декабре 1945 г., на котором советская сторона выдвинула требование вывести британские войска. В соответствующем меморандуме говорилось о том, что пребывание британских войск превратилось «в ряде случаев в средство давления на внутривнутриполитическое положение в стране, нередко используемое реакционными элементами против демократических сил...». В документе подчёркивался факт невыполнения Варкизского соглашения²⁶³. Делегация СССР предложила внести данный вопрос в повестку дня. Москва связывала вопрос о выводе британских войск из Греции с вопросом о выводе советских войск из Ирана. В итоге было принято решение не включать в повестку дня вопросы об эвакуации войск союзников из Китая, Индонезии, Ирана и Греции, но они могли рассматриваться в ходе неофициального обмена мнениями²⁶⁴.

В январе 1946 г. СССР решил воспользоваться новой возможностью поставить на обсуждение греческий вопрос. 21 января советская делегация подала официальный протест против присутствия британских войск в Греции в недавно сформированный Совет Безопасности ООН. В западной историографии среди причин, побудивших советское руководство выступить с таким демаршем, называют желание уравновесить шансы в борьбе с бывшими союзниками за влияние в других регионах²⁶⁵. 19 января Иран при поддержке Великобритании и США обратился в СБ ООН с жалобой на присутствие советских войск в Северном Иране. Таким образом, СССР вновь повторил тактику, уже использовавшуюся им с начала 1945 г. Греческий премьер-министр заявил прессе, что «британские войска находятся в Греции с полного согласия греческого правительства»²⁶⁶.

Позиция Москвы не нашла поддержки в Совете Безопасности: из 11 его членов осуждали присутствие британских войск только Советский Союз и Польша. 6 февраля Совет Безопасности согласился при-

нять к сведению заявления, сделанные СССР, Великобританией и Грецией, а также мнения других членов Совета по вопросу о пребывании британских войск в Греции и считать вопрос исчерпанным. Он не ставился на голосование и был исключён из повестки дня²⁶⁷. Достигнутый компромисс оказался очень близок к предложению постоянного представителя США при ООН Стеттиниуса, который считал бесперспективным дальнейшее обсуждение вопроса²⁶⁸.

Греческий вопрос был вновь поставлен в ООН в конце лета 1946 г. Представитель Украинской ССР в ООН Д. З. Мануильский 24 августа обратился к Генеральному секретарю ООН с жалобой по поводу ситуации в Греции и прямого вмешательства англичан во внутренние дела этой страны. Греция объявлялась в телеграмме угрозой стабильности Балканского полуострова. Объектом критики было на этот раз, наряду с Великобританией, само греческое правительство²⁶⁹. Совет безопасности обсуждал «украинскую жалобу» с 29 августа по 20 сентября 1946 г. Представитель СССР в СБ ООН А. А. Громыко обвинил Афины в организации провокаций против Албании и агрессивной внешней политике. 20 сентября состоялось голосование. Советский проект резолюции был отклонён подавляющим большинством голосов²⁷⁰.

К концу 1945 г. заметно изменилась советская позиция по поводу помощи греческим коммунистам. 23 ноября Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение передать греческой компартии 100 тыс. амер. долл.²⁷¹ Распоряжением Совета Министров СССР от 24 апреля 1946 г. по предложению Отдела внешней политики ЦК ВКП(б) через Югославию греческим коммунистам была отправлена ротационная машина и 200 тонн газетной бумаги²⁷².

Однако в целом позиция Советского Союза оставалась сдержанной. Только в январе 1946 г. греческим коммунистам удалось добиться согласия советской стороны принять их делегацию (по линии советских профсоюзов). Делегация была принята достаточно холодно. Молотов запретил проводить её официальную встречу и проводы²⁷³. Возглавил делегацию генеральный секретарь ЦК ЭАМ, член Политбюро и секретарь ЦК КПГ М. Парцалидис. 19 января его и других членов делегации принял заведующий отделом Балканских стран НКВД А. А. Лаврищев. Парцалидис говорил, что в Греции продолжается террор против участников движения Сопротивления, а лица, сотрудничавшие с немцами, остаются в государственном аппарате. Греция, по оценке секретаря ЦК КПГ, превратилась

в британский доминион. Если положение не изменится в ближайшие два-три месяца, то Парцалидис считал неизбежной гражданскую войну. Представители ЭАМ высказали пожелание встретиться с И. В. Сталиным и В. М. Молотовым²⁷⁴. Также прозвучала просьба оказать помощь бойцам ЭЛАС одеждой, обувью и медикаментами²⁷⁵. Во встрече со Сталиным и Молотовым грекам было отказано²⁷⁶. С санкции Молотова в редакции газеты «Труд» 22 января была организована пресс-конференция для советских и иностранных журналистов, на которой выступили представители ЭАМ²⁷⁷. Только при выезде делегации из Москвы в начале февраля Парцалидису было сказано, что, «по мнению соответствующих товарищей, компартии Греции и ЭАМ следовало бы принять участие в выборах». КПГ также рекомендовали воздержаться от курса на вооружённое восстание²⁷⁸. Как отмечает Л. Уиттнер, такое обращение вызвало раздражение греческой делегации²⁷⁹.

Генеральный секретарь ЦК компартии Греции Н. Захариадис в марте 1946 г. передал через Г. М. Димитрова для ВКП(б) записки, характеризующие текущее положение. По его оценке, численность КПГ составляла 100 тыс. членов, Крестьянской партии – 250 тыс. В записках отмечалось, что «греческий народ отвечает ударом на удар» и в стране организована массовая народная самооборона против разгула «фашистского террора». Военная организация КПГ, состоявшая главным образом из бывших бойцов и офицеров ЭЛАС, была строго конспиративной, децентрализованной и охватывала всю страну. Захариадис сообщил в Москву, что, «несмотря на соглашение в Варкизе, ЭАМ удалось сохранить немалое количество винтовок, автоматов, пулемётов и другого военного снаряжения»²⁸⁰. По свидетельству Я. Иоаннидиса, удалось спрятать оружие для 20 тыс. человек²⁸¹. Захариадис просил оказать «практическую помощь» греческим коммунистам, в том числе и информационной поддержкой путём создания в европейских государствах пунктов информации от Греции и для Греции²⁸². Советское руководство одобрило идею создания пресс-бюро КПГ в Югославии, Чехословакии, Польше и Румынии²⁸³.

В записке секретаря ЦК КПГ Иоаннидиса «Положение в Греции и насущные задачи нашего движения» от 12 сентября 1946 г. признавалось, что летом 1946 г. были образованы партизанские группы, которые находятся под неофициальным контролем греческих коммунистов. Численность этих групп в горных районах составляла примерно 4 тыс. че-

ловек. Руководство компартии считало необходимым довести количество партизан до 15–20 тыс. Для подготовки бойцов требовалась помощь Москвы. К тому же большая часть оружия, спрятанного в начале 1945 г., была испорчена или попала в руки правых. Кроме вооружения партизаны нуждались в обмундировании и продовольствии. ЦК КПГ просило ежемесячной финансовой поддержки в размере 150 тыс. амер. долл.²⁸⁴

18 октября 1946 г. советские руководители были проинформированы об итогах переговоров заместителя заведующего отделом внешней политики ЦК ВКП(б) Л. Баранова с членами ЦК КПГ Я. Иоаннисом и П. Руссосом, которые проходили в Белграде. Представители КПГ вновь обратились с просьбами о помощи деньгами, трофейным (или сделанным по трофейным образцам) оружием, боеприпасами, обмундированием, медикаментами и хирургическими инструментами, а также в подготовке командиров партизанских отрядов и в создании нелегальной радиостанции КПГ в Югославии. Руководство Югославии (И. Тито, А. Ранкович) выразило готовность поддержать КПГ оружием и боеприпасами, организовать подготовку руководителей партизанского движения, а также оборудовать нелегальную радиостанцию²⁸⁵. При поставках в Грецию соблюдалась строгая конспиративность²⁸⁶. 26 октября было объявлено о создании Демократической армии Греции. Финансовые просьбы греческой компартии были частично удовлетворены благодаря помощи компартий Югославии, Чехословакии, Франции и др.²⁸⁷ Нет никаких сомнений, что помощь КПГ была санкционирована Москвой.

Ар. А. Улунян справедливо обращает внимание на то, что восприятие образа Греции в аппарате ВКП(б) во второй половине 1940-х гг. становилось все более негативным, хотя ещё в 1946 г. оно было относительно доброжелательным²⁸⁸.

Дипломатические отношения СССР и Греции в 1946–1947 гг. оставались весьма непростыми. В начале 1946 г. Москва поручила Родионову «прощупать» отношение греческого правительства к идее предоставления Советскому Союзу на условиях аренды базы для торговых кораблей на одном из Додеканезских островов. Послу было поручено сказать, что благоприятное отношение греческого правительства к этому вопросу оказало бы влияние на отношение СССР к греческим претензиям на Додеканезские острова. Беседа Родионова и Софулиса состоялась 18 февраля. Адмирал заявил, что якобы высказывает своё «личное мнение». Софулис ответил, что не может высказать своего

мнения по поставленному вопросу²⁸⁹. Несмотря на то, что в дальнейшем советский посол не упоминал о своём предложении, зондаж был воспринят греками очень серьёзно и оценивался как свидетельство намерения Москвы добиваться создания советской базы на Додеканезских островах. Афины надеялись на поддержку США, Великобритании и Франции²⁹⁰. Советские планы обменять своё согласие на передачу Греции Додеканезских островов на право аренды базы для торговых кораблей в Эгейском море полностью провалились, и в июне Москва была вынуждена согласиться на передачу Додеканез без всяких предварительных условий.

Характеризуя двусторонние советско-греческие отношения в 1946 г., Улунян пишет о политике «подчёркнутой беспристрастности», которая была связана со стремлением Москвы не обострять ситуацию на Балканах²⁹¹. Достаточно позитивной по характеру и итогам была встреча Молотова и Цалдариса в июле 1946 г. Глава советского внешнеполитического ведомства заверил греческого премьера в желании Советского Союза развивать мирные и дружественные отношения с его страной²⁹². Молотов подчеркнул, что СССР очень заинтересован в поддержании дружественных отношений между государствами Балканского полуострова и, соответственно, придаёт особое значение отношениям Греции с её северными соседями. Цалдарис заявил, что всю ответственность за пограничные инциденты несут северные соседи. Глава советского НКВД вынужден был заключить, что «наши взгляды по этому вопросу расходятся»²⁹³. На Парижской мирной конференции Советский Союз выступил против территориальных претензий Греции к её северным соседям, что способствовало росту антисоветских настроений в стране. Как писала в октябре 1946 г. греческая газета «Акрополис», «у г. Молотова имеется мусорная корзина, куда он бросил все наши жертвы, героизм и свои обязательства»²⁹⁴.

В связи с проведением плебисцита 1 сентября 1946 г. МИД СССР, чтобы продемонстрировать негативное отношение к этому мероприятию, в конце августа отозвал из Греции своего посла. Родионов не возвращался в Афины до января 1947 г.²⁹⁵

Очередным скандалом в советско-греческих отношениях обернулась публикация в греческой прессе 28 марта 1947 г. сфальсифицированного «интервью» Сталина, которое должно было подкрепить версию о наличии у Советского Союза планов расчленения Греции. 1 апреля

посольство СССР направило в МИД Греции резкую ноту протеста. Ответственность за распространение этого «интервью» советская сторона возложила на греческое правительство²⁹⁶.

После этого скандала в начале апреля 1947 г. Родионов и 13 сотрудников посольства выехали из Греции²⁹⁷. В Афинах остались лишь временный поверенный в делах Н. Чернышев и несколько работников аппарата посольства. В ответ греческое правительство через несколько месяцев отозвало из Москвы своего посла Политиса²⁹⁸. Отношения между странами на уровне послов были, таким образом, прерваны и не возобновлялись до 1953 г.

Динамика советской политики в отношении Греции во многом определялась отношениями СССР с Соединёнными Штатами и Великобританией. Советское руководство в 1945 – начале 1946 г. было склонно сдерживать революционный пыл греческих коммунистов. Москва настаивала на участии коммунистов в выборах 31 марта 1946 г. В 1945 г. Москва, которая была объективно заинтересована в укреплении позиций Коммунистической партии и Национально-освободительного фронта в Греции, оказывала им только моральную поддержку. Одновременно она старалась не давать повода для обвинений в поддержке КПГ и ЭАМ. Именно поэтому ею была избрана роль защитницы политических прав греческого народа от вмешательства англичан. В первую очередь этим можно объяснить холодный приём, оказанный делегации ЭАМ в январе 1946 г. Лишь в конце 1945 – начале 1946 г. СССР начал оказывать небольшую материальную поддержку КПГ. Во второй половине 1946 г. Кремль все больше склонялся к поддержке борьбы КПГ против «монархо-фашистского» правительства. Москва санкционировала поддержку греческих коммунистов странами народной демократии. Помощь самого Советского Союза греческим коммунистам до второй половины 1947 г. оставалась минимальной.

В отношениях с греческим правительством вплоть до 1947 г. СССР демонстрировал дружелюбие. В то же время попытки Афин предъявить территориальные претензии своим северным соседям и советским союзникам – Болгарии и Албании – встречали жёсткий отпор Москвы.

Советская дипломатия в 1944–1946 гг. стремилась использовать греческий фактор как своего рода разменную монету для укрепления своих позиций в других вопросах. Так, в октябре 1944 г. в обмен на признание Греции частью западной сферы интересов Сталин добился

признания ряда европейских государств зоной советского влияния. В 1945 г. СССР использовал ситуацию в Греции для того, чтобы отвести критику Западом своей политики в странах Восточной Европы. В январе 1946 г. была предпринята попытка связать вывод советских войск из Ирана с выводом британских войск из Греции. За передачу грекам Додеканезских островов Советский Союз попытался потребовать передачи ему в опеку Триполитании и Киренаики, а затем – права на аренду порта для торговых кораблей на Додеканезах. Лишь после провала этих усилий тактика Москвы стала меняться. Греция все больше рассматривалась, с одной стороны, как угроза безопасности стран народной демократии, а с другой – как «слабое звено» в складывающемся западном блоке. Советский Союз начал усиливать давление на неё. Однако вплоть до провозглашения доктрины Трумэна советская политика в Греции отличалась относительной сдержанностью.

Выводы по 3.1

Складывавшееся в 1944–1947 гг. противостояние по линии Запад – Восток было тесно связано с завершением войны и мирным урегулированием в Болгарии, Югославии и Греции. Характер участия этих трёх стран во Второй мировой войне, роль прокоммунистического движения Сопротивления в их освобождении от фашизма, расположение этих государств относительно советских границ и средиземноморских коммуникаций влияли на характер советской и американской политики в отношении каждого из них.

Болгария участвовала в войне на стороне нацистской Германии. Заключённое Соглашение о перемирии и вступление в войну уже на стороне антигитлеровской коалиции открыли перед Софией возможность поставить вопрос о придании ей статуса «союющего государства». Такой поворот мог легко проецироваться на решение репарационного вопроса, урегулирование территориальных разногласий с соседними странами и принятие Софии в ООН. Близость Болгарии к советским границам имела следствие вступление Красной Армии на её территорию и решимость Москвы в утверждении в этой стране «дружественного» режима. В свою очередь американцы не имели в Болгарии особых интересов за исключением экономических. Кроме того, в Вашингтоне

понимали значение Болгарии для Советского Союза, поэтому зачастую в своей политике отодвигали болгарский вопрос на задний план по сравнению с другими, более актуальными с точки зрения достижения американских целей послевоенного урегулирования. Это не означало, что США попросту «отдали» Болгарию Советскому Союзу. По мере увеличения советского присутствия в этой стране, завершившегося фактически открытым вмешательством Москвы в болгарский политический процесс, Вашингтон всё активнее выступал в поддержку болгарской оппозиции, обвинял советскую сторону в нарушении ялтинских договорённостей и препятствовал удовлетворению болгарских притязаний на выход к Эгейскому морю, затрудняя тем самым реализацию советского подхода к определению послевоенного международного статуса и государственного устройства Болгарии.

Югославия сыграла важную роль в процессе освобождения Балкан от нацизма. На её территории действовало сильное движение Сопротивления, одно из направлений которого представляло партизанское движение, возглавляемое коммунистами. Решающая роль в борьбе с оккупантами позволила югославским партизанам при поддержке Советского Союза завоевать политическую власть в стране. Режим Тито изначально считался главной опорой политики СССР на Балканах. Соединённые Штаты рассматривали свою югославскую политику в русле общего курса на противодействие расширению советского влияния. Американцы отказывались признать законность состоявшихся выборов в Учредительную скупщину, затягивали признание ФНРЮ, возражали против территориальных устремлений Белграда, оказывали на него экономическое и военное давление, а также сильное информационно-психологическое воздействие. Однако в силу известной географической отдалённости Югославии от СССР и благодаря размаху партизанского движения, прямое влияние Москвы здесь ощущалось несколько меньше, нежели в Болгарии. Стремление Белграда к укреплению своих позиций на Балканах шло вразрез с интересами Москвы и создавало предпосылки для последовавшего вскоре разрыва отношений. Американцы, со своей стороны, отказывая Югославии в предоставлении займов, оказывали большую помощь в восстановлении разрушенной в годы войны страны, что формировало почву для надежд Тито на американскую помощь в случае конфликта с Москвой.

В Греции за освобождением от режима нацистской оккупации последовала гражданская война. Москва действовала в греческой ситуации более осторожно, тайно оказывая помощь повстанцам через соседние просоветские режимы в Болгарии, Югославии и Албании. Не желая лишний раз обострять отношения с Западом и надеясь на английское согласие соблюдать условия «процентного соглашения» по Румынии и Болгарии, Сталин сдерживал греческих коммунистов, как в своё время и югославских, призывая не форсировать события и пойти на компромисс с правительством. Однако по мере укрепления просоветских сил в Румынии и Болгарии и ослабления британских позиций в Греции, советская помощь греческим коммунистам становилась масштабнее. Данное обстоятельство стало одним из факторов активизации американской политики. В годы войны длительное время Вашингтон выступал в Греции в роли младшего партнёра Великобритании. Но по мере обострения разногласий с советским союзником в процессе мирного урегулирования американская заинтересованность в защите средиземноморских коммуникаций Запада и транспортных связей с нефтеносными районами Ближнего и Среднего Востока начала возрастать. Убедившись в том, что англичане более не могут выполнять роль силы, сдерживающей расширение советского влияния на Балканах, Соединённые Штаты перешли к более жёсткому противодействию действиям Кремля в регионе и открыто заявили о своей твёрдой позиции по Греции. Доктрина Трумэна стала началом нового этапа в американской политике на Балканах.

Политика Советского Союза и Соединённых Штатов в трёх ключевых балканских государствах имела свою специфику. Очевидно одно: в 1944–1947 гг. и советский, и американский внешнеполитические курсы эволюционировали в сторону всё более значительного и более бескомпромиссного участия в решении балканских вопросов.

3.2. Складывание конфронтационных отношений Советского Союза и Соединённых Штатов на Ближнем и Среднем Востоке

Развитие балканской политики СССР и США было тесно связано с ближне- и средневосточными делами. Принятие доктрины Трумэна, предусматривавшей оказание помощи греческому и турецкому правительствам, стало первым этапом становления американской стратегии «сдерживания коммунизма». В данных географических рамках она была направлена на создание «дуги сдерживания» по линии Балканы – Черноморские проливы – Ближний Восток. Главной целью Вашингтона стало недопущение эвентуального советского проникновения в Восточное Средиземноморье, Суэцкий канал, зону Персидского залива и Индийский океан. Помимо геополитических интересов такая американская стратегия была обусловлена усилившимся по завершении Второй мировой войны нефтяным фактором.

На Ближнем и Среднем Востоке первые признаки зарождавшегося советско-американского соперничества появились уже в ходе советских попыток пересмотреть режим Черноморских проливов и во время Иранского кризиса. В этом регионе не последнюю роль продолжали играть англичане. В отличие от балканских государств здесь не было национально-освободительной борьбы против нацистской оккупации, в ходе которой усиливались бы коммунистические силы. Однако близость к советским границам, геополитическая важность и энерго-сырьевая привлекательность Ближнего и Среднего Востока обеспечивали повышенное внимание к государствам региона со стороны руководителей внешней политики СССР и США.

3.2.1. Позиции США и СССР в отношении Турции

Первые годы после окончания Второй мировой войны отмечены событиями, называемыми в исторической литературе «турецким кризисом».

Традиционно внимание исследователей, которые задавались вопросом о причинах усиления разногласий в Большой тройке в преддверии окончания Второй мировой войны, было приковано к европейским проблемам: польской и германской. Однако у большой группы авторов,

изучавших истоки холодной войны, сложился и другой подход, основанный на анализе динамики накопления конфликтного потенциала в других регионах, в первую очередь на Ближнем и Среднем Востоке²⁹⁹.

В отличие от своего союзника по антигитлеровской коалиции – Великобритании, США и СССР к завершающей стадии войны подошли мощными как в военном, так и в политическом отношении государствами.

Изучение процесса обострения американо-британо-советских противоречий по поводу Турции продолжает сохранять актуальность с точки зрения оценки степени их влияния на послевоенную конфронтацию двух супердержав.

Ещё в октябре 1944 г. во время визита премьер-министра Великобритании в Москву Сталин поставил перед Черчиллем и Иденом вопрос об изменении Конвенции Монтрё. Черчилль тогда согласился с тем, что Конвенция нуждается в пересмотре, но заметил, что без участия американской стороны обсуждение этого вопроса преждевременно. Черчилль также поинтересовался у Сталина, есть ли у него конкретные предложения по изменению Конвенции. Не получив прямого ответа, английский премьер предложил вернуться к этому вопросу позднее. После первой встречи Иден подготовил для Черчилля памятную записку, в которой указывал, что у Великобритании есть два важных преимущества, способствующих сохранению влияния в Юго-Восточной Европе: англо-турецкий союз и Проливы. Совпадение интересов Великобритании и Турции в вопросе о режиме Проливов является одной из опор этого союза, поэтому уступка советским требованиям подвергнет его опасности³⁰⁰.

Черчилль сообщил Рузвельту, что он согласился с тем, что незначительные изменения могут быть внесены и даже необходимы, так как Япония, являющаяся одной из стран-участниц Конвенции, находится в состоянии войны с союзниками, а президент Турции Инёню не торопится объявлять войну Германии³⁰¹.

Британский комитет начальников штабов в июле 1944 г. также предостерегал своё правительство от принятия поспешных решений. По мнению военных, пересмотр Конвенции угрожал интересам Великобритании. Генералы исходили из того, что СССР после войны будет доминировать над большей частью Европы и Азии и предпримет шаги, которые будут направлены на установление контроля над нефтяными месторождениями в Иране и Ираке, морскими коммуникациями в Во-

сточном Средиземноморье. Подобное развитие событий, по мнению английских политиков и военных, могло привести к катастрофическим последствиям для безопасности Великобритании. Для предотвращения такого варианта развития событий предлагалось заручиться поддержкой со стороны США против возможных советских угроз в будущем³⁰².

Позиция правительства США была выражена в документе, подготовленном для Рузвельта в связи с предстоявшей в феврале 1945 г. конференцией в Ялте. В нем развивалась мысль о желательности сохранения Конвенции, подписанной в Монтрё в неизменном виде: «Любое важное изменение в режиме Проливов нарушит турецкий суверенитет и неблагоприятно скажется на стратегическом и политическом балансе на Балканах и Ближнем Востоке». Впрочем, американцы полагали, что внесение небольших изменений в текст договора возможно, но основные пункты должны остаться без изменений, так как попытка любого кардинального изменения встретит жёсткий отпор со стороны турецкого правительства, что в свою очередь будет способствовать росту напряжённости в регионе. Специалисты отдела рекомендовали Рузвельту уклоняться от обсуждения вопроса о Проливах на конференции, а если это окажется невозможным, то заявить о том, что позиция США заключается в том, что решать вопрос об изменении режима Проливов следует в рамках процедур, предусмотренных Конвенцией Монтрё, с участием всех подписавших её стран³⁰³. В заключение делался вывод, что вообще-то Турция — хороший страж Проливов³⁰⁴.

Изложенная в меморандуме установка коренным образом расходилась с позицией советского правительства. На Ялтинской конференции Сталин выступил с особым заявлением по вопросу о Конвенции Монтрё. Он сказал: «Этот договор устарел и изжил себя. Турции дано право закрывать Проливы, когда она этого пожелает. Необходимо изменить существующий порядок без ущерба для суверенитета Турции». Речь шла о возможности свободного прохода через Проливы советских военных кораблей в любое время. Черчилль и Рузвельт согласились с предложением Сталина передать вопрос на рассмотрение министров иностранных дел трёх держав, чтобы они определили, «какие изменения должны быть внесены в условия, касающиеся Проливов»³⁰⁵.

Разногласия между союзниками, выявившиеся на Ялтинской конференции, стали сигналом для американских политиков и дипломатов, показавшим, что они допустили ряд серьёзных просчётов в своей

политике в отношении СССР. Американцы были убеждены, что СССР удовлетворён существующим режимом Проливов, и не потребует его пересмотра. Предложения Сталина насторожили советников Рузвельта и специалистов в Госдепартаменте, дав им понять, что они ошиблись в своих выводах относительно намерений СССР в отношении Турции. Однако общее положительное впечатление от итогов конференции заслонило собой этот эпизод³⁰⁶. На конференции Сталин говорил расплывчатыми фразами и не представил никаких конкретных предложений, а итоговый протокол внушал столько оптимизма, что и в Белом доме и в Госдепартаменте сохраняли надежду на то, что СССР и в дальнейшем будет проводить умеренную политику, сотрудничая с США и Великобританией. Поэтому и Рузвельт и его советники были уверены, что США не следует пересматривать свою позицию по этому вопросу.

В результате в Вашингтоне вплоть до весны 1945 г. были абсолютно уверены в правильности выбранного курса и не реагировали на возрастающее давление со стороны СССР в отношении Турции.

Нажим союзников, боязнь испортить отношения с ними привели к изменению в турецкой позиции. Не менее важным обстоятельством, влиявшим на мотивацию решений турецкого руководства, стало близившееся завершение войны, исход которой был легко прогнозируемым. 3 января 1945 г. Анатолийское агентство сообщило, что на заседании межжлиса министр иностранных дел Х. Сака заявил, «что американское правительство с согласия английского правительства сделало предложение о прекращении дипломатических и экономических отношений между Турцией и Японией»³⁰⁷. Межлис принял решение о том, что начиная с 6 января 1945 г. будут прекращены дипломатические и экономические отношения между Турцией и Японией. А 23 февраля 1945 г. Анкара объявила войну Германии. В этот день было подписано американо-турецкое соглашение об оказании Турции военной помощи по ленд-лизу. Соглашение начиналось заявлением о намерении обеспечить условия, при которых правительство Турции смогло бы сохранять территориальную целостность и суверенные права страны³⁰⁸.

Объявление войны Германии можно объяснить желанием не портить отношения с Англией и США, на поддержку которых Турция надеялась в ожидаемом послевоенном противостоянии с СССР. В Анкаре всегда с недоверием смотрели на своего северного соседа и опасались, что после окончания войны Сталин попытается получить контроль

над Черноморскими проливами. Турецкие опасения вскоре подтвердились. 19 марта 1945 г., принимая в Москве турецкого посла С. Сарпера, В. Молотов сделал заявление, в котором указывалось, что советское правительство, признавая ценность советско-турецкого договора 1925 г. в деле поддержания дружественных отношений, тем не менее считает необходимым констатировать, что вследствие глубоких изменений, происшедших с момента его подписания и особенно в течение Второй мировой войны, этот договор не соответствует больше новой обстановке и нуждается в серьёзном улучшении. Ввиду изложенного советское правительство заявило правительству Турции о своём желании денонсировать договор со всеми относящимися к нему приложениями³⁰⁹. Посол поинтересовался у Молотова, как, по его мнению, действующий на данный момент договор между двумя странами может быть «исправлен». Молотов не был расположен излагать свою точку зрения по этому вопросу, заявив, что, после того как посол обсудит возникшую ситуацию со своим правительством, он будет рад услышать, как турецкое правительство собирается исправлять ситуацию³¹⁰.

Однако американские дипломаты в Москве и Анкаре не придали особого значения произошедшему. Посол США в СССР Гарриман сообщал в Вашингтон, что такое развитие событий было ожидаемо. Срок действия советско-турецкого договора истекал в 1945 г., и в договоре предусматривалось его автоматическое продление ещё на два года, если к маю 1945 г. ни одна из сторон не уведомит другую об обратном. По словам посла, советские дипломаты действовали строго в соответствии с условиями договора и сообщали туркам о своём намерении пересмотреть договор ещё в январе 1945 г. Гарриман сообщал, что Молотов в разговоре с турецким послом был вежлив и корректен и нет никаких признаков того, что он пытался оказать на турок давление. Гарриман приходил к выводу, что действия Молотова являются результатом изменения политики Москвы в вопросе о Проливах. По его мнению, настойчивое желание СССР изменить режим проливов связан с тем, что Москва создаёт пояс безопасности по периметру своих границ. Гарриман писал о том, что в Кремле понимают, что Турция будет выступать против любого пересмотра режима Проливов, и постараются использовать отказ от продления советско-турецкого договора для принуждения турок пойти на уступки на переговорах³¹¹.

Сообщения из Анкары от посла Штейнгардта также были полны оптимизма. Он писал о том, что турки давно ждали такого развития событий, и восприняли предложения Молотова «философски». Кроме того Штейнгардт сообщал, что в разговоре с послом Виноградовым последний заявил о том, что он просит правительство США не рассматривать действия СССР как недружелюбный акт в отношении Турции³¹².

По возвращении Сарпера в Анкару предложение Молотова было внесено для обсуждения на заседании турецкого правительства, кроме того, Сарпер несколько раз встречался с Виноградовым, с которым также обсуждал возникшую ситуацию. В одной из бесед турецкий посол заявил, что, по мнению его правительства, новый договор ничем не отличается от старого. Виноградов уклонился от ответа, заметив, что вопросы подобного рода следует обсуждать в Москве с Молотовым. Генеральный секретарь турецкого министерства иностранных дел Ф. Эркин также затронул в беседе с советским послом эту тему, но тот вновь уклонился от обсуждения, заметив, что переговоры следует вести в Москве. Эркину намекнули, что атмосфера отношений между СССР и Турцией могла бы быть более добрососедской, если бы в турецкой прессе прекратились безосновательные нападки на СССР, а журналист Хасан Ялчин перестал бы публиковать свои антисоветские статьи³¹³.

31 марта министр иностранных дел Турции Сака в разговоре с послом Штейнгардтом сообщил, что турецкое правительство намерено поставить в известность правительство Великобритании о советских предложениях. По словам министра, он хотел бы, чтобы мировая общественность узнала, что Советский Союз считает, что определять будущий режим Черноморских проливов должны только страны черноморского бассейна, настаивая при этом на двусторонних переговорах с турецким правительством. Далее Сака проинформировал Штейнгардта, что турецкое руководство в скором времени собирается обсудить вопрос о денонсации договора и что оно готово рассмотреть любые предложения по пересмотру Конвенции Монтрё³¹⁴.

Переговоры с Молотовым по проблеме заключения нового двустороннего договора возобновились 7 июня 1945 г., вскоре после возвращения турецкого посла в Москву. Сарпер предложил обсудить среди других тем условия согласия Турции стать для СССР надёжным барьером по защите его южных границ, без заключения формального союза. В ответ Молотов перечислил требования советского правитель-

ства, после выполнения которых возможно заключение нового договора: Турция должна возвратить СССР районы Карса и Ардагана, переданные ей Советской Россией по договору от 13 октября 1921 г., разрешить Советскому Союзу использование военных баз в районе Проливов, по крайней мере, в военное время, а также согласиться на внесение в Конвенцию Монрё пунктов, которые бы предусматривали совместную советско-турецкую оборону Проливов. Молотов указал, что договоры подобного рода уже заключены с правительствами Польши и других восточноевропейских государств³¹⁵.

11 июня Сарпер сообщил Сараджоглу о сути предложений Молотова. Очевидно, премьер в срочном порядке обсудил этот вопрос с Инёню, так как в тот же день президент заявил послу США, что готов обсуждать с русскими любые вопросы, не наносящие вреда независимости и суверенитету Турции. На следующее утро Сараджоглу встретился с новым послом США Э. Вильсоном, сменившим Штейнгардта в июне 1945 г., и рассказал ему о полученной из Москвы телеграмме, отметив, что она подействовала на него удручающе³¹⁶.

Несколько дней спустя, 18 июня 1945 г., поверенный в делах Великобритании в США Дж. Бальфур встретился с заместителем государственного секретаря Дж. Грю для обсуждения сложившейся ситуации, заметив, что Великобритания предлагает оказать Турции всестороннюю поддержку. Ситуация была тем более странной, что советский нарком иностранных дел сделал заявление о советских требованиях, несмотря на то что Великобритания и США всё ещё не получили от Советского Союза предложений, касающихся Проливов, которые были обещаны им в Ялте. Бальфур считал, что если Турция не будет возражать, то Англии и США необходимо будет сделать совместное заявление по вопросу о Проливах до начала конференции в Потсдаме³¹⁷.

Два дня спустя, 20 июня, Вильсон, в своем отчёте в Государственный департамент предложил, чтобы Соединённые Штаты «заявили Москве о своей прямой заинтересованности в решении вопроса о режиме Проливов, отметив при этом, что требования, выдвинутые Москвой Анкаре, являются совершенно неприемлемыми...»³¹⁸.

Однако в Госдепартаменте было принято решение, что какие-либо ноты протеста не только будут преждевременными, но и создадут «неблагоприятный фон» для возможной дискуссии на эту тему среди глав государств Большой тройки в Потсдаме. В то же самое время

было принято решение сообщить турецкому правительству, что правительство США выражает уверенность в том, что будущие переговоры между Турцией и СССР будут вестись в соответствии с общепринятыми международными принципами³¹⁹.

По указанию президента Трумэна заместитель директора отдела Ближнего Востока и Африки Дж. Аллен 15 июля 1945 г. предоставил президенту докладную записку, в которой он, изучив характер советских предложений, делал вывод, что требование свободного прохода советских военных кораблей через Проливы во время военных действий является обоснованным, но, по его мнению, подобное правило должно применяться ко всем черноморским государствам.

В министерстве обороны США также не возражали против внесения изменений в Конвенцию Монтрё, но рекомендовали отложить обсуждение этого вопроса. Военные поддержали точку зрения Госдепартамента о демилитаризации Проливов, что указывало на нежелание Соединённых Штатов соглашаться с советскими требованиями строительства военных баз³²⁰.

В Потсдаме Молотов передал Трумэну и Черчиллю советские предложения по урегулированию проблемы. Эти предложения состояли из трёх разделов: во-первых, международная Конвенция, подписанная в Монтрё, должна быть отменена как не отвечающая современным условиям; во-вторых, установление режима Проливов, единственного морского пути из Чёрного моря и обратно, должно находиться в компетенции Турции и Советского Союза – как наиболее заинтересованных и способных обеспечить свободу торгового мореплавания и безопасность государств; в-третьих, новый режим должен предусматривать в числе мероприятий, гарантирующих безопасность и поддержание мира в районе Чёрного моря, обеспеченное совместными средствами Турции и Советского Союза недопущение использования этих Проливов другими государствами во враждебных черноморским державам целях (наряду с турецкими военными базами должны быть развёрнуты и советские военные базы)³²¹.

В ответ президент Трумэн заявил, что Соединённые Штаты не возражают против пересмотра Конвенции Монтрё, однако, по его мнению, следует установить режим свободного прохода для торговых судов всех наций через Проливы, точно так же как это сделано в американских территориальных водах³²².

Черчилль поддержал и советское предложение о пересмотре Конвенции Монтрё, чтобы обеспечить СССР свободный и беспрепятственный проход через Проливы кораблей его торгового и военного флотов как в мирное, так и в военное время³²³, и предложение Трумэна о международном контроле и свободе навигации через Проливы, Кильский канал, а также по Дунаю и Рейну. Однако Сталин проявил сдержанность и сказал, что советская делегация должна внимательно изучить предложения президента Трумэна³²⁴.

Сразу по завершении переговоров Молотов – Сарпер оперативное управление штаба сухопутных войск США подготовило документ «Позиция США по отношению к экспансионистским устремлениям СССР», где указывалось, что наибольшей угрозе со стороны СССР подвержена Турция, что выход СССР к Карсу и Проливам в перспективе выльется в контроль Советов над Эгейским морем и Восточным Средиземноморьем, так называемую «двойную блокаду Малой Азии». США были категорически не согласны с советскими требованиями строительства военных баз, настаивая на том, что Турция успешно осуществляет подобный контроль самостоятельно³²⁵.

Позиции Трумэна и Черчилля не соответствовали устремлениям руководства СССР. В советских предложениях речь, как и ранее, шла о создании советской базы для совместной с Турцией обороны Проливов и о преимущественных правах Турции и СССР при определении режима прохода судов из Чёрного моря в Средиземное. Черчилль и Трумэн утверждали, что гарантия свободного прохода со стороны трёх великих держав будет гораздо действеннее, чем фортификация Проливов. Однако такая точка зрения уже не устраивала не только СССР, но и Турцию³²⁶.

США и Великобритания не согласились поддержать претензии СССР к Турции. В итоговом протоколе Берлинской конференции трёх держав говорилось: «Три Правительства признали, что Конвенция о Проливах, заключённая в Монтрё, должна быть пересмотрена как не отвечающая условиям настоящего времени. Согласились, что в качестве следующего шага данный вопрос будет темой непосредственных переговоров между каждым из трёх правительств и турецким правительством»³²⁷. Таким образом, несмотря на видимую решимость советского руководства урегулировать этот сложный вопрос в Потсдаме, навязать свой план союзникам не удалось³²⁸.

Турецкое руководство воспринимало выдвижение территориальных требований со стороны СССР как акт давления с целью получения желаемого результата и опасалось, что, отклоняя предложение о создании военной базы, США и Великобритания в качестве компромиссного жеста могут согласиться на передачу Карса и Ардагана СССР. Поэтому турецкое правительство обратилось к Трумэну и Эттли с просьбой о помощи в разрешении возникшей ситуации.

В ноте, направленной 20 августа 1945 г. в Лондон и Вашингтон, Анкара просила о следующем: 1) предоставить американские гарантии свободы прохода и охраны мира в районе Проливов; 2) выработать такую формулу защиты Проливов, которая с точки зрения как её общего смысла, так и практического применения не должна быть препятствием для обеспечения суверенитета и безопасности Турции; 3) стимулировать смягчение разногласий и улучшение турецко-советских отношений, вплоть до полного устранения каких-либо противоречий, а также устранение беспокойства, вызванного советскими требованиями. В связи с нотой турецкого МИДа от 20 августа госсекретарь Дж. Бирнс писал Трумэну, что после ознакомления с предложенными поправками в Конвенцию Монтрё ему кажется, что этим и следует ограничиться. По его мнению, сейчас не тот момент, когда стоит урезать контроль турок над Проливами или же выступать с предложением об их нейтрализации³²⁹.

К письму Дж. Бирнса президенту Трумэну были приложены «Предложения правительства США, по изменениям в Конвенции Монтрё 1936 г.», которые строились вокруг четырёх основных принципов. Во-первых, Бирнс считал, что Босфор и Дарданеллы должны быть открыты для торговых судов всех стран. Во-вторых, они должны быть открыты для военных судов черноморских держав «во все времена». Госсекретарь объяснял, что в мирное время Проливы открыты для всех военных кораблей черноморских стран, но по нынешнему режиму при остающейся нейтральной Турции они будут закрыты для кораблей воюющих стран. Кроме того, Турция может закрыть проход для всех военных кораблей, если почувствует себя в опасности. Она это сделает и для того, чтобы арена боевых действий не перекинулась и в Проливы. Вместе с тем черноморские державы справедливо могут требовать прохода своих военных кораблей через Проливы в любое время, и США должны просить Турцию сделать эту уступку. В-третьих, Проливы следует закрыть для военных

кораблей нечерноморских держав, кроме случаев, когда будет достигнута договорённость в отношении ограниченного тоннажа в мирное время. И наконец, в-четвертых, Бирнс предлагал исключить из состава участников Конвенции Японию и заменить Лигу Наций, которая фигурировала в тексте Конвенции, на ООН³³⁰. Эти предложения были одобрены. Таким образом, США не собирались допускать строительства советской военной базы, но также они отказались от первоначальной идеи международного контроля над Проливами.

2 ноября в Анкаре состоялись встреча и обмен мнениями между американским и советским послами. На вопрос Вильсона, намерено ли советское правительство сделать турецкому правительству какое-либо другое предложение, Виноградов заявил, что позиция СССР уже была изложена Сталиным в Потсдаме. На уточняющий вопрос Вильсона, означает ли это, что требование по базам остаётся в силе, Виноградов ответил, что в случае войны никаким другим способом СССР не сможет обеспечить свою безопасность. В отчёте Бирнсу Вильсон писал: «Виноградов говорит о Турции жёстко и яростно, и если учесть, что его позиция есть отражение позиции его правительства, то с трудом верится в благополучное решение проблемы Проливов. Поведение Виноградова скорее подтверждает мысль, что эта проблема выдумана Советами для прикрытия своей истинной цели – установления контроля над Турцией»³³¹.

10 января 1946 г. в Лондоне открылась первая сессия Генеральной Ассамблеи ООН. Турецкую делегацию возглавлял министр иностранных дел Сака. 17 января его принял госсекретарь Бирнс. Во время встречи Сака выразил беспокойство по поводу желания СССР создать военную базу на турецкой территории³³². 1 февраля Вильсон встретился с Виноградовым. После долгой беседы с советским послом Вильсон сделал вывод, что главным вопросом для СССР по-прежнему остаются Проливы³³³.

4 февраля исполняющий обязанности министра иностранных дел Турции Н. Сюмер также имел беседу с Виноградовым, который спросил, почему турки не хотят сделать хоть что-нибудь для улучшения отношений с Москвой? Сюмер ответил, что улучшение отношений может произойти только на основе сохранения независимости и суверенитета Турции, и спросил, остаются ли в силе советские требования по поводу восточных областей и баз в зоне Проливов. Виноградов сказал,

что территориальный вопрос важен, но проблема Проливов имеет «жизненное» значение. Анализируя беседу с послом, Сьюмер пришёл к выводу, что СССР не собирается отказываться от своих претензий³³⁴.

Имея в виду настойчивость Москвы в этом вопросе, Трумэн писал госсекретарю: «У меня нет ни малейших сомнений в стремлении России захватить Черноморские проливы, выводящие в Средиземное море, и проникнуть в Турцию. Пока Россия не столкнулась на словах и на деле с железным кулаком и жёстким языком – возможна ещё одна война. Они понимают только один язык – “У вас сколько дивизий?” Я не думаю, что и в будущем мы должны играть в компромиссы»³³⁵. В конечном итоге рассуждения президента привели его к важному концептуальному заявлению о том, что он склонен воспринимать советско-турецкую границу как границу СССР с США.

Как отмечает азербайджанский историк Дж. Гасанлы, «начиная с 1946 г. в формировании жёсткой линии поведения дипломатии США в отношении СССР, в том числе и в вопросе о защите Турции, принимали деятельное участие директор управления ближневосточных и африканских дел Лой Гендерсон, министр военно-морских сил США Джеймс Форрестол, временный поверенный в делах США в СССР Джордж Кеннан, посол США в Турции Вильсон»³³⁶. Существенную роль в оформлении американской политики на этом направлении сыграли секретные немецкие документы, захваченные союзниками в конце войны, способствовавшие воссозданию полной картины советских намерений на Среднем Востоке, в районе Средиземного моря³³⁷.

13 марта Государственный департамент, проанализировав возможные последствия принятия Турцией советских требований, однозначно пришёл к выводу, что развал и дезинтеграция Британской империи ликвидировали последнюю опору США в их борьбе с советским экспансионизмом в Евразии. Поэтому общий военный потенциал США и его предположительных союзников выглядит более слабым по сравнению с потенциалом расширившегося СССР.

Прибытие американского линкора «Миссури» в Стамбул 6 апреля 1946 г., официальной причиной визита которого была объявлена доставка на родину праха бывшего турецкого посла Мехмета Мюнира Эртегюна, стало поворотной датой в истории взаимоотношений США и Турции. Президент Инёню назвал визит «Миссури» новой и блестящей демонстрацией турецко-американской дружбы и высоко оценил его

значение для укрепления безопасности страны. Все восприняли этот визит как политический жест, направленный против СССР³³⁸.

Посол Вильсон в отчёте, направленном в Госдепартамент 12 апреля, сообщал: «Турки считают, что американское правительство решило оказать сопротивление любым попыткам СССР подорвать независимость Турции и её территориальную целостность». В заключение он многозначительно отметил: «Визит “Миссури” можно оценить как событие с далеко идущими последствиями»³³⁹.

Бирнс, прибывший в Париж в конце апреля для участия в очередном заседании Совета министров иностранных дел, сообщил турецкому послу во Франции Н. Менеменджиоглу, что турецкое правительство не должно воспринимать прибытие «Миссури» в Стамбул как простой жест вежливости. Это акт продуманной политики. Американское правительство теперь заинтересовано в отстаивании позиций Турции. Госсекретарь также заявил, что раньше в США не знали всей правды о Турции и её проблемах, но теперь обладают более полной информацией и внимательно интересуются всеми проблемами. Он особо подчеркнул, что США испытывают к Турции чувства искренней и реальной дружбы³⁴⁰.

Визит «Миссури» в Проливы, открытая демонстрация Соединёнными Штатами политики поддержки Турции, как и в целом курс на укрепление позиций на Ближнем Востоке, оценивались советскими дипломатами как «военно-политическая демонстрация», направленная против Советского Союза. Такое положение дел оставляло советскому руководству лишь два выхода: либо снять вопрос о территориях и базах, либо, сохраняя свои требования, добиваться их выполнения путём максимально жёсткого нажима.

Превращение Передней Азии в сферу противостояния не только с Великобританией, теряющей свой авторитет на Востоке, но и с США лишь увеличило важность для СССР проблемы Проливов. Н. В. Кочкин обоснованно пишет: «Весьма вероятно, что американский демарш мог побудить Кремль не уступать, чтобы не потерять лицо». Поэтому Советский Союз продолжил наступление на Турцию по дипломатическим каналам и через средства массовой информации³⁴¹.

В июне 1946 г. Турцию посетил президент Ливана Бешар аль Хори. Во время приёма в его честь 22 июня состоялась беседа Сараджоглу с Виноградовым³⁴². Турецкий премьер, напомнив о советских требованиях, сказал о невозможности строить отношения на основе территори-

альных уступок. Виноградов попытался объяснить, что Турция сама должна понимать интересы СССР и необходимость создания военной базы на случай новой войны. И если Турция пойдёт на переговоры о Проливах, то вопрос о восточных провинциях будет снят. Но премьер-министр твёрдо стоял на том, что советские претензии на базы или территории делают невозможными любые переговоры, и попросил посла повлиять на свое правительство. Виноградов пообещал сделать все возможное, но без всякой надежды на успех. При этом посол привёл в пример наличие воздушных баз США в Турции и заметил, что не видит причин, почему бы и СССР не иметь здесь морские базы. Сараджоглу отверг эту аналогию, так как у Турции с США было заключено соглашение по гражданской авиации. Ф. Дж. Эркин, сообщая об этой беседе послу США, отметил, что СССР стремится привлечь Турцию к двусторонним переговорам, а потому старается посеять рознь между Турцией, США и Великобританией, внести раздоры в их взаимоотношения³⁴³.

В соответствии со своим подходом к вопросу об изменении Конвенции Монтрё, 7 августа 1946 г. советское правительство обратилось к турецкому с нотой, к которой предлагалось подготовить новый документ, исходя из следующих принципов: 1) Проливы должны быть всегда открыты для прохода торговых судов всех стран; 2) Проливы должны быть всегда открыты для прохода военных судов черноморских держав; 3) проход через Проливы для военных судов нечерноморских держав не допускается, за исключением особо предусмотренных случаев; 4) установление режима Проливов как единственного морского пути, ведущего из Чёрного моря и в Чёрное море, должно являться компетенцией Турции и других черноморских держав; 5) Турция и СССР как державы, наиболее заинтересованные и способные обеспечить свободу торгового мореплавания и безопасности в Проливах, организуют совместными средствами их оборону для предотвращения использования другими государствами во враждебных черноморским державам целях³⁴⁴. Посол Вильсон 8 августа доложил госсекретарю США, что турецкое правительство намерено ответить на ноту спустя дней десять после того, как правительства США и Британии выскажутся по этому поводу³⁴⁵.

Ближневосточное управление Госдепартамента 9 августа передало свои рекомендации директору отдела по вопросам Ближнего Востока и Африки Гендерсону. В них указывалось, что позиции правительств США и СССР относительно урегулирования движения в Проливах частично

совпадают, однако советские предложения довольно далеки от американской идеи пересмотра Конвенции Монтрё под контролем ООН. Предложения СССР не учитывали интересы других стран, кроме черноморских. Таким образом, подписавшие Конвенцию Монтрё Франция, Великобритания, Греция, Югославия и не подписавшие Соединённые Штаты, по проекту СССР, лишались каких бы то ни было гарантий по защите своих интересов. Поэтому Ближневосточное управление в своём меморандуме предлагало: 1) США должны поддерживать идею демилитаризации Проливов; 2) в случае невозможности этого США должны выступать против любой политики предоставления кому-либо, кроме Турции, права иметь базы в Проливах или непосредственно или опосредованно осуществлять военный контроль над ними³⁴⁶.

В меморандуме Д. Ачесона Бирнсу от 15 августа отмечалось: «По нашему мнению, основная цель Советского Союза – установить контроль над Турцией. Мы знаем, что если СССР добьётся размещения своих войск на территории этой страны под надуманным предлогом “осуществления совместного контроля над Проливами”, то на деле это выльется в установление контроля над самой Турцией.

Если СССР добьётся контроля над Турцией, то будет трудно помешать ему взять под контроль Грецию, весь Ближний и Средний Восток. Из опыта мы знаем, что если уж СССР возьмёт верховенство на какой-либо территории, то там немедленно сходят на нет американское, да и в целом западное влияние. Думаем, что появление советских баз в Дарданеллах или советских вооружённых сил под любым предлогом в Турции завершится тем, что Греция и Восточное Средиземноморье, да и весь Ближний и Средний Восток будут исключены из сферы воздействия Западного мира.

Поэтому для Америки жизненно важно предотвращение любых советских планов силой или угрозой применить силу добиться своего в отношении Дарданелл и Турции. Если Турция поддастся давлению и примет советские предложения, то перед лицом ООН и мировой ответственности наши позиции ослабнут; однако турецкое правительство все ещё верит в систему ООН и заявляет, что если даже Турции придётся в одиночку бороться против попыток СССР развернуть базы, турки возьмутся за оружие. Это выражение нынешней позиции Турции, но мы не можем быть уверены в неизменности этой позиции, пока ей не обеспечена помощь США.

Поэтому мы считаем, что настало время решить, будем мы выступать против советской агрессии имеющимися у нас средствами или нет, особенно это касается агрессии против Турции. При осуществлении этой политики наши слова и наши действия должны помочь убедить СССР, что мы не согласны с советской агрессией против Турции»³⁴⁷.

19 августа правительство США передало свой ответ на советские предложения заместителю советского посла в Вашингтоне Ф. Орехову. В ноте «По вопросу о Конвенции Монтрё» говорилось: «Турция должна продолжать нести основную ответственность за защиту Проливов. Если Проливы явятся объектом нападения или угрозы нападения со стороны агрессора, то создавшееся при этом положение представит угрозу международной безопасности и, безусловно, потребует действий со стороны Совета Безопасности Объединённых Наций». Правительство США подтвердило своё желание участвовать в конференции, которая будет созвана для ревизии Конвенции Монтрё³⁴⁸.

Турецкое правительство в своём ответе на советскую ноту 22 августа заявило, что оно считает возможным проведение конференции с целью пересмотра этой Конвенции, однако отвергло ключевые пункты советского предложения³⁴⁹.

Ответ Турции на ноту от 7 августа, несомненно, не мог удовлетворить советское руководство. Тексты обеих нот ясно указывают на несовместимость подходов противоборствующих сторон. Предложенная США модель режима Проливов давала определённые преимущества черноморским странам. Но, как отмечает Б. М. Поцхверия, «советское руководство не попыталось использовать это предложение, а заняло нереляльную старую позицию, вновь требуя базу в Проливах»³⁵⁰. В ноте советского правительства от 24 сентября 1946 г. указывалось, что советская сторона по-прежнему уверена, что Конвенция Монтрё не соответствует интересам безопасности черноморских стран и не обеспечивает условия для успешного пресечения враждебных действий против них. В ноте настоятельно подчёркивалось, что Чёрное море относится к морям закрытого типа. Турецкое правительство, отмечая возможность совместного обеспечения безопасности черноморских стран, противоречит своим же заявлениям о желательности восстановить дружеские отношения с СССР и выдвигает подозрения, оскорбительные для СССР³⁵¹.

Нота от 24 сентября по сравнению с нотой от 7 августа была более мягкой. Тем не менее, опасаясь потерять контроль над Проливами и

упустить инициативу в бассейне Средиземного моря, руководители США и Турции предпочли стиль жёсткого противостояния. Это ясно и из беседы сотрудника турецкого МИДа с временным поверенным в делах США в Анкаре Бёрсли. Турецкая сторона недвусмысленно заявила, что ни в каком формате не будет обсуждать с советским правительством вопрос о Проливах на основе советских предложений³⁵².

В американской ноте 9 октября 1946 г. говорилось, что правительство США сохраняет позиции, изложенные в ноте советскому правительству 19 августа 1946 г., в частности оно считает, что проблема режима Проливов «касается не только черноморских держав, но и других государств, включая США», что правительство Турции должно и далее быть ответственным за оборону Проливов, а если Проливы станут объектом нападения или угрозы нападения агрессора, то ситуация должна стать предметом рассмотрения и возможной операцией СБ ООН. Кроме того, США заявили, что обмен мнениями, состоявшийся на Потсдамской конференции, следует понимать как предварительный перед конференцией всех заинтересованных сторон, в том числе США³⁵³. Таким образом, США дали понять, что намерены настаивать на предложении о созыве конференции, к чему не стремилось советское руководство.

18 октября 1946 г. МИД Турции передал в советское посольство в Анкаре ответную ноту, в которой отмечалось, что Турция не может рассматривать проблему Чёрного моря и Проливов как беспокоящую только прибрежные государства. Что же касается совместной защиты Проливов, то турецкая сторона заявляла, что согласие с такой постановкой вопроса равнозначно разделу своего суверенитета с зарубежным компаньоном. Турецкое правительство выразило готовность провести обсуждение советских предложений, за исключением четвёртого и пятого пунктов, на международной конференции с участием СССР, США, Великобритании и других стран-участниц Конвенции Монрё, но без Японии с целью пересмотра этой Конвенции³⁵⁴.

Советское правительство продолжало настаивать на своём. Усиление советско-турецкого противостояния привело к тому, что США стали пересматривать ближневосточную политику. Глава отдела Ближнего Востока и Африки Госдепартамента Гендерсон 21 октября представил президенту и государственному секретарю меморандум, в котором отмечалось: «Предпринятые Советским Союзом шаги направлены на включение Турции в сферу своего влияния, а также использование её

территории не только для предотвращения нападения из Средиземноморья, но и как трамплина для расширения военного и политического влияния в Средиземном море, на Ближнем и Среднем Востоке. Успехи СССР в этом направлении могут привести к серьёзным последствиям. В стратегическом плане Турция является важнейшим фактором в Восточном Средиземноморье и на Среднем Востоке». Он писал: «Несмотря на все выгодные условия, если Турция останется в одиночестве, она не сможет долго сопротивляться СССР и это ясно. У Турции недостаточно экономических и промышленных ресурсов, чтобы противостоять великой державе»³⁵⁵. Поэтому Гендерсон считал, что Турция нуждается в защите, ей необходимо оказать дипломатическую, моральную, экономическую и военную помощь. По его мнению, взятие на себя Британией обязательства по поддержанию должного уровня боеспособности турецкой армии должны постепенно переходить к США. Он считал возможным рассмотреть вопрос о прямых поставках американской военной техники³⁵⁶.

Посол США в Москве У. Смит 8 января 1947 г. направил госсекретарю телеграмму следующего содержания: «Мы с сомнением относимся к тому, что Кремль откажется от идеи стратегически укрепиться в Турции. Отношение СССР к Турции может быть связано не только с вопросами безопасности, но и с беспрепятственным выходом к Средиземному морю и в арабский мир, а также желанием положить конец гегемонии Британской империи на Суэце. Турция в глазах Кремля – это и коридор для нападения на СССР, и препятствие на пути советских интересов»³⁵⁷.

В СССР отчётливо видели симптомы ослабления экономических позиций Англии в Турции³⁵⁸. 24 февраля 1947 г. английский посол в США вручил американцам две ноты, в которых британское правительство заявляло, что более не в состоянии оказывать экономическую помощь Турции и Греции³⁵⁹, и просило Соединённые Штаты взять на себя эту функцию. С 31 марта 1947 г. британская помощь Турции и Греции прекращалась, и перед США встала проблема выбора: уступить давлению СССР или принять предложение Великобритании³⁶⁰.

Президент Трумэн серьёзно отнёсся к этому меморандуму и в тот же день заявил, что намерен поддержать Грецию и Турцию. В отличие от Греции, оказание помощи Турции было сопряжено с определёнными трудностями³⁶¹.

12 марта 1947 г., спустя два дня после начала работы Московского совещания министров иностранных дел СССР, США, Великобритании и Франции³⁶², Трумэн обратился к Конгрессу по поводу оказания помощи Греции и Турции. Эта информация отразилась на ходе конференции: Молотов и Вышинский ужесточили свою позицию. Вышинский выступил с жёсткой критикой внешней политики Турции, обвинив её в сотрудничестве с Германией. Этой же линии придерживался и Молотов.

Из 400-миллионной долларовой помощи, которую Трумэн затребовал у Конгресса, 150 млн предназначались для Турции. Своё решение президент обосновывал так: «Я верю: политика США заключается в том, чтобы помочь свободным народам бороться против вооружённого меньшинства и зарубежного давления и обеспечить им право выбирать своё будущее. Поэтому хочу, чтобы Конгресс одобрил предоставление помощи Греции и Турции»³⁶³. Доктрина Трумэна была с большим удовлетворением воспринята официальными кругами Турции.

Немедленно после выступления Трумэна 12 марта состоялось заседание начальников штабов вооружённых сил США по вопросу «О предоставлении военной помощи Турции». После длительных обсуждений начальники штабов определили цели помощи: а) усилить возможности этой страны оказывать сопротивление советскому давлению и поддержать её боевой национальный дух и волю; б) усилить военный потенциал с тем, чтобы в случае нападения Советов или столкновений в других местах турки могли силой подавить эту агрессию и обладали максимумом военных возможностей для осуществления превентивных мер³⁶⁴.

После обсуждений 22 апреля в Сенате и 9 мая в Палате представителей Конгресс 22 мая утвердил «Закон о помощи Греции и Турции». День спустя президент Трумэн подписал этот закон.

На доктрину Трумэна жёстко отреагировал заместитель министра иностранных дел СССР и одновременно постоянный представитель Советского Союза в Совете Безопасности ООН А. А. Громыко. Он подчеркнул, что обращение Трумэна к Конгрессу с целью помочь Турции и Греции носит агрессивный и провокационный характер³⁶⁵.

Советское правительство через своё посольство в Анкаре на протяжении всего 1947 г. внимательно следило за ситуацией в стране. Советник посольства П. Ершов в своих отчётах в Москву сообщал об увеличении американской помощи и о том заметном влиянии, которое

она оказывает на экономику страны³⁶⁶. В декабре 1947 г. заместитель министра иностранных дел СССР А. Вышинский в своей речи на заседании Генеральной Ассамблеи ООН назвал американскую помощь Турции и Греции «покупкой мира за доллары»³⁶⁷. А после того, как Госдепартамент США опубликовал документы «О советско-нацистском сотрудничестве», которые попали в руки американцам в качестве трофеев и где речь шла о советско-германских переговорах в ноябре 1940 г. в Берлине, отношения между Москвой и Анкарой резко ухудшились.

29 марта 1948 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило подготовленные Молотовым для А. Лаврищева, нового посла СССР в Анкаре, «Указания», состоящие из 9 пунктов. В первом же из них предписывалось: «Учитывая, что политика нынешнего турецкого правительства ведёт к превращению Турции в англо-американский военный плацдарм против Советского Союза, посольство СССР в Турции не должно проявлять инициативы в стремлении к улучшению отношений с Турцией. Не следует также давать турецкому правительству повод для толкования назначения советского посла в Анкару как признака улучшения советско-турецких отношений или отступления Советского правительства от его позиции по отношению к Турции и к её нынешней политике»³⁶⁸.

После утверждения Сенатом плана Маршалла³⁶⁹, в июле 1948 г. был подписан американо-турецкий договор об оказании экономической помощи. Срок его действия заканчивался 30 июня 1953 г. Размеры помощи были невелики, но включение Турции в число стран, получающих кредит по плану Маршалла, и в целом завоевание политического доверия США оценивалось турецким истеблишментом как «большая победа турецкой дипломатии».

Постоянное давление СССР способствовало тому, что сотрудничество с США стало ведущим направлением внешней политики Турции. Впрочем, для возрастания проамериканских тенденций имелись и иные предпосылки, включая и субъективные. Значительная часть турецкого руководства изначально имела прозападную ориентацию, что в свою очередь служило достаточно весомым мотивом при формировании советских подходов и их бескомпромиссном отстаивании. В конце 1948 г. президент Инёню заявил американским журналистам: «Даже в том случае, если бы СССР отказался от своих требований, я остался бы сторонником тесного сотрудничества между Соединёнными Штатами и Турцией»³⁷⁰.

Отправной точкой при формировании советской позиции в отношении Турции было положение о том, что Конвенция Монтрё не гарантировала безопасность СССР. Все попытки добиться пересмотра статей Конвенции, касающихся прохода военных кораблей через Проливы, наталкивались на сопротивление со стороны Турции и Великобритании. Пропуск военных кораблей Германии и Италии в Чёрное море во время войны дал повод советским лидерам утверждать, что Турция не способна в одиночку контролировать Проливы. Поэтому начиная с января 1945 г. СССР неоднократно ставил перед союзниками вопрос об изменении Конвенции. Позиция правительства США относительно пересмотра этого акта заключалась в том, что оно не возражало против изменения некоторых пунктов, но все поправки должны были соответствовать духу оригинала Конвенции, не ущемляя суверенитета Турции. Эта точка зрения коренным образом расходилась с позицией советского правительства. Несовпадение подходов по вопросу о пересмотре Конвенции создало один из очагов острой напряжённости и способствовало возникновению конфронтации между недавними союзниками.

Территориальные требования СССР к Турции диктовались не реальными потребностями, а носили преимущественно характер политического прессинга. В то время как развитие авиации уменьшало значение Проливов, СССР настаивал на их важности для своей безопасности. Было ясно, что этот путь интересовал СССР как средство укрепления своих позиций на Ближнем Востоке, Средиземном море и на Балканах. Попытки СССР занять выгодные стратегические позиции в Проливах имели характер односторонних действий и натолкнулись на решительное сопротивление Турции и США. Известный российский исследователь Н. И. Егорова справедливо отмечает, что именно грубое давление на Турцию, оказанное по личной инициативе Сталина, заставило союзников предпринять совместные ответные действия³⁷¹.

Территориальные притязания Советского Союза к Турции заставили США пересмотреть свою стратегию на Ближнем и Среднем Востоке. В Вашингтоне стали осознавать, что наряду с Восточной Европой появился ещё один конфликтный регион. Этот процесс завершился принятием доктрины Трумэна, цель которой состояла, помимо «сдерживания коммунизма», в защите американских интересов в Турции, которая была окончательно включена в сферу жизненных интересов США.

Напряжённые отношения с СССР заняли ведущее место среди причин преимущественной ориентации Турции после войны на США. В первые послевоенные годы весьма ослабленная в экономическом отношении Англия не смогла оказать Турции существенную материальную поддержку и тем самым сохранить своё прежнее влияние. В результате на смену традиционного советско-английского соперничества по поводу Турции и проливов пришло американо-советское, а Турция превратилась в важнейшего союзника Вашингтона на Ближнем Востоке. Турецкий вопрос сыграл важную роль в генезисе холодной войны.

3.2.2. Иранская политика Москвы и Вашингтона

Важную роль в генезисе политики блоковой конфронтации сыграли отношения между союзниками по поводу Ирана. Одной из политических проблем, которой занималась американская дипломатия в конце войны, стала отмена советской и английской цензуры, введённой ещё 7 февраля 1942 г. по советско-англо-иранскому соглашению³⁷². К концу 1944 г. сложилась ситуация, при которой все новости, которые противоречили советским оценкам в свете разразившегося нефтяного кризиса, не пропускались, при этом депеши ТАСС британские и американские власти не подвергали цензуре. Американские послы в Иране Л. Моррис и У. Мюррей³⁷³ в первой половине 1945 г. неоднократно ставили перед советскими и английскими властями вопрос о её отмене³⁷⁴. 31 июля иранский МИД послал ноты британскому и советскому посольству с требованием отмены цензуры. Однако лишь после поражения Японии и завершения Второй мировой войны 21 сентября 1945 г. поступило сообщение о её окончательном упразднении³⁷⁵.

В конце войны правительство США также стремилось обеспечить свои послевоенные авиационные права на Среднем Востоке³⁷⁶. Однако обращения к иранскому правительству в начале 1945 г. по этому поводу завершились безрезультатно. В 1945 г. Госдепартамент подготовил проекты двусторонних соглашений по гражданской авиации с некоторыми странами Ближнего и Среднего Востока³⁷⁷. 8 марта заместитель госсекретаря Дж. Грю направил послу США в Тегеране один из вариантов такого проекта для вручения иранскому правительству. Однако через семь месяцев 8 ноября 1945 г. заместитель министра ино-

странных дел Ирана М. Хомайнджах специальной нотой проинформировал Мюррея о нежелании его правительства приступать к обсуждению текста такого соглашения, поскольку на территории его страны все ещё находятся иностранные войска. Нота, однако, предоставляла временное разрешение авиакомпаниям, назначенным правительствам США, совершать гражданские полёты в Иран, брать пассажиров и производить разгрузку в аэропорту Мехрабад в Тегеране. Данная оговорка была весьма актуальной, поскольку ещё 5 июля 1945 г. американский Совет по гражданской авиации уполномочил авиакомпанию «Пан Америкэн Эйруэйс» обслуживать авиалинию с Ираном. В декабре официальный Тегеран согласился признать это временное соглашение, которое просуществовало долгое время после войны.³⁷⁸

После нефтяного кризиса конца 1944 г. и принятия Меджлисом в декабре того же года закона, запрещавшего правительству предоставлять нефтяные концессии иностранным государствам и частным компаниям, советско-иранские отношения вступили в полосу затяжного кризиса. Недовольство Москвы данным решением вылилось в волну критики иранского руководства и лично премьер-министра Саеда. В результате советского давления ему пришлось уйти в отставку. В Вашингтоне расценивали активность Москвы в этом вопросе как «недопустимое вмешательство во внутренние дела» суверенного государства. В ответ на это посол в США А. А. Громыко в письме на имя государственного секретаря отмечал, что все обвинения СССР беспочвенны. Такая важная тема, как ближневосточная нефть, разумеется, не могла пройти мимо внимания премьер-министра Великобритании, который в разгар дискуссии обратился к американской стороне с предложением выработать общую позицию и объединить усилия для противодействия советскому давлению. С подобной просьбой 18 января 1945 г. в Госдепартамент обратился и иранский посланник Шейестех, который выразил опасение, что, не встретив сопротивления своим амбициям со стороны объединившихся англо-саксонских держав, «Россия начнёт использовать силовые методы для получения концессий и установления политического контроля» в северной части его страны. Однако государственный секретарь Э. Стеттиниус считал, что любые совместные американо-британские действия создадут лишь дополнительные трудности и не устранят существующих проблем. К тому же неудовлетворённость Москвы нефтяной политикой Ирана, по его мнению, была вполне объяс-

нимой, и изменить этот настрой при помощи дополнительных разговоров и разъяснений не представлялось возможным. В Москве и так хорошо знали о том, какую позицию занимают США, поэтому никакие дополнительные американо-британские демарши не могли способствовать снижению напряжённости³⁷⁹.

Вопрос о нефтяных концессиях в Иране обсуждался и 8 февраля 1945 г. на встрече министров иностранных дел на конференции в Ялте. В. М. Молотов, повторив советскую интерпретацию событий, указал на то, что предоставление СССР концессии следует рассматривать как акт экономической помощи Ирану. Стеттиниус, сообщив об отсутствии возражений по поводу советских нефтяных притязаний, указывал, что американские фирмы оказались в том же положении, что и советская сторона, но правительство США было согласно с решением иранского правительства по этому вопросу³⁸⁰. Однако обида советских представителей на Иран сохранялась. Это частично подтверждалось замечаниями Молотова, высказанными иранскому послу Ахи в начале марта 1945 г., в которых он выражал недовольство антисоветской позицией иранского правительства³⁸¹. Таким образом, если «персидский коридор» поставок грузов в СССР объединял союзников, то нефтяные проекты в Иране в конце войны внесли в их ряды раздор. Как отмечал Литл, Иран стал «испытательной площадкой, но не добрых намерений союзников, а приближающейся холодной войны»³⁸². Одним из последствий нефтяного кризиса стало сближение позиций США и Великобритании, а также усиление их настороженности в отношении с Советским Союзом³⁸³.

«В течение следующего года, — как отмечал Элвелл-Саттон, — ничего нового о нефти не было слышно»³⁸⁴. После окончания войны с Японией американская компания «Сиборд Ойл Компани» (СОК) решила послать своего представителя в Иран для переговоров относительно нефтяных концессий, однако Мюррей 6 октября 1945 г. рекомендовал отложить решение этого вопроса до вывода союзнических войск, чтобы не давать советским войскам дополнительного повода для задержки в Иране. 12 октября в письме Джону М. Лавджою, президенту СОК, Аллен, в то время заместитель УБАД³⁸⁵, согласившись с доводами Мюррея, просил отложить все переговоры, связанные с нефтью, до 2 марта 1946 г. — даты окончательного вывода войск из Ирана. Подобное письмо было послано и Филу У. Паркеру, президенту «Стандарт

Вакуум Ойл Компани» (СВОК), главой Нефтяного управления Госдепартаментом Джоном А. Лофтусом 28 ноября 1945 г.³⁸⁶

Вопрос о выводе иностранных войск из Ирана приобрёл в конце войны международное звучание³⁸⁷. Их присутствие, будучи важным фактором политической стабилизации Ирана в ходе войны, к началу лета 1945 г. превращалось в фактор дестабилизации международных отношений и внесения раскола в ряды союзников.

12 мая 1945 г. Военное министерство США провозгласило Средний Восток и Иран бездействующим театром. Выполнение 4-го (Оттавского) протокола поставок военных грузов в СССР в рамках программы ленд-лиза было завершено. После освобождения Греции с начала 1945 г. суда стали проходить через Средиземное и Чёрное моря и, таким образом, «персидский коридор» терял своё прежнее значение³⁸⁸. Параллельно происходило прогрессивное сокращение персонала Команды Персидского залива армии США (ПГК)³⁸⁹.

На Мальтийской конференции и в Ялте американцы поддержали предложение Идена о выводе союзнических войск из Ирана раньше обещанного срока, сразу же после прекращения функционирования «персидского коридора»³⁹⁰. Однако Молотов отстаивал решение этого вопроса в соответствии с Трёхсторонним договором от 29 января 1942 г. Отказ советской стороны на Крымской конференции подтвердить свою приверженность Декларации по Ирану, подписанной Большой тройкой на Тегеранской конференции, обеспокоил американцев³⁹¹.

После окончания войны с Германией в Тегеране возникло мнение, поддерживаемое шахом, что, поскольку СССР не находился в состоянии войны с Японией, то отсчёт шести месяцев, по истечении которых предписывалось вывести войска, для него начался уже 8 мая 1945 г.³⁹² 19 мая посольства союзников получили ноты МИДа Ирана, в которых после поздравлений с окончанием войны в Европе следовало требование об «эвакуации с иранской земли» их военных подразделений³⁹³.

Как вскоре выяснил посол США в Лондоне Дж. Вайнант, английская сторона была в принципе не против такого решения, но ни на письмо английского посла К. Керра, ни на сообщение американского посла в СССР А. Гарримана, в котором последний 14 июня информировал об окончании миссии ПГК и мероприятиях по её сокращению, из секретариата Молотова ответа получено не было³⁹⁴.

Пентагон направил приказ командующему ПГК бригадному генералу Дональду П. Буту об упразднении с 1 июня 1945 г. вверенного его командованию подразделения в связи с окончанием поставок оружия, снаряжения и других военных грузов по ленд-лизу СССР. ПГК должна была к 1 июля вернуть обслуживание иранских транспортных средств британцам³⁹⁵. Однако 29 мая министр иностранных дел Ирана А. Сепак-боди обратился к американцам с просьбой, во-первых, о продолжении обслуживания ТИЖД американским персоналом в течение «2–3 месяцев», т. е. до тех пор, пока им не будет найдена замена, а во-вторых, о том, чтобы американские войска не покидали Иран до эвакуации войск других союзников³⁹⁶.

Несмотря на приказ Военного министерства США об упразднении ПГК с 1 июня, предполагалось, что потребуется несколько месяцев, чтобы найти суда для эвакуации оставшихся 11 тыс. американских военнослужащих из Ирана³⁹⁷. Кроме того, примерно 3-тысячный контингент должен был охранять американские объекты в Иране до решения их судьбы, и примерно 1,5 тыс. человек оставались в Абадане до конца войны обслуживать военный аэродром. Британцы выражали твёрдое намерение сохранить гарнизон на юго-западе Ирана для охраны объектов Англо-иранской нефтяной компании (АИНК) до конца войны с Японией. Предполагалось, что советская сторона вряд ли согласится в одностороннем порядке вывести значительную часть своих войск. При этом в Госдепартаменте осознавали, что на иранское общественное мнение, а также на Москву и Лондон произведёт плохое впечатление присутствие американских войск³⁹⁸. Важным препятствием для их скорейшего вывода было также отсутствие удовлетворительного решения вопроса о судьбе военных объектов, возведённых в Иране военнослужащими США. Следует отметить, что иранское руководство подчёркивало: предметом его беспокойства является присутствие на его земле не столько американских войск, сколько британских и советских.

Иранский вопрос, который постепенно на международных встречах в конце войны был сведён к обсуждению сроков и процедуры вывода из этой страны союзных войск, рассматривался и на Потсдамской конференции³⁹⁹. Представители делегации США соглашались с англичанами вывести войска равными долями на основе соблюдения принципа пропорционального количественного сокращения военнослужащих и территорий, на которых они располагались⁴⁰⁰. Англичане предлагали на

первом этапе вывести войска из Тегерана, на втором – из всего Ирана, за исключением небольшого контингента британских войск в Абадане и на юге страны и советских войск на севере. На третьей стадии планировалось вывести и эти остатки⁴⁰¹.

23 июля на встрече со Сталиным и Черчиллем Трумэн заявил, что американские войска будут эвакуированы из Ирана за 60 дней⁴⁰². Позже Трумэн конкретизировал это решение, пообещав за этот срок вывести войска лишь из Тегерана⁴⁰³. К 1 ноября 1945 г. во всём Иране должно было остаться 4800 американских военных⁴⁰⁴. В результате в Потсдаме было решено следующее: «...Союзные войска будут выведены из Тегерана немедленно и... дальнейшие стадии вывода войск из Ирана будут согласованы на встрече министров иностранных дел в Лондоне в сентябре 1945 г.»⁴⁰⁵ В Тегеране остались недовольны таким решением⁴⁰⁶.

9 сентября 1945 г. МИД Ирана разослал всем союзным посольствам ноту, в которой напоминал об обязательствах по выводу войск, а поскольку война с Японией закончилась, то в соответствии с Трёхсторонним договором от 29 января 1942 г. срок их согласованного пребывания должен был закончиться 2 марта 1946 г.⁴⁰⁷

Следует также отметить, что с осени 1945 г. вопрос о выводе союзных, прежде всего советских, войск из Ирана тесно переплелся с Азербайджанским (Иранским) кризисом, который стал одним из первых политических конфликтов в послевоенном мире и который в современной историографии рассматривается как один из ранних симптомов генезиса холодной войны⁴⁰⁸.

Как уже отмечалось выше, после принятия иранским Меджлисом в декабре 1944 г. закона, запрещающего правительству вести переговоры о нефтяных концессиях, советско-иранские отношения вступили в полосу затяжного кризиса. Решить нефтяной вопрос в свою пользу в Москве рассчитывали, разыграв национальную карту и поддержав сепаратистское национально-освободительное движение азербайджанцев и курдов в северо-западных провинциях Ирана, возникшее в годы войны. Конечная же цель сводилась к получению «послушного» правительства в Тегеране и реализации своих геополитических интересов на Среднем Востоке.

Проблема вывода из Ирана военных подразделений союзников, как и нефтяной вопрос, стали важными составляющими данного политического кризиса⁴⁰⁹. Всем заинтересованным сторонам было ясно, что, как

только советские войска покинут пределы Ирана, Демократическая республика Азербайджан и Курдская народная республика (Мехабадская республика), провозглашённые соответственно в декабре 1945 г. и в январе 1946 г., будут разгромлены иранскими правительственными войсками. Поскольку именно советские подразделения в этих республиках обеспечивали их безопасность. Американские дипломаты приняли активное участие в разрешении Иранского кризиса 1945–1946 гг., поддерживая в целом официальный Тегеран.

Глава Ближневосточного отдела Госдепартамента Л. Гендерсон в связи с этим просил активизировать деятельность по продаже американских объектов и оборудования в Иране и выводу войск из этой страны, чтобы исключить ссылку Москвы на присутствие американских воинских частей как на предлог для сохранения своих войск в Иране⁴¹⁰. В то же время иранцы были недовольны высказываниями госсекретаря Дж. Бирнса в Лондоне на первой встрече Совета министров иностранных дел, который считал, что вопрос вывода войск касался главным образом англичан и русских. Представители иранского посольства в Вашингтоне выразили надежду, что американцы «выполнят обещания президента Рузвельта помочь Ирану в сохранении его суверенитета»⁴¹¹.

23 ноября 1945 г. Бирнс послал в Москву и в Лондон ноты, в которых предлагал вывести все иностранные подразделения из Ирана до 1 января 1946 г. В данное время, сообщалось в ноте, нет причин оставлять войска до 2 марта 1946 г. в соответствии с трёхсторонним англо-советско-иранским договором от 29 января 1942 г. Сами американцы сократили за год количественный состав своих нестроевых частей с 28 до менее чем 6 тыс.⁴¹² В связи с этим военный министр США Роберт П. Паттерсон 24 ноября 1945 г. обещал Бирнсу вывести из Ирана до 1 января следующего года оставшиеся там 5500 военнослужащих, кроме военных атташе и миссий Ридли и Шварцкопфа⁴¹³. Хотя он предполагал, что это ускорение может привести к потере существенного количества американской собственности в этой стране⁴¹⁴.

Однако ни советская сторона, ни британская не поддерживали решение Соединённых Штатов⁴¹⁵. Следует также отметить, что у американских дипломатов не было единого мнения даже по поводу ускоренного вывода своих подразделений. Посол Мюррей считал, что поспешный уход может привести к потере американского имущества и заключению СССР и Великобританией «новой редакции договора 1907 г.»⁴¹⁶. В то же

время правительство США не могло не учитывать поднимающуюся в обществе волну негодования по поводу того, что американские солдаты задерживались за границей после окончания военных действий. Так, ещё 29 июня 1945 г. конгрессмен Дж. Бэйтс из Массачусетса потребовал для военнослужащих в Иране, в связи с жарким и влажным климатом в этой стране, преференций при сокращении армии и увольнении. Того же требовал 17 сентября в Палате представителей конгрессмен Дж. Робшн из Кентукки, цитируя письма солдат из Ирана. Он не считал правильным намерение правительства держать в этой стране войска до тех пор, пока там находятся войска союзников, задаваясь вопросом, «а что если Британия и Россия откажутся вообще оставить Иран?»⁴¹⁷. В начале декабря 1945 г. конгрессмен из Южной Дакоты К. Е. Мандт, посетивший Иран в сентябре вместе с представительницей Огайо Ф. Болтон, связывал задержку вывода войск союзников с сохранением в этой стране американских военной и жандармской миссий, которые могли вызвать подозрения у советских властей⁴¹⁸.

В «Правде» за 14 декабря 1945 г. была опубликована статья, касавшаяся американских войск в Иране⁴¹⁹. Она содержала выпады в адрес американских солдат и офицеров. Мюррей хотел опротестовать эту статью, но в Госдепартаменте рекомендовали «никакой акции не предпринимать»⁴²⁰.

Московское совещание трёх министров иностранных дел, созванное по инициативе Бирнса в декабре 1945 г., стало новой попыткой Госдепартамента договориться с СССР по спорным вопросам. Однако на совещании госсекретарь занял по иранской проблеме противоречивую позицию. Чтобы прекратить спор между Бевином и Молотовым о сроках вывода войск из Греции, Ирана и Индонезии, Бирнс предложил исключить из повестки конференции эти вопросы и «обсудить их неформально»⁴²¹. Однако он дважды, 19 и 23 декабря, поднимал вопрос об эвакуации войск из Ирана в беседе со Сталиным, но советская позиция оставалась неизменной: вывод войск будет осуществлён в соответствии с договором и не ранее 2 марта 1946 г.⁴²² Переговоры зашли в тупик. В то же время советское правительство отвергло предложение Бевина, которое поддержал Бирнс, о создании трёхсторонней комиссии по Ирану с участием англичан, американцев и советских представителей на основании отсутствия на совещании представителей Ирана. Скорее всего, советская дипломатия руководствовалась в этом

390

вопросе своими интересами, тем не менее она заслужила благодарность официального Тегерана, боявшегося повторения 1907 г. и потери суверенитета⁴²³.

К концу декабря 1945 г. вывод американских войск из Ирана был завершён. Свои обязательства правительство США выполнило, эвакуировав войска раньше союзников⁴²⁴.

По мере приближения окончания войны в Иране начал усиливаться интерес к вопросу о компенсации этой стране за жертвы и материальные расходы, которые она понесла, оказывая поддержку делу Объединённых Наций. Депутаты Меджлиса и некоторые представители общественности побуждали правительство принять закон о компенсации. Ещё в сентябре 1944 г. премьер-министр и одновременно министр иностранных дел Саед обратился с нотой к американскому послу в Иране, в которой в категоричной форме заявлялось требование о передаче иранскому правительству всех военных объектов, а также оборудования и материалов («особенно провизии и медикаментов») в Иране после вывода американских войск⁴²⁵.

На встрече 21 ноября 1944 г. в Тегеране представителей ПГК и ПЭЙФОРС⁴²⁶, на которой присутствовали дипломаты из британского и американского посольств, было решено информировать иранское правительство о том, что оно не получит имущество бесплатно⁴²⁷.

В 1945 г. обсуждение этого вопроса по мере снижения значимости «персидского коридора», а особенно после его закрытия летом этого года и в связи с выводом войск США из Ирана, приобрело особую актуальность. Обмен мнениями между руководством Военного министерства и Госдепартамента завершился к началу февраля 1945 г. выработкой общей позиции, суть которой заключалась в продаже объектов, однако указывалось и на то, чтобы эта деятельность не навредила иранской экономике и не противоречила политике экономической помощи Ирану. Исходя из этого, большинство объектов предполагалось продавать не по рыночной стоимости, а по себестоимости за вычетом износа, т. е. по очень низкой цене. В тех случаях, когда дело касалось совместной с Британией собственности, представители ПГК и ПЭЙФОРС должны были определить доли каждой стороны. При этом главным органом для решения всех вопросов, связанных с заграничной собственностью США, остающейся после ухода американских частей, должна была стать Военно-морская комиссия по ликвидации (ОАНЛК⁴²⁸).

Главная трудность в переговорном процессе заключалась в том, что иранцы по-прежнему были убеждены, что все капитальные сооружения союзников в их стране должны быть переданы им безвозмездно в качестве компенсации за экономические потери в ходе войны. О трудности переговоров свидетельствовал тот факт, что американцами было подготовлено шесть проектов финансового соглашения по условиям продажи своей собственности в Иране. Переговоры осложнялись также трёхкратной сменой иранского правительства в мае – июне 1945 г. Параллельно решались проблемы, связанные с отсутствием соглашения по ленд-лизу и иранским долгом за него⁴²⁹.

К 1 июля 1945 г. посольство США передало список американских объектов иранскому правительству. Однако 4 сентября иранская сторона отказалась от переговоров, вновь предъявляя требование, чтобы «вся союзническая недвижимость (по крайней мере, принадлежавшая США и Великобритании) в Иране была передана безвозмездно»⁴³⁰.

Данное положение усугублялось антиамериканской кампанией, которая развернулась к концу сентября 1945 г. в левой прессе по вопросу о собственности и статусе американских войск. При этом США именовались агрессором. В октябре Мюррей и Бирнс напомнили иранскому руководству, что правительство США не отказывалось от традиционной политики дружбы и выполнения обязательств в отношении экономической помощи в соответствии с Иранской декларацией. Но иранскому правительству необходимо было понять, что такая помощь должна рассматриваться отдельно от «технического вопроса» продажи остающейся собственности США. В результате шахское руководство изменило свое отношение к данной проблеме и выразило согласие приобрести её целиком⁴³¹. Правительственный контракт о продаже Ирану объектов собственности США в этой стране был подписан 12 декабря 1945 г. Американская сторона пошла навстречу Тегерану и согласилась на чрезвычайно льготную цену⁴³². К 21 декабря была достигнута договорённость и по поводу размера долга за ленд-лиз: 8,5 млн долл., которые должны были выплачиваться 12 равными частями начиная с 21 марта 1946 г.⁴³³ Т. Моттер сообщал, что всё имущество стоимостью «более 62 млн долл.» удачно «при тех обстоятельствах» продавалось за 26 млн долл.⁴³⁴

Обострение ситуации в связи с кризисом в иранском Азербайджане не могло не омрачить перспективы советско-американских отношений, и не только на Ближнем и Среднем Востоке. Политика Советского Союза

392

непосредственно затрагивала нефтяные интересы Великобритании в Иране и США в Саудовской Аравии и других частях Ближнего и Среднего Востока. Как писал госсекретарь Хэлл, политика его правительства в конце войны имела «четко выраженный эгоистический аспект», поскольку интересы США состояли в том, чтобы «ни одно государство не утвердилось на побережье Персидского залива напротив американских нефтепромыслов в Саудовской Аравии»⁴³⁵ – стране, с которой были связаны растущие экономические интересы США, являвшиеся главным побудительным мотивом их стремления иметь стабильный, независимый Иран. Таким образом, это государство в планах американцев должно было стать буферной зоной, охранявшей их нефтяные интересы в Персидском заливе.

Правительство Ирана неоднократно, начиная с января 1946 г., ставило в ООН вопрос о вмешательстве СССР во внутренние дела и поддержке сепаратистских движений на севере страны⁴³⁶. Первая жалоба была подана на 1-й сессии Генеральной Ассамблеи в Лондоне в первой половине января 1946 г. иранским послом в Великобритании С. Таги-заде⁴³⁷. Она обсуждалась уже на первом заседании Совета Безопасности ООН 17 января. Советский представитель А. Я. Вышинский на всех последующих заседаниях (25, 28 и 30 января) последовательно отстаивал точку зрения о несостоятельности обвинений⁴³⁸. Совет Безопасности согласился с доводами советской делегации о необходимости разрешения иранского вопроса в порядке двусторонних переговоров между правительствами СССР и Ирана.

Однако, понимая, что без непосредственных переговоров с Москвой эту проблему не решить, премьер-министр Ирана Ахмад Кавам ас-Салтане в январе 1946 г., объявил о намерении начать переговоры с советским правительством. 18 февраля он прибыл в Москву и за время непростого визита убедил Сталина, что СССР гораздо успешнее может добиться своей цели – получения права на разработку нефтяных месторождений в Иране, поддерживая хорошие отношения с иранским правительством, чем сохраняя свои войска в его стране. Стороны договорились о выводе советских войск в течение шести недель, начиная с 24 марта 1946 г., а также о заключении соглашения по нефти и создании совместной советско-иранской нефтяной компании, доля Ирана в которой составляла бы 49% и которая через 50 лет перешла бы в его полную собственность. Ситуацию в Иранском Азербайджане было решено рассматривать как внутреннее дело Ирана⁴³⁹.

В то же время Кавам продолжал инициировать дебаты по иранскому вопросу в ООН. 18 марта 1946 г. иранский посол в США довел до сведения членов Совета Безопасности информацию о «наличии между Ираном и СССР спора, продолжение которого может угрожать сохранению международного мира»⁴⁴⁰. Новая жалоба иранского правительства была подана в тот момент, когда советское командование начало вывод войск из Ирана⁴⁴¹. 26 марта советский представитель предложил снять иранский вопрос с повестки дня, поскольку эвакуация советских войск к тому моменту уже началась, а 27 марта выступил с новой инициативой – отложить его до 10 апреля, т. е. до окончания урегулирования всех спорных вопросов между СССР и Ираном⁴⁴². 4 апреля Совет принял резолюцию о переносе дальнейшего рассмотрения жалобы Ирана на 6 мая – дату окончания вывода советских войск. Однако и после этого дня, несмотря на завершение полной эвакуации, иранский представитель Х. Ала продолжал ставить вопрос о положении в его стране перед членами Совета⁴⁴³.

Без сомнения, моральная и дипломатическая поддержка Ирана Соединёнными Штатами была одной из ключевых причин оперативного вывода советских войск. Другой причиной было обещание иранского правительства учредить советско-иранскую нефтяную компанию, большая часть доходов которой предназначалась бы советской стороне. Кризисная ситуация разрядилась. Однако важным пунктом в советско-иранском нефтяном соглашении, который был внесён по инициативе Кавама, было положение о его ратификации меджлисом. Для благоприятного решения данного вопроса советская дипломатия в дальнейшем сосредоточила своё внимание на подготовке выборов в иранский меджлис 15-го созыва и обеспечении победы на них левых сил и, прежде всего, кандидатов от партии «Туде» (Народной партии Ирана) и Демократической партии Азербайджана. Противодействие этому стали оказывать американские и английские дипломаты.

Кавам, добившись вывода советских войск, начал вести двойную игру. Включив некоторых членов «Туде» в свой кабинет, к концу лета 1946 г. иранское правительство стало готовить силовой вариант установления правительственного контроля на севере страны, где по-прежнему существовали Азербайджанская и Курдская республики⁴⁴⁴. Кавам запросил у посла США в Иране Дж. Аллена⁴⁴⁵ дипломатической поддержки проведения акции с использованием армии и полиции на тот случай,

если Москва ответит контрмерами. Однако последний не рекомендовал использовать силу и предлагал продолжить переговоры с руководителем Демократической партии Азербайджана (ДПА) С. Пишевари⁴⁴⁶. В то же время на встрече с шахом в сентябре 1946 г. Аллен рекомендовал вывести из правительства министров, представлявших партию «Туде», что и было сделано при формировании нового кабинета⁴⁴⁷.

Переиграв советское руководство и добившись вывода иностранных войск, иранское правительство взяло курс на сближение с США, от которых оно надеялось получить финансовую и военную помощь. Так, в сентябре 1946 г. Тегеран запросил у Соединённых Штатов ссуду в 50 млн долл. на различные экономические проекты. Однако шах и его министры могли, по мнению Аллена, рассчитывать только на кредит Экспортно-импортного банка США в 10 млн.⁴⁴⁸

18 октября 1946 г. в Госдепартаменте был подготовлен очередной доклад о политике США в Иране. Главными целями американской дипломатии в этой части Азии были названы поддержание иранского суверенитета и ослабление советского влияния. В то же время отмечалась заинтересованность в продвижении военных и экономических интересов США на Среднем Востоке. Для предотвращения «распространения коммунизма» предусматривалась дипломатическая поддержка Тегерана, а также финансовая и военная помощь⁴⁴⁹. Объединённый комитет начальников штабов США, в первые послевоенные годы ещё игравший большую роль в формировании внешней политики, также настоятельно рекомендовал предоставить Ирану вооружение, так как эта страна, по мнению военных, являлась воротами в богатый нефтью Арабский Восток, а также сама обладала колоссальными нефтяными ресурсами⁴⁵⁰. Раздел Ирана на советскую и британскую сферы влияния со стратегической точки зрения означал бы для американцев огромное бедствие. Американская политика северного яруса обороны требовала существования в регионе сильных единых государств, которые должны были служить буфером между Востоком и Западом. Исходя из этих соображений совет военных был принят, и в октябре 1946 г. правительство США согласилось предоставить Ирану военную помощь на сумму в 10 млн долл.⁴⁵¹

На декабрь в стране были назначены выборы в меджлис 15-го созыва, с которыми торопили в Москве в надежде, что новоизбранный парламент ратифицирует нефтяное соглашение. Под предлогом обеспе-

чения безопасности во время выборов правительство предполагало ввести войска в северные провинции. Однако советское посольство заявило, что оно будет рассматривать этот шаг как угрозу безопасности своей стране. Аллен, тем не менее рекомендовал реализовывать правительственный план, а в случае вмешательства советской стороны известить об этом Совет безопасности ООН. 11 декабря иранские войска вошли в Тебриз, установив контроль над иранским Азербайджаном⁴⁵². Точка в восстании на севере страны была поставлена. Сталинская политика в Иране потерпела поражение, и Советский Союз лишился возможности достичь здесь лидирующих позиций. Победителем в иранском кризисе, кроме Тегерана, оказались и Соединённые Штаты, которые значительно усилили своё влияние в регионе.

При подготовке предложений относительно помощи Греции и Турции в рамках «доктрины Трумэна» заместитель главы Госдепартамента Ачесон считал, что если его правительство не окажет финансовую и военную помощь этим странам, то СССР может распространить своё влияние не только на них, но и на соседние государства, в том числе и Иран. Поэтому и Ачесон, и глава Управления ближневосточных и африканских дел Госдепартамента Гендерсон предлагали предоставить помощь и Тегерану, но это противоречило нефтяным интересам Великобритании и не нашло поддержки с её стороны⁴⁵³.

Доктрина Трумэна была встречена в Иране со смешанным чувством. Шах говорил Аллену, что согласен с помощью Греции, но не понимал, почему Турция заслуживала больше внимания, чем его страна, поскольку советская угроза Проливам была, с его точки зрения, риторической, и для отпора ей всегда можно было использовать возможности ООН. Он сожалел о том, что доктрина американского президента не предполагала распространения финансово-экономической помощи на Иран⁴⁵⁴.

В марте 1947 г. в своём новогоднем обращении Кавам заявил о желании разработать и принять 7-летний план экономического развития страны⁴⁵⁵. В апреле правительство США предоставило Ирану кредит в 25 млн долл. для закупки американского военного снаряжения и в скором времени договорилось с Тегераном о продлении срока деятельности американских советников в иранской армии и жандармерии до 20 мая 1949 г.⁴⁵⁶

В 1947 г. Советский Союз продолжил давление на иранское правительство с целью ускорения ратификации соглашения по нефти вновь

избранным меджлисом. Однако в октябре 1947 г. иранские депутаты приняли окончательное решение не ратифицировать это соглашение⁴⁵⁷. Следствием этого шага стала развернувшаяся в СССР кампания критики иранского правительства и его тесных отношений с Соединёнными Штатами. В частности, нападкам подверглось американо-иранское военное соглашение, подписанное в октябре 1947 г. и превращавшее Иран, по мнению советской стороны, в базу американских военных приготовлений против Советского Союза.

Следует отметить, что в послевоенном Иране продолжили свою работу различные консультативные миссии США. После отставки в феврале 1945 г. главного финансового советника Мильспо американская финансовая миссия функционировала до декабря 1945 г.⁴⁵⁸ Продолжили свою работу в Иране в 1945 г. и полковник Шварцкопф в качестве советника иранской жандармерии и полиции, и глава военной консультативной миссии генерал-майор Ридли⁴⁵⁹.

В начале декабря 1945 г. конгрессмен от Южной Дакоты К. Мандт поднял вопрос о целесообразности продолжения миссий Ридли и Шварцкопфа. Он считал, что их присутствие в Иране противоречит американским мирным декларациям и может спровоцировать русских оставить свои войска на севере этой страны. При этом он сравнивал Иран с Мексикой и задавался вопросом: если бы русские советники были в Мексике, как бы к этому отнеслись американцы?⁴⁶⁰ Работа этих миссий по желанию иранской стороны продлевалась в послевоенное время неоднократно.

Следует согласиться с теми авторами, которые утверждают, что у консультативной программы, как и в целом у политики США в Иране, были две стороны: за стремлением помочь Ирану и усилить его экономически и политически скрывалось желание реализовать свои интересы. Американские советники были частью разветвлённого внешнеполитического механизма США и, являясь эффективными агентами влияния, выполняли установки Вашингтона. В целом программа консультативной помощи Ирану оказалась вписанной в общие послевоенные внешнеполитические планы, которые разрабатывались в правительстве США в рамках новых подходов к пониманию национальной безопасности.

Таким образом, после нефтяного кризиса конца 1944 г., вызванного отказом Тегерана предоставить союзникам нефтяные концессии, следуя духу Декларации по Ирану, подписанной на саммите Большой

тройки 1 декабря 1943 г., Вашингтон пытался умиротворить Москву, развернувшую пропагандистскую кампанию против иранского правительства. Одним из последствий этого стало дальнейшее сближение позиций США и Великобритании, которое наблюдалось с начала 1944 г., а также усиление настороженности в их отношениях с Советским Союзом. Испытанием для американо-британского союза стал вопрос о финансовой ответственности за эксплуатацию ТИЖД в годы войны. По вопросу о собственности США в Иране возникли противоречия уже с иранским правительством.

Во время кризиса 1945–1946 гг. иранская политика Сталина потерпела поражение и СССР потерял шанс занять лидирующее положение в стране. Запад же, в свою очередь, апробировал методы противодействия попыткам Москвы распространить контроль на новые территории. Соединённым Штатам к 1947 г. удалось значительно усилить своё влияние в регионе. Этому способствовала ориентация иранского правительства на «незаинтересованного» в сферах влияния актора, «третью силу», в качестве ее рассматривались США, которые в свою очередь демонстрировали решимость поддерживать правительство Ирана в вопросах национального единства и суверенитета.

К 1947 г. в противовес Советскому Союзу, который, проиграв борьбу за иранский Азербайджан, сосредоточился на критике политики иранского правительства и, особенно, её проамериканской ориентации, Соединённые Штаты, наоборот, все больше втягивались в решение внутривнутриполитических иранских проблем, развивая тренд усиления своего влияния в этом регионе. В силу переменчивости международной конъюнктуры и возникновения множества проблем в других регионах мира, в данный исторический период Вашингтон не относил Иран к стратегическим пунктам первостепенной важности, что порой приводило к охлаждению в американо-иранских отношениях и недовольству шахского руководства, которое претендовало на более высокий уровень американской поддержки.

3.2.3. Взаимоотношения США и СССР по поводу арабского региона в 1944–1947 гг.

В середине 1940-х гг. в политике США и СССР на Арабском Востоке появляются новые тенденции. Это выразилось в повышении статуса дипломатических представительств обеих стран: открылись посольства США в Саудовской Аравии и Ираке, Советского Союза – в Каире, Дамаске, Бейруте. Важным фактором перемен стал приход к власти в США президента Трумэна, с именем которого связано втягивание ближневосточного региона в сферу холодной войны. Обозначились англо-франко-американские разногласия по вопросам послевоенного устройства в Сирии, Ливане, Египте и Палестине, в то время как позиции Вашингтона и Москвы по ряду проблем часто совпадали. Г. Колко отмечает, что на Ближнем Востоке проявилась «глубокая двусмысленность в отношениях США со своими военными и идеологическими союзниками, включившимися в непрерывную борьбу за контроль над огромными запасами нефти региона»⁴⁶¹. Что касается Советского Союза, то ему предстояло переформатировать прежний безоговорочно атеистический идеологический дискурс на установку «коммунизм совместим с исламом», чтобы «доктринальная несовместимость» не сказывалась на взаимоотношениях с арабским миром⁴⁶². Кроме того, общей проблемой, с которой пришлось иметь дело великим державам на Арабском Востоке в конце войны, был национализм.

Однако в целом в систему внешнеполитических приоритетов как нового американского президента, так и советского руководителя на завершающем этапе войны Арабский Восток не входил⁴⁶³. Что касается США, то в проведении более активной политики был заинтересован скорее Госдепартамент, а не президент Трумэн, который не смог сразу разобраться в специфике региона, в то время как возникли более сложные проблемы в союзнических отношениях по вопросам послевоенного мира в Европе и окончания войны на Дальнем Востоке. Беспочвенность внешнеполитического ведомства вызывало оживление в стане сторонников изоляционизма. Как отмечает Р. Янг, изоляционисты считали, что основная опасность для США исходит от Великобритании и послевоенный мир «будет определять парадигма англо-советского конфликта»⁴⁶⁴. В связи с этим по инициативе ближневосточного отдела в ноябре 1945 г. состоялась встреча президента с послами, аккредито-

ванными в арабских столицах⁴⁶⁵. Глава Управления ближневосточных и африканских дел (УБАД) Гендерсон в аналитической записке, подготовленной для Трумэна по этому случаю, обратил внимание на необходимость «проведения после войны активной политики на Ближнем Востоке в отличие от той, какая была в 1919 г., когда США устранились от ближневосточных дел»⁴⁶⁶.

На встрече с послами 10 ноября 1945 г. президент признал важность арабских стран в послевоенном мире, заявив, что политика США будет строиться на принципах открытых дверей и равных возможностей, подтвердив, таким образом, продолжение курса Ф. Рузвельта. Отсюда следовала необходимость подписания торговых договоров, равноправных с британскими. Кроме того, Трумэн пожелал встретиться с королём Египта, президентами Сирии и Ливана⁴⁶⁷. Был затронут вопрос об американо-советских отношениях, на что Трумэн сказал, что он «не видит пока никаких причин для конфликта между Россией и США»⁴⁶⁸. Возможность сотрудничества признавалась, но, как заметил американский автор Б. Рубин, при условии, что Советский Союз «не будет выходить за рамки договорённостей»⁴⁶⁹. Однако чиновники Госдепартамента проявили озабоченность по поводу отхода Трумэна от позиции Рузвельта в палестинском вопросе⁴⁷⁰ и высказали предположение, что если «Соединённые Штаты подведут арабов, то те могут повернуться в сторону России»⁴⁷¹.

Внимание, проявленное советской делегацией на Потсдамской конференции и Совещании министров иностранных дел в сентябре 1945 г. к судьбе итальянских колоний (Ливия и Эритрея), событиям в Сирии и Ливане, свидетельствовало о том, что в Москве осознавали значение своих позиций в арабском мире для укрепления влияния в новой системе международных отношений и защиты государственных интересов СССР⁴⁷². Но в Вашингтоне первоначально эти факты не рассматривались как доказательства возможной угрозы. Представитель США в ООН Айвон Кирпатрик в одном из своих публичных заявлений в начале 1946 г. сказал: «Наши проблемы на Ближнем Востоке не созданы Россией. Они существовали до войны и будут существовать, даже если Россия исчезнет со сцены»⁴⁷³. Однако в апреле 1946 г. Трумэн, отмечая важность Ближнего Востока для США, заявил, что этот регион становится ареной соперничества между державами и «это соперничество может вылиться в конфликт»⁴⁷⁴.

В отличие от ряда других регионов, на Арабском Востоке в первые послевоенные годы основными противоречиями были англо-американские, а не американско-советские⁴⁷⁵. В Лондоне увидели опасность для британских экономических и политических позиций на Ближнем Востоке со стороны американцев, ибо Вашингтон дал понять, что он не собирался рассматривать арабские страны как исключительно сферу английских интересов. «Бандитской дипломатией» назвали англичане поведение американских чиновников в Джидде⁴⁷⁶. Англо-американские противоречия в арабском мире становились основными, и это касалось не только сложной палестинской проблемы, но и различий в подходах к реализации принципов Атлантической хартии и имперских методов политики Великобритании⁴⁷⁷, а также доступа американцев к арабской нефти⁴⁷⁸. Не случайно в августе 1946 г. американские нефтяные компании поставили вопрос о пересмотре довоенных соглашений о контроле за нефтяными ресурсами, причём особенно заманчивыми объектами были Ирак и Иран⁴⁷⁹. «Американские амбиции угрожали традиционной гегемонии Лондона», – утверждает Р. Хазэвэй и делает вывод: «Ближний Восток был тем регионом, в котором сталкивающиеся американские и британские интересы создавали предпосылки для прекращения сотрудничества сразу... как только поражение общего противника привело к ослаблению непосредственной потребности близкого взаимодействия»⁴⁸⁰.

В Госдепартаменте всё же не считали разногласия с Лондоном непреодолимыми. В стратегическом планировании важное место отводилось использованию английской военной базы в зоне Суэцкого канала⁴⁸¹. В Ближневосточном отделе учитывали, что в регионе росло напряжение в отношениях между Лондоном и Москвой⁴⁸².

Отечественный автор М. Пелипась отмечает, что, вопреки ранее объявленному курсу на проведение самостоятельной политики в арабском регионе и вытеснение оттуда британцев, «американская дипломатия вынуждена была сотрудничать с англичанами»⁴⁸³. О «дихотомии» американской политики и её колебаниях между соперничеством и сотрудничеством говорит и Г. Колко⁴⁸⁴. Дж. Гуревич определил расстановку сил на Арабском Востоке после окончания войны следующим образом: 1. Англия и Франция стремились сохранить своё влияние и не торопились с реализацией принципов Атлантической хартии в отношении арабских народов. 2. США, заинтересованные в претворении Атлантической хартии, в то же время не желали значительного ослабле-

ния британских имперских позиций в регионе. 3. Советский Союз вместе с Вашингтоном выступал за вывод английских и французских войск, но одновременно был против усиления американского влияния⁴⁸⁵. По мнению современного отечественного автора А. Ерёмкина, в 1945–1947 гг. «все будущие конфликты СССР – США находились в стадии формирования» в том числе и на Арабском Востоке⁴⁸⁶.

После окончания войны важнейшей проблемой в политике держав стало резкое обострение англо-египетских отношений. По словам У. Люиса и Р. Оуэна, Египет стал главным «возмутителем спокойствия» в британских владениях в арабском мире⁴⁸⁷, что послужило поводом для вмешательства в этот конфликт США и СССР. США во время войны значительно укрепили свои позиции в этой стране. Американские политики, особенно из внешнеполитического ведомства, осознавали стратегическую важность Египта и, прежде всего, зоны Суэцкого канала⁴⁸⁸, посольские работники характеризовали его как наиболее влиятельное и развитое государство в арабском мире. В 1946 г. дипломатическая миссия США в Каире получила статус посольства, однако, когда Вашингтон поставил вопрос о равноправии американского посольства с другими, англичане согласились выполнить это требование только после достижения договорённости с Египтом по англо-египетскому договору 1936 г.⁴⁸⁹ Вашингтон проявил активность в развитии экономических отношений с Каиром, чему содействовал выход Египта из «стерлингового блока» в 1947 г.⁴⁹⁰

Дипломатические отношения Советского Союза с Египтом были установлены в 1943 г. Судя по воспоминаниям первого советского посла в Каире Н. Новикова, интерес к СССР со стороны египетской элиты был большой⁴⁹¹. Во время первой встречи с советским послом Мустафа Наххас-паша, премьер-министр Египта, сказал: «Ваш приезд сюда я рассматриваю не только как дипломатический успех Египта, но и как начало нового этапа его национального существования»⁴⁹². Основы советской политики в Египте только закладывались, в то время как влияние США к тому времени значительно укрепились.

В декабре 1945 г. египетское правительство поставило перед Лондоном вопросы о выводе английских войск и о Судане, но Великобритания не торопилась выполнять эти требования⁴⁹³. Движение против британской политики в 1946–1947 гг. охватило всю страну, что заставило Лондон обратиться за помощью к Вашингтону. Антианглийские выступления в Египте совпали с событиями в Греции, иранским кризисом,

обострением советско-турецких отношений. Как пишет П. Хан, «к весне 1946 г. у Трумэна сложилось убеждение, что избежать конфронтации с Советским Союзом не удастся»⁴⁹⁴. В связи с этим в Вашингтоне признали стратегическую ценность египетских воздушных баз, что нашло отражение в «принятии первого военного плана «Мэйкфаст (Makefast)» – воздушной атаки на СССР, в соответствии с которым было намечено в ходе массированного авиационного удара уничтожить промышленный потенциал СССР. Главной целью были нефтяные районы и нефтеперерабатывающая промышленность СССР»⁴⁹⁵.

Массовое антибританское движение против англо-египетского договора 1936 г. с требованием вывода войск первоначально в Госдепартаменте оценивалось как национальное, но вскоре подозрения пали на коммунистов, основанием чему стали данные английской разведки о причастности к организации протестных настроений работника советского посольства⁴⁹⁶. В итоге Вашингтон стал склоняться к поддержке правительства Великобритании в его желании сохранить британские войска в зоне Суэцкого канала. В мае 1946 г. госсекретарь Бирнс известил египетского короля Фарука, что в целях сохранения безопасности и стабильности всего региона США поддерживают позицию Великобритании, и одновременно дал распоряжение американскому послу в Каире переговорить с королём, чтобы убедить его согласиться с британским планом вывода английских войск через пять лет⁴⁹⁷. «В ходе разговора Вы можете признать, что британцы в прошлом совершали ошибки, но сейчас, Вашингтон в этом убеждён, Великобритания является искренней и желает найти решение проблемы», – писал госсекретарь своему послу⁴⁹⁸. Однако обращение госсекретаря к Фаруку имело обратные последствия: оно было расценено как вмешательство Вашингтона в дела Египта, привело к ещё большей несговорчивости египтян на переговорах и усилило напряжённость в стране⁴⁹⁹.

Вскоре американцы отказались от посредничества в англо-египетском споре, хотя и обвинили египетских политиков в том, что они провоцируют «постоянную конфронтацию с Лондоном с целью удержать свою популярность в народе», – замечает Хан⁵⁰⁰. Однако политика невмешательства, с одной стороны, а с другой – попытка добиться компромисса между Лондоном и Каиром, привели к ухудшению отношений США с обеими странами. Тупик в переговорах заставил египетское правительство поставить вопрос о вмешательстве Великобритании во

внутренние дела страны в Совете Безопасности. Об этом в Москве в декабре 1946 г. говорил египетский посол в Советском Союзе М. Биндари: «В Египте многие рассчитывают на абсолютно доброжелательное отношение к этому советского руководства»⁵⁰¹. Вскоре в египетской прессе появилось сообщение, что Молотов пригласил Биндари и сообщил, что Советский Союз готов оказать поддержку Египту в ООН, но тут же последовало опровержение этой информации ТАСС. В связи с этим глава Лиги арабских государств (ЛАГ) сказал: «Я не понимаю политики СССР, она меняет цвет каждый день»⁵⁰².

На переговорах в Москве в марте 1947 г. Сталин обещал министру иностранных дел Великобритании Бевину, что Советский Союз не будет препятствовать английской политике в Египте⁵⁰³. Однако вскоре советская пресса стала осуждать США за вмешательство в египетские дела⁵⁰⁴. В Вашингтоне эти факты расценили как проявление советской стороной желания поддержать Египет в СБ ООН, что не соответствовало интересам как Великобритании, так и США. Правительство США подзревало советское руководство в намерении обострить англо-американские отношения, которые и так были достаточно напряжёнными. В результате летом 1947 г., когда египетское правительство обратилось в Совет Безопасности, Вашингтон выступил против обсуждения этого вопроса, исходя из того, что СССР не поддерживает Великобританию и потребует полного вывода войск из зоны Суэцкого канала⁵⁰⁵, а открытая демонстрация Москвой проегипетской позиции могла «открыть дорогу для советско-арабского сотрудничества»⁵⁰⁶. Тем не менее Махмуд Нукраши, премьер-министр Египта, в Нью-Йорке, куда он прибыл для участия в работе Совета Безопасности, встретился с госсекретарём Дж. Маршаллом и сообщил ему, что Египет рассчитывает на поддержку США⁵⁰⁷, но получил уклончивый ответ. В беседе с Кермитом Рузвельтом Нукраши сказал: «Египет не сочувствует коммунистам, но если Америка в СБ поддержит Великобританию, а Советский Союз – Египет, египтяне сами решат, какая страна для них дружественная»⁵⁰⁸.

В мае 1947 г. Биндари-паша пытался вновь выяснить позицию Кремля в случае обсуждения вопроса в ООН⁵⁰⁹. Как следовало из докладной записки главы ближневосточного отдела МИДа СССР И. Н. Бакулина, в данном вопросе советские дипломаты исходили из нежелания «быть использованными египетской верхушкой во время их торга с англичанами»⁵¹⁰.

Обсуждение египетского вопроса в Совете Безопасности продолжалось с 5 августа до 10 сентября 1947 г.⁵¹¹ Громыко на этих заседаниях, поддерживая требование египетского правительства «о немедленном выводе английских войск с территории Египта и Судана», суданский вопрос выделил как самостоятельный и преждевременный⁵¹². Разногласия членов СБ по вносимым резолюциям привели к тому, что не было принято никакого решения и египетский вопрос отложили на неопределённое время. Вслед за этим в Египте возобновились антиимпериалистические демонстрации, но уже осенью главной проблемой в политической жизни страны стала палестинская.

Американская позиция в отношении англо-египетских разногласий была двойственной: в Вашингтоне понимали, что отказ английского правительства от решения вопроса в пользу Египта осложнял отношения Запада с арабскими странами, но в то же время присутствие английских войск в регионе было необходимо для обеспечения западных стратегических интересов. Для Советского Союза Египет имел не менее важное стратегическое значение, как и для США, но помимо этого сочувствие и поддержка Египта на международной арене открывали для Москвы возможности включиться в решение других ближневосточных проблем, таких как вывод англо-французских войск из Сирии и Ливана или палестинская.

В орбиту американской и советской политики во время Второй мировой войны был включён Ирак, который традиционно считался сферой английского влияния. В мае 1945 г. регент Ирака посетил Вашингтон. На встрече с ним Трумэн подчеркнул, что Соединённые Штаты заинтересованы в развитии отношений с Ираком. В Госдепартаменте обсуждался вопрос об иракской нефти⁵¹³. Уже тогда в Вашингтоне пришли к выводу, что «Ирак может стать ключевым государством на Ближнем Востоке». «Наше положение в регионе будет в значительной мере зависеть от отношения Ирака к США», – считали чиновники внешнеполитического ведомства⁵¹⁴.

В советской политике повышение внимания к Ираку было обусловлено в значительной мере восстанием курдов, которое фактически не прекращалось с 1943 г. Курдистан превращался в арену соперничества США, Великобритании и СССР. В апреле 1944 г. Нури Саид предложил объединить все курдские районы в один автономный курдский вилайет, но это шло вразрез с планами США и Англии обеспечить себе доступ

к нефтяным ресурсам Ирака и Ирана⁵¹⁵. Кроме того, с весны 1944 г. советской стороной стали предприниматься попытки использовать курдское движение как в Иране, так и в Ираке в собственных интересах⁵¹⁶. Курдская проблема представляла опасность, прежде всего, для Лондона, так как советские войска в Иране находились в пограничном с иракскими курдами районе и могли оказать им помощь⁵¹⁷. Действительно, Мустафа Барзани 7 мая 1945 г. обратился к советскому командованию в Иранском Курдистане с просьбой о помощи и предложением установить «более эффективные связи с партией “Возрождение Курдистана”»⁵¹⁸. Его инициативы были встречены благожелательно. 27 августа в письме Сталину Барзани резко критиковал Англию и просил помочь повстанцам оружием и материально, предложил установить всестороннюю связь и выразил готовность перейти под покровительство СССР «в виде одной свободной республики»⁵¹⁹. После поражения восстания в августе советское командование согласилось на размещение отрядов Барзани в Мехабаде (Иранском Курдистане), в результате последние стали основной военной силой в Мехабадской республике⁵²⁰. В письме М. Багирову, руководителю ЦК компартии Азербайджана, Мустафа Барзани отмечал, что «сочувственного отношения к нашей борьбе на территории Ирана со стороны советского правительства мы не увидели. На страницах советской печати нам не уделялось внимание»⁵²¹. Курдское повстанческое движение в тот период Сталина не интересовало, хотя в письме советскому руководителю Барзани подчеркнул, что «восстание не преследует никаких антисоветских целей»⁵²².

Проблема Курдистана не рассматривалась на совещаниях глав антигитлеровской коалиции, тем не менее курдский аспект стал составной частью «иранского кризиса» 1946 г., сыгравшего заметную роль в формировании политики холодной войны. Американский исследователь У. Хоуэлл, оценивая советскую политику, пришёл к выводу, что «курдская проблема на Ближнем и Среднем Востоке использовалась Советским Союзом в зависимости от стоявших перед ним задач в регионе»⁵²³. Несмотря на то, что началась интернационализация курдского вопроса, проблема создания «Великого Курдистана», как считает Хоуэлл, никого не интересовала как по причине богатейших нефтяных ресурсов данного региона, так и по геополитическим.

Однако в работе «СССР и страны Востока накануне и в годы Второй мировой войны» отмечается, что американцы вели пропаганду среди

курдов через «Общество иракско-американских культурных связей», а военные круги в Вашингтоне «серьёзно обсуждали планы создания «Великого Курдистана» под американским протекторатом»⁵²⁴. В то же время в американской публикации документов по внешней политике за 1945–1946 гг. курдский вопрос затрагивался в переписке послов с госсекретарём только в связи с событиями в Иране⁵²⁵. Так, поверенный в делах США в Советском Союзе Дж. Кеннан в письме госсекретарю сообщал, что «ситуация в Иракском Курдистане неясная. Но очевидно, что Советы инспирировали и вооружили курдских повстанцев в районе Мосула»⁵²⁶. Вашингтон не советовал вице-консулу в Тебризе посещать Мехабад, центр курдского движения в Иране, где в это время находились и отряды Барзани, так как «это могут расценить, особенно в Турции и Ираке, как проявление американских симпатий к планам создания курдской независимости»⁵²⁷. Американский посол в Москве в своём сообщении высказал сомнение в том, что «Москве удастся вовлечь в движение турецких курдов», после того как не удалось объединить иракских и иранских⁵²⁸. В целом на иракском направлении США были в основном заинтересованы в укреплении своих нефтяных позиций, повышении статуса дипломатического представительства, развитии торговых связей, равенства в правах с Великобританией. Курдистан превращался в арену соперничества США, Великобритании и СССР.

Одной из главных проблем в политике держав на Ближнем и Среднем Востоке стало присутствие здесь иностранных войск. Формально и СССР, и Великобритания, и Франция нарушали подписанные в годы войны соглашения о сроках вывода своих войск из названных стран, однако жёсткая позиция была занята только в связи с пребыванием советских войск в Иране, что привело к кризису в отношениях бывших союзников. Джойс и Габриэл Колко пишут, что ещё осенью 1945 г. американский посол в Иране У. Мюррей сообщал в своих донесениях, что «события в Иране создают потенциальную угрозу нашим интересам в Саудовской Аравии, Бахрейне и Кувейте»⁵²⁹. После советской ноты Турции в августе 1946 г., как отмечал У. Лафибер, «в Госдепартаменте была паника. Русские продвигаются везде»⁵³⁰. На Московской конференции министров иностранных дел в декабре 1945 г. Молотов заявил английскому министру Бевину, что «Россия готова уйти из Ирана, если Англия уйдёт из Египта и Палестины. У нас гораздо больше прав на Иран, чем у Англии на Египет и Палестину.

В любом случае Тегеран гораздо ближе к нашим границам, чем Каир и Иерусалим к Лондону. Близок день, когда Россия скажет свое слово в ближневосточном вопросе, и поэтому нам надо быть в курсе всего, что происходит в этом регионе»⁵³¹.

Отказ Москвы своевременно вывести свои войска из Ирана бывшими союзниками стал расцениваться как «готовность захватить остальной Иран, Турцию, Ирак». По словам Трумэна, сказанным им А. Гарриману в связи с иранскими событиями, возникновение войны с Советским Союзом было весьма вероятно⁵³². Л. Гарднер, отмечая, что Трумэн рассматривал Иран, Грецию и Турцию как заслон на пути СССР к Ближнему Востоку, добавляет, что «это был опасный тонкий защитный слой, прикрывающий стратегический нефтяной район в Саудовской Аравии»⁵³³. Весной 1946 г. Советский Союз вывел войска из Ирана, в то время как англичане и французы не торопились с выводом своих войск из Египта, Сирии, Ливана, Ирака, что послужило поводом для советской делегации в ООН поставить этот вопрос в СБ⁵³⁴. Таким образом, позиция Советского Союза в отношении англо-египетского спора и стран Леванта во многом определялась той ситуацией, которая возникла в районах, вплотную примыкающих к южным границам СССР.

В то же время осознание Вашингтоном полезности англо-французских военных баз на Арабском Востоке ещё не означало, что они поддерживали имперскую политику этих стран в Сирии и Ливане. Если в египетском вопросе Вашингтон и Москва заняли противоположные позиции, то при обсуждении ливантйского кризиса подходы США и СССР в основном совпали⁵³⁵. Как пишет Рубин, в Госдепартаменте «не желали осложнений из-за Леванта, так как это могло сказаться на общих позициях США в арабском мире»⁵³⁶. Декларируемая Вашингтоном приверженность принципам Атлантической хартии применительно к арабским народам побуждала занять решительную позицию по вопросу о выводе англо-французских войск. Но главную роль сыграли стратегические и экономические причины, ибо американское правительство было заинтересовано в прокладке нефтепровода «Таплайн» по территории, не подконтрольной Великобритании. США вместе с делегацией Советского Союза поддержали жалобу Дамаска и Бейрута на действия французских и английских властей, поданную в Совет Безопасности. Однако во время голосования обнаружили расхождения: глава советской делегации А. Вышинский выступил с требованием,

чтобы «было вынесено решение Совета Безопасности об общей немедленной и одновременной эвакуации французских и британских войск из Сирии и Ливана», по существу, поддержал резолюцию, предложенную Египтом и одобренную Сирией и Ливаном⁵³⁷. США, выступая за вывод англо-французских войск, считали, что он должен осуществиться на основании двусторонних соглашений. В конечном итоге из-за несовпадения позиций США и СССР решение не было принято⁵³⁸.

Таким образом, иранские события и претензии Москвы к Турции сыграли важную роль во взаимоотношениях Вашингтона и Москвы по поводу арабского региона в целом. Если до этого основные трудности в советско-американском диалоге касались восточноевропейских стран, то теперь вашингтонские политики не исключали возможность советской экспансии в сторону Ближнего Востока⁵³⁹. Но, как замечает П. Хан, «советские претензии к Турции беспокоили Запад не потому, что их волновали национальные интересы этой страны. Турция рассматривалась как барьер на подступах Советского Союза к Суэцу»⁵⁴⁰. Л. Гарднер, напротив, считает, что «интерес Сталина к итальянским колониям Ливии и Эритреи подтолкнул Трумэна к мысли, что Советский Союз нельзя допускать в регион, где имелись такие запасы нефти»⁵⁴¹.

В начале 1947 г. скорее Великобритания выступала на Арабском Востоке с позиций сдерживания, а не Вашингтон. Лондон в разгар волнений в мае 1947 г. в арабском мире актуализировал тему «Ближнего Востока как вероятного направления советской агрессии»⁵⁴² и выдвинул идею создания регионального военного блока⁵⁴³. В Госдепартаменте многие с беспокойством следили за антисоветской политикой британского кабинета в этом регионе, считая, что она несёт определённую угрозу интересам Запада и может усилить позиции России, а также опасались, как бы «Великобритания не втянула США в войну с СССР»⁵⁴⁴.

Возникшие расхождения в оценке событий на Ближнем Востоке между Лондоном и Вашингтоном, понимание того, что политические позиции Великобритании ослабли, заставили английское правительство выступить с инициативой англо-американских переговоров на высшем уровне для выработки общей стратегии. Госсекретарь США Дж. Маршалл принял предложение главы британского внешнеполитического ведомства Бевина.

С 16 октября по 6 ноября 1947 г. в Вашингтоне проходили переговоры, которые вошли в историю как «Переговоры в Пентагоне»⁵⁴⁵. Был

очерчен большой круг вопросов, связанных с оценкой ситуации и роли следующих стран: Турции, Ирана, Афганистана, Греции, арабских государств и Эфиопии. Американская и английская группы представили свои оценки, касающиеся политических, экономических, военных и стратегических проблем всех локальных регионов большого пространства Ближнего и Среднего Востока, при этом к началу переговоров их подходы не совпадали по всем вопросам. Итоговые материалы говорят о том, что США рассматривали регион как зону жизненных интересов Запада, отдельно подчёркивалось, что «морские коммуникации в Средиземном море от Гибралтара до Суэцкого канала не должны быть под контролем недружественных США держав»⁵⁴⁶. Стратегическую важность арабского региона усиливала его привлекательность для размещения военных баз, которые, по мнению сторон, предполагалось создать на территориях Киренаики, Трансиордании, Ирака, Кувейта и Египта, причём Киренаика и Кувейт рассматривались как альтернатива в случае эвакуации английских войск из Египта и Ирака⁵⁴⁷. Англичане, по существу, вынуждены были отказаться от плана «Великой Сирии»⁵⁴⁸, так как он встретил сопротивление со стороны Саудовской Аравии и самой Сирии; Лондон, в свою очередь, должен был убедить короля Ибн Сауда в том, что «США и Великобритания не соперники и их позиции совпадают»⁵⁴⁹. В связи с Сирией обсуждался вопрос о передаче ей Александрии⁵⁵⁰, однако стороны пришли к выводу, что следует сохранить эту территорию за Турцией, чтобы «не подтолкнуть СССР к постановке вопроса о пересмотре советско-турецкой границы»⁵⁵¹.

На переговорах обсуждалась советская арабская политика, в частности отмечалось, что «арабы уважительно относятся к советской власти», в арабские страны «проникают коммунистические идеи», это особенно заметно в Ливане. Москва претендует на итальянские колонии, но «Советский Союз не должен никаким образом — прямым или косвенным — закрепиться на этих территориях»⁵⁵². Основным выводом заключался в том, что дальнейшее ослабление позиций англичан, а также англо-американские противоречия не соответствуют интересам США в регионе. Можно утверждать, что с этого времени на Ближнем Востоке стал складываться стратегический союз между США и Великобританией, несмотря на расхождения в подходах к ряду основных проблем, например палестинской. В целом материалы переговоров носили неофициальный характер, однако они были одобрены президен-

том и стали основой для разработки ближневосточной позиции США в Совете национальной безопасности. Исходя из этого, вполне объяснимы мотивы, которыми руководствовался госсекретарь Дж. Маршалл, когда 4 декабря в Лондоне предложил своему английскому коллеге не информировать Советский Союз о переговорах.

Американцы вели сложную дипломатическую игру – они хотели опереться на Англию для усиления своих собственных позиций и тем самым ослабляли её. 12 марта 1947 г. президент Трумэн выступил с предложением об оказании помощи Греции и Турции для «сдерживания “мирового коммунизма”». Возникает естественный вопрос, какое отношение имела эта политика к советско-американским отношениям по поводу арабского мира? По мнению М. Пелипаса, «до 1949 г. арабский регион не попадал под действие стратегии сдерживания»⁵⁵³. Основанием для такого вывода стал тот факт, что в доктрине «отсутствовали указания на экономические интересы США в ближневосточном регионе»⁵⁵⁴. Дж. и Г. Колко, акцентируя внимание при анализе американской политики на её экономических целях, пришли к иному заключению, утверждая, что действия США были «мотивированы только собственными интересами», и соглашались с выводом английского журнала «Экономист», появившимся на следующий день после оглашения доктрины Трумэна, в котором выступление президента было оценено как доказательство «глубокого погружения США в Ближний Восток»⁵⁵⁵. Хотя Госдепартамент отрицал, что «доктрина покушается на нефтяную политику держав на Ближнем Востоке», эти авторы приводят сведения о длительных американско-английских переговорах 1948 г. по поводу пересмотра «линии» разграничения нефтяных интересов в пользу США. Л. Гарднер, по существу, пишет о том же. По его мнению, «доктрина отражала конкретные американские нефтяные интересы на Ближнем Востоке». Свою точку зрения он подкрепляет ссылкой на предварительный проект речи Трумэна, в котором присутствовали пассажи о том, что «запасы нефти нуждаются в защите»; «смещение и беспорядки могут распространиться по всему Ближнему Востоку... в том числе и в тех районах, где Соединённые Штаты кровно заинтересованы в сохранении порядка и мира»⁵⁵⁶. Однако в окончательный вариант речи эти откровения не вошли. Л. Шелдон, оценивая главную цель доктрины, заметил, что «в действительности она означала заявку на право США унаследовать то влиятельное положение, которое раньше имела Вели-

кобритания на Ближнем Востоке»⁵⁵⁷. В СССР, несмотря на беспокойство по поводу создания военных баз по периметру советских границ, по мнению указанных авторов, доктрину также оценили как «своеобразную нефтяную дипломатию и проявление англо-американского соперничества»⁵⁵⁸.

Что касается арабских стран, то под впечатлением от доктрины американского президента они стали просить у Соединённых Штатов такой же помощи, какая оказывалась Греции и Турции. Как пишет Гарднер, «арабские страны с радостью приняли бы американскую помощь якобы для борьбы с советской угрозой»⁵⁵⁹. Однако, несмотря на то что стратегическая важность Ирана, Ирака и Саудовской Аравии признавалась, им было отказано в военной помощи на том основании, что «их потребности не являются столь уж безотлагательными и они не смогут отразить атаку Советского Союза без поддержки Соединённых Штатов». С другой стороны, было учтено, что они практически не смогут в случае необходимости предоставить военную помощь Соединённым Штатам⁵⁶⁰. В качестве аргумента Вашингтон также ссылался на позицию арабов по палестинскому вопросу.

Позиция в палестинском вопросе, во многом определившем послевоенную ситуацию в арабском мире, стала составной частью и американской, и советской стратегий⁵⁶¹. Так как палестинская проблема – это самостоятельная тема, рассмотрим её через призму восприятия арабами позиций США и СССР⁵⁶².

Сразу же после смерти Рузвельта Госдепартамент, военное ведомство и УСС обратили внимание Трумэна на необходимость придерживаться осторожной и взвешенной политики и «воздерживаться от принятия решения, которое «взорвёт обстановку на Ближнем Востоке»». С их точки зрения «дружба с арабами более соответствовала американским интересам на Ближнем Востоке, чем создание еврейского государства»⁵⁶³. В письме от 18 апреля 1945 г. госсекретарь Э. Стеттиниус довёл до сведения Трумэна, только что занявшего пост президента, что «вопрос о Палестине выходит за пределы проблемы бедственного положения евреев в Европе. Постоянная напряжённость на Ближнем Востоке – результат палестинского конфликта». Далее госсекретарь напомнил, что Рузвельт дал определённые гарантии арабам, которые они рассматривают как обязательства со стороны США⁵⁶⁴. Госдепартамент советовал президенту воздержаться от односторонней поддержки

сионистов⁵⁶⁵. Д. Ачесон, Р. Ловетт, Дж. Форрестол, Л. Гендерсон полагали, что «контроль над ближневосточной нефтью неизмеримо важнее, чем воплощение мечты сионистов. Евреи в их понимании были всего лишь достойными сочувствия жертвами обстоятельств, в то время как Саудовская Аравия считалась «делом первостепенной важности»⁵⁶⁶. Эта группировка, как отмечают авторы книги «Тайная война против евреев» Лофтус и Ааронс, была связана с людьми, стоящими вне правительства, в особенности с представителями нефтяных компаний. Одним из самых сильных врагов Израиля была «Арамко» – саудовский нефтяной гигант. «Арамко» оказывала всяческую поддержку антиссионистской линии Форрестола.

17 мая Трумэн направил письмо королю Трансиордании, в котором подтвердил данное Рузвельтом обещание арабам⁵⁶⁷. Давая такие заверения, президент, очевидно, руководствовался противоречивыми чувствами. Помимо просионистских настроений в самом американском обществе, было сильно сочувствие «к бедственному положению перемещённых лиц еврейской национальности в Европе»⁵⁶⁸. Перед поездкой Трумэна на Потсдамскую конференцию ему было вручено письмо за подписью 54 сенаторов и 250 членов Палаты представителей, в котором речь шла о необходимости отмены запрета иммиграции евреев в Палестину⁵⁶⁹. На Потсдамской конференции Трумэн поставил перед Черчиллем вопрос о необходимости разрешить въезд в Палестину 100 тыс. евреев, при этом не взяв на себя, как пишет Ачесон, никакой политической и военной ответственности за поддержание порядка⁵⁷⁰. Внешнеполитическое ведомство пыталось объяснить президенту, что это создаст угрозу американскому престижу в арабском мире. Гендерсон в направленном Трумэну послании призвал обсудить вопрос с участием Великобритании, Советского Союза, возможно, Франции, а затем обратиться к арабам и евреям⁵⁷¹. Но советы специалистов по Ближнему Востоку не были приняты во внимание главой Белого дома⁵⁷². «Расхождения во взглядах на решение палестинской проблемы между Белым домом и Госдепартаментом, – пишет Ленцовски, – наносили урон американскому престижу в арабском мире»⁵⁷³. Хазэвэй, анализируя причины приверженности Трумэна плану свободной иммиграции европейских евреев, пришёл к выводу, что, помимо давления «еврейского лобби» и значимости голосов американских евреев в период избирательной кампании, существенную роль сыграл моральный фактор. Автор замечает, что для Трумэна «араб-

ский мир в значительной степени утратил свой приоритетный статус при решении палестинской проблемы, так как в годы войны многие его лидеры откровенно проявляли пронемецкие чувства, к тому же поздно объявили войну» странам оси⁵⁷⁴. Как только стало известно о предложении Трумэна в Потсдаме, арабские руководители направили ноты протеста, в которых говорилось о нарушении американским правительством взятых обязательств и потребовали опубликования письма Рузвельта⁵⁷⁵. Трумэн встречался с принцем Фейсалом в Вашингтоне, но, по словам Ачесона, «они говорили об одном, но по-разному. Ни один не понимал беспокойства другого»⁵⁷⁶.

Интерес к Палестине проявляло и руководство СССР. В январе 1944 г. в Москве прошла выставка сельскохозяйственной продукции еврейских поселений в Эрец-Исраэль, а в феврале 1945 г. советские участники учредительной конференции Всемирной федерации профсоюзов поддержали резолюцию, гласившую, что «еврейский народ должен получить возможность продолжить строительство своего национального очага в Палестине»⁵⁷⁷. Параллельно советские мусульмане совершили хадж в Мекку и были приняты королём. На обратном пути они сообщили сотрудникам советского посольства в Каире о выступлении Ибн Сауда перед паломниками, «который призвал их бойкотировать евреев в тех странах, где они живут»⁵⁷⁸.

В это же время посланник в Каире Н. Новиков сообщал, что в советскую миссию от «Общества мусульманских братьев» («Ихване-муслимин») «поступило более 230 писем протеста против попыток превращения Палестины в «еврейское государство»⁵⁷⁹. Из сообщения второго секретаря миссии СССР в Египте А. Султанова явствовало, что после Панарабской конференции (Каир, 25 сентября – 7 октября 1944 г.) арабы возлагали «большие надежды на позицию Советского Союза в палестинском вопросе»⁵⁸⁰. 19 августа 1945 г. генеральный секретарь Лиги арабских государств (ЛАГ) Абдель Рахман Аззам-бей заметил, что «арабам непонятно, почему в разрешении палестинского вопроса не участвуют русские, если он является международным вопросом»⁵⁸¹. СССР стал активно включаться в палестинский процесс.

Поведение советского руководства было непонятным для многих зарубежных политиков и наблюдателей. С одной стороны, Москва демонстрировала свою поддержку арабским народам в их сопротивлении английскому империализму, но с другой – рассматривала вопрос о целесообразности поддержки еврейского государства в Палестине. Так, в записке

заместителя наркома иностранных дел С. Кавтарадзе Молотову обосновывались причины, по которым следовало открыть консульство в Иерусалиме или другом пункте: «Необходимость наблюдения за политикой Англии и США в этом районе; прямые наши имущественные интересы, выражающиеся в сумме до 1 млн английских фунтов стерлингов; проживание там более двухсот советских граждан и нескольких тысяч выходцев из прибалтийских республик, Бессарабии и Западной Украины»⁵⁸².

Созданная в 1945 г. под председательством М. Литвинова комиссия по подготовке мирных договоров, анализируя палестинскую ситуацию, пришла к выводу, что «правительство США вряд ли захочет сосориться с арабами, когда интересующий американцев нефтепровод из Саудовской Аравии должен проходить через сотни километров арабской территории. За разрешение палестинской проблемы скорее всего мог бы взяться СССР, свободный как от арабского, так и еврейского влияния. Это дает ему право, по крайней мере, сделать заявку на предоставление ему временной опеки над Палестиной до более радикального разрешения проблемы»⁵⁸³.

В этом отношении представляют интерес выводы посланника в Ливане Д. С. Солода: «Каково бы ни было решение палестинского вопроса, сумеют ли американцы потеснить здесь англичан или нет, но мне кажется, что в обоих случаях его решение без нашего участия для нас невыгодно», и далее посланник резюмирует: «Евреи в Европе находятся не только в англо-американской оккупационной зоне, но и в советской. И кроме того, сама Палестина находится не только на британских имперских коммуникациях, но также и на советских линиях морской связи с различными портами нашей собственной страны»⁵⁸⁴.

Примерно в это же время (январь 1946 г.) американский посол в Советском Союзе У. Смит сообщал: «Советское правительство умудряется оставаться в стороне от Палестинской проблемы, что позволяет тайно поддерживать за рубежом критиков сионизма, но внутри страны выражена линия на сочувствие и евреям, и арабам, а также на обвинения в вероломстве американцев и англичан»⁵⁸⁵. Опубликованные в сборнике «Советско-израильские отношения» документы дают представление о контактах Москвы с сионистами, но одновременно раскрывают игру, которую начал Кремль в арабском регионе.

Весной 1946 г. была создана англо-американская комиссия для изучения палестинского вопроса. Отчёт о её деятельности был опубли-

кован 30 апреля 1946 г. и содержал рекомендации не создавать ни еврейского, ни арабского государства; вместо мандата предполагалась британская опека над Палестиной, которая впоследствии заменялась на контроль ООН⁵⁸⁶. Деятельность комиссии вызвала волну протеста в арабском мире, о чём предупреждал Эр-Рияд⁵⁸⁷. В письме Ибн Сауда Трумэну от 4 октября говорилось, что американское правительство нарушило обещания, данные в заявлении Белого дома от 16 августа, вести переговоры с участием министров иностранных дел арабских государств⁵⁸⁸. Однако президент исходил из того, что въезд 100 тыс. европейски евреев «не нанесёт ущерба правам арабов»⁵⁸⁹.

Советская оценка нашла отражение в «Записке ближневосточного отдела МИД», в которой говорилось, что комиссия была «незаконна обсуждать и разрешать палестинскую проблему без участия непосредственно заинтересованных сторон». Вместо британской Москва предлагала опеку ООН (США, СССР и Великобритания), прекращение мандата и вывод всех иностранных войск из Палестины⁵⁹⁰.

В сионистских кругах негативное отношение Москвы к англо-американской комиссии сочли проявлением стремления России принять непосредственное участие в разрешении палестинской проблемы, а это, по их мнению, был путь к вмешательству и в другие проблемы Арабского Востока⁵⁹¹. Э. Сассон отметил «двойственность» в политике Кремля: «Причина проста: во-первых, они не хотят определять своё место в еврейско-арабском конфликте в Палестине (ни на стороне евреев, ни на стороне арабов); они не хотят определяться в арабско-курдском конфликте в Ираке (опять же – ни на той, ни на другой стороне). Во-вторых, они хотят быть влиятельным фактором на Арабском Востоке, вмешиваться в проблемы региона и участвовать в определении решений, не платя за это никому»⁵⁹². Советские дипломаты на Ближнем Востоке сообщали в МИД, что «поддержка США евреев в вопросе о Палестине привела к резкой полемике между Великобританией и США». Вашингтон не может допустить, чтобы Палестина осталась в руках Великобритании, так как «это означало бы для США английский контроль над вывозом нефти из Саудовской Аравии. С другой стороны, обладание Палестиной (в той или иной форме) для США означает серьёзную опорную базу на Средиземном море»⁵⁹³.

В судьбе Палестины, как пишет отечественный автор Г. Исаев, «решающее значение имели позиции США и СССР»⁵⁹⁴. Советская пози-

ция постепенно эволюционировала в пользу раздела Палестины на два государства. В мае 1947 г. Громыко выступил на специальной сессии ГА ООН с идеей создания двунационального государства, «вызвав разочарование и уныние у арабов». Руководство партии «Мапай» заметило, что определённые арабские круги в связи с этим «сделали вывод, что им следует больше считаться с СССР, отказавшись от исключительной ориентации на англичан. Эти круги считают, что арабы должны заплатить русским более высокую цену, чтобы завоевать их поддержку»⁵⁹⁵. Сдержанно к такому повороту в политике советского руководства отнёсся посол в Ираке А. Султанов. В своём письме в МИД он высказал опасение, что взятый курс «может оттолкнуть от нас арабский мир в целом; поможет сколотить антисоветский мусульманский блок из стран Арабской лиги, Турции, Ирана и Пакистана»; арабы «открыто пойдут на предоставление баз и стратегических ресурсов на случай войны против нас»⁵⁹⁶.

13 октября 1947 г. советское посольство в США сообщило, что СССР поддерживает план раздела Палестины, а 29 ноября делегация СССР и всех входивших в его состав или подконтрольных ему стран-членов ООН (Белоруссии, Украины, Польши, Чехословакии) проголосовали на сессии Генеральной Ассамблеи за соответствующую резолюцию.

В историографии выдвигаются разные версии по поводу отношения советского руководства к разделу Палестины на два государства. Г. Костырченко, например, исходит из того, что поддержку сионистам в конце войны Сталин оказывал с целью ослабления позиций Великобритании⁵⁹⁷. М. Горелик также пишет, что «Британия всегда была для Сталина символом врага. Отрицательное отношение к ней часто выходило за рамки политического прагматизма»⁵⁹⁸. Приводя утверждение Голды Меир о том, что истинным мотивом Сталина, поддержавшего создание Израиля, «было изгнание Англии с Ближнего Востока», Жорес Медведев замечает, что такая установка «отражала лишь одну сторону очень сложной международной проблемы. Создавая зону постоянного конфликта между арабами и евреями, в которую неизбежно вовлекались США и западноевропейские страны, Сталин обеспечивал безопасность южных границ СССР»⁵⁹⁹. Х. Де Сантис идёт ещё дальше, декларируя, что «Москва хотела использовать острый вопрос о послевоенном еврейском доме в Палестине для усиления своего влияния в арабском мире»⁶⁰⁰.

На наш взгляд, наиболее вероятная причина состоит в том, что через вовлечение в палестинский кризис Советский Союз обозначил решимость усилить своё присутствие на Арабском Востоке, причём на этом раннем этапе позиции СССР и США совпали, хотя цели были разными. Что касается арабских народов, то они негативно воспринимали как американскую, так и советскую позиции. Так, в Эр-Рияде Советский Союз оценивали как «косвенную угрозу» из-за «прочных отношений между коммунизмом и сионизмом» и «русской пропаганды, проводимой Православной церковью»⁶⁰¹.

Период 1944–1947 гг. в истории взаимоотношений США и СССР по поводу стран Арабского Востока характеризовался противоречивыми тенденциями. С одной стороны, имело место совпадение позиций по целому ряду вопросов, в частности в отношении англо-французского присутствия в Египте, Сирии, Ливане, отмены односторонних привилегий, ситуации в Палестине. В результате на раннем этапе развития послевоенных советско-американских отношений в этом регионе были предпосылки для проведения бесконфликтных курсов, но очень скоро продвижение в этом направлении оказалось невозможным по целому ряду причин. Прежде всего сказывалось влияние исторической традиции, в рамках которой политику СССР на Ближнем Востоке воспринимали как продолжение царской, хотя это всегда касалось скорее Балканского региона, Проливов, Турции и Ирана, а не арабских стран.

В годы Второй мировой войны арабский мир вошёл в сферу стратегических интересов США, в результате чего традиционно неоднозначные отношения Советского Союза с Турцией и Ираном стали рассцениваться в Вашингтоне как угроза нефтяным и военно-политическим интересам Запада. Значительную роль в восприятии Советского Союза как враждебной американцам силы сыграла Великобритания. Доктрина Трумэна, очевидно, была направлена на создание барьера из будущих членов НАТО – Турции и Греции – и военных баз на Ближнем Востоке для защиты геополитических и стратегических интересов США в арабском мире от притязаний СССР, противодействие которым стало рассматриваться как важная цель при разработке стратегических планов Запада. Советский Союз первоначально воспринимался как геополитический соперник, но по мере распространения конфликтной зоны на Восточную Европу, Средний и Дальний Восток большую роль приобрели идеологические мотивы. В США с болезненной подозрительностью

начали оценивать опасность проникновения коммунистических идей через арабские партии и коммунистов-израильтян в арабский мир⁶⁰².

Следует отметить, что по сравнению с военным периодом внешнеполитическая активность советской дипломатии стала более заметной, что служило поводом для использования руководством США тезиса о «советской экспансии». Неудачи в Иране и Турции советское руководство попыталось компенсировать более инициативным поведением в арабском мире, в том числе и через поддержку идеи создания в Палестине еврейского государства. Но по иронии судьбы путь к достижению прочных позиций на Ближнем Востоке в эпоху холодной войны лежал не через Израиль, а через арабские страны, главным образом Египет.

Национально-освободительное движение, с которым пришлось столкнуться державам на Арабском Востоке, создавало не только напряжённость в американско-английских отношениях, но и открывало возможности для СССР масштабно включиться в политические процессы этого региона.

Выводы по 3.2

1944–1947 гг. – важный период в становлении послевоенной системы международных отношений на Ближнем и Среднем Востоке. Его главным содержательным стержнем стал переход от союзнических отношений между СССР и США к конфронтации. Этот переход не был скоротечным актом. Изменения происходили постепенно по мере осмысления обеими сторонами новых экономических и геополитических реальностей, сложившихся после войны. Их конкретными проявлениями были иные, по сравнению с военным временем, модели восприятия руководством обеих стран друг друга, и, как следствие, постановка самостоятельных внешнеполитических целей, уже никак не связанных с процедурами военно-политического планирования в рамках антигитлеровской коалиции, и разработка самостоятельных внешнеполитических программ. Синхронность в действиях недавних союзников была предана забвению.

Развитие политических курсов США и СССР в отношении государств Ближнего и Среднего Востока происходило при наличии множества осложняющих факторов, как правило исключавших возможность линейного

развития событий. Военно-политические процессы и дипломатические баталии охватывали страны, имевшие глубокую историю и собственные представления о справедливых международных отношениях и своём месте в мире. Нефть и другие природные ресурсы, стратегические преимущества географического положения, сложный конфессиональный состав, мощное влияние традиционных культур, устойчивость местных элит – таков далеко не полный перечень характеристик стран региона, учтывавшихся великими державами в планировании. Причем применительно к разным государствам комбинации этих факторов, как правило, варьировались, к ним добавлялись другие, либо относившиеся к недавней истории (например, связи с нацистской Германией и её союзниками в предыдущей войне), либо уходящие корнями в глубь веков, как это имело место в палестинском вопросе. Таким образом, ни правительство США, ни советское руководство не имели возможности действовать на Ближнем и Среднем Востоке безоглядно, рассматривая регион всего лишь как место для схватки со своим новым внешнеполитическим противником. По сути дела, по любой острой проблеме сторонам приходилось находить компромиссы, что называется, на ощупь. Причем в этом драматичном диалоге, как правило, зримо или незримо присутствовали и другие субъекты, мнение и силовые потенциалы которых также приходилось учитывать при формулировании собственных внешнеполитических задач и выборе тактических решений.

Ещё два обстоятельства существенным образом отразились на поведении американской и советской дипломатий. Во-первых, в силу исключительного влияния среди местного населения традиционного ислама, использование здесь в политических целях либеральных или социалистических лозунгов было несколько затруднено, даже с учетом того, что страны региона уже испытали на себе определённое воздействие процесса вестернизации. Поэтому идеологические аргументы в американо-советских дискуссиях по поводу восточных государств звучали далеко не так явственно, как национально-политические, территориальные, экономические или религиозные. И во-вторых, на протяжении десятилетий Ближний и Средний Восток находились под контролем Великобритании и отчасти Франции. И хотя в годы войны утрата бывшими европейскими империями своих позиций стала фактом, окончательно они из этого региона не ушли. На завершающем этапе войны и в первые месяцы после её завершения англо-американские противоре-

чия на Ближнем и Среднем Востоке носили весьма острый характер и это создавало определенные возможности для поиска точек соприкосновения в американско-советских отношениях по ближневосточной тематике. Был момент, когда казалось, что определенным базисом для сближения позиций двух держав может служить палестинский вопрос.

Значительную роль в восприятии американцами Советского Союза как враждебной силы сыграла Великобритания – традиционный противник присутствия России на Востоке. В то же время последовательная и бескомпромиссная политика СССР в Турции и Иране, безусловная, повлияла на решение руководства США пересмотреть отношения с Великобританией и взять курс на развитие стратегического партнерства с Лондоном. Это обстоятельство во многом предопределило судьбу ближневосточного региона, который постепенно втягивался в систему блоковой конфронтации.

Территориальные претензии СССР к Турции, попытки расширить своё влияние в иранском Азербайджане и в Северной Африке, контакты с левыми силами в арабском национально-освободительном движении были важными побудительными мотивами для того, чтобы Советский Союз утвердился на верхней строчке в иерархии угроз интересам Соединенных Штатов Америки в этом регионе. Тем не менее действия американской стороны не следует воспринимать как обычную ответную реакцию на политику СССР. Более того, нет никаких оснований полагать, что устремления США на Ближнем и Среднем Востоке приобрели бы принципиально иную направленность, не будь политика СССР столь активной.

Выводы по главе 3

По мере завершения войны внешнеполитические усилия держав-победителей всё более заметно перемещались в плоскость мирного урегулирования. СССР и США в 1944–1945 гг. вплотную занялись конкретизацией и реализацией декларировавшихся ими ранее принципов послевоенного устройства мира.

Советский Союз, вынесший на своих плечах основную тяжесть борьбы с Германией и освободивший от нацизма страны Восточной и Юго-Восточной Европы, значительно усилился в военно-стратегическом

отношении, укрепил свой международный авторитет и получил возможность оказывать непосредственное влияние на судьбу освобождённых Красной Армией государств. Присутствие советских войск в Польше, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии, восточной части Австрии и Германии, на севере Ирана, а также приход коммунистов к власти в Югославии, гражданская война в Греции, сильные позиции левых сил в ряде европейских и азиатских стран, поддержка Москвой национально-освободительных движений на Ближнем и Среднем Востоке свидетельствовали о существенном расширении влияния Кремля, что неизбежно вызывало беспокойство его западных союзников. Соединённые Штаты к концу войны также значительно усилили свои международные позиции. В 1944 г. американцы вместе с англичанами открыли Второй фронт. Благодаря этому США стали освободителем стран Западной Европы. Кроме того, Вашингтон постепенно вытеснял с Ближнего и Среднего Востока своего английского союзника. Американский вклад в победу, выразившийся не только в военных операциях, но и в финансовой, материально-технической и продовольственной помощи Объединённым Нациям, дал возможность создать ресурсную основу для амбициозного внешнеполитического планирования. Роль лидера в англосаксонском тандеме перешла от Британской империи к Соединённым Штатам. Чтобы реализовать свои интересы в послевоенном мире, Вашингтон был заинтересован в распространении демократии и экономической свободы. Однако универсализация либеральных принципов в международной политике означала на практике стремление к экспорту демократии. Это стремление натолкнулось на решительное сопротивление со стороны руководства СССР, проектировавшего послевоенное мироустройство, руководствуясь собственными идеологическими приоритетами и национальными интересами. Несостыкованность основополагающих характеристик внешнеполитических стратегий с неизбежностью вела к геополитической и идеологической конфронтации, очень скоро после завершения войны выразившейся в борьбе за контроль над территориями, природными ресурсами и рычагами политического управления государств Балканского полуострова, Ближнего и Среднего Востока.

Политика СССР и Великобритании, продемонстрировавших в октябре 1944 г. готовность разделить Балканы на сферы влияния за спиной американцев, противоречила принципам Атлантической хартии и инте-

ресам США. Попытки Кремля обеспечить безопасность СССР путём расширения своего влияния по периметру советских границ не могли быть приняты в Белом доме как должное. Это стало одной из главных причин, по которой союзное сотрудничество после победы над общим врагом постепенно стало уступать место дипломатическому противостоянию, проявившемуся в ходе работы СМВД и во время урегулирования ряда послевоенных проблем, таких как греческая, иранская, палестинская и ряд других.

Важную роль в изменении характера отношений между Москвой и Вашингтоном и эволюции их политических курсов в 1944–1947 гг. сыграли балканский и ближневосточный регионы. В конце войны всё очевиднее проявлялось желание СССР сохранить контроль над Северным Ираном, пересмотреть режим Черноморских проливов, обеспечить приход коммунистов к власти в балканских странах. Кроме того, важное место в стратегических калькуляциях Москвы занимала геополитическая и энергоресурсная привлекательность Восточного Средиземноморья и зоны Персидского залива. Соединённые Штаты, со своей стороны, путём развития отношений с Саудовской Аравией и ослабления позиций Англии с помощью ленд-лиза и независимой политики обеспечили себе доступ к нефтеносным районам Арабского Востока. С окончанием войны американцы, по сути, приступили к созданию геополитической дуги, препятствующей распространению советского влияния в этом регионе. По мере ослабления своего английского союзника к 1947 г. американская администрация пришла к осознанию необходимости формирования комплексной стратегии сдерживания коммунизма. Её региональным выражением и одним из первых этапов стало провозглашение доктрины Трумэна, сыгравшей определённую роль в процессе выхода Югославии из сферы влияния СССР и подключения Греции и Турции к американским стратегическим планам по недопущению Кремля к контролю над Аравийским полуостровом и средиземноморскими коммуникациями.

¹ СКК – Союзная контрольная комиссия – союзнический орган из представителей СССР, США и Великобритании, созданный для контроля за выполнением условий перемирия и действовавший до вступления в силу мирного договора.

² БЗНС – Болгарский земледельческий народный союз – аграрная партия, представлявшая интересы земледельцев. Фракция БЗНС «Пладне» в годы войны принимала участие в антифашистской борьбе и вошла в состав коалиции Отечественного Фронта (ОФ). БРСДП – Болгарская рабочая социал-демократическая партия. В первом правительстве ОФ «земледельцы» получили 4 министерских поста, социал-демократы – 2. В августе 1945 г. лидер «аграриев» Н. Петков покинул вместе со своими сторонниками правительство ОФ и создал свою фракцию БЗНС-НП («Никола Петков»); его примеру последовали социал-демократы во главе с Г. Чешмеджиевым, образовавшие фракцию БРСДП(о) («объединённая»); Brown L. F. *Bulgaria under Communist Rule*. L., 1970. P. 9–10.

³ Летом 1945 г., по западным оценкам, контингент советских войск составлял до 200 тыс. чел. См.: FRUS: the Conference of Berlin (the Potsdam Conference), 1945. Vol. I. P. 670.

⁴ Болгарская коммунистическая партия («тесных социалистов») была образована в 1919 г. После слияния с Рабочей партией в 1938 г. стала называться Болгарской рабочей партией (БРП); после переворота 9 сентября 1944 г. – Болгарской рабочей партией (коммунистов) – БРП(к). Руководящим органом партии в 1923–1944 г. было Заграничное Бюро ЦК БРП, в годы войны пребывавшее в СССР. Лидеры болгарских коммунистов В. Коларов и Г. М. Димитров одновременно занимали должность руководителей Коминтерна. После войны многие партийные функционеры вернулись из СССР в Болгарию и заняли там руководящие должности. В первом правительстве ОФ коммунисты получили посты министра внутренних дел, министра юстиции, министра здравоохранения и один пост министра без портфеля.

⁵ Болгарские войска в оперативном подчинении 3-го Украинского фронта под командованием маршала Ф. И. Толбухина приняли участие в боевых действиях против немецких и венгерских войск на завершающем этапе войны. Советское главнокомандование также снабжало болгарские части необходимыми материалами и боеприпасами. Мунтян М. А. Антигитлеровская коалиция: достижения и проблемы союзнического партнёрства. URL: <http://victory65.mgimo.ru/vol3/book31/150740.shtml>; Волокитина Т. В. Указ соч. С. 310.

⁶ «Славянское единство» было лейтмотивом деятельности Славянского комитета Болгарии, бывшего органом Всеславянского комитета. См.: Петрова Н. К. Антифашистские комитеты в СССР: 1941–1945 гг. М., 1999. С. 168.

⁷ В феврале 1945 г. Московский патриархат оказал поддержку Болгарской православной церкви в получении автокефалии от Константинополя. См.: Майнер С. М. Сталинская священная война. Религия, национализм и союзническая политика. 1941–1945 / пер. с англ. В. Артёмова. М., 2010. С. 406. Горячим сторонником союза с Россией был софийский

424

митрополит Стефан, ему принадлежали слова, обращённые к советским сотрудникам СКК в Болгарии и Совета по делам РПЦ при СНК СССР: «Россия – это родина моя, ибо она родина всех славян», «Я ваш первый агитатор на Балканах, а если нужно, и в других странах». См.: Власть и церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг.: документы российских архивов. Т. 1. 1944–1948 гг. М., 2009. С. 57, 175.

⁸ Речь идёт о прекращении Болгарией военных действий, разрыве с Германией, демобилизации и разоружении болгарской армии, освобождении военнопленных, возмещении убытков Объединённым Нациям и т. д. См.: FRUS. 1944. Vol. IV. P. 201–202.

⁹ Советско-болгарские отношения и связи: документы и материалы. Т. II. Сентябрь 1944 – декабрь 1958. М., 1981. С. 39; Boll M. The American Military Mission in the Allied Control Commission for Bulgaria, 1944–1947. History and Transcripts. N. Y., 1985. P. 5–6.

¹⁰ FRUS. 1944. Vol. III. P. 461.

¹¹ В ходе встречи Черчилля и Сталина 9 октября было достигнуто соглашение, по которому соотношение советского и западного влияния в Болгарии распределялось как 75% к 25%. 11 октября Молотов и Иден довели это соотношение до 80% к 20%.

¹² Plokhy S. M. Yalta: The Price of Peace. N. Y., 2010. P. 144; Костин А. А. Реакция США на «процентное соглашение Черчилля – Сталина» 9 октября 1941 года» // Вестник ВятГГУ. 2002. № 6. С. 125–128; Юнгблюд В. Т., Костин А. А. Политика США в Югославии в 1941–1945 гг. Киров, 2004. С. 128–139; Калинин А. А., Юнгблюд В. Т. Греция в американско-британских отношениях в 1939–1945 гг. Киров, 2009. С. 205–216; Калинин А. А. Советско-британские переговоры о разделе сфер влияния в Европе в 1944 г. // Вопросы истории. 2009. № 9. С. 19–36.

¹³ FRUS. 1944. Vol. III. P. 461, 463.

¹⁴ Свои подписи под Соглашением о перемирии поставили: от СССР – маршал Ф. И. Толбухин, от западных союзников – представитель Верховного Главнокомандующего Союзников в Средиземноморском районе генерал-лейтенант Дж. Гаммель, от болгарского правительства – П. Стайнов, министр финансов П. Стоянов и министр без портфеля Н. Петков.

¹⁵ В состав комиссии вошли 270 человек от советской миссии (в т. ч. Председатель комиссии маршал Ф. И. Толбухин, его заместитель генерал-полковник С. С. Бирюзов, политический советник А. А. Лаврищев), 60 человек от американской (глава – генерал-майор Д. Крэйн, политический представитель – М. Барнс) и 110 от британской (глава – генерал-майор В. Оксли, политический представитель В. Восуэл). В инструкции об СКК содержалось строгое положение о том, что контакты представителей союзных держав с болгарским правительством должны осуществляться только через посредство советского руководства. См.: АВП РФ. Ф. 0452. Оп. 16. П. 1. Д. 7. Л. 18; Советско-болгарские отношения. 1944–1948: документы и материалы. М., 1969. С. 70; Черепанов А. И. Поле ратное моё. М., 1984. С. 270–273.

¹⁶ Пункт 8 устанавливал правило: «Издание, ввоз и распространение периодической и непериодической литературы... работа радиостан-

ций, почты, телеграфа и телефона происходят по соглашению с Союзным (Советским) Главнокомандованием». СБО. 1944–1948. С. 34.

¹⁷ Там же. С. 36.

¹⁸ Греция, например, добивалась для себя больших компенсаций и права на представительство в СКК, и эти требования поддерживались американцами. FRUS. 1944. Vol. III. P. 490.

¹⁹ FRUS. 1946. Vol. VI. P. 136.

²⁰ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 26. П. 15. Д. 1. Л. 12.

²¹ АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 28. П. 156. Д. 16. Л. 17.

²² Congressional Record. Vol. 90. P. A4454–A4455.

²³ Crampton R. J. The Balkans since the Second World War. N. Y., 2002. P. 54; Батюк В. И., Евстафьев Д. Указ соч. С. 17; FRUS. 1944. Vol. III. P. 435.

²⁴ FRUS. 1944. Vol. III. P. 495–497.

²⁵ Советский Союз на международных конференциях... Т. IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). М., 1984. С. 191–192.

²⁶ Гибианский Л. Я. Подготовка Крымской конференции и позиции СССР, Англии и США в отношении Болгарии, Румынии и Венгрии // Советское славяноведение. 1981. № 4. С. 20, 22.

²⁷ Крымская конференция. С. 182–183. В условиях, когда к власти в Югославии и Болгарии пришли коммунисты, Лондон стал усматривать в возможности объединения двух стран опасность для Греции и для баланса сил на полуострове. См.: Livanios D. Op. cit. P. 164.

²⁸ Пункты Декларации гласили: «...Три правительства будут совместно помогать народам в любом освобождённом государстве или в бывшем государстве – сателлите оси в Европе, где, по их мнению, обстоятельства этого потребуют: ...с) создавать временные правительственные власти, широко представляющие все демократические элементы населения и обязанные возможно скорее установить путём свободных выборов правительства, отвечающие воле народа, и d) способствовать, где это окажется необходимым, проведению таких выборов». См.: Крымская конференция. С. 231–232.

²⁹ Там же. С. 172; Гибианский Л. Я. Вопрос о Болгарии, Румынии и Венгрии на Крымской конференции // Советское славяноведение. 1982. № 2. С. 13.

³⁰ Печатнов В. О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.: документальные очерки. М., 2006. С. 183; Мунтян М. А. Указ соч. С. 47.

³¹ FRUS. 1945. Vol. IV. P. 157–158.

³² Taubman W. Stalin's American Policy from Entente to Detente to Cold War. N. Y., 1982. P. 75.

³³ Berend I. T. Central and Eastern Europe, 1944–1993: Detour from the Periphery to the Periphery. Cambridge, 1996. P. 19.

³⁴ Баева И. Отношения България – САЩ в годините на студената война // Международни отношения. 2003. № 4. С. 86; Gormly J. L. The Collapse of the Grand Alliance, 1945–1948. Louisiana, 1987. P. 46–47.

³⁵ FRUS. 1945. Vol. IV. P. 174.

³⁶ Ibid. Р. 167. Оценку Барнса следует признать завышенной. Несмотря на то, что БЗНС позиционировал себя как партию, выступающую в интересах крестьянства, составившего большую часть населения Болгарии, его влияние никогда не было абсолютным. Так, даже на выборах в Народное собрание 1923 г., когда БЗНС был правящей партией, ему удалось набрать лишь 53%.

³⁷ АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 29. П. 167. Д. 11. Л. 32–34.

³⁸ Gornly J. L. The Collapse of the Grand Alliance, 1945–1948... Р. 45.

³⁹ АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 29. П. 167. Д. 11. Л. 37–38.

⁴⁰ Переписка Председателя Совета министров СССР... Т. 2. Переписка с Ф. Рузвельтом и Г. Трумэном (август 1941 г. – декабрь 1945 г.). М., 1958. С. 239.

⁴¹ FRUS. The Conference of Berlin (the Potsdam Conference), 1945. Vol. I. Р. 404–405; Dimbleby D., Reynolds D. An Ocean Apart: The Relationship between Britain and America in the 20th century. L., 1988. Р. 158–159; България – непризнатият противник на Третия райх: документи / съст. В. Тошкова и др. София, 1995. С. 232.

⁴² Dimbleby D., Reynolds D. Op. cit. Р. 158–159; АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 29. П. 167. Д. 11. Л. 40.

⁴³ Печатнов В. О. Указ соч. С. 350.

⁴⁴ Советский Союз на международных конференциях... Т. VI. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (17 июля – 2 августа 1945 г.). М., 1984. С. 296, 321–322; Dulles F. R. America's Rise to World Power, 1898–1954. L., 1955. Р. 22.

⁴⁵ Берлинская (Потсдамская) конференция. С. 169, 212, 308.

⁴⁶ Horowitz D. Corporations and the Cold War. N. Y.; L., 1969. Р. 132.

⁴⁷ Берлинская (Потсдамская) конференция. С. 173, 441.

⁴⁸ Там же. С. 441.

⁴⁹ Там же. С. 255, 264, 359, 361–362. Некоторые меры по реформированию деятельности СКК в течение 1945 г. предпринимались (в частности, по изменению режима её финансирования, передаче в руки болгарского правительства функций цензуры и контроля за транзитом через Болгарию, въездом-выездом граждан из страны), однако положение и полномочия западных дипломатов по-прежнему оставались ограниченными. АВП РФ. Ф. 074. Оп. 27. П. 16. Д. 8. Л. 2–5; Ф. 129. Оп. 32-б. П. 335. Д. 1. Л. 431, 436.

⁵⁰ Там же. С. 256–257, 434–436, 445–446. Также оговаривалось, что в счёт репараций не должна изыматься собственность союзников, расположенная на территории стран-сателлитов.

⁵¹ Быстрова Н. Е. СССР и формирование военно-блокового противостояния в Европе (1945–1955 гг.). М., 2007. С. 45; Гибианский Л. Я. Проблемы балканских стран на Потсдамской конференции // Международные отношения на Балканах. Балканские исследования. Вып. 1. М., 1974. С. 213.

⁵² Dimitrov G. The Diary of Georgi Dimitrov 1933–1949 / ed. by I. Banac. New Haven, 2003. Р. 377.

⁵³ Берлинская (Потсдамская) конференция... С. 286.

⁵⁴ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 27. П. 17. Д. 12. Л. 12; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Ч. I. Д. 25. Л. 8.

⁵⁵ 13 августа была опубликована Избирательная программа народных оппозиционных кандидатов, в которой значительное место уделялось обвинениям коммунистов в нарушении конституционных принципов, а также помимо развития болгарско-советских связей декларировалось намерение сближения с «великими западными демократиями и с великой Американской республикой». См.: Волокитина Т. В. Указ соч. С. 323; АВП РФ. Ф. 074. Оп. 27. П. 17. Д. 12. Л. 12; Жигня К. Л. Империалистическая политика США и Великобритании в отношении Болгарии и Румынии (1944–1947 гг.). Кишинёв, 1987. С. 65.

⁵⁶ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 27. П. 17. Д. 12. Л. 14; Жигня К. Л. Указ соч. С. 66.

⁵⁷ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 27. П. 17. Д. 18. Л. 30.

⁵⁸ Посланником Болгарии в Москве стал Д. Михалчев, посланником СССР в Софии — С. П. Кирсанов. Советско-болгарские отношения. 1944–1948. С. 169; България и Русия. 125 години дипломатически отношения. София, 2004. С. 104–106.

⁵⁹ Волокитина Т. В. Указ соч. С. 324–325; Dimitrov G. Op. cit. P. 379–380.

⁶⁰ Crampton R. J. The Balkans since the Second World War. P. 60.

⁶¹ Волокитина Т. В. Указ соч. С. 326–327.

⁶² Kolko J., Kolko G. Op. cit. P. 201.

⁶³ First Meeting of the Council of Foreign Ministers, London, September 11 to October 2. Report by Secretary Byrnes, October 5, 1946. URL: www.yale.edu/lawweb/avalon/decade/decadel18.html.

⁶⁴ Ashton S. R. In search of Detente. The Politics of East-West Relations since 1945. L., 1989. P. 10; Schulzinger R. D. American Diplomacy in the Twentieth Century. N. Y.; Oxford, 1990. P. 203; Weisberg B. A. Cold War. Cold Peace. The United States and Russia since 1945. N. Y., 1984. P. 50.

⁶⁵ Советско-американские отношения, 1945–1948. С. 22–23, 52.

⁶⁶ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 34. П. 114. Д. 6. Л. 238.

⁶⁷ Сальков А. П. Урегулирование проблемы Южной Добруджи. С. 77–78.

⁶⁸ Емануилов Е. Г. България в политиката на великите сили, 1939–1947. Вел. Търново, 2003. С. 291.

⁶⁹ Containment: Documents on American Policy and Strategy, 1945–1950 / ed. T. H. Etzold, J. L. Gaddis. N. Y., 1978. P. 40–41.

⁷⁰ Советско-американские отношения, 1945–1948. С. 124–125.

⁷¹ В середине сентября в балканские страны был направлен М. Этридж, издатель и главный редактор американской газеты «Louisville Courier Journal» и специальный советник Белого дома по европейским политическим вопросам. В его задачи входило изучение политической ситуации и общественного мнения в Болгарии, а также налаживание контактов между оппозицией и Отечественным Фронтом. В октябре в Болгарию, Румынию и Венгрию была направлена делегация американских конгрессменов, в которую вошли Т. Гордон, Дж. Райтер, К. Мундт, Ф. Болтон. АВП РФ. Ф. 074. Оп. 34. П. 116. Д. 17. Л. 13.

⁷² АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 29. П. 167. Д. 11. Л. 36; Aronsen L. and Kitchen M. The Origins of the Cold War in Comparative Perspective. American, British and Canadian Relations with the Soviet Union, 1941–1948. N. Y., 1988. P. 40.

⁷³ Volkman E. Secret Intelligence. The Inside Story of America's Espionage Empire. N. Y., 1989. P. 89–90.

⁷⁴ Московское совещание министров иностранных дел СССР, США и Великобритании проходило 16–26 декабря 1945 г.

⁷⁵ Byrnes J. F. Speaking Frankly. N. Y.; L., 1947. P. 73.

⁷⁶ Volkman E. Op. cit. P. 89–90.

⁷⁷ АВП РФ. Ф. 430. Оп. 1. П. 1. Д. 1. Л. 108.

⁷⁸ FRUS. 1945. Vol. II. P. 754; АВП РФ. Ф. 430. Оп. 1. П. 1. Д. 1. Л. 143–144.

⁷⁹ FRUS. 1945. Vol. II. P. 792; АВП РФ. Ф. 430. Оп. 1. П. 1. Д. 1. Л. 198, 209.

⁸⁰ Наринский М. М. Советское руководство и проблема границ и сфер влияния в 1941–1946 гг. URL: <http://victory65.mgimo.ru/vol3/book31/150751.shtml>; Марьина В. В. Г. Димитров и кремлевские вожди. 1934–1948 гг. (Свидетельства Дневника Г. М. Димитрова) // Международный исторический журнал. 2000. № 12. С. 68; Pratt J. A History of the United States Foreign Policy. N. Y., 1955. P. 717.

⁸¹ Gaddis J. L. The United States and the Origins of the Cold War, 1941–1947. N. Y., 1978. P. 280; Емануилов Е. Г. Указ. соч. С. 306; Жигня К. Л. Указ. соч. С. 90.

⁸² Миланова С. Московското решение от 1945 г. за представителността на българското правителство – дипломатически изход или политически камуфлаж // България в сферата на съветските интереси. Кръгли маси «Съветският фактор в развитието на България след 9 септември 1944 година», «Коминтернът, Коминформбюро и България». София, 21–23 април 1997 г. София, 1998. С. 28–29.

⁸³ Никола Петков возглавлял БЗНС-НП, Константин Лулчев – БРСДП.

⁸⁴ Волокитина Т. В. Указ. соч. С. 328.

⁸⁵ FRUS. 1946. Vol. VI. P. 48, 54, 57; АВП РФ. Ф. 74. Оп. 28. П. 20. Д. 19. Л. 2; Dimitrov G. Op. cit. P. 387, 394.

⁸⁶ FRUS. 1946. Vol. VI. P. 60–61.

⁸⁷ Ibid. P. 47–48.

⁸⁸ Ibid. P. 57–58.

⁸⁹ Советско-американские отношения, 1945–1948. С. 174–175; FRUS. 1946. Vol. VI. P. 84.

⁹⁰ В новый кабинет вошли коммунисты А. Югов (министр внутренних дел), Т. Костов (заместитель председателя Совета министров и министр электрификации), И. Стефанов (министр финансов), Р. Ангелов (министр здравоохранения), Д. Терпешев (председатель Высшего экономического совета). См.: Волокитина Т. В. Указ. соч. С. 330; Баев Й. Военнополитическите конфликти след втората световна война и България. София, 1995. С. 32.

⁹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 887. Л. 21, 64–65.

⁹² Там же. Л. 19.

⁹³ FRUS. 1946. Vol. VI. P. 68–71, 82.

⁹⁴ Парижская сессия СМВД проходила в 2 этапа: с 25 апреля по 16 мая и с 15 июня по 12 июля.

⁹⁵ FRUS. 1946. Vol. VI. P. 106.

⁹⁶ Американцы настаивали на трёх годах, но советская делегация довела срок до 1,5 лет, что ограничивало возможности западного капитала укорениться в Болгарии. Емануилов Е. Указ соч. С. 316.

⁹⁷ Парижская конференция проходила с 29 июля по 15 октября 1946 г. Болгарию представляла делегация во главе с В. Коларовым. Болгары могли высказывать своё мнение по тем или иным статьям договора, но без участия в их обсуждении.

⁹⁸ Roberts G. The Soviet Union in World Politics. Coexistence, Revolution and Cold War, 1941–1945. L.; N. Y., 1999. P. 13–14; Новиков Н. В. Указ соч. С. 343–344.

⁹⁹ Смирнова Н. Вопрос о болгаро-греческом разграничении на международных конференциях (1945–1947 гг.) // България в сферата на съветските интереси. Кръгли маси... С. 132.

¹⁰⁰ Васильева Н. СССР и проблема мирного урегулирования с Болгарией после Второй мировой войны // България в сферата на съветските интереси. Кръгли маси... С. 19; Смирнова Н. Указ соч. С. 132–133.

¹⁰¹ Сальков А. П. Урегулирование проблемы Южной Добруджи. С. 77–78.

¹⁰² СССР и страны народной демократии. Становление отношений дружбы и сотрудничества 1944 – 1949 гг. / отв. ред. В. К. Волков, В. Я. Сиполс. М., 1985. С. 286–287.

¹⁰³ В США сумма болгарских вкладов составляла около 1,6 млн долл. СССР и страны народной демократии. С. 287.

¹⁰⁴ Всего в войне против Германии приняли участие более 452 тыс. чел., из них на фронте (в Югославии, Венгрии и Австрии) – 272 тыс. Общие потери убитыми, ранеными и пропавшими без вести составили 34 тыс. чел. На военные операции было израсходовано 72 млрд левов. Емануилов Е. Указ соч. С. 202.

¹⁰⁵ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1132. Л. 7.

¹⁰⁶ СССР и страны народной демократии. С. 288.

¹⁰⁷ Великое народное собрание созывалось для решения особо важных государственных дел. 6-е ВНС (1946–1949 гг.) 4 декабря 1947 г. утвердило новую Конституцию Болгарии, получившую название «Димитровской».

¹⁰⁸ Коалиция ОФ набрала 70% голосов, из них 53% было подано за БРП(к).

¹⁰⁹ В новом кабинете коммунисты получили 10 мест, БЗНС – 5, ещё 5 – представители других партий.

¹¹⁰ В декабре 1946 г. был раскрыт заговор военной организации «Нейтральный офицер», которой вменялась в вину подготовка государственного переворота, разработка планов по организации антикоммунистического сопротивления в случае войны с США. FRUS. 1947. Vol. IV. P. 137–138.

¹¹¹ В их числе – СССР, Великобритания, США, Австралия, БССР, Греция, Индия, Новая Зеландия, УССР, ФНРЮ, Чехословакия, ЮАС. Текст договора см.: URL: <http://lostart.ru/ru/documents/detail.php?ID=884>.

¹¹² Общая численность личного состава для сухопутной армии, зенитной артиллерии, ВМФ и ВВС определялась в 65 500 чел., накладывались ограничения на тоннаж флота, количество самолётов (запрещено было иметь бомбардировщики), запрещалось производство или приобретение определённых видов наступательного оружия.

¹¹³ Сенат США одобрил решение о ратификации Договора 5 июня 1947 г., Великое Народное собрание Болгарии – 25 августа, а Президиум Верховного Совета СССР – 29 августа.

¹¹⁴ Congressional Record. Vol. 93. Proceedings and Debates of the 80th Congress. First Session. Pt. 12. Wash., 1947. P. A3400.

¹¹⁵ FRUS. 1947. Vol. IV. P. 155.

¹¹⁶ Ibid. P. 162.

¹¹⁷ Волокитина Т. В. Указ. соч. С. 341, 343; Национальная политика в странах формирующегося советского блока. 1944–1948. М., 2004. С. 492.

¹¹⁸ FRUS. 1947. Vol. IV. P. 148.

¹¹⁹ Ibid. P. 163.

¹²⁰ Емануилов Е. Указ. соч. С. 386; Боев И. Балканите в глобалната политика на САЩ. София, 1986. С. 45.

¹²¹ FRUS. 1947. Vol. IV. P. 180.

¹²² Ibid. P. 188–189, 192–193; FRUS. 1948. Vol. IV. P. 303.

¹²³ В Греции в 1946 г. началась гражданская война между греческими коммунистами и правительством А. Папагоса. 12 марта 1947 г. Г. Трумэн провозгласил свою доктрину, заключающуюся в ограничении распространения коммунистического влияния в мире, призвав Конгресс проголосовать за широкое оказание материальной и военной помощи Греции и Турции.

¹²⁴ Резолюция от 19 декабря 1946 года [S/339]. URL: <http://www.un.org/russian/document/scresol/1946/res15.pdf>. Конгресс США также пришёл к выводу об ответственности Болгарии за поддержку греческих повстанцев и разжигание гражданской войны. См.: Couloumbis T. Greece and the United States // Rossides E. The Truman Doctrine of Aid to Greece: A Fifty-Year Retrospective. Wash., 1998. P. 154–155; Tsouderos V. Truman Doctrine: A Fiftieth Anniversary Reassessment // Op. cit. P. 159.

¹²⁵ В состав комиссии вошли Австралия, Бразилия, Китай, Франция, Мексика, Нидерланды, Пакистан, Великобритания и США. СССР и Польша отказались от участия в ней. Албания, Болгария и Югославия отказались от сотрудничества с комиссией и допуска её представителей на свою территорию. См.: Карасимеонов М. ООН и България. София, 1975. С. 60; Угроза политической и территориальной неприкосновенности Греции. URL: <http://daccess-ods.un.org/TMP/872735.232114792.html>.

¹²⁶ Советский фактор в Восточной Европе. Т. 1. 1944–1948. С. 450.

¹²⁷ Д. Хит в декабре 1947 г. писал, что болгарское правительство фактически пребывает в состоянии необъявленной войны с западным миром. Посланник поведал об одном довольно показательном в этом плане эпизоде: на одном из застолий, на котором присутствовал воен-

но-морской атташе США, генерал-майор болгарской армии С. Трынский якобы произнёс в его адрес: «Сегодня мы с вами пьём, но завтра будем в вас стрелять». FRUS. 1947. Vol. IV. P. 193.

¹²⁸ Containment: Documents on American Policy and Strategy. P. 90.

¹²⁹ Documents on International Affairs. 1939–1946. Vol. II: Hitler's Europe / Ed. by M. Carlyle. L., 1954. P. 340–341; FRUS. 1944. Vol. IV. P. 1417; FRUS. Conferences at Malta and Yalta, 1945. P. 253–254; King Peter II of Yugoslavia. A King's Heritage. N. Y., 1954. P. 242–243.

¹³⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 49. Л. 62об.–63; FRUS. 1945. Vol. V. P. 1219–1220; Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг. Т. I: 1944–1948 гг. / под ред. Г. П. Мурашко и др. М.; Новосибирск, 1997. С. 330; Fotitch C. Op. cit. P. 307; Roberts W. Op. cit. P. 317; Kovrig B. The Myth of Liberation. East-Central Europe in United States Diplomacy and Politics since 1941. Baltimore, 1973. P. 39.

¹³¹ Brown A. Op. cit. P. 640.

¹³² Напр., Гибианский Л. Я. Советский Союз и новая Югославия. С. 110–197.

¹³³ АВП РФ. Ф. 566. Оп. 6. П. 67. Д. 179. Л. 30, 77, 100; Roberts W. Op. cit. P. 317.

¹³⁴ АВП РФ. Ф. 6. Оп. 7. П. 46. Д. 740. Л. 2–3, 7, 8, 10; Советско-американские отношения. 1945–1948. С. 66–67.

¹³⁵ Восточная Европа в документах российских архивов. Т. I. С. 331.

¹³⁶ Voices of History, 1945–1946: Speeches and Papers of Roosevelt, Truman, Churchill, Attlee, Stalin, De Gaulle, Chiang and Other Leaders. Delivered During 1945 / Ed. by N. Ausubel. N. Y., 1946. P. 676, 749–751; Гибианский Л. Я. Советский Союз и новая Югославия. С. 169; Etheridge M., Black C. Negotiating on the Balkans, 1945–1947 // Negotiating with the Russians / Ed. by R. Dennett and J. Johnson. Boston, 1951. P. 183.

¹³⁷ Восточная Европа в документах российских архивов. Т. I. С. 330–331.

¹³⁸ Гибианский Л. Я. Советский Союз и новая Югославия. С. 169; Voices of History, 1945–1946. P. 676, 749–751; Etheridge M., Black C. Op. cit. P. 183.

¹³⁹ Larson D. United States Foreign Policy Towards Yugoslavia. 1943–1963. Wash., 1979. P. 84–85; Kovrig B. Op. cit. P. 63; Martin D. Ally Betrayed. The Uncensored Story of Tito and Mihailovic. N. Y., 1946. P. 319; Howard H. Foreign Policy in the Second World War (1939–1946). P. 352.

¹⁴⁰ Fotitch C. Op. cit. P. 320.

¹⁴¹ The New York Times. 1946. January, 9.

¹⁴² FRUS. 1946. Vol. VI. P. 883.

¹⁴³ Larson D. Op. cit. P. 87–88.

¹⁴⁴ FRUS. 1946. Vol. VI. P. 886.

¹⁴⁵ Декларация об освобождённой Европе гласит: «Три Правительства будут совместно помогать народам в любом освобожденном европейском государстве... создавать временные правительственные власти, широко представляющие все демократические элементы населения и обязанные возможно скорее установить путем свободных выборов

правительства, отвечающие воле народа». См.: Берлинская (Потсдамская) конференция. С. 257–258. По мнению Государственного департамента, коалиционное правительство, созданное на основе «соглашения Тито – Шубашича», не представляло все демократические элементы населения, а выборы в Учредительную скупщину, состоявшиеся 11 ноября 1945 г., не являлись свободными и не отвечали воле югославского народа.

¹⁴⁶ Rose L. After Yalta. N. Y., 1973. P. 29, 39–40; Kovrig B. Op. cit. P. 63; De Santis H. The Diplomacy of Silence. P. 150.

¹⁴⁷ Truman M. Harry S. Truman. N. Y., 1972. P. 269.

¹⁴⁸ АВП РФ. Ф. 56. Оп. 9. П. 152. Д. 371. Л. 39, 157; Ф. 144. Оп. 6а. П. 9а. Д. 1. Л. 24.

¹⁴⁹ Newsweek. 1946. May, 20. P. 40–41; July, 8. P. 34, July, 15. P. 40; FRUS. 1946. Vol. II. 1972. P. 506–507; Rabel R. Between East and West: Trieste, the United States, and the Cold War, 1941–1954. Durham; L., 1988. P. 90–91; Novak B. Trieste, 1941–1954. The Ethnic, Political, and Ideological Struggle. Chicago; L., 1970. P. 252–257; Gormly J. From Potsdam to the Cold War: Big Three Diplomacy, 1945–1947. Wilmington, 1990. P. 155.

¹⁵⁰ АВП РФ. Ф. 56. Оп. 9. П. 152. Д. 370. Л. 161.

¹⁵¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 905. Л. 122; Балканский узел, или Россия и «югославский фактор» в контексте политики великих держав на Балканах в XX веке. М., 2005. С. 272.

¹⁵² FRUS. 1946. Vol. VI. P. 933–934.

¹⁵³ Byrnes J. All in One Lifetime. N. Y., 1958. P. 364.

¹⁵⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 94. Л. 337об.; Д. 905. Л. 123.

¹⁵⁵ Потехин А. В. Дипломатия США в Восточной Европе. 1945–1950 гг. Киев, 1991. С. 77.

¹⁵⁶ FRUS. 1946. Vol. VI. P. 895.

¹⁵⁷ Балканский узел. С. 275–276.

¹⁵⁸ Напр., Аникеев А. С. Как Тито от Сталина ушёл: Югославия, СССР и США в начальный период «холодной войны» (1945–1957). М., 2002; Гибианский Л. Я. Идея балканского объединения и планы её осуществления в 40-е годы XX века // Вопросы истории. 2001. № 11–12. С. 38–56; Гибианский Л. Я. К истории советско-югославского конфликта 1948–1953 гг. Секретная советско-югославо-болгарская встреча в Москве 10 февраля 1948 года // Советское славяноведение. 1991. № 3. С. 12–13; № 4. С. 27–37; 1992. № 1. С. 42–56, Славяноведение. 1992. № 3. С. 35–51; Гибианский Л. Я. Коминформ в действии, 1947–1948 гг. По архивным документам // Новая и новейшая история. 1997. № 1; Гибианский Л. Я. От «нерушимой дружбы» к беспощадной борьбе: модель «социалистического лагеря» и советско-югославский конфликт 1948 г. // У истоков «социалистического содружества»...; Гибианский Л. Я. От первого ко второму совещанию Коминформа // Совещания Коминформа, 1947, 1948, 1949. Документы и материалы. М., 1998. С. 337–373.

¹⁵⁹ Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Югославией был подписан 11 апреля 1945 г. в Москве В. М. Молотовым и И. Брозом Тито. Договор определил осно-

вы послевоенного сотрудничества Кремля и нового югославского режима. 28 сентября 1949 г. советское правительство заявило правительству ФНРЮ, что считает себя свободным от обязательств, вытекающих из данного договора. См.: Советско-югославские отношения. 1945–1956: Документы и материалы. Новосибирск, 2010. С. 462.

¹⁶⁰ Резолюция Информационного бюро «О положении в Коммунистической партии Югославии» принята 23 июня 1948 г. Руководство КПЮ было подвергнуто острой критике за разрыв с интернационалистическими традициями и переход на путь национализма. В частности резолюция гласит: «Плохо разбираясь в международной обстановке и запуганные шантажистскими угрозами империалистов, югославские руководители полагают, что путем ряда уступок империалистическим государствам они могут приобрести расположение этих государств, договориться с ними о независимости Югославии и постепенно привить югославским народам ориентацию на эти государства, то есть – на капитализм. При этом они молчаливо исходят из известного буржуазно-националистического тезиса, в силу которого “капиталистические государства представляют меньшую опасность для независимости Югославии, чем СССР”». См.: Совещания Коминформа, 1947, 1948, 1949. С. 455–461; Советско-югославские отношения. 1945–1956. С. 318–324.

¹⁶¹ АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 33-г. П. 156. Д. 16. Л. 1–64.

¹⁶² 19 ноября 1949 г. политика Тито теперь трактовалась уже как «сознательно контрреволюционная, антисоветская, антикоммунистическая», «проводимая бандой шпионов, профессиональных доносчиков и агентов-provokаторов с долголетним стажем в полиции и аппарате буржуазной разведки». Совещания Коминформа, 1947, 1948, 1949. С. 630–637; Советско-югославские отношения. 1945–1956. С. 484–487.

¹⁶³ АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 33-г. П. 156. Д. 16. Л. 40.

¹⁶⁴ Lampe J.; Prickett R.; Adamovic L. Yugoslav-American Economic Relation since World War II. Durham; L., 1990. P. 20. Авторы используют неопубликованные материалы из Национального архива США.

¹⁶⁵ АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 33-г. П. 156. Д. 16. Л. 59–60.

¹⁶⁶ Там же. Л. 7.

¹⁶⁷ Там же. Л. 12–14.

¹⁶⁸ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1374. Л. 35–38.

¹⁶⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 265. Л. 293об. Подробнее об этом см.: Юнгблуд В. Т., Костин А. А. Стратегия информационно-психологической войны и югославская политика США в 1946–1947 гг. // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. № 131. СПб., 2011. С. 9–24.

¹⁷⁰ Петрановић Б. Политичка и економска основа народне власти у Југославији за време обнова. Београд, 1969. С. 256–304.

¹⁷¹ Perak Shimbun. July 25, 2605 (1945). P. 2.

¹⁷² АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 53. Д. 872. Л. 26–27.

¹⁷³ X (Kennan, George Frost). The Sources of Soviet Conduct // Foreign Affairs. 1947. Vol. 25. № 4. P. 581; Кеннан Дж. Ф. Истоки советского поведения // США: экономика, политика, идеология. 1989. № 12. С. 51.

¹⁷⁴ Антифашистский фронт женщин основан 6 декабря 1942 г. в Босански-Петровац на освобожденной территории. АФЖ представлял

Югославию в международное движение женщин и женских организаций за рубежом. АФЖ стала одним из основателей Международной демократической федерации женщин (МДФЖ).

¹⁷⁵ АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 34. П. 141. Д. 17. Л. 122.

¹⁷⁶ Dedijer V. Tito Speaks. His Self Portrait and Struggle with Stalin. L., 1953; Космач Е. Н. Политика США в отношении Югославии в 1943–1980 гг. Минск, 2007. С. 100.

¹⁷⁷ Lampe J.; Prickett R.; Adamovic L. Op. cit. P. 21; Космач Е. Н. Указ соч. С. 332–333. Космач использует статистические данные о размерах и видах помощи США Югославии из статистического сборника американского Агентства международного развития, предоставляющего займы и гранты иностранным государствам.

¹⁷⁸ Iatrides J. O. The Dekemvriana: Communist Revolution, Rightist Coup, or Blunder? // Journal of the Hellenic Diaspora. 1996. Vol. 22. № 2. P. 75.

¹⁷⁹ Демонстрация была организована ЭАМ и носила мирный характер. Демонстранты протестовали против решения Паламандреу о роспуске и разоружении ЭЛАС. Приблизительно 20 человек были убиты (в том числе женщины и дети), 140 ранены.

¹⁸⁰ Подробное описание событий см.: Gerolymatos A. Op. cit. P. 103–107.

¹⁸¹ Alexander G. M. Op. cit. P. 78.

¹⁸² FRUS. 1944. Vol. V. P. 142–143; Anderson T. Op. cit. P. 21.

¹⁸³ Macmillan H. Op. cit. P. 666.

¹⁸⁴ См.: Reynolds D. From World War to Cold War. Churchill, Roosevelt, and the International History of the 1940s. Oxford, 2006. P. 51; Wittner L. S. Op. cit. P. 23; и др.

¹⁸⁵ Churchill and Roosevelt. The Complete Correspondence. Vol. III. L., 1984. P. 436; FRUS. 1944. Vol. III. P. 1162; Fleming D. F. The Cold War and its Origins, 1917–1960. Vol. I. L., 1961. P. 174; Gilbert M. Winston S. Churchill. Vol. VII. L., 1986. P. 1088; Kimball W. F. Op. cit. P. 296.

¹⁸⁶ FRUS. 1945. Conferences at Malta and Yalta. P. 433; DAFR. Vol. VII. P. 890–891; The New York Times. 1944. Dec., 8. P. 13; см. также: Sweet-Escott B. Greece: A Political and Economic Survey, 1939–1953. L.; N. Y., 1954. P. 38.

¹⁸⁷ The Diaries of Edward R. Stettinius, Jr., 1943–1946. P. 192.

¹⁸⁸ Congressional Record. Vol. 90. Pt. 7. P. 8988.

¹⁸⁹ См.: Roosevelt E. Op. cit. P. 222, 224.

¹⁹⁰ FRUS. 1944. Vol. V. P. 147–148.

¹⁹¹ Ibid. P. 148–149.

¹⁹² Churchill and Roosevelt. The Complete Correspondence. Vol. III. P. 455–456; FRUS. 1944. Vol. V. P. 150–151; Woodward L. Op. cit. Vol. 3. P. 419–420; Churchill W. Op. cit. Vol. 6. P. 261–262.

¹⁹³ Меморандум «Политика Соединенных Штатов в отношении Греции. Итог» от 19 декабря 1944 года // Из истории Европы в новое и новейшее время. К 100-летию со дня рождения академика И. М. Майского / отв. ред. А. М. Самсонов. М., 1984. С. 243–244.

¹⁹⁴ FRUS. 1944. Vol. V. P. 177.

¹⁹⁵ Ibid. P. 180.

¹⁹⁶ Frazier R. Op. cit. P. 70.

- ¹⁹⁷ FRUS. 1945. Vol. VIII. P. 109–113; Alexander G. M. Op. cit. P. 94.
¹⁹⁸ DAFR. Vol. VIII. P. 878; Xydis S. G. Greece and the Yalta Declaration.
P. 21.
¹⁹⁹ FRUS. The Conference of Berlin (the Potsdam Conference), 1945.
Vol. 1. P. 651–653.
²⁰⁰ Калинин А. А., Юнгблюд В. Т. Указ. соч. С. 275–276, 279.
²⁰¹ FRUS. 1945. Vol. VIII. P. 165.
²⁰² Ibid. P. 161–162.
²⁰³ Ibid. P. 174.
²⁰⁴ FRUS. 1946. Vol. VII. P. 93–95; American Group To Observe
Elections in Greece // The Department of State Bulletin. Vol. XIV. № 343.
1946. January 27. P. 129–130.
²⁰⁵ Ryan H. B. Op. cit. P. 156.
²⁰⁶ Wittner L. Op. cit. P. 38–39.
²⁰⁷ FRUS. 1946. Vol. VII. P. 115–116.
²⁰⁸ Ibid. P. 121–122, 126.
²⁰⁹ Statement of the Allied Mission for Observing the Greek Elections.
Released to the press by the White House April 11 // Department of State
Bulletin. Vol. 14. №. 354. 1946. April 14. P. 671–673.
²¹⁰ FRUS. 1946. Vol. VII. P. 131–132.
²¹¹ Ibid. P. 146.; etc.
²¹² Ibid. P. 148–149; Wittner L. Op. cit. P. 42–43.
²¹³ FRUS. 1946. Vol. VII. P. 155.
²¹⁴ Ibid. P. 151–154.
²¹⁵ Ibid. P. 157–158.
²¹⁶ Wittner L. Op. cit. P. 43–44.
²¹⁷ FRUS. 1946. Vol. VII. P. 162.
²¹⁸ Ibid. P. 192–193.
²¹⁹ АВП РФ. Ф. 56. Оп. 9. П. 105. Д. 121. Л. 62; Stone I. A. American
support of free elections in Eastern Europe // Department of State Bulletin.
Vol. 17. №. 426. 1947. August 31. P. 409.
²²⁰ Wittner L. Op. cit. P. 44.
²²¹ FRUS. 1946. Vol. VII. P. 233–235; Wittner L. Op. cit. P. 46.
²²² FRUS. 1946. Vol. VII. P. 240–245.
²²³ Karalekas A. Op. cit. P. 204–205.
²²⁴ Kofas J. Intervention and Underdevelopment: Greece during the
Cold War. University Park, 1989. P. 22.
²²⁵ Ryan H. B. Op. cit. P. 156.
²²⁶ Ambassador MacVeagh Reports. P. 685.
²²⁷ FRUS. 1945. Vol. VIII. P. 203.
²²⁸ Ibid. P. 214–215.
²²⁹ Ambassador MacVeagh Reports. P. 685.
²³⁰ FRUS. 1945. Vol. VIII. P. 236.
²³¹ Ambassador MacVeagh Reports. P. 687.
²³² FRUS. 1945. Vol. VIII. P. 263–265.
²³³ Ibid. P. 266–267.
²³⁴ Truman H. Memoirs: In 2 vols. Vol. I: Year of Decisions. 1945. N. Y.,
1955. P. 522.

- ²³⁵ FRUS. 1946. Vol. VII. P. 89–90.
- ²³⁶ Ibid. P. 95–96.
- ²³⁷ Ibid. P. 175–178.
- ²³⁸ Ibid. P. 180–181.
- ²³⁹ Ibid. P. 190–191.
- ²⁴⁰ Ibid. P. 187–188.
- ²⁴¹ Ibid. P. 188.
- ²⁴² См., напр.: FRUS. 1946. Vol. VII. P. 232.
- ²⁴³ АВП РФ. Ф. 56. Оп. 9. П. 105. Д. 121. Л. 59.
- ²⁴⁴ FRUS. 1946. Vol. VII. P. 250–254.
- ²⁴⁵ Ibid. P. 278.
- ²⁴⁶ Amen M. American foreign policy in Greece, 1944–1949: These. Frankfurt a. M. etc., 1978. P. 206–212.
- ²⁴⁷ См.: Правда. 1944. 4 дек. С. 4; 6 дек. С. 4; и т. д.
- ²⁴⁸ АВП РФ. Ф. 069. Оп. 29. П. 95. Д. 23. Л. 16.
- ²⁴⁹ Churchill: the Struggle for Survival, 1940–1945. Taken from the Diaries of Lord Moran. Boston, 1966. P. 232–233; FRUS. 1945. Conferences at Malta and Yalta. P. 848–849; см. также: Kuniholm B. Op. cit. P. 229; Clemens D. Yalta. N. Y., 1970. P. 199; Xydis S. G. Greece and the Yalta Declaration. P. 8–9.
- ²⁵⁰ Правда. 1945. 23 февр.; 3, 5, 10 марта; 13 апр.; и т. д.
- ²⁵¹ Правда. 1945. 13 апреля. С. 4; 20 июня. С. 6; 30 июня. С. 4; 1 июля. С. 4; 5 июля. С. 4; 6 июля. С. 4; 7 июля. С. 4; 11 июля. С. 4; 12 июля. С. 4; и т. д.
- ²⁵² АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 25. Д. 290. Л. 17.
- ²⁵³ Там же. Л. 19–20.
- ²⁵⁴ Там же. Л. 23.
- ²⁵⁵ Советско-английские отношения... 1941–1945. Т. 2. С. 374; Переписка Председателя Совета Министров СССР... Изд. 2-е. М., 1976. Т. 1. С. 410–412; см. также: Xydis S. G. Greece and the Yalta Declaration. P. 10–11.
- ²⁵⁶ Советско-американские отношения... 1941–1945. С. 492; Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны... Т. 3: 1 января – 3 сентября 1945 г. М., 1947. С. 492.
- ²⁵⁷ FRUS. the Conference of Berlin (the Potsdam Conference), 1945. Vol. 2. P. 1044; Берлинская (Потсдамская) конференция. С. 330–331.
- ²⁵⁸ FRUS. 1945. Vol. VIII. P. 156; АВП РФ Ф. 084. Оп. 33. П. 138. Д. 10. Л. 46; Ф. 0430. Оп. 2. П. 5. Д. 14. Л. 5.
- ²⁵⁹ 16 сентября во время своей беседы с Бирнсом, в процессе обсуждения ситуации в Румынии и Болгарии, В. М. Молотов обратился к положению в Греции (Советско-американские отношения. 1945–1948. С. 20–25; АВП РФ Ф. 0431/1. Оп. 1. П. 4. Д. 18. Л. 11–13). 19 сентября, чтобы ответить на критику советских действий в Румынии, Молотов вновь стал говорить о Греции. Глава НКВД обращал внимание на факт пребывания у власти в Греции недемократического правительства, которое американцы прикрывают «своей широкой спиной от критики, не мешая ему проводить террор в отношении демократических элементов. Американцы помогают англичанам в Греции» (Советско-американские

отношения. 1945–1948. С. 28–33; АВП РФ Ф. 0431/1. Оп. 1. П. 4. Д. 18. Л. 22–23).

²⁶⁰ Documents on British Policy Overseas. Ser. 1. Vol. 2. Conferences and conversations, 1945: London, Washington and Moscow. L., 1985. P. 454.

²⁶¹ Голль Ш. де. Военные мемуары: Спасение 1944–1946. М., 2004. С. 248.

²⁶² Alexander G. M. Op. cit. P. 158–159. Биография К. К. Родионова: Родионов Константин Константинович. URL: <http://www.knowbysight.info/RRR/04499.asp>.

²⁶³ АВП РФ. Ф. 0430. Оп. 2. П. 5. Д. 14. Л. 1–2.

²⁶⁴ Documents on British Policy Overseas. Ser. 1. Vol. 2. P. 724–725.

²⁶⁵ См., напр.: Alexander G. M. Op. cit. P. 171–173.

²⁶⁶ Documents on British Policy Overseas. Ser. I. Vol. VII. The United Nations: Iran, Cold War and World Organization, 1946–1947. L., 1995. P. 20–21.

²⁶⁷ Совет Безопасности ООН. Резолюции 1946 года. Греческий вопрос. URL: <http://www.un.org/russian/document/scresol/1946/res12.pdf>

²⁶⁸ Проект заявления, предложенный Э. Стеттиниусом 5 февраля, см.: FRUS. 1946. Vol. VII. P. 111–112.

²⁶⁹ См.: Внешняя политика Советского Союза. 1946 г.: Документы и материалы. М., 1952. С. 602; FRUS. 1946. Vol. VII. P. 194; Xydis S. G. Greece and the Great Powers 1944–1947. Prelude to the “Truman doctrine”. Thessaloniki, 1963. P. 335.

²⁷⁰ Дебаты по «украинской жалобе» подробно проанализированы в монографии С. Ксайдиса: Xydis S. G. Greece and the Great Powers. P. 335–346, 349–355.

²⁷¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 37. Л. 160.

²⁷² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 889. Л. 66; Д. 843. Л. 80–81.

²⁷³ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 8. П. 29. Д. 451. Л. 1.

²⁷⁴ Там же. Л. 13–16.

²⁷⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 889. Л. 6.

²⁷⁶ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1186. Л. 56–60. Молотов сослался на занятость: РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1187. Л. 35.

²⁷⁷ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 8. П. 29. Д. 451. Л. 8–12.

²⁷⁸ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1187. Л. 86.

²⁷⁹ Wittner L. Op. cit. P. 57.

²⁸⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 889. Л. 61–65.

²⁸¹ Там же. Д. 897. Л. 13.

²⁸² Там же. Д. 889. Л. 66.

²⁸³ Там же. Л. 22–23.

²⁸⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 897. Л. 9–13.

²⁸⁵ Там же. Л. 1–2.

²⁸⁶ См., например: РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1186. Л. 103–104.

²⁸⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 1019. Л. 32.

²⁸⁸ Улунян Ар. А. Греция и Турция: Взгляд из аппарата ЦК ВКП(б)/КПСС, 1946–1958 гг. (К постановке проблемы) // Сталин и «холодная война». М., 1997. С. 36–37.

- ²⁸⁹ АВП РФ. Ф. 0431/II. Оп. 2. П. 10. Д. 40. Л. 11.
- ²⁹⁰ FRUS. 1946. Vol. VII. P. 119–120.
- ²⁹¹ Улунян Ар. А. Балканы: горячий мир холодной войны. Греция и Турция между Западом и Востоком. 1945–1960 гг. М., 2001. С. 4950.
- ²⁹² Wittner L. Op. cit. P. 57.
- ²⁹³ Xydis S. G. Greece and the Great Powers. P. 235–236.
- ²⁹⁴ АВП РФ. Ф. 84. Оп. 29. П. 26. Д. 21. Л. 10.
- ²⁹⁵ АВП РФ. Ф. 566. Оп. 10. П. 216. Д. 200. Л. 6–7, 17.
- ²⁹⁶ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 9. П. 50. Д. 742. Л. 1.
- ²⁹⁷ АВП РФ. Ф. 566. Оп. 10. П. 216. Д. 200. Л. 17, 19.
- ²⁹⁸ Там же. Л. 59.
- ²⁹⁹ Kuniholm B. R. Op. cit.; Alvarez D. Op. cit.; Deringil S. Op. cit.; Rubin B. Op. cit.; Bilgin M. Britain and Turkey in the Middle East: Politics and Influence in the Early Cold War Era. L.; N. Y., 2008; Гасанлы Дж. П. СССР – Турция.
- ³⁰⁰ Ржешевский О. А. Указ. соч. С. 423.
- ³⁰¹ FRUS. 1944 Vol. IV. P. 1024; McNeill W. H. Op. cit. P. 500.
- ³⁰² Bilgin M. Op. cit. P. 43.
- ³⁰³ FRUS. The Conferences at Malta and Yalta. 1945. P. 328–329.
- ³⁰⁴ Цит. по: Поцхверия Б. М. Указ. соч. С. 467.
- ³⁰⁵ Крымская конференция. М., 1979. С. 201.
- ³⁰⁶ Alvarez D. Op. cit. P. 47.
- ³⁰⁷ АВП РФ. Отдел печати. Вопрос о Босфоре и Дарданеллах. Оп. 6. П. 58. Д. 132. Л. 15.
- ³⁰⁸ Гасанлы Дж. П. СССР – Турция. С. 174.
- ³⁰⁹ Внешняя политика Советского Союза в период Великой Отечественной войны. Т. 3. М., 1947. С. 146. См. также: Howard H. Turkey, the Straits and U.S. Policy. P. 216; См. также: Гасанлы Дж. П. СССР – Турция. С. 177.
- ³¹⁰ FRUS. 1945. Vol. VII. P. 1222.
- ³¹¹ Ibidem.
- ³¹² FRUS. 1945. Vol. VII. P. 1220–1221.
- ³¹³ Howard H. Turkey, the Straits and U.S. Policy. P. 217.
- ³¹⁴ FRUS. 1945. Vol. VIII. P. 1229–1230. См. также: Гасанлы Дж. П. СССР – Турция. С. 179.
- ³¹⁵ Более подробно о встрече Молотова с Сарпером см.: Гасанлы Дж. П. СССР – Турция. С. 200–204; см. также: Howard H. Turkey, the Straits and U.S. Policy. P. 219; Hurewitz J. C. Diplomacy in the Near and Middle East. Princeton, 1956. P. 154.
- ³¹⁶ FRUS. 1945. Vol. VIII. P. 1234.
- ³¹⁷ Howard H. Turkey, the Straits and U.S. Policy. P. 220.
- ³¹⁸ FRUS. The Conference of Berlin (The Potsdam Conference), 1945. Vol. I. P. 1017–1020, 1022–1023; см. также: The Forrestal Diaries. P. 71; Kirk G. Op. cit. P. 21.
- ³¹⁹ FRUS. The Conference of Berlin, 1945. Vol. I. P. 1027–1028.
- ³²⁰ Howard H. Turkey, the Straits and U.S. Policy. P. 224; см. также: FRUS. The Conference of Berlin, 1945. Vol. II. P. 1420–1422, 1425–1426.
- ³²¹ Берлинская (Потсдамская) конференция. М., 1979. С. 136–137.

- ³²² Howard H. Turkey, the Straits and U.S. Policy. P. 228.
³²³ Цит. по: Поцхверия Б. М. Указ соч. С. 467.
³²⁴ Берлинская (Потсдамская) конференция. С. 149.
³²⁵ Поцхверия Б. М. Указ соч. С. 473.
³²⁶ Берлинская (Потсдамская) конференция. С. 444.
³²⁷ FRUS. 1945. Vol. VIII. P. 1242–1243.
³²⁸ Гасанлы Дж. П. СССР – Турция. С. 236.
³²⁹ FRUS. 1945. Vol. VIII. P. 1243–1245.
³³⁰ Ibid. P. 1272. См. также: Гасанлы Дж. П. СССР – Турция. С. 245–
246.
³³¹ FRUS. 1946. Vol. VII. P. 810–813.
³³² Гасанлы Дж. П. СССР – Турция. С. 345.
³³³ FRUS. 1946. Vol. VII. P. 810–814.
³³⁴ Ibid.
³³⁵ Truman H. S. Op. cit. Vol. 1. P. 552.
³³⁶ Гасанлы Дж. П. СССР – Турция. С. 357.
³³⁷ Речь идёт о ноябрьских переговорах 1940 г. в Берлине между
Молотовым и Риббентропом, в ходе которых советский нарком пытался
добиться от руководства рейха согласия на переход Проливов под
полный военный контроль СССР. Эти и другие документы попали в
руки американской разведке в самом конце войны. Подробнее о ходе
советско-германских переговоров см: Беседа Председателя совета на-
родных комиссаров СССР, народного комиссара иностранных дел В. М. Мо-
лотова с министром иностранных дел Германии И. Риббентропом 12 но-
ября 1940 г. // ДВП СССР. Т. XXIII. Кн 2. С. 39.
³³⁸ Гасанлы Дж. П. СССР – Турция. С. 382.
³³⁹ FRUS. 1946. Vol. VII. P. 822–823.
³⁴⁰ Гасанлы Дж. П. СССР – Турция. С. 384.
³⁴¹ Кочкин Н. В. СССР, Англия, США и «Турецкий кризис» 1945–
1947 гг. // Новая и новейшая история. 2002. № 2. С. 69–70.
³⁴² Гасанлы Дж. П. СССР – Турция. С. 400.
³⁴³ FRUS. 1946. Vol. VII. P. 826–827.
³⁴⁴ The Problem of the Turkish Straits. Department of State Publication.
Near Eastern Series. Wash., 1947. P. 38–39; Vali F. The Turkish Straits and
NATO. N. Y., 1972. P. 255–265, 278–297.
³⁴⁵ Цит. по Гасанлы Дж. П. СССР – Турция. С. 416.
³⁴⁶ FRUS. 1946. Vol. VII. P. 830–833.
³⁴⁷ Ibid. P. 840–842.
³⁴⁸ The Problem of the Turkish Straits. P. 39–40; Vali F. Op. cit. P. 250–
252.
³⁴⁹ АВП РФ. Ф. 132. Оп. 32. П. 118. Д. 26. Л. 23–24; The Problem of
the Turkish Straits. P. 40.
³⁵⁰ Поцхверия Б. М. Указ соч. С. 479.
³⁵¹ Внешняя политика СССР. Т. 6. С. 664–670; The Problem of the
Turkish Straits. P. 41.
³⁵² The Problem of the Turkish Straits. P. 40.
³⁵³ The Problem of the Turkish Straits. P. 41–42; Поцхверия Б. М.
Указ соч. С. 479–480.

³⁵⁴ The Problem of the Turkish Straits. P. 42–43; См. также: Vali F. Op. cit. P. 278–297.

³⁵⁵ FRUS. 1946. Vol. VII. P. 894–896.

³⁵⁶ Гасанлы Дж. П. СССР – Турция. С. 441.

³⁵⁷ FRUS. 1947. Vol. V. P. 2–3.

³⁵⁸ Об этом, в частности, пишет Дж. П. Гасанлы. Ссылаясь на архивные документы, он приводит данные о том, что, по информации советского посольства в Анкаре, начиная с 1944 г. на передние позиции во внешней торговле Турции вышла Великобритания, но начиная с 1945 г. англичане стали уступать США. Во внешнеторговом обороте Турции США достигли 34,2%, а доля Англии снизилась до 17,9%. См. Гасанлы Дж. П. СССР – Турция. С. 514.

³⁵⁹ Здесь речь идёт о помощи, оказываемой этим странам в рамках работы Администрации помощи и восстановления Объединённых Наций (United Nations Relief and Rehabilitation Administration – ЮНРРА), куда в марте 1946 г. была включена Турция. Помощь ЮНРРА осуществлялась путём предоставления продовольствия, медикаментов и других материалов за счет сумм, внесенных государствами – её членами, не подвергшимися вражеской оккупации, в размере около 2% от национального дохода каждой страны.

³⁶⁰ Kuniholm B. R. Op. cit. P. 407.

³⁶¹ Гасанлы Дж. П. СССР – Турция. С. 516.

³⁶² Четвёртая сессия Совета министров иностранных дел. Проходила в Москве с 10 марта по 24 апреля 1947 г.

³⁶³ Цит. по: Гасанлы Дж. П. СССР – Турция. С. 519.

³⁶⁴ FRUS. 1947. Vol. V. P. 111–113. Более подробно о документе см.: Athanassopoulou E. Op. cit. P. 60–65; Гасанлы Дж. П. СССР – Турция. С. 527.

³⁶⁵ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 30. П. 287. Д. 2. Л. 85.

³⁶⁶ Гасанлы Дж. П. СССР – Турция. С. 543.

³⁶⁷ Там же. С. 548.

³⁶⁸ Цит. по: Гасанлы Дж. П. СССР – Турция. С. 568.

³⁶⁹ План Маршалла (англ. Marshall Plan) – официальное название «Программа восстановления Европы» (англ. European Recovery Program) – выдвинут в 1947 г. американским государственным секретарем Джорджем Маршаллом, вступил в действие в апреле 1948 г. Целью было восстановление разрушенной войной экономики Европы, устранение торговых барьеров, модернизация индустрии европейских стран и развитие Европы в целом.

³⁷⁰ Печатнов О. В. От союза – к вражде (Советско-американские отношения в 1945–1946 гг.) // Холодная война. 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива: сб. ст. / отв. ред. Н. И. Егорова, А. О. Чубарьян. М., 2003. С. 54.

³⁷¹ Егорова Н. И. «Иранский кризис» 1945–1946 гг. С. 24–42.

³⁷² АВП РФ. Ф. 94. Оп. 27. П. 70. Д. 5. Л. 215.

³⁷³ Леланд Б. Моррис был первым дипломатическим представителем США в Иране в статусе посла с августа 1944 г. по май 1945 г. Уоллес Мюррей был послом США в Иране с июня 1945 по апрель 1946 г.

³⁷⁴ FRUS. Conferences at Malta and Yalta, 1945. P. 331–332, 343–344; Kuniholm B. R. Op. cit. P. 197–198; Lenczowski G. Russia and the West in Iran. P. 206–209; Lytle M. H. Op. cit. P. 96; Zabih S. Op. cit. P. 89.

³⁷⁵ FRUS. 1945. Vol. VIII. P. 583–584.

³⁷⁶ FRUS. 1944. Vol. V. P. 486–491.

³⁷⁷ Предложения США базировались на принципах международного авиатранспортного соглашения («Пять свобод»), принятого 7 декабря 1944 г. на Международной конференции, посвященной гражданской авиации, которая проходила в Чикаго с 1 ноября по 7 декабря 1944 г. (FRUS. 1945. Vol. VIII. P. 64).

³⁷⁸ В 1946 г. обсуждение авиатранспортного соглашения продолжилось, но оно было заключено только 16 января 1957 г. в Тегеране (Ibid. P. 75–80, 584–585).

³⁷⁹ FRUS. Conferences at Malta and Yalta, 1945. P. 334–339; FRUS. 1945. Vol. VIII. P. 361.

³⁸⁰ FRUS. Conferences at Malta and Yalta, 1945. P. 738–741, 744–745; Kirk G. Op. cit. P. 481; Stettinius E. Roosevelt and the Russians. The Yalta Conference. N. Y., 1949. P. 175–176, 230.

³⁸¹ FRUS. 1945. Vol. VIII. P. 364.

³⁸² Lytle M. H. Op. cit. P. 78; Millsbaugh A. Op. cit. P. 233.

³⁸³ Lytle M. H. Op. cit. P. 94–95. Многие дипломаты отмечали, что «главный архитектор» иранской политики США У. Мюррей в результате становился больше русофобом, чем англофобом.

³⁸⁴ Elwell-Sutton L. P. Persian Oil. A study in Power Politics. L., 1955. P. 113.

³⁸⁵ Управление ближневосточных и африканских дел Госдепартамента США.

³⁸⁶ FRUS. 1945. Vol. VIII. P. 54–60, 581–583.

³⁸⁷ Hull C. Op. cit. Vol. II. P. 1506.

³⁸⁸ Haas W. S. Op. cit. P. 216; Motter T. H. V. Op. cit. P. 432; Зорин Л. И. Особое задание // Вопросы истории. 1983. № 3. С. 86.

³⁸⁹ Hamzavi A. H. Op. cit. P. 80–81 (appendix III); Kuniholm B. R. Op. cit. P. 146; Motter T. H. V. Op. cit. P. 417, 420; Sayre J. Op. cit. P. 140. 10 декабря 1943 г. ПГСК было переименовано в ПГК (транслитерация PGC – Persian Gulf Command). 21 сентября 1945 г. ПГК было возвращено прежнее название ПГСК и она была подчинена Африкано-средне-восточному театру (FRUS. 1945. Vol. VIII. P. 425).

³⁹⁰ FRUS. Conferences at Malta and Yalta, 1945. P. 500–501; Kuniholm B. R. Op. cit. P. 215. См. также английский «Проект заключения по Персии» (АВП РФ. Ф. 69. Оп. 29. П. 95. Д. 25. Л. 1).

³⁹¹ FRUS. Conferences at Malta and Yalta, 1945. P. 738–741, 744–745, 877; FRUS. 1945. Vol. VIII. P. 364–365; Grayson B. L. Op. cit. P. 85; Kuniholm B. R. Op. cit. P. 215–216; Stettinius E. Op. cit. P. 65–66.

³⁹² FRUS. 1945. Vol. VIII. P. 370; Grayson B. L. Op. cit. P. 84; Hamzavi A. H. Op. cit. P. 55.

³⁹³ АВП РФ. Ф. 69. Оп. 29. П. 95. Д. 25. Л. 11–13; Егорова Н. И. «Иранский кризис» 1945–1946 гг. С. 30–31; FRUS. 1945. Vol. VIII. P. 371; FRUS. 1945. Conference in Potsdam. Vol. I. P. 949, 953–954; Vol. II. P. 1390–1391; Grayson B. L. Op. cit. P. 84; Kuniholm B. R. Op. cit. P. 271.

³⁹⁴ АВП РФ. Ф. 94. Оп. 31. П. 351а. Д. 2. Л. 13, 15; FRUS. 1945. Vol. VIII. P. 373; Times. 1945. May, 31; Вигандт Н. А. Указ соч. С. 154; Егорова Н. И. «Иранский кризис» 1945–1946 гг. С. 31.

³⁹⁵ Grayson B. L. Op. cit. P. 84; Hamzavi A. H. Op. cit. P. 55; Motter T. H. V. Op. cit. P. 417.

³⁹⁶ FRUS. 1945. Vol. VIII. P. 373–374; Motter T. H. V. Op. cit. P. 425.

³⁹⁷ Kuniholm B. R. Op. cit. P. 271.

³⁹⁸ FRUS. 1945. Vol. VIII. P. 375–376, 378–379.

³⁹⁹ FRUS. 1945. The Conference of Berlin (the Potsdam Conference). Vol. I. P. 958; Grayson B. L. Op. cit. P. 86.

⁴⁰⁰ FRUS. 1945. The Conference of Berlin (the Potsdam Conference). Vol. I. P. 951.

⁴⁰¹ Меморандум по Персии делегации Соединённого королевства от 21 июля 1945 г. (Ibid. P. 958; FRUS. 1945. The Conference of Berlin (the Potsdam Conference). Vol. II. P. 195, 237, 1391–1392; FRUS. 1945. Vol. VIII. P. 386–388; Eden A. Op. cit. Vol. 2. P. 633). Элвелл-Саттон отмечал, что после победы в июле 1945 г. лейбористов в Англии её иранская политика осталась неизменной. Во время последующего Азербайджанского кризиса англичане ещё больше утратили инициативу, толкая Иран на уступки русским (Elwell-Sutton L. P. Persian Oil. P. 113). Более подробно этот вопрос рассмотрен у Луиса и Вигандт, которые отмечали, что лейбористы в отношении колоний провозгласили лозунг «Уйти, чтобы остаться», делая ставку на экономический фактор. Бевин ставил Ближний Восток по важности на 2-е место после самого Соединённого королевства (Louis W. R. The British Empire in the Middle East 1945–1951: Arab Nationalism, The United States and Postwar Imperialism. Oxford, 1984. P. 15–16, 54–55; Вигандт Н. А. Указ соч. С. 151–152).

⁴⁰² FRUS. 1945. Conference in Potsdam. Vol. II. P. 309, 393, 1392–1393, 1394–1397; Motter T. H. V. Op. cit. P. 425–427; Chubin S. The Foreign Relations of Iran: A Developing State in a Zone of Great-Power Conflict. Berkeley; L., 1974. P. 87.

⁴⁰³ FRUS. 1945. The Conference of Berlin (the Potsdam Conference). Vol. II. P. 1396–1397.

⁴⁰⁴ FRUS. 1945. Vol. VIII. P. 416.

⁴⁰⁵ Ibid. P. 375, 380–381, 383, 386, 388, 398; FRUS. 1945. The Conference of Berlin (the Potsdam Conference). Vol. II. P. 1390–1391; Grayson B. L. Op. cit. P. 86; Hamzavi A. H. Op. cit. P. 56; Kuniholm B. R. Op. cit. P. 271, 273.; Chubin S. Op. cit. P. 37; Zabih S. Op. cit. P. 92, 95.

⁴⁰⁶ АВП РФ. Ф. 69. Оп. 29. П. 95. Д. 25. Л. 15–16; FRUS. 1945. Vol. VIII. P. 389–390; Kuniholm B. R. Op. cit. P. 273.

⁴⁰⁷ FRUS. 1945. Vol. VIII. P. 408–409, 424–425; Hamzavi A. H. Op. cit. P. 56–57; Kuniholm B. R. Op. cit. P. 275. Motter T. H. V. Op. cit. P. 424–425.

⁴⁰⁸ Егорова Н. И. «Иранский кризис» 1945–1946 гг. С. 24–42; Hamzavi A. H. Op. cit. P. 31–37.

⁴⁰⁹ АВП РФ. Ф. 012. Оп. 6. П. 79. Д. 115. Л. 1; Hamzavi A. H. Op. cit. P. 31–37.

⁴¹⁰ FRUS. 1945. Vol. VIII. P. 410–411.

⁴¹¹ Ibid. P. 420. Первая встреча СМИД проходила в Лондоне с 11 сентября по 2 октября 1945 г. Британский министр иностранных дел Э. Бевин 19 сентября в Лондоне предложил Молотову пойти навстречу пожеланиям иранского правительства и вывести войска до середины декабря 1945 г. Однако впоследствии пошёл на уступки советской позиции, и 22 сентября Бевин и Молотов сделали заявления, что войска из Ирана будут выведены через 6 месяцев после окончания войны с Японией. Отсутствие настойчивости со стороны англичан объяснялось их сосредоточенностью на более важных проблемах (АВП РФ. Ф. 69. Оп. 29. П. 95. Д. 25. Л. 23–27; FRUS. 1945. Vol. VIII. P. 413–415, 428; FRUS. 1945. Vol. II. P. 315–316; Parliamentary Debates, House of Commons, 5 series, Vol. 414. col. 246–247; Acheson D. Present at the Creation. My Years in State Department. N. Y., 1969. P. 197).

⁴¹² Congressional Record. Vol. 91. Proceedings and Debates of the 79th Congress. First Session. Pt. 12. Wash., 1945. P. 11361; FRUS. 1945. Vol. VIII. P. 449–450; Hamzavi A. H. Op. cit. P. 57; Kuniholm B. R. Op. cit. P. 280; Motter T. H. V. Op. cit. P. 426; Егорова Н. И. «Иранский кризис» 1945–1946 гг. С. 34.

⁴¹³ Обе миссии прибыли в Иран осенью 1942 г. для реорганизации иранской армии (Ридли) и жандармерии (Шварцкопф). Ридли К. С. – генерал-майор, глава консультативной военной миссии США в Иране в 1943–1947 гг., служил в иранском Военном министерстве советником министра с широкими полномочиями. Шварцкопф Н. – полковник, в 1943–1948 гг. служил в иранском МВД советником министра, отвечающим за дела жандармерии.

⁴¹⁴ FRUS. 1945. Vol. VIII. P. 452–453.

⁴¹⁵ АВП РФ. Ф. 69. Оп. 29. П. 95. Д. 25. Л. 18–22, 28–29; FRUS. 1945. Vol. VIII. P. 459–463, 468–469, 471, 484–485, 487; Grayson B. L. Op. cit. P. 86, 89; Hamzavi A. H. Op. cit. P. 58; Kuniholm B. R. Op. cit. P. 280–281.

⁴¹⁶ Congressional Record. Vol. 91. Pt. 12. P. 11362–11363; FRUS. 1945. Vol. VIII. P. 479–483. Англо-русское соглашение или Петербургское соглашение 1907 г. – разграничивало сферы влияния России и Британской империи в Азии. Персия делилась на три сферы влияния: русскую на севере (её южной границей являлась линия Касре – Ширин – Исфахан – Йезд – Зульфегар), английскую на юге (к юго-востоку от линии Бендер – Аббас – Керман – Бирдженд – Гезик) и нейтральную в центре страны.

⁴¹⁷ Congressional Record. Vol. 91. P. A3143–A3144; Ibid. Pt. 7. P. 8641.

⁴¹⁸ Ibid. P. 11361–11362.

⁴¹⁹ Правда. 1945. 14 дек. Такие статьи появлялись в советской прессе и раньше, в частности во время нефтяного кризиса, в «Известиях». Понятен их конъюнктурный характер, хотя Коннолли и другие офицеры ПГК были награждены советскими орденами и медалями за заслуги перед СССР (Lytle M. H. Op. cit. P. 98).

⁴²⁰ FRUS. 1945. Vol. VIII. P. 515.

⁴²¹ FRUS. 1945. Vol. II. P. 616; Kuniholm B. R. Op. cit. P. 284; Егорова Н. И. Иранский кризис 1945–1946 гг. Указ соч. С. 36. 2-я встреча

Совета министров иностранных дел прошла в Москве 16–26 декабря 1945 г. 18 декабря Бевин обсуждал с Молотовым положение в Иране. В отношении вывода войск Молотов указал на то, что этот вопрос обсуждался в Потсдаме и Лондоне, соглашение было достигнуто, и поэтому он не видел смысла снова поднимать эту тему (FRUS. 1945. Vol. VIII. P. 510–511; Byrnes J. Roosevelt: The Soldier of Freedom. N. Y., 1970. P. 119; Kuniholm B. R. Op. cit. P. 285–286; Егорова Н. И. «Иранский кризис» 1945–1946 гг. С. 36).

⁴²² FRUS. 1945. Vol. VIII. P. 518–519. Возвращаясь после встречи 23 декабря в посольство, Бирнс сказал Болену, что он предвидит реальную угрозу Ирану (Bohlen C. Witness to History, 1929–1969. N. Y., 1973. P. 250). Отчёт госсекретаря по иранским проблемам на московской встрече министров иностранных дел см.: Byrnes J. Speaking Frankly. N. Y.; L., 1947. P. 118–122; Byrnes J. All in One Lifetime. N. Y., 1958. P. 332–334, 337–338, 343; Radio Report to the Nation on December 30 // Department of State Bulletin. 1945. December 30. P. 1033, 1047. Взгляды президента Трумэна на дискуссию в Москве см.: Truman H. Memoirs of Harry S. Truman. Vol. 1. Garden City, 1955. P. 549–552. В общем, президент остался неудовлетворённым: «Ни одного слова об Иране или другом месте, где Советы были на марше. Мы получили только пустое обещание дальнейших переговоров» (Truman H. Op. cit. P. 549–552; Truman M. Op. cit. P. 323).

⁴²³ АВП РФ. Ф. 94. Оп. 34. П. 92. Д. 22. Л. 5–13; Орлов Е. А. Указ соч. С. 42.

⁴²⁴ Motter V. T. H. Op. cit. P. 422, 426, 499; Elwell-Sutton L. P. Persian Oil. P. 115. Элвелл-Саттон, отмечая тот факт, что американцы первые вывели войска из Ирана, считает, что они стремились разрешить иранский кризис дипломатическими путями, используя переговоры на высшем уровне и ООН (Ibidem.).

⁴²⁵ FRUS. 1944. Vol. V. P. 361–365.

⁴²⁶ Вооружённые силы Великобритании в Персии и Ираке (PAIFORCE).

⁴²⁷ Ibid. P. 367–369, 371.

⁴²⁸ Транслитерация от Office of the Army-Navy Liquidation Commission. Позже ОАНЛК был переименован в Офис уполномоченного по ликвидации за границей – ОФЛК – Office of the Foreign Liquidation Commissioner. FRUS. 1945. Vol. VIII. P. 566–567; Motter T. H. V. Op. cit. P. 428.

⁴²⁹ См. сообщение поверенного в делах США в Иране А. Варда от 29 мая 1945 г. (FRUS. 1945. Vol. VIII. P. 568–570, 574–575).

⁴³⁰ Ibid. P. 570–574.

⁴³¹ Ibid. P. 452–453, 575–579, 581.

⁴³² Общая сумма контракта – 2819983,47 долл. – делилась на три равные части, которые выплачивались 12 декабря соответственно 1948, 1950 и 1952 гг. (Ibid. P. 579); Motter T. H. V. Op. cit. P. 429.

⁴³³ Предполагалось также возобновить поставку ленд-лизовских товаров на сумму 1,8 млн долл. со складов в течение 1 года, а также поставки медицинских товаров и 3000 шин, на общую стоимость в 300 тыс. долл. (FRUS. 1945. Vol. VIII. P. 580–581).

- ⁴³⁴ Motter T. H. V. Op. cit. P. 431.
- ⁴³⁵ Цит. по: Годс М. Указ соч. С. 179.
- ⁴³⁶ FRUS. 1946. Vol. VII. P. 381–383, 410–411, 489–493.
- ⁴³⁷ Hamzavi A. H. Op. cit. P. 82.
- ⁴³⁸ Security Council, Official Records. First year, First series. № 1. L., 1946.
- ⁴³⁹ Годс М. Указ соч. С. 198.
- ⁴⁴⁰ Орлов Е. А. Указ соч. С. 48.
- ⁴⁴¹ Security Council, Official Records. First year, First series, № 1. P. 200–214, 245–252, 285–305.
- ⁴⁴² Орлов Е. А. Указ соч. С. 48–49.
- ⁴⁴³ Там же. С. 50–51; АВП РФ. Ф. 94. Оп. 34. П. 92. Д. 22. Л. 16–19.
- ⁴⁴⁴ См. интервью Кавама ос-Салтане корреспонденту Агентства Рейтер Л. Герману 14.08.1946 г. (АВП РФ. Ф. 94. Оп. 34. П. 94. Д. 59. Л. 2–4); Кальвокоресси П. Мировая политика после 1945 г.: в 2 т. Т. 1. М., 2000. С. 530.
- ⁴⁴⁵ Дж. Аллен был послом США с мая 1946 по февраль 1948 г.
- ⁴⁴⁶ Blake K. The US – Soviet Confrontation in Iran, 1945–1962. A case in the Annals of the Cold War. N. Y., 2009. P. 41.
- ⁴⁴⁷ Kuniholm B. R. Op. cit. P. 387–391. Кавам при этом воспользовался в качестве предлога восстанием в сентябре племен (кашкайцев, бахтияр и др.) в южной провинции страны – Фарсе. Восставшие требовали предоставления Фарсу автономии, подобной автономии Азербайджана, и немедленного удаления из правительства членов Народной партии. Конфликт был улажен в основном путем переговоров. Министры от партии «Туде» выступили против соглашательской политики правительства в отношении «реакционного» с их точки зрения восстания кашкайцев. Воспользовавшись этим правительственным кризисом, Кавам в октябре сформировал новый кабинет без участия членов «Туде» (The Middle East. A Political and Economic Survey. N. Y., 1951. P. 212; Абдуразаков Б. Происки английского и американского империализма в Иране (1941–1947 гг.). Ташкент, 1959. С. 145–157; Орлов Е. А. Указ соч. С. 56–57).
- ⁴⁴⁸ FRUS. 1946. Vol. VII. P. 518–520.
- ⁴⁴⁹ Ibid. P. 535–537.
- ⁴⁵⁰ Ibid. P. 530.
- ⁴⁵¹ Paterson Th. On Every Front: The Making of the Cold War. Toronto, 1979. P. 52.
- ⁴⁵² FRUS. 1946. Vol. VII. P. 548–561; Васильев Л. М. Пути советского империализма. Нью-Йорк, 1954. С. 261. Об итогах кризиса много писали иранские газеты в 1947 г. См.: АВП РФ. Ф. 94. Оп. 35. П. 97. Д. 18.
- ⁴⁵³ Acheson D. Op. cit. С. 219.
- ⁴⁵⁴ Blake K. Op. cit. P. 44.
- ⁴⁵⁵ АВП РФ. Ф. 94. Оп. 35. П. 98. Д. 46. Л. 5–42.
- ⁴⁵⁶ Ibid. P. 45.
- ⁴⁵⁷ Ramazani R. Op. cit. P. 169.
- ⁴⁵⁸ FRUS. 1945. Vol. VIII. P. 550–563; New York Times. 1946. January, 30; Millsbaugh A. Op. cit. P. 151–152, 233; Grayson B. L. Op. cit. P. 73;

Lytle M. H. Op. cit. P. 115–116; Милов П. Указ. соч. С. 11; Попов М. В. Указ. соч. С. 92. Окончательно работа финансовой миссии была остановлена 11 декабря 1945 г. 25 членов миссии расторгли контракты. В Иране остались 5 советников.

⁴⁵⁹ FRUS. 1943. Vol. IV. P. 513–515; FRUS. 1944. Vol. V. P. 393–395, 412–413, 418–421, 424–427, 429, 443–444; FRUS. 1945. Vol. VIII. P. 527–538, 554–555; Grayson B. L. Op. cit. P. 70; Lytle M. H. Op. cit. P. 107–108, 111–112; Motter V. Op. cit. P. 455, 462–480; Millsprague A. Op. cit. P. 114–115. Жандармская и военная миссии США в Иране продолжили свою работу и в послевоенный период. В 1946 г. генерала Ридли сменил генерал-майор Роберт В. Гроу, которого сменил год спустя генерал-майор Вернон Эванс. В 1948 г. уже генерала Шварцкопфа сменил полковник Джеймс Р. Пьерс. За пять послевоенных лет состав жандармской миссии остался прежним – около 20 человек, в то время как армейская миссия была увеличена приблизительно на 20 военнослужащих в 1949 г. (Grayson B. L. Op. cit. P. 70; Motter V. Op. cit. P. 476–477; Алексеев Л. Советский Союз и Иран. М., 1963. С. 150–154).

⁴⁶⁰ Congressional Record. Vol. 91. Pt. 12. P. 11361–11362; FRUS. 1945. Vol. VIII. P. 536–538; Lytle M. H. Op. cit. P. 116–117; Motter V. Op. cit. P. 476–480; Ramazani H. Op. cit. P. 159.

⁴⁶¹ Kolko G. Confronting the Third World US Policy 1945–1980. N. Y., 1988. P. 20.

⁴⁶² Ginat R. The Soviet Union and Egypt 1945–1955. L., 1993. P. 56.

⁴⁶³ См. Пелипась М. Я. Суэцкий кризис 1956 г. // Холодная война. 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива: сб. ст. / отв. ред. Н. И. Егорова, А. О. Чубарьян. М., 2003. С. 544–545.

⁴⁶⁴ Young R. Congressional Politics in the World War. N. Y., 1956. P. 195.

⁴⁶⁵ См. FRUS. 1945. Vol. VIII. P. 10–18.

⁴⁶⁶ Ibid. P. 18.

⁴⁶⁷ Ibid. P. 12.

⁴⁶⁸ Ibid. P. 16.

⁴⁶⁹ Rubin B. Op. cit. P. 156.

⁴⁷⁰ FRUS. 1945. The Conference of Berlin (the Potsdam Conference). Vol. II. P. 1402.

⁴⁷¹ Gardner L. C. Three Kings. P. 61.

⁴⁷² FRUS. 1945. Vol. II. P. 164, 172; FRUS. 1945. The Conference of Berlin (the Potsdam Conference). Vol. II. P. 254, 264, 1400; Берлинская (Потсдамская) конференция. С. 132, 142, 169 и др.; Speiser E. A. Op. cit. P. 106.

⁴⁷³ Vaughan J. R. The Failure of American and British propaganda in the Arab Middle East 1945–1957. N. Y., 2005. P. 125.

⁴⁷⁴ Agwani M. Sh. The US and the Arab World 1945–1952. Aligarh, 1955. P. 34. Новые оценки ситуации на Ближнем Востоке были связаны с иранским кризисом весной 1946 г.; 6 марта прозвучала знаменитая речь У. Черчилля в Фултоне; развёртывались события на Балканах и вокруг Турции.

⁴⁷⁵ Gormly J. L. The Collapse of the Grand Alliance. P. 21; Hathaway R. Op. cit. P. 217, 49; Kolko J., Kolko G. Op. cit. P. 236.

⁴⁷⁶ Речь идёт об экономической активности американцев в Саудовской Аравии, которым удалось получить согласие короля на строительство авиационной базы в Дахране. Это рассматривалось многими чиновниками из Форин офис как вытеснение англичан из традиционной зоны.

⁴⁷⁷ Campbell J. C. Defense of the Middle East. P. 63; Speiser E. A. Op. cit. P. 227.

⁴⁷⁸ Kolko G. Confronting the Third World US'Policy 1945–1980. P. 20.

⁴⁷⁹ Ibid. P. 22.

⁴⁸⁰ Hathaway R. Op. cit. P. 49.

⁴⁸¹ FRUS. 1947. Vol. V. P. 623–624.

⁴⁸² FRUS. 1946. Vol. VII. P. 1–7.

⁴⁸³ См. Пелипасъ М. Я. Экспансионистская политика США и Англии на Ближнем и Среднем Востоке в 1947–1952 гг. Томск, 1989. С. 118.

⁴⁸⁴ Kolko G. Confronting the Third World US'Policy. P. 21.

⁴⁸⁵ Hurewitz J. C. Soviet-American Rivalry in the Middle East. N. Y.; Wash.; L., 1971. P. 8.

⁴⁸⁶ Ерёмин А. Г. Формирование внешнеполитических доктрин СССР и США в первые послевоенные годы. М., 2007. С. 87.

⁴⁸⁷ Louis W. R., Owen R. Suez 1956. The Crisis and its consequence. Oxford, 1989. P. 20.

⁴⁸⁸ Hahn P. L. Op. cit. P. 23.

⁴⁸⁹ FRUS. 1946. Vol. VII. P. 78. Англо-египетский договор 1936 г. о союзе, по которому в зоне Суэцкого канала, Каире и Александрии сохранялось британское военное присутствие сроком на 20 лет, устанавливался косвенный контроль над внешней политикой. Лондон использовал договор для вмешательства во внутренние дела Египта. После войны Египет поставил вопрос о досрочном аннулировании договора 1936 г.

⁴⁹⁰ Об этом периоде истории Египта см.: Сейранян Б. Г. Египет в борьбе за независимость. 1945–1952. М., 1970; Хамруш А. Указ соч. Гл. 4; История Востока. Восток в новейший период (1945–2000). М., 2008. Т. 6. Гл. 9. Египет; Hahn P. L. Op. cit.

⁴⁹¹ В мае 1944 г. после просмотра документального фильма о Сталинградской битве был дан старт сбору средств в пользу гражданского населения СССР. На просмотре был король Фарук. См.: Новиков Н. В. Указ соч. С. 196–197. Египетские власти оказали помощь в репатриации советских военнопленных. См.: Беляков В. В. Из Европы в Европу – через Африку. Египетская перевалочная база репатриации бывших советских военнопленных (1944–1945) // Восточный архив. 2004. № 11–12.

⁴⁹² Новиков Н. В. Указ соч. С. 153. Беседа велась три часа, что выходило за рамки протокольной встречи.

⁴⁹³ 19 января 1899 г. было подписано англо-египетское соглашение о кондоминиуме над Суданом, по которому власть в этой стране фактически переходила в руки английского генерал-губернатора. Египет требовал восстановления своей власти над Суданом.

⁴⁹⁴ Hahn P. L. Op. cit. P. 23–24.

⁴⁹⁵ Ibid. P. 27–28.

- ⁴⁹⁶ Ibid. P. 23–24.
- ⁴⁹⁷ FRUS. 1946. Vol. VI. P. 73–74; Hahn P. L. Op. cit. P. 32.
- ⁴⁹⁸ FRUS. 1946. Vol. VI. P. 75.
- ⁴⁹⁹ Подробно эти события изложены в монографии американского учёного П. Хана. См. Hahn P. L. Op. cit. P. 32–33.
- ⁵⁰⁰ Ibid. P. 35.
- ⁵⁰¹ Ginat R. Op. cit. P. 73.
- ⁵⁰² Ibidem.
- ⁵⁰³ FRUS. 1947. Vol. II. P. 282; Hahn P. L. Op. cit. P. 42; Ginat R. Op. cit. P. 73.
- ⁵⁰⁴ Ibid. P. 74.
- ⁵⁰⁵ FRUS. 1947. Vol. V. P. 770.
- ⁵⁰⁶ Ibid. P. 772.
- ⁵⁰⁷ FRUS. 1947. Vol. V. P. 785–786.
- ⁵⁰⁸ Vaughan J. R. Op. cit. P. 125.
- ⁵⁰⁹ Ginat R. Op. cit. P. 73.
- ⁵¹⁰ Ближневосточный конфликт: Из документов архива внешней политики РФ. 1947–1967: в 2 т. / отв. ред. В. В. Наумов. М., 2003. Т. 1. Док. 4. С. 22.
- ⁵¹¹ Сейранян Б. Г. Указ соч. С. 138–140.
- ⁵¹² СССР и Арабские страны. 1917–1960: Документы и материалы. М., 1961. Док. 25. С. 100–102; Внешняя политика Советского Союза. 1947 г. Ч. 2. М., 1952. С. 367; Ginat R. Op. cit. P. 75.
- ⁵¹³ FRUS. 1945. Vol. VIII. P. 586.
- ⁵¹⁴ FRUS. 1946. Vol. VII. P. 568–569.
- ⁵¹⁵ См.: Лазарев М. С. Курдистан и курдский вопрос (1923–1945). М., 2005; СССР и страны Востока накануне и в годы Второй мировой войны / отв. ред. В. В. Наумкин. М., 2010. С. 342.
- ⁵¹⁶ СССР и страны Востока накануне и в годы Второй мировой войны. С. 346.
- ⁵¹⁷ Подробно этот сюжет изложен в книге сына Мустафы Барзани, руководителя восстания курдов, которое с перерывами проходило с октября 1943 по март 1947 г. См.: Барзани М. (Масуд). Мустафа Барзани и курдское освободительное движение. М., 2005; Лазарев М. С. Указ соч.; СССР и страны Востока накануне и в годы Второй мировой войны. Р. 186.
- ⁵¹⁸ Барзани М. Указ соч. С. 94.
- ⁵¹⁹ М. Лазарев ссылается на архивный документ из фонда «В. М. Молотова». См.: Лазарев М. С. Указ соч. С. 241; СССР и страны Востока накануне и в годы Второй мировой войны. С. 347.
- ⁵²⁰ Барзани М. Указ соч. С. 111.
- ⁵²¹ Секретарю коммунистической партии (большевиков) Азербайджана и руководителю народов Востока тов. Багирову // Барзани М. Указ соч. Приложение. Док. № 16. С. 318. После поражения Мехабадской республики М. Барзани ушёл в СССР, там его отряды были интернированы, затем им предоставили политическое убежище с последующим расселением в сельских районах Узбекистана поблизости от Ташкента. Согласно утверждению генерала Судоплатова, барзаний-

цев собирались использовать в случае войны для диверсий против нефтяных месторождений в Северном Ираке. Положение Барзани и его сподвижников, оказавшихся в СССР, изменилось после смерти И. Сталина. URL: http://agrimaykop.ucoz.com/news/mustafa_barzani_chelovek_legenda_k_107_letiju_so_dnja_rozhenija/2010-03-14-101.

⁵²² СССР и страны Востока накануне и в годы Второй мировой войны. С. 347.

⁵²³ Цит по: Там же. С. 345; The Cambridge History of the Cold War / Ed. by M. P. Leffler and O. A. Westad. In 3 Vols. N. Y., 2010. Vol. I. P. 495.

⁵²⁴ СССР и страны Востока накануне и в годы Второй мировой войны. С. 348.

⁵²⁵ См. FRUS. 1946. Vol. VII. P. 340, 362–363, 442, 545, 825.

⁵²⁶ Ibid. P. 363. Это утверждение Кеннана не находит подтверждения в работе Масуда Барзани. См.: Барзани М. Указ соч.; Hurewitz J. C. Middle East dilemmas. P. 140.

⁵²⁷ FRUS. 1946. Vol. VII. P. 442.

⁵²⁸ Ibid. P. 825.

⁵²⁹ Kolko J., Kolko G. Op. cit. P. 236–237; LaFeber W. America, Russia, and Cold War, 1945–1947. N. Y., 1972. P. 40–41.

⁵³⁰ Ibid. P. 38; См. FRUS. 1946. Vol. VII. P. 1–5, 840–842. Из ноты от 7 августа 1946 г.: Турция и Советский Союз организуют совместными средствами оборону проливов (Босфор и Дарданеллы) для предотвращения использования проливов другими государствами во враждебных черноморским державам целях.

⁵³¹ См.: Советско-израильские отношения. Кн. 1. Док. № 55. С. 137.

⁵³² Maddox R. J. From War to Cold War. Colorado, 1988. P. 175.

⁵³³ Gardner L. C. Three Kings. P. 61.

⁵³⁴ См.: СССР и Арабские страны. 1917–1960 гг.: документы и материалы. М., 1961. Док. 23, 24.

⁵³⁵ История возникновения сирийского кризиса и позиции держав – отдельная самостоятельная тема. См.: Оганесян И. О. Указ соч.; Пир-Будагова Э. П. Указ соч.; Очерки по истории арабских стран; Seale P. Op. cit.; Speiser E. A. Op. cit.

⁵³⁶ Rubin B. Op. cit. P. 141.

⁵³⁷ Советский Союз – арабские страны: документы и материалы. Док. 23. С. 93.

⁵³⁸ Speiser E. A. Op. cit. P. 105–106. В марте 1946 г. были заключены англо-французское и франко-ливанское соглашения, по которым все иностранные войска из Сирии были выведены к 17 апреля 1946 г., из Ливана британские – к 30 июня, французские – 31 декабря 1946 г. Дипломатический словарь. М., 1986. Т. 3. С. 39.

⁵³⁹ Gormly J. L. The Collapse of the Grand Alliance. P. 22; Kolko J., Kolko G. Op. cit. P. 236–237; Rubin B. Op. cit. P. 223.

⁵⁴⁰ Hahn P. L. Op. cit. P. 25.

⁵⁴¹ Gardner L. C. Three Kings. P. 52.

⁵⁴² Пелипась М. Я. Суэцкий кризис. С. 544.

⁵⁴³ Федченко А. Ф. Указ соч. С. 113.

- ⁵⁴⁴ Hathaway R. Op. cit. P. 166.
- ⁵⁴⁵ FRUS. 1947. Vol. VII. P. 485–626; Hahn P. L. Op. cit. P. 49–56.
- ⁵⁴⁶ FRUS. 1947. Vol. V. P. 522.
- ⁵⁴⁷ Ibid. P. 522, 589, 594–595, 600.
- ⁵⁴⁸ Идея федерации, выдвинутая Лондоном в рамках решения палестинской проблемы, включала Трансиорданию, Палестину, Ливан и Сирию, возможно, и Ирак.
- ⁵⁴⁹ FRUS. 1947. Vol. V. P. 598.
- ⁵⁵⁰ Район, отошедший к Турции по Лозаннскому договору.
- ⁵⁵¹ FRUS. 1947. Vol. V. P. 605.
- ⁵⁵² Ibid. P. 589, 605, 610, 612.
- ⁵⁵³ Пелипась М. Я. Экспансионистская политика. С. 108, 476.
- ⁵⁵⁴ Пелипась М. Я. Суэцкий кризис. С. 546.
- ⁵⁵⁵ Kolko J., Kolko G. Op. cit. P. 414.
- ⁵⁵⁶ Gardner L. C. Three Kings. P. 69.
- ⁵⁵⁷ Sheldon L. U.S. Conduct in the Middle East since World War II and the Folly of Intervention // Policy Analysis. 1991. № 159. URL: www.cato.org/pub_display.php?pub.
- ⁵⁵⁸ Kolko J., Kolko G. Op. cit. P. 420.
- ⁵⁵⁹ Gardner L. C. Three Kings. P. 80–81.
- ⁵⁶⁰ Главный противник: Документы американской внешней политики и стратегии 1945–1950 гг. М., 2006. С. 105.
- ⁵⁶¹ Louis W. R., Owen R. Op. cit. P. 26.
- ⁵⁶² Политика Трумэна и история создания государства Израиль достаточно подробно представлены в отечественной историографии. См.: Колобов О. А. Механизмы формирования политики Соединённых Штатов Америки по отношению к Израилю и арабским странам в 1947–1985 гг. // Международные отношения. Избр. труды. Н. Новгород, 1998; Он же. Соединённые Штаты Америки и проблема Палестины; Пырлин Е. Д. Указ соч.
- ⁵⁶³ FRUS. 1947. Vol. M. P. 1269; Hathaway R. Op. cit. P. 218–219.
- ⁵⁶⁴ FRUS. 1945. Vol. VIII. P. 704–706.
- ⁵⁶⁵ Acheson D. Op. cit. P. 169.
- ⁵⁶⁶ Лофтус Дж., Ааронс М. Тайная война против евреев. URL: <http://gazeta.rjews.net/Lib/secret/3.html#7>; http://www.e-reading.biz/chapter.php/150591/10/Loftus_-_Taiinaya_voiina_protiv_evreev.html; Hurewitz J. C. Middle East dilemmas. P. 137.
- ⁵⁶⁷ Acheson D. Op. cit. P. 107.
- ⁵⁶⁸ Hathaway R. Op. cit. P. 219.
- ⁵⁶⁹ Ibidem.
- ⁵⁷⁰ FRUS. 1945. The Conference of Berlin (the Potsdam Conference). Vol. II. P. 1402; Acheson D. Op. cit. P. 169.
- ⁵⁷¹ FRUS. 1947. Vol. V. P. 170.
- ⁵⁷² Колобов О. А. Механизмы формирования политики. С. 366.
- ⁵⁷³ Lenczowski G. The Middle East. P. 534.
- ⁵⁷⁴ Hathaway R. Op. cit. P. 220. Отечественный автор О. А. Колобов акцентирует внимание на активности еврейского лобби и слабости арабского. См.: Колобов О. А. Международные отношения. Избр. труды. Н. Новгород, 1998. С. 587–599.

- ⁵⁷⁵ FRUS. 1945. Vol. VIII. P. 749–750, 744–745, 765–766.
- ⁵⁷⁶ Acheson D. Op. cit. P. 177.
- ⁵⁷⁷ Советский Союз. Отношения Советского Союза с Израилем. URL: www.eleven.co.il/article/15422
- ⁵⁷⁸ Отчёт сотрудника политического департамента правления Еврейского агентства для Палестины Айзенштадта о беседе с корреспондентом ТАСС в Каире Янченко. См.: Советско-израильские отношения. Док. № 55. С. 137.
- ⁵⁷⁹ Советско-израильские отношения. Док. 33. С. 90–91.
- ⁵⁸⁰ Итогом работы Панарабской конференции стало подписание протокола об учреждении Лиги Арабских государств: Запись беседы второго секретаря миссии СССР в Египте А. Ф. Султанова с делегатом от палестинских арабов на конференции по созыву Панарабского конгресса Мусой Аль-Алями // Там же. Док. 40. С. 105.
- ⁵⁸¹ Там же. Док. 56. С. 138.
- ⁵⁸² Там же. Док. 46. С. 113.
- ⁵⁸³ Там же. Док. 51. С. 120–121.
- ⁵⁸⁴ Письмо Посланника СССР в Ливане Д. С. Солода заведующему ближневосточным отделом НКВД СССР И. В. Самыловскому // Там же. Док. 56. С. 139–140.
- ⁵⁸⁵ FRUS. 1946. Vol. VII. P. 647.
- ⁵⁸⁶ В данной работе мы не будем останавливаться на разных вариантах и механизмах решения палестинского вопроса, так как этот материал широко представлен в научной литературе. См.: Ближний Восток в политике великих держав и арабо-израильский конфликт: в 2 т. / под ред. О. А. Колобова. Н. Новгород, 2008. Т. 1; Пырлин Е. Д. Указ. соч.; Колобов О. А. Соединённые Штаты Америки и проблема Палестины; Кризис и война. Гл. 9; Manuel F. E. Op. cit.; Wilson E. Decision on Palestine: How the US Come to Recognize Israel. Stafford, 1979; Cohen M. J. Op. cit.; и др.
- ⁵⁸⁷ FRUS. 1946. Vol. VII. P. 598, 599.
- ⁵⁸⁸ Ibid. P. 708, 709.
- ⁵⁸⁹ Ibid. P. 646.
- ⁵⁹⁰ Советско-израильские отношения. Док. 59. С. 145.
- ⁵⁹¹ См.: Там же. Док. 63.
- ⁵⁹² Там же. С. 154–155.
- ⁵⁹³ См. Советско-израильские отношения. Док. 59, 65, 71, 74.
- ⁵⁹⁴ Исаев Г. Г. Истоки ближневосточного конфликта: образование государства Израиль. М., 2008. С. 72.
- ⁵⁹⁵ Советско-израильские отношения. Док. 86. С. 226.
- ⁵⁹⁶ Там же. Док. 102. С. 265.
- ⁵⁹⁷ Костырченко Г. В. Указ. соч. С. 401.
- ⁵⁹⁸ Горелик М. Роковая ошибка Сталина // Новое время. 1998. № 18. С. 39.
- ⁵⁹⁹ Медведев Ж. Указ. соч. URL: http://scepsis.net/library/id_1647.html.
- ⁶⁰⁰ De Santis H. The Diplomacy of Silence. P. 56.
- ⁶⁰¹ Советско-израильские отношения. С. 223.
- ⁶⁰² Vaughan J. R. Op. cit. P. 56.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

6 ноября 1944 г. во время выступления на заседании Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями г. Москвы Председатель Государственного Комитета обороны СССР И. В. Сталин выступил с докладом, посвященным 27-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Значительная часть его выступления была посвящена успехам государств антигитлеровской коалиции в войне против гитлеровской Германии. К тому времени исход борьбы мало у кого вызывал сомнения. Близился момент полного освобождения территории СССР, союзники открыли Второй фронт в Европе, за плечами были Московская, Тегеранская и Думбартон-Окская конференции, только что прошли англо-советские переговоры в Москве при участии американского посла А. Гарримана, на которых затрагивался широкий круг проблем военно-политического характера. Выступление советского руководителя передавало настроение неумолимо приближавшейся победы. «Можно не сомневаться в том, — говорил Сталин, — что если боевой союз демократических держав выдержал испытания более чем трёх лет войны и если он скреплен кровью народов, поднявшихся на защиту своей свободы и чести, то тем более этот союз выдержит испытания заключительной стадии войны». Оратор сообщил о причинах такой уверенности, подчеркнув, что «в основе союза СССР, Великобритании и США лежат не случайные и преходящие мотивы, а жизненно важные и длительные интересы».

Отметив, что между союзниками имеются разногласия, Сталин подчеркнул: «Удивляться надо не тому, что существуют разногласия, а тому, что их так мало и что они, как правило, разрешаются почти каждый раз в духе единства и согласованности действий трех великих держав. Дело не в разногласиях, а в том, что разногласия не выходят за рамки допустимого интересами единства трёх великих держав и, в конечном счете, разрешаются по линии интересов этого единства»¹.

Этот раздел речи явно был адресован не только сидящим в зале. Он предназначался, прежде всего, зарубежной аудитории, всем народам, продолжавшим вести войну с общим врагом, и их правительствам, приступившим к созданию послевоенного мироустройства, центральным элементом которого должна была стать система общей безопасности. Несмотря на праздничный повод выступления и его безусловно оптимистичную интонацию, формулировки отличались четкостью и определенностью заложенных в них смыслов. Сейчас, по прошествии без малого семидесяти лет после того заседания, выверенные фразы Председателя ГКО поражают проекцией использованных им значений на последующие три года в развитии взаимоотношений главных участников антигитлеровской коалиции. Идея мира, защищенного от войн, в тот момент становилась стержнем коалиционной дипломатии и имела огромную популярность. Тем не менее советский руководитель ни разу не позволил себе увлечься и выйти за границы допустимого для ответственного руководителя воюющей державы. Произнесенная им вслух логическая триада, по сути дела, оказалась пророческой: союз рожден войной и его существование можно считать безусловно оправданным только до момента её окончания; залогом его эффективности является способность решать разногласия в рамках допустимого интересами единства (и не более того!); и наконец, у великих держав есть прочная основа для взаимодействия в виде длительных жизненно важных интересов. Следовательно, выступление Сталина помимо признания безусловной ценности союза для решения военно-стратегических задач содержало послание о том, что остальные вопросы, в том числе и те, что будут возникать после того, как установится мир, должны решаться с позиций реальных интересов государств. Словом, задолго до Ялты он выступал как лидер, осознававший, что его страна стала «геополитической силой, равновеликой всему Западу и препятствием на его пути»². Иного не предполагалось.

Примечательно, что ровно через два месяца после упомянутого выступления Сталина президент США Ф. Д. Рузвельт в своем последнем радиообращении к нации также уделил существенное внимание вопросам внешней политики. Хотя его речь отличалась по стилю и охвату затронутых проблем, ряд фрагментов напрямую перекликался с идеями советского руководителя. Вот некоторые из них: «Прочный мир не может осуществиться без сильной Америки – сильной в социальном и экономическом отношении так же, как и в военном». «Безопасность собственной страны мы сможем обеспечить только в том случае, если используем свою силу и влияние для утверждения принципов, в которые мы верим и за которые мы сражались». «Мы не уклонялись от своих военных обязанностей. Мы не можем уклониться – не станем уклоняться – от политических обязанностей, которые лягут на нас, когда отгремят сражения. Однако, исполняя эти обязанности, мы ни в коем случае не должны раздувать противоречия между нами и нашими союзниками, особенно в том, что касается судьбы народов, освобожденных от фашистской тирании»³. До конца войны с Германией оставалось 115 дней, и с этого расстояния перед президентом США рисовалась практически та же самая перспектива, что и перед главой советского государства. Руководители двух ведущих держав антигитлеровской коалиции не только чувствовали, но и целеполагали будущее союза и международных отношений в сопоставимых категориях. Их подходы в равной степени были отмечены прагматизмом и сознательной ориентацией на достижение мира усилиями сильных держав, признающих общность долговременных и жизненно важных интересов. Надо полагать, что никакие зигзаги в развитии отношений между их государствами в любых районах мира в тот момент не могли стать для них неожиданными, потому что и тот и другой осознавали не только цену Победы, но и качества и возможности союзника. Следует признать, что во время войны между ними действительно состоялся политический и личный диалог – диалог «не проповедников, а практиков влияния», который стал возможен благодаря тому, что их идеи и действия, соприкасаясь с политикой, на глазах у современников воплощались в зримый результат – по выражению М. Гелфера, «гениально выкроенное переустройство мира»⁴.

Сталин и Рузвельт являли собой совершенно разные типы государственных руководителей, а возглавляемые ими державы олицетворяли полярные тренды развития человеческой цивилизации в XX веке. Во вре-

мя войны оба лидера руководствовались собственными политическими программами. Национальные повестки дня СССР и США были несопоставимыми. По большому счету, даже военные цели двух держав совпадали лишь частично – в той части, где речь шла о разгроме Германии и её европейских союзников. Эта цель оформилась не с началом Второй мировой войны, а только в 1941 г., когда вторжение в СССР стало фактом. Но и после этого их роли в глобальном конфликте существенно различались. То же самое можно сказать и о решаемых ими конкретных военно-стратегических задачах. Политические курсы, которыми следовали Москва и Вашингтон на международной арене на протяжении 1939–1947 гг., также никогда не совпадали полностью. В большинстве случаев они не были даже параллельными. Если попытаться графически отобразить их направленность, то получится, что и «на входе» (1939 г.), и «на выходе» (1947 г.) стрелки векторов будут указывать в противоположном направлении. Однако по мере прохождения своих маршрутов обе державы пережили момент максимального сближения, после которого инерция объективных процессов и субъективных обстоятельств увлекла их в противоположные стороны, поставив по разные стороны фронта в холодной войне. Фаза максимального сближения приходится на конец 1943 – начало 1945 г., т. е. на исключительно насыщенный в истории дипломатии Второй мировой войны период, начало которого приходится на Тегеранскую конференцию, а завершение – на Ялтинскую. Именно к этому времени относятся приведенные выше высказывания Сталина и Рузвельта.

Принимаясь за исследование внешней политики СССР и США на Балканах, Ближнем и Среднем Востоке, авторы настоящего труда исходили из посылки о непрерывности истории на всем протяжении 1939–1947 гг. За это время качественно изменились и мир и вся система межгосударственных связей. Однако появление «новой выкройки» мироустройства к моменту провозглашения доктрины сдерживания в 1947 г. не может, как представляется, считаться свидетельством полного разрыва с «наследием Великого Союза». Отчасти, все было как раз наоборот: доктрина фиксировала согласованную бывшими союзниками часть этого наследия, уточняла, кто, кого, на каких рубежах и какими средствами будет сдерживать. Иными словами, речь шла о взаимном признании того факта, что Соединенные Штаты Америки и Советский Союз утверждаются в статусе ведущих держав мира, имеют особые

права и привилегии в определенных регионах и соглашаются на самоограничения в проведении политики в отношении друг друга. Холодная война стала одним из главных результатов Второй мировой войны, а не отказом от наследия Победителей.

В современных трудах по истории, посвященных войне и международным процессам в середине XX в., при всем обилии новых документов и методологических находок, вопросы типа «кто начал первым?», или «кто ответственен за?» встречаются, пожалуй, не реже, чем 40–50 лет назад. Один из таких примеров российской историографии блестяще прокомментировал В. Л. Мальков в книге «Россия и США в XX веке»⁵. Работы американских авторов, причем весьма авторитетных и влиятельных, также пестрят пассажами, в которых «ответственным» за начало холодной войны «назначается» конкретное лицо. Как правило, им является И. В. Сталин. У Дж. Л. Гэддиса, например, читаем: «Сталин обладал определенными характеристиками, которые выделяли его в ряду других деятелей в тот момент, когда начиналась холодная война. Он один обеспечивал собственную безопасность путем лишения этого права всех остальных, ни один западный лидер не полагался на террор в той же степени, как он; ни один западный лидер не преуспел в этом деле так, как он, и никто из них даже не пытался этого сделать. Только он смотрел на войну и революцию как на приемлемые средства для достижения своих окончательных целей; никто из лидеров Запада не ассоциировал насилие с прогрессом до такой степени, как он.

Означает ли это, что Сталин искал холодной войны? Это все равно, что спросить, «ищет ли рыба воду»? Подозрительность, недоверие и беспрецедентная жестокость были не просто его предпочтениями – эти качества были необходимой для него средой. Без этого он не мог существовать». «Примирение воспринималось Сталиным не иначе, как трюкачество или наивность, – к такому выводу пришел другой автор, Уильям Таубман, – и только жесткий курс в отношении Америки признавался приемлемым, исходя из её имиджа неизбывного врага, которым руководствовались Советы»⁶. Ещё в одном исследовании, одном из самых последних по времени выхода в свет, утверждается, что «смерть Рузвельта ослабила, возможно, фатально шансы избежать, или, по крайней мере, смягчить холодную войну». И хотя далее признается, что не только Рузвельт, но и Сталин желал продлить союз на

послевоенный период, поскольку, несмотря на приверженность марксистско-ленинской идеологии, он идентифицировал себя с царем Александром I, а тот и после победы над Наполеоном оставался надежным членом Священного Союза, в конечном итоге только за американским президентом признаются роли создателя и хранителя коалиции, потенциального лидера мира. Для убедительности приводятся слова бывшего посла США в СССР А. Гарримана, сказанные в середине 1960-х гг. А. Шлезингеру-мл. о том, что «если бы Рузвельт был жив и находился в полном здравии, то с большой уверенностью можно сказать, в каком направлении тогда пошла бы история – Рузвельт смог бы управлять миром»⁷.

Приведенные примеры далеко не единичны. Они фигурируют в книгах действительно крупных историков, профессионалов своего дела, активных участников научных дискуссий, имеющих немало последователей. С нашей точки зрения, они указывают на существование как минимум двух методологически некорректных тенденций в освещении истоков холодной войны.

Во-первых, все они строятся на проецировании индивидуальных и некоторых политических характеристик Сталина на всю внешнюю политику СССР. И хотя роль личной дипломатии в годы войны была исключительно важной, все же ни персональные качества руководителей, ни уровень сердечности в их взаимоотношениях (или неприязни, или доверия, или страха, или иных характеристик) не являлись ни единственными, ни определяющими факторами при форматировании процессов всемирного масштаба. Ни Рузвельт, ни Сталин не нуждаются в идеализации или демонизации. По-настоящему значимым обстоятельством для истории международных отношений 1940-х гг. стало то, что, несмотря на все исторические, культурные, национальные и прочие различия, на несовместимость их предшествующего личного политического опыта, во время войны они смогли наладить диалог, вели его в рамках единого смыслового поля как равные партнеры, руководствуясь при этом сопоставимыми и понятными друг для друга подходами. Суть этих подходов заключалась в признании общих жизненно важных и долговременных интересов и в согласованном намерении решать проблемы мироустройства с позиций ценностей и интересов собственных государств. Поэтому смерть Рузвельта 12 апреля 1945 г. не стала «точкой невозврата» в продвижении от союза и согласия к конфронтации и вражде, но она существенно

облегчила переход на иной язык в межгосударственных отношениях и перестановку акцентов при проведении каждой из держав своих внешне-политических курсов в различных регионах.

И во-вторых, тот факт, что основные решения военного и послевоенного времени, как правило, принимались на международных саммитах или заседаниях с участием руководителей внешнеполитических ведомств и дипломатов, вовсе не означает, что реальная политическая карта мира формировалась только таким образом. На самом деле расстановка сил в каждом государстве и регионе, сбалансированность интересов всех участников внешнеполитического процесса достигались в течение длительного времени при непосредственном участии большого количества действующих лиц и исполнителей. Игроков всегда было больше, чем два, они отличались разной степенью активности, ресурсами и рычагами влияния, способностью к компромиссам или её отсутствием и другими качествами. И в Москве, и в Вашингтоне внимательно следили за состоянием этой турбулентной среды, особенно в сложных национально-религиозных сообществах, четко фиксируя точки соприкосновения интересов, согласовывая насущные потребности и изучая долгосрочные перспективы.

В эволюции советской и американской политики на Балканах, Ближнем и Среднем Востоке в 1939–1947 гг. можно выделить три основных этапа. Первый, 1939–1941 гг., отмечен эскалацией участия Советского Союза и Соединённых Штатов Америки в дела этих регионов. В 1941 г. произошло вступление обеих держав в войну. К этому времени Болгария, Югославия и Греция находились под полным нацистским контролем, а ближневосточные государства считались зоной преимущественного влияния Великобритании. Во время второго этапа, в 1941–1944 гг., Москва и Вашингтон определились в своих отношениях к различным фракциям движения Сопротивления на Балканах, руководство США отвергло средиземноморскую стратегию, предлагавшуюся Великобританией, отдав предпочтение более значимым военным приоритетам антигитлеровской коалиции. Важным качественным итогом в развитии их внешнеполитических курсов стал очевидный рост заинтересованности в укреплении позиций в государствах Ближнего и Среднего Востока. На третьем этапе (1944–1947 гг.) американская и советская политика развивались на фоне освобождения государств балканского региона от нацистской оккупации и последующего урегулирования, сопровождав-

шегося расширением влияния Кремля на Балканах и вытеснением Великобритании Соединенными Штатами в Восточном Средиземноморье и на Ближнем Востоке. Итогом стало утверждение США и СССР в качестве двух мировых лидеров и начало глобального противостояния между ними.

Именно на Балканах и Ближнем Востоке раньше и острее, чем в иных регионах, стали проявляться признаки ухудшения в отношениях: взаимные обвинения, претензии и враждебность. Здесь на практике были воплощены первые варианты политики «сдерживания коммунизма», ставшей началом доктринального наполнения политики холодной войны. Уже в начале 1946 г. США и Великобритания внесли на обсуждение Совета Безопасности ООН вопрос о незаконности продолжающейся оккупации Северного Ирана советскими войсками, что через несколько месяцев привело к их выводу. Соединенные Штаты воспрепятствовали стремлению Советского Союза получить военные и военно-морские базы в Турции, обеспечивающие контроль над Босфором и Дарданеллами. 12 марта 1947 г. президент Трумэн обратился к Конгрессу с просьбой оказать военную и экономическую помощь Греции и Турции, заменив тем самым Великобританию, которая известила США, что у неё больше нет для этого ресурсов. Таким образом, зарождение холодной войны было непосредственно связано с Балканами, Ближним и Средним Востоком. Хотя политика СССР в освобожденных Красной Армией восточноевропейских странах вызывала крайнее недовольство Вашингтона, она не привела на первых порах к столь же жесткому противодействию с американской стороны, не имевшей в этом регионе особых инструментов воздействия на Москву, кроме дипломатического давления. Проявление конфронтации в Восточной Европе и на Дальнем Востоке началось позднее. Так, первым конфликтом в Европе, грозившим американо-советским столкновением, мог стать Берлинский кризис 1948 г. На Дальнем Востоке событием такого рода стала Корейская война, начавшаяся уже в 1950 г.

Цитировавшийся ранее Ф. Костиглиола заметил, что «рационально оформленные культурные стереотипы о “полудиких” Советах и о “вероломных” космополитах, стремящихся любой ценой завлечь “доверчивых” русских в свои сети, препятствовали созданию коалиции в 1941 г. и помогли её разрушить сразу после войны»⁸. Очевидно, такое заключение подходит главным образом для характеристики состояний массо-

вого сознания народов, изменявшихся при переходах от мира к войне, и от войны – к холодной войне. Когда речь идет об оценке действий государственных руководителей в моменты тех же самых переходов, то правильнее говорить, что в большинстве случаев они руководствовались не политическими штампами и идеологическими предрассудками, а национальными интересами или собственными представлениями о том, в чем именно они состоят. История международных отношений 1939–1947 гг. содержит немало тому подтверждений.

¹ Сталин И. В. Избранные сочинения: в 3 т. Т. 3. М., 2001. С. 233–234.

² Нарочницкая Н. А. За что и с кем мы воевали. М., 2007. С. 65.

³ Рузвельт Ф. Беседы у камина. М., 2003. С. 372, 373, 375.

⁴ Павловский Г. Указ соч. С. 30, 38.

⁵ Мальков В. Л. Россия и США в XX веке. М., 2009. С. 8.

⁶ Gaddis J. L. *We Now Know: Rethinking Cold War History*. Oxford. 1997. P. 25; Taubman W. *Stalin's American Policy: From Entente to Detente to Cold War*. N. Y., 1982. P. 9, 74.

⁷ Costigliola F. *Roosevelt's Alliances. How Personal Politics Helped Start the Cold War*. Princeton Univ. Press, 2012. P. 2, 5, 6, 428.

⁸ Ibid. P. 5.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

ИСТОЧНИКИ

Архивные документы

Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ)

Ф. 06/6 – Секретариат тов. В. М. Молотова.

Ф. 07/7 – Секретариат тов. А. Я. Вышинского.

Ф. 012/12 – Секретариат тов. В. Г. Деканозова.

Ф. 056/56 – Отдел Печати. Досье ТАСС.

Ф. 069/69 – Референтура по Великобритании.

Ф. 074/74 – Референтура по Болгарии.

Ф. 084/84 – Референтура по Греции.

Ф. 094/94 – Референтура по Ирану.

Ф. 0118/118 – Референтура по Палестине.

Ф. 0129/129 – Референтура по США.

Ф. 0132/132 – Референтура по Турции.

Ф. 0144/144 – Референтура по Югославии.

Ф. 0192/192 – Посольство СССР в США.

Ф. 0204/204 – Полпредство СССР при югославском и греческом правительствах в Каире, 1942–1944.

Ф. 0430/430 – Московское совещание министров иностранных дел СССР, США и Великобритании.

Ф. 0431/I – I Сессия Совета министров иностранных дел (СМИД).

Ф. 0431/II – II Сессия Совета министров иностранных дел (СМИД).

Ф. 0452/452 – Союзная контрольная комиссия (СКК).

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)

Ф. 17 – Центральный Комитет КПСС (ЦК КПСС) (1898, 1903–1991).

Ф. 82 – Молотов (наст. Скрябин) Вячеслав Михайлович.

Ф. 495 – Исполнительный комитет Коминтерна (ИККИ) (1919–1943).

Ф. 558 – Сталин (наст. Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1878–1953).

Электронные ресурсы

Franklin D. Roosevelt Digital Archives. URL: <http://www.fdrlibrary.marist.edu>

History of Israel, from 1850-present. URL: <http://www.eretzisrael.org/~jkatz/index.html>

HyperWar. A Hypertext History of the Second World War. URL: <http://www.ibiblio.org/hyperwar/>

Office of Strategic Services Operational Groups. URL: <http://www.ossog.org/greek.html>

Office of the Historian, Bureau of Public Affairs, United States Department of State. URL: <http://history.state.gov>

Population Statistics: historical demography of all countries, their divisions and towns. URL: <http://www.populstat.info/>

Saudi-US Relations. URL: <http://www.saudi-us-relations.org>

The American Presidency Project. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/>

The American-Israeli Cooperative Enterprise. URL: <http://www.jewishvirtuallibrary.org>

The Middle East 1916–2001: A Documentary Record // Avalon Project – Documents in Law, History and Diplomacy. URL: http://avalon.law.yale.edu/subject_menus/mideast.asp

U.S. Department of State. Office of the Historian. URL: <http://history.state.gov/>

Yale Law School. URL: <http://www.law.yale.edu/>

Архив Александра Н. Яковлева. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/>

Еврейское агентство для Израиля (Сохнут). URL: <http://www.jafi.org/JewishAgency/Russian/Home>

Информационно-библиографическая система ООН. URL: <http://unbisnet.un.org/indexr.htm>

Нормативные документы // «Культурные ценности – жертвы войны» (проект Министерства культуры Российской Федерации). URL: <http://lostart.ru/ru/documents/>

Организация Объединённых Наций. URL: <http://www.un.org/ru/>

Опубликованные документы

1941 год: в 2 кн. / сост. Л. Е. Решин и др.; под ред. В. П. Наумова; вступ. ст. А. Н. Яковлева. М., 1998.

Ambassador MacVeagh Reports: Greece, 1933–1947 / Ed. by J. Iatrides. Princeton, 1980.

Biennial Report of the Chief of Staff of the US Army July 1, 1941 to July 30, 1943 to the Secretary of War. Center of Military History, U.S. Army. Wash., 1996.

Congressional Record. Vol. 86–93. Wash.: U.S. Government Printing Office, 1940–1947.

Containment: Documents on American Policy and Strategy, 1945–1950 / ed. T. H. Etzold, J. L. Gaddis. N. Y., 1978.

Documents on American Foreign Relations. Vol. III–IX. Boston: World Peace Foundation. Boston, 1941–1949.

Documents on British Policy Overseas / ed. by R. Butler, M. E. Pelly. Ser. 1. Vol. II: Conferences and conversations, 1945: London, Washington and Moscow. L., 1985.

Documents on British Policy Overseas / ed. by R. Butler, M. E. Pelly. Ser. 1. Vol. VII: The United Nations: Iran, Cold War and World Organization, 1946–1947. L., 1995.

Documents on International Affairs, 1939–1946. Vol. II: Hitler's Europe / Ed. by M. Carlyle. L.; Oxford, 1954.

Executive Agreement Series 410. Department of State Publication 2189. Wash., 1944.

Foreign Relation of the United States. Diplomatic Papers. 1939–1947. Wash., 1955–1974.

Greece 1940–1949: Occupation, Resistance, Civil War. A Documentary History / Ed. and Translated and with an Introduction by R. Clogg. Basingstoke, 2002.

Peace and War: United States Foreign Policy, 1931–1941. Wash., 1943.

Security Council, Official Records. First year, First series, № 1. L., 1946.

The Department of State Bulletin. 1943–1947. Wash., 1943–1947.

The Foreign Office and the Kremlin: British Documents on Anglo-Soviet Relations, 1941–1945 / ed. with an Introduction by G. Ross. Cambridge etc., 1984.

The Problem of the Turkish Straits. Department of State Publication. Near Eastern Series. Wash., 1947.

The White House Papers of Harry L. Hopkins / An intimate history by Robert E. Sherwood. Vol. 1: September 1939 – January 1942. L., 1948.

War and Peace. Aims of the United Nations: September 1, 1939 – December 31, 1942. / Ed. by L. Holborn. Boston, 1943.

X (Kennan, George Frost). The Sources of Soviet Conduct // Foreign Affairs. Vol. 25. 1947. № 4. P. 566–582.

Ближневосточный конфликт: Из документов архива внешней политики РФ. 1947–1967: в 2 т. Т. 1 / отв. ред. В. В. Наумов. М., 2003.

България – непризнатият противник на Третия райх / Съст. В. Тошкова и др. София., 1995.

България – своенравният съзник на Третия райх: (сборник документи) / съст. В. Тошкова и др. София, 1992.

Власть и церковь в Восточной Европе. 1944–1953. Документы российских архивов: в 2 т. Т. 1. Власть и церковь в Восточной Европе. 1944–1948 гг. / отв. ред. Т. В. Волокитина. М., 2009.

Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: документы и материалы. 1941–1944 гг.: в 3 т. / ред.-сост. С. Майоров. М., 1946–1947.

Внешняя политика Советского Союза. 1946 г.: документы и материалы. М., 1952.

Внешняя политика СССР: сб. документов: в 6 т. М., 1944–1947.

Восточная Европа в документах российских архивов 1944–1953 гг.: в 2 т. Т. I. 1944–1948 гг. / сост.: Н. М. Барина и др.; науч. коммент.: Т. В. Волокитина и др.; редкол.: Г. П. Мурашко и др. Новосибирск, 1997.

Главный противник: документы американской внешней политики и стратегии 1945–1950 гг. / сост. и авт. вступ. ст. И. М. Ильинский. М., 2006.

Год кризиса, 1938–1939: документы и материалы: в 2 т. М., 1990.

Документы внешней политики СССР Т. XXII–XXV. М., 1992–2010.

Документы внешней политики СССР. Т. III. 1 июля 1920 г. – 18 марта 1921 г. М., 1959.

Документы интернациональной солидарности // Вопросы истории КПСС. 1984. № 9. С. 3–18.

Колобов О. А. Документальная история арабо-израильского конфликта: хрестоматия / О. А. Колобов, А. А. Корнилов, А. А. Сергунин. Н. Новгород, 1991.

Кеннан Дж. Ф. Истоки советского поведения // США: экономика, политика, идеология. 1989. № 12. С. 42–52.

Коминтерн и вторая мировая война: сб. документов. Ч. 2: После 22 июня 1941 г. М., 1997.

Котев Н., Котева А. Из переписката на германските разузнавателни служби действащи в България в периода 1941–1944 г. // ГУА. Известия на държавните архиви. 2004. Т. 87. С. 98–175.

Котев Н. Неизвестен документ за Джордж Хауърд Ърл – пълномощен министър на САЩ в България през 1940–1941 година // Международни отношения. 1993. № 1. С. 103–112.

Котев Н. Неизвестни документи за англо-американските бомбардировки над България през 1944 г. и за създадения военнопленнически лагер в гр. Шумен // Архивен преглед. 2008. Кн. 1–2. С. 134–148.

Мир между войнами: Избранные документы по истории международных отношений 1910–1940-х годов / сост. А. В. Малыгин. М.: МГИМО МИД РФ, 1997.

Можно ли было предотвратить апрельскую войну? (Новые документы о советско-югославском договоре о дружбе и ненападении 1941 года) // Вестник МИД СССР. 1989. № 15. С. 55–63.

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сб. документов: Т. 5. Кн. 2. Границы СССР восстановлены. 1 июля – 31 декабря 1944 года. М.: Общество изучения истории отечественных служб; Кучково поле, 2007.

Поездка В. М. Молотова в Берлин в ноябре 1940 г. / предисл. Г. Н. Севостьянова // Новая и новейшая история. 1993. № 5. С. 64–99.

Проблемы войны и мира в XX веке. Нижегородская серия документов по истории международных отношений: хрестоматия: Т. 2. Н. Новгород, 1998.

Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии: документы, комментарии, 1941–1945. М., 2004.

Русский архив: Великая Отечественная. СССР и Польша: Т. 14 (3–1). М., 1994.

Русско-китайские отношения в XX веке: Т. IV: Советско-китайские отношения. 1937–1945 гг. Кн. 1: Советско-китайские отношения. 1937–1944 гг. М., 2000.

Системная история международных отношений: в 4 т. События и документы. 1918–2000 / отв. ред. А. Д. Богатуров. Т. 2. Документы. 1918–1945. М., 2000.

Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сб. документов: в 6 т. Т. I. Московская конференция. М., 1984; Т. II. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (28 ноября – 1 декабря 1943 г.). М., 1984; Т. IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). М., 1979; 1984; Т. VI. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (17 июля – 2 августа 1945 г.). М., 1980; 1984.

Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 гг.: документы: в 2 т. Т. 1. 1944–1948 гг. / отв. ред. Т. В. Волокитина. М., 1999.

Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: документы и материалы: в 2 т. М., 1984.

Советско-американские отношения, 1939–1945 / под общ. ред. А. Н. Яковлева. М., 2004.

Советско-американские отношения, 1945–1948: документы / сост. В. В. Алдошин, Ю. В. Иванов, В. М. Семенов; ред. Г. Н. Севостьянов. М., 2004.

Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.: в 2 т. / сост. Г. Кынин, П. Севостьянов, В. Сулов, В. Трухановский. М., 1983.

Советско-болгарские отношения и связи: документы и материалы. Т. II. Сентябрь 1944 – декабрь 1958. М., 1981.

Советско-болгарские отношения и связи: документы и материалы. Т. 1. Ноябрь 1917 – сентябрь 1944. М., 1976.

Советско-болгарские отношения. 1944–1948 гг.: документы и материалы / отв. ред. Л. Б. Валев, В. Хаджиниколов. М., 1969.

Советско-израильские отношения: сб. документов. Т. 1. 1941–1953. Кн. 1. М., 2000.

Советско-югославские отношения. 1917–1941 гг.: документы и материалы. М., 1992.

Советско-югославские отношения. 1945–1956: документы и материалы. Новосибирск, 2010.

Совещания Коминформа, 1947, 1948, 1949: документы и материалы. М., 1998.

СССР и Арабские страны. 1917–1960 гг.: документы и материалы. М., 1961.

Фирсов Ф. И. Секреты Коммунистического Интернационала: шифро-переписка. М., 2011.

Мемуары, дневники, переписка, речи

Acheson D. Present and Creation. My Years in State Department. N. Y., 1969.

Adamic L. Dinner at the White House. N. Y., 1946.

Bohlen Ch. Witness of History, 1929–1969. N. Y., 1973.

Byrnes J. All in One Lifetime. N. Y., 1958

Byrnes J. Speaking Frankly. N. Y.; L., 1947.

Churchill and Roosevelt. The Complete Correspondence / ed. with a commentary by Warren F. Kimball: in 3 vols. L., 1984.

Churchill W. The Second World War: in 6 vol. Boston, 1985.

Churchill: the Struggle for Survival, 1940–1945. Taken from the Diaries of Lord Moran. Boston, 1966.

Dimitrov G. The Diary of Georgi Dimitrov 1933–1949 / ed. by I. Banac. New Haven, 2003.

Eden A. The Memoirs of Anthony Eden, Earl of Avon. Vol. 2. Boston, 1965.

FDR: His Personal Letters, 1928–1945: in 2 vols. Vol. II: 1938–1945. N. Y., 1950.

For the President. Personal and Secret. Correspondence Between Franklin D. Roosevelt and William C. Bullitt / ed. by Orville H. Bullitt. Boston, 1972.

Harriman W. A., Abel E. Special Envoy to Churchill and Stalin, 1941–1946. N. Y., 1975.

Hull C. The Memoirs of Cordell Hull: in 2 vols. N. Y., 1948.

Ickes H. Fighter Oil. N. Y., 1943.

Ismay H. L. I. The Memoirs of General the Lord Ismay. L., 1960.

Jukic I. The Fall of Yugoslavia. N. Y., 1974.

Kennan G. F. Memoirs, 1925–1950. Boston, 1967.

Kennan G. F. Russia and the West under Lenin and Stalin. Boston-Toronto, 1960.

King Peter II of Yugoslavia. A King's Heritage. N. Y., 1954.

Knatchbull-Hugessen H. Diplomat in Peace and War. L., 1949.

Leahy W. I Was There. The Personal Story of the Chief of Staff to Presidents Roosevelt and Truman Based on His Notes and Diaries Made at the Time by Fleet Admiral WDL. L., 1950.

Fotitch C. The War We Lost. Yugoslavia's Tragedy and the Failure of the West. N. Y., 1948.

-
- Loewenheim F. L. and Langley H. D., Roosevelt and Churchill. The Secret Wartime Correspondence. N. Y., 1975.
- Maclean F. Eastern Approaches. L., 1951.
- Macmillan H. The Blast of War. 1939–1945. L., 1967.
- Millspaugh A. Americans in Persia. Wash., 1946.
- Murphy R. Diplomat Among Warriors. N. Y., 1964.
- My Dear Mr. Stalin: The Complete Correspondence Between Franklin D. Roosevelt and Joseph V. Stalin / ed. by Susan Butler. New Haven; L., 2005.
- Negotiating with the Russians / ed. by R. Dennett and J. Johnson. Boston, 1951.
- Pahlavi M. R. S. Mission for my Country. L., 1960.
- Stettinius E. Lend-Lease. Weapon for Victory. N. Y., 1944.
- Stettinius E. Roosevelt and the Russians. The Yalta Conference. N. Y., 1949.
- Sulzberger C. L. A Long Row of Candles. Memoirs and Diaries. 1934–1954. L., 1969.
- The Diaries of Edward R. Stettinius, Jr., 1943–1946 / ed. by T. M. Campbell, G. C. Herring. N. Y., 1975.
- The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. Vol. 1939–1940. N. Y., 1941.
- Truman H. Memoirs: In 2 vols. Vol. I: Year of Decisions. 1945. N. Y., 1955.
- Truman M. Harry S. Truman. N. Y.; L., 1973.
- Voices of History, 1945–1946: Speeches and Papers of Roosevelt, Truman, Churchill, Attlee, Stalin, De Gaulle, Chiang and Other Leaders. Delivered During 1945 / ed. by N. Ausubel. N. Y., 1946.
- Voices of History. 1942–1943. Speeches and Papers of Roosevelt, Churchill, Stalin, Chiang, Hitler and other Leaders / ed. by Franklin Watts. N. Y., 1943.
- Von Papen F. Memoirs. L., 1952.
- Welles S. The Time for Decision. L., 1944.
- Азаров А. На острие меча. М., 1975.
- Бережков В. В то время в Иране // Азия и Африка сегодня. 1984. № 11. С. 15–16.
- Бережков В. М. Страницы дипломатической истории. М., 1987.
- Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных войск 1939–1942 гг.: в 2 т. Т. 2. М., 1969.

- Голль Ш. де. Военные мемуары: Спасение 1944–1946. М., 2004.
- Громыко А. А. Памятное: в 2 кн. Кн. 2. М., 1988.
- Гудериан Г. Воспоминания солдата. Смоленск, 1999.
- Димитров Г. Дневник, март 1933 – февруари 1949: Избрано. София, 2003.
- Зорин Л. И. «Особое задание» // Вопросы истории. 1983. № 3. С. 75–87.
- Зорин Л. И. Особое задание. М., 1987.
- Манштейн Э. фон. Утерянные победы. М., 1999.
- Меир Г. Моя жизнь. Чимкент, 1997.
- Новиков Н. В. Воспоминания дипломата. М., 1989.
- Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: в 2 т. Изд. 1-е. М., 1957–1958.
- Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: в 2 т. Изд. 2-е. М., 1976.
- Рузвельт Э. Его глазами. М.: ИИП, 1947.
- Секретная переписка Рузвельта с Черчиллем в период войны: пер. с англ. / Т. Рузвельт, У. Черчилль; ред.: Ф. Л. Лоуэнхейм, Г. Д. Лэнгли, М. Джонас. М., 1995.
- Судоплатов П. А. Разведка и Кремль: Записки невольного свидетеля. М., 1996.
- Судоплатов П. А. Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год. М., 2001.
- Франклин Делано Рузвельт. Беседы у камина / пер. с англ. М., 2003.
- Чему свидетели мы были... Переписка бывших царских дипломатов. 1934–1940. Кн. 2: 1938–1940. М., 1998.
- Черепанов А. И. Поле ратное моё. М., 1984.
- Черчилль У. Вторая мировая война: в 3 кн. М., 1991.
- Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991.

Периодические издания

Newsweek.

Perak Shimbun.

The New York Times.

Time.
Правда.
Славяне. Ежемесячный журнал Всеславянского комитета.
Труд.

ЛИТЕРАТУРА

Монографии

- Agwani M. Sh. The US and the Arab World 1945–1952. Aligarh, 1955.
- Alexander G. M. Prelude to the Truman Doctrine: British Policy in Greece 1944–1947. Oxford, 1982.
- Alvarez D. Bureaucracy and Cold War Diplomacy: The United States and Turkey, 1943–1946. Thessaloniki, 1980.
- Amen M. American foreign Policy in Greece, 1944–1949: These. Frankfurt a. M. etc., 1978.
- Anderson T. H. The United States, Great Britain, and the Cold War 1944–1947. Columbia; London, 1981.
- Arfa H. Under Five Shahs. Edinburg, 1964.
- Aronsen L., M. Kitchen. The Origins of the Cold War in Comparative Perspective. American, British and Canadian Relations with the Soviet Union, 1941–1948. N. Y., 1988.
- Ashton S. R. In search of Detente. The Politics of East–West Relations since 1945. L., 1989.
- Ataov T. Turkish Foreign Policy, 1939–1945. Ankara, 1965.
- Athanassopoulou E. Turkey-Anglo-American Security Interests 1945–1952. The First Enlargement of NATO. L., 1999.
- Auty Ph. Tito: A Biography. N. Y., 1970.
- Avery P. Modern Iran. L., 1965.
- Barker E. British Policy in South-East Europe in the Second World War. N. Y., 1976.
- Baylis J. The Diplomacy of Pragmatism: Britain and the Formation of NATO, 1942–1949. Kent (Ohio), 1993.
- Beitzell R. The Uneasy Alliance. America, Britain, and Russia, 1941–1943. N. Y., 1972.
- Ben-Horin E. The Middle East Crossroads of History. N. Y., 1943.
- Bennett E. FDR and the Search for Victory: American-Soviet Relations, 1939–1945. Wilmington, 1990.

Berend I. T. Central and Eastern Europe, 1944–1993: Detour from the Periphery to the Periphery. Cambridge, 1996.

Bilgin M. Britain and Turkey in the Middle East: Politics and Influence in the Early Cold War Era. L.; N. Y., 2008.

Blair J. The Control of Oil. N. Y., 1970.

Blake K. The US-Soviet Confrontation in Iran, 1945–1962. A case in the Annals of the Cold War. N. Y., 2009.

Boll M. The American Military Mission in the Allied Control Commission for Bulgaria, 1944–1947. History and Transcripts. N. Y., 1985.

Brown A. The Last Hero: Wild Bill Donovan. N. Y., 1982.

Brown L. F. Bulgaria under Communist Rule. L., 1970.

Bryson Th. American diplomatic relations with the Middle East 1784–1975. N. Y., 1977.

Buhite R. Patrick J. Hurley and American Foreign Policy. Ithaca, 1973.

Bullard R. The Camels Must Go. An Autobiography. L., 1961.

Bullard R. The Middle East. Political and Economic survey. N. Y., 1958.

Butler J. R. M. Grand strategy Vol. 2: Sept.1939 – June 1941. L., 1957.

Byrnes J. Roosevelt: The Soldier of Freedom. N. Y., 1970.

Campbell J. American Policy toward Communist Eastern Europe: the Choices Ahead. Minneapolis, 1965.

Campbell J. C. Defense of the Middle East: Problems of American Policy. N. Y., 1958.

Charmley J. Churchill: the End of the Glory: A Political Biography. L., 1993.

Chubin S. The Foreign Relations of Iran: A Developing State in a Zone of Great-Power Conflict. Berkeley; L., 1974.

Clemens D. Yalta. N. Y., 1970.

Cohen M. J. Truman and Israel. Los Angeles, 1990.

Corson W. R. The Armies of Ignorance: The Rise of the American Intelligence Empire. N. Y., 1977.

Costigliola F. Roosevelt's Alliances. How Personal Politics Helped Start the Cold War. Princeton Univ. Press, 2012.

Cottam R. W. Iran and the United States. A Cold War Case Study. Pittsburgh, 1988.

Crampton R. J. Bulgaria. N. Y., 2007.

Crampton R. J. The Balkans since the Second World War. N. Y., 2002.

Curtiss R. H. Regarding Franklin Roosevelt's promises to the Arabs. *A Changing Image: American Perceptions of the Arab-Israeli Dispute*. Wash., 1986.

Dallek R. Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy, 1932–1945. N. Y., 1979.

Daniels J. *White House Witness, 1942–1945*. N. Y., 1975.

De Santis H. *The Diplomacy of Silence. The American Foreign Service, the Soviet Union and the Cold War, 1933–1947*. Chicago; L., 1980.

Dedijer V. *Tito Speaks. His Self Portrait and Struggle with Stalin*. L., 1953.

DeNovo J. *American Interests and Policies in the Middle East, 1900–1939*. Minneapolis, 1963.

Deringil S. *Turkish Foreign Policy during the Second World War: an "Active" Neutrality*. N. Y., 1989.

Dimleby D., Reynolds D. *An Ocean Apart: The Relationship between Britain and America in the 20th century*. L., 1988.

Dulles F. R. *America's Rise to World Power 1898–1954*. L., 1955.

Dunlop R. *Donovan: America's Master Spy*. Chicago etc., 1982.

Elwell-Sutton L. P. *Modern Iran*. L., 1942.

Elwell-Sutton L. P. *Persian Oil. A study in Power Politics*. L., 1955.

Fatemi N. *Oil Diplomacy: Powder Keg in Iran*. N. Y., 1954.

Fawcett L. *International Relations of the Middle East*. N. Y., 2005.

Fleming D. F. *The Cold War and its Origins, 1917–1960 Vol. 1*. L., 1961.

Ford K. *OSS and the Yugoslav Resistance, 1943–1945*. College Station, 1992.

Frazier R. *Anglo-American Relations with Greece. The Coming of the Cold War, 1942–1947*. N. Y., 1991.

Gaddis J. L. *The United States and the Origins of the Cold War, 1941–1947*. N. Y., 1978.

Gardner L. C. *Three Kings: the Rise of American Empire in the Middle East after World War II*. N. Y., 2009.

Gerolymatos A. *Red Acropolis, Black Terror. The Greek Civil War and the Origins of the Soviet-American Rivalry, 1943–1949*. N. Y., 2004.

Gilbert M. Winston S. Churchill. Vol. VII. L., 1986.

Ginat R. *The Soviet Union and Egypt 1945–1955*. L., 1993.

Gormly J. L. *From Potsdam to the Cold War: Big Three Diplomacy, 1945–1947*. Wilmington, 1990.

Gormly J. L. The Collapse of the Grand Alliance 1945–1948. Louisiana, 1987.

Grayson B. L. United States – Iranian relations. Wash., 1981.

Haas W. S. Iran. N. Y., 1946.

Hahn P. L. The United State, Great Britain and Egypt, 1945–1956: Strategy and Diplomacy in the Early Cold War. Chapel Hill, 1991.

Hamzavi A. H. Persia and the Powers. An Account of Diplomatic Relations. 1941–1946. L., 1946.

Harrison G. A. Cross-Channel Attack. United States Army in World War II. Wash., 1951.

Haslam J. Russia's Cold War. From the October Revolution to the Fall of the Wall. Yale Univ. Press, 2011.

Hathaway R. Ambiguous Partnership. Britain and America, 1944–1947. N. Y., 1981.

Herz M. F. Beginnings of the Cold War. Bloomington; L., 1966.

Holland M. F. America and Egypt: from Roosevelt to Eisenhower. N. Y., 1996. Westport, 1996.

Horowitz D. Corporations and the Cold War. N. Y.; L., 1969.

Howard H. Turkey, the Straits and U.S. Policy. Baltimore, 1974.

Hurewitz J. C. Middle East Dilemmas. The Background of the United States Policy. N. Y., 1953.

Hurewitz J. C. Diplomacy in the Near and Middle East. Princeton, 1956.

Hymoff E. The OSS in World War II. N. Y., 1972.

Iatrides J. O. Revolt in Athens: the Greek Communist "Second Round" 1944–1945. Princeton (N. J.), 1972.

Irving D. Breach of Security. L., 1968.

Karalekas A. Britain, the U.S., and Greece, 1942–1945. N. Y.; L., 1988.

Karpat K. Turkey's Foreign Policy in Transition, 1950–1974. Leiden, 1975.

Kimball W. F. Forged in war: Roosevelt, Churchill, and the Second World War. N. Y., 1997.

Kinsella W. Leadership in Isolation. FDR and the Origins of the Second World War. Cambridge; Boston, 1978.

Kirk G. The Middle East in the War. L., 1954.

Kofas J. Intervention and Underdevelopment: Greece during the Cold War. University Park (PA) 1989.

Kolko G. Confronting the Third World US'Policy 1945–1980. N. Y., 1988.

Kolko G. *The Politics of War: The World and United States Foreign Policy, 1943–1945*. N. Y., 1968.

Kolko J., Kolko G. *The Limits of Power: The World and the United States Foreign Policy. 1945–1954*. N. Y., 1972.

Kovrig B. *The Myth of Liberation. East-Central Europe in United States Diplomacy and Politics since 1941*. Baltimore, 1973.

Kuniholm B. R. *The Origins of the Cold War in the Near East: Great Power Conflict and Diplomacy in Iran, Turkey, and Greece*. Princeton, 1980.

LaFeber W. *America, Russia, and Cold War, 1945–1947*. N. Y., 1972.

Lampe J., Prickett R., Adamovic L. *Yugoslav-American Economic Relation since World War II*. Durham; L., 1990.

Larson D. *United States Foreign Policy towards Yugoslavia. 1943–1963*. Wash., 1979.

Leeper R. *When Greek Meets Greek*. L., 1950.

Leighton R. M. *Global Logistics and Strategy 1940–1943 (US Army in World War II. The War Department)*. Wash., 1955.

Lenczowski G. *Russia and the West in Iran, 1918–1948. A Study in Big-Power Rivalry*. Ithaca; N. Y., 1949.

Lenczowski G. *The Middle East in World Affairs*. Ithaca, N. Y., 1962.

Livanios D. *The Macedonian Question: Britain and the Southern Balkans 1939–1949*. N. Y., 2008.

Lohbeck D. Patric J. Hurly. Chicago, 1956.

Longrigg S. *Oil in the Middle East*. L., 1961.

Louis W. R. *The British Empire in the Middle East 1945–1951: Arab Nationalism, The United States and Postwar Imperialism*. Oxford, 1984.

Lytle E. *The Origins of the Iranian-American Alliance, 1941–1953*. N. Y.; L., 1987.

Maddox R. J. *From War to Cold War*. Colorado, 1988.

Manuel F. E. *The Realities of American-Palestine Relations*. Wash., 1972.

Martin D. *Ally Betrayed. The Uncensored Story of Tito and Mihailovic*. N. Y., 1946.

Mastny V. *Russia's Road to the Cold War: Diplomacy, Warfare, and the Politics of Communism, 1941–1945*. N. Y., 1979.

Matloff M., Snell E. M. *Strategic Planning for Coalition Warfare, 1941–1942* // Office of the Chief of Military History, Department of the Army, 1953. URL: <http://www.answer.com/topic/united-states-color-coded-war-plans>.

McNeill W. H. America, Britain, and Russia, Their Cooperation and Conflict. N. Y., 1970.

Messer R. L. The End of an Alliance: James F. Byrnes, Roosevelt, Truman, and the Origins of the Cold War. Chapel Hill, 1980.

Metin T. The Warrior Diplomats. Guardians of the National Security and Modernization of Turkey. Salt Lake City, 1976.

Miller A. Search for Security: Saudi Arabian Oil and American Foreign Policy, 1939–1949. Chapel Hill, 1980.

Millman B. The Ill-Made Alliance: Anglo-Turkish Relations, 1934–1940. L.: McGill-Queen's University Press, 1998.

Motter T. H. V. The Persian Corridor and Aid to Russia. Wash., 2000.

Nadeau R. Stalin, Churchill and Roosevelt Divide Europe. N. Y., 1990.

Novak B. Trieste, 1941–1954. The Ethnic, Political, and Ideological Struggle. Chicago; L., 1970.

Papastratis P. British Policy towards Greece during the Second World War. Cambridge, etc., 1984.

Paterson Th. On Every Front: The Making of the Cold War. Toronto, 1979.

Plokhly S. M. Yalta: The Price of Peace. N. Y., 2010.

Powaski R. E. The Cold War. The United States and the Soviet Union 1917–1991. N. Y., 1998. URL: lj.rossia.org/users/svonz/94463.html.

Pratt J. A History of the United States Foreign Policy. N. Y., 1955.

Rabel R. Between East and West: Trieste, the United States, and the Cold War, 1941–1954. Durham; L., 1988.

Ramazani R. Iran's Foreign Policy, 1941–1973: A study of Foreign Policy in Modernizing Nations. Charlottesville (Va.), 1975.

Reynolds D. From World War to Cold War. Churchill, Roosevelt, and the International History of the 1940s.. Oxford, 2006.

Roberts G. The Soviet Union in World Politics. Coexistence, Revolution and Cold War, 1941–1945. L.; N. Y., 1999.

Roberts W. Tito, Mihailovic and the Allies. 1941–1945. New Brunswick, 1973.

Rose L. After Yalta. N. Y., 1973.

Rostow W. W. The United States in the World Arena. An Essay in Recent History. N. Y., 1969.

Rubin B. The Great Powers in the Middle East, 1941–1947: The Road to the Cold War. L., 1980.

Ryan H. B. The Vision of Anglo-America: The US-UK Alliance and the Emerging Cold War, 1943–1946. Cambridge etc., 1987.

-
- Sachar H. M. Europe leaves the Middle East, 1936–1954. N. Y., 1972.
- Saiu L. The Great Powers and Rumania, 1944–1946. A Study of the Early Cold War Era. N. Y., 1992.
- Sarafis S. ELAS: Greek Resistance Army. L., 1951.
- Sayre J. Persian Gulf Command. Some Marvels on the Road to Kazvin. N. Y., 1945.
- Schulzinger R. D. American Diplomacy in the Twentieth Century. N. Y.; Oxford, 1990.
- Seale P. The Struggle for Syria. A Study of Post-War Arab Politics 1945–1958. L., 1987.
- Sherwood R. Roosevelt and Hopkins. An Intimate History: in 2 vols. Vol. II. N. Y., 1950.
- Shrader Ch. The Withered Vine: Logistics and the Communist Insurgency in Greece, 1945–1949. Westport, 1999.
- Shwadran B. The Middle East, Oil and the Great Powers. N. Y., 1955.
- Sicker M. The Bear and the Lion. Soviet Imperialism and Iran. N. Y.; L., 1988.
- Smith G. American Diplomacy during the Second World War 1941–1945. N. Y., 1966.
- Smith R. OSS. The Secret History of the America's First Central Intelligence Agency. Berkeley, 1972.
- Speiser E. A. US and the Near East. N. Y., 1947.
- Stafford D. Britain and European resistance, 1940–1945: A Survey of the Special Operations Executive, with Documents. Toronto; Buffalo, 1980.
- Stafford D. Churchill and the Secret Service. L., 1997.
- Stavrakis P. J. Moscow and Greek Communism, 1944–1949. Ithaca; L., 1989.
- Stevenson W. A Man Called Intrepid: The Secret War. N. Y., 1976.
- Stewart R. A. Sunrise at Abadan: The British and Soviet Invasion of Iran, 1941. N. Y., 1988.
- Stoff M. Oil, War and American Security: The Search for a National Policy on Foreign Oil, 1941–1947. Yale University Press, 1980.
- Suez 1956. The Crisis and its consequence / ed. by W. R. Louis, R. Owen. Oxford, 1989.
- Sweet-Escott B. Greece: A Political and Economic Survey, 1939–1953. L.; N. Y., 1954.
- Tamkin N. Britain, Turkey and the Soviet Union, 1940–1945: Strategy, Diplomacy and Intelligence in the Eastern Mediterranean. N. Y., 2009.

Tasovac I. American Foreign Policy and Yugoslavia, 1939–1941. College Station, 1999.

Taubman W. Stalin's American Policy from Entente to Detente to Cold War. N. Y., 1982.

The Atlantic Charter / ed. by D. Brinkley, D. R. Facey-Crowther. N. Y., 1994.

The End of the Palestine Mandat / ed. by W. R. Louis, R. Stookey. Austine, 1986.

The Middle East. A Political and Economic Survey. N. Y., 1951.

The Truman Doctrine of Aid to Greece: a Fifty-Year Retrospective / ed. by E. Rossides. N. Y., 1998.

Thomas L. V., Frye R. N. The United States and Turkey and Iran. Cambridge, 1962.

Tomasevich J. War and Revolution in Yugoslavia, 1941–1945. Vol. I: The Chetniks. Stanford, 1975.

Trask R. The United States Response to Turkish Nationalism and Reform, 1914–1939. Minneapolis, 1971.

Troy Th. Donovan and the CIA: A History of the Establishment of the Central Intelligence Agency. Frederick, 1996.

Vali F. The Turkish Straits and NATO. Hoover Institution Press, 1972.

Vaughan J. R. The Failure of American and British propaganda in the Arab Middle East 1945–1957. N. Y., 2005.

Volkman E. Secret Intelligence. The Inside Story of America's Espionage Empire. N. Y., 1989.

Warner G. Iraq and Syria. 1941. L., 1974.

Weisband E. Turkish Foreign Policy, 1943–45: Small State Diplomacy and Great Power Politics. Princeton, 1973.

Weisberg B. A. Cold War. Cold Peace. The United States and Russia since 1945. N. Y., 1984.

Wilber D. N. Contemporary Iran. N. Y., 1963.

Wilber D. N. Iran: Past and Present. Princeton, 1955.

Wilson E. Decision on Palestine: How the US come to recognize Israel. Stafford, 1979.

Wittner L. S. American Intervention in Greece, 1943–1949. N. Y., 1982.

Woodhouse C. M. The Struggle for Greece, 1941–1949. L., 1976.

Woodhouse C. M. Apple of Discord. A Survey of Recent Greek Politics in their International Settings. L., etc., 1948.

Woodward L. British Foreign Policy in the Second World War: in 5 vols. L., 1970–1976.

Xydis S. G. Greece and the Great Powers 1944–1947. Prelude to the “Truman doctrine”. Thessaloniki, 1963.

Young R. Congressional Politics in the World War. N. Y., 1956.

Zabih S. The Communist Movement in Iran. Berkley, 1966.

Zhivkova L. Anglo-Turkish Relations, 1933–1939. L., 1976.

Абдуразаков Б. Происки английского и американского империализма в Иране (1941–1947 гг.). Ташкент, 1959.

Аблова Р. Т. Сотрудничество советского и болгарского народов в борьбе против фашизма (1941–1945 гг.). М., 1973.

Агаев С. Л. Иран: внешняя политика и проблемы независимости. 1925–1941 гг. М., 1972.

Агаев С. Л. Германский империализм в Иране. М., 1969.

Алексеев Л. Советский Союз и Иран. М., 1963.

Алиев С. М. История Ирана. XX век. М., 2004.

Амин С. Восстание арабов в XX веке / пер. с араб. М., 1964.

Аникеев А. С. Как Тито от Сталина ушёл: Югославия, СССР и США в начальный период «холодной войны» (1945–1957). М., 2002.

Арабаджян З. А. Иран: противостояние империям (1918–1941). М., 1996.

Баев Й. Военнополитические конфликты след втората световна война и България. София, 1995.

Балканский узел, или Россия и «югославский фактор» в контексте политики великих держав на Балканах в XX веке / В. А. Гаврилов, В. А. Миркикин, Н. В. Васильева. М., 2005.

Барзани М. Мустафа Барзани и курдское освободительное движение. М., 2005.

Батлер Д., Гуайер Д. Большая стратегия, июнь 1941 – август 1942. М., 1967.

Батюк В. И., Евстафьев Д. Первые заморозки. Советско-американские отношения в 1945–1950 гг. М., 1995.

Безыменский Л. Третий фронт. Секретная дипломатия Второй мировой войны. М., 2003.

Бернс Дж. М. Франклин Рузвельт. Человек и политик. М., 2004.

Ближний Восток в политике великих держав и арабо-израильский конфликт: в 2 т. / под ред. О. А. Колобова. Н. Новгород, 2008.

- Боев И. Балканите в глобалната политика на САЩ. София, 1986.
- Бондарев Н. В. Загадка Тито. Московские годы Иосипа Броза (1935–1937 гг.). М., 2012.
- България и Русия. 125 години дипломатически отношения. София, 2004.
- Быстрова Н. Е. СССР и формирование военно-блокового противостояния в Европе (1945–1955 гг.). М., 2007.
- Валев Л. Б. Болгарский народ в борьбе против фашизма (накануне и в начальный период второй мировой войны). М., 1964.
- Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001.
- Васильев А. М. История Саудовской Аравии (1745 г. – конец XX в.). М., 1999.
- Васильев Л. М. Пути советского империализма. Нью-Йорк, 1954.
- Васильева Н. В., Гаврилов В. П. Балканский тупик?.. (Историческая судьба Югославии в XX веке). М., 2000.
- Восточная Европа между Гитлером и Сталиным, 1939–1941 гг. / отв. ред. В. К. Волков, Л. Я. Гибианский. М., 1999.
- Гасанлы Дж. П. СССР – Иран: Азербайджанский кризис и начало холодной войны (1941–1946 гг.). М., 2006.
- Гасанлы Дж. П. СССР – Турция: от нейтралитета к холодной войне (1939–1953). М., 2008.
- Гибианский Л. Я. Советский Союз и новая Югославия. 1941–1947. М., 1987.
- Гилязов И. А. Легион «Идель-Урал». М., 2009.
- Гиренко Ю. С. Сталин – Тито. М., 1991.
- Годс М. Реза. Иран в XX веке. Политическая история. М., 1994.
- Гордонов Л. Ш. Египет. М., 1953.
- Городецкий Г. Роковой самообман. Сталин и нападение Германии на Советский Союз. М., 1999.
- Данилов А. А., Пыжиков А. В. Рождение сверхдержавы: СССР в первые послевоенные годы. М., 2001.
- Дмитриев Е. Палестинская трагедия. М., 1986.
- Емануилов Е. Г. България в политиката на великите сили, 1939–1947 / Е. Г. Емануилов. Вел. Търново, 2003.
- Ерёмин А. Г. Формирование внешнеполитических доктрин СССР и США в первые послевоенные годы. М., 2007.

Ергин Д. Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. М., 1999.

Жигалина О. И. Национальное движение курдов в Иране (1918–1947). М., 1988.

Жигня К. Л. Империалистическая политика США и Великобритании в отношении Болгарии и Румынии (1944–1947 гг.). Кишинёв, 1987.

Задохин А. Г., Низовский А. Ю. Пороховой погреб Европы. М., 2000.

Звягельская И. Д. История Государства Израиль. М., 2012.

Ибрагимбейли Х.-М. Крах «Эдельвейса» и Ближний Восток. М., 1977.

Из истории Европы в новое и новейшее время. К 100-летию со дня рождения академика И. М. Майского / отв. ред. А. М. Самсонов. М., 1984.

Исаев Г. Г. Истоки ближневосточного конфликта: образование государства Израиль. М., 2008.

Израэлян В. Л. Дипломатия в годы войны. М., 1985.

История внешней политики СССР 1917–1980: в 2 т. / под ред. А. А. Громыко. М., 1980. Т. 1.

История Востока. Восток в новейший период (1945–2000) / под ред. В. Я. Белокреницкого и В. В. Наумкина. М., 2008.

История второй мировой войны: (в 12 т.). Т. 3–5. М., 1974–1975.

Казаков М. И. Над картой былых сражений. М., 1971.

Калинин А. А., Юнгблюд В. Т. Греция в американско-британских отношениях в 1939–1945 гг. Киров, 2009.

Калинова Е. Победители и Блгария (1939–1945). София, 2004.

Кальвокоресси П. Мировая политика после 1945 г.: в 2 т. М., 2000.

Карасимеонов М. ООН и Блгария. София, 1975.

Квашнин Ю. Д. Греция в международных отношениях, 1936–1941. М., 2011.

Кикешев Н. И. Славяне против фашизма. М., 2005.

Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? М., 2002.

Клоков В. Борьба народов славянских стран против фашистских поработителей (1939–1945 гг.). М., 1961.

Колобов О. В. Соединённые Штаты Америки и проблемы Палестины. Н. Новгород, 1993.

Космач Е. Н. Политика США в отношении Югославии в 1943–1980 гг. Минск, 2007.

Костырченко Г. В. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. М., 2001.

Краткая история Болгарии / отв. ред. Г. Г. Литаврин. М., 1987.

Кризис и война: международные отношения в центре и на периферии мировой системы в 30–40-х годах / отв. ред. А. Д. Богатуров. М., 1998.

Кръстева М. Морето в международните отношения и външната политика на България 1944–1949 г. / М. Кръстева. Варна, 2005.

Кузнец Ю. Л. Длинный прыжок в никуда. Как был сорван заговор против Большой тройки в Тегеране. М., 1996.

Кузнец Ю. Л. Тегеран-43. М., 2003.

Лазарев М. С. Курдистан и курдский вопрос (1923–1945). М., 2005.

Лофтус Дж., Ааронс М. Тайная война против евреев. URL: www.zone4iphone.ru/index.php?

Луцкий В. Б. Новейшая история стран зарубежного Востока Т. 3. М., 1957.

Майнер С. М. Сталинская священная война. Религия, национализм и союзническая политика. 1941–1945 / пер. с англ. В. Артёмова. М., 2010.

Макдермотт К., Агню Дж. Коминтерн. История международного коммунизма от Ленина до Сталина. М., 2000.

Макензи У. Секретная история УСО: Управление специальных операций в 1940–1945 гг. / пер. с англ. В. Ф. Мисюченко. М., 2004.

Мальков В. Л. Россия и США в XX веке: очерки истории межгосударственных отношений и дипломатии в социокультурном контексте. М., 2009.

Матонин Е. В. Иосип Броз Тито. М., 2012. URL: http://www.e-reading-lib.com/chapter.php/1017591/14/Matonin_-_Iosip_Broz_Tito.html.

Медведев Ж. Сталин и еврейская проблема. Новый анализ URL: http://scepsis.ru/library/id_1473.html

Мельтюхов М. И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941. М., 2000.

Милов П. Иран во время и после второй мировой войны. М., 1949.

Мировые войны XX века. Кн. 4. М., 2006.

Мирский Г. И. Ирак в смутное время. М., 1961.

Нарочницкая Н. А. За что и с кем мы воевали. М., 2007.

Национальная политика в странах формирующегося советского блока. 1944–1948 / под ред. В. В. Марьиной. М., 2004.

Оганесян Н. О. Образование независимой Сирийской республики (1939–1946). М., 1968.

Оришев А. Б. Политика нацистской Германии в Иране. СПб., 2005.

Орлов Е. А. Внешняя политика Ирана после второй мировой войны. М., 1975.

Очерки по истории арабских стран: сб. ст. / под ред. Б. В. Луцкого. М., 1959.

Павловский Г. О. 1993: элементы советского опыта. Разговоры с Михаилом Гефтером. М., 2014.

Палюкайтис И. И. Экономическое развитие Ирана. М., 1965.

Парвизпур Б. Х. Советско-иранские отношения в годы второй мировой войны (1939–1945). Тбилиси, 1978.

Парсаданова В. С. Советско-польские отношения в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945. М., 1982.

Пелипась М. Я. Экспансионистская политика США и Англии на Ближнем и Среднем Востоке в 1947–1952 гг. Томск, 1989.

Петрановић Б. Политичка и економска основа народне власти у Југославији за време обнова. Београд, 1969.

Петрова Н. К. Антифашистские комитеты в СССР: 1941–1945 гг. М., 1999.

Печатнов В. О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.: документальные очерки. М., 2006.

Пир-Будагова Э. П. Сирия в борьбе за упрочение национальной независимости (1945–1946 гг.). М., 1978.

Поздеева Л. В. Англо-американские отношения в годы второй мировой войны 1941–1945. М., 1969.

Политика США на арабском Востоке / отв. ред. Б. Г. Гафуров. М., 1961.

Попов М. В. Американский империализм в Иране в годы второй мировой войны. Американская финансовая миссия. М., 1956.

Потехин А. В. Дипломатия США в Восточной Европе. 1945–1950 гг. Киев, 1991.

Пырлин Е. Д. 100 лет противоборства. Генезис, эволюция, современное состояние и перспективы решения палестинской проблемы. М., 2001.

Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии: документы, комментарии, 1941–1945. М., 2004.

Румянцев Ф. Я. Тайная война на Ближнем и Среднем Востоке. М., 1972.

Сейранян Б. Г. Египет в борьбе за независимость. 1945–1952. М., 1970.

Семиряга М. И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000.

Семиряга М. И. Тайны сталинской дипломатии. 1939–1941. М., 1992.

Семиряга М. И. Советские люди в европейском сопротивлении. М., 1970.

Системная история международных отношений: в 2 т. Т. 1 / под ред. А. Д. Богатурова. М., 2003.

Системная история международных отношений: в 4 т. Т. 1. События 1918–1945. М., 2000.

Системная история международных отношений. Т. 1. События 1918–1945 годов / под ред. А. Д. Богатурова. М., 2007.

Славин Г. М. Освободительная война в Югославии. (1941–1945 гг.). М., 1965.

СССР и страны Востока накануне и в годы Второй мировой войны / отв. ред. В. В. Наумкин. М., 2010.

СССР и страны народной демократии. Становление отношений дружбы и сотрудничества 1944–1949 гг. / отв. ред. В. К. Волков, В. Я. Сиполс. М., 1985.

СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война, 1939–1941: дискуссии, комментарии, размышления / отв. ред. С. З. Случ. М., 2007.

Страны Центральной и Юго-Восточной Европы во второй мировой войне. М., 1972.

Тимофеев А. Ю. Четники. Королевская армия. М., 2012.

Типпельскирх К. История второй мировой войны. СПб.; М., 1999.

Токвиль А. де. Демократия в Америке. М., 1994.

Трухановский В. Г. Внешняя политика Англии в годы второй мировой войны. М., 1965.

У истоков «социалистического содружества»: СССР и восточноевропейские страны в 1944–1949 гг. / отв. ред. Л. Я. Гибианский. М., 1995.

Улунян А. А. Балканы: горячий мир холодной войны. Греция и Турция между Западом и Востоком. 1945–1960 гг.. М., 2001.

Фалин В. М. Второй фронт. Антигитлеровская коалиция: конфликт интересов. М., 2000.

-
- Федченко А. Ирак в борьбе за независимость (1917–1969). М., 1970.
- Фейс Г. Черчилль. Рузвельт. Сталин. Война, которую они вели, и мир, которого они добились / пер. с англ. И. А. Игоревский. М., 2003.
- Фергюсон Н. Империя. Чем современный мир обязан Британии. М., 2013.
- Фуллер Дж. Ф. Вторая мировая война 1939–1945 гг. Стратегический и тактический обзор. М., 1956.
- Хамруш А. Революция 23 июля 1952 г. в Египте. М., 1984.
- Холодная война. 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива: сб. ст. / отв. ред. Н. И. Егорова, А. О. Чубарьян. М., 2003.
- Чубарьян А. О. Канун трагедии: Сталин и международный кризис: сентябрь 1939 – июнь 1941 года. М., 2008.
- Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца: в 2 т.. М., 1958.
- Шлезингер-мл. А. М. Циклы американской истории. М., 1992.
- Элвелл-Саттон Л. Иранская нефть. К истории политики силы. М., 1956.
- Юнгблюд В. Т. Внешнеполитическая мысль США 1939–1945 годов. Киров, 1998.
- Юнгблюд В. Т., Чучкалов А. В. Политика США в Иране в годы Второй мировой войны. Киров, 2011.
- Юнгблюд В. Т., Костин А. А. Политика США в Югославии в 1941–1945 гг. Киров, 2004.
- Юнгблюд В. Т. Эра Рузвельта: дипломаты и дипломатия. СПб., 1996.
- Яковлев Н. Н. ФДР – человек и политик // Яковлев Н. Н. Избранные произведения. М., 1988.

Статьи

- Barker E. Greece in the Framework of Anglo-Soviet Relations 1941–1947 // Greece: From Resistance to Civil War / ed. by M. Sarafis. Nottigham, 1980. P. 15–31.
- De Santis H. In Search of Yugoslavia: Anglo-American Policy and Policy-Making, 1943–1945 // Journal of Contemporary History. Vol. 16, № 3 (July 1981). P. 541–563.
- Elwell-Sutton L. P. Political Parties in Iran // The Middle East Jorنال. 1949. № 3. P. 45–62.
- Foster A. J. The Politicians, Public Opinion and the Press: The Storm over British Military Intervention in Greece in December 1944 // Journal of Contemporary History. 1984. Vol. 19, № 3. P. 453–494.

Howard H. Foreign Policy in the Second World War (1939–1946) // Yugoslavia / ed. by Robert J. Kerner. Berkeley; L. A., 1949. P. 338–352.

Iatrides J. O. The Dekemvriana: Communist Revolution, Rightist Coup, or Blunder? // Journal of the Hellenic Diaspora. 1996. Vol. 22, № 2. P. 69–85.

Kotev N. The Allied bombing of Bulgaria during World War II // ACTA. International Congress for the 50 years from the 1940–1941 epopee and the battle of the Crete, Greece, 1991. P. 146–149.

Macrakis M. S. Russian Mission on the Mountains of Greece, Summer 1944 (A View from the Ranks) // Journal of Contemporary History. 1988. Vol. 23. № 3. P. 387–408.

Mahan A. The Persian Gulf and International Relations // National Review. London, September 1902. P. 38–39.

Newell C. R. Egypt-Libya, the U.S. Army Campaigns of World War II. URL: <http://www.ibiblio.org/hyperwar/USA/USA-C-Egypt/index.html>

Onslow S. Britain and the Belgrade Coup of 27 March 1941 Revisited // Electronic Journal of International History (2005), Institute of Historical Research, University of London. URL: <http://www.history.ac.uk/ejournal/Onslow.pdf>

Resis A. The Churchill-Stalin Secret «Percentages» Agreement on the Balkans, Moscow, October 1944 // The American Historical Review. 1978. Vol. 83. № 2. P. 368–387.

Roberts G. Beware Greek Gifts: The Churchill-Stalin «Percentages» agreement of October 1944. URL: <http://www.historia.ru/2003/01/roberts.htm>

Sheldon L. R. U. S. Conduct in the Middle East Since World War II and the Folly of Intervention. URL: http://www.cato.org/pub_display.php?pub_id=1019&full=1

Siracusa J. M. The Night Stalin and Churchill Divided Europe: The View from Washington // The Review of Politics. 1981. Vol. 43, № 3. P. 381–409.

Westad O. A. The New International History of the Cold War: Three (Possible) Paradigms // Diplomatic History. 2000. Vol. 24. № 4. P. 551–565.

Woodhouse C. M. Early British Contacts with the Greek Resistance in 1942 // Balkan Studies. 1971. Vol. 12. № 2. P. 347–363.

Xydis S. G. Greece and the Yalta Declaration // American Slavic and East European Review. 1961. Vol. 20. № 1. P. 6–24.

Арабаджян З. А. Давление США на СССР и достижение договоренностей о выводе советских войск // Иран: ислам и власть: сб. ст. / Рос.

акад. наук, Ин-т востоковедения; отв. ред.: Н. М. Мамедова, М. Санаи. М., 2002. С. 207–219.

Баева И. Отношенията България – САЩ в годините на студената война // Международни отношения. 2003. № 4. С. 83–95.

Безыменский Л., Горлов С. Накануне. Переговоры В. М. Молотова в Берлине в ноябре 1940 года // Международная жизнь. 1991. № 8. С. 104–119.

Беляков В. В. Из Европы в Европу – через Африку. Египетская перевалочная база репатриации бывших советских военнопленных (1944–1945) // Восточный архив. 2004. № 11–12.

Валева Е. Л. България в годините на Втората световна война // България в XX век. Очерци на политическата история. М., 2003. С. 262–301.

Валева Е. Л. Движение на Съпротивлението в България: национална специфика // Славянският свят в епохата на войни и конфликти XX век. М., 2011. С. 366–386.

Валева Е. Л. На пресекот на геополитичките интереси на големите држави, 1939–1941 // България в XX век. Очерци на политическата история. М., 2003. С. 230–261.

Валиахметова Г. Н. Нефтяните аспекти на войната во Ирак во 1941 г. // Восток. 2009. № 3. С. 70–79.

Васильев А. М. Саудовска Арабия и Втората световна война // Азия и Африка днес. 2005. № 8. С. 49–63.

Васильева Н. СССР и проблемот на мирното уредување со Бугарија по Втората световна война // Бугарија во сферата на советските интереси. Кръгли маси «Советскиот фактор во развојето на Бугарија след 9 септември 1944 година», «Коминтернът, Коминформбюро и Бугарија». София, 21–23 април 1997 г. София, 1998. С. 14–22.

Величков Л. Дейноста на бугарската изстребителна авиација при отбраната на София. / Л. Величков. URL: http://clubspisarevski.org/p_publications.php?id=5.

Вигандт Н. А. Политика во Великотретијана, СССР и САЩ во Иран во 1942–1946 г. // Великотретијана и САЩ во XIX–XX век: политика, дипломатија, историографија: меѓувз. сб. науч. статии / под ред. Д. В. Ли-харева. Уссурийск, 1997.

Волков В. К. Советско-југословенските односи во почетниот период на Втората световна война во контекстот на светските настани (1939–1941 години) // Советско славјанство. 1990. № 6. С. 3–17.

Волков В. К. У истоков концепции «социалистического лагеря» // У истоков «социалистического содружества»: СССР и восточноевропейские страны в 1944–1949 гг. М., 1995. С. 11–22.

Володарский М. И. Буржуазная историография истории советско-иранских отношений // Народы Азии и Африки. 1969. № 2. С. 179–186.

Волокитина Т. В. Болгария на этапе народной демократии (1944–1948) // Болгария в XX в.: Очерки политической истории / отв. ред. Е. Л. Валева. М., 2003. С. 302–357.

Георгиев Н. Мисията на Стойчо Мошанов през август 1944, опит за нов прочит / Н. Георгиев // Международна политика. 2005. Кн. 3. С. 87–120.

Гибианский Л. Я. Проблемы балканских стран на Потсдамской конференции // Международные отношения на Балканах. Балканские исследования. Вып. 1. М., 1974. С. 276–315.

Гибианский Л. Я. Борьба за утверждение и международное признание новой Югославии в период освобождения страны от фашистской оккупации (осень 1944 – весна 1945 гг.) // Etudes balkaniques. 1972. № 2. С. 26–44.

Гибианский Л. Я. Введение // У истоков «социалистического содружества»: СССР и восточноевропейские страны в 1944–1949 гг. М., 1995. С. 3–10.

Гибианский Л. Я. Вопрос о Болгарии, Румынии и Венгрии на Крымской конференции // Советское славяноведение. 1982. № 2. С. 9–22.

Гибианский Л. Я. Идея балканского объединения и планы её осуществления в 40-е годы XX века // Вопросы истории. 2001. № 11–12. С. 38–56.

Гибианский Л. Я. Исследования политики СССР в Восточной Европе в конце второй мировой войны и в первые послевоенные годы // Вопросы истории. 2004. № 6. С. 148–160.

Гибианский Л. Я. К истории советско-югославского конфликта 1948–1953 гг. Секретная советско-югославо-болгарская встреча в Москве 10 февраля 1948 года // Советское славяноведение. 1991. № 3. С. 12–13; № 4. С. 27–37; 1992. № 1. С. 42–56; Славяноведение. 1992. № 3. С. 35–51.

Гибианский Л. Я. Коминформ в действии, 1947–1948 гг. По архивным документам // Новая и новейшая история. 1996. № 1. С. 148–170.

Гибианский Л. Я. Подготовка Крымской конференции и позиции СССР, Англии и США в отношении Болгарии, Румынии и Венгрии // Советское славяноведение. 1981. № 4. С. 15–28.

Гибианский Л. Я. Проблемы международно-политического структурирования Восточной Европы в период формирования советского блока в 1940-е гг. // Холодная война: новые подходы, новые документы. М., 1995. С. 99–126.

Гибианский Л. Я., Зеленин В. В. СССР и борьба югославских трудящихся за народную республику (1941–1945 гг.) // Советское славяноведение. 1970. № 6. С. 7–26.

Гибианский Л. Я. Югославия перед лицом фашистской агрессии и Советский Союз // Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг. / отв. ред. В. К. Волков, Л. Я. Гибианский. М., 1999. С. 405–501.

Гибианский Л. Я. Югославский кризис начала 1941 года и Советский Союз // Война и политика, 1939–1941. М.: Наука, 1999. С. 207–225.

Гибианский Л. Я. От первого ко второму совещанию Коминформа // Совещания Коминформа, 1947, 1948, 1949. Документы и материалы. М., 1998. С. 362–373.

Голуб Ю. Г. 1941: Иранский поход Красной Армии. Взгляд через годы // Отечественная история. 2004. № 3. С. 20–28.

Горелик М. Роковая ошибка Сталина // Новое время. 1998. № 18. С. 38–40.

Егорова Н. И. «Иранский кризис» 1945–1946 гг. по рассекреченным архивным документам // Новая и новейшая история. 1994. № 3. С. 24–42.

Егорова Н. И. Формирование концепции национальных интересов США на Ближнем и Среднем Востоке, 1944–1946 // США и внешний мир: материалы IV науч. конф. Ассоциации изучения США. М., 1997. С. 23–33.

Зеленин В. В., Романов В. Е. Действия СССР на международной арене в поддержку югославского народно-освободительного движения // Советское славяноведение. 1983. № 4. С. 28–42.

Земсков И. О. О так называемом «разделе» Югославии на «сферы влияния» // Международная жизнь. 1958. № 8. С. 72–83.

Зыбина А. Г. Планы создания «Великой Сирии» и «Благодатного полумесяца» в годы второй мировой войны // Арабские страны. История: сб. ст. / ред. кол.: Е. А. Лебедев и др. М., 1963. С. 123–134.

Иванов М. С. К истории ограбления Ирана Англо-Иранской нефтяной компанией // Вопросы истории. 1952. № 5. С. 103–116.

Калинин А. А. Политика Великобритании и США в отношении Греции в 1939–1941 гг. // Вестник ВятГГУ. 2005. № 13. С. 46–59.

Квашнин Ю. Д. Советско-греческие отношения в 1936–1940 гг. по материалам советских дипломатических документов // Вестник Московского университета. Сер. 8, История. 2008. № 4. С. 3–15.

Кириленко Г. В. Нефть во второй мировой войне // Военно-исторический журнал. 1987. № 12. С. 32–40.

Климентов В. П. Переворот 1 апреля в Ираке и тридцатидневная война // Восток. 2001. № 3. С. 49–53.

Колобов О. А. Механизмы формирования политики Соединённых Штатов Америки по отношению к Израилю и арабским странам в 1947–1985 гг. // Международные отношения. Изб. труды. Н. Новгород, 1998.

Корнилов А. А. Англо-американские противоречия на Ближнем Востоке в годы второй мировой войны // Актуальные проблемы американистики: сб. статей. Н. Новгород, 1996. С. 66–75.

Косик В. И. Опыт истории страны, которой не было (Сербия в 1918–1941 гг.) // Славяноведение. 2002. № 5. С. 22–35.

Костин А. А. Освобождение Югославии и позиция американской дипломатии (1944 г.) // Вестник ВятГГУ. 2003. № 9. С. 42–47.

Костин А. А. Отношение США к возможности союзной высадки на Балканах (1943 г.) // Вестник ВятГГУ. 2004. № 10. С. 11–16.

Костин А. А. Реакция США на «процентное соглашение Черчилля – Сталина» 9 октября 1941 года // Вестник ВятГГУ. 2002. № 6. С. 125–128.

Котев Н. Някои неизяснени моменти около англо-американската бомбардировъчна офанзива срещу България (1943–1944 г.) // Известия на ИВИ-ГЩ и Военноисторическото научно дружество. 1989. Т. 48. С. 72–108.

Котев Н. Американското разузнаване в България (1939–1945 г.) // Известия на ИВИ-ГЩ и Военноисторическото научно дружество. 1992. Т. 54. С. 82–93.

Котев Н. Англо-американските стратегически концепции в годините на Втората световна война и мястото на «Балканския вариант» // Известия на ИВИ-ГЩ и Военноисторическото научно дружество. 2002. Т. 67. С. 63–80.

Котев Н., Николов Р., Петров Л. България и българската армия през Втората световна война – хроника на събитията // Военен журнал. 1995. Кн. 1. С. 90–96.

Котев Н. Шифровани информации на Българските военни аташета в годините на втората световна война // ГУА. Известия на държавните архиви. 2007. Т. 93. С. 172–203.

Кочкин Н. В. СССР, Англия, США и «Турецкий кризис» 1945–1947 гг. // Новая и новейшая история. 2002. № 2. С. 58–77.

Кульков Е. Н. Кризис союза агрессоров. URL: http://oknatass.ru/common/upload/files/Krizis_soyuza_agressorov.pdf

Лебедев Н. И. «Балканский вариант» англо-американской стратегии в период второй мировой войны // Новая и новейшая история. 1959. № 5. С. 41–60.

Марьина В. В. 1944–1945 годы: ждали ли русских в Восточной Европе? // Славяноведение. 1999. № 1. С. 60–75.

Марьина В. В. Г. Димитров и кремлевские вожди. 1934–1948 гг. (Свидетельства Дневника Г. М. Димитрова) // Международный исторический журнал. 2000. № 12. URL: http://history.machaon.ru/all/number_12/istori4e/dimitrov/index.html

Миланова С. Московското решение от 1945 г. за представителността на българското правителство – дипломатически изход или политически камуфлаж // България в сферата на съветските интереси. Кръгли маси «Съветският фактор в развитието на България след 9 септември 1944 година», «Коминтернът, Коминформбюро и България». София, 21–23 април 1997 г. София, 1998. С. 23–30.

Милкова Ф. Чрезвычайное законодательство в Болгарии в 1924–1944 гг. // Советское славяноведение. 1971. № 5. С. 24–30.

Мунтян М. А. Антигитлеровская коалиция: достижения и проблемы союзнического партнёрства // 65 лет Великой Победы: в 6 т. Т. 3. М., 2010. С. 36–51. URL: <http://victory65.mgimo.ru/vol3/book31/150740.phtml>

Наринский М. М. Как это было // Другая война: 1939–1945 / под ред. Ю. Н. Афанасьева. М., 1996. С. 32–59.

Наринский М. М. Советское руководство и проблема границ и сфер влияния в 1941–1946 гг. // Вестник МГИМО университета. 2008. № 3. С. 3–13. URL: <http://victory65.mgimo.ru/vol3/book31/150751.phtml>

Оришев А. Иран: Август 1941-го // Африка и Азия сегодня. 2005. № 7. С. 51–57.

Парсаданова В. С. Армия Андерса на территории СССР (1941–1942) // Новая и новейшая история. 1988. № 5. С. 173–192.

Пелипась М. Я. Суэцкий кризис 1956 г. // Холодная война. 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива: сб. ст. / отв. ред. Н. И. Егорова, А. О. Чубарьян. М., 2003. С. 543–584.

Петров П. С. Фактическая сторона помощи по ленд-лизу // Военно-исторический журнал. 1990. № 6. С. 34–39.

Печатнов О. В. От союза – к вражде (Советско-американские отношения в 1945–1946 гг.) // Холодная война. 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива: сб. ст. / отв. ред. Н. И. Егорова, А. О. Чубарьян. М., 2003. С. 21–64.

Полегаев Г. Югославы и Коминтерн // Архивы раскрывают тайны... М., 1991. С. 349–363.

Почхверия Б. М. Советско-турецкие отношения и проблема Проливов накануне, в годы Второй мировой войны и послевоенные десятилетия // Россия и Черноморские проливы (XVIII–XX столетия). М., 1999. С. 437–506.

Прибылов В. И. Почему ушла армия Андерса // Военно-исторический журнал. 1990. № 3. С. 29–37. URL: http://katynbooks.narod.ru/vizh/1990-03_01.html

Ревякина Л. България в съветската външна политика в началния период на Втората световна война / Л. Ревякина // Русия и България – между «филството» и «фобството». Материали от научните конференции «Русия и Европа през XX век» и «Русия в Българската история». София, 2009. С. 258–272.

Ристе О. Советские порты в северной Норвегии? Устройство мира по Рузвельту, цели Советского Союза в войне и Норвегия в 1942–1943 гг. // Историческая наука на рубеже веков: сб. науч. ст. М., 2001. С. 85–105.

Робертс Дж. Сферы влияния и советская внешняя политика в 1939–1945 гг.: Идеология, расчет и импровизация // Новая и новейшая история. 2001. № 5. С. 75–91.

Романов В. Е. Советский Союз и новая Югославия. Сентябрь 1944 – май 1945 гг. // СССР и страны Европы. Внешнеполитические проблемы / под ред. В. Я. Сиполса. М., 1982. С. 113–138.

Сальков А. П. СССР и национально-территориальное переустройство в Юго-Восточной Европе (1938–1941 гг.) // Отечественная история. 2003. № 3. С. 71–83.

Сальков А. П. Территориальная проблема в болгаро-югославских отношениях. 1919–1949 гг. // Вопросы истории. 2008. № 5. С. 46–63.

Сальков А. П. Урегулирование проблемы Южной Добруджи (1939–1947 годы) // Новая и новейшая история. 2005. № 5. С. 65–78.

Саркисов Е. Англо-американские противоречия в Иране и их обострение после второй мировой войны // Известия Академии наук Армянской ССР. Общественные науки. 1952. № 1. С. 19–36.

Сиполс В. Я. Ещё раз о дипломатической дуэли в Берлине в ноябре 1940 г. // Новая и новейшая история. 1996. № 3. С. 145–161.

Смирнов В. П. Вторая мировая война и Коминтерн. 1939–1941 гг. (по архивным документам) // Новая и новейшая история. 1996. № 3. С. 21–36.

Смирнова Н. Д. Вопрос о болгаро-греческом разграничении на международных конференциях (1945–1947 гг.) // България в сферата на съветските интереси. Кръгли маси «Съветският фактор в развитието на България след 9 септември 1944 година», «Коминтернът, Коминформбюро и България». София, 21–23 април 1997 г. София, 1998. С. 131–139.

Смирнова Н. Д. Политика США в Греции (1943–1945) // Новая и новейшая история. 1984. № 1. С. 44–62.

Смирнова Н. Д. Политика США в Греции (к истории появления одного документа Госдепартамента) // Из истории Европы в новое и новейшее время. К 100-летию со дня рождения академика И. М. Майского / отв. ред. А. М. Самсонов. М., 1984. С. 231–244.

Соколов В. В. Посол СССР Ф. Т. Гусев в Лондоне в 1943–1946 годах // Новая и новейшая история. 2005. № 4. С. 102–128.

Суржик Д. Борьба за саудовскую нефть (с момента открытия до 1945 года). URL: <http://old.it2b.ru/it2b2.view11.page7.html>

Тошев Л. Признанието на Стойчо Мошанов. URL: <http://www.mediapool.bg/признанието-на-стойчо-мошанов-news191411.html>

Тошев Л. Тайните контакти между България и САЩ през 1943 г. URL: <http://www.mediapool.bg/тайните-контакти-между-българия-и-сащ-през-1943-г-news192765.html>

Тошкова В. Советские геостратегические замыслы на Балканах в 40-е гг. XX в. (по материалам Национального архива США) // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX в. СПб., 2002. С. 307–323.

Тошкова В. СССР в проекте на САЩ за следвоенното устройство на Източна Европа (1941–1947) // България и Русия през XX век. Българо-руски научни дискусии. София, 2000. С. 330–345.

Улунян А. А. Греция и Турция: Взгляд из аппарата ЦК ВКП(б)/КПСС, 1946–1958 гг. (К постановке проблемы) // Сталин и «холодная война». М., 1997. С. 23–43.

Фельдман Д. Из истории Международного признания НКОЮ // Вопросы истории. 1955. № 12. С. 96–101.

Фогель Д. Германия и Юго-Восточная Европа // Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. М., 1996.

Френкель М. Ю. Африка и Ближний Восток в стратегии Германии в 1940–1942 гг. // Восток. 1995. № 1. С. 147–158.

Френкель М. Ю. Второй фронт в Европе или Африке? Неизвестные страницы истории // Восток. 1995. № 3. С. 105–114.

Чевтаев А. Г. Позиция США и Англии в отношении Турции (ноябрь 1942 г. – декабрь 1943 г.) // Американский ежегодник. 1978. М., 1978. С. 69–93.

Чучкалов А. В. США и проблема эвакуации поляков из СССР в Иран в 1942 г. // Международные отношения в XX веке: сб. науч. ст. Вып. 2. Киров, 2009. С. 138–149.

Чучкалов А. В. Американская дипломатия и подготовка торгового соглашения между США и Ираном 1943 г. // Международные отношения в XX веке. Киров, 2007. С. 91–120.

Штолер М. Второй фронт в стратегии и дипломатии союзников: август 1942 – октябрь 1943 г. // Новая и новейшая история. 1988. № 5. С. 58–76.

Щевелев С. С. США и проблема Палестины во время Второй мировой войны. URL: http://community.livejournal.com/our_israel_ru/592769.html

Этингер Я. Арабский мир и метастазы нацизма. URL: http://maof.rjews.net/index.php?option=com_content&task=view&id=10363&Itemid=1

Юнгблюд В. Т. «Образы российской империи» и внешнеполитическое планирование в США в 1944–1945 гг. // США. Канада: экономика, политика, культура. 1998. № 6. С. 66–78.

Юнгблюд В. Т., Костин А. А. Стратегия информационно-психологической войны и югославская политика США в 1946–1947 гг. // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. 2011. № 131. С. 9–24.

Диссертации

Macris B. J. The Foreign Policy of the Metaxas Regime, 1936–1941: A Dissertation Submitted to the faculty of the Graduate school in partial fulfillment of the requirements for the degree Doctor of Philosophy in the Department of History. Bloomington (Indiana), 1979.

Любин Д. М. Ввод Красной Армии в Иран летом-осенью 1941 года: Причины, осуществление, последствия: дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2005.

Справочные и энциклопедические издания

Справочник по истории Коммунистической партии и Советского Союза 1898–1991. URL: <http://www.knowbysight.info/RRR/04499.asp>

Электронная еврейская энциклопедия – ЭЕЭ. URL: <http://eleven.co.il/>

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- МО – Группа психологических операций УСС (Morale Operations)
SI – Секретная разведка УСС (Secret Intelligence)
SO – Группа специальных операций УСС (Special Operations)
USAFIME – Американские вооружённые силы на Среднем Востоке
(U.S. Army Forces in the Middle East)
АВНОЮ – Антифашистское вече народного освобождения Югославии
АИНК – Англо-иранская нефтяная компания
АКК – Американский Красный Крест
АФЖ – Антифашистский фронт женщин
БЗНС – Болгарский земледельческий народный союз
БЗНС-НП – Болгарский земледельческий народный союз – «Никола Петков»
БНК – Болгарский национальный комитет
БРП – Болгарская рабочая партия
БРП(к) – Болгарская рабочая партия (коммунистов)
БРСДП – Болгарская рабочая социал-демократическая партия
БРСДП(о) – Болгарская рабочая социал-демократическая партия («объединённая»)
ВКП(б) – Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВНС – Великое народное собрание Болгарии
ГА ООН – Генеральная Ассамблея Организации Объединённых Наций
ГКО – Государственный комитет обороны СССР
ГРУ – Главное разведывательное управление СССР
ГУГБ – Главное управление государственной безопасности НКВД СССР
ДПА – Демократическая партия Азербайджана
ЕКК – Европейская консультативная комиссия
ИККИ – Исполнительный комитет Коммунистического Интернационала
ИПК – Ирак Петролеум Компани
КПГ – Коммунистическая партия Греции
КПЮ – Коммунистическая партия Югославии
ЛАГ – Лига арабских государств
МИД – Министерство иностранных дел

НК ОФ – Национальный комитет Отечественного Фронта Болгарии
НКВД – Народный комиссариат внутренних дел СССР
НКГБ – Народный комиссариат государственной безопасности СССР
НКВД – Народный комиссариат иностранных дел СССР
НКОЮ – Национальный комитет освобождения Югославии
НОАЮ – Народно-освободительная армия Югославии
НОПА – Народно-освободительная повстанческая армия Болгарии
ОАНЛК – Военно-морская комиссия по ликвидации (транслитерация OANLC – Office of the Army-Navy Liquidation Commission)
ОБД – Отдел ближневосточных дел Госдепартамента США
ОЗНА – Отделение защиты народа Югославии
ОКНШ – Объединённый комитет начальников штабов англо-американских союзников
ОЛЛА – Офис Администрации ленд-лиза (транслитерация OLLA – Office of Lend-Lease Administration)
ОСД – Отдел средневосточных дел Госдепартамента США
ОФ – Отечественный Фронт Болгарии
ОФЛК – Офис уполномоченного по ликвидации заграничной собственности США (транслитерация OFLC – Office of the Foreign Liquidation Commissioner)
ПГК – Команда Армии США в Персидском заливе (транслитерация PGK – Persian Gulf Command)
ПГСК – Команда обслуживания Армии США в Персидском заливе (транслитерация PGSC – Persian Gulf Service Command)
ПЭЙФОРС – Вооружённые силы Великобритании в Персии и Ираке (транслитерация PAIFORCE – Persia and Iraq Force)
ПЭЭА – Политический комитет национального освобождения Греции (транслитерация ПЕЕА – Πολιτική Επιτροπή Εθνικής Απελευθέρωσης)
РККА – Рабоче-Крестьянская Красная Армия
РПЦ – Русская православная церковь
СБ ООН – Совет Безопасности Организации Объединённых Наций
СВОК – Стандарт Вакуум Ойл Компани»
СВЦС – Средневосточный центр снабжения англо-американских союзников (MESC – Middle East Supply Centre)
СКК – Союзная контрольная комиссия
СМИ – Средства массовой информации
СМИД – Совет министров иностранных дел

- СНК – Совет народных комиссаров СССР
- СОК – Сиборд Ойл Компани
- СОС – Служба снабжения армии США (транслитерация SOS – Service of Supply)
- СТУ – Советское транспортное управление
- ТАСС – Телеграфное агентство Советского Союза
- ТИЖД – Трансиранская железная дорога
- УБАД – Управление ближневосточных и африканских дел Госдепартамента США
- УСО – Управление специальных операций (Великобритания)
- УСС – Управление стратегических служб (США)
- ФДР – Франклин Делано Рузвельт
- ЦК – Центральный комитет
- ЭАМ – Национально-освободительный фронт Греции (транслитерация ΕΑΜ – Εθνικό Απελευθερωτικό Μέτωπο)
- ЭДЭС – Национальная республиканская греческая лига (транслитерация ΕΔΕΣ – Εθνικός Δημοκρατικός Ελληνικός Σύνδεσμος)
- ЭККА – Национальная социалистическая освободительная группа Греции (транслитерация ΕΚΚΑ – Εθνική και Κοινωνική Απελευθέρωσις)
- ЭЛАС – Народно-освободительная армия Греции (транслитерация ΕΛΑΣ – Ελληνικός Λαϊκός Απελευθερωτικός Στρατός)
- ЮНРРА – Администрация помощи и восстановления Объединённых Наций (транслитерация UNRRA – United Nations Relief and Rehabilitation Administration)

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Ааронс М. 413
Аззам-бей А. Рахман 414
Ала Х. 394
Александр I Карагеоргиевич 28
Аппен Дж. В. 218, 369, 385, 394–396
Аль Алями М. 452
Амен М. 349
Амери Дж. 83
Ангелов Р. 429
Андерс В. 216, 224
Аникеев А. С. 330
Апайдын З. 59
Арабаджян З. А. 79
Арас Р. 57
Атай Ф. Р. 185
Ататюрк М. К. 56
Атертон Р. 167
Ахи М. 385
Ачесон Д. 324–325, 345–346, 349, 376, 396, 413–414

Б

Бёрл А. 257
Бёрнс Дж. М. 50
Бёрсли 378
Багиров М. Дж. 406
Багрянов И. 134–136
Байдур Х. 213
Бакстон Э. 321
Бакулин И. Н. 404
Балабанов Н. 131
Бальфур Дж. 94, 351, 368
Баранов Л. 356
Барзани М. 406–407
Бармин А. Г. 40
Барнс М. 306–307, 309, 312–313, 317
Басбас Дж. 157
Батлер Р. 91
Бевин Э. 327, 344, 353, 390, 404, 407, 409
Бен-Гурион Д. 94, 118

Бережков В. 84
Берия Л. П. 232
Биддл Э. Д. 142, 165
Биндари-паша М. 404
Бирнс Дж. 308–309, 311, 325, 327, 343–344, 348, 352–353, 371–372, 374, 376, 389, 390, 392, 403
Богомолов А. Е. 142
Божилев Д. 129, 134
Болтон Ф. 390
Ботев Х. 125, 126
Браун Э. 33, 37
Брук А. 192–193
Буллард Р. В. 221
Буллит У. 143
Бут Д. П. 387
Бьюхайт Р. 253
Бэйтс Дж. 390

В

Вагнер Р. 254–255
Вайнант Дж. Г. 83, 190, 386
Валева Е. Л. 125
Вейцман Х. 252, 257
Венизелос С. 157, 174
Вивиан Р. 223
Вильсон Э. 368, 372–375
Виноградов С. А. 186, 212–213, 367, 372, 374–375
Влавианос Б. 165–166
Волков В. К. 35
Волокитина Т. В. 310
Вудхауз К. М. 160
Вулгарис П. 341
Вышинский А. Я. 44, 132, 146, 176–177, 222, 311–312, 380–381, 393, 408

Г

Гаврилович М. 30, 38
Гайлани Р. А. аль 89–91, 93, 96
Галифакс В. Э. 71, 246
Гаммель Дж. 425
Гарднер Л. 15, 251, 253, 262, 408–409, 411–412
Гарриман А. 132, 146–147, 149, 153, 178, 184, 247, 252, 259, 304, 311, 323, 368, 388, 410, 455, 460
Гасанлы Дж. 373

Гендерсон Л. 250, 347, 373, 375, 378–379, 389, 396, 400, 413
Георг VI 50, 251
Георгиев К. 312
Георгиос II 47, 49, 51, 157, 164–171, 174–175, 339, 340, 344–345
Гиббианский Л. Я. 15, 21, 31, 35, 38, 330
Гитлер А. 11, 18, 22–23, 28, 30, 32, 34, 36–39, 46, 48, 53, 69–70, 74, 85–86, 98, 138, 141, 153, 204
Голиков Ф. И. 24
Голиченков А. 331–333
Голль Ш. де 251, 353
Голубич М. 35
Гопкинс Г. 50, 154, 188, 190, 206
Горелик М. 417
Горичар И. 29
Грейди Г. 342
Грол М. 321, 323
Громыко А. А. 91, 354, 380, 384, 405, 417
Гроуз П. 92
Грю Дж. 346, 368, 383
Гуревич Дж. 244, 401
Гусев Ф. Т. 175–177

Д

Давтян (Давыдов) Я. Х. 40
Даллес А. 272
Дамаскинос (архиепископ Афинский) 340, 343
Де Сантис Х. 154, 417
Деканозов В. Г. 43, 85, 216, 258
Деспотопулос 160
Джедуин 131
Джернеган Дж. Д. 218, 219, 223
Джилас М. 323
Дзимас А. 172
Диамантопулос С. 44, 165
Димитров (Гемето) Г. М. 125, 307
Димитров Г. М. 23, 125, 136, 143, 172, 178–179, 309, 311, 315, 317, 355
Долтон Х. 35
Донован У. 24, 27, 32–35, 37, 48–50, 69, 140, 158–159, 162–164, 252, 321
Дрейфус Л. 83, 85–86, 219, 221, 223

Е

Ерёмин А. 402
Ершов П. 380

Ж

Желязков Д. 136

З

Захариadis Н. 355

Зейц А. 145

Зервас Н. 156–157, 159–160, 162

Зечевич В. 320

Зорин Л. И. 226

И

Ибн Сауд Абд аль Азиз 245

Иден Э. 50, 83, 144, 168, 173, 175–177, 186, 190, 196, 207–208, 243, 249, 363, 386

Икес Г. 244

Инёню М. И. 56, 58–59, 61–62, 69, 130, 187–188, 197–199, 202–209, 212, 363, 368, 373, 381

Иоаннидис 355

Й

Йованович С. 140

К

Кёртис Р. 92

Кавам ас Салтане А. 393–394, 396

Кавтарадзе С. 232, 415

Кадоган А. 174

Калинин М. И. 216

Калинова Е. 136

Кальберстон У. 256

Канелопулос П. 281

Каргин И. В. 227

Карпат К. 58

Карталис Г. 160

Кеннан Дж. 234, 235, 250, 319, 335, 337, 373, 407

Керр А. Кларк 132, 176–177, 351–352, 386

Кирк А. 87, 152, 236–237, 239–240

Кирк Дж. 91, 235, 247

Кирпатрик А. 400

Кирсанов С. П. 428

Киссинджер Г. 153

Клейтон У. 346

Кнабеншуэ П. 89–90

Кобецкий М. В. 40
Кожевников Н. А. 323
Колер Ф. 156, 166
Колко Г. 399, 401
Колко Дж. и Г. 246, 260, 407, 411
Комптон Р. 254
Коннолли Д. 219, 226–227
Корнейчук А. Е. 173
Косанович С. 321
Костов Т. 429
Костырченко Г. 417
Кочкин Н. В. 374
Козн М. 255
Криппс Р. С. 88
Крэйн Д. 307, 308–309
Кунихолм Б. 87, 175, 199, 223, 248
Куюмжийский А. 131–132
Кьосеиванов Г. 20–21
Кэмпбелл Р. 85, 236
Кэннон К. 141, 153–154

Л

Лавджой Дж. М. 385
Лаврищев А. А. 354, 381
Лазарев А. И. 40, 44–45
Лафибер У. 407
Лебедев В. З. 35
Леги У. 195
Ленцовски Дж. 236, 245, 413
Липер Р. 169, 174
Литвинов М. М. 41, 173, 258, 415
Литл М. 73, 385
Ловетт Р. 413
Лорейн П. 56
Лофтус Дж. А. 386, 413
Лулчев К. 312
Лэйн А. Блисс 33
Лэндис Дж. 249
Люис У. 402

М

Магадам Х. 223
Майский И. М. 91, 94, 133, 144, 173, 216, 257–259

Маквей Л. 47–49, 146, 149, 160–162, 164, 168–170, 175, 338, 340, 345–347
Маклин Ф. 152
Макмюррей Дж. 57, 59, 62–63, 68, 70–71
Макракис М. 177
Максвелл Р. 237
Максимов М. А. 216
Мандт К. Е. 390, 397
Мануильский Д. З. 354
Мардам 90
Маркети 43
Маршалл Дж. 130, 189–193, 207, 270, 334, 381, 404, 409, 411
Масалин Дж. 145
Масри А. аль 238
Махир А. 89
Медведев Ж. 417
Меир Г. 417
Менеменджиоглу Н. 64, 187, 203, 205, 207–212, 374
Метаксас И. 39–40, 42–43, 47, 49–50, 164, 166
Микоян А. И. 227
Мильспо А. 219, 228, 397
Минор Г. 231
Мирриэм Г. 92, 254
Михайлов К. А. 216
Михайлов С. 258
Михайлович Д. 139–150, 152, 154
Молотов В. М. 13, 21, 23, 31, 35, 39, 41, 44, 46, 60–63, 77, 88, 128–129, 132, 133, 141, 152, 173–174, 178, 184, 186, 198–199, 212–213, 216–217, 222, 232, 309–311, 335, 351–352, 354–355, 357, 366–370, 380–381, 385–386, 390, 404, 407, 415
Моррис Л. Б. 383
Мосаддык М. 232
Моттер Т. 392
Мохаммед Реза Пехлеви 82, 85, 216
Мошанов С. 136
Муссолини Б. 48, 93
Мэнсфилд У. 145
Мэттьюс Ф. 344
Мэхэн А. 54
Мюррей У. 65–66, 73, 83–84, 166–167, 195–196, 218, 238–239, 249, 255, 258, 383–385, 389–390, 392, 407

Н

Нади Ю. 187
Наххас паша М. 238, 402
Нинчич М. 140
Новиков К. В. 351
Новиков Н. В. 13, 176, 402, 414
Нукраши М. 404
Нэтчбулл Хьюджессен Х. М. 59, 61, 69, 72, 188, 209–210

О

Оксли У. 309
Оуэн Р. 402

П

Пётр II Карагеоргиевич 28, 35, 140–142, 150, 154
Павел Карагеоргиевич 104
Папагос А. 49
Пападакис В. 42, 43
Пападимос Н. 45
Паландреу Г. 161–162, 174–177, 337–339
Пален Ф. фон 57, 69–70, 186–187, 198
Паркер Ф. У. 385
Парцалидис М. 351, 354–355
Пастухов К. 313
Паттерсон Р. П. 389
Паулюс Ф. 190
Пелипась М. 401, 411
Перович И. 104
Петков 307, 309, 312–313, 316–317, 424
Пинроуз С. 162
Пиромаглоу К. 160
Пишевари С. Дж. 395
Пластирас Н. 156, 341
Плотников В. А. 30
Политис А. 173, 358
Попов Г. М. 172, 176
Портер П. 349
Потёмкин В. П. 21, 58, 59
Поуэски Р. 234
Почхверия Б. М. 377
Проданович Я. 321
Псаррос Д. 156, 160
Пьерс Дж Р. 447

Р

- Райан Г. 170, 342
Райт Д. 254
Ранкович А. 356
Реза-шах Пехлеви 73, 78, 81–82, 84
Риббентроп И. фон 23, 44, 46, 62, 69–70, 77
Рибникар В. 321
Ридли К. 389, 397
Робшн Дж. М. 390
Родионов К. К. 353, 356–358
Роммель Э. 190
Рузвельт К. 240
Рузвельт Ф. Д. 19–20, 24, 26, 31–33, 36–38, 47–48, 50–52, 68–69, 74, 84, 86, 90, 92–94, 97, 122, 124, 126, 130–131, 133–134, 143–145, 147, 149–150, 153–154, 156, 158–159, 161, 164–171, 182–184, 186–193, 195–196, 199, 202, 206–210, 217, 220–226, 233–235, 238, 244–246, 248, 251–253, 255–259, 263, 304, 306, 339, 341, 363–365, 389, 400, 412–414, 455–458
Руссос П. 160, 178–179, 356
Рэнкин К. 343–344

С

- Садчиков И. В. 215, 324
Сад М. 216, 231–232, 384, 391
Саид Н. 67, 89, 405
Сайдам Р. 109
Сака Х. 365, 367, 372
Самыловский И. 258
Сараджоглу М. Ш. 57, 59–62, 64, 70–72, 186, 198–199, 202, 205–206, 212–213, 368, 374–375
Сарафис С. 158–160
Сарпер С. 366–368, 370
Сассон Э. 416
Сволос А. 176
Севахбоди А. 387
Сергеев М. Г. 40–43
Сергейчик М. 334
Сикорский В. 224
Силе П. 89
Симич Б. 35
Симович Д. 33, 35–37
Смирнов А. А. 216, 223
Смит У. 190, 379, 415
Смодлака И. 321

Соболев А. А. 23, 27
Солод Д. С. 251, 415
Сомервилл Дж. 193
Софулис Ф. 342–343, 353, 356
Сохейли А. 86, 216, 221
Спейсер Э. 235–236, 259
Стайнов П. 310
Сталин И. В. 11, 23, 35, 38–39, 44, 46, 53, 60–61, 79, 88, 97–98, 127, 129–130, 132–133, 140, 143, 145, 147, 151, 154, 172, 175, 178–179, 181, 186, 190, 196, 198–199, 203–204, 208, 212–213, 216–217, 224–225, 231–232, 234–235, 247, 251, 259, 261–262, 302, 306–308, 311–312, 322, 329–331, 335, 337, 350–351, 355, 357–358, 361, 363–365, 370, 372, 382, 388, 390, 393, 398, 404, 406, 409, 417, 453–458
Станкович Р. 104
Стаффорд Д. 158
Стеттиниус Э. 48, 50, 220, 245, 247, 255–257, 259, 338–339, 354, 384–385, 412
Стивенсон У. 37, 38
Стимсон Г. 190, 255
Стифенсон У. 37
Стоядинович М. 28
Стоянов П. 309
Стрэнг У. 196
Стэндли У. 222
Судоплатов П. А. 35
Султанов А. Ф. 251, 414, 417
Сульцбергер К. 169
Суриц Я. З. 216
Сюмер Н. 372–373
Сяндос Г. 172, 174

Т

Таги-заде С. 393
Тафт Р. 254
Терентьев А. В. 30, 88
Терпешев Д. 429
Тито И. Броз 34, 37, 128, 139–155, 172, 302, 320–332, 335–337, 356, 360
Токвиль А. де 10
Толбухин Ф. И. 424, 425
Толмин Дж. 163
Томпсон Л. 224
Трумэн Г. 307–308, 312, 317–318, 325, 330, 335–337, 341–342, 344–345, 347, 349–350, 359, 361–362, 369–371, 373, 379–380, 382, 388, 396, 399–400, 403, 405, 408–409, 411–414, 416, 418, 423, 460
Трумэн М. 326

У

Уайз С. 256
Уайнант Дж. 304
Уайнс Дж. К. 158–160
Уилки У. 223
Уиттнер Л. 342, 355
Улунян Ар. А. 356–357
Уманский К. А. 47, 85
Умари А. 250
Уоллес Д. 156
Уэллес С. 24, 47, 84, 140–141, 165, 238–240
Уэст П. 158, 161

Ф

Фарук I 238–239, 403
Фейс Г. 237
Фейсал 243, 257, 414
Феллерс Б. 239
Филов Б. 21, 24–25, 122
Флор Ф. 321
Фогель Д. 36
Форд Р. 223
Форрестоп Дж. 373, 413
Форуги М. А. 221
Фотич К. 32, 140–141, 325
Френкель М. 234
Фэриш Л. 145–146, 148

Х

Хёрли П. 220, 252–253
Хадас М. 163
Хазэвэй Р. 235, 244, 247, 401, 413
Хамзави А. 79
Хамруш А. 240
Хан П. 239–240, 403, 409
Хори Б. аль 374
Хорнер Дж. 317
Хоскинс Г. 252–254
Хоуэлл У. 406
Хусейни Х. А. аль 92–93
Хэлл К. 31, 37, 48, 68, 71, 83, 85, 90, 92–93, 128, 134, 140, 148–149, 153–154, 160, 162–163, 166–168, 175, 185, 195, 199, 208, 210, 222–223, 235, 240, 243, 245–246, 255, 393

Ц

Цалдарис К. 343, 348, 357
Цветкович Д. 28, 30, 32, 34
Цинцар Маркович А. 28, 30, 32
Цудерос Э. 160, 165–166, 173–174, 348

Ч

Чакмак Ф. 205, 209
Чернышев Н. 358
Черчилль У. 31, 37–38, 94, 126, 130–131, 147, 154, 158, 162, 164, 167–168, 171, 174–175, 178, 181–182, 184, 186, 189–200, 202–204, 206–210, 212, 214, 225, 235–236, 246–247, 262, 326, 338–339, 342, 350, 363–364, 369–370, 388, 413
Чешмеджиев Г. 309
Чубарьян А. О. 15, 40
Чубрилович В. 321, 324
Чэлтчи Р. 76

Ш

Шанц Г. 325, 328
Шаронов Н. И. 40
Шварцкопф Н. 389, 397
Шейестех М. 76, 83, 384
Шелдон Л. 244, 411
Штейнгарт Л. А. 84–85, 97, 187–188, 199, 202, 206–207, 210, 221–222, 367, 368
Штрандтман В. Н. 28–29
Шубашич И. 320–323, 325–326, 335–336
Шуменкович И. 30
Шутей Ю. 321, 323

Щ

Щиборин А. 258

Э

Эванс В. 447
Эдди У. 248
Эдсон Ч. 159
Эйхман А. 93
Элвелл-Саттон Л. 79, 385
Эллинг П. Г. 218
Энгерт К. Г. 74
Эрготт У. 157–158

Эркин Ф. Дж. 367, 375

Эрл Дж. Г. 21, 24, 122

Эртэгюн М. М. 64, 66

Этингер Я. 119

Эттли К. 342, 371

Ю

Югов А. 429

Юнгблюд В. Т. 97

Я

Ялчин Х. 367

Collision Course: the Policy of the USSR and the USA in the Balkans, the Near and Middle East in 1939–1947. – Kirov, 2014. – 510 p.

ISBN 978-5-498-00182-1

The present monograph is the result of the comparative analysis of the policy of the Soviet Union and the United States in Bulgaria, Yugoslavia, Greece, Turkey, Iran and the Arab East countries during the Second World War and post-war settlement. Having analyzed Russian archive materials, American documents and evidences from memoirs, the authors reconsidered some assessment of Moscow's and Washington's foreign-policy activity in the Balkans, the Near and Middle East directions, prevailing in the domestic and English historiography. With due account of the ongoing scientific debate, this collective study provides a regional interpretation of the main stages in the transformation of the Soviet and American policy in 1939–1947. It also defines the key factors that influenced adoption and implementation of Moscow and Washington decisions on problems of the Balkans, the Near and Middle East.

The study is intended for historians, political scientists, specialists in international relations and for all those interested in the history of Russian and U.S. foreign policy.

Научное издание

**Встречными курсами: политика СССР и США
на Балканах, Ближнем и Среднем Востоке
в 1939–1947 гг.**

Редактор *Т. Н. Котельникова*

Макет *Ю. В. Данг*

Дизайн обложки, вклейка *А. Ю. Чепурных*

Подписано к печати 26.12.2013 г.

Формат 60х84/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 32,0.

Тираж 1000 экз.

Заказ № 13313

Издательство

Вятского государственного гуманитарного университета,
610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26, т. (8332) 673-674
www.vggu.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета

в ООО «Кировская областная типография».

610004, г. Киров, ул. Ленина, 2. Тел/факс: (8332) 38-34-34

E-mail: print@printkirov.ru, www.printkirov.ru

